

Федеральное агентство научных организаций России
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
Государственная академия славянской культуры
Славянский фонд России

Славянский мир в третьем тысячелетии

**Ратный подвиг и мирный труд
в истории и культуре
славянских народов**

Москва 2015

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В., президент Славянского фонда РФ
Данченко С.И., доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН
Дель Гаудио С. Associated professor, Dr., член итальянской ассоциации славистов (AIS), Италия; PhD, доцент Института филологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко
Запека О.А., кандидат философских наук, проректор ГАСК по науке
Китанова М., PhD, доцент, зав. секции по этнолингвистике Института болгарского языка БАН, председатель комитета славистов Болгарии
Конёнкова А.К., кандидат культурологии, профессор, ректор ГАСК
Корина Н., PhD, профессор Университета Константина философа в Нитре, Словакия
Никифоров К.В., доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН, профессор МГУ
Пазю-Влазловска Д., PhD, зам. директора Института славистики ПАН, Польша
Узенева Е.С., кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Института славяноведения РАН, профессор ГАСК, зав. кафедрой славянских языков и культур (отв. редактор)
Хаванова О.В., доктор исторических наук, зам. директора Института славяноведения РАН, рук. Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время
Чепелевская Т.И., кандидат филологических наук, доцент, ст.н.с. Отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН, профессор ГАСК
Попов К.А., м.н.с. Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (ученый секретарь)

Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов / Отв. ред. Е.С. Узенёва.
М.: ИСл РАН, 2015. 457 с.

Десятый выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов» подготовлен по материалам международного научного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимого с 1991 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Славянским фондом РФ, Государственной академией славянской культуры.

Главной темой очередного выпуска стали семьдесят лет со дня окончания Второй мировой войны и победы СССР в Великой Отечественной войне – даты, несомненно, значимые для славянских народов, Европы, мирового сообщества. Авторы были объединены желанием внести личный вклад в более полное знание и понимание событий, последствий Второй мировой войны для народов России и Центральной и Восточной Европы, и сделали это в своей индивидуальной манере, обусловленной научной специальностью (историки, литературоведы, культурологи, лингвисты, этнологи, фольклористы), характером источников (архивные документы, художественные произведения, явления в языке, отражающие скорбный опыт народа) и особенностью исследовательских задач.

ISBN – 978-5-7576-0340-7

© Институт славяноведения РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Содержание

От редколлегии 6

I. Вторая мировая война: исторический факт и человеческая память

<i>Искендеров П.А.</i> Вторая мировая война и система международной безопасности	9
<i>Марьина В.В.</i> 1945 год: Освобождение Братиславы и Праги	22
<i>Валева Е.Л.</i> Советско-болгарские отношения на завершающем этапе Второй мировой войны	36
<i>Кимура К., Стыкалин А.С.</i> Венгрия и Югославия в 1945 г.: поиски путей преодоления противоречий между недавними военными противниками	46
<i>Аксенова Е.П.</i> Русский эмигрант о Великой Отечественной войне. Взгляд из Праги.	62
<i>Толстая М.Н.</i> Воспоминания о войне из Псковской области	72

II. Войны в судьбах славянских народов

<i>Кузнецова А.М.</i> Образ войны в «Славянской хронике» Гельмольда (XII в.).	94
<i>Фалькович С.М.</i> Постановления Венского конгресса 1815 г. по польскому вопросу и отношение к ним польского общества	102
<i>Калиганов И.И.</i> Болгария в преддверии Первой мировой войны (полемика К. Христова и И. Вазова с Л. Андреевым)	109
<i>Гуськова Е.Ю.</i> Сербь в необъявленной войне в конце XX века. «Сохраняйте улыбку – это стиль Белграда»	136
<i>Третьякова М.Ч.</i> Как в Македонии закончился военный конфликт в 2001 г. Охридский договор	146

III. Опыт посткоммунистической трансформации в славянских странах

<i>Задорожнюк Э.Г.</i> 25-летняя эволюция революций нового типа: от «бархатной» (1989 г.) к перманентной украинской (2013–2015 гг.)	157
---	-----

- Майорова О.Н.* 25 лет трансформации в Польше: плюсы и минусы 177
Коровицына Н.В. 35 лет революции Солидарности в Польше: история и современность 186

IV. Военная тема в славянских литературах

- Блудилина Н.Д.* Генезис и поэтика архетипа воина в древнерусской литературе 195
Куренная Н.М. Возвращение прошлого: Долгая дорога домой Василя Быкова 214
Пазио-Влазловска Д. Концепт *дом* в дневниках блокадного Ленинграда (на материале записей Ольги Берггольц) 224
Страховская И.Г. Товарищу Кореневу, поэту и человеку 234
Широкова Л.Ф. Словацкая проза о Второй мировой войне и ее место в литературном процессе 243

V. Политика, школа, культура рубежа XIX–XX вв.

- Кирилина Л.А.* Некоторые аспекты политической деятельности И. Хрибара в конце XIX – начале XX вв. 256
Чуркина И.В. Борьба за словенскую школу (вторая половина XIX – начало XX вв.) 266
Рего А.И. «Азбука угро-русского и церковно-славянского чтения» Августина Волошина 276

VI. Славянские народы и Россия

- Макарова И.Ф.* К вопросу о характере русофильства болгар в XVIII в. (по материалам книжности) 284
Данченко С.И. Из истории открытия Сербского подворья в Москве 298
Фролова М.М. Начало Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. и население Западной Македонии (по донесениям русского консула в Битоле В.А. Максимова) 308

VII. Языки и традиционная культура славян

- Легурска П.* Реалии и перевод 323

<i>Хаджихалилович С.</i> Русские и хорватские пословицы с названиями частей тела (историко-культурный и лингвистический анализ)	345
<i>Агапкина Т.А.</i> «Первое» дерево славянского дендрария: доминантные признаки в структуре символа	355
<i>Цанева Э.</i> Институт побратимства в традиционной культуре болгар: нормы общения и поведения	364
<i>Васева В.</i> Некрологи и сообщения о смерти у болгар в XIX в. как аксиологический источник	375
<i>Мичович М.</i> Негош и Андрич как мыслители: немного деталей (Проблема интерпретации)	387

VIII. Личный опыт ученого

<i>Будагова Л.Н.</i> Из воспоминаний о военном времени	402
<i>Данченко С.И.</i> Сараево – 1975. Воспоминания	417

IX. Россия и Западная Европа: взаимовлияние в архитектуре и искусстве

<i>Конёнкова А.К.</i> Западноевропейские традиции в русской архитектуре XVII в.	433
---	-----

X. Рецензии

<i>Лаптева Л.П.</i> Новая книга о русско-словацких связях в XIX в.: Miroslav Daniš, Vladimír Matula. M.F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava, 2014.	438
--	-----

XI. In memoriam

Памяти Риты Петровны Гришиной (25 марта 1930 г. – 19 мая 2015 г.)	448
--	-----

От редколлегии

В 2015 г. у редколлегии ежегодника не было сомнений, какую тему выбрать в качестве главной для очередного выпуска. Семьдесят лет со дня окончания Второй мировой войны и победы СССР в Великой Отечественной войне – даты, несомненно, значимые для славянских народов, Европы, мирового сообщества. Отдать дань памяти можно в разной стилистике и тональности. Авторы, предложившие свои статьи в тематические разделы, непосредственно посвященные горькому и радостному юбилею, были объединены желанием внести личный вклад в более полное знание и понимание событий, атмосферы, последствий Второй мировой войны для народов России, Центральной и Восточной Европы. Однако сделали они это в своей индивидуальной манере, обусловленной научной специальностью (историки, литературоведы, культурологи, лингвисты, этнологи, фольклористы), характером источников (архивные документы, художественные произведения, явления в языке, отражающие скорбный опыт народа) и особенностью исследовательских задач.

Из трех разделов тома, так или иначе посвященных войне – Великой Отечественной и вооруженным конфликтам разных эпох, – первый обращается к дихотомии исторического факта и человеческой памяти. Как советские войска освобождали Братиславу (В.В. Марьина), и чем была война в глазах русской эмиграции в Праге (Е.П. Аксенова), как складывались отношения между СССР и Болгарией перед концом войны (Е.Л. Валева), как Венгрия и Югославия в 1945 г. изживали последствия взаимной вражды (К. Кимура, А.С. Стыкалин), как события 1939–1945 гг. повлияли на создание системы международной безопасности (П.А. Искендеров), наконец, каков образ минувшей войны в сознании современных жителей одной из областей, непосредственно затронутых войной (на материале Псковской области – М.Н. Толстая).

Второй раздел – традиционный для ежегодника – посвящен самым разным войнам, сотрясавшим Европу задолго до XX в. или десятилетия после Второй мировой. Войны эпохи Средневековья служили целям обращения язычников в «истинную» веру (А.М. Кузнецова), Нового времени – задачам покорения народов и строительства империй, как это делал Бонапарт и победившие его державы – члены антинаполеоновских коалиций (С.М. Фалькович). Войны и их неминуемое приближение заставляли интеллектуалов отчаянно спорить о судьбах народов (И.И. Калиганов). Наконец,

на исходе прошлого столетия против целых народов могли вестись необъявленные войны (Е.Ю. Гуськова), а вооруженные конфликты на территории отдельных стран остаются мощным дестабилизирующим фактором (М.Ч. Третьякова).

Поскольку 2015 год – это не только год великого 70-летнего юбилея, но на него пришлись годовщины знаковых событий в Польше, Чехословакии и на Украине, статьи Э.Г. Задорожнюк, О.Н. Майоровой и Н.М. Коровициной выделены в особый раздел.

Военная тема подробно представлена в статьях о славянских литературах: исследуются генезис и поэтика архетипа война в древнерусской литературе (Н.Д. Блудилина), концепт «дом» в дневниках блокадного Ленинграда на материале записей Ольги Берггольц (Д. Пазио-Влазловская), словацкая проза о Второй мировой войне и ее место в литературном процессе (Л.Ф. Широкова), стихотворения поэта-фронтовика А.К. Коренева (И.Г. Страховская), последняя книга выдающегося белорусского писателя Василя Быкова, писавшего о войне (Н.М. Куренная).

Возвращаясь к традиционному для ежегодника кругу проблем, прежде всего – становлению национальных сообществ у славян, редколлегия выделила в особый раздел статьи, так или иначе связанные с ролью социальной политики, культуры, школы конца XIX – первой половины XX вв. Об этом рассказывается на словенском материале в статьях И.В. Чуркиной и Л.А. Кириловой, на украинском (русинском) – А.И. Рего.

Редкий выпуск ежегодника обходится без статей, посвященных связям славянских народов с Россией, поэтому рубрика со временем стала постоянной. В этом томе рассмотрены два болгарских сюжета – снижение у образованной прослойки болгарского общества (прежде всего духовенства) интереса к России в XVIII в. (И.Ф. Макарова), деятельность русских дипломатов на Балканах в канун войны 1875–1878 гг. (М.М. Фролова) и один сербский – роль Сербского подворья в Москве во второй половине XIX в. (С.И. Данченко).

В разделе «Языки и традиционная культура славян» собраны статьи, посвященные различным сферам и аспектам культурно-языкового пространства славянских народов. Здесь изучаются вопросы теории и практики перевода, место национально маркированной лексики в текстах в период глобализации на примере переводов рассказов болгарского писателя Йордана Йовкова с болгарского на русский язык (П. Легурска), проводится истори-

ко-культурный и лингвистический анализ русских и хорватских пословиц с названиями частей тела (С. Хаджихалилович), рассматриваются символика и доминантные характеристики главного дерева славянского дендрария дуба (Т.А. Агапкина), исследуется система ценностей у болгар на примере института побратимства (Э. Цанева) и некрологов, опубликованных в болгарской периодике XIX в. (В. Васева).

Историки, литературоведы в силу специфики их научной работы являются отличным наблюдателями, склонными помечать важные детали происходящего, восстанавливать в памяти далекие события и вписывать личный опыт в контекст событий, которым им довелось стать свидетелями. Это новый раздел ежегодника, в нем публикуются воспоминания Л.Н. Будаговой о детских годах, проведенных в эвакуации во время Великой Отечественной войны, и С.И. Данченко о конгрессе 1975 г. в Сараево.

В сборнике традиционно публикуются статьи по искусству. В разделе «Россия и Западная Европа: взаимовлияние в архитектуре и искусстве» А.К. Конёнкова представила новые материалы об англо-русских сферах взаимодействия в архитектуре.

В разделе рецензий авторитетный российский славист и историк славяноведения Л.П. Лаптева подобно анализирует новую книгу словацких коллег о М.Ф. Раевском.

Завершает том некролог Р.П. Гришиной – историк-болгаристу, более 50 лет трудившейся в Институте славяноведения РАН.

I. Вторая мировая война: исторический факт и человеческая память

П.А. Искендеров
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Вторая мировая война и система международной безопасности*

Abstract:

Iskenderov P.A. *World War II and the International Security System*

The article is devoted to the role of World War II in creating the contemporary international system. The author analyses the development in Europe in the twentieth – twenty-first centuries in the context of the two political and military blocks. Special attention is paid to the UN as a key international regulator and peacekeeping institute in the Balkans and other crisis regions.

Ключевые слова: Россия, Первая мировая война, Вторая мировая война, международные отношения, геополитика, Балканы, ООН.

Так уже сложилось, что в 2014–2015 гг. хронологически «сошлись» две важнейшие юбилейные даты в истории человечества – столетие начала Первой мировой войны и семидесятилетие окончания Второй мировой войны, решающим фронтом которой являлся советско-германский. Возникновение обоих военных пожаров имело свои объективные причины и внутреннюю логику, и ключевую роль здесь играли военно-политические и финансово-экономические интересы в Европе в целом и в отдельных ее регионах (среди них – балканском) великих держав, которые, «готовясь к кровавой схватке», в том числе «пытались заполучить на Балканах новых союзников». Вряд ли можно спорить с тем, что именно Балканский полуостров являлся «объектом непосредственной экспансии великих держав и был исходной

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 14-01-00264 « Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»).

базой для ее расширения в бассейне Средиземного моря, в Северной Африке, на Ближнем Востоке»¹. Сыграл свою роль и фактически признанный на Берлинском конгрессе 1878 г. отход великих держав от принципа сохранения статус-кво, а именно «неприкосновенности владений Османской империи: от нее в Европе осталось не так уж много»².

Но если Первая мировая война ознаменовалась, в первую очередь, крушением существовавших на момент ее начала двух ведущих европейских военно-политических блоков (Антанты и Тройственного союза) и распадом трех ведущих империй (Российской, Австро-Венгерской и Османской), то второй общемировой военный пожар, наоборот, имел своим непосредственным результатом возникновение новых линий противостояния и формирование военно-политических союзов, по своей мощи многократно превосходивших картину начала XX в. А созданная в ходе мирного урегулирования в 1945 г. международная система безопасности на многие десятилетия определила принципы современного мироустройства.

Ключевая роль в формировании подобной системы принадлежала состоявшейся в феврале 1945 г. в Ялте Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, на которой и были в целом согласованы принципы послевоенного устройства Европы. Эти принципы и, главное, уроки Ялты приобретают сегодня особую актуальность.

Продолжавшаяся неделю (с 4 по 11 февраля 1945 г.) Ялтинская конференция держав антигитлеровской коалиции стала последним подобным форумом в эпоху, которую принято именовать «доядерной». Следующая встреча лидеров СССР, США и Великобритании, состоявшаяся в Потсдаме в июле-августе 1945 г., прошла уже на фоне сообщений об успешном испытании американцами ядерной бомбы, которая спустя несколько дней была использована против японских городов Хиросима и Нагасаки. В Ялте же о новом разрушительном оружии и начале «атомной эры» речи не шло, и все внимание лидеров было сосредоточено на послевоенном европейском урегулировании.

В центре дискуссий оказалась проблема восстановления старых и проведения новых государственных границ в освобожденной Европе. Ее решение требовало серьезных уступок со стороны всех трех стран-участниц, поскольку речь шла, по сути, о

создании территориальной системы сдержек и противовесов между Востоком и Западом.

Ключевым в этом плане оказался польский вопрос, имевший особую остроту вследствие наличия в Польше двух правительств – признанного Советским Союзом и эмигрантского, находившегося в Лондоне. Благодаря тому факту, что польская территория была освобождена благодаря действиям Красной армии, Сталину удалось добиться от Вашингтона и Лондона согласия на создание в Польше «Временного правительства национального единства», на базе существовавшего там правительства – правда, «с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Со своей стороны, советский лидер пошел на уступки западным державам по другим вопросам – в частности, на Балканах. Сталин согласился не претендовать на участие в урегулировании ситуации в Греции, где вскоре вспыхнула кровопролитная гражданская война³.

Что же касается одного из наиболее сложных тогдашних вопросов в балканском регионе – югославского, то еще 9 октября 1944 г. Сталин и Черчилль в ходе переговоров в Москве достигли негласной договоренности о паритетном влиянии на события в этой стране (50% на 50%). Причем, инициатива подобного соглашения исходила от британского премьера. Вот как сам Уинстон Черчилль описывал данный эпизод на переговорах в своих мемуарах: «Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам - в Югославии?»⁴ Советский лидер ответил согласием.

Объективно подобное соглашение означало, что великие державы предоставляли различным политическим силам в самой Югославии самостоятельно решить вопрос о власти. В этой связи следует отметить, что к моменту начала Белградской операции Красной армии по освобождению Югославии на территории этой страны проводила активные боевые операции Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ), фактически добившаяся перелома в борьбе против местных коллаборационистов. Численность подразделений НОАЮ, занимавших к осени 1944 г. проч-

ные позиции в западных и центральных районах Сербии, составляла 350 тыс. человек. При этом, следуя логике невмешательства во внутривнутриполитическую борьбу в Югославии, командование Красной армии поддерживало контакты не только с НОАЮ, но и с лидерами четников Драже Михайловича. Последний заранее издал особый приказ, запретив своим подчиненным вступать в вооруженные столкновения с частями Красной армии.

Контакты Красной армии с четниками оказались эффективными, в частности, при освобождении сербского города Крушевац, когда четники сначала вынудили сдать находившийся там немецкий гарнизон, а затем передали пленных представителям Красной армии. Это стало возможным благодаря прямым переговорам, в которых приняли участие один из командиров четнических отрядов Драгутин Кесерович и представитель Красной армии полковник Патовкин.

Компромиссным стало и достигнутое в рамках Крымской конференции решение германской проблемы. Именно в Ялте было решено создать на территории поверженной Германии оккупационные союзнические зоны, которые позднее превратились сначала в ГДР и ФРГ, а на рубеже 1980–1990-х годов – в современную объединенную Германию.

Нельзя отрицать и конструктивный подход, проявленный Советским Союзом в отношении столь болезненной для всех проблемы разделенной Германии. В этой связи показательной является фраза, произнесенная в 1947 г. Сталиным в беседе с представителями Социалистической единой партии Германии, что характерно – после решения западных держав расколоть Германию, принятого на совещании в Лондоне: «В вопросе о единстве Германии мы должны шаг за шагом продвигаться вперед. Мы должны продвигаться вперед всем препонам вопреки. Только не следует предаваться иллюзии, что борьбу за единство удастся выиграть скоро. Она может длиться пять, шесть или семь лет. Германии нужно единство и мирный договор. Только в этом случае придет успех и в борьбе за прочный мир. А это главное»⁵.

Однако «уроки Ялты» не дают покоя не только вдохновителям демонтажа основополагающих принципов и механизмов деятельности ООН. Происходящее в настоящее время вокруг Украины – как и на пространстве бывшей Югославии – демонстрирует всю пагубность отказа от норм и моделей сотрудничества, заложенных в 1945 г. в Ялте.

«Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору», – говорилось в подписанной по итогам Крымской конференции Декларации об освобожденной Европе. Однако данная цель так и не была реализована в полной мере. А сегодняшний подъем фашизма и нацистской идеологии в различных странах Европы при попустительстве западных «гарантов» лишний раз подчеркивает растущую актуальность «уроков Ялты».

Наконец, историческим примером достижения компромиссов между великими державами следует считать решение Крымской конференции о создании ООН взамен дискредитировавшей себя в предвоенный период Лиги Наций. Именно в Ялте СССР, США и Великобритания договорились о том, что в основу деятельности новой всемирной организации будет положен принцип единогласного принятия решений постоянными членами Совета Безопасности. В последующие десятилетия данное положение не раз предотвращало попытки «продавливания» западными державами антиправовых и крайне опасных для международного мира и безопасности решений. Не случайно сегодня многие на Западе стремятся лишить Россию права вето. Ведь оно мешает им облекать в международно-правовую оболочку собственные военно-политические акции в стратегически важных регионах мира.

Впрочем, справедливости ради следует признать и еще одно весьма прискорбное для Европы обстоятельство. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в последние годы ООН фактически самоустранилась от урегулирования ключевых региональных конфликтов, передав эти функции НАТО, ЕС и другим структурам. В то время как в Вашингтоне, Париже, Лондоне существует программа политического «переформатирования» Балкан, Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, ООН ограничивается риторикой общего характера и даже не пытается вернуть ситуацию в международно-правовое поле.

В последние годы США пытаются «перевести стрелки» в вопросе об ООН и ее подлинной роли в международных делах. Признавая факт «ослабления Объединенных Наций», американские СМИ обвиняют в этом Россию и Китай, которые не только не спешат поддерживать внешнеполитические инициативы Вашинг-

тона, но и зачастую блокируют их одобрение – как это произошло, в частности, в процессе голосования по Сирии. Например, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Нейл Макфаркьюхар полагает, что Москва и Пекин опасаются утратить влияние в арабском мире в ситуации, когда «авторитарные правительства, построенные по ныне обветшавшей советской модели, рушатся одно за другим». Однако с другим утверждением ведущего американского издания можно согласиться: «Китай и Россия все чаще сообща противостоят шагам, которые понимают как попытки Запада с помощью санкций «завизировать в ООН» смену правящих режимов на прозападные»⁶. Именно использование ООН в качестве средства «переформатирования» тех или иных участков геополитического пространства в выгодном для Запада смысле и является главным фактором, подрывающим роль Объединенных Наций.

Заместитель директора парижского Института международных и стратегических отношений Дидье Бийон полагает, что голосование в Совете Безопасности ООН по ключевым региональным проблемам последнего времени засвидетельствовало «относительную неспособность ООН оказать давление на некоторые государства», а потому механизм ее работы нуждается в реформировании. «Проблема в том, что структура ООН осталась такой же, как в 1945 г., поэтому необходимо реформировать механизм ее работы. Но это долгий процесс, требующий, чтобы пять постоянных членов Совета Безопасности согласились с этим и прекратили цепляться за собственные прерогативы», – считает Дидье Бийон⁷.

В истории Второй мировой войны тесно переплелись все те особенности геополитики, которые в мирное время не особо заметны. Миллионы европейцев заплатили жизнями за соглашательскую политику своих правительств в предвоенные годы. Надеясь направить германскую агрессию на Восток, последние пытались договориться с Гитлером, откупиться от него австрийскими, чешскими, словацкими землями. Вероломное нападение на Бельгию, оккупация Франции, разгром Югославии, итало-фашистская агрессия против Албании и Греции продемонстрировали подлинную цену подобного «миротворчества».

Западные военные историки до сих пор спорят о том, какой именно фактор стал решающим в победе советских войск над фашистской Германией. Наряду с признанием безусловных полководческих заслуг советских военачальников, беспримерного ге-

роизма солдат и труженников тыла, присутствуют и весьма сомнительные ссылки. Мол, войскам вермахта в решающие моменты не хватило горючего для танков, или российские морозы вызвали замерзание смазки в бронетехнике. Говорится и о предательстве и трусости союзников и сателлитов Германии – Италии, Болгарии, Румынии, Венгрии.

Однако даже самые убежденные критики СССР не могут отрицать того факта, что именно победы советских войск способствовали коренному изменению всей военно-политической ситуации в тылу фашистских войск – в том числе в регионе Центральной и Восточной Европы. Те же болгары или румыны не проявляли особого рвения в боях на Восточном фронте потому, что у них дома сгущались тучи над монархо-фашистскими режимами. Героическая оборона Москвы, победы под Сталинградом и на Курской дуге сразу же становились известны партизанам и подпольщикам, сражавшимся за освобождение Албании, Югославии, Греции и других балканских стран. А 18 декабря 1942 г. советское внешнеполитическое ведомство выступило со специальным заявлением в поддержку свободы и независимости далекой от Москвы Албании. В документе выражалась уверенность, что балканские народы совместно «изгонят захватчиков со своей земли»⁸.

К сожалению, сегодня в ряде восточноевропейских стран активизировались попытки переписать историю, представить героев предателями, а предателей объявить героями. В прибалтийских странах, в Польше пытаются возложить равную ответственность за Вторую мировую войну на фашистскую Германию и Советский Союз, поставить знак равенства между фашистской идеологией и социалистическими и коммунистическими идеями. Разгул неонацизма достиг сегодня наибольшего размаха в лагере новых украинских властей. При активном потворстве Запада они пытаются выстроить новую украинскую государственность на тех же самых идеях национализма, шовинизма, антисемитизма, русофобии, которые вдохновляли германское общество в 1930-е – первой половине 1940-х годов.

Как будто не было Нюрнбергского процесса, заклеившего нацизм и нацистские организации как преступные! Как будто героическая борьба Советского Союза против фашистских полчищ не вдохновляла народы Восточной Европы на борьбу против оккупантов! Как будто не коммунистические организации

создавали те организационные структуры, которые помогали разрозненным партизанским группам укрепляться в политическом и военном отношении!..

Две мировые войны – такова цена, которую заплатили народы мира за преступления, амбиции и ошибки собственных правителей. Но если Первая мировая война действительно оказалась неожиданной для подавляющего большинства европейцев, то о Второй мировой этого сказать нельзя. На всем протяжении 1930-х годов в разных уголках Европы и всего мира полыхали конфликты, и их глобальный вектор был вполне ясен.

Правда, как оказалось, ясен не для всех. Лидеры западных государств – прежде всего, Великобритании и Франции – вместо реального противодействия набиравшему силу агрессору в лице гитлеровской Германии взяли курс на его «умиротворение». Именно по вине этих стран в конце 1930-х годов был упущен последний реальный шанс создать превентивную единую антигитлеровскую коалицию. Вместо этого Европа стала свидетельницей позорных сделок с участием, в том числе тех государств, которым было суждено стать очередными жертвами нацистской Германии. Вместо того, чтобы в зародыше пресечь укрепление германской военно-политической мощи, Гитлеру предоставляли Австрию, Судеты, затем всю остальную Чехословакию, сквозь пальцы смотрели на появление в стране концлагерей и разгул пещерного антисемитизма, содействовали приходу к власти в Испании одного из союзников фашистской Германии генерала Франко. А некоторые из современных активных критиков России – в частности, Польша – даже сами поучаствовали в расчленении Чехословакии, не забывая при этом адресовать свои обвинения Москве, предложившей военную помощь Праге.

Известно заявление, озвученное в мае 1938 г. польским послом в Париже, заверившим своего американского коллегу в том, что Польша немедленно объявит войну Советскому Союзу в случае, если Москва попытается передислоцировать свои войска в Чехословакию через польскую территорию. Тогда же министр иностранных дел Франции Жорж-Этьенн Бонне заверил Варшаву в том, что «План Геринга о разделе Чехословакии между Германией и Венгрией с передачей Тешинской Силезии Польше не является тайной». В Тешинской Силезии на тот момент проживали 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов.

Еще более циничной была позиция тогдашних лидеров Великобритании, в том числе премьер-министра Невилла Чемберлена. По свидетельству заместителя министра иностранных дел Великобритании Александра Кадогана, глава кабинета заявил в те дни, что «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»⁹.

А уже 10 сентября 1938 г., накануне решающей встречи Чемберлена с Гитлером по проблеме Чехословакии, ближайший советник премьер-министра по политическим вопросам сэр Гораций Уилсон предложил Чемберлену заявить немецкому лидеру о высокой оценке мнения о том, что «Германия и Англия являются двумя столпами, поддерживающими мир порядка против разрушительного напора большевизма», и что поэтому он «желает не сделать ничего такого, что могло бы ослабить тот отпор, который мы можем вместе оказать тем, кто угрожает нашей цивилизации»¹⁰.

Цена подобного попустительства хорошо известна: 1 сентября 1939 г. Гитлер обрушился всей своей военной мощью не на СССР – на что втайне надеялись в Лондоне или Париже, а на Польшу. Затем настала очередь и других западноевропейских стран. Окрепший германский фашизм переступил через все предыдущие договоренности и начал перекраивать карту Европы по своему собственному усмотрению, обрекая на смерть миллионы людей.

Однако и после этого в западных столицах не спешили менять свои подходы к международным делам, привычно возлагая ответственность за все проблемы на Москву. Уже в 1946 г. администрация президента США Трумэна приняла решение о том, что, какую бы политику ни проводил СССР, само его существование несовместимо с интересами американской национальной безопасности. Данное решение как раз и продолжало вышеупомянутую линию Чемберлена, исходившего из того, что для того, чтобы жила Великобритания, должен погибнуть «большевистский» Советский Союз.

Сегодня в Европе – на Украине – по инициативе США и ряда западноевропейских лидеров снова разыгрывается циничный антироссийский геополитический сценарий. Население восточно-украинских областей приносится в жертву планам «изоляции» и «наказания» России, передела сфер влияния и укрепления собственных позиций. «Мы не находимся в состоянии новой «хо-

лодной войны», однако публичные обвинения, требования и угрозы со стороны наших политических руководителей явно способствуют воссозданию такой атмосферы», – весьма справедливо указывает на страницах американского издания «*The National Interest*» бывший посол США в России, а ныне профессор Института перспективных исследований в Принстоне Джек Мэтлок-младший. Он подчеркивает, что «если правительство США желает добиться ослабления неправомерного экономического и военного давления Москвы на Украину, или российской поддержки сепаратистских настроений в отдельных областях этой страны, оно должно делать все возможное, дабы снизить российские подозрения в том, будто Соединенные Штаты и их европейские союзники плетут интриги, намереваясь отделить Украину от российской сферы влияния и превратить ее в санитарный кордон в целях «сдерживания», а в конечном счете и порабощения России.

Однако американские официальные лица и администрация своими действиями и заявлениями, особенно с началом демонстраций на киевском майдане, как будто стремятся усилить российские подозрения, а не ослабить их...»¹¹.

Об уроках военной и послевоенной Европы вспоминает ныне и авторитетный французский политик, бывший комиссар ЕС по торговле и экс-генеральный директор Всемирной торговой организации Паскаль Лами. Он убежден, что в отношении Украины изначально ошибочным было принуждение Киева к однозначному выбору между интеграцией с ЕС или присоединением к евразийскому экономическому пространству: «В конце концов, на мой взгляд, нужно допустить, чтобы на какое-то время Украина находилась одновременно по обе стороны. Мы же не требуем от Мексики определиться с тем, является ли она североамериканской или южно-американской. Никто не говорит, что Мексика должна делать такой выбор. Так и в случае с Украиной, я считаю плохой идею выбора между Европой и Россией».

По мнению Паскаля Лами, Украина должна хотя бы на время получить «промежуточный статус» – как это уже бывало в истории международных отношений в Европе: «Необходимо найти некий статус для Украины на ближайшие 10–20 лет. Есть чувство, что нам следовало в общих чертах сделать то, что было сделано с Финляндией в 1950-е годы, когда было сказано: Финляндия находится рядом с Европой и рядом с Россией, но на 20 лет мы как-то договариваемся, чтобы не поднимать больше этот вопрос».

«Украина – это страна, которая одной ногой стоит в Европе, а другой – в Русском мире, что обусловлено историческими причинами, и я считаю, что с этой точки зрения нужно найти баланс» - справедливо подчеркивает бывший глава ВТО. Кроме того, по его мнению, Украину придется «реформировать». Ведь сегодня «об этой стране можно рассуждать с таким же успехом, как о Конго или Сомали. Все это – государства, которые не функционируют, это коррумпированные и внутренне разобщенные государства», – указывает П.Лаами¹².

«Может ли украинский кризис вызвать новую мировую войну?» – задается вопросом в еще одной своей статье американское издание «*The National Interest*». Статья напомнила о тех международных послевоенных кризисах, которые удалось урегулировать в том числе благодаря сдержанной позиции США: «Государственные деятели Америки бдительно и внимательно анализировали самые худшие сценарии, особенно в отношениях между великими державами и, в первую очередь, между ядерными сверхдержавами... Они отмечали то, что Джон Кеннеди после Карибского кризиса называл «исходным правилом благоразумия». Они соглашались на сдержки и компромиссы в том соперничестве, конечной целью которого было похоронить друг друга...»¹³.

Не следует сбрасывать со счетов и традиционно болезненный для западных столиц финансовый фактор. «Геополитический риск снова поднимает свою жуткую голову», – свидетельствует аналитик финансовой компании *IG Ltd.* в Мельбурне Стэн Шейму¹⁴.

И еще одна красноречивая цитата из западных средств массовой информации. «Россия победила нацистов, а сегодня США их возрождают», – подчеркнул в статье на американском интернет-сайте *OpEdNews.com* Марк Сашин. «Приближается 9 мая, но нам здесь, в Соединенных Штатах, нет до этого никакого дела. 9 мая 1945 года в Берлине маршал Жуков первым подписал Акт о капитуляции Германии, но мы здесь не хотим об этом знать. 9 мая одним из первых приказов Советского командования в Берлине было распоряжение о том, чтобы накормить население, но мы не хотим об этом знать. 9 мая в России проводится традиционный военный парад, но мы не направляем поздравления. Вместо этого мы целуемся с демонами: мы возрождаем бандеровцев и восхваляем убийц; наши самые высокопоставленные чиновники подстрекают их к убийству русских, а правительство Германии посылает на помощь хунте в Киеве деньги и консультантов»¹⁵.

Действительно и об уроках Второй мировой войны и даже о благоразумии «от Джона Кеннеди» напрочь забыли сегодня те силы на Украине и на Западе, кто пытается переписать историю послевоенной Европы и возродить идеи, осужденные в Нюрнберге.

Данная ситуация объективно открывает определенные возможности для России. Представляется, что стратегическим курсом Москвы могли бы стать, с одной стороны, противодействие любым попыткам лишить ее права вето в Совете Безопасности, а с другой – более активное участие в создании многосторонних международных механизмов, способных действовать в тех или иных кризисных районах евразийского геополитического пространства. Подобными структурами, действующими автономно от ООН, НАТО (во главе с США) и Европейского союза, видятся Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийский экономический союз и другие модели, наработанные, в том числе на постсоветском пространстве. Использование опыта односторонних действий западных структур в кризисных районах мира помогло бы России и ее союзникам, не отказываясь от формального признания мандата ООН, более активно продвигать свои интересы, используя в том числе проявившиеся в последнее время слабости международно-правовых норм и практики их применения.

Примечания

¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 3.

² В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 12.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 4. М., 1984.

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Т.3. С.448 Т.3. 449.

⁵ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 53.

⁶ With Rare Double U.N. Veto on Syria, Russia and China Try to Shield Friend // The New York Times. 2011.05.X.

⁷ Le Monde. 2011.05.X.

⁸ Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 210.

⁹ Niedhart G. Großbritannien und die Sowjetunion. 1934–1939. München, 1972. S. 62.

¹⁰ Iyşný P. The collapse of mediation // The Runciman mission to Czechoslovakia, 1938: prelude to Munich. Palgrave Macmillan, 2003. P. 295.

¹¹ URL : <http://nationalinterest.org/feature/ukraine-crisis-time-reach-resolution-11156>

¹² ИТАР-ТАСС 29.VIII.2014. 15:09

¹³ URL: <http://nationalinterest.org/feature/could-the-ukraine-crisis-spark-world-war-10387>

¹⁴ ИНТЕРФАКС 29.VIII.2014. 08:43

¹⁵ URL: http://www.opednews.com/Diary/Russia-defeated-the-Nazis-by-Mark-Sashine-Betrayal_Blood_Evil_Hitler-140506-269.html

1945 год: Освобождение Братиславы и Праги

Abstract:

Marina V.V. *The year 1945: Liberation of Bratislava and Prague*

The article shows how Slovakia and its capital Bratislava were liberated by the Red Army with the stress on the attitude of the population to it, why the American army did not help the rebelled Prague and what was the aim behind the invasion into the city of the so called Russian Liberation Army (Vlasov's Army), what was the role in the liberation of Prague of the Soviet armed forces.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941-1945 гг., Красная армия, освобождение, Словакия, Братислава, Прага, Пражское восстание в мае 1945 г.

6 октября 1944 г., преодолев в жестоких кровопролитных боях Главный Карпатский хребет, Красная армия и вместе с ней 1-й Чехословацкий армейский корпус (ЧАК) под командованием Л. Свободы вступили на территорию Словакии. В течение восьми месяцев здесь велись ожесточенные сражения с отступавшими немецкими и венгерскими войсками¹. Преодоление Карпатского хребта вовсе не означало, что бои с противником будут менее упорными и кровопролитными. Они, как и ранее, велись в горно-лесистой местности, где немцы и венгры располагали хорошо укрепленными позициями, прикрытыми минными полями и другими заграждениями. Каждая ощерившаяся стволами пулеметов и артиллерийских орудий гора – а их в Западных Карпатах были десятки, если не сотни – являла собой настоящую крепость, которую приходилось брать штурмом. Гитлеровцы сражались отчаянно, памятуя о приказе фюрера расстреливать на месте всех дезертиров и трусов. Не щадили они и местное население. По обвинению в связи с партизанами фашисты расстреливали жителей и сжигали деревни.

В конце 1944 г. войска 4-го Украинского фронта (УФ) под командованием генерала армии И.Е. Петрова и 2-го УФ под командованием маршала Р.Я. Малиновского вели бои за освобождение юго-востока Словакии. Советские войска и 1-й ЧАК, понесшие большие потери и нуждавшиеся в пополнении и отдыхе, остановились на восточном берегу р. Ондавы и временно перешли к обороне. Кстати, следует заметить, что 70 лет назад во

время Первой мировой войны в тех же местах и в то же время года (конец 1914 – начало 1915 гг.) русские войска вели бои с австро-венгерскими и германскими войсками. На главном направлении Медзилаборце – Гуменне действовала армия под командованием генерала А.А. Брусилова. Под его началом сражались генералы А.И. Деникин («Железная» дивизия), Л.Г. Корнилов («Стальная» дивизия), А.М. Каледин (сводный отряд). Русским войскам удалось даже спуститься в Венгерскую низменность. Однако, сражаясь в непривычных условиях горной войны, испытывая недостаток в продовольствии и вооружении, русские не смогли преодолеть усилившееся противодействие противника и вынуждены были тогда отступить далеко за Карпаты². В местах боев, как память об этом, осталось множество каменных пирамидок, крестов и иных знаков, свидетельствующих о захоронениях тут русских солдат и офицеров. 30 лет спустя, зимой 1944–1945 гг., советская армия удержала захваченные ею позиции и готовилась наступать дальше.

Напуганное военными действиями местное население, тем не менее, как правило, хорошо относилось к красноармейцам. Однако, как свидетельствовали донесения армейских политотделов, среди жителей наличествовали также страх и опасения за свою жизнь и имущество: «Некоторые жители (которых насчитываются единицы), наслушавшись фашистской агитации о зверствах большевиков и Красной Армии, прячутся в подвалах и других местах»³. 31 октября 1944 г. Ставка Верховного Главнокомандования Красной армии направила командующему войсками 4-го УФ И.Е. Петрову директиву, в которой говорилось: «1. Разъяснить всему личному составу войск, что Чехословакия является нашим союзником и отношения со стороны войск Красной Армии к населению освобожденных районов Чехословакии и к повстанческим чехословацким частям⁴ должны быть дружественными. 2. Запретить войскам самовольную конфискацию автомашин, лошадей, скота, магазинов и разного рода имущества. 3. При размещении войск в населенных пунктах учитывать интересы местного населения. 4. Всё необходимое для нужд наших войск получать только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей. 5. Нарушающих приказ привлекать к суровой ответственности»⁵.

Аналогичный приказ 16 декабря 1944 г. издал и командующий войсками 2-го УФ Р.Я. Малиновский⁶. В это время его войска начали освобождение южной Словакии, наступая из Венгрии. В донесении политотдела 53 армии 2-го УФ от 10 января 1945 г. отмечалось: «...здесь (в Чехословакии – В.М.) мы встречаемся с фактами, говорящими о том, что не только трудовое население, но и более зажиточная часть его не верила фашистской клевете на Советский Союз и его Красную Армию, что не только беднота, но и интеллигенция, и более зажиточная часть населения не уходит с немцами, а ждет прихода Красной Армии и готова оказывать ей всемерную помощь»⁷. Но были и другие настроения, о чем говорилось, например, в информационной сводке 7-го управления Главного Политического управления Рабоче-крестьянской Красной Армии (ГлавПУРРКА) от 8 февраля 1945 г.: «Немцы всячески запугивали население приходом русских. Широко для этих целей использовалась печать и радио. Надо отметить, что испытанные немцами приемы пропаганды не прошли бесследно. Если население не оказывало сопротивления нашим войскам, то все же известная часть словаков, особенно из числа интеллигенции, боялась прихода русских». Учитель Гейза Поларчик говорил: «Нам столько трубили по радио и в газетах о страшных большевиках, что кое-что западало в душу. Я, по сестри говоря, боялся русских. В последнее время “правительство” объявило, что русские угонят в Сибирь всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет». Далее в сводке констатировалось: «Наряду с проявлением симпатий словацкого населения к Красной Армии имеют место и отрицательные факты. Признавая освободительную миссию Красной Армии, некоторые местные жители не желают нести тягот, связанных с войной... Некоторые жители жалуются на то, что с приходом Красной Армии пришла война... Имеются случаи отказа продавать воинским частям продовольствие и фураж»⁸.

Случаи недовольства населения действительно имели место и, видимо, не единичные. Без воодушевления зачастую воспринимались приказы о мобилизации в армию. Словацкий национальный совет (СНС), возобновивший свою деятельность на освобожденной территории Словакии в феврале 1945 г., издал распоряжение о мобилизации в армию мужчин 1910-1926 гг. рождения. Она шла с трудом: ведь одно дело восхищаться освободителями и приветствовать их, а другое – самим проливать кровь и, возможно, жертвовать жизнью за освобождение своей страны, да еще в

конце войны. Не все готовы были делать это, что понятно с чисто человеческой точки зрения. Многие подлежавшие призыву уходили в леса, скрывались у родственников, в общем, всячески уклонялись от мобилизации. Например, согласно информации председателя призывной комиссии в Михаловцах от 14 марта 1945 г. из 295 резервистов из 13 деревень только 52 человека явились на призывные пункты. Не помогли и действия милиции. В районе Спишска Нова Вес 60% подлежавших мобилизации уклонились от неё; в районе Требишов лишь 30% подчинились распоряжению о мобилизации. Случались и массовые побеги призывников во время препровождения их на пункты призыва. Фиксировались и случаи дезертирства военнослужащих 1-го ЧАК, если они оказывались в своих родных местах. Список лиц, без разрешения покинувших свои части, командование 1-го ЧАК направило президиуму СНС с просьбой, чтобы органы безопасности начали следствие по этим делам и в случае обнаружения дезертиров передали их в распоряжение органов чехословацкой полевой прокуратуры⁹. Однако широко о подобных вещах тогда не писалось и не говорилось. Наоборот, задачей политической пропаганды было привлечение местного населения к помощи Красной армии и Чехословацкому армейскому корпусу в деле освобождения страны от фашистских оккупантов и их пособников.

12 января 1945 г. войска 4-го и 2-го УФ начали осуществление Западно-Карпатской операции. Активное участие в ней принимал и 1-й ЧАК, входивший в состав 18-й армии (4-й УФ) под командованием генерал-майора А.И. Гастиловича. 18 января командование корпуса с согласия командования 4-го УФ начало проводить частичную мобилизацию на освобожденной территории Словакии в целях пополнения личного состава ЧАК¹⁰. 20 января советские и чехословацкие войска овладели городами Прешов, Кошице и Бардеёв и продолжили наступление в сторону г. Липтовски св. Микулаш, который попытались взять с ходу. Однако неоднократные попытки сделать это, предпринимаемые с 3 по 13 февраля, оказались неудачными. Решено было временно прекратить наступление и возобновить его только после серьезной подготовки. Новое наступление началось 3 марта. Основная его тяжесть пришлась на армию под командованием А.И. Гастиловича. Бои за Липтовски св. Микулаш, в том числе и на его улицах, продолжались два месяца, во время которых город неоднократно переходил из рук в руки. Только 4 апреля он был окончательно

освобожден советскими и чехословацкими войсками¹¹. В этот день, 4 апреля, в г. Кошице переехали из Москвы президент ЧСР Э. Бенеш и первое правительство Национального фронта чехов и словаков. 5 апреля Л. Свобода приступил к исполнению обязанностей министра национальной обороны ЧСР. По его представлению командиром корпуса, насчитывавшего к тому времени 31 725 человек, был назначен генерал К. Клапалек. В ходе Западно-Карпатской операции 1-й ЧАК лишился 970 бойцов, в том числе 257 убитых. Ежедневно корпус терял 25 человек. Войска 4-го и 2-го УФ потеряли убитыми 16 337 (3,4% личного состава) и ранеными 78 988 солдат и офицеров. Ежедневные потери составляли 2 078 человек¹².

После завершения Будапештской операции 13 февраля 1945 г. перед войсками 2-го УФ была поставлена задача освобождения Братиславы и Брно. 25 марта советские войска во взаимодействии с румынской армией овладели центром Словацкого национального восстания г. Банска Быстрица. 4 апреля немецкие войска были выбиты из столицы Словакии. Соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом, были представлены к присвоению наименования «Братиславских» и награждены орденами. Москва салютовала победителям¹³. 7 апреля отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) получил сообщение ГлавПУРКА «О положении в Братиславе». В нем говорилось, что город хорошо сохранился, разрушения имеются лишь на его северо-западной и восточной окраинах. В городе осталось примерно 135–140 тыс. жителей. Бежали лишь лица, принадлежавшие к правительственным кругам и до 30 тыс. немцев, однако около 10 тыс. человек немецкого происхождения остались, несмотря на приказ немецких властей об эвакуации жителей. 4 апреля начала свою деятельность военная комендатура. Важнейшие объекты – банки, почта, дворец президента, а также предприятия взяты под охрану. Опечатано и взято под охрану здание советского посольства¹⁴, в котором в последние годы находилось гестапо. Почти все чиновники местной администрации во главе с городским головой д-ром Стефаном Равао остались на местах. Осталось в городе и большинство полицейских чиновников. Промышленность в городе не пострадала. Предприятия возобновят работу с получением электроэнергии. Все ценности Словацкого национального банка остались в Братиславе. Население встречает советские войска хорошо, выражает чувство радости и благодар-

ности за освобождение от немецко-фашистского ига. Известный словацкий писатель Янко Есенский, переведший на словацкий язык произведения Пушкина, Блока, Маяковского, заявил, например, представителям Красной Армии: «Вы освободили нас от ига наших вековых врагов – немцев и венгров. Мы всегда следили за вашей борьбой и ждали вас. Словацкая интеллигенция считает русских своими старшими братьями. Мы очень рады приходу Красной Армии»¹⁵.

Согласно донесению политуправления 2-го УФ от 30 апреля в Братиславе 15 апреля состоялся митинг, посвященный освобождению города от немецких захватчиков. Он был организован Словацким национальным советом в большом зале кинотеатра «Редут». В митинге приняло участие свыше 1500 человек. С заключительной речью выступил зам. председателя СНС и уполномоченный по внутренним делам Густав Гусак. Он заявил, что единым требованием народа является ориентация внешней политики страны исключительно на Советский Союз. Новая армия должна изучать богатый опыт Красной Армии и сотрудничать с ней. Из страны должны быть выселены немцы и венгры, за исключением тех, кто принимал активное участие в борьбе с фашизмом¹⁶. В другом донесении политуправления 2-го УФ от 30 апреля говорилось, что промышленные предприятия Братиславы возобновили работу, начато восстановление газового и нефтеперегонного заводов, разрушенных бомбежкой союзной авиации; «очищения заводов от реакционных элементов не проводится»; коммунальные предприятия работают нормально, и население города нормально снабжается продовольствием. Культурная жизнь Братиславы оживляется. Работают театры драмы и оперетты. В кинотеатрах демонстрируются советские фильмы «Ленин в 1918 году», «Бой за Советскую Украину». Возобновлены занятия в духовной семинарии и консерватории. В городской комитет компартии Словакии поступило более двух тысяч заявлений местных жителей, желающих вступить в партию. Прием в партию временно прекращен. Население города дружелюбно относится к Красной Армии¹⁷.

На следующий день после освобождения Братиславы, 5 апреля, стремительным и неожиданным ударом войск 4-го УФ и 1-го ЧАК был освобожден г. Ружомберок. Оборонявшие его немцы и два полка венгерской пехоты не успели разрушить подготовленные ими к взрыву важные городские объекты. Местные

жители не только восторженно встречали освободителей, но и помогали им. «Тысячи словацких мужчин, – писал Л. Свобода, помогали нам строить и ремонтировать дороги, сотни женщин стирали воинам белье, пекли хлеб». А генерал К. Клапалек вспоминал: «Никогда прежде я не знал такого тесного сотрудничества гражданского населения и армии. Незнакомые люди, стоя по колено в снегу, работали до упаду. Съедали то, что приносили с собой в карманах, и опять тащили бревна, поднимали камни, рыли окопы, откидывали лопатами тяжелую мокрую глину. Когда место работы передвигалось дальше, многие из них не возвращались домой на ночь – оставались с нашими воинами. Они помогали нам и в эвакуации раненых. Трудно представить как бы сложилась для нас обстановка в горах Малой Фатры, если бы нам не помогло местное население»¹⁸.

Однако по мере освобождения территории Словакии отношение ее жителей, как в верхах, так и в низах общества, к освободителям и Красной армии становилось все более настороженным. Широко известными становились сразу и случаи мародерства, грабежей, насилия, совершенных солдатами Красной армии в отношении местных жителей, что, естественно, вызывало их страх и гасило радость встречи с освободителями. Было ли осведомлено об этом советское руководство и командование Красной армии? Несомненно. Еще 30 мая 1944 г. заместитель народного комиссара обороны СССР маршал Советского Союза А.М. Василевский издал приказ о бесчинствах, вооруженных грабежах, кражах у гражданского населения и убийствах, творимых отдельными военнослужащими в прифронтовой полосе, и мероприятиях против них. В нем говорилось о применении решительных мер по борьбе с этой преступностью: приказывалось разбирать эти дела «немедленно и виновных привлекать к суду военного трибунала», о всех случаях бесчинства «доносить как о чрезвычайном происшествии немедленно, а по окончании следствия – о мерах воздействия, примененных к виновникам»¹⁹.

Знал о подобных случаях и И.В. Сталин. Об этом, в частности, свидетельствует одно из его выступлений на обеде в честь президента Э. Бенеша в Москве 28 марта 1945 г. Говоря о Красной армии, советский лидер заявил: «Эта армия большая, она ведет большую войну. Вместе с людьми, обслуживающими ее непосредственные тылы, она насчитывает приблизительно 12 миллионов человек. Эти 12 миллионов человек – разные люди. Не следует

думать, что все они ангелы. Красная Армия вступила в Чехословакию, и теперь чехословаки лучше узнают её, узнают и ее недостатки... Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина. Ее бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев. Они думают, что они герои. Так думают почти все бойцы Красной Армии, во всяком случае большинство бойцов Красной Армии... Тов. Сталин сказал, что эти бойцы зачастую делают безобразия, насилюют девушек. Тов. Сталин сказал, что он хочет, чтобы чехословаки не очень очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться... Тов. Сталин сказал, что он поднимает бокал за то, чтобы чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии»²⁰.

Тем временем части советской армии и 1-го ЧАК, сражающиеся на словацкой земле, продвигались далее на Запад. 26 апреля 1945 г. войска 2-го УФ заняли г. Брно, а 30 апреля войска 4-го УФ – г. Моравска Острава. Впереди были Чехия и Прага. В силу ряда причин до прихода Красной армии освободительное движение чешского народа не было развито. Однако жажда освобождения и ненависть к немецким хозяевам протектората определяли поведение массы чешского населения, когда стало окончательно ясно, что основными освободителями станут русские. И большинство населения, как представляется, не имело ничего против этого. Русофильские настроения получили в конце войны довольно широкое распространение. Советских солдат в Чехии встречали действительно как освободителей от нацистского ярма. Политорганы Красной армии доносили о дружелюбном, как правило, отношении населения²¹.

Близился час освобождения Праги. С востока к ней приближались части Красной армии, с запада – американские войска под командованием генерала Дж. Паттона, которые вступили на территорию Чехии 18 апреля. 21 апреля главнокомандующий англо-американскими войсками в Европе Дуайт Эйзенхауэр проинформировал начальника Генерального штаба Красной армии генерала А.И. Антонова о своих планах и предложил рубеж рек Эльбы и Муде в качестве места соприкосновения англо-американских и советских войск. Антонов ответил согласием. Была достигнута договоренность об установлении временной линии, исключающей перемешивание войск союзников по антигитлеровской коалиции. Паттон имел задачу овладеть уже согласованным с советским

командованием рубежом Ческе Будейовице – Пльзень – Карловы Вары.

На оккупированной чешской территории в это время находились группа немецких армий «Центр» и часть группы армий «Австрия» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера, насчитывавшие 900 тыс. солдат и офицеров. Несмотря на безнадёжность положения этих армий, немецкое командование приняло решение не капитулировать перед Красной армией, а начать переговоры с американцами и подготовить войска к отходу на Запад. Задачу уничтожения противника в Чехии решали войска 1-го, 2-го и 4-го УФ, вместе с которыми действовали польская, две румынские и чехословацкая армии. Конкретные указания о подготовке наступления на Прагу были отданы Ставкой Верховного Главнокомандования Красной армии в начале мая 1945 г.²².

У. Черчилль, весьма обеспокоенный усилением влияния СССР в освобождаемых Красной армией странах и возможностью распространения коммунизма в Европе, настаивал на том, чтобы англо-американские войска продвинулись как можно дальше на Восток²³ и овладели Берлином, Веной и Прагой. 30 апреля он писал новому президенту США Г. Трумэну (Рузвельт умер 12 апреля): «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение нашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может повлиять к тому же на соседние страны»²⁴. Поддавшись нажиму Черчилля, Эйзенхауэр направил Антонову новое письмо, в котором говорилось о готовности американских войск продолжить наступление за пределы вышеуказанной линии, в сторону Праги. В ответном письме Антонов настаивал на первоначальной договоренности, мотивируя тем, что советские войска уже начали перегруппировку сил и приступили к реализации запланированной ранее операции. Выполнение плана Эйзенхауэра грозило возможностью столкновения и перемешивания войск союзников, чего не желали обе стороны. Это был важный военный аргумент, что должен был признать и Эйзенхауэр. Но в советской позиции, несомненно, присутствовала и политическая мотивация: Чехословакия, которая имела союзный договор с СССР и подавляющая часть которой была освобождена Красной армией, согласно представлениям Москвы, входила в сферу советских интересов. Поэтому не менее, чем Черчилль, настаивавший на том, чтобы в Прагу первыми вступили американ-

ские войска, советское руководство было заинтересовано в освобождении чехословацкой столицы Красной армией. Американские войска остались на договоренной в апреле линии. В посланной Антонову телеграмме Эйзенхауэр писал: «Полагаю, что советские войска смогут быстро перейти в наступление и разгромить силы противника в центре страны»²⁵. Так и произошло. 6 мая с севера начали наступление на Прагу войска 1-го УФ, а 7 мая к ним присоединились войска 2-го УФ.

6 мая политуправление 1-го УФ издало директиву, в которой указывалось на необходимость «разъяснять всем бойцам и офицерам, что Красная Армия вступила на территорию Чехословакии, чтобы ликвидировать последние очаги сопротивления гитлеровцев и помочь полностью освободить союзную нам Чехословацкую Республику от ига гитлеризма». «Предупредить всех бойцов и офицеров, – говорилось в директиве, – о недопустимости какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела органов власти Чехословацкой Республики», а также о недопустимости «нетактичного отношения к установившимся в стране национальным, бытовым или религиозным традициям, обрядам и т.д.». Категорически запрещалась конфискация «имущества чехословацких граждан и учреждений». Предписывалось оказывать «всемерную помощь органам правительства Чехословацкой Республики на местах в быстрейшем восстановлении и укреплении демократического режима в стране»²⁶.

В Праге же в это время Чешский национальный совет (ЧНС), созданный в конце апреля 1945 г. представителями различных политических сил, включая коммунистов, готовил восстание, которое началось в Праге стихийно 5 мая. В этот первый день повстанцы имели успех. Шёрнер, получивший приказ сдать армию в плен американцам, приказал подавить восстание, поскольку оно перерезало основной путь намеченного отхода немецких частей на запад. Применив против повстанцев танки и авиацию, гитлеровцы 6 мая снова овладели частью города. Оказавшись в трудном положении, ЧНС стал обдумывать возможность сотрудничества с власовцами, так называемой Русской освободительной армией (РОА) под командованием перешедшего на сторону гитлеровцев еще в 1942 г. генерал-лейтенанта А.А. Власова. РОА формально состояла из трех дивизий, но окончательно сформированной была лишь первая из них под командованием сначала полковника, а потом генерал-майора С.К. Буняченко. Всего сухопут-

ные силы власовцев по некоторым данным насчитывали примерно 45 тыс. человек²⁷. Они имели на вооружении танки, артиллерию и авиацию. В начале мая 1945 г. основные силы РОА располагались к югу и юго-западу от Праги в районе Рокицан. В предчувствии близкого окончания войны и краха Германии, надеясь на возможный конфликт между странами антигитлеровской коалиции, командование РОА попыталось установить контакты с американской армией с целью сдачи ей в плен. Среди власовцев в это время стали быстро распространяться слухи о возможной амнистии в случае их участия в борьбе против немцев. Буняченко из соображений получения якобы обещанного алиби положительно отнесся к идее помощи повстанцам. Власов был настроен скептически. Утром 3 мая дивизия, не встречая особого сопротивления, начала разоружать окрестные немецкие гарнизоны и захватывать военные склады. Рано утром 5 мая в её штабе побывали представители нелегальной чешской военной организации «Бартош», возглавляемой К. Кутлвашром, и выясняли возможность оказания помощи Праге в случае восстания. Было подписано соглашение «о совместной борьбе против фашизма и большевизма»²⁸.

Вечером 6 мая дивизия Буняченко вошла в фактически занятую немцами Прагу. Применяв танки и артиллерию, дивизия освободила значительную часть города на левом берегу Влтавы. На стенах домов власовцы расклеивали плакаты, призывавшие к борьбе против фашизма и большевизма. Их танки были расписаны лозунгами «Смерть Гитлеру!», «Смерть Сталину!». Утром 7 мая в ЧНС началось обсуждение вопроса о возможности сотрудничества с власовцами и принятия их помощи повстанцам. Коммунисты, члены Совета, резко выступили против какого-либо соглашения с Власовым, характеризуя его как предателя Советского Союза и считая, что сотрудничество с РОА явится политической ошибкой, повлияет на отношение СССР к восстанию и его оценку союзниками²⁹. Под давлением коммунистов ЧНС решил отказаться от помощи власовцев. Об этом на английском и русском языках оповестило повстанческое радио. Получивший эту информацию Буняченко готов был сражаться в Праге и без соглашения с ЧНС, но при условии, что по радио будет передано его личное политическое заявление с объяснением причин его нахождения в армии Власова, выступления с оружием против немцев, желая помочь сражающейся Праге. В этом ему было отказано, и

Буняченко приказал 7 мая с наступлением темноты выводить части дивизии из города, взяв курс на запад, чтобы сдать в плен американцам. Впрочем, часть бойцов дивизии осталась в Праге и продолжала вместе с повстанцами воевать против гитлеровцев. Немцы тоже спешно покидали город, рассчитывая достичь американских позиций раньше, чем им перережет дорогу Красная армия. Она вела наступление на Прагу с трех сторон: с севера войска 1-го УФ под командованием маршала И.С. Конева, с юга – 2-го УФ под командованием маршала Р.Я. Малиновского и с востока – 4-го УФ под командованием генерала армии А.И. Еременко. К концу дня 8 мая, преодолев Рудные горы, части 1-го УФ вступили на территорию Чехии и предприняли марш-бросок в сторону Праги.

Несмотря на то, что 7 мая в штабе командования союзных войск в Реймсе была подписана капитуляция немецких войск, Шёрнер не собирался складывать оружие. Используя танки, артиллерию, авиацию, немецкие войска начали наступление на город с юга и овладели его центром. Против восставшего населения осуществлялись массовые репрессии. СС-овцы выгоняли женщин и детей из домов и гнали их перед своими танками на баррикады. 7 мая был самым тяжелым днем для повстанцев. Утром 8 мая наступление немцев продолжилось, но одновременно начальник гарнизона немецких войск в Праге генерал Р. Туссэн заявил о готовности начать переговоры о капитуляции. Штаб немецких армий группы «Центр» был захвачен советскими войсками. Шёрнер покинул своих подчиненных и, переодевшись в гражданское платье, бежал (точнее улетел) на запад, к американцам.

8 мая в 10 часов в здание, где располагался ЧНС, прибыл Туссэн, который отверг предложение о безусловной капитуляции и потребовал пропустить немецкие войска через Прагу на запад, мотивируя это тем, что они, и прежде всего части СС, вышли из его подчинения. В 16 часов 8 мая был подписан документ, в котором не было ни слова о капитуляции, а говорилось: «1. Полномочный представитель немецких вооруженных сил подписывает *соглашение (ujednání) об отходе (stažení)* всех немецких вооруженных сил... [находящихся] в Праге и ее окрестностях. Начало отхода частей 8 мая в 18 часов». Всё тяжелое вооружение немецкие войска должны были сдать на окраине Праги при выходе из города, а остальное – *перед американской демаркационной линией*. «Чешское население, – говорилось в подписанном доку-

менте, – не будет создавать трудностей уходящим немецким войскам»³⁰. Соглашение являлось неким компромиссом между ЧНС и Туссэном. Со стороны Совета компромисс был вынужден тем, что немецкие артиллерия и танки обстреливали Прагу, и возникла угроза ее бомбардирования, а со стороны немцев – желанием как можно скорее, пока советские войска не перерезали путь к отступлению, пробиться к американцам и сдаться им в плен. Думается, что если оценивать соглашение с точки зрения общей военно-политической обстановки того времени, то его можно было считать ошибочным, как это тогда и делалось, но с чисто гуманистических позиций – нет: ведь речь шла о сохранении человеческих жизней, а города от разрушения.

Соглашение вступило в силу вечером 8 мая, хотя не все немецкие части ему подчинились, и повстанцы продолжали сражаться. А рано утром 9 мая танковые армии 1-го УФ под командованием генералов Д.Д. Лелюшенко и П.С. Рыбалко вступили с севера и северо-запада в Прагу. В течение дня в город вошли также части 2-го и 4-го УФ. К концу 9 мая Прага была окончательно очищена от оккупантов. Население, согласно армейским политдонесениям, восторженно встречало советские войска³¹, как, впрочем, оно восторженно приветствовало и власовцев³², тоже видя в них освободителей. Продвигаясь на запад, части Красной армии завершили разгром немецкой группировки на территории Чехословакии.

Пражская операция Красной армии была последней крупной операцией Второй мировой и Великой Отечественной войн в Европе. В ходе освобождения Праги в плен было взято около 860 тыс. гитлеровцев, захвачено множество танков, артиллерийских орудий, минометов, более тысячи боевых самолетов. Потери советских, румынских, польских и чехословацких войск составили 12 тыс. человек, 40,5 тыс. солдат и офицеров получили ранения³³.

11 мая в Прагу из Братиславы переехало чехословацкое правительство во главе с З. Фирлингером, который в тот же день имел встречу с И.С. Коневым. «Были решены практические вопросы по оказанию содействия правительству в быстрейшем налаживании порядка в Праге и стране», – доложил маршал И.В. Сталину 12 мая³⁴. 16 мая 1945 г. в Прагу прибыл президент Э. Бенеш.

Примечания

- ¹ Марьина В.В. Красная армия в Словакии. 1944–1945 гг. // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов в XX веке. СПб. 2011. С. 484–510.
- ² Валерий Разгулов. Закарпатье. Русские войска в Карпатах (rusklinie.ru/analitika/-2014/07/25/russkie_vojnska_v_karpatach/).
- ³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2 (далее – ДМИСЧО). М., 1983. Док. 222. С. 252; док. 223. С. 256.
- ⁴ Имелись в виду части словацкой армии, участвовавшие в Словацком национальном восстании. Вооруженные силы восстания были признаны составной частью чехословацкой армии.
- ⁵ ДМИСЧО. Док. 200. С. 225.
- ⁶ Там же. Док. 225. С. 258.
- ⁷ Там же. Док. 237. С. 273.
- ⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 52. Л. 1–5.
- ⁹ Slovensko na konci druhej svetovej vojny (stav, východiská a perspektívy). Bratislava, 1994. S. 86–87.
- ¹⁰ ДМИСЧО. Док. 252. С. 289.
- ¹¹ Свобода Людвик. От Бузулука до Праги (пер.с чешского). М., 1969. С. 397–392.
- ¹² Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. Под общей редакцией Т.Ф. Кривошеева. М., 2001 (<http://lib.ru/memuary/1939-1945/Kriwosheew/poteri.txt>)
- ¹³ ДМИСЧО. Док. 304. С. 342–343.
- ¹⁴ Советское полпредство работало в Братиславе в 1939–1941 гг.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 79–81.
- ¹⁶ Там же. Л. 43.
- ¹⁷ Там же. Л. 139–140.
- ¹⁸ Свобода Людвик. Указ. соч. С. 397.
- ¹⁹ Приказы НКО СССР. N 0150. 30.V.1944 (http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task)
- ²⁰ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 53; Оп. 25. Д. 320. Л. 129, 144–145.
- ²² ДМИСЧО. Док. 349. С. 395; док. 351. С. 396.
- ²³ См.: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Выпуск 2. М., 1977. С. 287, 315, 336.
- ²⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 6. М., 1955. С. 479.
- ²⁵ См. подробнее: Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Кн. 3. Освобождение. М., 1999. С. 291–292.
- ²⁶ ДМИСЧО. Док. 360. С. 405–406.
- ²⁷ Раманичев М.Н. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 296.
- ²⁸ Кирилл Александров. Армия генерала Власова. 1944–1945 гг. М., 2006. С. 360.
- ²⁹ Bartošek K. Pražské povstání 1945. Praha, 1965. S. 171–172.
- ³⁰ Ibid. S. 222–223.
- ³¹ ДМИСЧО. Док. 373. С. 421; док. 378. С. 423; док. 379. С. 425; док. 383. С. 429–430.
- ³² Кирилл Александров. Армия генерала Власова. С. 370–371.
- ³³ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3. Освобождение. С. 294.
- ³⁴ ДМИСЧО. Док. 373. С. 420–421.

Е.Л. Валева
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Советско-болгарские отношения на завершающем этапе Второй мировой войны

Abstract:

Valeva E.L. *Soviet-Bulgarian relations in the final stages of World War II*

A specific feature of the Soviet-Bulgarian relations during the Second World War was the fact that Bulgaria was the only Germany's ally, who was maintaining her diplomatic relations with the Soviet Union. As a result of the development of anti-German and anti-governmental resistance-movement supported by the Soviet Union, civil confrontation in Bulgaria reached its culmination. The events of September 9, 1944 brought to power a bloc of left-wing forces – the Fatherland Front, where Communists played a leading role. In 1944–1945, the main target of the Soviet foreign policy in Bulgaria was the solving of two problems: the provision of military conditions for an earlier defeat of Nazi troops in the Balkans, and the establishment of guarantees for the approval of the international legal status of the government formed by the Fatherland Front.

Ключевые слова: История Болгарии, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, советско-болгарские отношения, Болгарская рабочая партия, антифашистское движение Сопротивления, 9 сентября 1944 г.

После начала Великой Отечественной войны в советско-болгарских отношениях формально ничего не изменилось. Специфика этих отношений заключалась в том, что Болгария, присоединившаяся 1 марта 1941 г. к Тройственному пакту, была единственной из союзников Германии, поддерживающей официальные дипломатические отношения с СССР. Более того, болгарское посольство в Москве представляло также интересы Германии после разрыва советско-германских отношений. Сохранение дипломатических отношений с Болгарией было выгодно СССР как с точки зрения неучастия болгарских войск в советско-германской войне, так и в смысле облегчения деятельности советской разведки в этой стране.

Однако межгосударственные отношения Советского Союза с Болгарией не отражали широты фактических связей, существовавших между двумя странами. СССР был крайне заинтересован в развертывании антигерманского и антиправительственного движения Сопротивления в этой балканской стране с традиционно русофильскими настроениями и с сильной компартией. Через на-

ходившееся в Москве Заграничное бюро Болгарской рабочей партии (БРП) и ее лидера Георгия Димитрова, генерального секретаря Коминтерна, болгарским коммунистам передавались инструкции по организации движения Сопротивления.

Сразу же после нападения Германии на СССР БРП, исходя из указаний Коминтерна, приняла курс на вооруженную борьбу и вооруженное восстание. В августе 1941 г. в Болгарию из СССР на советских подводных лодках нелегально переправились две группы болгарских политэмигрантов – коммунистов, а в сентябре с советских самолетов в различных районах страны были сброшены еще пять групп. Их цель состояла в ведении разведывательных, боевых и саботажных действий в тылу гитлеровской Германии. Судьба большинства политэмигрантов оказалась трагичной – почти все они погибли.

После 22 июня 1941 г. военно-политическая обстановка в Болгарии была крайне неблагоприятной для антигерманских и просоветских, прежде всего, коммунистических сил. Территория страны, ее порты и аэродромы использовались для нужд вермахта. Хотя в планах германского командования участие Болгарии в распространении агрессии на Восток на этом этапе не предусматривалось, ей отводилась роль жандарма на Балканах. Болгарскому правительству приходилось считаться с традиционно дружественными чувствами болгар к русскому народу, и оно не решилось послать на Восточный фронт ни одного солдата. При этом в Болгарии, достигшей в 1940–1941 гг. с помощью Германии национального объединения, не участвовавшей непосредственно в военных действиях и пока сохранявшей относительно стабильную экономику, отсутствовали условия для массового движения Сопротивления. Значительная часть населения находилась под влиянием националистической и усилившейся антисоветской пропаганды. Поэтому в партизанской борьбе участвовали почти исключительно коммунисты, комсомольцы и им сочувствующие. В целом тот факт, что советское правительство помогало антиправительственной борьбе в Болгарии и одновременно поддерживало официальные отношения с этой страной, и наоборот, что болгарское правительство, не прерывая дипломатических отношений с СССР, предоставляло свою территорию гитлеровской Германии для расширения войны на Восточном фронте, является парадоксальным в условиях существовавшей военно-политической обстановки.

Вскоре после Тегеранской конференции (1943 г.) СССР активизировал свою политику в отношении Болгарии, считая ее зоной советских интересов. С января 1944 г. советское руководство начало дипломатическое наступление с целью заставить болгарское правительство прекратить военную помощь Германии. В ряде нот оно пыталось принудить кабинет Д. Божилова разорвать союз с Германией и протестовало против превращения черноморских портов Варна и Бургас в германские военно-морские базы и против использования болгарских аэродромов германскими самолетами для нанесения ударов по СССР. В мае было выдвинуто конкретное требование восстановить закрытое в 1942 г. советское консульство в Варне и открыть новые в Бургасе и Русе.

Приближающийся разгром Германии делал невозможным сохранение прежнего режима в Болгарии. Вырисовывалось два варианта будущего развития страны: восстановление Тырновской конституции 1879 г. и буржуазно-демократического управления или радикальные перемены во внутренней и внешней политике, направленные на коренное общественно-экономическое переустройство. И буржуазная оппозиция, выступавшая за первый вариант, и Отечественный фронт (ОФ) под руководством коммунистов, борющийся за второй вариант, понимали, что для реализации той или иной перспективы важнейшее значение приобретал внешний фактор, соотношение сил в рамках антигитлеровской коалиции.

В качестве непосредственной задачи захват власти в стране впервые был поставлен ЦК БРП в январе 1944 г. в циркуляре № 2 «О задачах партии по мобилизации и подготовке антифашистских сил к всенародному вооруженному восстанию»¹. В этот период связь ЦК БРП с Загранбюро ЦК БРП и лично Г. Димитровым была крайне затруднена. Обмен информацией между болгарскими коммунистами в стране и Димитровым шел главным образом через советские секретные службы². 19 марта на имя Димитрова из Софии пришло следующее сообщение: «Мы решили твердо и последовательно готовить всенародное восстание не только путем агитации, но и действиями (собрания и др.). Это поможет преодолеть в народе и армии колебания и привлечь их к участию в восстании, – писал от имени руководства БРП Д. Терпешев. – Наша политическая линия создала у наших союзников в числе политических партий и общественных деятелей убеждение, что мы боремся за народную демократическую власть Отечественного фронта»³. Последняя фраза подтверждает, что коммунисты рассмат-

ривали ОФ лишь как тактику, позволявшую завуалировать стратегическую цель БРП – установление социалистического строя. В начале июля резидент Народного комиссариата госбезопасности СССР в Софии передал Д. Терпешеву шифр для установления прямой связи с Димитровым⁴.

В соответствии с циркуляром БРП о подготовке к вооруженному восстанию в апреле 1944 г. в Болгарии началась новая партизанская мобилизация. Создавались довольно крупные батальоны и бригады: Первая и Вторая Средногорские бригады, бригада «Чавдар» и др. В ответ власти предприняли жестокие карательные акции: расстреливали пойманных помощников партизан – ятаков, поджигали дома участников Сопротивления, преследовали их близких. Гражданская конфронтация приобрела исключительно ожесточенный характер.

1 июня 1944 г. управление страной было передано новому кабинету министров во главе с И. Багряновым, поставившему цель осуществить внешнеполитический поворот: при содействии США и Англии вывести Болгарию из войны, не порывая предварительно с Германией. При этом правительство надеялось отстранить Советский Союз от решения балканских проблем. Стремясь укрепить свои позиции в обществе, Багрянов попытался составить новое правительство с представителями ОФ. С этой целью были сделаны предложения о сотрудничестве болгарским коммунистам, начаты попытки привлечения в административный аппарат деятелей Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС). Это вызвало резко негативную реакцию в Москве: в переданной 5 июня 1944 г. по радиостанции им. Христо Ботева статье Г. Димитрова правительство Багрянова характеризовалось как призванное более гибко проводить прогерманскую политику. Димитров предупредил, что включение в состав нового кабинета некоторых членов БЗНС и русофилов имеет целью обмануть народ, а если удастся, то и союзников, чтобы выиграть время и по возможности парализовать расширяющееся повстанческое движение⁵. Тем самым Загранбюро нацеливало ОФ на самостоятельный захват власти.

Своей кульминации война властей с партизанами достигла в августе 1944 г. К этому времени в рядах Народно-освободительной повстанческой армии (НОПА) насчитывалось около 30 тыс. борцов. Основной формой их действий было овладение селами, в которых сжигались архивы, проводились собрания и осуществлялись карательные акции в отношении представителей власти.

Отрицательное отношение союзников БРП по ОФ к вооруженной борьбе имело следствием сужение ее классово-политической основы и ограничение ее масштабов. Партизанское движение в Болгарии на протяжении всего периода объединяло в своих рядах практически только членов БРП (35,4%), Рабочего союза молодежи (47%) и их беспартийных единомышленников (16%)⁶. Движение Сопrotивления в Болгарии не достигло, конечно, такого масштаба, какой оно имело в оккупированных германской армией странах, например, в Югославии и Греции. Но оно было несравнимо более массовым, чем партизанское движение в других странах – союзницах Германии, таких как Венгрия и Румыния.

С началом Яско-Кишиневской операции в августе 1944 г. Москва усилила нажим на болгарское правительство, а также активизировала помощь партизанскому движению, включающую заброску боевых групп и оружия. Приближение Красной Армии к Балканскому полуострову и свержение прогерманского режима Антонеску в Румынии 23 августа 1944 г. резко обострили внутриполитическую ситуацию в Болгарии. Правительство И. Багрянова все меньше владело положением. 26 августа 1944 г. оно объявило о строгом нейтралитете своей страны в германо-советской войне и потребовало от Германии вывода ее войск с территории Болгарии⁷.

В этот же день ЦК БРП издал циркуляр № 4, руководствуясь которым Главный штаб НОПА направил всем партизанским отрядам приказ повсеместно предпринять наступательные операции и установить власть Отечественного фронта⁸. Подробно о политической линии ЦК БРП был проинформирован Г. Димитров. В начале сентября ему была передана полученная через работника НКГБ информация Д. Терпешева. «Ваша директива от 20 августа с.г. нами получена, – говорилось в этом письме. – Очень довольны, что она пришла вовремя. Мы разоблачаем багряновцев, отрицательно относимся к попыткам Багрянова, регентов и буржуазной оппозиции втянуть нас в кабинет Багрянова – Гичева – Мушанова. Мы боремся за самостоятельную власть Отечественного фронта. Расширяем партизанское движение и укрепляем ОФ как в центре, так и на местах. Усилили работу в армии, привлекая кадровых офицеров и союзников в наши штабы»⁹.

Стремясь не допустить внутреннего взрыва с поддержкой его извне, со стороны Красной Армии, власти пошли на компромисс с либеральными оппозиционными силами. 2 сентября 1944 г. был образован кабинет во главе с одним из лидеров БЗНС «Враб-

ча» Константином Муравиевым. В течение нескольких дней новый кабинет предпринял ряд шагов по демократизации страны – была объявлена политическая амнистия, прекращено исполнение смертных приговоров, расформированы жандармерия и фашистские организации. Внешнеполитическими задачами кабинета стали достижение перемирия с США и Великобританией и недопущение вступления на территорию страны Красной Армии. 5 сентября правительство Муравиева приняло решение об объявлении войны Германии, обнародование которого по настоянию военного министра генерала Ивана Маринова было отложено на 72 часа, что мотивировалось техническими проблемами. На самом деле, Маринов к тому времени уже согласовывал свои действия с коммунистами и другими деятелями ОФ.

Однако усилия легальной оппозиции перейти к традиционной партийно-парламентской демократической системе оказались заранее обречены на провал. Судьба Болгарии решила союзниками по антигитлеровской коалиции с учетом их интересов и планов – для Англии и США Болгария уже находилась в советской зоне. Это нашло свое подтверждение позже, в октябре 1944 г., когда на встрече Сталина и Черчилля сферы влияния на Балканах были конкретизированы в процентах (75% преобладающего влияния в Болгарии получал СССР)¹⁰.

Внутренняя обстановка также не благоприятствовала успеху политики правительства Муравиева. К августу-сентябрю 1944 г. процесс радикализации, резкого полевения народных масс под воздействием побед Красной Армии достиг кульминации. В условиях существования буржуазно-демократического кабинета борьба БРП и ОФ получила новое содержание. С начала сентября она фактически превратилась в революционную борьбу против осуществления планов либеральной оппозиции, против любого буржуазного правительства, за собственную власть.

Отсрочка объявления войны Германии была использована советским правительством для того, чтобы обвинить правительство Муравиева в неискренности и в тот же день, 5 сентября 1944 г., объявить Болгарии войну. Лишь тогда болгарское правительство разорвало дипломатические отношения с Германией (6 сентября), объявило ей войну (8 сентября) и обратилось к СССР с просьбой о перемирии (которая не была принята во внимание). Болгарские военные подразделения получили приказ не оказывать сопротивления Красной Армии¹¹.

Советское руководство, используя нерешительность и промедление со стороны кабинета Муравиева в вопросе разрыва с Германией, содействовало приходу к власти в Болгарии тех сил, которые надежно обеспечили бы там советское влияние и укрепили бы позиции СССР во всем балканском регионе. В своих мемуарах «Воспоминания и размышления» Г.К. Жуков писал, что 23 августа 1944 г. Сталин вызвал его в Москву и отдал распоряжение немедленно выехать в штаб 3-го Украинского фронта в связи с подготовкой войны с Болгарией. Перед тем как выехать, Жуков встретился с Г. Димитровым, который сказал ему, что болгарский народ с нетерпением ждет Красную Армию, а компартия взяла курс на восстание, которое начнется одновременно с вступлением советских войск¹². 5 сентября, в день объявления Советским Союзом войны Болгарии, Димитров направил болгарским коммунистам экстренную радиограмму с последними наставлениями относительно подготовки восстания¹³. На следующий день он уведомил Сталина о радиограмме и сообщил ему ее полный текст. 5 сентября ЦК БРП и Главный штаб НОПА разработали оперативный план восстания, уточненный 8 сентября. В соответствии с ним путем координированных действий партизан, боевых групп и перешедших на сторону ОФ армейских частей в ночь на 9 сентября предстояло захватить власть и установить полный контроль над страной.

С начала сентября обстановка в Болгарии быстро менялась. Активность народных масс, понимавших, что страна стоит на пороге коренных перемен, связанных с приближением Красной Армии, нарастала. 6–7 сентября по призыву Национального комитета ОФ начались волнения в различных частях Болгарии. Произошли стачки шахтеров Перника, транспортников Софии, всеобщие забастовки под лозунгом «Вся власть Отечественному фронту!» в Пловдиве и Габрово. Были разбиты ворота тюрем в Плевене, Варне, Сливене и освобождено много заключенных. Однако до реальной подготовки восстания дело все же не дошло¹⁴. В течение 6–8 сентября власть ОФ была установлена более чем в 160 населенных пунктах¹⁵. Это происходило сравнительно легко, поскольку власть на местах находилась в состоянии полной дезорганизации¹⁶.

Активизировались действия партизанских отрядов. Инструкции и оружие для них шли из Советского Союза. В начале сентября на освобожденной партизанами территории Югославии И. Винаров, Шт. Атанасов и Д. Дичев сформировали самое круп-

ное боевое подразделение болгарской Народно-освободительной армии – Первую Софийскую партизанскую дивизию численностью около тысячи человек. За несколько дней до ее создания Винаров, Атанасов и Дичев направили Г. Димитрову радиogramму с просьбой помочь советским оружием и боеприпасами. В ответе Димитрова говорилось: «Приготовьтесь встречать самолеты... С завтрашнего вечера три ночи подряд вам будут сбрасывать оружие и боеприпасы...»¹⁷. Десятки советских транспортных самолетов сбросили в районе Добро Поле и Црна Трава (недалеко от болгаро-югославской границы) большое количество оружия.

Соотношение политических сил в стране резко изменилось в пользу Отечественного фронта и БРП. Выжидательная позиция, занятая Красной Армией на границах Болгарии 6–7 сентября в условиях уже объявленной войны, создавала для болгарских коммунистов наиболее благоприятную ситуацию для захвата власти. При этом СССР формально не нарушал договоренностей с западными союзниками о невмешательстве во внутренние дела других стран – важно было, чтобы правительство Отечественного фронта пришло к власти самостоятельно, без прямой поддержки со стороны советских войск.

8 сентября Красная Армия перешла румыно-болгарскую границу. На рассвете Черноморский флот осуществил морской десант в Варне, в Бургасе был произведен воздушный десант, а в 13 час. – морской десант. К середине дня войска 3-го Украинского фронта, которым по распоряжению правительства не оказывалось сопротивления, продвинулись по территории Болгарии на 70 км и достигли линии Руссе – Варна. Накануне вступления советское командование установило контакт с Главным штабом НОПА. В результате проведенной коммунистами работы болгары встречали советских солдат цветами, хлебом и солью.

Поскольку руководство БРП знало о том, что Красная Армия перейдет границу 8 сентября, удар по основным правительственным учреждениям в Софии было решено нанести в ночь с 8 на 9. К утру 9 сентября перешедшие на сторону ОФ воинские части болгарской армии при содействии военного министра И. Маринова, нейтрализовавшего командиров верных правительству подразделений, без всякого сопротивления заняли здание военного министерства, радиостанцию, центральную почту и телеграф, а также другие важные объекты. В 6 часов утра 9 сентября назначенный премьер-министром нового правительства Кимон

Георгиев по радио объявил о том, что народное восстание победило, и власть перешла в руки Отечественного фронта.

В тот же день советское правительство согласилось на просьбу ОФ начать переговоры о перемирии. С этого момента ключевыми в советско-болгарских отношениях стали вопросы об условиях перемирия с Объединенными Нациями и о взаимодействии советских и болгарских войск при изгнании германских частей с Балкан. Присутствие в течение трех лет войск Красной Армии в Болгарии способствовало закреплению результатов победы сил ОФ, ориентировавшихся на СССР. На это же была направлена деятельность Союзной Контрольной Комиссии в Болгарии под председательством представителя Советского главкома. Эти цели совпадали с соображениями нового болгарского правительства относительно национальных интересов страны, заключавшихся в подписании союзными державами мирного договора с Болгарией (10 февраля 1947 г.) на приемлемых для нее условиях.

Таким образом, в 1944–1945 гг. главными целями советской внешней политики в Болгарии было решение двух задач: обеспечение военных условий для скорейшего разгрома гитлеровских войск на Балканах и создание гарантий для утверждения международно-правового положения правительства Отечественного фронта.

Примечания

¹ См. Антифашистката борба в България. Документи и материали. Т. 2. София, 1984. С. 297–303, 299.

² См.: България в ХХ век. Очерки политическа история /Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 285–287.

³ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 26–27.

⁴ Там же. Л. 29, 43.

⁵ *Димитров Г.* Избранные произведения: в 2-х т. Т. 2. М., 1957. С. 25–26.

⁶ См.: *Дочев Д.* Социално-класова и политическа структура на партизанското движение в България. Автореферат докторской дисс. София, 1988. С. 17.

⁷ См.: *Димитров И.* Иван Багрянов – царедворец, политик, държавник. София, 1995. С. 89.

⁸ Антифашистката борба в България... Т. 2. С. 505–507.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 49.

¹⁰ См.: България – непризнатият противник на Третия райх. Сборник документи. София, 1995. С. 83–86, 89–98.

¹¹ *Муравиев К.* Събития и хора. Спомени. София, 1992. С. 402–403.

¹² См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1990. С. 164–165.

¹³ Антифашистката борба в България... Т. 2. С. 537.

¹⁴ См.: Саздов Д., Лалков М., Попов Р., Мигев В. История на България (681–1960). Т. 2. София, 1995. С. 474.

¹⁵ См.: Петрова Сл. Борбата на БРП за установяване на народнодемократичната власт: май-септември 1944. София, 1964. С. 212-213.

¹⁶ См.: Стателова Е., Грънчаров Ст. История на нова България. 1978–1944. Т. 3. София, 1999. С. 632.

¹⁷ См.: Драгойчева Ц. Победата. Повеля на дълга. Кн. 3. София, 1979. С. 586.

К. Кимура, А.С. Стыкалин
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**Венгрия и Югославия в 1945 г.:
поиски путей преодоления противоречий
между недавними военными противниками**

Abstract:

Kimura K., Stykalin A.S. *Hungary and Yugoslavia in 1945: overcoming the contradictions between recent war enemies*

The post-war political elites in Hungary and Yugoslavia – two neighboring countries, which had been enemies in World War II – were interested in peaceful postwar coexistence and economic cooperation. This should let them ü without putting an accent on their disagreements – overcome territorial and other disputes that were complicating the interstate dialogue in 1945.

Ключевые слова: Вторая мировая война, международные отношения в новейшее время, Венгрия, Югославия, Дунайский регион.

С окончанием Второй мировой войны страны Центральной и Юго-Восточной Европы вступили в новый этап своего развития. Соседние Венгрия и Югославия пребывали в 1945 г. не в одинаковом положении. Югославия, чья народно-освободительная армия (НОАЮ) под командованием маршала Й. Броза Тито оказывала смелое и масштабное сопротивление нацистским оккупантам, находилась в лагере победителей, авторитет страны на международной арене заметно вырос, велики были и внешнеполитические амбиции, проявившиеся в предъявленных в 1945 г. претензиях на Триест¹. Венгрия, напротив, оказалась в ряду побежденных государств, ожидавших своей участи на Парижской мирной конференции. Тяжелое наследие войны сказывалось на взаимоотношениях соседних народов. В массовом сознании сербов и хорватов издавна присутствовали антивенгерские настроения, исторически сложившиеся под влиянием вооруженных столкновений 1848 г. и острого противостояния в Первую мировую войну. В период Второй мировой войны, начиная с вероломного разрыва хортистским правительством договора о мире и дружбе с Югославией 1940 г. и последующего подключения венгерской армии к антиюгославской кампании вермахта в апреле 1941 г., эти настроения не могли не усилиться, особенно вследствие действий венгерской армии, администрации и жандармерии в оккупированной Воеводине². Жестокими были и акции возмездия, предпринятые партизанами НОАЮ

против мирного венгерского населения при освобождении Воеводины в 1944 г.³ Душевные травмы, полученные тысячами людей в годы вооруженных столкновений и массовых расправ (зачастую по этническому признаку), трудно было изжить за короткий период, они сохранялись в исторической памяти соседних народов, питая взаимные предубеждения.

Попытки осуществить «перезагрузку» в отношениях двух стран были предприняты с формированием в Дебрецене в декабре 1944 г. венгерского антифашистского временного правительства. В его документах декларировался разрыв с прежней «манией величия», доведшей страну до национальной катастрофы, выражалась готовность к установлению добрососедских отношений, налаживанию искреннего диалога и сотрудничества со всеми соседними странами, и едва ли не в первую очередь с победоносной Югославией. О каких-либо спорных вопросах в двусторонних отношениях не было и речи.

В отличие от побежденной Венгрии, которая была не в том положении, чтобы выступать хотя бы с минимальными претензиями к соседям (за исключением разве что воевавшей на стороне «третьего рейха» Румынии), титовская Югославия могла это делать, рассчитывая на поддержку союзников по антигитлеровской коалиции, на понимание ими правомерности ее притязаний на территории побежденных стран – Италии, Венгрии, Румынии, Болгарии, а также Австрии, чей статус в будущей Европе оставался неурегулированным вплоть до мая 1955 г. Территориальные амбиции новой Югославии проявились уже в начале 1945 г.⁴, что не способствовало развязыванию старых запутанных узлов в международных отношениях и, более того, завязывало новые узлы.

Вплоть до подписания с Венгрией в 1947 г. мирного договора послевоенные границы страны не были окончательно установлены, вопрос об их корректировке оставался открытым для обсуждения и последующего решения в ходе продолжавшейся Парижской мирной конференции на различных этапах ее работы. Не выступая в 1945 г. с официальным предъявлением территориальных претензий к соседней Венгрии, правительство новой Югославии вместе с тем старалось не упустить своего шанса на присоединение новых земель, периодически затрагивая эту тему в ходе контактов с представителями крупных держав. Осторожная постановка вопроса о некоторой ревизии границ в свою пользу воспринималась в Белграде помимо всего прочего как эффективный

инструмент давления на правительство Венгрии для того, чтобы склонить его к уступкам в пользу Югославии при решении частных вопросов двусторонних отношений (о выгодных экономических связях, репатриации перемещенных граждан, выдаче военных преступников и т.д.). Приоритетными для Тито и его окружения были экономические интересы, претензии заявлялись прежде всего на территории, привлекательные с точки зрения природных ресурсов (нефтяные разработки на юге Венгрии, добыча угля и урана в районе г. Печ). В то же время принималось во внимание наличие в Южной Венгрии вдоль протяженной границы с Югославией южнославянских национальных меньшинств (сербского, хорватского и словенского), включавших в себя и политически активных людей, способных в определенных условиях поддержать лозунги воссоединения своих земель с «матерью-родиной».

В начале 1945 г., когда в Будапеште еще продолжались кровопролитные бои Красной Армии с мощнейшей группировкой вермахта, в Москве готовилось соглашение о перемирии трёх держав с Венгрией, подписанное 20 января. Как известно из исследований венгерского югославииста А. Хорняка, 13 января министр иностранных дел Югославии, попутчик коммунистов И. Шубашич отправил в Москву послу С. Симичу письмо, в котором предписал ему согласовать с руководством СССР вопрос о передаче под контроль Югославии определенных венгерских территорий, которые НОАЮ могла бы занять сразу же после заключения перемирия⁵. О каких территориях шла речь, можно судить по записи беседы И.В. Сталина и В.М. Молотова 9 января с югославской делегацией во главе с членом руководства Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) А. Хебрангом⁶. Речь зашла не только о «восстановлении справедливости» в отношении Воеводины, т.е. о безусловном возвращении этой земли Югославии, но и о притязаниях Белграда на один из крупных городов Венгрии – Печ⁷, а также на город Байя и окрестности этих городов. Претензии лишь отчасти обосновывались присутствием на этих землях в селах южнославянского населения, но в первую очередь экономическими соображениями. Советская запись беседы фиксирует следующий диалог: Хебранг, начавший с изложения югославских претензий, «сказал, что для экономики Югославии чрезвычайно важно иметь уголь, имеющийся в прилегающей к Югославии венгерской области с центром в гор. Печ. В этой области в основном венгерское население, но есть известное количество и словен⁸. Эту область с Печ-

скими рудниками надо было бы присоединить к Югославии. Кроме того, югославские территориальные претензии к Венгрии включают и присоединение так называемого Байского треугольника, венгерской области с центром в городе Бая. В этой области, представляющей часть исторической провинции Бараньи, много славянского населения». Выслушав Хебранга, Сталин сразу же бросил реплику: «а венгры согласны?», на что глава югославской делегации ответил: «венгры, конечно, не согласятся, но для Югославии чрезвычайно важно иметь эти области и, может быть, можно будет их хотя бы оккупировать». Как явствует из записи беседы, Сталин проявил понимание югославской позиции, но всё же уклонился от ее прямой поддержки, ссылаясь на то, что притязания Белграда на земли, до войны принадлежавшие Венгрии, вызовут недоумение на Западе, где привыкли исходить из национального состава тех или иных территорий. Изменить положение можно было бы только в том случае, если бы НОАЮ своевременно заняла Печ и некоторые другие территории, поставив западных союзников перед свершившимся фактом их югославской оккупации, однако этого не произошло. Сталин заметил, что «с оккупацией югославы немного запоздали, что ему Венгрии не жаль, но американцы и англичане будут сильно возражать». Однако, продолжал он, не все потеряно и вопрос еще может быть решен в пользу Югославии, если югославское население соответствующих районов само активно проявит инициативу. Как зафиксировано в записи, «по словам тов. Сталина, югославам, проживающим в этих районах, надо самим ставить вопрос о присоединении к Югославии, надо выносить решения, шуметь. За присоединение надо царапаться»⁹ – только в этом случае можно было бы добиться вынесения вопроса о спорных территориях на рассмотрение будущей мирной конференции. Не ограничившись зондированием почвы перед самим Сталиным, члены югославского руководства доносили свою позицию и до западных союзников – через британских военных представителей в Белграде.

Истолковав замечание Сталина как руководство к действию, югославская сторона предприняла усилия для более тесного привязывания к Белграду ряда южновенгерских территорий. Уже при освобождении в 1944 г. Воеводины части НОАЮ вошли на территорию Венгрии в ее довоенных (трианонских) границах, где армейские политработники вели среди местных славян пропаганду в пользу режима Тито, разъясняя его права на некоторые зем-

ли, до войны принадлежавшие Венгрии. В составе НОАЮ были бойцы из числа славян Южной Венгрии. Возвратившись в родные села, они в ряде случаев пытались реорганизовать органы местной власти именно по образцу современной Югославии, с военизированными дружинами. Недавние военнослужащие победоносной титовской армии ходили по югославянским сёлам Южной Венгрии в привычном для себя обмундировании бойцов НОАЮ, и, более того, на административных зданиях кое-где вывешивались югославские флаги¹⁰. Все это находило поддержку немалой части населения. Известны случаи, когда посланцы из этих сел, прежде всего представители местной интеллигенции отправлялись в Белград, чтобы напомнить там о существующих настроениях в пользу воссоединения некоторых территорий с «матерью-родиной». Они были приняты как Тито, так и Шубашичем, заверившими их, что вопрос этот с учетом воли населения станет предметом рассмотрения на международных форумах в процессе определения послевоенных границ. Таким образом, амбиции белградских лидеров до некоторой степени совпадали с настроениями части политически активных венгерских югославян в местах их компактного проживания¹¹. Факты посещения Белграда югославянскими активистами Венгрии старались не предавать гласности, чтобы не привлекать преждевременного внимания за рубежом к территориальным претензиям Югославии к своим соседям¹².

При участии югославских эмиссаров, в том числе из органов безопасности, в Южной Венгрии в первые месяцы 1945 г. происходило формирование югославянских общественных организаций, ориентированных на Белград. Аналогичная деятельность происходила и в румынском Банате, где немалый процент населения составляли сербы. Создававшиеся в Венгрии и Румынии южнославянские «антифашистские фронты» должны были в удобный для этого момент выступить с инициативой присоединения контролируемых ими территорий к Югославии.

Вынашивавшиеся планы так и не были реализованы. В Москве считалась приоритетной задача укрепления прокоммунистических сил как в Венгрии, так и в Румынии. Поскольку аннексия фактически управляемой коммунистами Югославией некоторых территорий соседних государств могла бы подорвать в них позиции компартий (а значит и советское влияние), Сталин и его окружение не были склонны всецело потакать амбициям Тито. Через Союзные контрольные комиссии (СКК) в Венгрии и Румынии

Белграду дали понять, что славянским общественным движениям в этих странах следовало бы сосредоточиться на культурной деятельности и не лезть в вопросы, не входящие в их компетенцию¹³.

Хотя Белграду был подан явный знак умерить свои амбиции, вопрос о некотором «округлении» венгеро-югославских границ в пользу Югославии не был снят с повестки дня. 13 апреля 1946 г., в период работы Парижской мирной конференции, где обсуждались будущие границы Венгрии, югославский посол в СССР В. Попович сообщил в Наркомате иностранных дел о том, что югославское правительство в скором времени официально предъявит ограниченные территориальные претензии Венгрии, а также потребует права на использование в течение ряда лет нефтяных полей на венгерской территории. Можно предполагать, что оживлению в Белграде надежд на поддержку СССР территориальных амбиций Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) способствовало разочарование в Москве ходом событий в Венгрии, где в ноябре 1945 г. на свободных выборах коммунисты проиграли партии мелких сельских хозяев, набравшей 57% голосов¹⁴.

22 апреля 1946 г. Й.Б. Тито в Белграде в присутствии посла СССР А.И. Лаврентьева изложил дипломатам Венгрии суть претензий ФНРЮ. Он понимал, что в силу незначительности югославянского населения в границах Венгрии, установленных по Трианонскому договору, при обосновании притязаний имеет смысл сделать акцент на соображениях экономической целесообразности¹⁵. Вскоре из Будапешта приехала делегация, которую возглавлял влиятельнейший лидер коммунистов М. Ракоши в роли вице-премьера коалиционного правительства. По итогам переговоров Тито, знавший о том, что может не заручиться поддержкой Москвы в данном конкретном деле, согласился не поднимать вопроса о пересмотре границ на мирной конференции при условии, что Венгрия передаст Югославии право на использование нефтедобывающих полей близ границы. Поскольку венгерская сторона не возражала, 27 апреля 1946 г. Тито официально информировал руководство СССР о том, что у ФНРЮ нет территориальных претензий к Венгрии¹⁶, а в мае подтвердил это на встрече в Москве со Сталиным, оказавшейся последней¹⁷. Отказ Югославии (если не под прямым давлением Москвы, то с учетом ее позиции) от притязаний на территории Венгрии избавил отношения двух стран от довольно весомого груза.

Другая не сразу урегулированная проблема двусторонних отношений была связана с выплатой репараций. Вопрос об объеме репараций, наложенных на Венгрию как на побежденную страну, относился к компетенции США, Великобритании и СССР, предварительно установивших общую сумму в 300 миллионов долларов США. Эта сумма была озвучена Сталиным в ходе вышеупомянутой беседы с А. Хебрангом в январе 1945 г. и зафиксирована позже в соглашении о перемирии от 20 января. Хебранг выразил недовольство предложенной суммой как слишком маленькой, по мнению югославского руководства, однако все же продемонстрировал понимание мотивов советской позиции¹⁸. 16 марта 1945 г. югославская делегация при СКК в Венгрии была принята в г. Дебрецене председателем СКК маршалом К.Е. Ворошиловым¹⁹, который заявил, что из установленной суммы 200 млн. предстоит выплатить СССР, оставшиеся же 100 млн. разделить поровну между Югославией и Чехословакией.

В Белграде осознавали, что вследствие венгерской оккупации Воеводины Югославии был нанесен куда больший материальный ущерб, чем при оккупации венгерской армией Южной Словакии, ведь масштабы сопротивления и боевых действий были в случае с Югославией совсем иными. Поэтому было решено прозондировать почву в Москве относительно возможности увеличить сумму репараций для Югославии²⁰. Хотя Парижским мирным договором был официально установлен вышеуказанный расклад в выплате Венгрией репараций в пользу трех стран²¹, еще до подписания договора, в ноябре 1945 г., югославское правительство напрямую договорилось с чехословацким о том, что из суммы в 100 млн. долларов, причитающейся этим двум государствам, Югославия «по справедливости», как более пострадавшая от Венгрии сторона, получит львиную долю в 70 млн²². Что же касается порядка выплаты репараций, то в конце концов он оказался весьма щадящим для Венгрии, на что также повлияла позиция Москвы, где не хотели создавать лишних трудностей в целом приемлемому на данном этапе левоцентристскому правительству, причем в условиях охватившей Венгрию гиперинфляции²³. В августе 1946 г. Венгрия и Югославия договорились о том, что срок выплаты репараций продлится не шесть (как первоначально предполагалось), а восемь лет, начиная с 20 января 1946 г.²⁴ Важное место в структуре выплат должны были занять поставки угля, добываемого в районе г. Печ²⁵.

В 1945 г. на повестке дня двусторонних отношений стояли также вопросы о возврате имущества, вывезенного в Венгрию из оккупированной Воеводины начиная с апреля 1941 г.²⁶, а также возвращения на родину перемещенных за годы войны граждан Югославии (как военных, так и гражданских лиц), не менее 7 тыс. человек. Процесс репатриации завершился в основном к концу 1945 г., причем немалой части репатриантов пришлось пройти через фильтрационный лагерь в Суботице. Вопрос о репатриации стоял и с другой стороны. Решение об освобождении военнопленных венгерских солдат и офицеров было принято югославским правительством в начале сентября 1945 г.²⁷

Еще одну проблему составляла необходимость устранения рудиментов венгерской оккупационной администрации. Уже предварительные условия перемирия с Венгрией от 11 октября 1944 г. предусматривали эвакуацию всех ее войск и чиновников в течение 10 дней с оккупированных территорий Чехословакии, Румынии и Югославии в пределы границ, существовавших на 31 декабря 1937 г.²⁸ В соглашение о перемирии с Венгрией от 20 января 1945 г. было добавлено условие о том, что Венгрия должна аннулировать все законодательные и административные положения, относящиеся к аннексии территорий соседних стран (в этой связи говорилось и о необходимости уточнения количества венгров, переселившихся после 1941 г. в оккупированную Воеводину)²⁹. Все эти условия были соблюдены. Вместе с тем югославская сторона пыталась использовать положения соглашения для того, чтобы добиться депортации из страны не только бывших хортистских чиновников, приехавших начиная с апреля 1941 г., либо местных венгров, находившихся на службе оккупационной администрации, но более широкого контингента лиц³⁰.

Сложности, возникавшие между двумя государствами³¹, удавалось преодолевать благодаря доброй воле, проявленной с обеих сторон. С венгерской стороны, не желая трений в отношениях с более сильным соседом, попытались начать политику «с чистого листа», не муссируя старых обид. Не ставился вопрос о привлечении к ответственности виновных в осуществлении карательных акций НОАЮ против мирного венгерского населения при освобождении Воеводины. Вместе с тем Югославии были переданы хортистские военачальники, отдававшие приказы о расправе над мирным сербским населением, в том числе бывший начальник генерального штаба генерал Я. Сомбатхей, казненный в

1946 г.³² С югославской стороны была занята, как известно, жесткая позиция относительно депортации из страны воеводинских немцев³³, отношение к венгерскому меньшинству было более толерантным, тем не менее имели место попытки выселения из страны этнических венгров, вызывавшие несогласие будапештского правительства. Вопрос этот, как и вопрос об освобождении находившихся в заключении венгерских граждан (не несших ответственности за военные преступления), решался дипломатическим путем³⁴.

Правительство Чехословакии, как известно, в 1945 г. взяло курс на массовое выселение с территории страны не только немцев, но и венгров, рассматривавшихся на основе пережитого опыта как центробежная сила, угрожавшая целостности государства³⁵. Когда с подачи Сталина Праге было указано искать соглашения с Будапештом об эквивалентном обмене населением, Югославия взяла на себя не слишком активную посредническую миссию. Правда, в Белграде не были склонны занимать равноудаленную, беспристрастную позицию, югославам была ближе (пусть это и не афишировалось) точка зрения недавнего союзника по антивенгерской Малой Антанте. Можно даже предполагать, что и за посредничества они взялись в стремлении поддержать традиционного союзника, не допустив в то же время излишнего обострения отношений с Венгрией. Как бы то ни было, в сентябре 1946 г. при участии ФНРЮ было достигнуто компромиссное соглашение, реально способствовавшее некоторому снижению остроты в затянувшемся споре.

Существование территориальных претензий новой Югославии к Венгрии не означало, что в Белграде не искали возможностей для расширения своего влияния на соседнюю страну. В качестве его проводников рассматривали венгерских коммунистов, с которыми у КПЮ уже с 1945 г. налаживаются межпартийные связи, влиявшие и на развитие межгосударственных контактов. Для Венгрии налаживание взаимопонимания с победоносной Югославией, имело еще большее значение, поскольку способствовало выходу из политико-дипломатической изоляции. В вопросе активизации контактов с Югославией фактически не было разногласий внутри правящей коалиции, это направление во внешней политике считалось одним из приоритетных.

Как в Будапеште, так и в Белграде национальные меньшинства рассматривались в качестве инструмента налаживания взаи-

мопонимания. Это предполагало принятие мер по обеспечению их прав в области культуры и образования. В Югославии к большому удовлетворению антифашистской элиты Венгрии была создана развитая система венгерских культурных институций – газеты, с конца 1944 г. выходившие в Нови-Саде и Суботице; широкая сеть венгерских школ (в том числе средних, а также высших педагогических); спонсируемый государством театр в Нови-Саде. Широкую деятельность развернул Венгерский культурный союз Югославии, образованный в июне 1945 г.³⁶ Аналогичные шаги были предприняты и в Венгрии³⁷. Инициатива в развитии двусторонних культурных связей принадлежала, как правило, югославской стороне, ибо Венгрия, как побежденная страна, ожидавшая подписания мирного договора, была не в том положении, чтобы выступать в роли инициатора; вместе с тем она с готовностью откликнулась на любые предложения о сотрудничестве.

Создание в Югославии венгерской культурной инфраструктуры не было жестом, адресованным официальному Будапешту (положение побежденной страны не делало это необходимым), оно было направлено на повышение международного имиджа белградского коммунистического режима, но также и на то, чтобы заручиться внутриполитической поддержкой венгерского национального меньшинства, составлявшего в Воеводине около четверти населения. Как бы то ни было, политика югославских властей в отношении собственных венгров была, судя по откликам прессы, позитивно воспринята в Венгрии, причем не только на левом фланге политической жизни. Деятели разных политических ориентаций положительно отзывались об обеспечении прав венгров в Югославии, противопоставляя курс Тито менее толерантной политике правительства Румынии в отношении еще более значительного венгерского меньшинства³⁸, но в особенности нетерпимой линии в Чехословакии, где окружением президента Э. Бенеша, взявшим на вооружение идею создания чисто славянского государства, был по сути дела в 1945 г. избран курс на полное очищение страны от венгерского элемента, несколько скорректированный лишь под давлением Москвы³⁹.

В апреле 1946 г., когда решался вопрос о снятии Белградом территориальных претензий к южному соседу, большой отклик в Венгрии вызвало выступление Тито, в котором он заявил, что питает братские чувства к соседней стране – оно широко комментировалось в венгерской печати. Заявление Тито вписывалось в

стратегию, направленную на укрепление позиций ФНРЮ как региональной державы – не только балканской, но и дунайской. Как бы то ни было, перспектива усиления югославского доминирования в регионе не была воспринята в Будапеште настороженно. Для Венгрии с ее незавидным статусом побежденной страны и репутацией наиболее верного сателлита нацистской Германии, в силу бесперспективности каких-либо собственных региональных амбиций важнее была дружба с более влиятельной внешнеполитической силой.

Поскольку отношения двух компартий были стабильными, титовские власти в своем стремлении укрепить коммунистическое влияние на венгерское население Югославии не возражали против поддержания связей местных (прежде всего воеводинских) венгров с венгерской компартией. В отчетах посещавших Воеводину делегаций ВКП с удовлетворением констатировалось, что национальные права венгров в Югославии гарантированы, созданы условия для сохранения языка, развития культуры, отмечаются национальные праздники⁴⁰, а кроме того среди венгров были широко распространены левые идеи.

Венгерская компартия в деле налаживания отношений с соседними государствами считала особенно важным сближение (наряду с СССР) именно с Югославией, надеясь на определенное понимание Белградом венгерской позиции в случае дальнейшего обострения противоречий Венгрии с Чехословакией и Румынией по спорным территориальным проблемам и вопросам положения национальных меньшинств. Начиная с 1945 г. в Венгрии получают распространение идеи сотрудничества дунайских государств (со ссылкой на проекты Дунайской конфедерации позднего Л. Кошута), они нашли отражение и в прессе, тяготевшей к компартии. В качестве первого шага рассматривался проект создания югославо-венгерско-румынского таможенного союза. Этот тезис был в сентябре 1945 г. даже включен в предвыборную программу ВКП.

Планы тесного сотрудничества (особенно экономического) дунайских государств прорабатывались и в Белграде, где хотя и негласно, но отводили Югославии главную роль в любого рода дунайских проектах. Желая укрепления в соседней Венгрии левых сил, югославская компартия периодически направляла в Будапешт своих эмиссаров для оказания той или иной помощи венгерским коммунистам (впоследствии, после разрыва отношений в 1948–1949 гг., это облегчило задачу поиска компрометирующих югославских

связей функционеров венгерской компартии, оказавшихся в опале). Применительно же к 1945–1947 гг. отчасти и региональными амбициями титовской Югославии, ее стремлением к усилению своего влияния на Венгрию можно объяснить тот факт, что югославские коммунистические власти относились к венгерскому меньшинству в Воеводине лучше, нежели левоцентристские власти Чехословакии или Румынии к своему венгерскому населению.

При том, что тяжелое наследие войны было невозможно изжить за короткий отрезок времени, динамика югославо-венгерских отношений была в первые послевоенные годы однозначно позитивной, сотрудничество развивалось в разных областях. Своего апогея оно достигает во второй половине 1947 г. – всеобъемлющее двустороннее культурное соглашение, подписанное в октябре 1947 г., посещение Й. Тито Будапешта в декабре 1947 г. и подписание договора о дружбе и сотрудничестве. К началу 1948 г. отношения Венгрии и Югославии уже не осложняли ни взаимные территориальные претензии, ни проблемы переселений и национальных меньшинств, тем более что в обеих странах немало делалось для обеспечения прав миноритарных этносов. Как бы то ни было, активизация неблагоприятных внешних факторов могла возродить старые обиды и привести к значительному откату в налаживании диалога. Именно это и произошло весной 1948 г., с началом советско-югославского конфликта. Первый же поступивший в Будапешт сигнал об ухудшении советско-югославских отношений многоопытный коммунистический лидер М. Ракоши, к этому времени сконцентрировавший в своих руках важнейшие рычаги власти, воспринял не только как новую директиву для своей партии, но и как угрозу лично для себя, скомпрометированному в глазах Москвы чрезмерной близостью к Югославии и ее вождю. Он не мог не понимать, что рассерженный на слишком амбициозного и самостоятельного маршала Тито советский вождь может нанести удар и по руководству венгерской компартии как слишком проюгославному. Ширившееся с каждым годом многостороннее сотрудничество уступило место с обеих сторон крупномасштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, осуществлявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом.

Венгрия не просто вынужденно подключилась к антиюгославской кампании, инициированной Сталиным; лидер венгерской компартии (позже Венгерской партии трудящихся) Ракоши

претендовал на то, чтобы играть роль «первой скрипки в оркестре». Организованный по его инициативе фальсифицированный судебный процесс по делу Ласло Райка (сентябрь 1949 г.) дал новый толчок этой кампании, способствовал эскалации обвинений против югославских коммунистов, которых Москва в соответствии с резолюцией третьего совещания Коминформа (ноябрь 1949 г.) квалифицировала теперь уже не просто как ревизионистов и националистов, но как шпионов и убийц⁴¹.

Осенью 1949 г. дипломатические отношения между Белградом и Будапештом фактически были разорваны. Предельной остроты достигает ситуация на границе двух стран. Нанесенные при этом Югославии психологические травмы оказались настолько сильными, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, начавшийся в середине 1950-х годов, после смерти Сталина⁴².

Примечания

¹ См.: *Гибисанский Л.Я.* Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998; Он же. Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945) // Славяноведение. 2001. № 3, 4.

² Уже в первые месяцы оккупации более 50 тыс. сербов было изгнано с территорий, отошедших под венгерскую юрисдикцию, в более южные области распавшейся Югославии. Земельные владения изымались в пользу венгров (в том числе прежних хозяев, живших на этих территориях до Трианонского мирного договора 1920 г.), сербы дискриминировались в сфере имущественных прав, профессиональной деятельности, предпринимательства. Часть из них прошла через трудовые лагеря; лица, оказывавшие активное сопротивление новым властям, уничтожались. В начале 1942 г. в ответ на активизировавшееся партизанское движение был предпринят ряд карательных рейдов, их жертвами стали около 4 тыс. мирных жителей. Всего за время оккупации Воеводины Венгрией до 1944 г. погибло как минимум 50 тыс. человек – как сербы, так в еще большем количестве евреи, жертвы Холокоста 1944 г.

³ См.: *Sajti E.* Büntudat és győztes Fölény. Szeged, 2010.

⁴ В процессе согласования послевоенных границ с югославской стороны были предъявлены территориальные претензии фактически ко всем соседям. Особую остроту приобрел спор между Югославией и Италией вокруг Триеста, при временном урегулировании которого Белграду, не поддержанному не только западными державами, но и Советским Союзом, пришлось пойти на уступки.

⁵ *Хорняк А.* Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва Сталина и Тито // Советско-югославский конфликт 1948 г. и страны Восточной Европы. М., 2015 (подготовлено к печати).

⁶ См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Том 1. 1944–1948 / Отв. редактор Г.П. Мурашко. М. – Новосибирск, 1997. С. 118–133.

⁷ Королевство сербов, хорватов и словенцев заявляло свои претензии на Печ и в 1919–1920 гг., руководствуясь примерно теми же (экономическими) мотивами, что и новая Югославия в 1945 г. Но Трианонский договор 1920 г., значительно (в три раза) урезав версальскую Венгрию в сравнении с Венгерским королевством как составной частью дуалистической Австро-Венгрии, оставил все же этот город под венгерской юрисдикцией. Югославская армия покинула Печ только в 1921 г.

⁸ Так в тексте. В окрестностях Печа южнославянское население представляли главным образом хорваты, а не словенцы.

⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Том 1. С. 126.

¹⁰ Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва Сталина и Тито.

¹¹ Один из ездивших в Белград зимой 1945 г. протитовских активистов литератор А. Караджич подвергся по возвращении в Венгрию судебному преследованию по обвинению в антигосударственной деятельности. Он был освобожден из-под ареста лишь по ходатайству представителей Югославии, с которой новые венгерские власти совсем не хотели ссориться.

¹² Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва Сталина и Тито.

¹³ См.: Гибянский Л.Я. Советский Союз и территориальные проблемы южнославянских государств после Второй мировой войны // Acta contemporanea. K pëtašedesátunám Viléma Prečana. Praha, 1998. С. 38.

¹⁴ Тем не менее эта партия не решилась пойти на формирование однопартийного кабинета, взяв на себя всю ответственность за положение в стране. Новое правительство стало, как и прежде, многопартийным, причем контроль коммунистов над МВД и госбезопасностью помог им потом добиться успеха во внутривнутриполитической борьбе.

¹⁵ Gibianski L. The Hungarian-Yugoslav territorial problem in Soviet-Yugoslav political contacts 1945–1946 // History & Politics. III. Bratislava Symposium November 12–15. 1992. Bratislava, 1993. P. 113.

¹⁶ Ibid. P. 114. См. также: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 15. Л. 63–65.

¹⁷ См.: Последний визит Й. Броза Тито к И.В. Сталину / Подготовили Л.Я. Гибянский и др. // Исторический архив. 1993. № 2. С. 29.

¹⁸ Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. Т. 1. С. 119.

¹⁹ Diplomatski arhiv Ministarstva inostranih poslova Republike Srbije (далее – DAMIPRS). Fond. Pol. arhiv. 1945 godine. fasc. 23. Mađarska. L. 338.

²⁰ Хотя бы до 65 млн долларов. См.: DA MIP RS. Fond. Pol. arhiv. 1945 godine. fasc. 23. Mađarska. L. 346.

²¹ Мирный договор с Венгрией. М., 1947. С. 21–22.

²² В Праге пошли на это, будучи заинтересованными в восстановлении традиционно близких отношений с недавним партнером по межвоенной Малой Антанте.

²³ После того, как 27 июня 1946 г. Венгерский национальный банк выпустил банкноту в 1 триллион пенгё, показатель обесценения денежной единицы вошел в книгу Гиннеса, опередив показатели инфляции 1923 г. в Германии. Для преодоления финансовой катастрофы с 1 августа 1946 г. была введена новая, устойчивая валюта – форинт. В подготовке финансовой реформы немалую роль сыграл приехавший на несколько недель на родину крупный советский экономист венгерского происхождения академик Е.С. Варга. Для того, чтобы облегчить проведение реформы,

Москва пошла летом 1946 г. на послабления Венгрии в деле выплаты репараций: были продлены сроки выплат, отказались также от штрафа за просрочку.

²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1377. Л. 102.

²⁵ Еще в январе 1945 г. А. Хебранг в беседе со Сталиным сообщил о югославском интересе к получению от Венгрии природных ресурсов в качестве компенсации за нанесенный ущерб (См.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. Т. 1. С. 119).

²⁶ Он был в конечном итоге решен в соответствии с установлениями Парижского мирного договора 1947 г. См.: Мирный договор с Венгрией. М., 1947. С. 13–15.

²⁷ АВП РФ. Ф. 077. Г. 1945. Оп. 19. Папка 12а. Д. 11. Л. 93.

²⁸ Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Т. 1. С. 75–76.

²⁹ Освобождение Венгрии. 1944–1945. Сборник документов. Будапешт, 1976. С. 93.

³⁰ Данные о масштабах высылки венгров с территории Югославии в 1944–1946 гг., приводимые в венгерской литературе (См., например: *Sajti E. Büntudat és győztes Fölény. Szeged, 2010. 137. o.*), представляются завышенными, ведь проблема депортаций венгров из Югославии (в отличие от Чехословакии) не создавала в то время ни серьезной внутриполитической напряженности, ни существенных трудностей в двусторонних отношениях.

³¹ Югославские коммунисты с разочарованием восприняли успех на выборах в ноябре 1945 г. партии мелких сельских хозяев, что проявилось и в тональности прессы, развязавшей кампанию нападок на Венгрию, где ничего якобы не делалось для улучшения положения южнославянских меньшинств. Впрочем, неизменность внешнеполитической линии новой Венгрии способствовала снятию напряженности в отношениях двух стран.

³² Его участие не смягчило и то обстоятельство, что после оккупации Венгрии вермахтом в марте 1944 г. он был отстранен по настоянию Берлина за содействие попыткам премьер-министра М. Каллаи найти пути разрыва Венгрией союза с Германией, а в октябре 1944 г. арестован пришедшими к власти нилашистами во главе с Ф. Салаши за саботаж военных действий против Красной Армии. В 1994 г. Сомбатхейи был посмертно реабилитирован венгерским (но не югославским) судом.

³³ Часть из них в соответствии с приказом НКВД СССР от 16 декабря 1944 г. была направлена на восстановительные работы в СССР. См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. Т. 1. С. 116–118.

³⁴ См. фонды МИД Венгрии в Венгерском государственном архиве, напр.: *Magyar Országos Levéltár (MOL) KÜM. Jugoszlavia TÜK 1945–1964. XIX–J–1–j–Jun–29/ h–5/ pol.–1945. 38 doboz.*

³⁵ См.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948 / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2004. С. 211–309.

³⁶ См.: *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // Славяноведение. 2010. № 5.

³⁷ В Сегеде местное общество венгерско-югославской дружбы было создано еще в июне 1945 г. В октябре было образовано общество венгерско-югославской дружбы, действовавшее в масштабах всей страны и получавшее поддержку от государства.

³⁸ В Румынии опасались усиления позиций венгров, на протяжении столетий политически и культурно доминировавших в Трансильвании. Важно при этом иметь в виду, что вопрос о послевоенной венгеро-румынской границе обсуждался на Парижской мирной конференции 1946 г. и продолжал оставаться открытым

вплоть до окончательного согласования мирных договоров, заключенных в 1947 г. Югославия в тех условиях не могла иметь аналогичных опасений в отношении как Венгрии, так и собственных венгров.

³⁹ В этих условиях ухудшились и отношения компартий. На второй сессии Временного Национального собрания Венгрии, открывшейся 5 сентября 1945 г., все выступавшие, включая коммунистов, критиковали политику властей Чехословакии в отношении собственных венгров.

⁴⁰ В том числе день начала революции 1848 г. 15 марта (и это несмотря на острые венгерско-югославянские межэтнические столкновения в период той великой революции). Венгерские делегации при посещении Воеводины видели на улицах городов флаги Венгрии на венгерских национальных праздниках, чего нельзя было себе представить в то время ни в Румынии, ни в Чехословакии. См.: Magyar Országos Levéltár (MOL). XIX–1–j–Jugoszlavia–16/ 6–2891/pol–1947. 25. doboz.

⁴¹ См.: *Кимура К.* «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // Славяноведение. 2012. № 1.

⁴² См.: *Тыкалин А.С.* Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутривосточная ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб, 2002. С. 323–345.

Е.П. Аксёнова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Русский эмигрант о Великой Отечественной войне. Взгляд из Праги

Abstract:

Aksenova E.P. *A Russian emigrant about the Great Patriotic War. A view from Prague*

The article suggests some fragments of the manuscript of the Russian émigré historian A. Florovsky presenting his view on the course and outcomes of the Great Patriotic War of the Soviet Union and the heroic struggle of the Soviet people.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, русская эмиграция, Прага, А.В. Флоровский.

Прошло 70 лет со времени окончания Второй мировой войны. За эти годы написано огромное количество книг, статей, мемуаров, посвященных причинам, подготовке, ходу и итогам войны. Но до сих пор еще не все события военных лет получили достаточное освещение. Об этом свидетельствует неугасающий интерес как ученых, так и широких общественных кругов, поддерживаемый средствами массовой информации, к проблематике войны. В год 70-летия Великой Победы этот интерес еще более возрос. В связи с расширением доступа к архивным документам тех лет становятся более разносторонними и углубленными исследования событий 1939–1945 гг. И каждый вновь вводимый в оборот документ привносит какие-то новые дополнительные данные в общую копилку знаний о войне и Победе.

В фонде А.В. Флоровского (Ф. 1609) в Архиве РАН хранится документ, озаглавленный «О политической истории СССР 1917–1946 гг.». К сожалению, это не полный текст, а отдельные фрагменты. Несколько фрагментов посвящены Великой Отечественной войне, что представляет для нас особый интерес. Дату написания документа, исходя из его содержания, можно отнести ко времени не ранее 1947 г.¹, но, скорее всего, и не позднее этого времени. Остается лишь предполагать, с какой целью автор писал этот текст – собирался ли он его опубликовать или прочитать в качестве доклада или лекции (так как в 1947 г. Флоровский был восстановлен на работе в Карловом университете в Праге, где он читал различные курсы истории России). Так или иначе, взгляд эмигранта на ход и

итоги войны – еще один, не лишний штрих к картине истории Великой Отечественной войны советского народа и в целом – Второй мировой войны.

Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) окончил историко-филологический факультет Новороссийского (Одесского) университета и преподавал в нем русскую историю. Защитил магистерскую диссертацию по истории России XVIII в. (Екатерининская эпоха). После революции 1917 г. Флоровский, далекий от политики, продолжил свою преподавательскую деятельность в созданных на базе университета институтах и вновь открытом Археологическом институте, а также в средних учебных заведениях Одессы. Наряду с преподаванием он активно сотрудничал в различных научных организациях и обществах города². Даже в условиях революции и Гражданской войны ученый продолжал исследовательскую работу, несмотря на трудности, по его собственным словам, «изучения архивных фондов в столичных архивах ввиду все большей изоляции Одессы³ от северных центров страны»⁴. Он сосредоточился на изучении местных архивных материалов, «но был буквально оторван от них и должен был через несколько дней покинуть родину...»⁵ Большим творческим планам ученого в России не суждено было осуществиться. Осенью 1922 г. А.В. Флоровский вместе с другими профессорами и преподавателями Одесского университета был выслан из страны⁶. Начался долгий период вынужденной эмиграции⁷.

В начальный, самый трудный период адаптации к жизни за границей Флоровский, как и большинство русских эмигрантов, надеялся на «восстановление нормальной жизни и деятельности в России (когда она освободится от советской власти и вновь оживет)»⁸. С утратой этих иллюзий ученый не перестал интересоваться научной жизнью в СССР, подготовив библиографические обзоры выходившей на родине исторической литературы⁹. Во время войны он продолжал заниматься, насколько это было возможно, научной и научно-организационной деятельностью. С приближением Советской армии, в отличие от некоторых своих коллег, не покинул страну пребывания и не отправился во вторичную эмиграцию. В декабре 1946 г. Флоровскому было возвращено советское гражданство¹⁰. Мы не располагаем данными, при каких обстоятельствах это произошло, но очевидно, что при решении вопроса должна была учитываться лояльность историка-эмигранта к советской власти. Ученый не вернулся на родину, оставаясь

до конца жизни в Праге, но наладил контакты с советскими коллегами (в частности – византинистами)¹¹.

Текст Флоровского, посвященный войне, представляет собой очень краткие, обобщенные заметки, без детализации, в которых автор старается объективно изложить ход событий. Сохранившиеся фрагменты напоминают, скорее, строки из учебника, но при этом они все же эмоционально окрашены. Тяжелейшие испытания и героическая борьба советской страны и ее народа вызывают сочувствие и гордость автора. Как к безусловно прогрессивному делу относится Флоровский к освобождению от фашизма Европы Советской армией. Вполне естественными и законными представляются ученому и требования победившей державы, связанные с территориальными и другими интересами. Большой положительный момент он видит и в возможности развития некоторых стран Центральной и Юго-Восточной Европы по новому пути, открытому советским примером и влиянием.

Историк не берется анализировать те политические изменения, которые произошли в освобожденных советскими войсками странах Европы, так как на тот момент прошло еще недостаточно времени, но он полагает, что за новым курсом будущее, и поэтому следует внимательно изучать развивающиеся процессы.

А.В. Флоровского можно считать не только историком России, но и историком-славистом, поскольку многие работы эмигрантского периода посвящены славянской проблематике. В связи с этим особенно примечательно, что он обращает внимание на славянскую политику Советского Союза.

Краткость описания событий военного времени предположительно может объясняться тем, что Флоровский не располагал необходимой информацией о развитии военных действий на Восточном фронте. В Чехии был установлен режим Протектората Богемии и Моравии¹². Деятельность культурных и научных учреждений русских эмигрантов в Протекторате была поставлена под непосредственный контроль уполномоченного начальника специально учрежденного Управления делами российской эмиграции (УДРЭ) в Берлине¹³. Сведения о происходящем на фронтах русские эмигранты, по всей вероятности, узнавали в первую очередь из фашистских источников, но эти сведения нуждались в определенной интерпретации. Другим источником более достоверных данных могли служить западные радиостанции и советское вещание в том случае, если была возможность их слушать. Возможно,

были и другие каналы информации. Чем пользовался Флоровский, нам неизвестно. Но по окончании войны источников информации стало больше, однако в тексте не названа ни одна крупная битва на территории СССР, и лишь в общем плане говорится об операциях в Африке, Италии и Западной Европе. То, что касается итогов войны, у него описано подробнее и конкретнее, что вполне объяснимо: результаты послевоенных мирных договоров находили отражение в чешской печати и средствах массовой информации союзников. Послевоенное устройство Европы являлось тогда актуальной темой международной политики. Необходимо учитывать возрастающее советское влияние в освобожденных странах.

Несмотря на то, что отрывки текста А.В. Флоровского, посвященные войне и ее итогам, не содержат каких-либо новых, неизвестных даже на момент написания фактов, они все же имеют свою ценность, представляя взгляд на Великую Отечественную войну так сказать не «изнутри», а «снаружи», но из русской среды (которая, впрочем, была отнюдь не однородной), и это был «неангажированный» взгляд патриота¹⁴, с оптимизмом смотревшего в будущее.

Публикуемые заметки представляют собой рукописный автограф с авторской правкой. Текст воспроизводится в соответствии с современной орфографией, но с учетом стилистических особенностей оригинала. Пропуски текста в документе отмечены многоточием в прямых скобках. Ссылки на листы дела приводятся в круглых скобках.

А.В. Флоровский

[О политической истории СССР 1917–1946 гг.]

[...] Этот момент настал в середине 1941 года, когда Гитлер после быстрой и сравнительно легкой победы над Польшей, потом над Францией и Югославией направил свои испытанные в боях силы против Советской России. Для СССР началась Великая Отечественная война, развернувшаяся в гигантское противостояние прекрасно организованных и подготовленных немецких сил с Красной Армией, сила сопротивления и напора которой возрастала по мере углубления неприятеля внутрь России и сломила немецкое наступление тогда, когда немецкие войска уже достигли предгорий Кавказа, берегов Волги и готовились сомкнуть свои щупальца вокруг Москвы (л. 1).

Этот тяжкий бой СССР вел в союзе с Англией и Соединенными Штатами Северной Америки, которые после крупных удач на африканском театре военных действий и затем в Италии¹⁵ осуществили в 1944 г. грандиозный военный план вторжения в занятую Германией Францию¹⁶. В течение двух лет 1942–1943 СССР выдерживал на себе всю тяжесть напора гитлеровской Германии и сумел вышибить врага из своих территорий. Затем – в соответствии с операциями во Франции и на Рейне¹⁷, нанес решительный удар Германии, перейдя Вислу, позже Одру и превратив в груды развалин самую столицу Германии Берлин (л. 2).

[...] Советская власть во главе с ее вождем Сталиным сумела блистательно организовать победу, подготовить и обеспечить успех русского оружия. Советская военная сила оказалась на высоте ответственных стратегических и тактических задач грандиозной войны, а русский солдат стоял на высоте выполнения [возложенных] на него обязанностей защиты родины и страны от вторгшихся в нее врагов. Война, и в стадии своего развития на просторах Советского Союза, не привела к расколу связей многонародного населения СССР, (л. 3) но все народности одинаково упорно и согласно боролись за свою родину и за свое государство, хотя в этой борьбе главную роль и сыграл прежде всего ведущий народ страны – народ русский. Страна вышла из войны победительницей, она вышла из военной бури обновленной и сплоченной пролитым морем крови, она вышла закаленной в огне боя за свободу и самостоятельность.

Советский Союз вышел из победоносной войны со значительно расширенной государственной территорией. Расширение это коснулось прежде всего тех земель, которые населены украинцами и белорусами и входили после Рижского договора 1920 г.¹⁸ в состав Польши. Теперь границы Союза охватили (л. 4) всю этнографическую область украинцев и белорусов¹⁹ по Западный Буг и верховье Днестра, включая и Галичину²⁰, и Буковину²¹, и по соглашению с Чехословакией в состав Украинской Советской Республики вошла и область Закарпатской (ранее Угорской) Руси²² как Украины (sic!). С другой стороны, Советский Союз возвратил в свои границы отошедшую в 1918 г. в состав Румынии Бессарабию²³, также к Союзу присоединились в качестве советских республик Эстония, Латвия и Литва²⁴, а из стран, воевавших против СССР на стороне Германии, Финляндии к Союзу отошла Карелия, область Выборга и область Петсамо на берегу океана²⁵. Нужно

еще прибавить, (л. 5) что к СССР отошла часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом²⁶.

Советский Союз в победоносной своей войне против гитлеровской Германии не ограничился обеспечением своих собственных границ и владений, но поставил себе широкую задачу ликвидации фашизма и национал-социализма вообще как угрозы свободе народов и делу мирного их развития. Изгнав германцев из своих пределов, СССР продолжал борьбу с ними для освобождения от их власти иных народов. Эта задача была полностью осуществлена, и после падения Гитлера и его власти для ряда государств и народов восточной, южной и средней Европы открылись новые перспективы развития (л. 6). При активном военном и политическом участии Советского Союза положены были новые начала политической жизни и новой федеративной Югославии, и новой республики Болгарии, и новой демократической Польши, и обновленной и освобожденной от немецкого меньшинства Чехословакии²⁷ и т.д. В развитие Освободительной войны получили новую подоплеку и формулировку проблемы славянской политики и славянской культурной солидарности, эти проблемы заняли теперь вновь видное место в общей политической и культурной программе Советского Союза²⁸. Советский Союз стал теперь одним из решающих факторов (л. 7) политической жизни всей Восточной и Средней Европы – от устьев Лабы и до Адриатики (л. 8).

Но СССР ныне есть крупнейший фактор политической жизни и всего мира в целом. Таков естественный итог военной бури 1939–1945 годов, он чреват чрезвычайно важными возможностями и последствиями, которые связаны прежде всего с тем, как будет и будет ли после жестоких испытаний войны организован мир всего мира.

Великая освободительная война 1941–1945 гг. есть последняя пока законченная глава текущей истории СССР. После войны страна вернулась к мирной работе по восстановлению потрясенного хозяйства, по залечиванию потрясающих разрушений и (л. 9) последствий неприятельского вторжения в страну, страна возвратилась и к продолжению прерванных войной работ по углублению процесса индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Эти восстановительные работы требуют длительного и прочного мира, за который упорно борется ныне советская дипломатия, встречая и со стороны своих бывших военных союзников и недоверие, и опасения, и недоброжелательство. К преж-

ним поводам и причинам для разногласий теперь прибавились новые – в связи с несравненным усилением политического значения СССР, в связи с законными требованиями Советского Союза об обеспечении его интересов и потребностей – и (л. 10) у Дарданелл²⁹, и на Дальнем Востоке³⁰, и в Пруссии, и т.д., в связи с ростом политического влияния Союза на Балканах и в Средней Европе и т.п. Труден и кремнист путь к прочному и обеспеченному миру всего мира при неизжитых еще страхах перед «русской опасностью», страхах, которые не раз в новое время возникали то там, то там, находя наиболее питание для себя в Англии, которая со времен Петра Великого опасалась политического усиления Русского Востока и его влияния в Западной Европе (л. 11).

СССР – это сегодняшний и завтрашний день жизни Восточной Европы. Тут всё еще в движении и созидании, это – не законченный этап развития исторического феномена, но живая действительность. Еще отсутствует достаточная историческая перспектива для полного охвата всего явления в целом, еще не остыли и не остывают живые чувства восприятия данной действительности, (л. 12) но тем нужнее и важнее внимательно всматриваться в характерные черты этой действительности, тем важнее и нужнее правильно оценивать и понимать ее особенности и пути ее развития и выявления. Это – наше настоящее и наше будущее (л. 13). [...]

АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 79. 25 л.

Примечания

¹ В тексте упоминаются территории, закрепленные за СССР мирными договорами, заключенными в феврале 1947 г. со странами, воевавшими на стороне фашистской Германии.

² Подробнее см.: *Аксёнова Е.П.* «Жрец» Клио. (К научной биографии А.В. Флоровского) // *Вестник славянских культур*. 2009. № 1 (XI). С. 34–35.

³ После революции власть в Одессе несколько раз переходила из рук в руки: большевиков сменили сторонники Центральной Рады Украинской Народной Республики, затем снова была установлена советская власть (Одесская Советская Республика), которую вскоре сменило правительство гетмана Скоропадского. В течение 1918 г. в Одессу входили австрийские войска, войска Антанты и Добровольческой армии. В феврале 1920 г. советская власть в Одессе была установлена окончательно. – Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Одесса> (дата обращения: 19.03.2015 г.). Понятно, что подобная политическая обстановка не способствовала научным командировкам.

⁴ См.: Биография А.В. Флоровского (1960 г.) // *Пауто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 238.

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Кампания борьбы с «инакомыслием» велась в соответствии с декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке», который предусматривал выдворение из страны без суда и следствия политических деятелей, ученых, преподавателей высшей школы и других представителей русской интеллигенции (см.: *Аксенова Е.П.* «Жрец» Клио... С. 36).

⁷ Подробнее о научно-педагогической деятельности ученого в период эмиграции см.: *Аксенова Е.П.* Флоровский Антоний Васильевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 650–653.

⁸ *Пауцто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 240.

⁹ См. библиографию трудов А.В. Флоровского в кн.: *Пауцто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 181.

¹⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 72. Л. 3.

¹¹ Подробнее см.: *Аксенова Е.П.* «Жрец» Клио... С. 39, 42.

¹² Протекторат Богемии и Моравии – зависимое государственное образование, учрежденное властями Третьего рейха перед Второй мировой войной на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Чешской Силезии. Протекторат был объявлен 15 марта 1939 г. Существовал формальный пост президента и пост председателя правительства, но реальной властью обладал рейхспротектор, назначаемый фюрером. В 1939 г. были запрещены политические партии, прекратили деятельность университеты и колледжи, осенью 1941 г. закрыты все чешские культурные учреждения. Начались аресты и казни. Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Протекторат_Богемии_и_Моравии (дата обращения: 13.03.2015 г.).

¹³ УДРЭ в Германии имело опорный пункт в Протекторате. Через уполномоченного должны были осуществляться все сношения эмигрантов и их организаций с местными властями (через него решались вопросы получения документов, устройства на работу и др.). Каждый месяц уполномоченный должен был составлять начальнику УДРЭ «доклад о своей деятельности и обо всем происходящем в общественной жизни русской эмиграции в Протекторате». (Текст инструкции уполномоченному начальнику УДРЭ в Протекторате см.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 254. Л. 1–2.)

¹⁴ Хотя в тексте встречаются некоторые обороты, возможно, навеянные советской идеологической пропагандой, но они не являются доминирующими, они вплетены в контекст объективного обзора событий и фактов, свидетельствующего, скорее всего, об искренности автора.

¹⁵ Имеются в виду Восточно-Африканская, Северо-Африканская, Тунисская и другие кампании союзников против итальянских и германских войск в Африке в 1941–1943 гг., а также Итальянская кампания, начавшаяся в июле 1943 г. и завершившаяся разгромом фашистских войск в Италии в мае 1945 г. – Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Средиземноморский_театр_военных_действий_Второй_мировой_войны; [https://ru.wikipedia.org/wiki/Итальянская_кампания_\(1943–1945\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Итальянская_кампания_(1943–1945)) (дата обращения: 23.03.2015 г.).

¹⁶ Речь идет о высадке англо-американских войск во Франции 6 июня 1944 г.

¹⁷ В августе 1944 г. американские и французские войска освободили Тулон и Марсель, а затем союзники вместе с отрядами французского Сопротивления вошли в Париж. Затем началось союзное наступление на территорию Бельгии. В начале 1945 г. союзные войска прорвали немецкие укрепления, начав вторжение в Германию, и в ходе Маас-Рейнской операции захватили всю территорию Германии к

западу от Рейна и форсировали Рейн. В апреле в руках союзников оказался Рурский промышленный район. 25 апреля союзники встретились с советскими войсками на Эльбе. – Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторая_мировая_война (дата обращения: 20.03.2015 г.).

¹⁸ 12 октября 1920 г. в Риге было подписано перемирие, а 18 марта 1921 г. – Рижский договор, который устанавливал границу между Польшей, с одной стороны, и Россией, Украиной, Белоруссией – с другой. К Польше отходила часть украинских и белорусских земель. – Электронный ресурс: http://www.evolutio.info/index.php?id=685&Itemid=558.option=com_content&task=view (дата обращения: 17.03.2015 г.).

¹⁹ В 1939 г. к СССР были присоединены Восточная Галиция, Вольнь, Закарпатье, Подолия. По договору между СССР и Польской Республикой от 16 августа 1945 г. «О советско-польской государственной границе» территории Западной Украины и Западной Белоруссии были закреплены за СССР. – Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Присоединение_Западной_Украины_и_Западной_Белоруссии_к_СССР (дата обращения: 19.03.2015 г.).

²⁰ Территория Восточной Галиции прежде не входила в состав ни Российской империи, ни СССР (до 1939 г.).

²¹ В 1939–1940 гг. к СССР были присоединены Северная и Южная Буковина. По мирному договору с Румынией 1947 г. была подтверждена принадлежность этих территорий СССР. – Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Румыния_во_Второй_мировой_войне (дата обращения: 19.03.2015 г.).

²² По соглашению с Чехословакией от 29 июня 1945 г. Закарпатская Украина вошла в состав УССР. – Электронный ресурс: <http://litopys.org.ua/ukrxhr/a10.htm> (дата обращения: 17.03.2015 г.).

²³ Бессарабия была присоединена к СССР 28 июня 1940 г. Мирный договор с Румынией 1947 г. закреплял ее вхождение в состав СССР (см. сноску 17).

²⁴ Советские республики Эстония, Латвия, Литва образовались в 1940 г. Советская власть в них была восстановлена в конце войны. По Парижскому мирному договору 1947 г. к Литве отошли Клайпедская область и г. Мемель (Клайпеда) и часть территории Белоруссии, а также бывший Виленский край, к Эстонии присоединена часть Псковской области. – Электронный ресурс: http://diphis.ru/territorialnie_izmeneniya-a852.html; https://ru.wikipedia.org/wiki/Эстония_во_Второй_мировой_войне; <http://ww2history.ru/index.php?newsid=2077>; https://ru.wikipedia.org/wiki/Латвия_в_годы_Великой_Отечественной_войны (дата обращения: 19.03.2015 г.).

²⁵ Согласно договору между СССР и Финляндией от 10 февраля 1947 г., были подтверждены территориальные приобретения СССР по Московскому мирному договору от 12 марта 1940 г., по которому к СССР отходила значительная часть южной Карелии с городами Выборг и Сортавала. Финляндия также передавала Советскому Союзу область Петсамо (Печенга) на Баренцевом море и предоставляла в аренду на 50 лет территорию и водные пространства для создания советской военно-морской базы в районе Порккала-Удд у входа в Финский залив. – Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Парижский_мирный_договор_с_Финляндией_\(1947\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Парижский_мирный_договор_с_Финляндией_(1947)); dic.academik.ru/dic.nsf/rumiki/249611 (дата обращения: 13.03.2015 г.).

²⁶ По Потсдамскому соглашению, принятому на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.), к СССР отошел Кёнигсберг (в 1946 г. переименованный в Калининград) и часть Восточной Пруссии, на территории которой была создана Кёнигсбергская (Калининградская) область РСФСР. – Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Потсдамская_конференция (дата обращения: 13.03.2015 г.).

²⁷ В феврале–марте 1945 г., ввиду приближения Советской армии, часть немцев из Силезии бежала в Судетскую область и на другие территории Чехословакии (Протектората Богемии и Моравии). По декрету президента Э. Бенеша с августа 1945 г. должно было начаться выселение немцев. По соглашению Союзнического контрольного совета с чешской стороной в ноябре 1945 г. был определен порядок выселения: 2,5 млн немцев должны были выехать из Чехословакии (в советскую и американскую зоны). К концу 1946 г. почти все немцы покинули Судетскую область, а в 1947 г. – и другие районы. – Электронный ресурс: <http://www.otvoyna.ru/sudet.htm> (дата обращения: 17.03.2015 г.); obraforum.ru/lib/book3/section1.htm (дата обращения: 19.03.2015 г.).

²⁸ В 1920–1930-е годы советская власть пропагандировала идеи интернационализма, а славянская идея рассматривалась как реакционная. Во внешней политике СССР «славянское» направление не являлось приоритетным. Но в конце 1930-х годов происходит «реабилитация» славянской идеи в виду угрозы славянским народам со стороны фашистской Германии. Россия (уже не царская, а советская) взяла на себя роль лидера в новом славянском движении, для которого было создано необходимое идеологическое и научное обеспечение. Вновь стала актуальной идея славянской солидарности. В годы войны в советской печати постоянно публиковались статьи о положении славянских народов. С 1941 г. в Москве проводились антифашистские славянские радиомитинги, велось вещание на славянские страны. В 1942 г. в Москве начал действовать Всеславянский комитет, в том же году стал выходить журнал «Славяне», популяризовавший идеи славянской солидарности. В конце войны СССР в переговорах с союзниками добился включения в сферу своих интересов славянских стран Балканского полуострова, а также Польши и Чехословакии. Советское руководство декларировало, что союз славянских народов будет строиться на основах демократизма и равноправия. Вскоре после окончания войны были заключены договоры о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве с Чехословакией, Польшей, Югославией и Болгарией. С целью более углубленного изучения славянских народов в 1946 г. в рамках Академии наук СССР был создан Институт славяноведения. – Подробнее см.: *Аксенова Е.П.* Славянская идея и советское славяноведение перед Второй мировой войной // *Славянская идея: история и современность.* М., 1998. С. 160–172; *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 52–66; *Марьина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // *Славянский вопрос: веки истории.* М., 1997. С. 175–180.

²⁹ На Потсдамской конференции И.В. Сталин и В.М. Молотов предъявили территориальные претензии к Турции и выдвинули требование благоприятного режима для СССР в Черноморских проливах. Эти претензии не были поддержаны британской и американской сторонами. В августе 1946 г. СССР предложил Турции провести переговоры о режиме судоходства в проливах и создании советской военно-морской базы в этой зоне. Не получив согласия, Москва не пошла на конфликт и не стала настаивать на своих требованиях (хотя официально отказалась от своих претензий лишь в мае 1953 г.). – Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Потсдамская_конференция (дата обращения: 13.03.2015 г.); obraforum.ru/lib/book3/section1.htm (дата обращения: 19.03.2015 г.).

³⁰ На Дальнем Востоке СССР были возвращены остров Сахалин и Курильские острова.

Воспоминания о войне из Псковской области

Abstract:

Tolstaya M.N. Wartime memories from Pskov region

This article presents some narratives about the War by countryfolk in Pskov district. Some of them waged war in the rank of the Red Army or in partisan units, some went through the German occupation in their own villages. The narratives have been recorded at the dialectological research expeditions at the Institute of Slavic Studies during 1990–2000. Dialect grammatical features of our informants' speech are preserved.

Ключевые слова: воспоминания о войне, диалектные тексты, Псковская область, полевые исследования

Публикуемые ниже рассказы деревенских жителей о военном времени записаны на Псковщине в конце 1990-х – начале 2000-х годов во время диалектологических экспедиций Института славяноведения под рук. С.Л. Николаева. В то время еще были живы многие представители поколения, встретившего войну во взрослом или подростковом возрасте, на плечи которых пали все тяготы и бедствия того времени. Специфика полевых исследований, когда в одном опорном пункте записывались говоры многих окрестных деревень, требовала записи большого массива текстов. В основном мы расспрашивали о традиционной народной культуре, но, конечно, всегда интересовались и историей жизни наших собеседников, в том числе в военные годы. Многие из них так или иначе участвовали в войне (в составе регулярных частей или партизанских отрядов), награждены орденами и медалями; но тяжелые испытания коснулись всех без исключения – и тех, кто воевал, и тех, кто пережил немецкую оккупацию, а также голод и трудности послевоенного восстановления. Публикуемые рассказы составляют лишь небольшую часть записей о войне, хранящихся в Восточнославянской диалектной фонотеке Института славяноведения¹. Для публикации выбраны тексты из двух кустов деревень Локнянского и Пыталовского районов Псковской области. Тексты приводятся в литературной орфографии с сохранением диалектных грамматических особенностей речи. В угловых скобках приводятся пояснения, а также реплики собирателей.

ЛОКНЯНСКИЙ РАЙОН

д. Федоровское

Вавилов Федор Иванович, 1918 г. р., родом из д. Якушев Заход, и его жена Вавилова Антонина Егоровна, родом из д. Большое Алексино (зап. О.А. Абраменко в мае 1996 г.).

Семь лет в Красной Армии

(ФИ) ...Этого сельсовета, только другая деревня была. Заход, Якушев Заход был. Его сожгли в сорок втором году. Сказали – партизан не пускай. Один раз предупредили, потом второй раз. На третий раз полицейские сожгли всё дотла. А я-то начал работать с семи... с пяти лет, а с семи лет у поле гонял. Скот пас... А в колхоз вступили в тридцатом году, уже я косить пошёл с мужукам. Работал в колхозе, учился, ШКМ кончал, это школа, семилетка была тогда, ШКМ называлась. А потом... пять лет в поле отгонял, потом с двенадцати лет пошёл работать с мужукам вместе, до семнадцати лет работал, в восемнадцатом году... Восемнадцатый год когда сполнилось, пошёл на курсы трактористув, кончил школу трактористув, три года отработал, в армию взяли в тридцать восьмом году. И семь лет с лишним, семь лет и два месяца отслужил. Финскую был, эту всю, Отечественную войну, был. И на Ленинградским фронте, и на Балтийским, Прибалтийским фронте, на Украинским, на четвёртом, Украинский фронт. Ну, в сорок пятом, в ноябре, демобилизовался. Пришёл домой. И принёс домой только вещмешок, ложка и котелок, и кружка солдатская. Больше ничего. Кол забил и начал жить. Понемножку так... понемножку так началась жизнь. После войны, конечно, тяжело было, это повсюды было. А потом... Обижаются там на Сталина. А я б сказал бы, што Сталин – скоро карточную систему отменили, и с продуктам стало хорошо, и жили, пока этого, Горбачёва не поставили. Горбачёв ликвидировал Советский Союз, всё развалил. И теперь сами понимаете, как мы живём. Какая жизнь. А так жили нормально, и можно было жить и жить. В магазине... вот этих порток, прости за выражение, не купить же, нет в магазине, не найдёшь. И рубашки не купить. [...]

Я финскую... Я в тридцать восьмом призвался. Полковую школу в Курске кончил. Год учился. После Курск... Началась в тридцать девятом у польском... С Польшей там было немножко непорядок. Нас туда подтянули, правда, командира дивизии убили, а нас в бой не пустили. Потом в Белгород, Белгородская область. В городе Белгороде служил. Был в увольнительной, прихожу – "Ваших командиров вызывают". "Помкомвзвод, поедешь в Финляндию? Ну там война. На лыжах умеешь ходить?" – "Умею. С детства ходил". И вот нас два дурака и нашлось. Два старших се... потеперешнему старшие сержанты, а тогда помкомвзвода были. С лыжам, в вагон и в Ленинград. И на... и в Финляндию. И, значит, с тридцатого ноября до тринадцатого... сорокового года до тринадцатого марта война ишла.

Потом Финляндия капитулировала. Там вот прожил до двадцать первого или до двадцать второго июня – война началась. И обратно там... И в блокаду там, сорок пять суток, попал. Справа семидесятая дивизия... нет, слева была семидесятая, Филь подполковник был. Полковник. Командир дивизии. И сорок восьмая, а я сто шестьдесят восьмая стрелковая дивизия. Вот, четыреста двенадцатый ГАП, гаубичный полк. Попали и сорок пять суток в мешке, и к Финскому... то есть к Ладожскому озеру нас прижали... Голодовочки там схватили. И погрузили у баржи. Нашу дивизию на четыре баржи. А финны прямой наводкой две баржи сразу ко дну. А потом буксир прошёл, занавес пустил. Я на которой сидел барже, баржа не потонула. А там люди которые выплыли, которые... две баржи пошло ко дну. – На остров Валаам. Ну на Валааме две недели пожили. И нас... по Ладожскому озеру... в Лис... как... Лисий Нос... в Шлиссельбург. Под Ленинградом, за Ленинградом, по финской дороге. Туда... погрузили – и в город Пушкин. Поездом. Технику, всё. И говорят – на перестройку, потому что... ну пятьдесят процентов не было отставши в живых у нас. Погибли. А потом – солнце так всходит только... как начал немец бить! А он уже подошёл к Павловску. Чёрная Речка там, за Чёрной Речкуй. Наша дивизия, хоть она и была неполная, немножко отдавили. А потом... Я был командиром взвода питания тогда, у тое время, поставлен. Звание-то старшины имел, а должностя я среднего командира занимал. И вот за боепитанием ездили в Ленинград, Бадаевские склады были. Ну старинные укрепления там, всё. Приезжаю в Пушкин – нет никого! Ни немцев, ни наших. Подъезжаю туда, где наша батарея стояла, куда должен снаряды доставить был, – а там лейтенант-пехотинец выскакивает... у меня семь машин было. И с пистолетом: "Куда ты прёшься?!" – "Наша батарея..." – "Ваша батарея уже в этом, в Ленинграде давно". Вот, отъехал... Не знаю, што делать. Это с Пав... за Павловском было. А это Пушкин... Там церкьва. За церкьву загнал машины. Под церкьвой такой как подвал. Солома настлана ржаная, это было где-то в августе, наверно. Вот. Видимо, в августе. И отстались... Выстрелы кое-где. Ни наших, никого. Начинает рассветать, надо... што-то будет. Команду, всё. Поехали. Поехали в Гатчину, подъехали – вижу, по трактору там узнал одного тракториста. Сорокин был, со Смоленской области. Вот. Вижу – он курит перед трактором. А рад [...], что я попал к своим. А потом всякое было... В войну многое перенёс, и много... и всего трудного, и всего трудного, трудного, трудного. Прибалтику прошёл, эту... Подо Псков подошли – это было в сорок... четвёртом. Восемь километров, оборона, старинное какое-то укрепление. Взяли. И немцы бросили там спиртное. Наша пехота подпила. А те к утру так вот отогнали восемнадцать километров. Нас тогда... под Нарву, нашу дивизию. И вот до Таллина тоже не дошёл семнадцать километров, нас перекинули в Финляндию. Вот так и бросали, а потом ужо... В Румынии и в этой... в Чехословакию, в Болгарию... Это тут... В Германии я не был. [...]

Если вспомнить – я вспоминать не хочу даже, – это сильно, сильно тяжело.

Все графы заполняются полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

ВАВИЛОВ Федор Иванович

1. Фамилия, имя и отчество .....
 2. Звание Сержант ..... 3. Должность, часть тракторный механик
3-й батареи 412 Артиллерийского полка 168 стрелковой дивизии

Представляется к награде орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

4. Год рождения 1918 г. 5. Национальность русский 6. Партийность чл. ВКП/б/
 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Отечественная война с 22.06.41 года
 8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне по имоот
 9. С какого времени в Красной Армии с 1939 года 10. Каким РВК призван Локнянским РВК Калининской области
 11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Медалью "За оборону Ленинграда"
 12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи .....

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Работая тракторным механиком батареи тов. Вавилов за время наступательных действий с 14 января 1944 года обеспечил работу тракторов батареи без единой аварии и поломки, чем самым обеспечивал своевременное перемещение мат. части артиллерии на новые ОП и доставку боеприпасов. За этот же период боев тов. Вавилов силами трактористов непосредственно на огневой позиции батареи произвел ремонт 3-м тракторам со сменой важных деталей, подобравших на поле боя и снятых с разбитых тракторов, чем самым обеспечил бесперебойную работу тракторов батареи и выполнение поставленных боевых задач перед батареей на поддержку арт. огнем наступающие стрелковые подразделения.

За хорошую работу тракторов батареи и обеспечение бесперебойно транспортом мат. части артиллерии для переброски орудий на новые ОП и проявленные при этом смелость и инициативу достоин Правительственной награды орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

412 Арт. полка
 Командир начальник
 Подполковник ЛИТВИНОВ (воинск)

1 марта 1944г.

Д Л Я П О Д Ш И В К И

Наградной лист Ф.И. Вавилова к ордену Красной Звезды.
 Март 1944 г., Ленинградский фронт
 (источник: www.podvignaroda.ru)

Тяжёлая война была для меня. Некоторые там в плен... не завидую, правда. Но всё же такого огня он не видел... у плену, как мне пришлось.

А нас отвели от Бухареста в Румынию. Ну, побитая дивизия, всё. На перефирмировку. Да. Сорок километров королевский лес назывался. В этом лесу, в землянках. И утром в четыре часа кричат. День Победы. Германия капитулировала. Так прыгали! скакали! Взрослые мужчины там... Я-то еще был двадцать семь лет, а были около пятьдесят лет! Как дураки, посмотреть со стороны. От радости. Прыгали.

[...] и в Одесскую область нас. В Болгарии побыл. Подержали там месяца три. Побыл, а потом в Одесской области, город Первомайск. Щас вроде как областной стал. Я по газетам слышал. С Первомайска две недели картошку копали у колхозе, осенью. А потом всех вызывают – а мене не вызывают, а приказ я знаю, што я подхожу. Я в штаб полка, ну, сразу мне документы, всё оформили, и поехал вместе с друзьям до Москвы. А с Москвы уже по разным сторонам. В Пензенской области был друг, Шаповалов. Нечаев был с Омска. Тоже младшие командиры были. Ну и домой приехал – вещевой мешок, кружка, котелок и ложка. В Москвы купил шапку! Там денег дали нам, по четыре тыщи, по-моему. Шапку и куфайку. Шинель в вещмешок, куфайку одею, шапку. В эту... Уже с Насвы ишёл пешком, уже я ишёл не военным, а гражданским.

[...] А у нас ещё в финскую были погибши. Да, а потом... Наша деревня была небольшая. Жильцов пятнадцать. Но молодёжи было. А когда я в армию призывался, я один ишёл. И старше меня были, сумели отвернуться от этого. После, а война началась, и всё. И дядя мой погиб, и друзья мои погибли. Один вот в Ленинграде..

(АЕ) – Два брата на... погибли у меня.

(ФИ) – Это у тебя, а у меня... у меня братьёв нет.

(АЕ) – На двадцать первом году. Один с Ленинграда бран, погиб. А другой из деревни, с Алексина. И ни один ни пришёл, вот только счастливо, што муж пришёл. [...]

(ФИ) – У финскую войну по нашему сельсовету немного погибло, шесть человек. У финскую. Это в тридцать девятом – сороковом. А после войны там список... несколько этих... столбиков написан. Погибло, очень много.

(АЕ) – Много погибло у нашем колхозе.

Оккупация и послевоенное восстановление

(ФИ) – [...] Пришёл... Нашу-то местность освободили в сорок четвёртом в феврале. А я пришёл в конце сорок пятого. Ну тут нормально уже колхоз жил. [...] Трудно было – ну. Это ж всё, сёла пожжённые, деревни были.

(АЕ) – Корову партизаны отобрали...

(ФИ) – Без скота многие были отставши. У меня отец и тесть, значит, его... её отец и мой отец в разных деревнях жили. У их корове не было и у кого не было. Ну вот. Не только жилья, а жилья вообще не было.

<А партизаны были здесь?>

(АЕ) – Были, ходили. Партизаны и полицейские в нашу деревне, в Алексине, жили. И партизаны ночью придуть, и полицаи. Часто =бое <обое, и те и другие>...

(ФИ) – Полицаи даже лучше. Это не партизаны были, а...

(АЕ) – Полицаи лучше были. Когда уходили, кричали: "Уходите, а то вы сгорите". Зажигали...

(ФИ) – Шкуру рвали, заживались, они не партизаны. А партизаны разве тут ходили, крохоборили... А партизанская бригада, она жила... по деревьям... кросны отбирали, это значит женщины там, кросны...

(АЕ) – А валенцы с ног у меня новые сняли.

(ФИ) – Да, валенцы унесли, сняли. Это не партизаны, а крохоборы были. Их не поймёшь, куда отнести было, к партизанам или к этим... к полицаям. Даже полицаи лучше относились, чем эти партизаны, не партизаны тут были, а... шкурники.

(АЕ) – Вот здесь, в этой деревне, где мы сейчас, немцы были. Когда вот и жили... Полицаи стояли, полицаи ув Алексине стояли.

(ФИ) – Эстонцы были, латыши. А немцев, говорят, тут мало было вообще.

(АЕ) – [...] нормально сперва.

(ФИ) – Мыло... дошли.

(АЕ) – На портянки мыло [...]

(ФИ) – А мыла не мылят...

(АЕ) – Кусочек малёшенький дали, я пошла у прудку. А переводчик говорит: "Ладно, хватит". А я говорю – "Никак не отмывается". Чёрное всё, портянки, от сапог. Он говорит: "Хватит", переводчик. Я говорю – "Мыло всё, и портянок никак не вымыть, сорукала-сорукала..." Ничего ж не было, соли не было. Рыбу ловила, по... немцам. Ну вот... неводом. А оны, бывало, приедут, отбирают рыбу. Соли там или кусочек мыла давали. За это, што... за рыбу. Ай, всего было. Сапог не было, а в чунах у воду лазила, и осенью, холодно ж. Мамка ещё была ничего, мамка другой раз за меня сходит. Ой, пережила...

(ФИ) – На =копах <на окопах> была.

(АЕ) – На =копах была в этом, у Кудеревщины, раза три взято. Всего было.

(ФИ) – Моя тётка раз её подменила. На =копах. Сходила. Ну женщина уже годов пятьдесят с лишним...

(АЕ) – Ну она пожалела, што я с ребёнком, боится, погибну. [...] Я жила сперва со свётром, со свекровью жила. Потом когда сожгли, в Алексине.

(ФИ) – А Алексину в сорок четвёртом... Мою деревню сожгли в сорок втором, Заход. Да. А ихнюю... когда...

(АЕ) – Когда кончалась война.

(ФИ) – Не кончалась, когда выгоняли немца отсюда. Отступал. В сорок четвёртом сожгли. Ну вот... [и тещу, и тёт...] и [Ваську]. Обоих сожгли. Ну и живи где хошь. Вот я и пришёл и мучился.

(АЕ) – Корову партизаны зарезали, взяли. А вот сюда вот этот дом, а напротив...

(ФИ) – Этот не тронут был. Тётка родная.

(АЕ) – Тётка родная, она нас сюда и забрала вот в этот колхоз. У Заполье.

(ФИ) – А потом избёнку поставили.

(АЕ) – А потом вот эту избёнку. Навалили лесу. Ещё дед пришёл...

(ФИ) – Я возил лес. Пришёл с армии, ещё не было нигде...

(АЕ) – Нигде никого <ничего>.

д. Миритини́цы

Максимова Валентина Минична, 1928 г. р., родом из д. Сивохино (зап. М.Н. Толстая в июне 1996 г.)

Красноармейская семья

И в войну были, да, там, дома, в своей... в своём Сивохине. В войну там были. И жили там в войну. Тоже было горе в войну. Бывало, бегали – ту, по кустам и везде.

<А немцы были там?>

Были. Немцы были. Так не стояли в нашей деревне немцы, а так приезжали, бывало, скрозь деревню, так ходили. Нас всё хотели... Мамка, бывало... красноармейская семья была, батька ж на войны был, а у ёй было четверо нас. Вот, бывало, как чуть маленько, так всё говоря, что выселить нас надо, в Германию. Вот мы скрывались. Бывало, как нем... што такое, а так щас убегаем в лес. В крючи, в лес. И сидим там до ночи, пока с деревни все уедут. У нас староста был недоб <нехороший>. Бывало, доказывал. Вот он всё хотел отправлять. На =копы мене отправляли, а ко-го мне там в войну было – тринадцатый год был мне в войну. Тоже отправляли, и на =копы ездила, и на торф в Сущёво ездили. Все... гоняли. Жить было... трудно было в войну, конечно. По лесам бегали, по крочам, ой. Спасались. Корову отобрали, скотину сразу всю от нас. Всё чисто. Добро было бегать. Встал и побег, не надо корову за собой водить.

<Это немцы?>

Да, да, немцы. Староста отбирал. Ага. Вот у Кристалях была коммандатура у их, у Лебедеве. И вот оны туда отправляли всё этих, скот, потом грузили, куда оны увозили, не знаю.

<Тут, говорят, и партизаны были?>

И партизаны были, да, были партизаны, ходили. Придутъ вот ночью – вот и не знаешь, кому открыть, кому кого сказать. Мы-то были ещё маленькие, нам-то что. А мы же... матки ж были настоящие. Не знаешь,

кого говорить. Плохо. Боялись. Что расстреляют, и всё делают. Все люди же расстреливали, много. Пока, слава богу, остались живы. Ну а кого ещё... больше некого говорить. [...]

<А отец ваш пришёл с войны?>

Нет, нет, нет. Вот на войны погиб. Нет, с войны не пришёл. Наш отец. Финскую отслужил, пришёл, а с этой не пришёл.

Акимов Федор Иванович, 1928 г. р., родом из д. Федоровское (зап. М.Н. Толстая в мае 1996 г.)

Военное краеведение

...Очень много родниковых колодцев. Родниковые колодцы – они никогда не исчезают из земли нашей, но много питаются. И там вот батюшки, или как их называют, попы, они ложили серебро в эти колодцы. И вот во время Отечественной войны брали эту воду, и много раненым помогало. Но сам я лично во время войны был еще мальчишкой, находился в оккупационной зоны. Занято. Но я был связано с партизанами. У нас много существовало партизанских, и крупных, и мелких, и средних, партизанских отрядов. Но... вот у нас в Белоруссии партизанский отряд был, но местный, районного значения, у нас тоже был партизанский отряд, командиром был Логинов Николай Яковлевич. Но он сейчас умерши. Я не знаю, жива ли его жена. Ну он после работал председателем колхоза. Ну вот... когда, значит, ну это уже было в сорок третьем году, когда советские войска подходили, здесь некоторые отряды партизан немцы загнали в болото, и у командира была одна лошадь, и то съели солдаты. Ну и после этого... Но и здесь, примечательно тем, что у нас в Богданове ну вот говорили о том, что будет мраморная доска, написанная о доме. Сам приезжал товарищ Жуков. И я не знаю, здесь был ли еще какие главнокомандующие, но Жуков был здесь. Сильные бои были и укрепления под Кудеревом, это уже Новоскольницкий район. Ну вот, Жуков пришёл и сказал, что эти надо окружить, окружить вот эти, где они в сторону забравши, прямо брать на Опочку. И отседа их вышвыривать через Пустошку, и здесь в Латвию, и пусть они пошли. Ну они другим путям ишли, но всё равно их в Латвии тут начали уже бомбить, догонять, и советские войска тут, там и эстонские партизаны. Эстонские партизаны очень были вооружены исключительно. Автоматы, пулемёты, одежда – излучшие как с магазина польты. И мины устраивали. Ну вот у меня ночевало, значит, четырнадцать человек, они знали уже это, пароли, где можно находиться. Я спросил, интересно очень. У них мины противопехотные, маленькие. Ну как кусок обыкновенного мыла. Я говорю – у вас мыла много, может и мне обменяете на што-нибудь. Ну денег тогда не было. Они говорят – это мыло для фрицевой шеи. Ну это замечательно. И после, значит, наутро, здесь получился бой. Сразу ж. Деревня тут...

ну как это посёлок, где состояли немцы, Скоково, Новосокольницкого района. И мы ходили с одним, лично я, со слепым, чтобы узнать, какие там у них силы. Но... когда мы прошли, што-нибудь или што-то шурнул, или хто-то што-то заметил. Ну нам ничего не случилось, мы ушли, но после они... [...] Эстонский отряд начал бой, они, значит... ну интересно чем здесь. Одна женщина, значит, там проходит речка Кáшинка. Она берётся с колодца. И вот женщина пошла за водой. И смотрит – у белых халатах... а там и девушки стояли на посту, в этом же месте. Ну там были, там и санитарки, там и это... всякие разные, может и медички, может доктора. Ну эта девушка стояла на посту. Ну погода была – это ужасная, метель, мга, ничего не видно. И вот женщина, значить, увидела – смотрите, говорить, как вам придвигаются, вон, говорить, переползают у белых халатах. Она тогда, недолго думавши, – бах! с винтовки выстрелила. Тут всё, а это уже, у них был условный знак, что значит все повыскакивали со всех, с автоматам, с пулемётам, но бой ишёл всего один час. Ну некоторые раненые, и они пошли опять в это, в направление Кудерева, вот этого, где вот товарищ Жуков приезжал, окружать вот эту компанию там, сколько их. Ну, ещё што добавить к этому? Ну вот у нас што... могилки очень тут рядом, всё, красивые, всё всегда убирается культурно. Ну вот, и здесь есть ещё вот памятник, это навроде Александру Матросову, вот который стоит на площади. Его сделал один человек, Крушинин Александр Иванович. [...]

Барсуки – значит, сожжéно с народом немецким фашистским предателем, который жил в Коннове, деревня Конново. Ну вот он где-то находится в Ленинграде. Он... здесь у него, значит, што? сестра. И вот он приезжал, но женщины увидели его, и напали на него с вёдрам, [после вошли] колодца, и узнали, што он деревню Барсуки сжёт целиком полностью с народом, и детей, и стариков. Но там был партизанский бой. Партизаны, значит, отбили деревню Журково, это тоже отходит к колхозу Калинина, и сказали, што вы куда-нибудь... Ну вот, а после, значит, когда немцы там бегли, они, короче говоря, на одной лошади десять человек, а вторая лошадь так бежить. Они маленько жару поддали. Ну вот, и счас в этих Барсуках, сожжённых (с) народом, установлен памятник, сельским советом Миритиницы. [...]

Когда была началась сразу Отечественная война, вот я сам лично угонял скот до самого Калинина. Ну нас опередили немцы, и получилось, што наши солдаты, ну как они говорили, што идём на отдых, но они отступали. С одной винтовкуй, тут и бросались в разные стороны, хто находил партизанские, и тут сразу начали организовывать партизанские. Этые партизанские отряды были организовано райкомом, райисполкомом, вот эты все. Но повидимо был главный дадено приказ, што это можно взять с истории, што какая б война ни начиналась, но партизанское движение, особенно у нас было здесь, вот как под Сталинградом тут и под некоторым городам, немцы сильно давали большое укрепление. А

когда значить партизанские отряды организовывались – это знает даже и знал Сталин, што вот это организовываются партизанские отряды, – они наносили удар, значит, с тылу, пробирались в немецкий тыл, находились в лесах и прямо можно сказать, што как лагерь. Ну как лагерь живут люди, ну там жили партизаны. Ну они ночью пробирались на самые крупные объекты и наносили им всяческий вред. Поэтому немцам... ну вот товарищ Жуков знал, на каком фронте они больше их, и где подослать партизан. Потому што они оттягивали силы для борьбы с партизаном, а наши оттуда наступали, и получался што прорыв, и выходили из положения с этим. Партизанские отряды они вообще были организованы очень крупные, особенно белорусский, это начальник партизанского отряда был Ковпак. Он страшно... наносил немцам такие удары, и за него даже там деньги предлагали большие, штоб его, но ничего не выходило. Вот у нас ну сперва сразу вот после войны... то есть не после войны, а как началась война. У нас вот деревня Прескуха тут около Локни, мост стоял. Ну немцы значит продвигались на Старую Руссу и сюда на Великие Луки. И к Ленинграду. Главное их интересовало Ленинград, и как они говорили, это, пятнадцатого или там... июня будет пить чай в Москвы. Ну всё это очутилось... Ну вот, здесь вот у Прыскухи повесили, значит, четыре человека. Ну может они не были партизаны... Но каждый был как-то душевно приспособилши, или, как вам сказать, не приспособилши... а жили уже подходяще, хотя и были колхозы. Ну всё... в колхозах хлеб был, давали. Вот этот колхоз, где на данной территории мы находимся, ну он до трёх килограмм давал зерна. Ну дело в том, што ставили трудодень, палочку. Ну вот на эту палочку и выходило по три килограмма. Ну а сколько у вас палочек, столько и килограмм.

д. Зверинец

Рожкова Мария Ивановна, 1927 г. р., родом с хутора Ремизово (зап. О.А. Абраменко в мае 1996 г.)

Эпизоды войны

Вот нет Гришутина <деревни>, но это после войны разъехались так, по деревням. А в войну Волохово сожгли, Рагушино сожгли, а наши деревня немец отставлял, што когда будем отступать по большаку, сожгём. А их пёрли, им некогда было и жечь. А на стороны – ну это не немцы жгли, а наши полицейские. Полицаи жгли. Мы тоже вот... ну уж я несовершеннолетняя была, тоже взяли коров гнать. И вот мы до этой деревни, до Тёмкина догнали, и всё отставались, отставались, отставались, и мы отсталися. А зашли там к одной женщины, она говорит – полезайте, идите в ту избу, полезайте в подвал. Мы в подвал залезли, до вечера там посидели, она на улицу вышла – говорит, прогнали коров. Вылезайте тихо, нет никого. Вот мы пошли, только вот сюда, вот тут мост, вот подня-

лися на гору, – два немца мотоциклы справляют. А мы по дубинке взяли, хромаем, идём. Мы с им поздоровкались – они "страхтуйте, страхтуйте", поздоровкались. Вот мы пришли домой, взяли по лопаты, и пошли в крючу, вырыли окопы, и сидели две недели, пока наши русские пришли. В окопах сидели. Прятались. А кто не прятался – то и вот взяли и в Германию. Вот получали деньги за Германию.

<И прямо угоняли, да?>

Угоняли, да, увозили в Германию, в лагеря. Работали, кто в лагерях, кто вот так, по соседям брали немки работать, работали. [...] Немцы не, недолго оны. Ну оны вот когда отступали и гнали их. Недолго были. Не, вот... У Заполье штаб стоял. Оны партизан ловили. Один раз мой отец пошёл на озеро вудить. А они, немцы, ехали в Алексино партизан ловить. А был Колька переводчик и Васька переводчик. Васька говорить – "Кольк, по..." А Колька этот, он у партизанах был. Ну он как переводчик, он мог и в наших, и в немцах. Говорить – "Поедем, Кольк, партизан ловить". Он говорить – "Поедем". Только на озеро выехали – раз кверху этот, Васька. И Кольку... хотел вот [шаркнуть]. И он вот так руку поднял – ему вот так палец отрубил. Не совсем... И граната вот так замёрзши, зимой. И вот прибегаёт соседка: "Дядя Ванька, дядя Ванька, какой-то человек коло нас вохаёт. От возера, – говорит, – ползёт и вохаёт. Ну вот батька скорее встал – вох, а это ж Колька. И вот приволокли к нам, чугунку затопили, его тогтели <отогрели>. А ён потом говорить – "Дя Ванька, свежи ты..." Вот батька с этим, ну староста был дядя у мене, возили на саночках его в Алексино, к партизанам. И вот после войны вот этот Колька он жив остался и приехал к нам. Вот как. [...] Бывало, ночь партизаны, ночь немцы. А раз тожо... и вот тогда была сильная пальба. Идёт... едут немцы, в Алексино, идёт с немца... а оттуда, с Алексина, наверно, разведка, женщина. И яны спроили – "Есть партизаны в Алексино?" Она – "Смело, смело поезжайте, нету". Ой! Какая была пальба, лихонько моё! Как приехали к нам у Фёдоровское, говорят: "Щас вашу деревню щ-щ!" Вот так. "От вас ишла женщина, сказала, што партизан нет, а там партизаны". Понавезли битых и раненых к нам, полная деревня, немцев. Ой-ой-ой! Мы умоляем, што наши люди все, никуда не делши, – еле-еле отговорили. А то б сожгли деревню. Вот. Это не... не с нас, а ишла разведчица оттудова, с Алексина. Партизанка. [...] Ну вот немцев ловили тоже, ловили немцев. Вот тогда бой был, много немцув побило и поранили яны. [...] Не! Не, ничего не сделали. Немцы лучше наших. Полицейские ходили ограбали, и курей брали, и яички, и масло давай им. А немцы не, никого. Щё наборот, ребятам конфет давали. Только бывало вот попросят, нет ли луку, чесноку. И вот бывало матка даст лучку, так оны... раньше такие ночёвки были, пололи ячень, вот так, натолкём, и пололи. Так полные эти ночёвки <ночвы> конфет насыпали нам, ребятам. А немцы не, не нахальничали. Наши русские ещё хуже были, которые полицейск... которые у немцев забран. Полицейским были. [...] Оны с нем-

цам, так и уехали с немцам. Не знаю. [...] Спокойно было у нас в деревне, ничего. Ну и так вот, и... ничего, немцы никого не делали. Никого. [...] Полицейские, оны... вот когда отступали немцы, вот полицейские и деревня вот эти сжигали, шо заранее. А тут вот эти, наши деревня на большаке, оны не успели сжечь. [...] Оны ж вот не успели взорвать, никого <ничего>, ни зажечь, ни взорвать. Их наши так пёрли, што без оглядки бегли.

ПЫТАЛОВСКИЙ РАЙОН

д. Шкарды́

Павлов Иван Павлович, 1924 г. р., родом из д. Сидорково, и его жена Павлова Мария Николаевна, 1922 г. р., родом из д. Дрыкушки (зап. М.Н. Толстая, С.Л. Николаев в октябре 2003 г.)

- Ён же не так грамотный, не моге всё рассказать-то.
- А кого <что> я расскажу?
- Кого, как... Аль до Германии дошёл и не знаешь, кого рассказать?
- До Германии. Ах ты! У меня память вон... стала вон... бац и нема. Ты што, столько время прошло.
- Ну во и говори, где был, где какие... в каких местах...
- Местах, – ну местов много, так у мне памяти нет, я уж забыл!
- Да, уже сколько прошло уже. В Польше был...
- Пятьдесят лет почки <почти>, ... твою маковки.
- А.
- А!
- Ты же и в Польше был. На Балтике стояли же вы.
- Везде.
- Ну везде так говори, господи, говори!
- Ну кого я! Ту тоже, [...] в полячки был, в гостях, чай пил!
- Ой.
- А кого я больше скажу!. Воевал, што.
- Тут надо говорить, где был, где ишёл, какие...
- Ну память, я сказал и говорю. Нет, нет памяти счас. Што ж я, мальчишеское дело, што пятнадцать годов? Ишь ты! Мне ж вси мозги вытряхнуло! Вон – по самую задницу ноги не хочуть ходить. Прошёл. Это не на тележке с ребятам кататься. А надо идти.
- Да, теперь это время прошло...

Военные дороги

Вот двух километров не дошёл до Германии. [...] Прошёл я вот это, докудова. А там што ж я, шли... А я... [...] почки <почти> до Ленин-

града пешком, дотопал. Почки што от с отседова шли пешком, хорошо я такой небольшенький, – ну он, на карточке ещё <видно на фотографии>. Да. А там везли эты, котлы такие, ну, где суп аль чего там, кашу варить. На лошадах, сзаду там. Я это, как идти... надо всё пешком. А я... как начать это, с привалу, привал это, с привалу, привал. А я в котёл залезу! И свернусь туды, и сижу в котли. А когда... пока идуть это... Привал. А я тогда выскочу и в строй становлюсь. Ну вот, а потом начинается, я опять в котёл, свернусь колесом. Автомат под бок. Да, так и доехали досюдова. Не на раз мне так попалося. С картошкой там попалося... с ведрам. И так. Ну очень тёпло было, хорошо. Ага.

<А как с картошкой?>

А там другие... другим, ну и поисть чтобы. Сготовить на привале где. Солдаты далёко разогнан. Ну сварить картошки аль чего. А я пошёл, а там... зараза, там... такая... ну как канава. А там пригорок. И сюды на реку, где немцы, и там пригорок. Я пошёл за этой, за картошкой. А там это... при... не немец, а наши, русские. Притянули там артиллерию, сорокапятки эты, пушки. Пристреливают на ту сторону, на немцев. А я думал, што это по мне бьют. Это смеряют оны... ну это, как в траншее я. Только зю! а бух! Ну и всё. Думаю, теперь моя могила. Не! Никого. Вылез я оттудова. Никого. Всё. Тихо-спокойно. Картошки снёс туды. А там офицеришки, да кого... Подделали маленько, кусили. А то ж... столько шли, и жрать некого было самым.

Прорыв блокады Ленинграда

А они думали, что тута партизаны только, а была-то договорённость такая, што... а войска-то эты самые, ну, ну военные. Не партизаны... а военные, как это. Эты остались, партизаны, а военные-то, с техникой, как ухнули! Да как прижали их! И так их понесло, этих немцев! Они не думали, што тут эты... А там ещё техника стояла сзаду. Там добавляла им по штанам. Ага. Ну и всё. И прорвали блокаду! А там народа-то наверно тысячи, приехало и пришло. Ребятишек, плачуть, бабы плачуть! Жалеют, целуются! Ой, тошненко. Ребятки плачут. Просют: "Дяденька, дяденька, дайте!" А в солдатах у нас што, што там в вещмешке, в карманах, дашь ребёнку. Ну ён так глядит, голову скрививши, што дал бы ещё чего. Там тряпки какие им, там игрушки... Сто сорок подвод. Грузёных. Отседова, всё везли. Вот что. А где не так, где конь какой аль чего, што, а тот солдатам в вещмешки такие нагружаеть, и пешочком сыплешь. И всё. А потом окопаешься, и... на второй день наступление, и погнал-погнал их, шишкёв. Этых, немцев. Оны ж, немцы, боятся, оны только так! Што их много, оны... техника их хорошая, всё.

Контузия

<Иван Павлович, а как вас контузило?>

А так контузило, што он... снайпер-то... выследил, где точка пулемётная. А в низины... а у нас, мой пулемёт повыше туды, к нам. И как раз на углу траншеи-то, одна туды идёт, на посёлок, а другая сюды. Ну што ж. Выследили. Да, выследили оны меня. И как врзал он мне в этот пулемёт! В траншею, и в самый на угёл, как раз, одна половина туды шла, а другая туды. Гляжу – покотился пулемёт мой станковый. И почки сзаду и я за им. Покотился. Да... И вот... А этот... и я почки за пулемётом, покотился. А я уже не помню, как встряхнуло меня. Ох-ти, тошенько. Мальцы тут схватили, в больницу [свовакали]. На второй день отслухался. Ничего такого, [...] трянуло только, а не ранило. Да. Так и бегли. А наших, войска, там немного было, наверно, – тех прогнал с этой деревни, выгнал, где наши хотели это взять. Не, не взяли никак. Ой, там ещё стали отбегать другие, там... и санитарки, и эты все. И говорим... я сам говорил: "Дочки, не лезьте вы вперёд... Не лезьте, дочки! Битые будете". А им некогда. Всё надо... надо бечь. А он начал [...] этот немец обстреливать, эты траншеи. И как нас эты... санитарки, девчонки. Как пóснул! Это снаряд рядом кул нас. И как раз недалёко и она была. Как пóсне – вот так по плечо руку оторвало сразу. Плаче! Тут солдаты... всё. Перевязку сделали и отправили оную в больницу тут рядом. Вот – думаем, [на]воевали. И всё.

(МН) – Ой-ой-ой-ой-ой.

(ИП) – И потом меня, пока я отлежался, выписали. Ой, как и что я наделал – не переговорил бы. Што я нагледелся. И горя, и хорошего, и плохого. Не дай бог, как это говорится, никому. Ни зверю, ни человеку. Пускай живуть. А что это смерть... себе глядять в глаза, аль ты ёй, то тоже плохо. Ой-ой. Шцас – живи спокойненько, всего хватае. Корму хватае. Всего хватае. А вот жить... надо.

Демобилизация

<А как вы вернулись, Иван Павлович, с войны?>

(ИП) – А с войны, я тогда... очухался, когда со снегу-то вылез. Семнадцатого... ноября, иль декабря? Да. Снегу! Вот так. И заставили там... какое-то учение делать. А кого ты там в снегу-то бродить по самой шее. Ну вот. А на себя – одни шапки торчать этак. А потом машины приходят, это... газетчики привезли, газеты читають. Такому году домой, такому году домой. Ага. Всё. Демобилизация. Наш годок. Ай... Ну тут ещё лучше было. И пляски, и песни, и горя – всего! Што ну... год подошёл наш. Да так оны поддались, эты солдаты, што... Рады! По четыре <года>, да ещё калеки бывши некоторые. Боже мой! Как схватит один одного, только снег курится. И вот всё.

<Это в сорок пятом? В каком году?>

(ИП) – В сорок пятом. Ой... Как всё...

(МН) – Пять лет отвоевал.

(ИП) – Ништо! Надо было. И мы всё равно, как это... Букашки, аль слышь, собаки где костку тянуть, и мы так. Не было, немец недалё-

ко... и пушки никак, это, не притянуть. Я говорил, что они, немцы, зарылись это... траншеи прокопали, ну такой бункер сделали, как картошный. Залегли, а потом наутру оны брались наступать на нас. Ну, думаем, наступите вы... А тут мать... боевые были солдаты, и так, и партизаны, все... А там пушки, отряд стоял. Сорокапятки, семьдесятпятки. В сараях аль там в каких хлевинах там... Дырки проделали, чтобы стрелять, пушки там рьлом своим. И как дали им этим! По этим бункерам по ихным, по картошным, по земляным. Ой, тошенько! Разметнуло, там вот так ровненько сделало. Опять мальцы как схватятся! Э, только земля шевелится. [...] А его, шашка́, угнали всё равно. И ему попало здорово. Нашим там... пощипал... хорошо, но и ему досталось.

Ну потом это кончилась, борьба-то. Ой, тошенько! И кто плачет, солдаты. Кто смеётся, кто шутит всяко. Я-яиньки-яиньки. Сколько прошло. Сколько горя видели, мать твою так! Ой-ой-ой, сколько-сколько. Встретуть, плачуть, и женщины и дети. И голодные другие, и холодные. Ай-яй-яй-яй-яй. "Дяденька, дяденька". Ну што есть, мы всё отдавали. Ой, тошенько!

В партизанском отряде

<А вы тут были во время войны?>

(МН) – Я была в партизанах.

<А тут были партизаны?>

А вот, да, была в партизанах, а што ж мне рассказать, как я могу рассказать. Ну взяли в партизаны нас, мы ехали обозом, доехали... ой... какая деревня, уже забыла я эту деревню. Стояли в этой деревне. В Горшкове, в Горшкове. Там ишёл большой бой. Там много наших побило, стояли наши в обороны, река там. В реке. И несколько там девушек побило много. Потом мы уехали, поехали, поехали мы, поехали. И съехали мы в это... ой, как деревню звать, погоди... в Бросково. Вот в Бросково... было у нас совсем мало оружия. Ну с самолёта нам скидывали, ну мало, мало. И стоим мы в этой деревне, в Броскове, и идут латыши на нас. Мы стоим, глядим и в окна, всё, вот там такие кустки, там такие кустки. И всё приближаются, приближаются эти латыши, всё приближаются к нам, нам страшно, всё. Думаю, вот теперь нас схватят и мы [готовься]. Ну мы отбили, отбились, отбились, уже начала ночь, ночь, а они ночью боятся. Вот тогда мы поехали... к чёрту на кулички, прости ты господи. В этот, туда, в Красногородск. На лошадях. Такой запутницей мы ехали, такой мы ехали! Несколько лошадей втопили мы. Всё потеряли. Милые мои! Ну доехали. Съехали мы... в Горшаново. Съехали, и там страшный бой открыли тоже. А там леса всё, леса. Вот туда, к Красногородску. Вот бились-бились, там много наших и захватили в плен, и всё. Ну што ж, там мы долго не отстояли. Двое суток. Тогда мы поехали обратно, и по нам так стреляли, пули били, ви-и, ви-и! Ну, думаем, сейчас... што-нибудь... людей, перебьют нас. Ну уехали. Вот поехали опять обратно, вот этой

своей деревней мы, ехали мы, в Дрыкушках я жила. Поехали на Пустое Воскресенье, а у Пустого Воскресенья там людей много наших побито, всё. И мы поехали далеко-далеко тогда ехали, ехали, холодно. Такой мороз, такой мороз. Люди стоят, везде горит, всё чисто везде, так огонечек везде и пылае. Всё зажжён в [...] этих. У немцев. Ну, всё ехали, холодно, страшно, холодно. Доехали мы... как же... ой, забыла, как деревню звать, и уже давно...

(ИП) – Памяти нет нисколько.

(МН) – Давно уже, как эта деревня... Давеча сдумала я...

(ИП) – Ну ты штаб говорила где у тебя был?

(МН) – Это в Шиках, это штаб был в Шиках, а мы до Шиков ехали ещё. Ну ладно, ехали мы, тогда поехали дальше. В Шиках нас начали бомбить. Мы там стояли, и штаб там наш был, всё, мы там наверно стояли дня три-четыре. Пришла разведка, девушка с балалайкой, пришла, а наши, видишь, рот разинули, и ну и отпустили домой. И немного годясь, такой был день солнечный, всё, – летят, самолёты летят. Как начали нас бомбить, как начали нас бомбить! И нам скрываться некуда. Вот командир вбежал и говорит, что "Скрывайтесь, кому куда ближе". А там лес, така гривина, вот тут, как вот у нас вот там гривина тут недалёко. А куда ж нам. Мы бежали-бежали, по полю, а такой как мох, болото, как болото. Как дасть в болото, как дасть это в болото! И меня оглушило. И я повалилась. И еще одна девушка [...] тоже повалилась. Подбежал один, ещё мне вон брат сдвоюродный, Витька... Большак. "Ой, это... Мань, ты жива?" – "Жива. Жива", а я оглушённая валяюся. Вот тогда отлежалась, отлежалась я, побежали, все... "Побежим, побежим как-нибудь в это, в лес, в лес прятаться". Самолёты так и бьют, так и бьют. Вот тогда в лес вбежали, и этот... Витька-то... и говорит, что "Давайте я сейчас самолёт собью". Мы говорим – "Ой-ой, не-не. Не-не-не-не! Тогда мы отсюда не уйдём никак". Никак не уйдём! И вот тогда... ой... били-били, били-били, и оны били, пока штаб разбили. Глядим – загорелся штаб. Всё. И тогда ночи дождался мы, и опять в путь. И опять дальше, дальше и дальше, и дальше. И потом пришёл приказ нам на Ленинград идти. Как мы плакали, как мы плакали! Вот там мужчины и говорят, што "Ну, девчонки... – а мы-то молоденькие были, – теперь кончается ваша жизнь". Мы плачем... Ой, не могу говорить даже. Собрались, поехали обозом, доехали... Как Ваньк? Где розмированье-то было?.. Ой, забыла. Как до Ленинграда-то ещё... Ещё городок. Луга? Не, не Луга, а ещё как-то. Где... он... Ды до Ленинграда не доезжая, совсем это... тут... теперь с Ленинградом оны соединивши. – В Гатчине! – Гатчина! Гатчина. Там размировали все, мужчины на фронт, а нас дальше. Дальше взяли... ой, дочушка. Много рассказывать. Взяли нас... потом куда нас, куда нас. Приехал один... И говорит, што "Вас мы возьмём.." ой, как опять. Ещё забыла опять. Всё забыла. Далеко-далеко. Далеко-далеко, туда к Москвы или за Москву. В лес. "Нет, – мы думаем, – нет". Туда, на лесозаготовки. Нас. А этих размировали муж-

чин. А там ужо фронта нету. Там фронта нет. Вот мы и думаем: "А-яй, куда ж мы теперь деваться будем, всё". Обдумали мы и пошли. И пошли. Пришли мы... и в это, к хозяйке, и она нас приняла, и накормила, всё, тёпленько. И милиция является. Милиция является, говорить: "Откуда вы и какие? Вы задержаны". На нас. Ну потом эти наши этие, которые партизаны, узнали нас которые, всё равно их не сразу расле...ромировывали. И за нам приехали. Што вот "справляйтесь", и нас милиция отпустила, всё. И нас тогда направили, уже фронт был в Пскове, ужо в Пскове, ишёл обратно ужо, взад, взад ишёл. В Пскове. А нас там поселили... вот опять деревня ещё забуду... деревня, ой-ой-ой... Ну недалёко вот ото Пскова деревня, так там... Вот не знаю, кака деревня, да...

(ИП) – Терёха?

(МН) – Не, не Терёха. Ой, ой... Забыла теперь, забыла. И мы там прожили наверно недели... полмесяца мы. Недели две прожили мы. Там нас кормили, мы в землянках и жили. Землянки. Мы там помогали работать всё, а как ушёл немец, дальше уже в это, Остров освободил, всё, и нас домой отпустили. Мы шли домой вот Островом, в Острове уже был мост это большенный, там мост большенный это, через реку. Ви... завис... висной, навесной. И мы по этому мосту, и он так боком обваливши, одной стороной, и мы так подымалися, подымалися и вышли этим мостом, и пришли домой. И вот до сих пор живём.

(ИП) – А как ты в разведку ходила!

(МН) – А, как я в разведку...

(ИП) – В Ленинград иль куда?

(МН) – Да, мы ходили в разведку, дочушка, в эту... всё больше в Остров, в город Остров. Ходили в разведку. Вот нам дадут задание, што выполнить, где там семьи этие, немецкие, куда яны отправляются, где поставлен орудия, всё, штобы нам всё узнать. Што задавали, то мы узнавали. Всё узнавали. Што, а если не узнаешь, подведёшь – тогда уже, мы присягу принимали, тогда уже нам нехорошо буде. Тогда уже расстрел нам. Сразу, за это. Ну мы всё узнавали, ходили. Идём... Эти, пропуска мы... в платье раньше, платье носили, и вот сюда мы зашивали, под этот... как называется-то, вот сюда, в юбку. Прятали. Идём, в Остров, а немцы сидя всё на вышках, всё, и полный город этих, Остров, немцев, страшно, всё. Ишли туда, к одной тётке зашли мы... поночевать, она и говорит, што "Вот гады партизаны, ходють, вот мой сын ушодчи в Остров, спрятался, как приходи ночь – так мой сын уходит". Я думаю: "Баба, а кому ж ты говоришь". Ну... "От, – говорить, – пойдёте утром, и он пойдёт домой, и вы встретите". А мы встретим и его заберём. Ну мы не забрали. Мы его и не видали. Не видали. И вот выполняли всё-всё, дочушка, мы выполняли, выполняли. Все задания выполняли. И так было страшно, што нас поймали бы в этом в Острове, там Клава Назарова повешена. И вот когда я в Остров всегда подойду, я плачу-плачу. Што... и нам было так. Нас пойма-

ли б и... так повешали б нас. На этом месте. Ой, не могу. И вот так, дочушка, и...

<Так вы долго были, да?>

Да, сколько мы были... Нас брали зимой... зимой брали тожо. А пришли мы летом как-то, летом. Нас отпустили летом. И везде, по кустам, везде по кустам, по домам, страшно, ой. Ой, дочушка, пережили... Я тоже инвалид второй группы. Получаю пенсию.

<Ну а кто там командир был?>

А командир был... Сёмкин. Сёмкин.

<Ну он был из армии, да?>

Ага, Сёмкин командир был. И ещё был второй, Егоров. Как помню. А вот сейчас... а больше я, дочуш, этих старших, я уже забыла. Тут на... Тут на<до> было записывать нам всё. А где ж ты, уже столько время прошло.

<Ну они хотя бы хорошие были командиры?>

Хорошие. Очень хорошие были. Хорошие. Мы такие у нас девчонки были собрано, всё, не абажурные, ничего. И всё это... называли нас, што... это, ой, как они нас звали, наш... где мы находились, домик. "Цветущий домик". Што мы девчонки были неабажурные. Честно всё делали и честно всё... прошли.

<А вас сколько было народу?>

Это девчонок? А вот щас скажу. Одна, две, три... четыре, пять... Восемь. Восемь девчонок нас было.

<И так вы всё время вместе и были?>

Так и всё, мы по... по двоём ходили в разведку. По двоём. По двоём, дочуш, ходили мы в разведку. Идём, так страшно всё, так страшно. А идти надо, как хочешь. Даден задание, и иди. Ночь, люди возвращались другие, мы-то никогда не возвращались. Темно, темно, страшно. Не пройти, дорогу собьются. А идти надо, и опять обратно в штаб приедут, и опять поедут, вот как, дочушка. Как узнавать-то надо было всё.

<А всего было много народу в этом отряде?>

А как же, а как же. Што вы! Много! Ну я не считала, ой много, много, ой много было нас! Много, очень много. Очень много было. Много было. Теперь не вспомнить, так рассказать хорошо, што где было и как, как... не вспомнишь. Гди ж какая, какие деревня, местность, и то я ж не знаю, я уж забыла. Как назвать.

<Так вы вернулись к себе в Дрыкушки?>

Да. В свою деревню вернулась. А это Шкарды, сюда вышедчи. Я вышла вон на Сидорково, а в Сидоркове теперь нет никого, мы дом купили и ещё от и живём. Вышла замуж.

д. Дры́кушки

Михайлова Валентина Михайловна, 1925 г. р., и ее сестра Соловьева Мария Михайловна, 1933 г. р. (зап. М.Н. Толстая, С.Л. Николаев в октябре 2003 г.)

В Дрыкушках во время войны

(ВМ) – Ну кого <что> мне говорить, не знаю, как начинать? Ну работала в колхозе я... Дояркой была, восемнадцать лет отдоила коров. Да. Ну что дальше?

<А вы откуда родом, родились где?>

– А здесь самое. Дрыкушки. С Дрыкушек.

<А родители ваши тоже отсюда?>

– Да, родители мои здесь жили, я здесь так всё время, нигде я не была. Ну, дояркой я была. На минах была, ездила, на лесзаготовку ездила. [...] Вот это в Островском районе я ходила там по минам. Вот.

(ММ) – На аэродроме работала.

(ВМ) – На аэродроме при немце работала.

(ММ) – При немце и при русских работала.

<А что там делать?>

(ВМ) – А што я там делала. Песок разрывали, канавы копали на аэродроме. Аэродром расчищали. Где немцы... это... самолёты садились там, в Острове. Вот. А еще кого рассказать вам?

<Ну расскажите, а до войны как тут жили?>

– А до войны – до войны я уже там и забыла, што. А в войну што мы делали. При немце што мы делали. Ай што, работали. Работали. Своя земля была. Всё было разделено у нас. Конь был. Коровы были. Всё делали. Нас тут немцы не трогали. Нам было спокойно. Да. Партизаны ходили к нам, а мы их тут обеспечивали. Вот сегодня ночью партизаны, а... ночью партизаны, а днём немцы. Вот знали как обманывать и гадов, немцев, было. [...] Я много работала, и в лесу была, и везде-везде-везде. Ой. [...]

(ММ) – А во время войны в оккупации она работала. Немцу-то нужно дороги было расчищать. Здесь же партизаны были у нас. Расчищали дороги.

(ВМ) – Ой, и на дорогу ходила в Бороусы, дорогу строила. Там тоже вагонетки насыпали песку, и рельсы были, и эти вагонетки гоняли вручную. Вручную вагонетку гонишь по рельсам. Вот.

<Это вот эту дорогу?>

(ВМ) – Да. Не вот эту, а это через лес шла дорога.

(ММ) – Как в Шитики идёшь.

(ВМ) – Это при немце так было.

<А я еще хотела спросить – а кто ж в партизанах этих был? Там много народу было, да?>

(ВМ) – Много было народа. А еще на... наши хлопцы были все обобранные.

(ММ) – Тут была очень большая деревня, здесь очень много было народа.

(ВМ) – Отседа наши были, и отовсюда, отовсюда были.

<А тут вокруг...>

– А тут вокруг... вокруг... а там у нас в лесу это такой... где озеро, туды далёко видать. Там тоже партизаны жили ленинградские. А тые, тые вот там жили. Тоже наверно сюды приходили, я уже забыла их.

(ММ) – Партизаны были ленинградские, партизаны были красногородские.

(ВМ) – Самолёты спускали их, и... и оне и здесь...

(ММ) – Тоже много. Здесь днём немцы, а вечером партизаны идут.

От тут так мы жили! Тряслися.

(ВМ) – Партизанам надо... своим надо дать, и немцы придут – "Яйку дай". А тут нет уже, всё отдано. Вот было тяжело жить-то. Нам хоть оны никого не делали, не сжигали нас немцы. Мы остались живы.

<А у вас большая семья была?>

– А было нас четыре человека и мама. Четыре дети.

(ММ) – Три сестры и один брат.

(ВМ) – Три девки и парень был.

(ММ) – А парень в партизанах был.

(ВМ) – Парень в партизаны был взятый, а от их загнали там в этих, красногородские, его взяли, это, немцы схватили. И увезли в Германию. О через Польшу ехал, и, говорить, "Я..." ой. Такое он горе переви-дел, страшное.

(ММ) – Партизаны тоже были и предатели. Вот он это предатель взял и навёл на это, на засаду немецкую. Вот брата то-то и захватили. А она уже не знает...

(ВМ) – Вот такие партизаны... Партизаны ходили оттуда, с лесу, это Латвия, здесь река у нас. И за границу туды ходили. И брата туды. "Веди, где это". "Ты знаешь ещё", вот. На брата.

<А в Польше он был, вы говорите?>

– А в Польше он, когда его партизаны взяли, тогда его отправили эти немцы, посадили одно́го в этот, в вагоне сидел один. Где этих, може коров таких... такие, не в пассажирским, а... как это назвать такое.

<В товарном.>

– Да. Вот в таком вагоне сидел. Грить, "Садють, везуть мене, – грить, – и не знаю, куда, – грить, – меня везуть. Так было, – грить, – мне страшно, не могу". Молоденький тожо. Вот. И был... везли в Германию, вот был. Был в партизанах, везли в Германию. Его захватили немцы, разогнали...

<Ну потом как его, вернули?>

– А потом он... А потом там, когда война кончилась, его в армию взяли. Тама. И жив... жив остался. И был в армии, два года отслужил. Пришёл домой. Жив-здоров. А здесь заболел... Всё на ему. Били его там, колотили в Германии. "Ишёл, – грить, – я... иду..." по дороге, там, в Германии. "Дай листок!" захотел, лесной. Листок один сощепнул, – там же их нельзя никого трогать! Ну, а это, переводчица и говорить: "От тебе счас буде". Так били, вот [...] что и он уже готов, у немцы как ему делали. Тяжело было.

<Так он там работал тоже что-то?>

(ММ) – Да, работал.

(ВМ) – Работал, наверно у хозяина може работал.

(ММ) – Не, не, на заводе.

(ВМ) – Ай на заводе, не знаю.

Тридцать седьмой год

<А отец ваш до войны еще умер?>

(ВМ) – А, про отца-то уже я всё не знаю, дочуш.

(ММ) – Сычас я вам расскажу. Это в тридцать седьмом году отца забрали. Приехала "чёрный ворон", назывался он, а он пришёл со стройки, он был строителем. Пришёл со стройки, только хотел поесть – мама [собрать], и тут раз-раз – постучали, заходят. – Чёрный ворон, раньше чёрный ворон назывался. – "Собирайся! Мы тебя забираем". Ну, он встал, собрался, и увезли его. Ну тут много подчистили у нас. В деревне, и с Бесенят, и с Усаново, много их подчистило. Этих мужуков. Ну и всё, и увезли, на этом кончилось. За что, про что, не знаем. Отец ничего плохого не делал, он строитель очень хороший. И ещё, это самое, у него были... ну у нас ведь старый дом был. Были брёвна навожены. И посчитали, что он кулак, богатый. Ну так... брёвна... выписаны были, всё по закону сделано. "Кулак, кулак". Раскулачили. Всё. Поехал. Отец.

(ВМ) – Отца взяли...

(ММ) – И так по сей день мы ничего не знаем о=тце <об отце>.

Мама ходила в Остров, город Остров здесь.

(ВМ) – Раза два передачу передала в Острове в тюрьму.

(ММ) – Там передали ему иль не передали, ну раза два сходили. А потом сходила она в Остров – и всё на этим кончилось. И... передачи не взяли, и ничего.

(ВМ) – А пришло это извещение, што ён убитый.

(ММ) – Расстреляли его, как враг народа. И потом я не знаю, это вот моя сестра говорила там, в Ленграде жил... нам... дальний родственник. Он... говорит, его расстреляли уже когда-то уже здесь, недавно. Да. Как враг народа. А он совсем... не враг и ничего, и, говорит, "Я знаю, где их хоронили".

(ВМ) – Кулак, кулак, вот. А никого у нас и не было.

(ММ) – Можно было выходить нам какой-то... это... документы, а так мы уж... бросили, канители много. Эта ж неграмотная, я тоже неграмотная, не училась. Куда мы пойдём, к кому знать, што знать? Што сделать? А здесь у меня двоюродная сестра, и там ещё знает. Всё, сделали документы, и вот она получает даже эту, компенсацию, как пенсию, на отца...

(ВМ) – Ей побольше пенсию прибавили. Вот и мне б прибавили. Она не сказала, я могла бы с ёй ездить в Псков... выходила бы я это.

(ММ) – Там расследовали всё.

(ВМ) – Вот, ну кого ж ещё...

(ММ) – Ну, теперь уже всё. И живём и доживаем. Эта совсем плохая, больная.

(ВМ) – Да, у мене здоровье плохое. Ноги, ноги, всё, не идуть ноги мои.

(ММ) – И вот человек один. Я живу в Белоруссии, мои дочки одна в Ленинграде, вторая в Москве живёт. И им не наездиться...

Примечания

¹ См. также публикацию: *Толстая М.Н.* Рассказы о войне из Селижаровского района Тверской области // *Живая старина*. 2015. № 3 (в печати).

II. Войны в судьбе славянских народов

А.М. Кузнецова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Образ войны в «Славянской хронике» Гельмольда (XII в.)

Abstract:

Kuznetsova A.M. *Perception of war in Helmold's Chronica Slavorum (the twelfth century)*

The article treats the *Chronica Slavorum* of Presbiter Helmold (the twelfth century), where he discusses the use and evil of war in the course of Christianisation, among others – of the Polabian and Baltic Slavs. Unlike his contemporary Bernard of Clairvaux, who was openly calling crusaders to destruct the pagans, Helmold considers military actions against Slavs as the principle obstacle to successful Christianisation of these tribes.

Ключевые слова: Гельмольд, Полабско-балтийские славяне, христианизация, Дранг нах остен, Бернар Клервосский, саксы, крестоносцы, война.

Хроника Гельмольда (1110/1117 – после 1177), написанная в XII в., посвящена Любекскому епископству, и содержит объёмный материал по истории Европы со времён Карла Великого почти до конца XII в. Особое место в ней занимает история христианизации полабско-балтийских славян. Славяне Полабья и Поморья, среди которых принято выделять такие племена как вагры, варны, велеты (лютичи, вильцы), лужицкие сербы (сорбы), ободриты (бодричи), полабы, поморяне, ране, ратары, стодоряне, доленчане, черезпеняне, хижане, в ходе исторического существования объединялись в более крупные племенные союзы, такие как ободриты, лужицкие сербы, велеты и поморяне. Большинство учёных считает, что в раннем средневековье славяне расселялись на территории междуречья Одера и Эльбы и южного побережья Балтийского моря. Насколько можно судить на основании сохранившихся источников, с конца VIII в. полабско-балтийские славяне постоянно находились во взаимодействии, как мирном, так и конфликтном, с окружающими их соседями. К XII в. ситуация изменилась в сторону интенсивного конфликта, закончившегося во второй половине столетия завоеванием славянских земель саксонским герцогом Генрихом Львом и маркграфом Восточной марки Альбрехтом Медве-

дем. Земля велетов стала основой маркграфства Бранденбург, в то время как в земле ободритов возникло княжество Мекленбург, зависимое от саксонских герцогов, но управляемое славянскими князьями. В результате процесса ассимиляции, полабско-балтийские славяне постепенно утратили свою самобытность¹. Такое течение их истории безусловно повлияло на исследовательский интерес, который в определённых исторических обстоятельствах, оказывался тенденциозным, акцентируя именно «военный» аспект судьбы полабско-балтийских славян. Русские славянофилы второй половины XIX в., например, усматривали в таком прошлом своего рода урок для настоящего современным им славянским народам. Так как, по мнению этих учёных, завоевание полабско-балтийских славян немцами привело к полному их уничтожению, славянам девятнадцатого столетия, находящимся под властью Австрийской империи (а с 1867 г. Австро-Венгерской) монархии и Османской империи следует помнить о печальной судьбе славян Полабья и Балтии².

В конце XIX – начале XX вв. славянофильское направление в историографии о полабско-балтийских славянах уступило место позитивистскому направлению. М.В. Бречкевич и Д.Н. Егоров отказались от взглядов на судьбу этого народа как на трагический пример истребления немцами славянских племён. Так в важнейшем исследовании по истории колонизации Мекленбурга, Д.Н. Егоров доказывал существование скорее длительного процесса онемечивания полабско-балтийских славян, постепенной их колонизации, но отнюдь не поголовного уничтожения во время завоевания³.

Развитие изучения средневековой истории полабско-балтийского славянства в советский период, безусловно, испытало влияние ситуации, сложившейся в эти годы вокруг исторической науки в целом, а также славистики и медиевистики, в частности. Первое десятилетие после революции 1917 г. известны как время, в которое «подготовка историков рассматривалась как важная составная часть борьбы за проведение в стране культурной революции и воспитание масс в духе марксистской идеологии»⁴. Этот период в отечественной историографии связан с именем М.Н. Покровского, который сыграл важнейшую роль в выборе изучения истории классовой борьбы как преобладающей темы гуманитарных исследований того времени⁵. Период раннего средневековья в целом оказался среди неприоритетных направлений исторической науки.

В это время только в работе М.К. Любавского, посвященной истории западных славян в целом, затрагивались некоторые вопросы истории полабско-балтийских славян.

Период репрессий в 1920-е, 1930-е годы не мог не отразиться на судьбах славяноведения и славяноведов⁶. Возрождение интереса к истории полабско-балтийских славян связан с началом Второй мировой войны. В такой обстановке Н.С. Державин, а затем и Н.П. Грацианский обратились к исследованиям истории сопротивления полабско-балтийских славян иноземному натиску⁷. Разработка этой темы, была призвана сыграть важную роль и в борьбе за возрождение славистики. Неслучайно, что «военная тема» в истории полабско-балтийских славян прочно заняла ведущее место в отечественной историографии полабско-балтийских славян на целых два десятилетия, постепенно уступая место и подготавливая почву для изучения разных сторон их жизни, начиная с 60-х годов XX в. Основным средоточием исследований по истории полабско-балтийских славян в России с этого времени становится сектор славяно-германских отношений Института славяноведения и балканистики АН СССР под руководством В.Д. Королюка, в дальнейшем отдел истории средних веков Института славяноведения РАН⁸.

Конфликты и войны в Славянской хронике Гельмольда описываются чуть ли не в каждой главе этого сочинения. Автор был хорошо знаком с предметом своего повествования. Он провёл ранние годы своей жизни в Вагрии, был пресвитером в Бузу на Плуньском озере. Основательные заимствования, которые Гельмольд делал из «Деяний гамбургских архиепископов» Адама Бременского, отнюдь не мешают нам проследить собственное отношение автора к описываемым им событиям, в том числе и к бесчисленным военным действиям.

Его отношение к войне лишено подобострастия к «сильным мира сего». Военная доблесть и мужество в бою оцениваются Гельмольдом как важнейшие достоинства тех или иных народов, будь то угры или франки⁹. Вероломство и предательство в свою очередь заслуживают, по его мнению, всяческого порицания¹⁰.

Пишет он и о вреде раздоров, приводящих к ослаблению империи. «Правда, обращению славян и других народов в веру с самого начала сильно мешали военные бури, поднятые нортманнами и свирепствовавшие почти во всём мире. Войско нортманнов состояло из храбрейших данов, свенов и норвегов, которые

объединившись ... обложили данью ... славян, а затем стали притеснять ... остальные соседние государства. Вероятно, немало мужества придало им ослабление Римской империи, которая ... после Людовика старшего была сначала истощена внутренними войнами, а затем разделена на четыре части¹¹.

Основная линия размышлений Гельмольда, и его тенденция в освещении событий прошлого – польза той или иной войны или конфликта для дела распространения христианства среди некрещеных народов.

Примечательно, что даже высоко оценивая роль Карла Великого в обращении в веру саксов, Гельмольд сообщает, что война между ними шла столь долго из-за упорства последних, «Она могла кончиться скорее, если бы не упорство саксов», «которые, стараясь оружием отстоять свою *свободу*, опустошали земли франков вплоть до Рейна»¹².

Карл Великий был для Гельмольда образцовым императором, войны которого способствовали проповеди христианства по всей Европе, эталоном, которым автор Хроники мерил всех других правителей. Однако, оценивая действия саксов, он оставляет за ними право отстаивать свою *свободу*. «Одерживая эту победу в войне, храбрый Карл полагался не на себя, а на поддержку господ бога, и все отважные свои дела приписывал милостивой его помощи. Побуждаемый великой ревностью и имея в виду высшую награду, постановил он освободить племена саксов, хотя они мало того заслуживали, от полагающихся с них платежей и подарить им былую свободу, чтобы случайно обременение службами и данями не толкнуло их вновь на восстание и возвращение к языческим заблуждениям»¹³. По Гельмольду такая политика Карла Великого в отношении покоряемых саксов – пример для саксонских герцогов, которые по отношению к полабским славянам вели себя совсем иначе. – Гельмольд, считавший мужество большой добродетелью, и сам был по-видимому достаточно храбрым человеком. Он не боялся осуждать на страницах своей Хроники «сильных мира сего», особенно «жадных саксонских герцогов», которые, по мнению Гельмольда, нередко уничтожали достижения своих предшественников из-за неумеренных грабежей славянского населения.¹⁴ Об этом хронист пишет на протяжении всей хроники. Конечно, упорство самих славян он тоже осуждает – но не в той мере, сколь жадность саксов.

Особого же порицания автора Хроники заслуживает полное нежелание саксонских герцогов воспользоваться явными преимуществами в войне для обращения славян в христианскую веру. Наиболее ярким примером здесь является глава о войне доленчан. «В те дни произошло великое движение в восточной части славянской земли, где славяне вели между собой внутреннюю войну. Их же четыре племени – хижане и черезпняне, ратары и доленчане боролись за первенство между собой. Так как у ратарей и доленчан имелся город и знаменитый храм Редегаста и все славяне стекались туда для ежегодного получения ответов и жертвоприношений. Победителями в этой войне оказались черезпняне и хижане. Тогда ратары и доленчане призвали на помощь короля данов и саксонского герцога Бернарда, а также князя Бодричей – Готшалка, которые и помогли им одержать победу. Наконец, они (побежденные племена) купили себе мир за 15 тыс. марок. «Эти деньги князья разделили между собой и о христианстве они и не вспомнили, и никаких почестей не воздали богу, ниспославшему им (эту) победу в войне. Отсюда можно узнать ненасытную жадность саксов, которые ... Предпочитают лучше дани увеличивать, чем обрета́ть господа новые души»¹⁵. (Кн. I, Гл. 21)

Гельмольд составлял свою Хронику во времена II Крестового похода, когда отношение христианского Церквы к войнам против неверных, сформированное уже к I Крестовому походу, претерпело свои изменения. Подробно об эволюции этих взглядов написано еще в 30-е годы XX в. немецким учёным Карлом Эрдманом в исследовании о происхождении идеи Крестовых походов¹⁶. Здесь необходимо отметить лишь некоторые моменты в этом процессе. Бруно Кверфуртский в письме императору Генриху II призывает его «убедить придти» к христианству язычников, с которыми он объединился для войны с христианами. Он применяет цитату из Священного Писания (Евангелие от Луки – 14–23), из притчи о званых и избранных, где Христос рассказывает о некоем человеке, который звал многих на богатый ужин, на который никто не шел. Тогда Господин сказал рабу: «Пойди по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой». «Убеди придти» – *compelle intrare* – цитата, которую использует Бруно, ранее применялась св. Августином в его полемике с еретиками (донатистами)¹⁷. Св. Августин призывал к использованию светской власти для того, чтобы наказывать и наставлять в некоторых важных вопросах, связанных с христианством. В целом церковная

идеология в отношении язычников была не столь агрессивна. Миссионеров, насколько мы можем судить по их Житиям, не интересовали идеи военных действий против язычников. В этих произведениях нередко представлено насилие над сакральными языческими объектами, призванное подчеркнуть слабость дохристианских верований обращаемых ими народов. Если обратиться к источникам времен Карла Великого, королевским анналам каролингов и сочинениям Эйнхардта, одобрение войн Карла Великого как несущих свет христовой веры безусловно присутствует в них, но отнюдь не на уровне агрессивной крестоносной идеологии. Политика папы Григоря VII также известна как определённый этап в истории укрепления идеи применения силы в различных вопросах, связанных с религией. Церковь постепенно удаляется в этом вопросе от идеологии первых веков христианства. Имеющие самое непосредственное отношение к нашей теме проповеди Бернара Клервосского призывают к крестовому походу против арабов в Испании и славян в Полабье. Они содержат уже откровенно агрессивную риторику и проповедуют крещение или смерть. В своей «Похвале нового рыцарства» (*Laus novae militiae*), например, Бернар рассуждает о том, что язычников можно и оставлять в живых, если есть другие способы остановить их причинение зла верным, «но сейчас лучше их убить» (перевод мой. – А.К.)¹⁸.

Гельмольд же на страницах своей хроники без излишнего энтузиазма оценивает события, связанные с той частью военной экспедиции, которая была направлена против славян. При желании можно даже разглядеть сдержанное отношение к крестоносным проповедям Бернара Клервосского. Вот, например, как он характеризует славу Бернара – «и вот начал этот святой муж неизвестно, какими прорицаниями (*oraculis*) вдохновленный – увещевать государей и других верных людей, чтобы отправились они в Иерусалим, обуздали языческие племена востока и подчинили их христианским законам ... Трудно поверить, какое множество народов сразу после таких слов увещевания посвятило себя этому походу. И сочли вожди похода за лучшее одну часть войска отправить в страны Востока, другую в Испанию, третью же к славянам, возле нас обитающим»¹⁹. Слово *oraculis*, примененное по отношению к Бернару, достаточно двусмысленно по отношению к христианину, так как этот термин принято было ассоциировать с языческими прорицателями.

В Хронике Гельмольда содержится и указание на то, что Крестовый поход против славян воспринимался как ненужное препятствие в отношениях между саксами и славянами. В главе 62 первой книги Хроники славянский князь Никлот, узнав об этом походе, отправляет «посольство к графу Адольфу, напоминая ему о союзе, который они заключили, и вместе с тем прося его предоставить ему возможность побеседовать с ним и посоветоваться». Граф не соглашается, мотивируя свой отказ нежеланием проявить неосторожность и «нанести обиду другим государям», в чём читается необходимость подчиниться большинству скорее, чем желание участвовать в этой экспедиции и нарушать установленный со славянами мир²⁰.

Нетрудно заметить, что автор Хроники занимает воздержанную позицию в вопросе о войне с язычниками как обязательном условии их обращения в христианство. Несмотря на то, что достижения Карла Великого представлены Гельмольдом как славянский пример для подражания в деле христианизации народов, открытые «крестоносные» призывы к принудительному крещению язычников чужды его Хронике. Главную же причину провала христианизации полабско-балтийских славян Гельмольд видит в неумной жадности саксонских герцогов, неспособных обратиться во благо христианизации свои многочисленные военные победы против язычников.

Примечания

¹ Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне XI–XII вв.). М., 1991. С. 116–137.

² Впервые научные труды по истории полабско-балтийских славян стали появляться в России в середине XIX века: среди них – фундаментальные исследования таких ученых как А.Ф. Гильфердинг, А. Павинский, И.А. Лебедев, Й. Первольф, А.С. Будилович, М.В. Бречкевич, Д.Н. Егоров.

³ Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1–2. М., 1915.

⁴ Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. М., 1968. С.4.

⁵ См. например: Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

⁶ Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX в.) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82; Горяинов А.Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78–89.

⁷ Державин Н.С. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками // «Дранг нах Остен». Тбилиси, 1944. С. 11–19. Грацианский Н.П. Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X–XII вв. // Исторический журнал. 1942. № 8. С. 37–42.

⁸ См., например: Корольков В.Д. Государство Готшалка // Славянский сборник. М., 1947. С. 336–355; Ронин В.К. Христианизация полабских славян // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 181–206.

⁹ Гельмольд. Славянская Хроника / Предисловие, перевод и примечания Л.В. Разумовской. М., 1963. С. 34–35.

¹⁰ Там же. Кн. 1. Гл. 7. С. 46–48.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же. Кн. 1. Гл. 3. С. 38–39.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. Кн. 1. Гл. 16. С. 63–66; Кн. 1, Гл. 83. С. 185–192.

¹⁵ Там же. Кн. 1. Гл. 21. С. 71–72.

¹⁶ Erdmann C. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens, Stuttgart, 1935. Перевод книги на английский язык см.: Erdmann C. The Origin of the Idea of Crusade. Princeton, 1977.

¹⁷ Kahl H.-D. Compellere intrare : Die Wendenpolitik Bruns von Querfurt im Lichte hochmittelalterlichen Missions- und Völkerrechts // Heidenmission und Kreuzzugsgedanke in der deutschen Ostpolitik des Mittelalters / Hrsg. von H. Beumann. Darmstadt, 1963. P. 174–274.

¹⁸ *Nunc autem melius est ut occidantur...*: Bernard de Clairvaux Eloge de la nouvelle chevalerie / Ed. by P.Y. Emery, Paris 1990, cap.5, P. 60 (Oevres complete. Vol 31). См., также: Bernardus Claravallensis, Epistola 457 // Migne J.P. Patrologiae Cursus Completus. Paris, 1854. Col. 651–652 (Series Latina. Vol. 182): «ad delendam penitus aut certe convertendas nationes illas signum salutare suscipere».

¹⁹ Гельмольд. Славянская хроника. Кн. 1. Гл. 59. С.140–141.

²⁰ Там же. Кн. 1. Гл. 62. С. 143–144.

С.М. Фалькович
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Постановления Венского конгресса 1815 г. по польскому вопросу и отношение к ним польского общества

Abstract:

Falkovich S.M. *Resolutions of the Congress of Vienna in 1815 on the Polish question and reaction of the Polish society*

The article presents ambivalent positions of different trends in the Polish political thought concerning the meaning of the resolutions of the Congress of Vienna of 1815 on the Polish question.

Ключевые слова: Венский конгресс, автономное Королевство Польское, Конституция 1815 г., крах автономии и Конституции в сознании поляков.

1815 год был для поляков переломным. После разделов Речи Посполитой, осуществленных в конце XVIII в. Россией, Австрией и Пруссией, Польское государство перестало существовать, и лишь в 1807 г. на части польской территории Наполеон I создал вассальное государство Княжество Варшавское. Эпитет «Польское» в его названии отсутствовал не случайно: Наполеон был против воссоздания независимой Польши и лишь использовал ее экономические и людские ресурсы для своих завоевательных целей. Однако поляки верили французскому императору и надеялись на него, поэтому крах Наполеона означал для них новый удар и неопределенность дальнейшей судьбы. Венский конгресс, где победители Наполеона союзные державы вершили судьбы народов и перекраивали границы в Европе, стал и для поляков судьбоносным. Торги вокруг перекраивания европейских, в том числе польских, территорий продолжались в течение многих месяцев в 1814–1815 гг. Влиятельную позицию в венских переговорах занимала Россия – главная победительница Наполеона, опиравшаяся на большую военную мощь. Огромную роль она сыграла и в решении польского вопроса. Император Александр I выступал с наиболее благоприятными для поляков проектами и в результате добился создания на части территории Княжества Варшавского государства, получившего польское имя. Королевство Польское стало автономной частью Российской империи с собственным двухпалатным сеймом, с польской администрацией и национальной армией, с государственным польским языком – языком общественной и полити-

ческой жизни, российский же император получил статус польского короля. Даруя полякам конституцию, он заявил, что «желает дать этому народу хорошую национальную администрацию, основанную на определенных принципах, приспособленную к местным условиям, управляемую законами, а не произволом или волей правительства». Царь желал, «чтобы благороднейшие чувства укрепили привязанность народа к своей родной земле и России, вернувшей ему эту землю и не потребовавшей, чтобы на ней он перестал быть самим собой». Подчеркивалось, что соединение России и части Польши «под единый скипетр» необходимо для «устроения всеобщего в Европе равновесия и порядка»; отмечалось также, что таким образом «возрождаются узы братства племен, взаимно между собой сопряженных единством происхождения», и создаются основы для «мира, согласия и единства, столь необходимых для их свободного существования и прочного счастья»¹.

Первое впечатление поляков от этого нового поворота судьбы родины было радостным. На коронации Александра I в Варшаве, на первом заседании сейма Королевства Польского в 1818 г., так же как и на страницах прессы, они выражали восторг, заявляли о «нескончаемой благодарности воскресителю, неколебимой верности ему и Конституции», о «ревностном отстаивании» гарантированных ею прав. Поляки надеялись на расширение автономного пространства за счет присоединения к Королевству Польскому западных губерний России – бывших провинций Речи Посполитой, и царь не раз намекал на такую возможность². Но вскоре польским патриотам действительно пришлось «ревностно отстаивать» конституционные и гражданские права, так как они нарушались властями в сфере работы сейма и на местах, в армии и просвещении. Противостояние влекло за собой усиление репрессий, с одной стороны, а с другой, нарастание оппозиционных и революционных настроений, создание тайных организаций патриотического и революционного характера. Этот процесс усилился после смерти Александра I и последовавшего за ней Декабрьского восстания 1825 г. в Петербурге. Обнаружилась связь «декабристов» с тайным Патриотическим обществом в Королевстве Польском, последовал суд над его членами, подогревший патриотическую атмосферу в Королевстве. Дальнейшему развитию этого процесса способствовали события, связанные с коронацией Николая I в Варшаве в 1829 г., устроенный против него заговор, а затем покушение на наместника Королевства Польского великого князя

Константина в 1830 г. К этому времени тайное революционное Общество подхорунжих уже готовило восстание, и толчком для его преждевременного начала стало известие о намеченной посылке польской армии в Европу для подавления революции. В результате 29 ноября 1830 г. в Варшаве началось вооруженное восстание. Оно было подавлено царизмом в 1831 г. Конституция Королевства Польского была заменена Органическим статутом, что означало нарушение венских договоренностей в отношении Польши³. Но их эхо не исчезло: на протяжении почти всего периода между Ноябрьским восстанием 1830–1831 гг. и Январским восстанием 1863–1864 гг. в Королевстве Польском вопрос о трактатах Венского конгресса возникал в общественном мнении, прежде всего в выступлениях патриотически и революционно настроенной общественности. Отношение к ним в большой степени определяло позиции различных сил польского общества, и здесь на первое место выходили расхождения в среде многочисленной польской политической эмиграции.

Еще в 1831 г., когда восстание догорало, вождь консервативной аристократической эмиграции князь Адам Чарторыйский, являвшийся в свое время одним из разработчиков проекта Конституции Королевства Польского, направил своим агентам на Западе указания «воспользоваться доброй волей дворов в полной мере придерживаться Венского трактата». Выехав в Европу, он сам пытался через правительства западных держав воздействовать на Россию, так как еще надеялся на урегулирование отношений с Петербургом. Князь передал британскому руководству памятные записки «Цель и основания вмешательства в пользу Польши» и «О Венском конгрессе». В материалах, подготовленных для западных держав, Чарторыйский доказывал, что в Вене поляки не добились полной справедливости, так как конституцию и права они имели еще в Речи Посполитой. Основываясь на действиях Австрии и Пруссии во время восстания, он подчеркивал, что в нарушении венских договоренностей повинны все три государства, участвовавшие в разделах Польши в конце XVIII в. «Победа, – утверждал князь, имея в виду подавление польского восстания царской армией, – не признает прав, которые бы противоречили справедливости и международным трактатам». «Польша, – заявлял он, – встала на бой, так как не соблюдалась Конституция», и подчеркивал, что «либеральная и европейская политика правительств, желающих основать всеобщий мир на свободе и справедливости,

не должна бросать этого дела». Выступая в английском парламенте в июне 1832 г., Чарторыйский вновь говорил о нарушении Венского трактата, призывал западные державы воздействовать на Россию и заставить царя восстановить автономное Королевство Польское и его Конституцию, освободить заключенных, вернуть эмигрантов на родину, возвратив им «фортуны и почести», то есть конфискованное имущество и утраченное положение. Агитацию за подобные требования сторонники Чарторыйского развернули в английской и французской прессе, публиковавшей материалы в поддержку Польши. Они выступали также перед европейской общественностью, как, например, Ю. Немцевич на собрании в Бирмингеме. Были организованы выступления в Палате общин английского парламента депутата Фергюссона, награжденного за это особой медалью, специально изготовленной стараниями князя Адама и его партии⁴.

После восстания 1830–1831 гг. в эмиграции оказалось около 10 тыс. человек, и значительная их часть исповедовала демократические убеждения. Их возмущала позиция консерваторов. 29 мая 1832 г. созданный в Париже Польский национальный комитет под руководством И. Лелевеля направил английской Палате общин адрес, подписанный 1622 польскими эмигрантами. В адресе, изданном также в виде отдельной брошюры, содержалось обвинение против трех захватчиков, разделивших Речь Посполитую, выдвигалось требование восстановить Польшу в прежних границах, звучал призыв к народам о помощи. Документ Польского демократического общества, другой организации польских эмигрантов, появился еще раньше, 8 мая 1832 г., и был адресован не кабинетам, а непосредственно народам. Авторы «Протеста против трактатов, разрывавших Польшу с 1772 по 1815 годъ» заявляли, что Венский трактат стал лишь новым разделом польской территории, продолжением политики «насилия над Польшей», проводившейся Наполеоном, который «своим деспотизмом» «на несколько десятков лет задержал прогресс человечества, вводя же в Европе новое разделение и возвращая старые условия общественного порядка, подготовил союз деспотов, названный Священным и ставший силой и основой абсолютизма». В обращении подчеркивалось, что восстание 1830–1831 гг. явилось реакцией не на нарушение постановлений Венского конгресса 1815 г., а родилось из духа независимости: «Мы имели право восстать, – говорилось в документе, – и сегодня имеем право требовать от Европы возвращения нам дав-

них границ [...] Мы взываем к справедливости, к интересам народов! Они ощущают потребность в более крепком сплочении между собой, в укреплении своих сил, распространении господства свободы». Авторы «Протеста» утверждали, что Венский трактат был «убийственным для Европы». Они заявляли, что именно от осознания европейскими народами своего интереса ожидают «воскрешения Польши», которая «всегда объединялась с просвещенным Западом, всегда вставала на его защиту»⁵.

Обращение Польского демократического общества опубликовала только одна английская газета «Морнинг Джеральд», поддерживавшая левые силы; остальные органы печати отказались от публикации, так как испытывали давление со стороны Литературного общества друзей Польши, основанного в Лондоне и находившегося в сфере влияния консервативной партии Чарторьского. Противостояние консервативного и демократического течений, существовавших внутри польской эмиграции, нашло выражение и в факте выступления в английском парламенте Д. О'Коннела 28 июня 1832 г. Он полемизировал с Фергюссоном, защищавшим точку зрения польских консерваторов по вопросу о венских договоренностях и их значении. Это резкое расхождение в оценке постановлений Венского конгресса и их последствий для Польши сохранилось в течение последующих десятилетий. Показательной была позиция, занятая аристократической эмиграцией во время Крымской войны, в которой Россия потерпела поражение. Царь Александр II, взошедший на российский престол после смерти Николая I, объявил об амнистии полякам-эмигрантам – участникам Ноябрьского восстания 1830–1831 гг., – они могли свободно вернуться на родину. Ответом на царский манифест стал протест демократической части польской эмиграции: «перед лицом Отчизны и цивилизованного мира» она заявила, что «не нуждается в амнистировании». «Демократы» подчеркивали, что «непреклонно верят в воскресение своей Отчизны» и «вернутся на родную землю только тогда, когда смогут изгнать из нее чужеземцев, когда Польша будет свободной и независимой»⁶.

Три дня спустя протест заявила и аристократическая эмиграция. Консерваторы подчеркнули, что «Польша надеется на Бога, на свои собственные интересы и на совесть беспристрастных людей всех народов». Они объясняли общественному мнению, что предпочитают «оставаться терпеливыми и покорными воле Божественного провидения», поскольку не могут удовлетвориться

условиями амнистии и требуют «справедливости для Польши, а именно гарантий языка, религии, образования, проведения реформ и создания национальной администрации». По существу, речь шла о тех же конституционных правах и гарантиях, которые поляки получили по постановлению Венского конгресса и по милости императора Александра I. Этот вывод подкреплялся позицией А. Чарторьского, занятой им по отношению к амнистии. Он одобрил мнение одного из консервативных политиков и идеологов В. Калинки, заявившего: «Мы бы не смогли возвратиться на родину, не топчя наше прошлое». Чарторьский считал, что персональные уступки «не приведут ни к какому действию состояние всей эмиграции», задача которой «своим продолжающимся протестом в один прекрасный день получить свою родину – эмансипированную и счастливую». Эмигранты, заявлял князь, так же как и поляки, оставшиеся у своих очагов, «поднимают свой голос за то же право на общую национальность, которая освящена веками». Показательно, что говоря о «эмансипированной» Польше, он вспоминал об императоре Александре I, «который это понимал: он обещал объединить провинции [западные губернии России – С.Ф.] с малым Королевством, созданным на Венском конгрессе с клазулой возможного его расширения, и вплоть до своей смерти [...] помнил об этом обязательстве [...] хотел выполнить свое обещание». «Заявление же императора Николая о том, что обещание его брата никогда не будет выполнено, и его стремления денационализировать польские провинции – это, – подчеркивал Чарторьский, – противоречит Венскому трактату и является главной причиной революции 1830 года». Из подобных рассуждений князя становилось ясно, что аристократическая партия готова была согласиться, чтобы, в соответствии с Венским трактатом, Польша оставалась под властью царизма в составе Российской империи, лишь бы была восстановлена провозглашенная в 1815 г. в Вене национальная автономия и оказались удовлетворены территориальные претензии поляков. Если русское правительство, заявлял Чарторьский, имея в виду администрацию нового русского императора, будет вести в «забранных провинциях» иную политику и присоединит их к Королевству Польскому, «это будет самым эффективным средством завоевать доверие всей Польши», «мощнейшей приманкой для поляков», которые «меньше тяготеют к слишком либеральным формам и парламентам и согласны иметь районные и областные институты»⁷.

Таким образом, на переломе 50-х годов XIX в. в сознании определенной части польской политической элиты идеи и формы, заложенные на Венском конгрессе в 1815 г., все еще оставались жить и оценивались положительно. Это создавало основу для нового компромисса и сотрудничества с инациональной властью. Однако польское общество в своем большинстве, и прежде всего, его революционные, патриотические элементы, сумели гораздо раньше адекватно оценить реальные возможности и перспективы, которые открывали для них документы, рожденные в эпоху подавления революционного движения в Европе и утверждения господства Священного союза реакционных держав.

Примечания

¹ *Филатова Н.М.* Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.) / Отв. редактор С.М. Фалькович. М., 1995. С. 51; Внешняя политика России. Т. VIII. М., 1972. С. 145–147; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб, 1830. С. 117–118. См. также: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / Отв. редактор С.М. Фалькович. М., 2010. С. 91, 332, 335 и др.

² *Dyariusz Sejmu Królestwa Polskiego 1818 roku.* Т. I. Warszawa, 1818. S. 10–11; Польша и Россия ... С. 335–337.

³ Подробнее см.: Польша и Россия ... С. 339–421.

⁴ *Kukiel M.* Książę Adam. Warszawa, 1993. S. 115–117; *Król M.* Konserwatyści i niepodległość. Warszawa, 1985. S. 68–69; *Heltman W., Janowski J.N.* Demokracja polska na emigracji. Warszawa, 1965. S. 316–317.

⁵ *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 316–321.

⁶ *Ibid.* S. 321; *Huard A.* Le reveil de la Pologne. Histoire de l'insurrection polonaise. Paris, 1864. P. 206–207.

⁷ *Król M.* Op. cit. S. 138; *Handelsman M.* Nicolas I-er et Czartoryski. Paris, 1932. P. 255–257.

И.И. Калиганов
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Болгария в преддверии Первой мировой войны (полемика К. Христова и И. Вазова с Л. Андреевым)

Abstract:

Kaliganov I.I. *Bulgaria on the eve of World War I (polemics of C. Christov and I. Vazov with L. Andreev)*

The article considers the problem of choosing allies by Bulgaria in the First World War, and the struggle between Germanophiles and Russophiles in Bulgarian society. It reviews an open letter of Leonid Andreev where he was reproaching Bulgarians (who were about signing an alliance with Germany and Turkey) and the answer of Bulgarian writers to it: of the pro-German Russophobe Cyril Christov, more subdued, former consecutive Russophile Ivan Vazov and politically balanced position of the conservative magazine «Bylgarska sbirka». These three answers actually reflect the range of views of the Bulgarian society concerning the issue in question. The third one is the most balanced and worthy. As for the nature of the polemics itself, it is characterized by excessive emotionality. All debaters are, by and large, wrong, and one of them, namely Cyril Christov, did not actually strive for the Truth: for him, Andreev's accusatory letter was just an excuse for composing new Russophobe horror-stories in order to boost the Bulgarians towards an alliance with Germany and Turkey.

Ключевые слова: Болгария, Россия, Первая мировая война, выбор союзников, русофилы и германофилы, новшества русофобов, взаимные ошибки.

Первая мировая война всколыхнула Европу, показав, насколько хрупки основы установленного в ней временного мира. По разные стороны оказались многие государства и народы, взаимную симпатию между которыми, казалось бы, ничто не могло поколебать. Так случилось, например, с Россией и Болгарией, которые начали сражаться друг против друга, пусть и непродолжительное время, но довольно жестоко. Именно в преддверии Первой мировой войны и вспыхнула упомянутая в заглавии полемика между известным русским писателем Л. Андреевым (1871–1919) и рядом представителей болгарской интеллигенции. Из последней мы выбрали самые крупные фигуры: патриарха национальной литературы Ивана Вазова (1850–1921) и Кирила Христова (1875–1944) – видного болгарского поэта, прозаика и драматурга. Их письма Л. Андрееву наиболее показательны, равно как и аргументы болгарской стороны, в них приводящиеся. Ответные письма русскому писателю других болгарских творческих и общественных деяте-

лей тоже интересны, но, в сущности, они нередко повторяют то, что высказали И. Вазов и К. Христов.

Понять суть полемики, справедливость или несправедливость фигурирующих в ней аргументов, невозможно без краткого экскурса в историческую ситуацию, в которой находилась Болгария накануне Первой мировой войны. Освобождение болгар от турок в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оказалось частичным. По предварительному (прелиминарному) Сан-Стефанскому договору (3 марта 1878 г.) на Балканах должно было возникнуть Болгарское государство, включавшее в себя все населенные болгарами балканские земли. Но чуть позднее в Берлине (1 июля 1878 г.) под давлением западных держав границы создававшегося Княжества Болгарии были существенно урезаны. Относительную свободу фактически получили лишь северные болгарские земли между Дунаем и Балканским хребтом. Восточная Румелия – часть болгарских земель к югу от этого хребта – по-прежнему подчинялась турецкому султану с правом административной автономии. Сербии отходили некоторые северо-западные болгарские земли южнее Ниша с городами Пирот и Враня. Другому русскому союзнику, Румынии, досталась населенная болгарами Северная Добруджа – причерноморская область, примыкающая к Дунаю с юга¹. Значительные территории с болгарским этническим населением в Южной Фракии, Вардарской и Эгейской Македонии как и прежде находились под полным контролем турок.

Во главе Болгарского княжества по международному соглашению был поставлен Александр Баттенберг – немецкий принц, сын австро-венгерского генерала и племянника русской императрицы. Болгария понемногу крепла, не оставляя страстного желания создать национальное государство в этнических границах. Первым шагом на этом пути стало воссоединение Северной и Южной (Восточная Румелия) Болгарии, конспиративно подготовленное и осуществленное болгарами 6 сентября 1885 г. Они сделали это без ведома заинтересованных западных держав и России – главного гаранта болгарских интересов. Это поставило Россию в крайне сложное положение в международном плане, фактически заставив её оправдываться как «куратора» за действия своей подопечной. Россия была также недовольна назначением главой объединенной Болгарии прогермански настроенного князя Александра Баттенберга. Император Александр III приказал отозвать из болгарской армии русских офицеров – в то время практически

весь ее старший командный состав. В противном случае им пришлось бы воевать с сербами, поскольку опасаясь нарушения баланса сил на Балканах Сербия 2 ноября 1885 г. объявила Болгарии войну. Однако уже 5–7 ноября того же года сербы были остановлены и разбиты в 28 километрах от Софии в сражении под Сливницей. Болгарская армия начала наступление в направлении Ниша и Пирота, но вынуждена была остановиться из-за угрозы военного вмешательства Австро-Венгрии. Населенные болгарами земли на северо-западе не были освобождены, но главная цель была достигнута: произошло воссоединение Северной и Южной Болгарии, признанное затем международным сообществом.

Вскоре группа болгарских офицеров, недовольная прогерманской политикой Александра Баттенберга, организовала 9 августа 1886 г. военный переворот, в результате которого князь был арестован и выслан из страны. Но победа болгарских русофилов оказалась временной – противостоявшие им германofilы осуществили контрпереворот и 25 июня 1887 г. по предложению австро-венгерского правительства возвели на престол снова немца – князя Фердинанда Сакс-Кобург-Готского. Прогерманская политика и усиливавшееся русофобство наиболее откровенный характер приобрели в период премьерства Стефана Стамболова (1887–1894). Они делали невозможным восстановление дипломатических отношений между Болгарией и Россией, прерванных между двумя странами незадолго до восхождения на болгарский престол князя Фердинанда. Их удалось восстановить только в 1895 г. после отставки С. Стамболова и поездки в Санкт-Петербург к русскому императору Николаю II делегации болгарских русофилов².

Одновременное экономическое сотрудничество Болгарии с двумя постепенно формирующимися европейскими политическими блоками стран – Центральные державы (Германия и Австро-Венгрия) и Антанты (Англия, Франция и Россия) – превратили её в значительную экономическую, политическую и военную силу на Балканах, превосходящую по мощи своих соседей Сербию и Грецию. Осознание этого придавало Болгарии уверенность в способности решать свои политические проблемы самостоятельно, а если потребуется, то и силовым путем. 22 сентября 1908 г. князь Фердинанд при содействии Германии и Австро-Венгрии отверг сюзеренитет Османской империи по отношению к Болгарии и провозгласил себя болгарским царем. Константинополь прореагировал очень резко, но болгар поддержало русское правительство,

и назревающий конфликт был улажен. Полная независимость Болгарии стала свершившимся историческим фактом³. После этого царь Фердинанд начал грезить о возглавляемом им великом Третьем Болгарском царстве, омываемом водами трёх морей – Черного, Адриатического и Эгейского. Расширение болгарских границ должно было произойти за счет Восточной Фракии, Западной и Южной Македонии, входивших в состав Османской империи. Справиться с ней в одиночку Болгарии было трудно, и поэтому она заключила против османов союз с Сербией, Грецией и Черногорией, также намеревавшимися освободить населенные соплеменниками балканские земли.

В 1912–1913 гг. разразились так называемые Балканская и Межсоюзническая войны⁴. В их ходе Болгария, Греция, Сербия и Черногория сначала сообща отвоевали у Турции населенные болгарскими, сербами, греками и черногорцами земли, но затем, одержав победу, не смогли договориться между собой о дележе приобретений. Между бывшими союзниками вспыхнула война: на северо-западе и западе против Болгарии воевали сербы и черногорцы, на юге и юго-востоке с болгарскими начали сражаться греки и напирала воспрянувшие турки, а с северо-востока в спину неожиданно ударила затаившаяся на время Румыния. Болгария потерпела полный разгром и 28 июля 1913 г. вынуждена была заключить унижительный для себя Бухарестский мир. В конечном итоге болгары понесли ощутимые территориальные потери. На западе их заставили уступить Сербии часть своей территории. Сербам и грекам досталось 9/10 Македонии, в то время как болгарам – всего лишь 1/10. Румыны присоединили Южную Добруджу с городами Балчик, Добрич, Тутракан и Силистра, а турки, пользуясь бессилием Болгарии, чуть позже вернули назад отбитую у них ранее болгарскими Одринскую Фракию.

После начала Первой мировой войны 28 июля 1914 г. Болгария более года соблюдала нейтралитет. Она выжидала, восстанавливала свои силы и прикидывала, к какому военному блоку ей выгоднее присоединиться: к Антанте или Центральным державам? Здесь все зависело от двух обстоятельств: какой блок будет больше способствовать решению Болгарией её территориальных проблем и кто из них окажется победителем. Ведь окажись болгары в стане побежденных, все посулы союзников не стали бы стоить и ломаного гроша. В свой стан Болгарию пытались завлечь оба блока через своих дипломатических агентов в Софии. Обос-

трилось и противостояние русофильских и германфильских общественных течений, использовавших в качестве рупора газеты и журналы. Россия проявляла здесь некоторую пассивность, более полугода не назначала в Софию своего дипломатического представителя и не способствовала получению Болгарией военного займа, необходимого той для подготовки к войне. Прибывший в Софию русский посланник А. Савинский публично выступал за предоставление французского военного займа Сербии, более необходимого ей, чем Болгарии. В конечном итоге Болгария получила заем от Германии. Известно было болгарам через переговорщиков и то, что Сербия не собирается делать им какие-либо территориальные уступки в случае союзничества⁵. Поэтому Болгария медленно дрейфовала в сторону блока Центральных держав.

Именно к этому периоду и относится рассматриваемая нами полемика между Л. Андреевым и болгарскими писателями И. Вазовым и К. Христовым. Поводом к полемике послужил факт согласия «нейтральной» Болгарии на транзит через её территорию германского оружия туркам, воюющим с Россией на Кавказе. Глубоко возмущенный этим Л. Андреев написал болгарам открытое письмо, пытаясь их пристыдить и склонить к союзу со своими славянскими братьями – сербами и русскими. Оно было опубликовано в газете «Утро России» в конце октября – начале ноября 1914 г. и широко распространилось в российской печати⁶. Письмо называлось «Торгующим в храме», напоминая читателям о библейском сюжете с изгнанием торговцев из храма Соломона в Великий понедельник страстной седмицы. В этом письме Л. Андреев уподоблял Болгарию Иуде, продающему славян за сребреники ради своих политических интересов. Болгария, по его словам, страна-предатель, у нее славянское сердце, но немецкие мозги, одну руку она держит ладонью вверх, а в другой «сжимает нож для братского горла Сербии». Писатель сравнивал Болгарию со Змеем с раздвоенным жалом и скотиной в немецком стойле, которую поведут на убой, когда польются потоки братской крови. Он писал, что «славянский мир стыдится и потупляет глаза, когда слышит имя “болгарин”», как в честной семье, которая стыдится недостойного сочлена⁷.

Письмо Л. Андреева вызвало у болгар бурную реакцию. Его сразу же перевели на болгарский язык и опубликовали в болгарской периодике⁸. С ответами Л. Андрееву выступили несколько представителей болгарской общественности: проф. С. Чилин-

гиров, издатель Д. Мишев⁹, уже упомянутые писатели К. Христов, а затем и И. Вазов и др. Буря возмущения бушевала в Софии около недели. Ответы С. Чилингирова и Г. Мишева широко обсуждались болгарами. Они вызвали интерес за границей, были переведены на английский, французский и немецкий языки, а затем в виде отдельных брошюр были напечатаны на французском и русском языках. Появились их переводы на русский язык и в российской прессе¹⁰. В нашей работе, как уже говорилось, мы остановимся на самых крупных фигурах болгарских оппонентов Л. Андреева – К. Христове и И. Вазове. Первый из них, хоть и уступает И. Вазову по художественному дарованию, но вступил в полемику раньше своего коллеги по писательскому ремеслу. Кроме того, в отличие от русофила И. Вазова, К. Христов являлся ярким германофилом, и его ответ Л. Андрееву служит ярким примером того, как такое «фильство» в предгрозовое для Болгарии предвоенное время вызывало вспышки отвратительного русофобства и обвинения России в немислимых грехах.

К. Христов знал немецкий язык, тяготел к Германии и немецкой культуре, он побывал в длительной командировке в Берлине, устроенной ему министром просвещения, а после Первой мировой войны переместился в Лейпциг, где вел семинар по болгарской литературе и культуре. В России он никогда не был, а о его германском «фильстве» было хорошо известно в болгарском обществе. Кроме того, К. Христов был очень вспыльчив, проявлял себя как любитель эпатажа. Лучший биограф поэта акад. М. Арнаудов писал о нем как о человеке, «менее всего склонном к серьезному обсуждению проблем, легко поддающемся общему энтузиазму, быстро приходящем в творческое возбуждение»¹¹. Поэтому вовлечение его в антироссийские игры накануне войны определенными силами было закономерно. Возможно, К. Христов и сам был сознательной частью этих сил. Свой ответ Л. Андрееву он опубликовал в газете «Дневник» 3 декабря 1914 г.¹². Уже в первых строчках своего письма он пытался убедить болгарского читателя в том, что Л. Андреев не есть такой уж великий писатель. По словам К. Христовой, огромная популярность произведений русского творца в Болгарии (некоторые из них были переведены дважды или даже трижды) обязана не их гениальности, а всего лишь веянию моды. Болгары падки на неё не меньше, чем русские, в особенности, если это касается моды зарубежной.

Подобного, по мнению К. Христова, в Западной Европе не наблюдается: для нее Л. Андреев интересен лишь в качестве редкого любопытного представителя 150-миллионного русского народа. В целом же, что отмечал еще Моммзен*, русский «полуазиатский» народ не является культуроспособным. «Ни одна раса, – пишет К. Христов, – не имеет столь ничтожного процента творческих личностей, и то – с грехом пополам!»¹³. Что же касается Л. Андреева, то, по словам болгарского поэта, на фоне редких для России гигантских творческих фигур – Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, К. Бальмонта и В. Брюсова – он всего лишь «нервный человечешко», «истеричный карлик», «церковный служка в сравнении с владыками и патриархами». По его утверждению, Л. Андреев не является законодателем нашего времени – «ему далеко до тех пророков, чьи мнения могут изменить смысл событий и ход истории»¹⁴.

По словам К. Христова, он не может припомнить ни одного произведения Л. Андреева, которое прожгло бы его своим откровением до глубины души. Все художественные «новшества» русского писателя – никакие не новшества. Они часто встречаются в самых различных вариантах в западноевропейских литературах. По мнению К. Христова, даже наиболее оригинальный рассказ Л. Андреева «Бездна» – такое свинство, какого больше в литературе не сыщешь! Напоминаая читателю сюжет этого произведения (юноша обнаруживает свою любимую девушку, избитую и изнасилованную подонками, клянется ей, что никогда не бросит ее, но вдруг поддается вспыхнувшему сексуальному желанию и насилует свою полуживую возлюбленную), К. Христов уравнивает изображенных писателем подонков с самим Л. Андреевым. Он называет его «жалким истериком, в котором больше животного, чем человеческого», маньяком с неподдающимися рассудку сексуальными взрывами. Такое же свинство, по словам К. Христова, демонстрирует Л. Андреев и по отношению к болгарскому народу. Оппонент русского писателя сравнивает болгарский народ с израненным солдатом-калекой, инвалидом, которого встретивший на улице Л. Андреев по-хамски оскорбляет, плюет ему в лицо, бьет его ногами и укоряет за то, что тот не пошел спасать сер-

---

* К. Христов имеет в виду известного немецкого историка Теодора Моммзена (1817–1903), лауреата Нобелевской премии, автора многотомной «Истории Римской империи».

ба. Но ведь серб и есть обидчик болгарина, нанесший ему незаживающие раны!

По мысли К. Христова, болгарский народ – распятый мученик, которого выгнали из дома, разорили, поругали и опозорили сербы, греки, румыны и даже турки. И всё это делалось под покровительством России и по ее рекомендации, противоречащей договору, подписанному ранее главами крупнейших европейских держав. Все это должен был знать Л. Андреев, и здесь важны не писательский талант, а элементарное чувство справедливости и совесть. Но их как раз-то и лишен русский писатель, и это говорит о том, что никакой он не талант. Потому что истинный талант никогда не смог бы допустить такой подлости: плевать в лицо распятому народу! Ведь талант, имеющий значение для всего человечества, всегда являет собой равновесие интеллектуальных и нравственных сил.

Яростно ополчился К. Христов и против высказывания Л. Андреева о том, что у болгарского народа «немецкие мозги». Если русский писатель подразумевал здесь стоящего во главе Болгарии немецкого царя Фердинанда, аргументирует К. Христов, то в таком случае ему следует проверить родословную русских царей из рода Романовых. По утверждению болгарского поэта, в их жилах не окажется ни капли русской крови, а в их мозгах ни одной русской клетки. То же самое, по его словам, относится и к российскому государственному аппарату (в качестве доказательства К. Христов приводит около 30 фамилий высших российских сановников, немцев по крови: министров, генерал-губернаторов, правителей областей и т.д.). Поэтому русская хула против «немецких мозгов» – самое последнее дело, так же как и аморальная война русских против немцев. Это война плохих учеников против своих мудрых учителей, это война облагодетельствованных против своих щедрых благодетелей.

Острую критику вызвал у К. Христова и призыв Л. Андреева к болгарам идти на жертвы во имя славянства. Болгария, по его словам, не проводит политику, ориентированную на международные интересы славянства. Такую политику могут проводить только глупцы. Как она может быть сопряжена, например, с интересами Польши, этой гордости всего славянства? Поляки и слышать не хотят о такой политике после того, что по отношению к ним сотворила Россия. Не случайно они начертали на своем светлом знамени девиз: «Польша воскреснет тогда, когда погибнет

Россия!» Следовательно, болгарам нужно избрать одно из двух: германское или русское иго. Которое из них более предпочтительно? Русское? По его словам, болгарский народ не является стадом овец, ведомых на убой, как пишет об этом Л. Андреев. И никто не сумеет болгар обмануть так, чтобы из любви к славянству они попали бы под азиатское иго, более страшное, чем турецкое! Болгары не станут воевать на стороне русских и сербов не только потому, что после победы те возьмут болгар в клещи с востока и запада, но и потому, что они отдадут себе отчет, на чьей стороне правда.

Истина, по мнению К. Христова, заключается в том, что причина вспыхнувшей войны кроется в зависти. Это зависть варварской и обреченной на варварство России к беспримерно великой по духу Германии. Это зависть и бессильная злоба сводницы-старухи Франции к по-юношески свежей Германии. Это и ужас лицемерного Альбиона, возникающий у него при виде встающего над океанскими просторами тевтонского солнца. Каким будет исход этой величайшей войны человечества, некоторым уже с самого начала ясно. По убеждению К. Христова, Германия не может быть побеждена – она переживает пик своих жизненных сил. Ее поражение вошло бы в противоречие с ходом развития мировой истории. И, наоборот, ее победа породила бы во всех океан зависти, и все в мире сплотилось бы против победительницы. Эту сплоченность крепил бы бес народовластия и равенства, террор убогих духом по отношению к великим. И в предвидении возникновения подобного океана зависти Германия постарается объединить вокруг себя своих далеких и близких друзей. Она позволит наиболее оболганным и несправедливо обиженным народам реализовать свои самые заветные идеалы. И кто из них не пойдет после этого в огонь и в воду вслед за своей избавительницей Германией? – вопрошает читателя К. Христов.

Послание Л. Андреева к болгарскому народу К. Христов характеризует как низость и преступление против истерзанной Болгарии. Его вина, по словам болгарского поэта, еще более возрастает, если принимать во внимание, что он использует свой талант для внушения ложных мыслей у неориентированного, легковерного и некритичного русского народа. Тем самым Л. Андреев присоединился к тем, кто каждый день внушает миллионам людей в России жгучую ненависть к Болгарии, – к слабоумной и продажной своре русских газетных писак. «Никогда ранее, – пишет К. Христов,

– литература не использовалась для таких низменных целей»¹⁵. Отсюда вытекает и тот факт, что литературный талант, не выливающийся в гениальность, не обязательно должен быть сопряжен со светлым умом и благородным сердцем. В этом случае он утрачивает свою ценность и ведет к деградации человеческой личности. Русский народ и без того живет в такой беспросветной мгле, которая не знакома даже самым темным болгарским крестьянам. Всё это, по словам К. Христова, Л. Андрееву прекрасно известно, и поэтому он сознательно делается самым страшным врагом своего необразованного народа, сея в нём новые заблуждения.

К. Христов утверждал также в своем письме, что в России совсем не знают Болгарии. Нет на свете других народов, которые имели ли бы такие неверные представления о болгарских делах, как русские. Что бы ни писали они о Болгарии, всё это за редким исключением получалось наивным и неточным даже в смысле самых элементарных фактов. По словам К. Христова, у него скопилась целая коллекция курьезов (материалов наберется на целую книгу) из русских публикаций о болгарской литературе и культуре. И принадлежат эти курьёзы не каким-то случайным людям, а профессорам известных русских университетов. «Когда русский пишет о Болгарии, – утверждает К. Христов, – он делает это с таким чувством, словно оказывает величайшую честь нашей маленькой стране. Аккуратно и добросовестно помещая её под микроскоп, он словно убежден, что умом и духом может обладать только народ, владеющий необозримыми пространствами»¹⁶. При этом он забывает о существовании маленьких Голландии и Дании, у которых он веками учился.

К. Христов писал, что Л. Андреев завершает свое письмо обычной для русских грубостью, которую они поголовно проявляют, как только речь заходит о Болгарии. Это вопрос о болгарской признательности русским освободителям. По словам К. Христова, никогда еще от сотворения мира ни одно благодеяние не совершалось такими нахалами, как русские. Болгары были обязаны не только усеять всю Болгарию памятниками и музеями в честь освободителей, но и выслушивать любые глупости любого русского как высшее откровение и беспрекословно выполнять самые бессмысленные желания каждого из них. А почему, собственно, болгары должны быть вечно униженно выражать свою признательность русским?

Далее К. Христов пытается извратить гуманный смысл освобождения Болгарии от турецкого ига и поставить всё с ног на голову. Суть его инсинуаций состоит в следующем. Болгарский народ ныне (1914 г. – *И. К.*) насчитывает 4 млн измученных людей. Если бы после попадания под власть турок он насчитывал всего 100 человек и размножался бы самым умеренным образом (т.е. удваивал бы свою численность каждые 30 лет), то за 510 лет турецкого ига число болгар должно было бы возрасти до 13 107 200 человек. Однако на момент освобождения от турецкого ярма численность «классического» среди славян болгарского народа составляла менее 1 млн человек. Причина такой «недостачи», по мнению К. Христова, кроется в многочисленных войнах, которые Россия, начиная с Екатерины II и Павла I и кончая Николаем I, Александром I и Александром II, вела с Турцией ради завоевания Константинополя. Каждый из этих русских правителей воевал с Турцией не менее одного–двух раз, причиняя величайшие бедствия болгарам. Пересекая Болгарию во время войн с турками, русские войска оставляли за собой разорённые болгарские города и села, голых, голодных и бездомных болгар, вопиющих к Богу о возмездии туркам и русским. А затем спокойно удалялись за Дунай на свои зимние квартиры.

По мнению К. Христова, во время этих русских походов погибли сотни тысяч болгарских женщин и детей, причем картина после одного–двух из них становилась все более ужасающей. В дальнейшем при вести о приближении русских войск тысячные толпы болгар из Южной Фракии бежали от них направлении Малой Азии, словно от чумы. Там те из них, кто не был зарезан разъяренными турками, ассимилировались греками. А когда кончалась война и русские войска начинали отходить за Дунай, то вместе с ними со своими повозками, скотиной и волами трогались и сотни тысяч болгар из Добруджи и Северной Болгарии, бесследно исчезая в Румынии, Бессарабии или Банате. Нет сомнения, что большинство этих, оторванных от родной земли, беженцев погибли от ятаганов турецких солдат и башибузукков, от голода и холода. Истребление болгарского народа, по словам К. Христова, было настолько очевидным и ужасающим, что после восшествия на трон Александра II этот факт начал тяготить совесть русской общественности. Об этом появилась богатая русская литература, но в Болгарии она почти не известна. От угрызений совести в России пытались избавиться посредством создания проекта о пересе-

лении всех задунайских болгар в специально отведенную для них плодородную область на Кавказе в том случае, если начнётся новая русская война с турками за Константинополь.

«Никто не причинил болгарскому народу таких бед, какие ему причинили русские!» – утверждает К. Христов¹⁷. По его мнению, если русский народ есть отец болгарского, то такой жестокий отец заслуживает от него плевка в лицо. Освобождение болгар, даже если оно было бескорыстным идеалистическим актом, все равно было лишь частичной платой великого долга России по отношению к болгарам, данью её пробудившейся совести. Да и был ли бескорыстным сам этот акт? По словам К. Христова, существуют горы дипломатических документов, по которым видно, что Россия пришла освобождать болгар отнюдь не за их красивые глаза – она и не думала от них уходить, и только под натиском Европы волей-неволей вынуждена была выместись из Болгарии и предоставить ей право самой строить жизнь по своему усмотрению.

По мнению К. Христова, даже если Россия освободила бы болгар из чувства «славянской любви» (хотя этому противоречит содержание многих дипломатических документов) и во время Балканских войн 1912–1913 гг. вела себя как заботливый отец, не пускавший разбойников в сыновий дом, то и тогда болгарам не за что быть ей признательными. А, напротив, им нужно со всей строгостью ставить вопрос об истреблении Россией болгарского народа. И будущие поколения болгар покажут, что не Турция помешала болгарскому народу занять подобающее ему место среди великих народов Европы, а христианская православная Россия. Что именно по ее вине угасло столько болгарских сил и исчезло столько возможностей для обретения болгарскими могущества и великой культуры.

Задавая вопрос о цели написания Л. Андреевым такого письма, К. Христов считает, что русский писатель не предвидел возможную реакцию на него болгар. Фактически им он обругал и оттолкнул тех, кого собирался привлечь на свою сторону. По его словам, болгары не питают иллюзий в отношении того, что Россия одобрит их народный идеал – освобождение болгарскими соплеменниками, находящимися за пределами государственных границ Болгарии. Но если бы Россия не вела себя так по-медвежьки неуклюже, она могла бы привлечь болгар, хотя бы для исполнения каких-то невеликих политических целей. Л. Андреев же своим письмом оттолкнул от России даже самых стойких русофилов. К. Хрис-

тов не исключал, что Л. Андреев осознал безвозвратную потерю для русских Болгарии и поэтому ее обругал, чтобы облегчить себе душу. И здесь удивляет отсутствие у него гордости и открытое проявление того, что русские от досады кусают себе локти, поскольку не смогли создать новый Балканский союз. Можете считать болгар овцами, писал К. Христов, но и эти овцы понимают, что если бы русские головопаты не развалили этот союз, допустив ограбление Болгарии, то сегодня ситуация была бы совсем иной. Австрия, возможно, и не начала бы большую войну, и у России было бы время к такой войне подготовиться.

Если бы Балканский союз продолжал существовать, размышляет К. Христов, то к нему, наверняка, присоединилась бы и Румыния, и такой союз мог бы содействовать России эффективнее, чем Франция или Англия, а может быть, и обе они, вместе взятые. И в Петербурге, несомненно, знают, что если бы 500-тысячная болгарская армия, вступила в войну на Балканском полуострове с целями, совпадающими с целям Тройственного союза, она смогла бы сделать больше, чем 2–3 млн солдат этого союза вдали от Константинополя. Знают, по словам К. Христова, о большой боеспособности болгарской армии и в Париже. Военный министр Франции Месими заявил, что предпочитает 100-тысячную болгарскую армию армиям всех французских союзников. После войны 1912 г. с турками в России имеют четкое представление о качествах болгарского солдата. Нетрудно сравнить осады турецких крепостей Плевны и Адрианополя. Перед первой русская армия топталась несколько месяцев, а вторую, не идущую ни в какое сравнение с первой по мощности укреплений, болгарские солдаты взяли за гораздо меньший срок.

По мысли К. Христова, в России сегодня понимают, какую выгоду она упустила, не добившись союза с Болгарией. Нынче Россию и семь других государств Германия бьет так, как никто никого в истории ещё не бил! А теперь дело дошло до того, что русские, в прошлом году и пальцем не пошевелившие ради спасения славянской Болгарии и допустившие удары ей в спину румын и турок, объявили немцам войну ради спасения сербов и начали сердиться, что этим не занялись болгары. «Спасите вы их! – издевательски эмоционально восклицает К. Христов. – Ведь вас 160 миллионов! А нас – *quantité négligeable* (ничтожная малость. – *И. К.*). Так почему вы хотите, чтобы именно мы спасали сербов?»¹⁸

Далее болгарский поэт пишет, что если письмо Л. Андреева выра-

жает гнев от безвозвратной потери для России болгарской армии, то пусть русская интеллигенция пеняет на самое себя.

Второе письмо Л. Андреева, написанное им в ответ своим болгарским оппонентам, К. Христов называет слабым и способным вызвать лишь сожаление. Л. Андреев, по словам болгарского писателя, совсем запутался, пытаясь доказать болгарам, что причина их боли не Македония, и ее вообще не стоило в данном случае вспоминать. Он просил болгар ответить на несколько вопросов. Смогла ли бы Турция начать свою войну против России без содействия Болгарии и погибали ли бы русские моряки от германских снарядов, на которых стояло клеймо болгарской таможни? Не совершали ли болгары сомнительные действия на границе с Сербией, имеющей относительно слабую армию, и не вызывали ли у нее тем самым чувство опасности? Не чувствовала ли подобную опасность и Румыния? Эти вопросы, по мнению К. Христова, настолько глупы, что на них стал бы серьёзно отвечать лишь слабоумный. Кроме того, Л. Андреев утратил способность даже к элементарной логике. Он, например, высокомерно твердит, что болгар воюющие не принимают в расчет, а несколькими строками выше пишет, что если бы Болгария присоединилась к Тройственному союзу, то она обеспечила бы России решительный перевес в силах и приблизила бы конец этой страшной войны. Более того, в конце своего послания он призывает русских быть судьями в споре между ним и болгарами. Будто болгары и в самом деле бессловесные овцы!

Содержание письма К. Христова русскому писателю Л. Андрееву, на наш взгляд, свидетельствует о том, что оно преследовало три основные цели. Во-первых, К. Христов стремился унижить своего оппонента ради снижения степени воздействия его послания на умы болгар. Во-вторых, он намеревался так унижить и оболгать Россию, чтобы русские рассорились с болгарами, а среди последних уменьшилось бы число желающих заключения с Россией военного союза. В-третьих, болгарский германофил пытался всячески возвысить Германию, поставить ее над Россией и убедить читателя в том, что победа немцев в нынешней войне не подлежит сомнению. Набор приемов для достижения первой цели у К. Христова незамысловат: личные оскорбления Л. Андреева и мнимые доказательства того, что он не является крупным писателем, а популярность его произведений обязана всего лишь моде. Л. Андреев, конечно, не гений масштаба Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского или И.С. Тур-

генева, однако он фигура заметная на европейском литературном ландшафте, причем более крупная по сравнению с самим К. Христовым. В сущности, своей полемикой с Л. Андреевым болгарский поэт хотел привлечь к себе большее внимание в обществе и приумножить свою популярность.

Вторая цель была для К. Христова более трудно достижимой, если учитывать широкую распространенность в Болгарии русофильских чувств. Оскорбления, разумеется, здесь также присутствуют: К. Христов пускает в ход такие определения русского народа, как «легковерный», «некритичный», «необразованный» и «темный». Это, конечно, обидно, но аналогичные выражения по поводу русского народа использовали и русские демократически настроенные публицисты. Сознывая это, К. Христов прибегает к более изощренным дефинициям, называя вслед за Моммзенем русский народ «полуазитским» и «не культуроспособным». Данное заявление выглядит просто нелепым, если учитывать этногенез народа болгарского: славяне и турки – «протоболгары». Второе утверждение тоже абсурдно при наличии в русской культуре множества гениев в самых различных ее областях: литературе, музыке, зодчестве, живописи и т.д. Поэтому для доказательства своего вывода К. Христов выдвигает тезис о ничтожном проценте гениев среди массы русского народа. Но данный тезис остается ничем не подкрепленным. Он приобрел бы доказательную силу только при сравнении величины этого процента применительно к численности других европейских народов.

Еще более трудной была для К. Христова поставленная перед собой задача дискредитации великой освободительной миссии России по освобождению болгарского народа от турецкого ига. Здесь ему пришлось смешивать исторические истины с неправдой и заниматься откровенной подтасовкой исторических фактов. Он пишет о том, что не будь русско-турецких войн XVIII–XIX вв., сопровождавшихся истреблением и эмиграцией болгар, то их численность составила бы более 13 млн человек. Здесь не ясно только одно: чем была вызвана его грубая ошибка, преднамеренным мошенничеством или вопиющим незнанием законов демографии? Не вдаваясь в перечисление последних, предложим читателю самому проверить мнимо точные математические выкладки К. Христова. Население Болгарии (в каких границах? – *И. К.*) на момент ее окончательного завоевания турками он условно принимает за 100 человек. Столь малой она, конечно, быть не могла. Если опреде-

лить ее хотя бы в 1000 человек и прибегнуть к методике К. Христова, то население Болгарии в 1914 г. должно было насчитывать более 130 млн человек. Принимая во внимание, что численность болгар на Балканах в 1396 г. (взятие турками последней болгарской крепости Видин) вряд ли составляла менее 20 тыс. человек, то абсурдность «математических» построений К. Христова становится очевидной.

Столь же фриволен К. Христов и в обращении с другими известными ему (или вымышленными им) историческими фактами. Непонятно, чем он руководствовался, говоря о 510-летнем турецком иге в Болгарии. На самом деле оно длилось 482 года (1396–1878). Россия не воевала на Балканах при императоре Павле I. Русско-турецкие войны XVIII–XIX вв. не могли повлечь за собой многомиллионную убыль болгар по причине их гибели или эмиграции. В ходе войн с турками в тот исторический период русские войска, как правило, лишь прощупывали силу Османской империи или прочность ее границ. Они не углублялись в земли болгар и не ставили перед собой задачу их освобождения. Так было, например, во время войн России с Турцией в 1768–1774, 1806–1812 и 1853–1856 гг. В течение первой из них русские войска осаждают Силистру, Русе и Варну, овладевают Тутраканом и Хаджиоглу Пазарджигом (Добрич). Во время второй – берут Силистру, Разград, Хаджиоглу Пазарджик, осаждают Шумен и штурмуют Русе. А в период третьей осаждают Силистру в мае-июне 1854 г.¹⁹. Военные столкновения русских и турок происходят на незначительной части болгарских земель и никакой массовой гибели и массового исхода болгарского населения в Малую Азию и Банат вызвать тогда они не могли. Только однажды в ходе войны с турками 1828–1829 гг. русская армия перешла через Балканы и дошла до Адрианополя. Но и в этом случае болгарского демографического коллапса не произошло. Мирные болгары скрывались в горах и хорошо известных им укромных местах, их угоняли с собой отступавшие турки, так что увидеть болгарина вживую для русских было редкостью²⁰.

Что же касается массовых переселений болгар в Валахию, Молдавию, Бессарабскую, Херсонскую и Таврическую губернии, то они совершали их абсолютно добровольно в поисках лучшей жизни, свободной от насилий и притеснений турок. Общее число болгарских колонистов в России в 60-е годы XIX в. составляло около 170 тыс. человек²¹. Если к этому числу болгар применить демографическую методику К. Христова в обратной хронологической

последовательности, то в Россию за вторую половину XVIII в.– 60-е годы XIX в. переселилось всего около 20 тыс. болгар. Непонятно, куда тогда делись еще 9 из 13-ти фигурирующих у К. Христова миллионов болгар. Кроме того, запугивая своих соплеменников, болгарский поэт обновляет миф, созданный в XIX в. национальным революционером Г. Раковским, о коварном замысле русских переселить всех болгар в глубь своей империи, а самим завладеть их землями на Балканах. Согласно К. Христову, Россия на этот раз намеревается завоевать Константинополь и под благовидным предложением спасения болгар от гибели на театре военных действий готовит их поголовную депортацию в русские земли. Но этот обновленный миф ни на чем не основан – он представляет собой лишь «страшилку», рассчитанную на легковерного читателя.

Пытаясь извратить высокий моральный смысл освобождения Россией болгар от турецкого ига, К. Христов пытается поставить все с ног на голову, ловко поменять плюсы на минусы. В первую очередь это касается чувства признательности болгарского народа народу русскому. Хорошо известно, что благодарные болгары усеяли политую русской кровью землю Болгарии памятниками и музеями в честь своего Освобождения, причем сделали это по своей воле, руководствуясь чувством горячей признательности к своим освободителям. По утверждению же К. Христова, русские «нахаль» принудили к этому бедных болгар и постоянно требуют от них униженно подтверждать это чувство признательности. Любому мыслящему человеку ясно, что бесконечно требовать от кого бы то ни было любви просто глупо, бессмысленно и абсурдно. Подобное требование обычно приводит к обратному результату, вызывая сначала досаду, а затем и раздражение, постепенно перерастающее в ненависть. Но К. Христов целит здесь не в болгарского, а в русского читателя. Он стремится вызвать у последнего глубокое возмущение, в особенности своим утверждением, что освобождение болгарского народа Россией является лишь частичным искуплением её вины перед болгарским народом за его уничтожение. Потому что не турки, а именно русские виноваты в том, что по причине этого уничтожения Болгария не стала великой державой.

Таким образом, согласно лживой логике К. Христова, истинные уничтожители болгар не турки, а русские. Отсюда, по его расчету, болгарский читатель должен был сам прийти к правильному выводу о том, что Турция более предпочтительна для заклю-

чения с ней военного союза ради решения болгарских территориальных проблем. А еще более важным и просто необходимым для Болгарии союзником, согласно логике К. Христова, должна стать Германия, и не только потому, что за ней будет победа, но уже по той причине, что немцы стоят выше по интеллектуальному развитию, чем русские, и являются защитниками интересов несправедливо обиженных стран. И здесь болгарский поэт снова опускается до откровенной лжи и стремления вызвать у болгар заведомо неверное представление. Таково, в частности, его заявление о том, что профессора известнейших русских университетов ничего не знают о Болгарии и пишут о ней курьезные вещи. Но болгарская интеллигенция была отлично осведомлена об огромном вкладе русских ученых XIX – начала XX вв. в европейское болгароведение: о замечательных трудах К.Ф. Калайдовича, Ю.И. Венелина, П.А. Сырку, Н.В. Ястребова, А.Л. Погодина и многих других. Так что ложь К. Христова была рассчитана здесь на необразованного, легковверного болгарского читателя – как раз то, в чем сам К. Христов упрекал Л. Андреева.

Аналогичен случай и с резонами К. Христова в полемике по поводу «немецких мозгов» у болгар. Его доводы не могут опровергнуть констатацию Л. Андреева о том, что болгары живут «немецкими мозгами»: после освобождения Болгарии от турецкого ига ею начали править чистокровные немцы, обладавшие правом принятия окончательного решения. Такого в России XIX – начала XX вв. не наблюдалось, а контраргумент Христова о якобы немецком происхождении всего дома Романовых не выдерживает критики. Тем не менее в ответном письме К. Христова содержалась и доля правды: она была необходима ему для придания налета правдивости и справедливости его эмоционального памфлета. Но ее мы коснемся в конце нашей статьи.

Совсем другая тональность звучала в отклике на открытое письмо Л. Андреева редакции консервативного журнала «Българска сбирка». Она не только опубликовала в декабре 1914 г. перевод послания русского поэта болгарам, подписанный инициалами «С. М.», но и посчитала нужным дать оценку как ему самому, так и вспыхнувшей русско-болгарской полемике – в небольшой заметке под названием «О письме Леонида Андреева», помещенной сразу же после текста перевода²². По свидетельству редакции, Л. Андреев написал и второе письмо, как ответ одесским македонцам, но подробности о его содержании в редакционном от-

клике не приводятся. Главным для редакции было подчеркнуть, что Л. Андреев не является реальным политиком и сам говорит, что не признает выражений даже малейшего сочувствия реальной политике. По заключению редакции, российский писатель – человек чувства и крайностей. Ознакомившись с известиями из Болгарии, Л. Андреев без какого-либо критического подхода к ним сразу же начал обвинять всех болгар и весь болгарский народ в том, что он не пришел на помощь братской Сербии.

Свои контраргументы редакция журнала распределила в 4 группы. В первой из них отмечалось, что русский писатель несправедлив, называя Болгарию Иудой за то, что она не устремилась на помощь Сербии и якобы готова вонзить ей в грудь нож. Ошибка Л. Андреева была вызвана тем, что он не понимает (и, может быть, никогда не поймет), в чем кроется причина такого поведения Болгарии. Он не знает о недавнем вероломстве Сербии по отношению к болгарам и о еще незаживших болгарских ранах, нанесенных им сербами и их союзниками. Из-за этого болгары сейчас просто не в состоянии сражаться плечом к плечу вместе с сербами. Все, на что они способны сейчас, – не идти против Сербии войной. И это при ситуации, в которой македонцы уже полтора года стонут и взывают к болгарам об избавлении их от притеснений сербских властей, которые стараются македонцев денационализировать.

Во второй группе доводов говорилось, что русский писатель обвиняет болгар в транзите через свою территорию немецкого оружия для Турции, которое та использует против России. Л. Андреев требует опровержения этого факта болгарским правительством, но, по мнению редакции, доказывать вину кого-либо должен тот, кто обвиняет другого, т.е. сам обвинитель.

В третьей группе аргументов рассматривалось требование Л. Андреева к Болгарии отказаться от торгашества и поиска выгоды, хотя сам он при этом допускает, что все соседи болгар этим занимаются, нащупывая слабое место в их защите для разгрома. Что же касается Болгарии, констатировала редакция, то ей, по мнению русского писателя, это возбраняется. По-видимому, пишет редакция, Л. Андреев считает, что, руководствуясь братскими чувствами, болгары должны были броситься в бой сломя голову, а там – будь, что будет. Такое могло иметь место только в художественном произведении, но не в реальной жизни. Болгария поступает так, как диктуют ее жизненные интересы. А они

подталкивают ее к достижению взаимного понимания с Россией и Антантой и присоединению к этому союзу. Но, разумеется, не без учета собственной выгоды.

В последней группе доводов редакция отмечала ошибочность утверждения Л. Андреева о том, что Болгария живет под гнетом «немецких мозгов» и должна против этого восстать, если чувствует себя невинной. Только в этом случае, он по его словам, поверит в ее невинность. Такое заявление русского писателя, по определению редакции, просто нелепо и смехотворно, от него веет донкихотством. Болгарский народ, утверждала редакция, имеет трезвый склад ума, он поднимал восстания, но никогда не брался за оружие по заказу извне или по прихоти заграницы, не говоря уже об индивидуальных призывах, наподобие андреевского.

Далее редакция сообщала о достойном ответе Л. Андрееву, который опубликовали 18 ноября 1914 г. в «Биржевых ведомостях» одесские македонцы. В нем они называют Л. Андреева «защитником угнетателей», «певцом ярма», человеком, не подозревающим о существовании македонской проблемы, которая включала для болгар возможность сражаться плечом к плечу с сербами. Русский писатель был вынужден написать новое письмо, в котором выражал готовность принести извинение болгарам, если они докажут, что не дружили с немцами и турками и не разрешали транзит оружия в Турцию через свою территорию. Редакция также напоминала о том, что болгарский журнал «Свободно мнение» посвятил отповеди обвинениям Л. Андреева целый номер (№ 47), а один из болгарских поэтов, как говорят, подробно проанализировал несправедливый характер письма русского писателя, написав для этого целую брошюру. Выступили против письма Л. Андреева, по свидетельству редакции, и многие болгарские газеты, опубликовавшие на своих страницах ответные письма.

В целом тон заметки редакции примирительный. В ней подчеркивается, что Л. Андреев, наверняка, не ожидал такой бурной реакции от болгар. Его письмо не отражает отношения всех русских к Болгарии – в России о ней пишут много хорошего, хотя есть и такие, кто солидарен с Л. Андреевым. И русские дипломаты не требуют от болгар того, чего хочет от них русский писатель вместе с другими немногочисленными славяно-сербскими сотрапезниками. По мнению редакции, было бы благоразумнее опубликовать опровержение инсинуаций и обвинений Л. Андреева, раз уж решили не молчать. Вместо этого в Болгарии организовали настоящий кресто-

вый поход против экзальтированного русского писателя. И самое интересное, что инструкции «крестоносцам» исходят из «одного официального места», которое и поныне не дает распоряжения болгарским политикам и болгарской ежедневной печати остановить ругательства и клевету по адресу России. Оно не стыдится заявлять, что «против Л. Андреева “организованно и сплоченно” выступили даже культурные организации».

В то же самое время «официальное место», по свидетельству редакции, допускало и допускает в болгарской печати публикацию комплиментарных статей об «Австро-Германии», о желательности разгрома ею России и о необходимости заключить союз с «Австро-Германией» и Турцией. Оно «не останавливает чиновников-поэтов и профессоров, пишущих отвратительнейшие памфлеты против России и славянства», и не обуздывает ни тона, ни лжи этих болгарских последователей Л. Андреева. И вся эта грязь благодаря почте и телеграфу, разумеется, становится известной в России, поскольку перепечатывается в русских газетах. И именно такие публикации порождают отклики у некоторых русских «общественников» и «политиков», наподобие Л. Андреева. По мнению редакции, остановить этот поток взаимных обвинений можно только устранив их источник. В России пишут гораздо меньше «плохого» о Болгарии, чем в болгарской прессе о русских. В России нет газет, целиком посвященных лжи и оскорблениям в адрес Болгарии, в то время как в ней самой в отношении России – сколько хотите! Трезвый болгарский политик, общественник и публицист не станет воевать с ветряными мельницами и бросаться на них с копьем. В конце своей статьи редакция выражала удовлетворение тем, что ни один из ее идеологических единомышленников не облачился в доспехи и не устремился против Л. Андреева с копьем наперевес.

По всему видно, что авторами редакционной заметки выступали представители болгарских русофилов. Они призывали болгарское общество к сдержанности, к союзу с Россией, иносказательно обвиняли в разжигании ненависти к русским «официальное место», т.е. болгарский царский двор. Одновременно следует отметить справедливость заключения редакции о полном незнании Л. Андреевым сути македонской проблемы Болгарии, что стало главной причиной появления у него ряда необоснованных претензий к болгарам.

Буря, вызванная в Болгарии письмом Л. Андреева, через некоторое время утихла. Болгария тогда еще так и не определилась с выбором своих союзников, и для поддержания накала антироссийских страстей в прессе следовало привлечь выступления новых оппонентов Л. Андреева. Наиболее весомой и масштабной фигурой здесь явился бы И. Вазов – патриарх национальной литературы, имевший для нее такое же значение как У. Шекспир для английской, а Л.Н. Толстой для русской. Он внес свой вклад в развитие практически почти всех жанров болгарской литературы: любовной лирики, рассказа, повести, драматургии, явился основоположником болгарского романа, создав замечательное произведение «Под игом», переведенное на многие иностранные языки. Задача привлечения И. Вазова к антироссийской кампании, однако, затруднялась тем обстоятельством, что он был убежденным русофилом, жил в России в эмиграции и хорошо знал русских людей как народ. Он горячо приветствовал освобождение родины от турецкого ига, написал такие проникновенные стихи, как «Здравствуйте братушки!», «Грязнули винтовки» и многие другие, вошедшие в сборник «Избавление». Но одновременно он выступил и ярым сторонником Балканской войны за решение македонской проблемы Болгарией, впал в милитаризм и писал урапатриотические стихи для поднятия духа болгарской армии. Письмо Л. Андреева, в котором тот призывал болгар к союзу с сербами, И. Вазова глубоко возмутило, и поэтому группа пронемецких болгарских писателей сумела склонить его написать ответ русскому писателю.

Письмо было составлено И. Вазовым в начале 1915 г. и опубликовано в массовой печати²³. В нем писалось, что Л. Андреев ослеплен злобой и гневом и не в состоянии прозреть истину, он не знает и никогда не захочет по-настоящему узнать болгар. Он строит свои суждения о болгарях со слов изменников сербов, которые совершили столько «неправд» и несправедливостей в отношении своих болгарских братьев.

По его словам, болгары никогда не намеревались завладеть землями сербских соседей. Они, как народ, никогда не торговали своей совестью, не предавали своих славянских братьев и не забывали о своих обязанностях. По его мысли, русский писатель превратился в сербский рупор, потому что у самих сербов не хватает ни куража, ни моральной силы, чтобы явиться лично к болгарам и бросить им в лицо несправедливые обвинения. Явившись

с бичом для изгнания торгующих из храма, Л. Андреев, по словам И. Вазова, упускает из виду, что недавно в этом храме торговали те, за кого он заступает. Именно они, совершившие столько грехов против своих братьев-болгар, пришли теперь просить у них милостыню в том же самом храме. По свидетельству И. Вазова, у русского писателя нет морального основания для очернения всего болгарского народа. И где он был, как писатель, как благородный член семьи славянских народов, когда совсем недавно в отношении болгар совершалось так много жестоких «славянских неправд»? Л. Андреев считает Болгарию недостойным членом славянского мира, хотя болгары не допустили ни одной «славянской неправды» и никогда не намеревались завладеть сербами и их землями.

Для Л. Андреева, по словам Вазова, ни Болгария, ни Македония не представляют какой-либо ценности – они могут существовать или могут исчезнуть – для него это не имеет большого значения. Л. Андреев стоит на стороне сербов, хотя знает, что сербы совершили по отношению к болгарам. Болгар можно обвинить в преступной наивности, но никак не в предательстве и бессовестности. На протяжении ста лет после многих разочарований и горького опыта отношений с сербами, болгары быстро забывали это и снова вступали с ними в соглашения, чтобы в конечном итоге оказаться обманутыми и подвергнутыми глумлению сербской стороной. В заключение И. Вазов делает все, чтобы развенчать ореол Л. Андреева как властителя дум, вожака и учителя, посвящая этому несколько пространных абзацев.

Анализируя содержание трех болгарских ответов Л. Андрееву и самого его письма, можно высказать и свою собственную оценку этих материалов. Все оппоненты и правы, и неправы. Л. Андреев, конечно, вполне закономерно, пришел в ужасное негодование, узнав о болгарском транзите немецкого оружия воюющим с Россией туркам и о том, что Болгария склоняется к союзу с Германией. Он пытался пристыдить болгар и обратить их взоры к России и сербам, но сделал это очень неуклюже и безграмотно. Л. Андреев плохо представлял себе историю недавних военных столкновений между болгарскими и сербскими, и поэтому его апеллирование к идее славянского братства выглядит верхом глупости. Военный союз Болгарии с Сербией, кроме того, был невозможен, поскольку болгары были осведомлены о нежелании сербов уступать какие-либо части Македонии болгарам даже в случае союзничества последних. Своим письмом Л. Андреев только путал карты русской дип-

ломатии, которая могла склонить болгар к союзу с Россией и Сербией, принудив сербов быть более покладистыми в смысле территориальных посулов Болгарии.

Не все так просто и благородно обстояло и с идеей создания болгарского государства в этнических границах на Балканах, декларируемой в письмах болгарских оппонентов русскому писателю. Вся загвоздка состояла здесь в том, что большинство земель Вардарской и Эгейской Македонии имело смешанное население. Здесь на протяжении многих веков попеременно жили не только болгары, но и сербы, и греки. Поэтому заключая союзные договоры Болгария, Сербия и Греция накануне Балканской войны 1912 г. с Турцией условились, что при дележе земель Вардарской и Эгейской Македонии будут существовать бесспорные и спорные зоны. В случае возникновения раздоров при дележе территориальных приобретений, арбитром должен был выступить русский император. После разгрома турецкой армии Греция и Сербия не захотели отдавать болгарам земли в Македонии, мотивируя это своим большим военным вкладом, по сравнению с предполагавшимся, и тем, что Болгария получает большие территории в Восточной Фракии и Южной Македонии.

Болгары начали стягивать свои войска на временных границах с Сербией и Грецией. Желая продемонстрировать твердость своей позиции, королевич Александр I Карагеоргиевич разослал в сербские части приказ с не проставленной датой о военном наступлении против болгар. В такой ситуации болгарам, видимо, следовало обратиться к России за арбитражем, как это и предусматривалось. Однако 16 июня 1913 г. царь Фердинанд отдал болгарской армии приказ атаковать сербские и греческие позиции. Благодаря использованию фактора неожиданности болгары вначале добились военных успехов, но затем пришедшие в себя сербы и греки организовали контрнаступление. В результате последовал страшный разгром Болгарии, о котором уже писалось. Кто здесь прав, а кто виноват, судить читателю. Однако можно предположить, что если бы Болгария прибегла тогда к русскому арбитражу, то она закрепила бы за собой значительные территории в Восточной и Южной Фракии, а также порты и примыкающие к Эгейскому морю земли. Достались бы ей и большие части Вардарской и Эгейской Македонии. Это могло стать промежуточным этапом в постепенном обретении Болгарией всех других земель в Македонии, где болгары составляли большинство. Но кредо авантюрной

политики Фердинанда было кратким и жестким: «Все и сразу!». Ведь немцы обещали Болгарии все отнятые у нее Сербией и Грецией зоны. К тому же, Фердинанд получил от Германии не только военный заем для Болгарии, но и солидный 7-миллионный личный заем.

Вину за последовавший разгром и унижение Болгарии, как видно из писем К. Христова и И. Вазова, болгары частично возлагали и на Россию – за ее мнимое попустительство и за то, что она позволила обидеть Болгарию ее соседям. Стремление оправдать своих соотечественников и поведение своей страны в те далекие времена иногда проскальзывает и сегодня. Так, например, современный болгарский исследователь С. Севриев полагает, что идеологический конфликт между Болгарией и Россией был неизбежен. По его мнению, Л. Андреев был неспособен понять Болгарию и болгар, потому что являлся носителем «имперского» сознания, в то время как Болгария и болгары стремились построить моноэтническое государство с границами, охватывающими все территории расселения этноса²⁴. Такое противопоставление видится нам научно некорректным.

К сожалению, дефиниции «имперский» и «имперскость» (часто употребляющиеся ныне применительно к России ее недругами) приобрели обвинительный и ругательный оттенки. Их использование предполагает наличие у того, на кого наклеены эти ярлыки, неумной агрессивности и стремления поглощать чужие территории. Но не следует забывать, что империями во время Первой мировой войны были не только Россия, но и Австро-Венгрия, и Великобритания, и Франция. И все они, как и Россия, руководствовались не «имперскостью», а собственными геополитическими интересами. Будь тогда Россия не империей, а моноэтническим государством, ее действия не претерпели бы какого-либо изменения. Россия не желала чрезмерного усиления Болгарии и превращения ее в державу-гегемон на Балканах, пока болгарами правят прогермански настроенные немецкие принцы и цари. В случае достижения Болгарией такого статуса, равновесие на Балканском полуострове оказалось бы нарушенным. В этой части Европы стала бы доминировать Германия, реализуя свои эгоистические экономические и политические интересы. Точно с такой же опаской относились к Болгарии и ее соседи – сербы и греки.

Таким образом, анализ полемики между Л. Андреевым и его болгарскими оппонентами – К. Христовым, И. Вазовым и работни-

ками редколлегии журнала «Българска сбирка» – позволили высветить позиции болгарских русофобов, русофилов и «центристов» накануне вступления Болгарии в Первую мировую войну. В конечном итоге болгарские правящие круги склонились к союзу с блоком Центральных государств: 6 сентября 1915 г. Болгария заключила тайное соглашение с Германией. Спустя еще год болгары вместе с немцами и турками сражались против русских, румын, сербов и хорватов в Добрудже²⁵. Участие Болгарии в Первой мировой войне было очередной авантюрой, которая завершилась для болгар второй национальной катастрофой.

Примечания

¹ Справедливости ради следует сказать, что передача Северной Добруджи румынам была предусмотрена Россией еще накануне Сан- Стефанского договора и вошла в него в качестве одного из его пунктов // См. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3 томах. Т. 2. М., 1964. С. 340–343.

² *Дочев Л.* Васил Друмев – живот и дело. София, 1976.

³ Документи по обявяване на независимостта на България 1908 г. Из тайния кабинет на княз Фердинанд. София, 1968; Спомени за обявяване на независимостта на България. 1908. Съст. *Р. Попов, Е. Стателкова*. София, 1984; *Косик В.И.* Фердинанд I, царь болгарский // *Sine igo et studio*. Изследвания в памет на Зина Маркова. София, 2010.

⁴ *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя. 1912–1913. София, 1989.

⁵ *Илчев И.* Българо-руските отношения през Първата световна война като антична трагедия // *Историята—професия и съдба*. В чест на член-кореспондент д. ист.н. Георги Марков. София, 2008. С. 238–239.

⁶ Оно было напечатано также в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» № 14470 (СПб, 1914. С. 3), а затем переиздано в сборнике «В сей грозный час» (Пг, 1915. С. 27–31), причем весь гонорар писатель пожертвовал на нужды сербских воинов.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ См. журнал «Свободно мнение» София. 22 ноября 1914 г. № 47.

⁹ Там же. Ответы С. Чилингирова и Д. Мишева Л. Андрееву были опубликованы в одном номере с переводом его письма.

¹⁰ См. *Чилингиров Ст.* Д-р К. Кръстев // *Иван Шишманов, д-р К. Кръстев, Боян Пенев в спомените на съвременниците си*. София, 1983. С. 231–232.

¹¹ *Арnaudов М.* Кирил Христов. Живот и творчество. София, 1967. С. 134.

¹² *Христов К.* Леонид Андрееву // *Дневник*. София. 3 декември 1914 г. С. 35–52.

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 47.

¹⁸ Там же. С. 50.

¹⁹ См. *Виноградов В.Н.* «Странная» русско-турецкая война (1806-1813) и Бухарестский мир // Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997. С. 188; *Дубравин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1–3. СПб. 1900.

²⁰ См. *Калиганов И.И.* Русско-турецкая война 1828-1829 гг. и воспоминания о Болгарии и болгарях ее русских участников // Славянский мир в Третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012. С. 32–49.

²¹ См. *Державин Н.С.* Болгарские колонии в России. Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии // Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. 29. София, 1914; Из современных изданий см. *Грек И.*: Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. 1995 г. Библиографический указатель литературы. Кишинев, 2003; *Дойнов С.* Българите в Украйна и Молдова през Възраждането. 1751–1878. София, 2005; См. также фототипическое издание «Преселение в Русия. Българското изселване в чужбина. Българите в Мала Азия, Приазовие, Бесарабия, Банат». София, 1998.

²² Българска бирка. Кн. 10. София, 1914. С. 695–696.

²³ Текст письма см.: *Вазов И.* Събрани съчинения в двадесет и два тома. Т. 22. Писма. София, 1979. С. 127–130.

²⁴ *Севриев С.* Иван Вазов о письме Л. Андреева «Торгующим в храме» // Болгария и Россия. XVIII–XXI вв. Стереотипы и деконструкции. (В печати).

²⁵ *Калиганов И.И.* Сквозь прорезь ружейных прицелов: болгары против русских в Добрудже осенью 1916 г. // Славянский мир в Третьем тысячелетии. К 1250-летию Велико-Моравской миссии Кирилла и Мефодия. Ч. I. М., 2013. С. 314–333.

Сербы в необъявленной войне в конце XX века. «Сохраняйте улыбку – это стиль Белграда»

Abstract:

Guskova E. Yu. *Serbs in the undeclared war at the end of the twentieth century*

The article is dedicated to how the people of Yugoslavia in 1999, during the NATO bombings, was resisting to the aggressor, how the Yugoslavian Army was defending the country, how ordinary people were bearing troubles fearlessly, were saving the bridges, plants and factories and demonstrating wonders of heroism.

Ключевые слова: НАТО, агрессия, Сербия и Черногория, армия Югославии, жертвы войны.

В конце XX в. народы Югославии пережили десятилетие тяжелейшего кризиса. Распад некогда сильной и успешной федерации проходил нецивилизованно: народы Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины прошли через войны, оставившие глубокий след в судьбах народов, некогда живших единой семьей. Но это были внутренние, гражданские войны. А в 1999 г. в, казалось бы, затухающий конфликт вмешалась НАТО. В то время недоумение вызывала та агрессивность, с которой готовилась и проводилась операция НАТО против Югославии (Сербии и Черногории), неясными были причины столь жестокой операции. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил тогда, что «вмешательство региональной организации без мандата ООН в Косово стало трагедией, бросило вызов всей послевоенной системе международной безопасности»¹. А еще менее понятным было, как народ смог выжить в этих условиях.

О целях операции НАТО мы узнаем из разных источников, и теперь через 16 лет можем с уверенностью сказать, что планировалось сменить руководство страны, изменить политическую ориентацию стоящих у власти, повернув их лицом к Западу, уничтожить Армию Югославии, раскроить Югославию, сделать Косово и Метохию самостоятельным государством, свободно разместить силы НАТО в Косове и на всей территории Югославии. Судя по тому, чем и как бомбили, скрытой целью являлось сделать территорию свободной для дальнейшего «употребления», в частности, для строительства военных баз. Имелись задачи чисто военного

характера: сплотить Альянс, протестировать мощь НАТО, опробовать новое оружие и израсходовать залежи старого. Политическими целями следует считать: показать Европе, что та не может без НАТО сохранять свою стабильность, создать прецедент употребления военной силы без санкций Совета Безопасности ООН.

О мощи НАТО и военной стороне агрессии западные, сербские и русские авторы писали достаточно много, поэтому в данной статье основное внимание мы уделим следующим вопросам: как осуществляла оборону и сопротивлялась агрессии югославская армия, как народ Сербии перенес бомбежки и готов ли был выступить против существующей власти, как это предполагали те, кто планировал военную операцию против Югославии.

Если агрессор располагал средствами нападения третьего и даже пятого поколения, то у Югославии были достаточно устаревшая техника и военные технологии², хотя, по оценкам США, непосредственно перед бомбёжками югославская армия была еще достаточно сильной: 115 тысяч военных под ружьём, из которых 20 тыс. – в Косове. Это очень беспокоило Вашингтон³. Когда стало ясно, что скоро будут бомбить, в Школе национальной обороны в Белграде была проведена серьёзная работа по раскрытию планов противника и подготовке системы обороны. Как оценили специалисты, по ряду предполагаемых проблем их решения были просто гениальны⁴. Анализ, который осуществили военные, должен был спрогнозировать действия натовцев: число и силу ударов по армии и гражданским объектам, список целей и последовательность их уничтожения, динамику агрессии по дням и конкретным объектам. Так вот, югославские военные угадали 85% из планов генерала Кларка, прежде всего потому, что натовцы склонны к употреблению шаблонов и уже опробованных схем. Именно это позволило сербским военным защитить систему связи, организовать бесперебойную работу Командного пункта ВВС и ПВО, найти возможность сбивать беспилотники, а в результате – сохранить военный потенциал.

Армия, расположенная непосредственно в Сербии и на территории Косова, начала подготовку к принятию ударов: силы рассредоточивали, казармы покидали и искали запасные места дислокации, готовили оружие, усиливали маскировку боевой техники, перемещали сотни тысяч тонн горючего, возводили новые бункеры, склады вооружений. Кстати, оставив военные объекты Белграда, военные сообщили об этом натовцам. Но те, зная, что армии в

городе нет, бомбили центр города, стремясь посеять страх у населения. В целом в боевых условиях хорошо сработал комплекс защитных мер, который включал в себя радиоэлектронную защиту, подготовку запасных пунктов управления, постоянное перемещение подразделений и техники, строительство ложных позиций, аэродромов, размещение на них макетов самолетов, танков. Пригодился советский опыт красноармейцев в годы Великой Отечественной войны.

НАТО планировала закончить операцию за 2–3 дня по принципу «блицкрига». Генерал Весли Кларк в телефонном разговоре с генералом Ойданичем 15 марта 1999 г. заявил: «Армия Югославии за несколько дней потеряет всё, что создавала 50 лет... Армия не выживет, это факт»⁵. Не сомневалась в этом и Мадлен Олбрайт: по ее расчетам, операция будет короткой, ее «можно осуществить в относительно короткий срок»⁶.

Нападение на Югославию авиации НАТО началось 24 марта 1999 г. в 19–41, в пятую неделю поста, в среду (по православному календарю – «Глухая среда») ⁷. В 20:00 об этом сообщил Генеральный штаб Армии Югославии (АЮ). И уже через 15 минут зазвучали сирены. Впервые после Второй мировой войны. Первый налет длился до 4-х часов утра 25 марта по всей территории Югославии. Главная цель – объекты ПВО, радиолокационные станции. Массовый удар авиации был осуществлен двумя волнами. В первой участвовали 150 самолетов и 50 крылатых ракет, а во второй (с 00 до 4 часов 25 марта) – 50 самолетов. В первый же день ракеты и бомбы падали на объекты армии и МВД, здания фабрик, заводов, промышленных предприятий тяжелой и легкой промышленности. Уничтожены были 3 радарные установки ⁸. Ночью 150 самолетов, прилетевшие со стороны Албании и Македонии, бомбили Косово, расположение Третьей Армии ⁹. Удары обрушились на Учебный центр МВД Сербии в Нови-Саде, на аэродром Батайница, объекты «Утве», «Милан Благоевич» в Лучани, на Приштину, Печ, Джаковицу, аэродром Голубовцы около Подгорицы, на Даниловград, Крагуевац, Ужице, Панчево, Ульцин ¹⁰. За первую неделю большинство ударов пришлось по системам ПВО. С 24 по 30 марта было совершено 1146 вылетов, в среднем по 163 в день ¹¹.

Впечатление о первом дне агрессии записал в своем дневнике белградец Драгомир Антониц: «Магазины открыты. Все есть. Нет очередей. Если посмотреть со стороны, положение нормальное. Газеты покупают и те, кто раньше этого не делал. Полно

сообщений об огромных разрушениях. К сожалению, это не ложь и не пропаганда. НАТО – самая большая современная военная сила. Бомбит со всех сторон. Мораль людей удивляет. Многие записываются в добровольцы. У меня удивительная вера в способность нашей армии. У меня нет никаких конкретных сведений, но вера непоколебимая»¹².

Югославские военные в борьбе с крылатыми ракетами применяли малокалиберную зенитную артиллерию. Но она была неэффективна против авиации. Устаревшая ПВО сербов не способна была сбивать самолеты, летящие на высоте свыше 5 км. А после того, как в начале войны были уничтожены малоподвижные, но высокоэффективные югославские Зенитно-ракетные комплексы С-75 и С-125, авиация Альянса смогла спуститься на средние высоты и ниже, практически без помех осуществляя бомбардировки¹³. Правда, у Югославии оставалось большое количество простых войсковых средств ПВО малой дальности с «дедовскими» оптическими и телевизионными средствами обнаружения воздушных целей, которые, по крайней мере, днём могли оказывать сопротивление натовским самолетам и ракетам. Такое примитивное вооружение оказалось серьезной проблемой, которую авиации Альянса так и не удалось решить. В итоге самолетам НАТО пришлось вернуться на средние и большие высоты¹⁴.

Американский самолет-невидимка F-117 Стэлс был сбит 27 марта 1999 г. над Сербией в районе села Буджановцы. Американцы действительно гордились своим изобретением, так как этот самолет «не видел» ни один радар из-за формы фюзеляжа и материала, из которого он был сделан. Он прилетал как бы ниоткуда, сбрасывал бомбы и улетал в никуда. Стоил он огромных денег и, по американским планам, должен был стать настоящей фабрикой смерти. Миф о непобедимости Стелсов разрушили сербские военные 3-й батареи 250-й бригады ПВО, и уже на третий день войны. Сербским военным удалось сбить самолет русским зенитно-ракетным комплексом С-125, разработанным конструктором Евгением Никифоровым еще в 1950-е годы. Именно старая русская ракета и славянская хитрость позволили сбить гордость американского самолетостроения. Управлял самолетом пилот Дейл Зелко, ветеран войны в Персидском заливе. Это был его третий вылет на Белград. Катапультировавшись, он остался жив, а детали самолета позволили сербам и русским разгадать тайну американской чудо-

техники. Технология была раскрыта. После этого Стеллсы перестали выпускать, и программу закрыли.

Возмущенный сопротивлением сербов, Вашингтон через Си-Эн-Эн озвучил специальную устрашающую антисербскую доктрину, которую получили сербские спецслужбы:

«1. США не волнует, что будет с сербами, которые являются для них неприятной помехой в экспансии НАТО в регионе.

2. НАТО оставит сербов в покое только тогда, когда те перестанут быть сербами.

3. Сербь должны забыть свою историю и религию и сосредоточиться на зарабатывании денег и получении указаний от Мирового банка и таких людей, как Джордж Сорос»¹⁵.

Эти идеи, как ни жаль, осуществлялись на практике. Например, только православное кладбище в Приштине бомбили 6 раз. А мораль народа пытались подорвать, преднамеренно и методично разрушая больницы, школы, детские сады, водопроводы, мосты и средства связи. Всего было разрушено 22 и повреждено 12 мостов, стерты с лица земли около 50 фабрик и заводов, повреждены 8 электростанций, 7 железнодорожных вокзалов, 6 аэродромов, множество дорог, выведены из строя или разрушены 20 телетрансляторов и реле, большое количество теле- и радиовещательных станций. Полностью были уничтожены несколько тысяч квартир и частных домов, три телецентра, 17 больниц, 35 зданий факультетов, 2 тыс. школ¹⁶. Бомбовые удары кроме военных объектов были нацелены на памятники культуры, средневековые монастыри и святыни, национальные парки и заповедники, которые находились под защитой ЮНЕСКО: частично или полностью разрушены 18 православных, католических церквей и монастырей.

В Белграде воздушная тревога длилась 24 часа. 3 апреля несколько крылатых ракет попали в здание Республиканского и Союзного министерств внутренних дел на улице князя Милоша, в непосредственной близости от родильного дома и Клинического центра. Удары все больше приближались к центру города. 4 апреля ракета попала в теплоэлектростанцию в Новом Белграде.

3 недели бомбежек не принесли существенных сдвигов в расстановке сил. Сербь не собирались просить пощады, протестовать против президента С. Милошевича, проявляли решимость в отстаивании своей независимости и защите страны. Поэтому в Брюсселе пришли к выводу о необходимости усиления бомбовых ударов, которые следует направить на жизненно важные объекты,

чтобы испугать граждан и настроить их против руководства страны. При этом пытались сломить дух сопротивления и у армии, и у народа: пугали наземной операцией, усиливали интенсивность ударов и сокращали паузы между ними, принимали решения о санкциях, устрашали арестом политических лидеров. 22 апреля был уничтожен дом Слободана Милошевича в Белграде, 23 апреля бомбили здание Радио и телевидения в столице, где погибли 16 человек, а 12 были ранены. 26 апреля ночью в Нови-Саде разрушили последний мост¹⁷.

Натовцы надеялись, что массированные авиаудары деморализуют югославскую армию, однако эффект был обратным: армия стала как никогда единой, количество рекрутов увеличилось, боевой дух и мораль укрепились. Югославская армия, против которой была направлена военная мощь 19 стран, не была пассивным наблюдателем уничтожения страны.

Югославские военные упорно сопротивлялись и... атаковали. По некоторым данным, им удалось сбить 61 боевой самолёт и 30 беспилотных самолетов-разведчиков. Части противовоздушной обороны страны уничтожили также 7 вертолетов противника и 238 крылатых ракет¹⁸. Сербские солдаты сбили и два «грозных» вертолета «Апачи» из танковых стволов (один упал на территории Македонии, второй едва смог приземлиться в Италии)¹⁹.

Югославские военные проявляли чудеса героизма. Среди героев – летчики, ракетчики, зенитчики, инженеры, связисты. В памяти народа останутся героические истории, когда один сербский самолёт поднимался в воздух против нескольких вражеских. Приведем несколько примеров. Летчик полковник Миленко Павлович буквально ошеломил своим поступком натовских военных: 5 апреля он взлетел один против тридцати вражеских самолетов, принял бой в небе над Белградом и погиб в неравном бою. Летчик Небойша Николич из эскадрильи «Витязи» поднялся в воздух на МиГ-29 один против 20 вражеских самолетов. В воздушном бою ему удалось ракетой сбить один самолет, но его машина была атакована и загорелась. Летчику, к счастью, удалось катапультироваться и выжить, хотя натовские боевые машины обстреливали его в воздухе и на земле²⁰. Тогда газеты писали о летчиках подполковниках Драгане Иличе, Иле Аризанове, Слободане Периче, Срето Малиновиче и других, которые бесстрашно взлетали навстречу натовским самолетам. О них, героях, надо писать отдельную книгу.

18 апреля 9 югославских штурмовиков и истребителей перелетели границу с Боснией и Герцеговиной и разбомбили аэродром в Тузле, который НАТО использовала как свою военную базу. Потеряв два самолёта, югославы уничтожили на земле 17 самолетов и 3 вертолета. Ободренные успехом, югославские летчики 26 апреля атаковали аэродром Ринас в Албании, куда недавно были доставлены боевые вертолеты «Апач». 10 натовских машин были уничтожены. 20 мая США потеряли еще один из своих двадцати чудо-самолетов В-2А «Спирит», а 7 июня был сбит стратегический бомбардировщик В-52²¹. Украинский исследователь полковник А. Маначинский ссылается на «совершенно секретный доклад командования Альянса о реальных результатах действий Североатлантического союза против Югославии»²². В упомянутом секретном докладе есть данные об уничтожении пяти немецких «Торнадо», нескольких английских «Харриеров», двух французских «Миражей», бельгийских, голландских, канадских самолетов.

Еще один пример. Командный пункт ВВС и ПВО находился недалеко от Белграда и был вкопан глубоко в гору, что защищало его от ударов с воздуха. Единственным слабым местом здесь была антенна на верху горы. Она должна была быть всегда в рабочем состоянии. Хотя натовцы постоянно бомбили антенну, она продолжала работать, благодаря храбрости офицеров: они погибли один за другим, но успевали антенну чинить или менять.

Отдельной героической страницей истории этих страшных дней стало поведение людей под бомбами, которое натовцы оценивали как нестандартное. Жители сербских городов и сел протестовали не против своей власти, как об этом мечтала М. Олбрайт, а против НАТО. Уже 28 марта 15 тыс. белградцев на Площади Республики слушали концерт под названием «Песня нас поддержала». Вместо страха, паники и криков о пощаде – концерты по всей стране – в Нише, Суботице, Младеноваце, Будве, Подгорице, Нови-Саде, Крушеваце и других городах. Знаменитые концерты-протесты проходили на Площади Республики в Белграде под общим названием «Извините, мы поем» все 78 дней.

Страшно было смотреть на все разрушенные мосты через Дунай в Нови-Саде. Все боялись, что та же участь ждет и белградские мосты. И уже 7 апреля на Бранковом мосту в Белграде встала живая цепочка людей, когда над ними летели вражеские самолеты. У каждого был значок в виде мишени, означавший, что целью для натовцев может стать любой мирный житель. Натовцы

не решились бомбить. Так мост был спасен. С этого момента каждый день на мосту собирались люди, чтобы ценой своих жизней сохранить главную артерию города. Здесь выступали поэты, пели песни артисты, среди которых были и русские, звучали музыка, слова поддержки и участия. На митингах было много юмора, смеха, острьяки печатали и раздавали анекдоты против НАТО и ее главварей, смешные четверостишья, рифмованные лозунги и плакаты. Вот некоторые из них: «Сохраняйте улыбку – это стиль Белграда!», «Кто высоко летит, в Буджановцы падает!», «Сербия святая – не боится ракет», «НАТО – в болото», «Мы маленькие, а жилистые», «Ваше поражение больше нашей победы», «Билл – дебил», «Сербы – огромная мета*, почему молчит планета?», «Мы уже победили, просто они об этом не знают», «Бог хранит сербов, а сербы – Сербию» и т.д.

Рабочие знаменитого автомобильного завода «Застава» в Крагуеваце уже 26 марта приняли решение не уходить из цехов завода 24 часа и 7 дней в неделю, защищая таким образом фабрику. Они надеялись, что натовцы не осмелятся бомбить завод вместе с рабочими²³.

В апреле 1999 г. в Белграде я наблюдала работающие днем кафе и рестораны, казалось, мирную атмосферу. Страх перед агрессором не было. Люди, конечно, волновались за детей, за близких, говорили об отключении света, трудностях в снабжении продуктами. Но трепета перед падающими бомбами я не видела: бомбоубежища были пусты. А вот вечером жильцы домов собирались во дворе с закуской, ракией, включенными мобильными телефонами и картами города, чтобы вместе следить за летящими самолетами, определять, куда падают бомбы, чтобы быстро помочь, если такая помощь будет нужна. Из дневника уже упоминавшегося белградца Д. Антоница: «Большинство людей привыкло к завываниям сирен. То есть, привыкли все, просто по-разному реагируют. Некоторые сразу пакуют вещи и идут в бомбоубежища, а другие игнорируют звук «завывания». Кто прав, не знаю. Анджелка и Джурджина выбрали первую, а я вторую возможность»²⁴. Церкви во время агрессии работали постоянно, были переполнены молящимися даже во время воздушной тревоги. Люди пытались жить, как обычно: славили славу, красили яйца на Пасху, ходили в

---

* Цель (сербск.)

гости, работали в научных институтах, обсуждали события, ходили на рынок, готовили еду, когда было электричество...

В последней декаде мая самолеты Альянса бомбили уже круглые сутки, летали группами по 70 единиц, что само по себе действовало устрашающе. Интенсивность ударов должна была оказать ошутимое давление на Президента С. Милошевича, упрямо не соглашавшегося на ультиматум НАТО. С 20 мая по 1 июня авиация сделала 6167 вылетов, что составило 37% от всех совершенных до этого времени полетов. С 26 мая по 1 июня ежедневно югославскую границу пересекали 366 боевых самолетов. Самая большая атака зафиксирована 26 мая – строну бомбили 535 самолетов²⁵.

Агрессия длилась 78 дней. Согласно официальным данным, НАТО нанесла 3381 удар по гражданским объектам, что составило 36, 75% от общего количества ударов. При этом потери Югославской армии были минимальными, армия сохранила свой боевой потенциал. Когда подразделения выходили из Косова, то, по оценкам НАТО, она составляла 55 тыс. человек, что на 10 тыс. больше их прогнозов. При этом армия покидала край «в полной боевой готовности и с высокой моралью». Всего за 78 дней погибли 2000 человек, более 6000 были ранены. Среди погибших – 88 детей, из них 22 албанских ребенка до 14 лет. Среди убитых – две беременные женщины. Символом страдания детей в войне стала трехлетняя Милица Ракич из Батайницы. Больше половины пострадавших в Косове – албанцы²⁶.

Операция НАТО в Югославии не выполнила своей главной задачи: она не сломала дух защитников Родины, не уничтожила армию, не испугала народ, не подняла его против власти, а, наоборот, сплотила в презрении к агрессору, в желании выстоять, в коллективном противостоянии несчастью и трудностям войны.

Примечания

¹ Цит по: *Примаков Е.М.* Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак. Екатеринбург, 2003. С. 95.

² *Смиљанић С.* Агресија НАТО. Ратно ваздухопловство и противваздушна одбрана у одбрани Отаџбине. Београд, 2009. С. 67.

³ *Алиен С.* Штета коју претрпјела Војска Југославије // НАТО на Балкану: гласови отпора. Београд, 2000. С. 300.

⁴ *Bulatović M.* Pravila ćutanja: istiniti politički triler sa poznatim završetkom. Beograd, 2004. S. 318.

- ⁵ *Смиљанић С.* Агресија НАТО на СР Југославију // Војска Југославије у одбрани од агресије НАТО: Сведочанства. Београд, 2009. Књ. 1. С. 51. Сн. 10.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Антонић Д.* Бомбардовање се наставља... (од глуме среде до Спасовдана 1999). Београд, 1999. С. 7.
- ⁸ *Смиљанић С.* Агресија НАТО на СР Југославију. С. 55.
- ⁹ Голгота херојске одбране: Хронологија агресије НАТО на СРЈ // Војни информатор. Београд, 2000.2.П. С. 1.
- ¹⁰ *Ђорђевић Ђ.А.* Косметска голгота преваре НАТО пакта и Америке. Нови Сад, 2007. С. 12.
- ¹¹ *Смиљанић С.* Агресија НАТО. Ратно ваздухопловство. С. 112.
- ¹² *Антонић Д.* Бомбардовање се наставља. С. 11.
- ¹³ Там же. С. 164.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Ђорђевић Ђ.А.* Косметска голгота. С. 28.
- ¹⁶ Југославија на пороге 2000 года: Документи, факти, сведетелства, мненя. М., 1999. С. 144.
- ¹⁷ Голгота херојске одбране. С. 5.
- ¹⁸ *Маначинский А.* Југославија: Приговор вынесен. Киев, 2005. С. 170.
- ¹⁹ *Ђорђевић Ђ.А.* Косметска голгота. С. 25.
- ²⁰ *Копуновић Б.* Небојша великог срца // Војска. Београд, 1999.30.П. С. 10.
- ²¹ *Маначинский А.* Југославија. С. 173.
- ²² Там же. С. 172.
- ²³ Живим штитом бране фабрику // Војска. Београд. 1999.30.П. С. 7.
- ²⁴ *Антонић Д.* Бомбардовање се наставља. С. 12.
- ²⁵ *Смиљанић С.* Агресија НАТО на СР Југославију. С. 60–61.
- ²⁶ Там же. С. 62–63.

М. Ч. Третьякова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Как в Македонии закончился военный конфликт в 2001 г. Охридский договор

Abstract:

Tretyakova M. Ch. *As ended the military conflict in Macedonia in 2001. The Ohrid agreement*

The article is devoted to the peaceful settlement in Macedonia in 2001 and signing of the agreement between the leading Macedonian and Albanian political parties, with the participation of representatives of the NATO and EU after the military-political conflict. The article analyzes the content of the Ohrid Agreement and its implications for the future of the country.

Ключевые слова: Македония, урегулирование конфликта, Охридский договор, НАТО, ЕС.

В 2001 г. в Республике Македонии произошло вооруженное выступление албанцев, вызвавшее серьезный кризис в стране. От спорадических нападений на представителей правоохранительных органов албанские вооружённые группы перешли к организованным действиям на севере страны, занимая все новые населенные пункты. Правительство приняло решение задействовать армию. Первая военная операция македонских вооружённых сил была проведена в конце марта 2001 г. в окрестностях Тетова. Марк Лейти, специальный советник Генерального секретаря НАТО и заместитель пресс-секретаря НАТО, писал, что со времени появления Освободительной национальной армии или ОНА (Ushtria Çlirimtare Kombëtare) весной 2001 г. бывшая югославская Республика Македония постепенно сползала к гражданской войне, что в то время над македонцами нависла угроза потерять страну¹. К урегулированию македонского кризиса подключились международные организации, прежде всего ЕС и НАТО. Руководству Македонии советовали не вводить военного положения, прекратить военные действия и сесть за стол переговоров.

Если в апреле 2001 г. руководство Македонии по-прежнему отказывалось идти на какие-либо контакты с террористами, то в начале мая его позиция постепенно меняется. В первой половине мая македонскими СМИ² был неофициально обнародован документ «Стратегия по выводу войск ОНА» («Strategy of Withdrawal of the NLA») представителя Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) американца Роберта Фровика,

предусматривающий «вывод албанской ОНА через коридор безопасности в Косово при предварительном прекращении вооруженных действий со стороны македонских сил безопасности»³. Согласно этому документу, македонские силы безопасности должны были «остаться на текущих позициях и не продвигаться вперед». Далее предполагалось подключить к наблюдению за ходом мирного процесса представителей ОБСЕ, ЕС, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), Красного креста. Также планировалось рассмотреть вопрос об амнистии членов ОНА, после чего македонским силам безопасности позволили бы войти в районы, контролируемые восставшими. Несмотря на неоднозначную оценку в стране, этот план стал одним из базовых документов в процессе урегулирования.

Президент Македонии Борис Трайковски надеялся найти компромисс с албанцами и стал инициатором диалога с лидерами албанских партий. Встречи и разговоры велись с марта по июнь 2001 г. Многие участники оценивали их как формальные, когда содержание разговоров выражало скорее добрые намерения, чем поиск решений, хотя и они были важны для установления диалога между конфликтующими сторонами. Македонцы рассчитывали на понимание и поддержку мирового сообщества, а албанцы не менее свято верили, что их дело, так же как раньше косовское, будет поддержано международными силами⁴. Они убеждали мировую общественность в том, что албанцы в Македонии являются жертвами дискриминации со стороны «доминирующего» македонского населения, целенаправленно добивались интернационализации кризиса. Европа постепенно начала говорить о необходимости изменить Конституцию Македонии и македонское законодательство в области прав национальных меньшинств в целом.

План предстоящих переговоров писали в кабинете президента Бориса Трайковского, но в основе его, как вспоминал М. Лейти, лежала «незаметная помощь разных иностранных представителей и дипломатов»⁵. Албанские лидеры, демонстрируя максимальную сплочённость, выступили с совместной платформой по решению албанского вопроса. 22 мая 2001 г. в Призрене (Косово) была подписана «Декларация албанских лидеров Македонии»⁶. Требования, теперь официально ставшие достоянием общественности, предусматривали: внесение поправок в Конституцию Республики Македонии, употребление албанского языка в качестве одного из официальных языков в Македонии, пропорциональное

этническое представительство в государственных органах власти, расширение полномочий органов местного самоуправления, введение консенсусной демократии по вопросам, касающимся национальных прав. Кроме того, предполагалось полностью реабилитировать всех членов ОНА⁷. Президент Б. Трайковски принял решение согласиться на внесение изменений в Конституцию и выдвинул план под девизом «Политика, а не насилие – решение кризиса». Согласно этому плану, мирный процесс должен был проходить в четыре этапа: 1) добровольная сдача оружия; 2) предоставление амнистии тем, кто сложил оружие и не причастен к совершению преступлений; 3) изоляция террористов и передача их в распоряжение наблюдательных миссий ЕС и ОБСЕ; 4) меры по укреплению доверия и постепенный вывод македонских войск с территории конфликта⁸.

Известное как Рамочный или Охридский договор, мирное соглашение было подписано 13 августа 2001 г.⁹. Переговорный процесс был длительным и напряжённым. В нём участвовали лидеры крупнейших македонских и албанских политических партий. Македонскую сторону представляли Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство (ВМРО–ДПМНЕ) и Социал-демократический союз Македонии (СДСМ), а албанскую – Демократическая партия албанцев (ДПА) и Партия демократического процветания (ПДП). Посредниками выступили Франсуа Леотар (ЕС) и Джеймс Пердю (США).

Переговоры проходили под большим давлением оставшихся под оружием албанцев: их военная активность увеличивалась, когда этого требовала динамика переговорного процесса. Албанская сторона выступала единым блоком и активно проявляла инициативу. «У нас был общий план. Мы знали до деталей, чего мы хотим достичь. Знали, в чём нас может поддержать международный фактор. Знали, каковы стратегические позиции македонской стороны», – вспоминает лидер албанской ДПА А. Джафери¹⁰. Советником албанской стороны в переговорах выступал американский эксперт Пол Вилкинсон, который сразу очертил рамки переговорной стратегии в документе под названием «Структура переговоров»¹¹. Албанцы активно держали инициативу в своих руках, поэтому македонская сторона была вынуждена рассматривать и принимать предложения противоположной стороны. Самыми сложными во время переговоров стали вопросы об употреблении

албанского языка и представительстве албанцев в руководящих органах полиции. Албанцы добивались, во-первых, чтобы албанский стал официальным языком во всех властных структурах и на всей территории страны, а не только в районах, где албанцы составляли более 20% населения, как предлагала македонская сторона. Во-вторых, они настаивали на том, чтобы состав руководящих кадров в полиции в районах проживания албанцев соответствовал структуре населения. В-третьих, они требовали изменения текста Преамбулы Конституции, добиваясь такого же статуса для албанцев в стране, как и для македонцев. С этой целью они предложили три варианта поправок к Конституции: 1. Македония – двунациональное государство македонцев и албанцев. 2. Македония – гражданское государство всех граждан. 3. Исключить Преамбулу из текста Конституции. Как вспоминал один из участников переговоров Насер Зибер, албанская сторона была согласна принять третий пункт предложений, хотя добивалась первого¹². Македонская была против первого и третьего пунктов предложений. Позже один из лидеров СДСМ Никола Поповски заявит: «Надо признать факт, что албанский блок обладал явным и значимым преимуществом: международные посредники выражали больше симпатии к ним»¹³. В итоге было принято компромиссное предложение международных посредников – провозгласить Македонию «государством всех граждан, проживающих на ее территории...».

Руководство Македонии приняло практически все требования албанцев. В Конституцию вносились следующие поправки:

- 1) изменение статуса Республики Македонии как национального государства македонского народа;
- 2) повышение статуса албанцев из меньшинства в «конституционную общину» при одновременном сохранении прав меньшинств, пользующихся механизмами защиты консенсуальной демократии в центральных органах власти;
- 3) введение албанского языка в качестве служебного наряду с македонским языком в местных органах власти на территории страны, где албанцы составляют не менее 20% населения страны, а также в государственных учреждениях и в парламенте (Собрании);
- 4) закрепление принципа «пропорционального представительства» албанского меньшинства на всех уровнях государственной власти и общественной администрации;
- 5) введение высшего образования на албанском языке, финансируемого государством;

6) реформирование македонской полиции по этническому принципу таким образом, чтобы её состав отражал этническую структуру страны;

7) использование албанских национальных символов наряду с македонскими в местных органах власти и публичных учреждениях на местах, где албанцы составляют большинство;

8) приравнивание статуса исламской конфессиональной общины к статусу Македонской православной церкви;

9) введение консенсусной формы голосования, которая предполагает предоставление меньшинствам определённого права «вето» по вопросам, касающимся этнических прав.

Предполагалось также внести изменения в ряд других законов Республики, такие как: Закон о самоуправлении местных органов власти, Закон о финансировании местных органов власти, Закон о границах административно-территориальных общин, законы, касающиеся полиции местного уровня, законы о государственных служащих и публичной администрации, Закон об избирательных округах, законы, касающиеся употребления языков, Закон об омбудсмене и правилах работы Национального Собрания;

К договору прилагались три Приложения. Приложение А определяло поправки к Конституции, Приложение Б – необходимые законодательные изменения и Приложение Ц предусматривало правила воплощения в жизнь положений Договора и меры доверия.

Албанцы в ходе переговоров под давлением международных посредников все-таки согласились принять формулу «гражданской общности» вместо прежней – «национальное меньшинство» для определения своего статуса. Это заставило многих иностранных исследователей, в том числе македонских, гордо заявлять, что поправки к Конституции 1991 г. не являются угрозой существованию страны, так как Македония превращалась в «государство всех граждан, которые живут в ней», а не в «государство македонцев и албанцев», как этого требовала албанская сторона. Но проблема заключалась не в том, что Македония не стала формально «бинациональной державой», а в том, что она фактически больше не являлась национальным государством македонского народа, становясь многонациональным государством. Таким образом, меньшинства, проживающие в Македонии, теоретически получили возможность в обозримом будущем при желании воспользоваться правом на самоопределение вплоть до отделения. В связи с этим польский ученый Зузанна Тополинска, возмущаясь воору-

женным насилием албанцев в Македонии в 2001 г., подметила: «Пытаюсь понять албанское население, которое живет в Македонии, но не получается. Чего они хотят? Прежде всего, записать в Конституции, что они народ, способный создать государство. Одновременно утверждают, что не намереваются этим правом воспользоваться...»¹⁴. Права, которые и так предоставляются албанцам в Македонии, в полной мере предусмотрены в европейских конвенциях, подытожила академик З. Тополинска.

Договор был утвержден македонским Собранием. 6 сентября 2001 г. Собрание приняло постановление о внесении 15 поправок в Конституцию Республики Македонии 1991 г., что, в свою очередь, являлось условием для продолжения акции НАТО по разоружению бойцов ОНА. Согласно договору, македонские силы безопасности начали входить в «оккупированные» районы только в конце октября.

Представители НАТО были довольны сделанным. «Это важный момент в истории Македонии. Сегодня Македония присоединилась к современной Европе», – сказал генсек НАТО Дж. Робертсон в день торжественного подписания Охридского договора¹⁵. И сразу НАТО поспешила признать македонскую модель урегулирования самой успешной миссией превентивной дипломатии: «НАТО оправданно считает свои усилия в Македонии редким примером успешной превентивной дипломатии»¹⁶, – заявил М. Лейти. Он откровенно признался, что «тренировались натовцы в Боснии, Хорватии и Косове, а применили знания в Македонии», имея в виду совместную миссию США, НАТО и ЕС в Македонии в 2001 г.¹⁷.

Албанские политики праздновали победу. Выступая в Парламентской ассамблее Совета Европы, депутат албанской ПДП Азис Положани уверял европейских коллег, что «мультиэтническая модель демократии ... основана на европейских идеалах интеграции. А введение мультиэтнической демократии в Македонии покажет, что македонцы и албанцы готовы быть частью Европы»¹⁸. Албанское население приняло Охридский договор с восторгом: рамочная формула открыла путь к дальнейшей албанизации страны и ее последующей федерализации.

Македонская же общественность реагировала на Договор по-разному. Опросы общественного мнения показывали, что половина македонцев не согласна с его положениями. Юристы, преподаватели юридического факультета университета в Скопье выступили с острой критикой процесса «размывания» македонского на-

рода как единственного государствообразующего элемента своего государства¹⁹. Но много было и тех, кто считал, что договор представлял новые возможности для существования и развития страны. Для них было важно, что страна оставалась целой и унитарной. При этом они не видели в новом, де-юре «многонациональном», а де-факто «двунациональном», государственном статусе Македонии ничего дезинтегрирующего, что впоследствии могло бы привести к федерализации страны и даже ее разделу. Так, один из творцов Договора македонский юрист Владо Поповски утверждал, что документ предлагает идеальную модель выживания и стабильности Македонии, так как только она учитывает проблемы современных многонациональных обществ и дает решение их проблем²⁰.

Однако об опасности потерять единство Македонии продолжали говорить многие учёные и политики. По мнению македонского специалиста по конституционному праву Светозара Шкарича, «практически невозможно построить мультиэтническое государство в унитарной форме без опасности ее федерализации или «раздробления» на этнической основе»²¹. Той же позиции придерживается и бывший премьер-министр Македонии Люпчо Георгиевски. Он в своих мемуарах охарактеризовал документ как «Договор о федерализации Македонии, поменявший быт страны и приведший страну к неизвестности, которая непонятно как впредь будет развиваться»²².

Охридским договором устанавливались и нормы постконфликтного урегулирования. Они содержались в Приложении Ц. В нем указывалось, что ЕС должен наблюдать за имплементацией договора в соответствии с Соглашением о стабилизации и ассоциации. Обязанности урегулирования распределялись между НАТО, ЕС, ОБСЕ и Верховным комиссаром ООН по делам беженцев. Выделялись 8 сфер деятельности по имплементации договора: 1) разоружение и демобилизация ОНА под контролем НАТО; 2) политическая деятельность, за которую отвечал Верховный представитель Евросоюза по внешней политике и безопасности Х. Солана в сотрудничестве с американским представителем; 3) реконструкция районов, охваченных кризисом, и организация конференции по сбору финансовых средств для помощи стране; 4) возвращение беженцев в свои родные места, за что отвечал Верховный комиссар ООН по делам беженцев; 5) включение положений Охридского договора в македонское законодательство стало сферой контро-

ля ЕС; а ОБСЕ отвел себе главную роль в контроле над мерами по укреплению доверия между македонцами и албанцами; 6) обучение полиции и проведение реформы полицейских служб взяли на себя США и ОБСЕ; 7) принятие новых законов в сфере местного самоуправления, финансов, полиции и образования «по стандартам ЕС и Совета Европы»; 8) проведение переписи населения и новых выборов под контролем Европейской Комиссии и Совета Европы.

После подписания всех документов в парламенте страны началась серьезная работа по изменению законодательства и созданию новых условий существования албанской и македонской общин. Однако оставался ещё один серьезный момент, на который исследователи редко обращают внимание: в Македонию вошли подразделения НАТО. Сначала 3 000 солдат прибыли в страну, чтобы разоружать албанские вооруженные формирования. Сдача оружия шла медленно, так как у албанцев и по сей день существует культовое отношение к оружию. Как позже признался один из лидеров ОНА Ф. Велну, «самым сложным периодом был период разоружения, поскольку для албанцев сложнее процесс разоружения, чем процесс вооружения»²³. По словам итальянского аналитика Умберто Паскали, велика вероятность, что Македония и в будущем будет сталкиваться с террористическими атаками со стороны албанцев, так как албанские банды не только не сдали оружие, но и продолжают вооружаться²⁴.

После окончания срока миссии по сбору оружия, НАТО приняла решение о продлении своей миссии в Македонии под названием «Amber Fox», которая по своему характеру была заявлена как операция по поддержанию мира и безопасности в Македонии²⁵. 16 декабря 2002 г. по просьбе македонского Президента Б. Трайковского НАТО согласилась и дальше оказывать поддержку македонскому правительству путём развёртывания миссии натовских сил под названием «Allied Harmony»²⁶. Операция состояла из двух частей: оперативной и совещательной. Оперативный компонент имел задачу обеспечения поддержки иностранных наблюдателей, в то время как совещательная часть была направлена на предоставление помощи македонскому правительству в обеспечении безопасности на всей территории Македонии. Помимо этого, предполагалось проведение реформ в македонской армии по стандартам НАТО.

Как известно, на саммите ЕС в Кельне 3–4 июня 1999 г. было принято решение о разработке и реализации новой общей

европейской политики в области безопасности и обороны. Это решение предусматривало предоставление полномочий для самостоятельного осуществления военных операций по обеспечению мира в условиях кризисов при опоре на инфраструктуру НАТО. Поэтому в этот период активизировалась роль Европейского Союза, в частности, связанная с началом первой в истории ЕС военной миссии под названием «Concordia». Операция ЕС в Македонии длилась с 31 марта по 15 декабря 2003 г. и проводилась на основе резолюции 1371 СБ ООН, принятой 26 сентября 2001 г. Основной целью миссии ЕС являлось обеспечение стабильности, мира и безопасности в стране, что было неотъемлемым условием для реализации Охридского соглашения. Это была первая операция, которая обеспечивала ЕС более тесные отношения с НАТО²⁷. После завершения этой миссии ЕС продлил своё присутствие в стране в рамках программы «EUPOL Proxima» до декабря 2005 г. Ее основной задачей являлось оказание помощи в проведении реформы полиции.

Западные политические лидеры рассматривали присутствие НАТО в Македонии во время кризиса и на этапе постконфликтного урегулирования как существенное условие стабильности и безопасности в стране. Судя по всему, в натовском представлении политическая «поплушность» и «выполнение» не только реформ в области обороны в соответствии со стандартами НАТО, но и прямых указаний руководства Альянса по ряду вопросов, являлись основными условиями приближения страны к НАТО и неприменения карательных мер, как в случае с Югославией в 1999 г. Одновременно выполнение Охридского договора стало частью официальной европейской повестки дня по вопросам приближения страны к Евросоюзу. Иными словами, наряду с требованиями по согласованию законодательства Македонии с законодательством ЕС для Македонии введен новый критерий: полное и безоговорочное воплощение в жизнь Охридского договора.

Подводя итоги, отметим, что Охридский договор значительно расширил права албанского населения в стране. Албанцы из национального меньшинства превратились в «государствообразующую общину», де-юре закрепили за собой пропорциональное представительство на всех уровнях власти, включая полицию. Албанский язык приобрел официальный статус второго государственного в центральных и местных органах власти. Сегодня ни один важный государственный закон в Македонии нельзя принять

без одобрения албанских депутатов, а государственная власть фактически не может функционировать без их участия. Более того, договор предоставил албанцам право на особую форму «вето», согласно которому для принятия любого закона, затрагивающего интересы албанского меньшинства, необходимо большинство голосов депутатов от албанских партий.

Таким образом, в этом договоре восторжествовал эволюционистско-демографический подход к международному праву, согласно которому предоставляются большие права растущим общинам. И по мере роста численности албанского населения, их права будут только расширяться. Ныне, в свете развития событий на Украине, Охридский договор 2001 г. кажется особо актуальным как возможный вариант мирного урегулирования военно-политического конфликта. Правда, если Европа в 2001 г. гордилась достигнутым результатом предоставления существенных прав албанскому населению Македонии, то сегодня остаётся безучастной к требованиям русскоязычного населения на Украине.

Примечания

¹ *Лејти М.* Спечување на војна во Македонија. Превентивна дипломатија 21 века. Скопје, 2001. С. 12; *Лејти М.* В сражении со СМИ // http://www.nato.int/docu/review/pdf/i4_ru_review.pdf

² Македонский телевизионный «Канал 5». 18.V.2001, позже Р. Фровик официально представил предложенный план действий о выводе войск ОНА.

³ *Атанасовски М., Кузев С., Дамјановски Р.* Војната во Македонија во 2001 г. Скопје, 2006. Прилог №. 16. С. 474.

⁴ *Латифи В.* Преговорите за постигнување на Рамковниот договор. Скопје, 2008. С. 19.

⁵ *Лејти М.* Спечување на војна во Македонија. С.16.

⁶ Документ известен и как Третья Призренская Декларация. См.: Призренска декларација од 22 мај 2001. Скопје. 2001.

⁷ Там же.

⁸ План и программа Правительства Македонии для решения кризиса в Республике Македония. 5 июля 2001 г. // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том 3. М, 2008. С. 152.

⁹ Рамковен договор 13 август 2001 г. // Службен Весник на РМ. Скопје, 2001.

¹⁰ *Латифи В.* Преговорите за постигнување... С. 43.

¹¹ Документ опубликован в: *Латифи В.* Преговорите за постигнување ... С. 161.

¹² Там же. С. 59.

¹³ Там же. С. 61.

¹⁴ *Билски Р.* Пожари над Тетово. Скопје, 2002. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 129.

¹⁶ *Лејти М.* Спечување на војна во Македонија... С. 9.

¹⁷ Там же. С. 85.

¹⁸ Parliamentary assembly – official report of debates. Ordinary session. First part. Vol. 1. 2001. С. 815.

¹⁹ Анализа и оценка на правните аспекти на Нацрт-Рамковниот договор и на Анексот за уставни промени. Наставно-научен совет на Правниот факултет од 31 јуни 2001 г. Скопје, 2001. С 8–53.

²⁰ *Поповски В.* Охридскиот договор // Република Македонија 60 години по АСНОМ. Скопје, 2001. С. 159.

²¹ *Шкарнич С.* АСНОМ и уставните амандмани од 2001г. // Там же. С. 166.

²² *Георгиевски Л.* Тоа сум јас (лице кое се интервјуира). Велес, 2012. С. 154.

²³ *Велу Ф.* ОНА од битка во битка. Недовршени пораки. Белешки – дневник. Скопје, 2008. С. 187.

²⁴ *Паскали У.* Целта е протекторат врз Македонија // ЗУМ. Скопје, 2001. С. 14.

²⁵ Council Joint Action 2003/92/cfsp of 27 January 2003 on the European Union military operation in the Former Yugoslav Republic of Macedonia. // Official Journal of the European Union. // www.europa.eu.int

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

III. Опыт посткоммунистической трансформации в славянских странах

Э.Г. Задорожнюк

(Институт славяноведения РАН, Москва)

25-летняя эволюция революций нового типа: от «бархатной» (1989 г.) к перманентной украинской (2013–2015 гг.)

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. *The quarter-of-a-century evolution of the revolution of the new type: from the «Velvet» (1989) to the permanent Ukrainian (2013–2015) one*

The article deals with the mechanisms of change of power and also coming of the opposition to power relying on methods of the information war, psychological and military pressure. The author emphasizes three pairs of casuses analysing which there can be made some conclusions about general trends and specifics of revolutions with definitions at the end of the twentieth – beginning of the twenty first century.

Ключевые слова: Чехословакия, Украина, революции с определениями, Евромайдан, оппозиция, казус, обнаженность приема, парламент, информационная война.

Более 25 лет тому назад в Чехословакии началась «бархатная» революция. Тогда, как известно, рухнул «режим нормализации», президентом стал В. Гавел с девизом «правда и любовь победят ложь и ненависть». Начало революции положила легальная студенческая демонстрация 17 ноября 1989 г., в полувековую годовщину похорон Яна Оплетала (чешского студента, погибшего в 1939 г. во время протестов против нацистской оккупации Чехословакии). Демонстрация, организованная чехословацким комсомолом, проходила сначала под сугубо студенческими лозунгами, но затем приобрела политическую окраску, после чего была жестоко разогнана полицией.

По ряду трудно аргументируемых причин именно «бархатная» революция была выбрана в качестве точки отсчета целой волны *революций с определениями* в Центральной и Юго-Восточной Европе, хотя до этого происходили не менее значимые и масштабные события революционного характера, например, июньские (1989 г.) вы-

боры в Польше. Более того, ряд историков и политологов поместили ее в начало процесса революций нового типа во всем мире*.

Именно о «бархатной» революции впервые начали говорить поздней осенью 1989 г., подчеркивая смену режима путем договоренностей при участии широких, но мирно ориентированных масс; первоначально данный термин использовали западные журналисты и лишь после этого – лидеры чешской и словацкой оппозиции. Как писал британской исследователь Т.Г. Эш, «это весьма привлекательное словосочетание употребляли многие авторы, в том числе и я, применительно ко всей совокупности эпохальных перемен, произошедших в Польше, Венгрии и других странах... важные события, имевшие место во многих странах, включая Эстонию, Латвию, Литву, Южную Африку, Чили, Словакию, Хорватию, Сербию, Грузию, Украину, Белоруссию, Кыргызстан, Ливан и Бирму, получали свое название путем прибавления к слову “революция” того или иного определения. Мы читали о “поющей революции”¹ в прибалтийских государствах, о “мирной”, “совершенной путем переговоров” революции в Южной Африке и Чили, о “революции роз” в Грузии, об “оранжевой революции” на Украине (теперь, после “оранжевой революции”, цвет вообще широко используется), о “кедровой революции” в Ливане, о “революции тюльпанов” в Кыргызстане, электоральной революции (общее название для подобного рода явлений), “шафранной революции” в Бирме и, наконец, – совсем недавно – о “зеленой революции” в Иране»¹. Надо добавить, что новые цвета и цветы появились для обозначения революций в ходе «арабской весны».

Конечно же, такого рода революции продолжаются постоянно и повсеместно, но и на этом фоне особенно значимо их масштабное проявление в Украине – самом территориально крупном после России государстве Европы и одном из довольно масштабных по численности населения. Правда, происходящее здесь с конца 2013 г. и по настоящее время не всегда именуется революцией; чаще говорится о «Евромайдане» (или просто «Майдане»), хотя события с исходящими от них кровавыми тонами давно уже охватили всю Украину. Может быть, потому, что термин «революция» – «оранжевая или помаранчевая» – уже употреблялся за

---

* Здесь и далее: так в оригинале.

10 лет до этого, но в чем-то выдохся, равно как и вариант национал-радикальной политики пришедшего в ее результате к власти В. Ющенко. Или другое соображение: если уж говорить о революции, то следовало бы использовать словосочетание «перманентная» революция, чего зарубежные и украинские аналитики и политтехнологи небезосновательно опасаются.

Задачу всестороннего исторического анализа событий, начавшихся в конце 2013 г. на Евромайдане, равно как и тенденций их развития, следовало бы поставить еще вчера. Но приступить к ее решению трудно, несмотря на открытость многих сторон такого рода процессов, в частности, из-за сложности их идентификации: революция, переворот или даже развал государства? Указанные анализ и идентификация осуществляются сегодня на уровне медийных форумов, напоминающих, скорее, «информационные войны», нежели серьезные научные разработки; есть опасения, что дефицит таковых будет ощущаться не только в ближайшем, но и отдаленном будущем². В данном ракурсе цель настоящей статьи достаточно скромная: во-первых, провести сопоставление трех пар случаев, имевших место 25 лет тому назад в Чехословакии, а в наши дни – в Украине; во-вторых, дополнить приведенный Т.Г. Эшем перечень признаков революций с определениями еще одним, взятым из области теории художественного творчества: *обнаженность приема*.

Опираясь на анализ доброго десятка монографических исследований революций с определениями, Эш подытожил: «В революциях нового типа народ выходит на улицы, чтобы заставить власти сесть за стол переговоров. Момент максимальной мобилизации масс – это и есть момент поворота к переговорам, то есть к компромиссу. В некоторых случаях к жестким репрессиям, по крайней мере, на какое-то время. Еще одна особенность «бархатной» революции состоит в том, что для достижения успеха зачастую требуется довольно много времени и приходится переживать немало неудачных попыток, в процессе которых лидеры оппозиции, а также кое-кто из находящихся у власти, извлекают уроки из собственных ошибок и провалов, как это было, например, в Польше, Сербии и на Украине. Говоря словами Сэмюэля Беккета, «еще неудача – тем и лучше» (*«fail again, fail better»*). В следующий раз обе стороны поступят иначе. В конечном счете наступает момент, когда обе стороны готовы к согласованным действиям»³.

Примечательно при этом не то, что эти действия находят отражение в СМИ, подвергаясь самым разным интерпретациям. Важно, скорее, то, что ориентированные на перемены силы не скрывают ни своих намерений, ни характера своих действий, стремясь обнаженностью приема привлечь на свою сторону максимальное число сторонников. Автору статьи уже приходилось прибегать к термину «обнаженность приема»⁴, хотя строго оформленного его определения до сих пор не существует. Считается, что одним из первых его ввел В. Шкловский, который утверждал в своей работе по теории прозы: содержание литературного произведения равно сумме его стилистических приемов. Интерпретируя этот, скорее, афоризм, чем определение, последователи Шкловского отождествляли обнаженность приема с творимым чудом, реализацией метафоры, показом показа и т.д. Достаточно полно этот прием использовался, например, Б. Брехтом, когда в рамках его эпического театра автор, а также актер, становившийся актером, нечто делает и объясняет: я это делаю. В целом же у Брехта через условность текста и обнаженность действия демонстрируется как раз важность социальной проблемы. Данный прием полномасштабно перешел в СМИ, особенно электронные: не только когда телевизионщики часто снимают самих телевизионщиков, но и когда они конструируют реальность под показ.

Суть многих происходивших в Чехословакии событий (подготовка, проведение и завершение «бархатной» революции) достаточно полно схватывается, если использовать как раз термин «обнаженность приема». Так, политические силы США и Запада, оперируя в первую очередь СМИ, не скрывали ни своей заинтересованности, ни форм влияния в этой стране. С тех пор практически все революции с определениями все в большей мере характеризуются такой обнаженностью приема. При этом смешение правды и лжи достигает высших степеней, а демагогия с полным нисхождением ко лжи становится инструментом сокрушения правил политической игры. Несколько примеров: диссиденты во многих странах систематически посещают посольства США демонстративно, а их там принимают под медийную оркестровку. Газеты и журналы не стесняются признавать свою ангажированность. Политики предпочитают ложь, ведут свою линию, не считаясь с меняющимися обстоятельствами, а ТВ подстраивает события под свой формат, прибегая зачастую и к провокациям. При этом если лет 25 тому назад обнаженность приема сводилась к

громким разговорам о свободе и правах человека и манифестациям зачастую мнимых преследований, то в настоящее время наблюдаются информационные торнадо (с использованием социальных сетей), содержащие призывы к независимости неизвестно от чего, сопровождающиеся гибелью сотен и даже тысяч людей. Украина здесь – лишь один из примеров, а тот же Эш правомерно утверждает: в той мере, в какой мы входим в XXI век, растет и число Украин⁵.

Как уже говорилось, «бархатная» революция в Чехословакии началась демонстрацией 17 ноября 1989 г. и завершилась избранием В. Гавела президентом 29 декабря 1989 г. Состоявшее из коммунистов Федеральное собрание ЧССР, сформированное в годы «режима нормализации», *единогласно* избрало своего идеологического противника главой государства. Примерно по аналогичной матрице 25 лет спустя произошли события на Украине, когда большинство депутатов правящей партии в сформированной при «режиме Януковича» Верховной Раде под угрозой силового давления принимали решения вразрез не только с программными установками своей партии, но и со своими убеждениями, подчинившись агрессивному меньшинству.

Полномасштабное сопоставление двух революций – дело будущего. Здесь же задачей является рассмотрение трех пар казусов в течение довольно ограниченного временного промежутка. *Первая пара* – «казус Шмида» в сравнении с «казусом снайперов», расстреливавших противостоявшие на Евромайдане правительственные и оппозиционные силы. *Вторая* – давление оппозиции на директора чехословацкого телевидения М. Павела в сравнении с насилием над одним из руководителей украинского ТВ. Наконец, *третья пара казусов* – реверс волеизъявления чехословацких и украинских парламентариев – как раз не прошла мимо внимания чешских, западных и отечественных исследователей, хотя не все его моменты до сих пор выявлены и, возможно, не будут выявлены вовсе.

Рассмотрим *первый казус из первой пары*, опираясь в анализе «казуса Шмида» на такой солидный источник, как телеграммы посольства США в Праге Госдепартаменту в ноябре-декабре 1989 г. Уже в первом донесении о событиях 17 ноября сообщается о студенческой демонстрации (с участием, «скорее всего, 50 000») в этот день в Праге, о полицейских нападениях, в первую очередь, на зарубежных журналистов; приводятся и не-

подтвержденные сведения о вероятности гибели «по крайней мере, одного студента от рук чехословацких властей – apparently at least one student's death at the hands of the authorities». Говорится и о студенческой демонстрации в память о дне смерти Я. Палаха, а в рекомендациях дается совет активнее защищать зарубежных журналистов⁶.

В телеграмме от 20 ноября «убитый студент» уже обретает имя и... «воскресает». Оказывается, информация о нем была получена от диссидента П. Улла (так в тексте, правильно – Ула. – Э.З.) из Независимого агентства новостей, которая молниеносно была растиражирована БиБиСи и агентством «Голос Америки». «Чиновники посольства (“EmbOffs”), – говорится в документе, – связались с матерью Шмида, которая сказала, что ее сын не убит и даже не ранен. Чехословацкое телевидение, опровергнув в воскресенье информацию о смерти Шмида, особо упрекнуло «Голос Америки» (но не БиБиСи и Рейтер) в злонамеренном (“maliciously”) представлении известия⁷. Полиция наказала Ула еще до того, как он раскрыл «тайну смерти». Он был арестован, но его жена А. Шабатова и один из спикеров Хартии 77* Д. Немцова пытались организовать пресс-конференцию с предъявлением свидетельств, которые могли бы подтвердить возможную смерть студента. «Тем самым в настоящее время остается загадкой, был ли студент действительно убит»,⁸ – такими словами завершается цитируемый документ. Остается добавить, что руководству чехословацкого телевидения такое стремление к истине вскоре аукнется, что станет ясно при рассмотрении второго казуса – с руководителем чехословацкого телевидения Мирославом Павелом.

В воскресенье и сам «воскресший» студент Мартин Шмид появился на телевидении, подтверждая тем самым, что он не мертв. Однако Агентство «Франс Пресс», не считаясь с этим, заготовило «объективную информацию» уже более чем о 4 смертях, «игнорируя опровержение правительственных чиновников, а некоторые студенты в выходные устроили небольшие мемориальные “по-

---

* Хартия 77 – правозащитное движение в Чехословакии (1977–1992 гг.), названо по принятому 6 января 1977 г. Воззванию Хартии 77. Выступало с требованиями соблюдения чехословацким правительством положений Всеобщей декларации прав человека ООН и решений подписанного властями Заключительного акта Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.) в Хельсинки.

минки” в местах, где они “умерли” в память об отдельных “убитых” студентах»⁹.

Примечателен документ, в котором подробнее идет речь еще об одном источнике информации относительно мнимой смерти Шмида. «Некая американка, проживавшая в Праге»¹⁰, оказалась в рядах демонстрантов. Она-то первой и проинформировала посольство о «возможной смерти от ран одного юного студента после демонстрации». Начали узнавать имя погибшего – и одна девушка сообщила, что это «ее друг (“her boy-friend”) – студент математического факультета Карлова университета по имени Мартин Шмид»¹¹.

Вот как интерпретирует данный казус Дж. Кин: «В тысячах и тысячах умов смерть молодого студента от рук коммунистов во время демонстрации в память погибшего от рук нацистов студента 50 лет тому назад демонстрировала, что две системы проводят одну и ту же линию нетерпимости, тоталитарного насилия»¹². Заодно друг Гавела – юный бородатый анархист Я. Бок – собрал группу парней («the boy’s»), чтобы защитить от провокаций вскоре прибывшего в Прагу лидера революции¹³.

Уже более чем полвека тому назад канадский исследователь Г.М. Маклюэн (1911–1980) обосновал тезис «the medium is the message», который достаточно вольно можно перевести так: извещение о событии создает событие¹⁴. Так произошло и с «казусом Шмида», причем не только с ним. По мнению и свидетельствам Эша, «...события 1989 года можно понять только при помощи тщательной, скрупулезной хронологической реконструкции как предполагаемых, так и неожиданных последствий, анализируя их во многих направлениях и на разных этапах, день за днем, а иногда – например, вечером 9 ноября в Берлине – и поминутно. Правильное или ошибочное освещение событий, особенно телевидением, – само по себе чрезвычайно важное звено причинно-следственной цепочки. Когда в 22:30 известный, пользующийся доверием телеведущий западногерманского телевидения объявил, что “ворота в Стене широко распахнуты”, этого на самом деле еще не произошло; но прозвучавшее сообщение помогло распахнуть их, поскольку после этих новостей увеличился поток жителей Восточного Берлина, устремившихся к Стене (это были те, кто смотрел западногерманское телевидение и был склонен ему доверять) и надеявшихся пройти через пограничные пункты на Запад, а толпы западных берлинцев собрались у Стены, чтобы

приветствовать их. Ошибочное сообщение радио “Свободная Европа” о том, что студент по имени Мартин Шмид погиб в Праге 17 ноября 1989-го во время подавления студенческой демонстрации, способствовало тому, что в Чехословакии число протестующих выросло уже в первые дни “бархатной революции”¹⁵.

Обратимся к параллели этого казуса в Киеве и его предыстории. Как известно, Евромайдан начался 21 ноября 2013 г. в ответ на приостановку подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС. Уже 1 декабря национал-радикалами были захвачены здания офиса Партии регионов и Дома профсоюзов, после чего в Киев зачастили представители ЕС и США. 16 января 2014 г. Верховной Радой был принят пакет законов против массовых беспорядков, а 19 января появились первые десятки раненых. 22 января погибли трое протестовавших. 4 февраля начались призывы вернуть Конституцию 2004 г., а 18 февраля наступил «кровавый вторник», когда погибли 25 человек. 25 февраля объявились снайперы на ул. Институтской, и число погибших возросло до 75.

Сопоставление казуса мнимой смерти Шмида с кровавыми казусами февраля и марта и выспренной легендой о «небесной сотне» (потому что в нее вошли, как бы это кощунственно ни звучало, «для равного счета» – многие антимайдановцы) может показаться почти неправомерным. Однако некие особенности «обнаженности приема» в двух этих казусах просматриваются. Во-первых, наличие «разъяренной толпы», во-вторых, ожидание «решительного шага», более того, его нарочитое форсирование, в-третьих, слепая ненависть к «нечестным» властным структурам и их представителям – с наивной верой в то, что сменяющие их структуры будут однозначно честными.

Описание *первого казуса из второй пары* – встречу В. Гавела с М. Павелом – дал достаточно давно английский политолог Дж. Кин; четверть века спустя его затронули чешские историки Д. Кайсер и И. Сук, а также журналист П. Гайек, назвавший начавшуюся с их встречи цепь событий в СМИ «медийной мистификацией»¹⁶. В массиве документов посольства США ее факт не получил отражения, хотя его сотрудники отзывались о Павеле весьма благожелательно – как объективном журналисте¹⁷. Д. Кайсер же отмечал: почти сразу Гавел встречался с «советскими эмиссарами». Будущий президент не давал им заверений в том, что «охоты на ведьм» – то есть на тех, кто не принимал ценностей «бархатной» революции – не будет, утверждая на русском: «Это

наше дело»¹⁸. Остается напомнить, что именно слова: «Это наше дело», произносились после 1968 г. советскими «гостями» в Чехословакии, тоже не гарантировавшими отсутствия «охоты на ведьм», т.е. коммунистов-реформаторов, – драматург-абсурдист остроумно обыграл их...

Ранее историография «бархатной» революции указанную встречу практически игнорировала, может быть, потому, что она не требовала огласки, демонстрируя безальтернативность договоренностей о тотальном контроле над СМИ как одной из особенностей нового политического стиля. А ведь то, что уже в «медийном удушении» экс-коммуниста А. Дубчека преобладал «бархат», не отменяет самого факта именно удушения. Природу указанного «бархата» косвенно описал Эш: «Классифицируя революции нового типа, люди стараются использовать смягчающие прилагательные. В процессе споров, которые осенью 1989-го вели между собой лидеры первой “бархатной революции” в Праге, один чешский диссидент поставил вопрос о том, применимо ли вообще в данном случае слово “революция”, поскольку оно подразумевает насилие. “Давайте откажемся от любых форм террора и насилия, – призывал информационный бюллетень Гражданского форума от 2 декабря 1989 года. – Наше оружие – любовь и ненасилие”»¹⁹. Между тем факты говорят о другом: политическое противостояние было здесь весьма напряженным. На Украине же борьба за СМИ приобрела гораздо более жесткие формы, а за лозунгами о свободе слова осуществлялось неприкрытое насилие.

Гавел понимал, что планы на избрание его президентом в ходе прямых всенародных выборов призрачны – вне Праги он не обладал широкой известностью. С тем, что президента необходимо избирать именно «нормализаторским» парламентом, соглашались и представители радикализованного студенчества, участвовавшие в работе комиссии по расследованию событий 17 ноября, а фактически осуществлявшие функцию «контроля снизу» над законодателями. Многие радикально настроенные революционеры опасались, что на данный пост будет претендовать чехословацкий премьер-министр коммунист Л. Адамец, но он, как пишет Кин, сделал «рождественский подарок» В. Гавелу, подав в начале декабря в отставку.

Шансы первого были предпочтительнее еще и потому, что спичрайтером Л. Адамца являлся Павел, имевший репутацию жесткого и опытного профессионала в сфере СМИ. Гавел же к

этому времени, не надеясь повлиять на волю электората напрямую, решил сделать это косвенно. Именно телевидению предстояло «внушить» парламентариям: кого именно поддерживает народ. Для этого над ним (телевидением) требовался тотальный контроль, а уж затем – после президентских выборов – можно будет перейти и к демократизации, реализовав принцип свободы слова, ценностям которого был привержен (как бы парадоксально это не выглядело) именно партфункционер Павел.

На устроенной Гавелом 16 декабря 1989 г. тайной встрече намечалось столкновение Павела, с вводящим в заблуждение, как пишет Кин, своей мягкостью «новым человеком» – и оно состоялось. Павел, появившийся на встрече с младенцем в коляске (жена болела), заявил Гавелу, что тот – незначительная политическая фигура и в качестве таковой не может претендовать на выступление в прайм-тайм (19:30), репрезентуя Гражданский форум. «Самое большее, на что он может претендовать – выпуск новостей поздней ночью, когда большинство народа, конечно же, будет отдыхать. И Павел усмехнулся, бросив взгляд на спящего ребенка. Гавел же вспыхнул от гнева. Он повысил голос, после чего младенец Павела проснулся и громко закричал».

Следующие 20 минут собеседники обменивались словами, как боксеры ударами. Наконец, Гавел перешел к угрозам, заявив: «Ты дождешься своего, когда я стану президентом... И ждать остается недолго. Мы вышвырнем тебя. Ты станешь никем!». В ответ Павелу пришлось прибегнуть к непечатным выражениям, осознавая при этом, что события разворачиваются не в его пользу. Гавел же, почувствовавший себя победителем, «по-джентльменски» протянул противнику пленку с записью состоявшегося только что разговора. Павел с пленкой и детской коляской подошел к лифту и стал спускаться вниз. В этот момент соратник Гавела П. Питгарт со словами: «Если эту пленку озвучат на радио, нам конец!»²⁰ – бросился вдогонку с пятого этажа за Павелом. На улице он подбежал к нему и попросил вернуть пленку, которую собрался тут же выбросить в ближайший мусорный ящик. Но такового поблизости не оказалось, и Питгарт – будущий премьер-министр страны – вернулся к автомобилю. «“Может, лучше мне взять ее с собой?” – спросил он. Взвинченный Павел ответил: “Не стоит беспокоиться. Суньте ее в ...”»²¹. Из корректности здесь не переводится данное слово на русский язык (хотя в англо- и чешскоязычных текстах оно указано). Со следующего дня Гавел из

наиболее удобного времени на телевидении уже не исчезал. Тем самым «казус Павела» выразился не только в том, что брутальное психическое давление вызвало крик ребенка, но и в том, что он все же вынужден был оставить свой пост без особых скандалов.

Что же касается *второго казуса из второй пары*, то давление на представителя руководства украинского телевидения приняло уже откровенно бандитский характер. Избиение и.о. главы первого национального телеканала А. Пантелеймонова произошло 18 марта 2014 г. под телекамеры. Ему предъявили обвинение в неотключении «мощных пропагандистских программ» из России. Бывший спортивный комментатор И. Мирошниченко²² избил Пантелеймонова, назвав того «януচারом» (тайным приверженцем В. Януковича) и «москалюгой»; его вынудили написать заявление об увольнении. Участники инцидента были осуждены международной общественностью, однако к ответственности их, по сути, так и не привлекли. И другие функционеры партии «Свобода», пользуясь депутатской неприкосновенностью, проникли на телевидение силой; они отрицали сам факт избиения, что позже «подтвердил» и сам пострадавший. Нисхождение ко лжи при этом на СМИ достигло низшей точки, поскольку в итоге нападающие и «защитающийся», согласно уже контролируруемому в полной мере функционерами «Свободы» телевидению, цинично (и лицемерно) аргументировали эту выходку как раз борьбой за свободу слова²³.

Наконец, *третья пара казусов* – реверс волеизъявления чехословацких (под психологическим прессингом) и украинских (под психологическим прессингом и силовым давлением) парламентариев. *Первый казус из третьей пары* – единоголосное избрание сформированным еще при «режиме нормализации» коммунистическим парламентом диссидента Гавела президентом страны 29 декабря 1989 г. – достаточно полно изложен как в российской, так и зарубежной историографии²⁴. Остается добавить некоторые важные детали, значимость которых подчеркивается чешскими исследователями И. Суком и Д. Кайсером. Первый, в частности, пишет: «Сам Гавел взошел на вершину пирамиды как личность, в которой в декабре 1989 г. концентрировалось стремление к драматургически оформленному поражению диктатуры и обещание *другой* политики. Тем самым “временный президент” день ото дня становился гарантом свободы, процветания, справедливости – то есть, собственно, незаменимым национальным лидером с особой миссией... Личную ответственность он противопоставил партий-

ной (без)ответственности. В итоге харизматический принцип попал в перманентный конфликт с принципом демократическим»²⁵. И еще: «Петра Питгарта и других активистов... неприятно удивило, что коммунистический парламент избрал Гавела точно так же, как он избирал Гусака в 1975, 1980 и 1985 годах. Они воспринимали это как “фальшь” и предполагали, что, по меньшей мере, десять депутатов проголосуют против. Единогласное же избрание они впоследствии интерпретировали в духе всеобщего презрения к “убожеству и слабости этих перерожденцев коммунистической империи зла”»²⁶.

Анализируя эти же события, Кайсер отмечает: «29 декабря Вацлав Гавел выступил сам в качестве кандидата на президентский пост, и Федеральное собрание, в которое на тот момент были кооптированы только 23 из 350 депутатов, все до единого проголосовали за него. Разумеется, большинство депутатов определенно отдали свои голоса, скрипя зубами, в тот момент им следовало бы пойти против воли улицы – но ментально они не были в состоянии сделать это... История ускоряла свой ход, и людей быстро переставали интересовать деятели шестьдесят восьмого года; с приходом Гавела на Град разрыв с коммунистической эрой оказался весьма мощным, и в тот момент иным он быть не мог»²⁷.

Что же происходило в Киеве 21 февраля 2014 г.? Ограничимся жесткой хронологией с учетом того, что – при всей «обнаженности приема» – истинные виновники переворота будут выявлены достаточно поздно, если вообще будут выявлены (с учетом следующего: ранее говорилось о тайне за семью печатями, сейчас уместнее говорить о «тайне за семью дезинформациями»).

Смещение В. Януковича и избрания А. Турчинова главой парламента и врио президента происходило по следующему сценарию: 9 февраля 2014 г. лидеры оппозиции В. Кличко и А. Яценюк призвали Верховную Раду проголосовать за возвращение к Конституции 2004 г., что автоматически предполагало ограничение полномочий президента. Это происходило на фоне усиливавшегося противостояния национал-радикалов и «Беркута», а также инициированного первыми «мирного наступления» на парламент. 18 февраля произошло их кровавое столкновение и захват офиса Партии регионов. 19 февраля был объявлен режим контртеррористической операции, а 21 февраля состоялись переговоры В. Януковича с тремя представителями оппозиции (к первым двум при-

соединился О. Тягнибок) – при участии дипломатов высшего ранга из Германии, Польши и Франции.

Оказалось, что в дальнейшем погибшие «небесной сотни» стали некими вехами на пути к власти оппозиционеров. Репрезентации инцидентов в самых различных источниках – местных и международных, включая аудиозапись беседы К. Эштон и министра иностранных дел Эстонии У. Паэта, – не оставляют сомнений в том, что и милиционеры, и демонстранты были расстреляны одними и теми же снайперами. Налицо провокация, а также циничное приписывание кровопролития украинскими СМИ «режиму Януковича», что явилось решающим ударом в ходе информационной войны; как раз оно и потрясает своей «обнаженностью приема».

Итог провокации таков: 21 февраля было подписано Соглашение между президентом и оппозицией. Но уже 22 февраля В. Янукович покинул столицу, и тогда же главой Верховной Рады большинством в 326 голосов был избран Турчинов. В тот же день парламент принял постановление «О самоустранении Президента Украины от исполнения конституционных полномочий и назначении внеочередных выборов Президента Украины». 23 февраля Турчинов уже в качестве главы парламента подписал постановление о возложении на себя временно обязанностей президента – при поддержке 288 депутатов (присутствовали 339 из 450)²⁸.

В тот же день, 23 февраля, в своем обращении к соотечественникам оставшаяся в Раде часть парламентской фракции Партии регионов обвинила в кровопролитии своего лидера (культбит, свидетельствующий о том, что часть правящей партии при любых условиях стремится оставаться близ новых правящих). Около 60 депутатов Партии регионов оказались без депутатских мандатов, но вдвое больше остались в Раде! По каким причинам это произошло? Кто успел – тот правильно сделал, а кто остался – тоже сделал правильно? Ответы на эти вопросы отыскать нелегко, но принципиальная лабильность и мимикрия правящей партии – в формате той же обнаженности приема – просматривается довольно четко.

Таким образом, на Украине *второй казус из третьей пары* сводится к тому, что три оппозиционные группы избранного при «режиме Януковича» парламента, составлявшие «подавляющее» меньшинство, фактически свергли власть президента и спикера, учредив удобный для себя вариант Верховной Рады и принудив к участию в ее заседании значительную долю депутатов от Партии

регионов. Фактически происходит тот же реверс волеизъявления: приверженцы правящей партии принимают под насильственным давлением решения, полностью противоречащие ее программе и интересам.

В чем же различие между событиями в Чехословакии на закате второго тысячелетия и на Украине в начале тысячелетия третьего? В первую очередь, это *эффект масштаба*: что легко осуществляется в небольшом государстве, то труднее в большом – хотя и первое (по европейским меркам достаточно крупное) «удалось» разделить, правда, «по-бархатному»²⁹.

Важен и учет *внешней ситуации*: «бархатная» революция происходила в условиях благожелательного нейтралитета со стороны СССР³⁰. Сегодня второй актер – уже не СССР, а Россия – занял более активную позицию, причем небезосновательно. Ибо, к примеру, на Украине Россия присутствовала – и в уменьшающейся степени присутствует – в виде заказов на продукцию новейших производств; она все еще обеспечивает реальное газоснабжение, а не кормит оппозиционные силы булочками из местной пшеницы или собственными военными пайками, обещая в неопределенном будущем и «дешевый» сланцевый газ. Поэтому позиции России на Украине внешние силы стремятся подорвать по всем направлениям, а за разговорами США и Евросоюза о всеохватной демократизации и вопреки фактам кровопролития во имя ее прячутся – на всякий случай – собственные экономические преференции.

При анализе феномена квазиединодушия всех украинцев, ориентированных на «свободу и независимость», и Запада, поддерживающего «революционные» события, создается впечатление, что многие зарубежные политики убеждены: мир будет завоеван для демократии, как раньше он был завоеван для христианства. Самые мощные государства-де развалятся, идеи победят силу, а люди воспримут новые ценности «на автомате». Конечно, «успешные» шаги на этом пути уже предприняты: от «язычества» отошли таской и лаской страны Центральной Европы, Грузия, отходит Украина – тем более, что некоторые ультрадемократические лидеры в ней являются и наияростнейшими «христианами» – как тот же экс-врио президента Украины Турчинов, по совместительству баптистский проповедник.

Но, во-первых, не все страны стали христианскими – оно проникало и все еще проникает вплоть до Индии, Китая, араб-

ского мира, однако остается там маргинальным. То же можно сказать об «островах» демократии: Кувейте, Сингапуре, с большими оговорками Японии – они так и остаются относительно небольшими островами, указанные же выше страны предпочитают собственные религии и свои варианты демократии.

Во-вторых: появляется «пятая антиколонна» – националистически ориентированные силы в Западной Европе. Достаточно понаблюдать симбиоз национализма и демократии на сегодняшний день в Германии, Франции и даже Великобритании. Здесь – бумеранг, вернувшийся в Европу, поскольку там все чаще ставят вопрос: почему им (тем же украинцам) можно опираться на национальные ценности, а нам нельзя?³¹

Если рассматривать вопрос о том, насколько правомерно оценивать роль внешнего фактора, в частности, воздействия США на события в Украине, то важно «не перегибать палку», сводя все дело к очередной конспирологической версии. Влияние «мягкой силы» может быть куда более сложным и многослойным, о чем пишет тот же Эш. Он небезосновательно утверждает: «Хотя шансы на успех или неудачу в значительной степени зависят от внешних факторов, сами эти факторы следует толковать намного шире, нежели только предполагаемая подрывная деятельность американцев. Перспективы начинающейся “бархатной революции” зависят не только от природы государства и общества, в котором она происходит, но также и от того, какое место данное государство и данное общество занимают в более широком международном контексте. Вновь прибегая к очень широкому обобщению, можно предположить, что наилучшие шансы на успех должны иметь “бархатные революции” в полуавторитарных государствах, которые политически, экономически и, если можно так выразиться, психологически в значительной мере зависят от более демократических стран, и особенно – если в роли иностранных держав, оказывающих пассивное влияние или, наоборот, обладающих активными рычагами воздействия, выступают западные демократии»³².

Следует полнее обсудить вопрос и о том, насколько сами участники Евромайдана и ориентированные на него носители ценностей национальной идентичности – граждане Украины (далеко не все) – продуцировали убеждение в том, что «Украина – это Европа» (если перефразировать известные слова президента Л. Кучмы «Украина – не Россия»). Отвечая на него, следует учесть позицию Т.Г. Эша, который пишет: «Если в ближайшие два десяти-

летия произойдет много насильственных революций старого образца и мало революций нового стиля, без насилия, мою гипотезу в отношении “бархатных революций” следует признать негодной. Однако если мы станем свидетелями более успешных “бархатных революций” в незападных обществах, в том числе мусульманских, конфуцианских, буддистских, то гипотезу можно будет признать убедительной»³³.

На наш взгляд, гипотеза может быть в должной мере проверена и в Европе. Такого рода революции на постсоветском пространстве благостностью не отличаются, а их вожди не попадают в список героев, если таковыми не считать радикалистов типа М. Саакашвили или В. Ющенко. Именно ход событий на Евромайдане – и по всей Украине – даст ответ на вопрос, насколько конструктивны эти революции и в какой мере они осуществляют чаяния всего народа, а не «революционных» элит и их вольных или невольных кукловодов.

К. Маркс в свое время в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», знаменитом памфлете и образце анализа феномена революции на фоне текущих политических процессов с открытым финалом, писал: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса»³⁴.

Наш анализ позволяет с опорой на данное суждение, но придав ему обратный смысл, дать новое видение исторических событий конца XX – начала XXI вв., обозначаемых понятием «революции с определениями». Одни из них происходят с большими элементами фарса. Чем, как не фарсом, можно назвать мнимое убийство студента Шмида? Или же посещение руководителем чехословацкого ТВ (с младенцем на руках) диссидента, не достигнувшего пика своей славы, и его знаменитую реплику относительно пленок об их разговоре? Равно как и «реверс волеизъявления» прокоммунистического парламента, избирающего президентом своего идеологического противника?

Но повторяются похожие события уже как трагедия: достаточно вспомнить расстрел противостоящих сторон на Евромайдане на баррикадах снайперами, так до сих и пор и неизвестно кем нанятыми. Это и полубандитское избиевание представителя руководства украинским телевидением под телекамеру колоритными представителями оппозиции. Наконец, это насильственное изгна-

ние демократически избранного президента Украины сразу же после договоренности с ним, причем при международных гарантиях, о путях разрешения кризисной ситуации.

В статье нарочито акцентируются элементы фарсовости в событиях не столь уж отдаленного прошлого, чтобы подчеркнуть реальную трагичность похожих на них 25 лет спустя. Абсурдистско-драматургические ходы в период «бархатной» революции воспринимались как курьез, незлая шутка и т.д., хотя речь шла о параллельных социально-политических изменениях. Однако их культивирование под внешним воздействием оказалось дорогой к тому, что подражание им превратилось в кровопролитную трагедию, если учесть сотню жертв революции на Евромайдане – и многие сотни в регионах Украины (к началу 2015 г. их счет пошел уже на тысячи).

Тем самым афоризм Маркса приобретает новое истолкование, а «обнаженность приема» превращается в стилевую характеристику «революций с определениями». Ибо когда «революционеры» вынуждают бежать легитимно избранного президента, когда они устраивают кровопролития в самых разных областях Украины, это – по самым разным параметрам – выглядит как контрреволюция.

Ситуация с «обнаженностью приема» характеризуется еще и тем, что она дополнительно объясняет феномен *двойных стандартов*. Допустим, во Франции, Германии и США оппозиционеры, не удовлетворенные политикой Ф. Олланда или А. Меркель, а то и Б. Обамы, действовали бы в своих странах по задаваемому ими алгоритму для оппозиционеров Украины. Ясно, что их протесты тут же подверглись бы соответствующему жестокому сдерживанию, вполне возможно и не бескровному. Однако такого же рода действия в ходе «цветных» революций не только поддерживались, но даже всемерно стимулировались. И, невзирая на трагедию, а точнее – форсируя ее, эти действия зачастую репрезентуют двойные стандарты, также выступающие как своеобразная «обнаженность приема».

Вот почему, отмечая четвертьвековую дату «бархатной» революции в Чехословакии, необходимо помнить и об отнюдь не праздничном дне сегодняшнем, когда «революции с определениями» продемонстрировали свои теневые и даже трагедийно-кровавые тона. Помнить, чтобы глубже изучать их внутренние силы и внешние факторы, а также способы такого вхождения во власть

оппозиции, которые неизбежно порождают новые оппозиции, грозя развалом страны, как это происходит в 2013–2015 гг. на Украине.

Примечания

¹ Эш Т.Г. 1989 год и перспективы «бархатных революций» // Pro et Contra. 2009. Сентябрь – декабрь. С. 124–125.

² Нельзя, однако, не отметить оперативной и в то же время глубоко аналитической проработки событий Евромайдана в журнале «Свободная мысль», выпустившего специальный номер по Украине. В него вошли материалы заседания Интеллектуального клуба журнала с участием ведущих отечественных политологов и экономистов, аналитические статьи «против» Евромайдана, но и «за» него, исторические очерки, перепечатка статьи об «украинизации» из журнала «Коммунист» за 1926–1927 гг., рецензии на книги по украинистике. См.: Свободная мысль. 2014. № 2.

³ Эш Т.Г. 1989 год. С. 127–128.

⁴ Лаврик (Задорожнюк) Э.Г. И. Сталин 50 лет спустя: интерпретация исторических реалий и политико-психологического портрета. Аналитический обзор // Русский вопрос. Международный интернет-журнал. Praha, 2003. № 1. <http://www.ruskiivopros.com/?pag=one&id=102&kat=8&csl=22>.

⁵ Ash T.G. Putin has more admirers than the West might think // Guardian. 2014. April 17.

⁶ Prague-Washington-Prague. Reports from the United States Embassy in Czechoslovakia, November-December 1989 / Ed. by V. Prečan. Prague, 2004. P. 87, 90, 91.

⁷ Ibid. P. 96.

⁸ Ibid. P. 97.

⁹ Ibid. P. 99. Отмечая объективность изложения казуса в телеграмме посольства США, все же поставим два вопроса: что это, как не один из ярких примеров информационной войны? И второй – не напоминают ли эти «поминки» по живым театр абсурда, пьесы для которого писал известный драматург В. Гавел? Конечно, ему не обязательно было выступать режиссером такого рода постановок, но стиль его политики в них все же проявлялся.

¹⁰ Ibid. P. 101.

¹¹ Ibidem. Остается добавить, что этот первый (из трех) документ с купюрами (его копия даже помещена в иллюстрациях) демонстрирует, так сказать, маленькую необнаженность обнаженности; второй – телеграмма о трениях внутри руководства КПЧ (Ibid. P. 122–125); третий – о позиции В. Клауса (Ibid. P. 242–244). Имя Шмида упоминается все реже и исчезает из списка новостей, но не исторических деяний, репрезентуя одну из удачных операций информационной войны.

¹² Keane J. Václav Havel. A political tragedy in six acts. London, 1999. P. 347.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. Революции с определениями: поступь истории и динамика нарративов // Sacrum et Profantum. Языковые, литературные и этнические взаимосвязи христианской культуры. М., 2012. С. 172–184.

¹⁵ См.: Эш Т.Г. 1989 год. С. 131.

¹⁶ См.: Hájek P. Smrt v sametu. Praha, 2014. S. 213.

¹⁷ См., например, документ от 1 декабря 1989 г., в котором упоминалось: он профессионально организовал работу ТВ, несмотря на опасения, что будет жестко проводить линию своего патрона Л. Адамеца. Prague-Washington-Prague... P. 213.

¹⁸ *Kaiser D.* Disident. Václav Havel 1936–1989. Praha-Litomyšl, 2009. S. 224.

¹⁹ *Эш Т.Г.* 1989 год. С. 126.

²⁰ *Keane J.* Disident. P. 367–368.

²¹ *Ibid.* P. 368.

²² Этот экс-спортсмен аттестуется «Википедией» политическим деятелем националистического движения; он ангажированный журналист Украины (с 2006 г.), а с 2010 г. – доктор философских наук.

²³ Российская газета. 2014.20–21.III.

²⁴ «С целью добиться президентства Гавел сразу же, во-первых, заблокировал предложение коммунистов провести прямые всеобщие выборы президента, а во-вторых, пошел фактически на сговор с М. Чалфой: тот заверил Гавела, что сумеет заставить коммунистический парламент ЧССР к декабрю 1989 г. (к этому времени Гражданский форум побудил уйти в отставку только 29 депутатов из 350 парламентариев) единогласно проголосовать за кандидатуру антикоммуниста и диссидента (включая 23 новых депутата, кооптированных 28 декабря – за день до выборов. – Э.З). И все же уже тогда возникали вопросы: если Гавел боролся за демократию и правовое государство, то почему он пришел к власти старыми коммунистическими методами?». См.: Задорожник Э.Г. Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи // Славяноведение. 2012. № 5. С. 35.

²⁵ *Suk J.* Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975–1989. Praha, 2013. S. 422.

²⁶ *Ibid.* S. 417–418.

²⁷ *Kaiser D.* Disident. S. 238–239. Примечательно, что, по свидетельству Кина, М. Чалфа в самом конце 1990-х годов был советником Гавела, причем довольно активно обеспечивал имущественные интересы президента, включая возможное приобретение доли культурно-торгового центра «Люцерна». См.: Keane J. *Op.cit.* P. 488. И от этого дела «запахло душком старого доброго капитализма», а вовсе не этическим принципом «жить не по лжи».

²⁸ Небольшая справка: официально Верховная Рада состояла из 450 депутатов. Парламентские выборы, прошедшие 28 октября 2012 г., дали следующие результаты: Партия регионов – 186 мест, «Батькивщина» – 105, «Удар» – 40, Компартия Украины – 32, «Свобода» – 37, остальные и беспартийные – 50 мест. На начало мая 2014 г. ее состав был таков: Партия регионов – 127 депутатов, «Батькивщина» – 88, «Удар» – 40, «Свобода» – 36, группа «Экономическое развитие» – 33, группа «Суверенная европейская Украина» – 37, Компартия Украины – 32, нефракционные – 91 депутат.

²⁹ Касаясь хода «революционных» процессов в другой федеративной социалистической республике – Югославии, дирижировавшихся извне, мы уже приводили в качестве аналогии кастрюлю с кипящим бульоном, которую достаточно отдаленные внешние силы постоянно держат на плите, чтобы в удобный момент вылить его на ноги ближним соседям. См.: Задорожник Э.Г. Балканский «клин»: новые вызовы или ростки стабильности // Мировая экономика и международные отношения. М., 2008. № 10. С. 127. В случае с Украиной – это уже не кастрюля, а некий котел с горячей смолой, который тоже сохраняет опасность быть вылитым далекими поварами под ноги ближним соседям, чтобы держать их в постоянном напряжении.

³⁰ Только одинокие голоса предупреждали, что все закончится распадом Чехословакии и вхождением двух новых государств в НАТО. Так, С.Г. Кара-Мурза уже в конце 1980-х годов предполагал, что они, как и объединенная Германия, рано или поздно окажутся в военно-политическом блоке, анализируя такие факты (причем по ходу их возникновения), как неизбежность возвращения вложений в революции в Чехосло-

вакии и особенно в Польше, перенос принятия ключевых внешнеполитических решений в центры вне той или иной страны, ставка на утопические идеологии свободного рынка и всеохватной демократии. Подробнее см.: *Кара-Мурза С.Г.* Революции на экспорт. М., 2014.

³¹ Остается добавить, что соответственно ориентированные партии победили на выборах в Европарламент в 2014 г., сформировав Европейскую народную партию с 213 местами (28,4% полученных голосов; ее главный оппонент Прогрессивный альянс социалистов и демократов получил 190 мест и 25,3% голосов; общая явка на выборах составила 43,09%). См.: Ведомости. 2014.27.V.

³² *Эш Т.Г.* 1989 год. С. 132, 133.

³³ Там же. С. 135.

³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2. Т. 8. М., 1957. С. 119.

25 лет трансформации в Польше: плюсы и минусы

Abstract:

Mayorova O.N. *25 years of transformation in Poland: advantages and disadvantages*

The article analyzes the results of a 25-year period of social transformation in Poland, considered its advantages and disadvantages. The author comes to the conclusion that despite great economic and social difficulties of the transitional period, the country was able to carry out the post-socialist transformation and has substantially completed the transition from planned to market economy and to parliamentary democracy.

Ключевые слова: Польша, трансформация, многопартийность, парламентская демократия, рыночная экономика.

После перелома 1989 г. основными направлениями политической трансформации в Польше стали: переход от авторитарной власти к демократической, от монополии одной партии к многопартийности, от номенклатуры к плюралистической политической элите, от власти партийных органов и аппарата к власти высших органов государства и органов государственной администрации, от монополии административной власти к территориальному самоуправлению. В результате демонтажа системы «партия – государство» власть перешла в руки парламента, президента, правительства и центральной администрации. В 1989–1990 гг. Польша первой среди стран Центральной и Юго-Восточной Европы начала системные преобразования и уже к 1996 г. преодолела трансформационный спад, превысив уровень ВВП 1989 г. на 4,7%. В 2006 г. экономический рост составил уже 6,1%¹.

В основе системной трансформации в Польше лежали процессы кардинальных преобразований собственности, начало которым было положено еще в середине 1990 г. благодаря высокой динамике развития городского частного сектора, опиравшегося на мелкий частный капитал и сохранившиеся традиции индивидуального предпринимательства. За годы реформ была построена экономика с преобладанием частного сектора: если в 1989 г. в частном секторе производилось около 20% ВВП, то в 2002 г. – уже 76,9%. В 2013 г. в частном секторе было занято около 70% всех работающих в народном хозяйстве (в 1990 г. – 49%)². Польша – одна из самых успешных стран ЕС с точки зрения развития пред-

принимательства. В Германии, которая по численности населения превосходит Польшу в два раза, всего на 700 тыс. частных фирм больше (в Польше их 1 475 тыс.). Сектор малого и среднего бизнеса обеспечивает 47,3% ВВП³. Частная форма собственности господствует и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в розничной торговле, и в строительстве. Соответственно изменилась и социально-классовая структура: по данным на 2014 г., бизнес-элита составляла 0,8% всего населения, топ-менеджеры – 2%, средний и мелкий бизнес – 7,8%, интеллигенция – 10–12%, служащие низшего звена – 36%, квалифицированные рабочие – 16%, неквалифицированные рабочие – 9%, сельхозпроизводители – 7–8%⁴.

Вопреки заявлениям правительства реформаторов после 1989 г. относительно выбора либеральной модели экономического развития, предусматривавшей «уход государства из экономики», именно государство на деле стало главным субъектом политики рыночных преобразований. В его ведении оставались основные экономические и административные рычаги воздействия на экономику.

На протяжении всего периода трансформации она осуществлялась разными темпами, с разным видением участия государства в преобразованиях. 1989–1992 гг. можно назвать либеральным эпизодом, так как тогда экономическая свобода в Польше была максимальной. Введение свободной конкуренции и ограничение вмешательства государства в рыночные процессы привели к лавинообразному появлению среднего класса: возникли 2,5 млн. частных предприятий. Первые три года общественно-экономической трансформации являли собой неплохое начало экономических перемен, но эта стратегия не стала долговременной. Парламентские выборы 1993 г. и победа левых партий увеличили вмешательство государства в экономику и усилили ее правовую регуляцию. Трансформация была замедлена, но не остановлена. Смена правящей коалиции в 1997 г. не привела к изменению курса. Очередные парламентские выборы 2001 г., когда к власти вновь пришли левые, привели к торможению польской системной трансформации, продолжению роста бюрократии и ограничению экономической свободы. Очень жестко об этом пишет польский исследователь Т. Лелен: «Торможение процесса системной трансформации более чем на десять лет представляет длительный процесс затруднения деятельности наиболее предприимчивых поляков. В этот период произошло замедление численного прироста новых

частных фирм, что означало ограничение развития польского среднего класса на долгие годы⁵. По оценкам экспертов, развитию приватизации в настоящее время препятствуют, с одной стороны, высокая политизация этого процесса, обусловленная борьбой сильных групп интересов, а с другой – отсутствие ощутимых импульсов со стороны власти к завершению начатых приватизационных процедур и инициированию новых⁶. Вместе с тем практика Польши свидетельствует: переход предприятий на рыночные принципы хозяйствования приводит к повышению эффективности их работы.

Стремительный экономический рост – результат ряда усиливающих друг друга факторов. Важнейшие из них – иностранные инвестиции и внешнеэкономические связи в целом. Большое значение имеет вступление Польши в Евросоюз. Сравнительно высокому росту экономических показателей Польши в 2004–2013 гг. (4% в год по отношению к 1% в ЕС), а также тому, что польской экономике удалось избежать рецессии в кризисные 2009–2010 гг., в значительной мере способствовали деньги, выделенные Евросоюзом. Около 20% среднегодового роста стало результатом совместного с ЕС инвестирования. ВВП в Польше составил 67% от среднеевропейского. На 8% вырос показатель занятости поляков в возрасте от 20 до 64 лет⁷. По данным министерства финансов РП, за десять лет членства в ЕС Польша получила от Брюсселя 61 млрд. евро, главным образом в рамках политики так называемой «экономической общности», а также совместного сельскохозяйственного развития. Суммы, полученные Польшей от ЕС, сравнимы с теми, которые страны Западной Европы получили после Второй мировой войны в рамках «плана Маршалла»⁸. Можно уже говорить о целом секторе экономики, возникшем благодаря помощи Евросоюза.

Объем экспорта рос высокими темпами, положительно сказываясь на развитии экономики в целом. Кардинально изменилась географическая и товарная структура польской внешней торговли. Основными партнерами Польши стали Франция, Германия и США. Экспорт в Германию, которая является главным покупателем польских товаров, составляет сейчас 24,2 млрд. евро. За последнее время на 7,4% увеличился товарооборот с Италией. На 21% вырос экспорт в другие развитые страны, не входящие в ЕС. Доля России за период трансформации резко сократилась, однако с 2000 по 2006 гг. российско-польский торговый оборот возрос че-

трехкратно. За последнее время объем экспорта в Россию сократился на 10,5%. Товарооборот с Украиной снизился еще больше, на 25–27%⁹.

Наиболее проблемной сферой материального производства в Польше по-прежнему остается сельское хозяйство. На частный сектор в Польше традиционно приходилось 70–80% сельскохозяйственных земель и всего производства. Поэтому приватизация здесь носила ограниченный характер и коснулась лишь земель, ранее принадлежавших государственным и кооперативным хозяйствам (примерно 15% сельхозугодий). Однако вскоре стало очевидно, что собственность на землю в том виде, в каком она сформировалась в условиях социалистической системы хозяйствования, сохранила лишь формальные признаки частной, поскольку через систему производственной и снабженческо-сбытовой кооперации она была органично вписана в систему социалистических производственных отношений на селе. Поэтому внедрение рыночных механизмов, модернизация сельхозпроизводства остаются серьезной проблемой экономической политики. Однако известный польский экономист и политик Л. Бальцерович полагает, что поляки «склонны недооценивать масштаб перемен, уже произошедших в польской деревне». Есть целая группа фермеров, модернизирующих свои хозяйства. Большим подспорьем стала модернизация агропищевой промышленности, которая превратилась в Польше в весьма важную отрасль. Была завершена также необходимая приватизация государственного сектора сельского хозяйства¹⁰.

Сильным стимулом реформ являлась цель – вступление в Евросоюз. Активную подготовку к этому процессу Польша начала с середины 90-х годов. В качестве первоочередной была определена задача адаптации национального законодательства к нормативам ЕС, означавшая принятие примерно трех тысяч по существу новых законодательных актов. Несколько медленнее шел процесс адаптации к европейским требованиям в сфере экономики. Это обстоятельство объясняется в первую очередь значительным разрывом в уровнях развития польской и средневропейской экономики. Тем не менее к моменту вступления Польши в ЕС в мае 2004 г. качественные характеристики экономического развития страны практически соответствовали критериям Маастрихтских соглашений. За последние 25 лет поляки продвинулись с уровня одной трети средневропейского дохода до двух третей. Однако Польша и сейчас беднее самых бедных стран старого Евросоюза –

Португалии и Греции. По данным опроса ЦИОМа, 89% поляков одобряют членство Польши в ЕС. Десять лет назад, когда Польша только вступала в ЕС, такой точки зрения придерживались лишь 39% респондентов¹¹. В Польше отмечается среднее по Евросоюзу неравенство доходов. Доходы 20% самых богатых людей в 4,9 раза выше доходов самых бедных¹². Самые высокие доходы – у лиц, занятых в сфере информационных технологий, самые низкие – у тех, кто работает в сфере науки, культуры, искусства. Количество поляков, проживающих за границей, по сравнению с 2002 г. увеличилось на 1,4 млн¹³.

В последние годы правящие круги в Польше уделяли особое внимание повышению эффективности экономики, полагая, что рост национального дохода автоматически решит все основные социальные проблемы или, по крайней мере, даст средства для смягчения высокой социальной цены этой стратегии. Независимо от того, какие партии находились у власти, они реализовывали одну и ту же стратегию развития, хотя левые партии делали более сильный акцент на социальных проблемах.

Шоковая терапия преодоления экономического кризиса и перехода к рыночной экономике, примененная в Польше, обострила социальные проблемы, однако примеры бывших соцстран, выбравших отличную от шоковой стратегию преобразования экономической системы, явно доказывают, что социальная цена таких стратегий также значительна, а часто она даже выше цены шоковой стратегии.

Таким образом, в Польше много разочарованных в свободном рынке. С психологической точки зрения это объясняется тем, что в политической мысли «Солидарности» или шире – оппозиции, не было четко разработанной программы поворота к свободному рынку, и не только потому, чтобы не быть сдвинутыми на позиции, не приемлемые коммунистами. В мышлении оппозиционных элит, с 1960-х годов вплоть до переговоров «круглого стола» в 1989 г., доминировали различные концепции демократического социализма. Форсированный скачок от этого близкого социал-демократической мысли течения к свободнорыночному либерализму застал рабочих и другие слои польского общества врасплох. Как замечает бывший известный оппозиционер К. Колаковский, «у свободного рынка есть свои тяжелые стороны. Но ликвидация свободного рынка – гораздо большее несчастье»¹⁴. Все же к несомненным достижениям польских реформаторов следует отне-

сти следующее: им удалось сохранить на социально приемлемом уровне основные виды социальных пособий и создать систему социальной помощи для населения, имеющего низкие доходы.

Оценивая результаты 25 лет польских преобразований, следует отметить два исключительно важных достижения: оперативное создание динамичного сектора частного предпринимательства и проведение на законодательном и институциональном уровнях реформ рыночной экономики, которые стали одним из определяющих факторов, обеспечивших вступление Польши в ЕС. Третье важное достижение – это крупная и быстро развивающаяся экспортная отрасль, созданная на основе прямых зарубежных инвестиций и деятельности новых польских частных предприятий. К неудачам, как считает один из польских экономистов Ст. Гомулка, относится сворачивание пенсионной реформы и, как следствие, низкий уровень профессиональной активности поляков, рост трудовой эмиграции, а также отсутствие радикальных изменений в таких сферах, как здравоохранение и образование¹⁵.

Останавливаясь на плюсах и минусах трансформации, отметим, что в представленном балансе не может быть всеобщего согласия. Крупнейшими достижениями поляки считают в первую очередь свободу слова (26%), большой выбор товаров в магазинах (19%), возможность свободно путешествовать (19%). Наиболее серьезным недостатком Третьей Речи Посполитой они называют безработицу (46%) и обнищание населения (22%). В принципе половина жителей Польши считает, что за последние 25 лет условия жизни изменились в лучшую сторону, а одна треть – что в худшую¹⁶. Смена общественного строя в 1989 г. была необходима – так, согласно данным ЦИОМа, считает 71% поляков. 45% опрошенных заявили, что перемены, произошедшие в Польше после 1989 г., принесли больше плюсов, чем минусов, и лишь 15% респондентов придерживались противоположного мнения. В то же время участники опроса крайне негативно оценили ситуацию в социальной сфере, по мнению 61% опрошенных в польском обществе значительно снизился уровень доброжелательности и отзывчивости. При уровне безработицы, который составляет 13%, 28% людей моложе 25 лет не могут найти себе работу¹⁷.

Приватизация означает отход от социализма в его ключевом аспекте. Прогресс проявлялся по-разному в разных областях и в разные периоды. Наиболее эффективными оказались трансформационные действия в следующих областях: внутренняя торговля,

банковский рынок, рынок капиталов, мобильная коммуникация, рынок труда. Медленно проходят реформы в сфере модернизации сельского хозяйства; сырьевой промышленности; в системе образования (сохранение некоторых элементов прежней системы уменьшает шансы молодежи найти свое место на рынке труда); в транспортной инфраструктуре; в правоохранительных органах. К системам, не изменившимся со времен ПНР, следует отнести органы правопорядка и судопроизводства, а также систему страхования. Трансформационная деятельность негативного направления проявилась в разросшейся бюрократии при одновременном отсутствии ответственности за ошибки и бездействие чиновников, а также в сохранении неэффективной, дорогостоящей и обременительной налоговой системы¹⁸.

Коренные изменения произошли и в политической системе, в первую очередь создание реальной многопартийности, обеспечение принципа главенства закона, гарантированные законом права собственности и формирование гражданского общества. В начале 90-х годов многие в Польше были охвачены эйфорией, считая, что достаточно создать сильные демократические институты и механизмы, и действительность изменится едва ли не в один день. Между тем оказалось, что преобразования – это длительный, сложный процесс, в ходе которого нужно воздействовать на человеческое сознание и продемонстрировать преимущества демократии. «Спор о том, может ли существовать в Польше либеральная демократия, – это по сути спор об активности гражданского общества. Невозможно построить демократию, если общество будет пассивно», – заявлял бывший председатель Конституционного суда М. Сафьян¹⁹.

Поляки же все больше теряют интерес к политике. С точки зрения гражданской активности Польша находится на последнем месте среди демократических стран, возникших на руинах советского блока, утверждает проф. Э. Внук-Липиньский. Согласно опросу ЦИОМа, после 25 лет демократии поляки больше всего доверяют армии (74%), полиции (71%) и местным властям (60%), дистанцируясь при этом от Сейма, Сената и политических партий²⁰.

Для партийной системы последних лет по-прежнему характерна определенная нестабильность: исчезают и образуются новые партии, резко колеблются предпочтения избирателей, часто меняется избирательный закон. В политической жизни появляются новые моменты: многое меняется в вопросах политического

маркетинга, уходят в тень конкретные программы партий, в которых еще возможно было какое-либо соперничество по существу, а на первый план выходит пиар. В целом слабые, разделенные на фракции группировки и сложные коалиции заменяются сильными, централизованными объединениями. Вхождение на политическую сцену новой партии может быть очень трудным. Удавшиеся дебюты последних лет («Гражданская платформа» в 2000 г. и «Право и справедливость» в 2001 г.) можно назвать достаточно прочными. Впервые в новейшей истории именно эти политические образования заняли два первых места в досрочных парламентских выборах 2007 г. и в очередных в 2011 г. Это совершенно новое явление на польской политической сцене и, возможно, свидетельство ее устойчивости в будущем.

Таким образом, можно утверждать, что в целом Польша столкнулась с большими экономическими и социальными трудностями переходного периода. Вместе с тем она осуществила постсоциалистическую трансформацию и в основном завершила переход от административно-плановой экономики к рыночной и к парламентской демократии. Была проведена широкая либерализация хозяйственной деятельности и внешней торговли, приватизирована большая часть госпредприятий и начаты масштабные структурные реформы в базовых отраслях экономики. Во все сферы экономики, включая финансовую, открылся широкий доступ иностранному капиталу. Вместе с тем полувековое развитие Польши на основе принципиально иной социально-экономической и политической модели не могло не оставить след в экономике, общественных ценностях и политической культуре страны, что отразилось на особенностях ее трансформации. Реформы еще не завершены. Мысль, что реформы – это бесконечный процесс, красной нитью пронизывает концепцию Л. Бальцеровича: «В условиях современного, глобального хозяйства невозможно стать победителем раз и навсегда, свое место надо постоянно отстаивать в мирной, но жесткой борьбе... Реформы – это необходимое условие прогресса не только переходных, но и состоявшихся, мощных экономик»²¹.

Польше еще далеко до уровня высокоразвитых стран Европы, однако ее прогресс сомнений не вызывает. А это значит, что формы и методы проведения системных реформ здесь себя оправдали. В целом глубокие системные преобразования в Польше бы-

ли проведены в исторически короткие сроки и без длительного периода спада или застоя в экономике.

Примечания

- ¹ Rzeczpospolita. 2007.01.VI.
- ² Rocznik Statystyczny Polski. 2003. S. 581.
- ³ Dziennik Gazeta Prawna. 2014.01.X.
- ⁴ Gazeta Wyborcza. 2014.23.VII.
- ⁵ *Lelen T.* Nieukonczona transformacja. Przemiany klasy sredniej w Polsce: od dynamicznego powstania do roli balastu politycznego // *Studia Polityczne*. 2005. № 17. S. 70.
- ⁶ *Синицина И.С., Чудакова Н.А.* Кардинальные реформы: польский опыт // *Свободная мысль – XXI*. М., 2004. № 9. С.47–62.
- ⁷ Polska. 2014. 30.V–01.VI.
- ⁸ Tygodnik Powszechny. 2014.30.III.
- ⁹ Новая Польша. 2014. № 11. С. 16.
- ¹⁰ Новая Польша. 2004. № 12. С.3–9.
- ¹¹ Gazeta Wyborcza. 2014.30.IV–01.V.
- ¹² Polityka. 2014.5–11.II.
- ¹³ Rzeczpospolita. 2014.24.XI.
- ¹⁴ Беседа с Л. Колаковским // *Новая Польша*. 2005. № 12. С. 3–6; см. также: *Polska w lustrze «Solidarnosci»* // *Mowią Wieki*. 2006.27.I.
- ¹⁵ Rzeczpospolita. 2014.01.V.
- ¹⁶ Gazeta Wyborcza. 2014.30.IV–01.V.
- ¹⁷ *Ibidem*. 2014.14.V; 2013.09.XII.
- ¹⁸ *Lelen T.* Nieukonczona transformacja... S. 68; см. также: Патриот не может пренебрегать политикой. Беседа с Л. Бальцеровичем // *Новая Польша*. 2006. № 9. С. 80–82.
- ¹⁹ Polityka. 2006.03.VI.
- ²⁰ Rzeczpospolita. 2014.03.VII.
- ²¹ *Бальцерович Л.* Реформы нельзя закончить // *Россия в глобальной политике*. Т. 3. № 2. М., 2005. С. 68–70; *Он же*. Против мифов // *Новая Польша*. 2005. № 11. С. 30–33.

Н.В. Коврицына
(Институт славяноведения РАН, Москва)

35 лет революции Солидарности в Польше: история и современность

Abstract:

Korovitsyna N.V. *35 years after the revolution of Solidarity in Poland: history and nowadays*

The author analyses the socio-cultural background and mental mechanisms of the famous Polish revolution of Solidarity – the first among similar “velvet revolutions” in Eastern Europe. Basing on the long-term sociological investigations held in this country, it demonstrates relative stability of the hierarchy of values and civilizational orientations, typical for the whole region during the whole of 35-years system change.

Ключевые слова: Польша, революция сознания, смена общественной системы, социокультурная динамика, солидарность и либерализм.

Польская революция Солидарности августа 1980 г. явилась центральным событием единственного массового общественного движения эпохи дезинтеграции бывшего восточного блока. Она совершила прорыв от социализма к капитализму первой из стран соцсодружества. Это важнейшее историческое событие изначально находилось в центре внимания обществоведов, предопределив начало наиболее яркого периода развития польской социологии, вершина которого пришлась на 1980-е годы. Результаты проведенных исследований позволяют понять не только анатомию социально-политического конфликта того времени, но и современную восточноевропейскую действительность, сформированную тремя с половиной десятилетиями реального капитализма.

Поддержка обществом «социалистического строительства» основывалась прежде всего на надеждах людей на радикальное сокращение социального неравенства путем ликвидации крупной частной собственности, через переход к централизованному планированию экономики, обеспечение равного доступа к образованию и культуре. Соответственно на протяжении послевоенных десятилетий тема выравнивания жизненных шансов оставалась главной в общественных дебатах и интересах исследователей, особенно польских социологов. Уже первые их работы на эту тему, датируемые 1957–1959 гг., продемонстрировали возрастающую сложность реализации радикальной версии эгалитаризма как базисного

принципа общественной жизни, существование расхождений между официальной идеологией и фактической структурой и интересами разных социальных групп. Исследования А. Малевского, А. Са-рапаты, Ст. Новака, В. Веселовского однозначно свидетельствовали, что интересы отдельных групп взаимно противоречат, каждая из них стремится приспособить движение к более справедливому строю к собственным интересам и потребностям. Усилия польских ученых, наиболее интенсивные в 1960-е годы, были направлены на поиски государственных механизмов объединения общества, путей ликвидации структурно-классовых напряжений. В 1967 г. ведущий польский социолог Ст. Новак сформулировал тезис о «противоречии постулата максимизации глобального производства постулату равной доли в ее распределении»¹. Но уже в следующее десятилетие произошел отход от эгалитарных принципов – и в сфере научной мысли, и в политике правящей партии.

Этот процесс совпал с завершением первого этапа социалистической модернизации, результатом которой явился промышленный подъем преимущественно аграрных в середине XX в. обществ восточноевропейского типа² и переход ко второму ее этапу – формированию массовой городской интеллигенции. Как показали события Пражской весны 1968 г., уже тогда в наиболее развитой в восточноевропейском регионе Чехословакии четко обозначилась основная конфликтная линия периода социализма, связанная с его главным достижением, – появлением многочисленных слоев населения, высокий уровень образования которых не соответствовал их уровню доходов и положению в системе власти. В 1970-е годы это противоречие обозначилось в странах региона, где традиционно интеллигенция как своего рода культурная доминанта общества служила социальной альтернативой экономическому господству буржуазии в Западной Европе. Сложившееся противоречие достигло кульминации во время революции Солидарности в Польше и позднее – советской перестройки и «бархатных» революций на всем пространстве бывшего социалистического блока. Именно в предшествующие этим революциям 1970-е годы скачкообразно сформировался разрыв между быстро растущими материальными потребностями возникших к этому времени ведущих социальных групп генерации «социального аванса» – рабочих (их материальные запросы и протестные настроения были выражены в Польше наиболее отчетливо) и интеллигенции – и возможностями общества их удовлетворить. Этот разрыв особенно

проявился с середины рассматриваемого десятилетия, когда везде в регионе завершился период относительного процветания и резко возрос уровень потребностей этих групп.

Польские социологи утверждают, что после Второй мировой войны меритократическая (вознаграждение за заслуги) аргументация была одним из главных инструментов критики государственного социализма³. В основе делигитимизации существовавшей системы власти находилось представление о слабой связи заработка с квалификацией, отличающей социалистическую Восточную Европу от капиталистического Запада, где, как считалось в кругах «новой интеллигенции», царила распределительная меритократия. Ожидание роста корреляции образования и вознаграждения явилось центральным пунктом «революции повышенных ожиданий», как называли в Польше движение Солидарности. То, что эта страна оказалась в авангарде перемен, связано с особенно большой долей здесь представителей послевоенного демографического бума, сформировавшегося в период социализма («дети Народной Польши»), а также с традиционным романтическим и постромантическим компонентами польской политической культуры, что дало еще одно определение революции Солидарности как «лебединой песни польского романтизма»⁴.

На основе эмпирических исследований, проведенных в Польше в разные годы, специалистами точно установлены отдельные этапы революционных социокультурных сдвигов, приведших в конечном счете к смене систем в 1989 г. Так, усиление расхождений статусных позиций (образование, доход, руководящая позиция) или статусная неконсистентность (несогласованность) обозначились в 1965–1980 гг., но особенно отчетливо – в 1976–1980 гг.⁵ В то же самое время представление о справедливом вознаграждении в обществе не росло, а только снижалось. Причем эгалитарные установки усиливались, а вместе с ними укреплялся антагонистический социальный дискурс⁶. Обнаружено также, что ощущение страха и низкая самоуверенность в конце 1970-х годов предопределял высокий уровень образования и «плюрализм позиций» или их «декомпозиция», характерные прежде всего для первого поколения интеллигенции.

Смысл «революции сознания» или моральной революции в преимущественно традиционалистической социокультурной среде, которая существовала в Польше в начале 1980-х годов, сводилась к «реструктурированию восприятия социальных неравенств»

(М. Буховский) на фоне дестабилизации общественного сознания, прежде всего сознания горожан и «новой» интеллигенции в самом начале 1980-х годов, сразу после эгалитарных по своей сути выступлений Солидарности в августе 1980 г. В основе их находился протест против нарушения коммунистической властью принципа социальной справедливости. Люди вдруг единодушно поверили в справедливость неравенства⁷. Точно установлено, что в период 1981–1984 гг. умами прежде всего высокообразованных слоев овладела ориентация на неэгалитарные принципы общественной жизни, на необходимость значительной дифференциации зарплат в зависимости от уровня квалификации. В среде «новой» интеллигенции возобладала уверенность в своих материальных преимуществах в условиях рыночной экономики. Этот феномен сыграл решающую роль в фактически свершившейся капиталистической революции в Польше ко времени начала советской перестройки, во многом предопределив ее сценарий. Политические преобразования 1989 г. лишь институционально закрепили произошедшие в обществе перемены. Причем любопытно, что по сравнению с «бунтарским» периодом рубежа 1970–1980-х годов в условиях ухудшения материальной ситуации в середине 1980-х годов претензии к общественной системе резко сократились. Можно говорить о наступившем изменении политической философии в стране.

Согласно последним оценкам, «Польский Август» стал критическим пунктом, исключая возможность поворота к прежнему строю. Его социально-историческое значение заключалось в мобилизации субъектов контркультурного движения, сумевшего мобилизовать миллионы жителей страны вокруг символов преимущественно морального характера, ключевым среди которых оказалась необходимость возвращения утраченного человеческого достоинства⁸. Возникла разновидность нового общественного движения, объединившего «протестантов» из социальных групп, сформированных самими процессами социалистической модернизации, которых можно считать «выигравшими» от развития в тот период. «Горячие дни» августа 1980 г. явились случаем именно культурной революции, осуществленной «исключительным поколением общественного протеста». В Польше, которая заслужила название «необычной макролаборатории проведения широкомасштабного естественного общественного эксперимента», первой в регионе

Центральной и Восточной Европы стала возможной легитимация импортированной идеологии либерального капитализма⁹.

Эгалитаризм, чрезвычайно сильный в Польше во время революции Солидарности и сыгравший ключевую роль в ее победе, последовательно снижался здесь вплоть до 1991 г. Затем, особенно после 1995 г., по мере столкновения людей с новой реальностью, их стремление к равенству социальных шансов вновь начало возрастать¹⁰. Тем более в Польше, где в начале XXI в. уровень неравенства в обществе был выше, чем в соседних центральноевропейских странах – Чехии, Словакии, Венгрии. Иерархию доходов возглавляли собственники предприятий, значительно опережавшие специалистов и управленцев¹¹.

В настоящее время восточноевропейцами наиболее остро осознается дефицит именно традиционно наиболее важных для них социальных прав. Беспокойство вызывает ухудшение условий социального продвижения по сравнению с периодом до 1989 г.: распространено представление, что «бархатная» революция не привела к ожидавшемуся равенству возможностей на основе трудового участия¹². Вместе с тем субъективная важность политических и гражданских прав, получение которых в 1980-е годы сыграло столь важную роль в ходе рассматриваемой революции или сдвиге в массовом сознании прежде всего молодой восточноевропейской интеллигенции, явно сократилась. Демократия воспринимается в основном как личная свобода и гораздо реже – как активное гражданское участие в условиях отчуждения подавляющего большинства населения посткоммунистических стран от политики и политиков, недоверия им. Способность же простых людей влиять на политические решения, по массовым оценкам, скорее сократилась по сравнению с периодом до 1989 г.

На этом фоне особенно интересны ключевые процессы социокультурной динамики обществ восточноевропейского типа в период либеральной трансформации. Образовательная компонента, что подтверждают польские данные, по-прежнему сохраняет ключевое значение в процессах развития обществ рассматриваемого типа. Однако, как свидетельствуют результаты опросов, происходит дальнейшее снижение значения образования как способа достижения высоких социально-профессиональных позиций – положения на рынке труда и карьерного механизма. Рыночная ценность образования сокращалась в условиях экспансии высшего образования и значительного роста числа выпускников вузов.

Сдвиги в социально-профессиональной структуре не соответствовали образовательным. Это несоответствие, впервые проявившееся во втором послевоенном поколении у «новой» восточноевропейской интеллигенции (рожденных в 1950-е годы), лишь усилилось в следующей генерации – поколении времени рыночных реформ и демократизации. Согласно польским данным 1988–2003 гг., произошло снижение зависимости между образованием и профессиональным статусом, достигаемым после завершения учебы¹³. Т.е. после смены систем вузовский диплом предоставлял значительно меньше шансов перехода в категорию управленцев высокого ранга или специалистов. Высшее образование перестало гарантировать восходящие социальные перемещения. Это означает, что системные сдвиги не привели к снятию социальных барьеров – «открытости» социальной структуры. Межпоколенческая мобильность в Польше с начала 1980-х годов не возросла. Показательно также, что сохранялись образовательные барьеры при заключении брачных союзов (зависимость уровня образования супругов) и образовательная гомогамия дружеских связей.

Переломные годы общественной трансформации рубежа XX–XXI вв. ясно характеризовала динамика сдвигов в иерархии престижа профессий как явления общественного сознания – традиционной сфере социологических исследований в странах региона. Переход к капитализму и демократии должен был бы увеличить престиж представителей мира бизнеса и политиков. Однако на практике рассматриваемая иерархия в восточноевропейской среде отличалась относительной стабильностью на фоне знаковых для данного периода сдвигов в оценках отдельных социально-профессиональных категорий.

Так, социологи регистрировали значительное падение престижности управленческих позиций – министра, а особенно депутата парламента до низших уровней иерархии. В списке из 36 профессий в Польше депутат оказался на второй снизу позиции, а министр на третьей – перед деятелем политической партии. В нижней половине иерархии престижа расположились и представители местной власти. В то же время, по результатам польских исследований 2004–2008 гг., стабильно, как и в период социализма, возглавлял иерархию престижа профессор университета, за которым следовали такие общественно значимые специальности, как врач, учитель, шахтер и медсестра. В первом десятке оказались также инженер и программист. Т.е. наибольшим уважением, не-

смотря на кардинальные системные – политические и экономические – сдвиги, продолжают пользоваться интеллигентские социальные категории, ценимые за высокий уровень образования, квалификацию и потенциал знаний. Речь идет о социальных категориях, традиционно выполняющих в сознании восточноевропейцев важную общественную миссию. Это означает, что сохранялась культурная доминанта общества восточноевропейского типа даже в условиях интенсивной материализации сознания, сопровождавшей процессы экспансии рынка и западной потребительской культуры.

Во второй половине прошедшего десятилетия в Польше особенно выразительным был рост престижности профессии врача (в более прагматичной Чехии эта профессия в последние годы самая престижная), который вернулся на высокую позицию, характерную для него в 1980-е годы. Сразу вслед за ним следовала профессия медсестры. Поляки не перестали высоко оценивать шахтера – главного «героя» периода социалистической индустриализации – за его труд и небезопасную деятельность. Вместе с тем в последнее время регистрировался спад престижа профессора социологии, с которым общество очевидно связывает попытку искусственного «конструирования» общественного мнения, а также профессора историсоциологии.

Итак, если говорить об изменениях в общественном сознании за годы рыночно-демократических реформ, то главными оказались сдвиги в оценках профессий, связанных с властными, руководящими позициями, однако в направлении, противоположном ожидавшемуся, как результат участвовавших коррупционных афер и распространения в обществе убеждения о низкой компетентности управленческо-политического класса.

Другая социальная категория, испытывающая дефицит общественного признания поляков (и, конечно, не только их), – представители бизнеса, что также служит ясным показателем неизменности культурной доминанты «нематериального» восточноевропейского человека, сохранившего специфический досовременный тип сознания, сочетающийся с элементами постсовременности, и после двух этапов модернизации – социалистической и либеральной. По завершении рыночных реформ собственник крупного предприятия оказался в нижней половине престижной иерархии, его опередил владелец небольшого магазинчика, что свидетельствовало о глубоко укорененном недоверии человека вос-

точноевропейского типа к людям богатым и в целом к рыночной экономике. Негативную оценку вызывал уже сам факт существования крупной частной собственности¹⁴.

В целом, что касается носителей управленческих позиций, люди сейчас отдают приоритет «организационной власти» перед политической. Они ценят компетентность и ответственность в управлении предприятиями: по сравнению с началом рыночной трансформации директор предприятия переместился с 15 на 5 место. В то же время нынешнее отношение к политическим деятелям является результатом «несостоявшихся общественных ожиданий», а не незрелости польской демократии, с переходом к которой поляки связывали столько надежд в эпоху революции Солидарности¹⁵.

Динамика общественного сознания восточноевропейского типа в прошедшие 35 лет свидетельствует главным образом о постоянстве сложившихся еще к началу 1980-х годов – моменту завершения так называемой консервативной модернизации на пространстве Восточной Европы – механизмов функционирования социальных барьеров и межпоколенческого наследования социальных позиций, о сохраняющемся характерном для восточноевропейцев представлении об определяющем влиянии образования на профессиональные позиции и уровень доходов. Тем более в условиях обозначившегося еще в 1970-е годы падения значения «финансовой отдачи» высшего образования, лишь усилившегося после смены систем. Период позднего социализма, как и раннего капитализма, показал дефицит принципиальных сдвигов в общественной структуре. Одновременно в культурной сфере по завершении «строительства капитализма» на первый план спустя три с половиной десятилетия после революции Солидарности вновь вышла возникшая в общественном и интеллектуальном дискурсе дихотомия «солидарность – либерализм» как проявление цивилизационной специфики двух частей европейского континента. «Великая перемена», свершившаяся в менталитете прежде всего «новой» интеллигенции на всем восточноевропейском пространстве четверть века назад, а в Польше еще на 10 лет раньше, продемонстрировала относительную неизменность его региональной идентичности, стремление вернуться к которой набирает силу в начале нового века. В основе этой идентичности по-прежнему лежит идея общественного единства, социальной сплоченности и солидарности, опирающаяся на принципы равенства и справедливости.

Примечания

¹ Nowak St. Głos w dyskusji w: Problemy przewidywania przyszłości a model kultury // Kultura I Społeczeństwo. 1967. № 4.

² В довоенной Польше доля крестьянства составляла 60% в общей численности населения. Но и в наши дни на них приходится 8,6% – один из наивысших показателей среди стран Европы. Domański H. Społeczeństwa europejskie. Stratyfikacja i systemy wartości. Warszawa, 2009. S. 25, 40.

³ Jasiński K. Deficit merytokracji i legitymizacja władzy politycznej // Legitymizacja w Polsce. Nieustający kryzys w zmieniających się warunkach? Warszawa, 2010. S. 89.

⁴ См.: Коровицына Н.В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М., 1999.

⁵ Mach B. W., Sadowski I. Strukturalne źródła napięć społecznych: wnioski z przeszłości // Kulturowe aspekty struktury społecznej. Fundamenty, konstrukcje, fasady. Warszawa, 2010. S. 129.

⁶ Koralewicz J. System wartości a struktura społeczna. Wrocław, 1974; Zaborowski W. Postrzeganie społecznych nierówności. Z badań nad świadomością społeczności wielkomińskiej. Warszawa, 1988.

⁷ Скачкообразный спад поддержки принципа полной занятости произошел в Польше в 1980–1981 гг. в ситуации социально-политического хаоса, незадолго до введения военного положения в декабре 1981 г. Одновременно люди отказывались от другого краеугольного принципа своей жизни, лежащего в основе общественного строя того времени, – необходимости ограничения «потолка» заработка. С идеей рынка стали ассоциироваться надежды на лучшее, более обеспеченное будущее. – Коровицына Н.В. Первая восточноевропейская революция сознания (польская ретроспектива) // Реформы и революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011. С. 486.

⁸ Kubik J. Who done it: workers, intellectuals or someone else. Controversy over Solidarity's origins and social composition // Theory and society. 1994. Т. 23. Любопытно, нынешние события на Украине также получили название «революции достоинства». Вспомним также, что стержень советской перестройки составляло возвращение к общечеловеческим ценностям.

⁹ Fenomen “Solidarności” i zmiana ustroju. Polacy 1980–2011. Warszawa, 2014. S. 12.

¹⁰ Адамский В., Заборовский В., Пелчинска-Налэнч К. Динамика структурного конфликта в ходе смены системы: Польша в 1980–2000 гг. // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 56.

¹¹ Domański H. Społeczeństwa europejskie. S. 141.

¹² Коровицына Н.В. Четверть века после «бархатной революции»: как живете, словаки? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2.

¹³ Domański H. Podstawowe tendencje w stratyfikacji społecznej: Polska 1982–2008 // Kulturowe aspekty struktury społecznej.

¹⁴ Ibid. S. 37.

¹⁵ Ibid. S. 39.

IV. Военная тема в славянских литературах

Н.Д. Блудилина

(Институт мировой литературы РАН /
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Генезис и поэтика архетипа воина в древнерусской литературе

Abstract:

Bludilina N.D. *Genesis and Poetics of the warrior archetype in the ancient Russian literature*

The article deals with the problem of the genesis and poetics of the warrior archetype in the ancient Russian literature of different genres (Chronicle, teaching, lives, word, chronograph) and eventually identifies such «roots», as folklore, Biblical, classical, European Middle Ages and national literary tradition of the first hundred years. The system, it suggests, falls within general trends of development of the literary process of the old Russian literature.

Ключевые слова: древнерусская литература, Повесть временных лет, Поучение Владимира Мономаха, Слово о полку Игореве, Житие Александра Невского, Александрия, Прение живота со смертью, генезис, поэтика, архетип, воин, мужество, отвага, премудрость.

Древнерусский «субстрат» буквально пропитывает поэтику русской литературы нового времени¹, особо актуальной является продолжение и развитие неисчерпаемой темы ратного подвига² во многих замечательных произведениях³, достаточно упомянуть эпопею Л.Н. Толстого «Война и мир». В Ипатьевской летописи за 1148 г. сказано: «Мир стоит до рати, а рать до мира»⁴, и новейшая история свидетельствует, что, увы, наша действительность по-прежнему дает драматичный материал для этой темы в литературе. Проблема генезиса и поэтики архетипа воина в нашей начальной словесности в связи с выше сказанным представляет особую важность и актуальность. Проанализировав историю вопроса мы выявили, что объектом изучения чаще всего являлись воинские повести⁵ и княжеские жития⁶, исследователи касались в своих работах лишь общих аспектов указанной проблемы⁷.

В данной статье в качестве объектов текстологического анализа мы выбрали произведения древнерусской литературы разных жанров (летописи, «поучения», жития, «слова», «хронограф») и конкретизировали задачи и аспекты исследования для более точного решения заявленной проблемы.

Обратимся к истокам русской словесности – «Повести временных лет», самому значительному произведению Киевской Руси, обладающему исключительными особенностями: «патриотической возвышенностью рассказа, широтой политического горизонта, живым чувством народа и единства Руси» утверждением «значения русского народа в мировом историческом процессе»⁸.

Нестор приводит в летописи много примеров ратного подвига древних русичей⁹. Проанализируем следующий эпизод нашей древнейшей истории, описанный в «Повести временных лет»: «хозары» нашли полян, «сидящими» на горах в лесах «над рекою Днепром» и велели платить им дань, посоветовавшись, наши предки «дали от дыма по мечу», «хозары» отнесли их к своему князю и к своим старейшинам и сказали им, что «новую дань нашли мы» и показали меч, и сказали старцы «хозарские»: «Не добра дань та, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи: станут они, когда-нибудь собирать дань и с нас. И с иных земель»¹⁰. Летописец Нестор далее констатирует: «И сбилось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, а по Божьему повелению»¹¹. Далее он подтверждает сказанное, ссылаясь на священную историю, что так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона, что этот унизит когда-нибудь Египет: «Так и случилось. [...] Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хозарами и по нынешний день»¹². Вывод относительно воинского духа наших предков однозначен: стойкость и непобедимость, здесь и далее главный ее символ (а не просто некий брутальный «атрибут» воина) – меч, «как дань», которую получают завоеватели пришедшие на русскую землю. Отсылка к библейским событиям¹³ придает этому художественному утверждению летописца особый статус сакральности, вечной сущности, прозреваемой в земном событии.

Другой характерный для нашей темы легендарный известный эпизод летописи – поход дружины князя Святослава на греков, унизивших Русь коварством и данью. У врат Царьграда сош-

лись 10 тыс. русского войска против 100 тыс. греков. Нестор честно описывает испуг русских воинов, увидевших «великое множество» их воинов, и приводит исторически значимые слова князя Святослава: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не знают позора. Если же побегим – позор нам будет. Так не побегим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь», и достойный ответ русских воинов: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим»¹⁴. Летописец в этом лаконичном описании эпизода главную идейно-эмоциональную доминанту «отдал» мужественным речам воинов, которые их характеризуют лучшим образом. Мы видим здесь важное исконное качество мужества русского воина: принимать сражение даже в абсолютно неравных и пагубных условиях, сознательно идти на смертный бой, готовность «головы сложить», но не посрамить свою воинскую честь: позор страшнее смерти. Благодаря этому героизму всегда будет победа «за нами»: «И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали»¹⁵. Рассмотренные эпизоды относились к эпохе язычества, с Крещением Руси наступает качественно иная эпоха с другим христианским мировоззрением¹⁶, иной взгляд русской словесности и на главные достоинства воина.

От летописного эпоса перейдем к другому жанру – к «Почению» Владимира Мономаха (из Лаврентьевской летописи 1117 г.)¹⁷. Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125), с 1113 г. князь Киевский, всю жизнь провел в борьбе с половцами, против которых организовал несколько походов объединенных сил русских князей¹⁸, но при этом идейным лейтмотивом его «Почения» является вовсе не воинственность, а милосердие, что подтверждается цитатой из «Псалтыри»: «Кроткие же наследуют землю и наслаждаются миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрывает на него зубами своими; господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заковать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. [...] Ибо сила грешных сокрушится, праведных укрепляет же господь. Ибо грешники погибнут, – праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие Его наследуют землю, кланяющиеся же Его истребятся. Господом стопы человека направ-

ляются»¹⁹. В соответствии с этим спокойно и достойно, почти буднично рассказывает автор «Поучения» о своих военных подвигах и победах, как о констатации свершившегося наказания «грешных», поднявших оружие против «праведных»: «...и много бед приняли мы от войны...»²⁰, «А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей»; и главное для него, христианина: «И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать...»²¹. Среди «сокрушенных» злоумышленников оказались и свои князья, кто с врагами-половцами вступил в союз и разорял Русскую землю ради своего властного честолюбия: «... и Бог нам помог, и полки их победили»²². Далее Владимир Мономах приводит слова библейского пророка: «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе», и по-христиански заключает: «Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому»²³.

Стоическая жизнь автора «Поучения» – лучший пример потомству: «...сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя»²⁴. Владимир Мономах воин-христианин, это единство качеств он и передает в своем наставлении: «Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога велено»²⁵. Христианство вносит новое качество²⁶ отношения русского воина к жизни и смерти: «Божие обережение лучше человеческого»; «А мы что такое люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты»²⁷; но сохраняется и исконное, как в летописях: «Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших»²⁸.

«Слово о полку Игореве», написано в конце XII в. – вскоре после похода Игоря Святославовича Новгород-Северского на половцев в 1185 г. Об идейной стороне «Слова» и о его художественной форме накопилась огромная литература²⁹. В этом произведении очень сильна фольклорная основа, и, вместе с тем, оно тесно связано с книжностью своего времени³⁰. Это произведение лирическое и эпическое одновременно. «Слово» в сильнейшей степени повлияло на памятник XV в. «Задонщина». Поэтичность «Слова» захватила многих русских поэтов. В русской поэзии неоднократно отражения образов «Слова», его мотивов, метафор, приемов речи и т.п.³¹

В этом поэтическом шедевре древнерусской словесности заключены горькие раздумья автора о судьбах Русской земли, ибо описывается страшное поражение княжеской дружины, такое было впервые: войско почти все было уничтожено и князь Игорь ранен и захвачен в плен.

Поэтика «Слова» построена на контрастах света, озаряющего радости предвкушения воинской победы и тьмы, предсказывающей и укрывающей трагедию поражения и унижения, что создает особый драматизм повествования о русском князе-воине. В начале «Слова» нам показано войско князя Игоря в полной боевой готовности, это поэтически высоко и пафосно воссоздано благодаря точным и ярким фольклорным сравнениям и метафорам: «А мои-то куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, а с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы»³².

Но по пути к битве в чужих пределах настигает иная стихия – тьмы: «Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стенами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встретился Див, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой ... Тмуроканский идол»³³. Психологически точно нагнетается у читателя предчувствие будущей трагедии. Возможна сложная двойственность интерпретации текста: как преодоление враждебных человеку природных (языческих!) стихий или предупреждение всего Божьего мира о неминуемом поражении: «А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клетотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты»³⁴.

В описании первого победного сражения княжеской дружины, когда «потоптали они поганые полки половецкие...», алый свет зари озаряет червленые щиты воинов, знаки воинской победной славы князю Игорю: «Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчуг, серебряное древко»³⁵. Солярное начало вдохновляет воинов и венчает их победу. Огненная энергия ярости (Ярило-солнце) воина в бою – чистая поэзия отваги, ратного подвига вне забот «мира сего»: «Яр Тур Всеволод! Бьешься ты впереди, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда Тур поскачешь, своим золотым шлемом посвечи-

вая, – там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными, Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, свычай и обычай!»³⁶ Святость ратного подвига воина – то же творчество духа, выход за иные пределы «мира сего», трансцендентность и великое искупление. В имени воина «Буй Тур Всеволода» – фольклорная аллегория его мужества: тур первобытный бык, зубр, в Древней Руси символ мужества и могучей силы. Спрягая описываемые события и прошлое, автор «Слова» вспоминает и военные подвиги отцов: «Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были и войны Олеговы...»³⁷ – даны три этапа русской истории: языческие времена, Ярославово время, как время христианской и единой Руси, и время междоусобий Олега «Гориславича»³⁸.

На поэтику и семантику «Слова» влияет и фольклорное восприятие автором истории,³⁹ и соответственно ратного подвига «русичей». Когда описывается, что на третий день битвы «пали стяги Игоревы», и ритм, и пафос, и поэтическая фольклорная символика «Слова» меняется на трагический лад: «...тут кровавого вина недостало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а древо с тоскою к земле приклонилось»⁴⁰. Метафоры «кровавое вино», «пир» и психологический параллелизм «жалости» природы к павшим художественной образности в этом фрагменте текста сродни поэтики «плачей» народного творчества. Фольклорная поэтика и далее в «Слове» присутствует при описании пленения русских князей Игоря и Всеволода и княжичей: «Уже соколам крылья подсекли саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись»⁴¹. Эти трагические образы из речи бояр замечательно вписываются в продолжение мистической символики «смутного сна», который привиделся Святославу: «...одевали меня, говорит, черным саваном на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное», и «горе ум полонило»⁴². В народной поэзии подобное воплощение горя, злой судьбины, кручины встречается очень часто. Но здесь входит в повествование и другое, сущностное для «Слова» – мистическое, трансцендентное: «Уже пала хула на хвалу; уже ударило на-

силе по свободе; уже бросился Див на землю»⁴³. Явлен вновь образ того таинственного «Дива» (исследователи так и не сошлись во мнении, кто это мифическое существо⁴⁴, которого можно трактовать и как «змия-искусителя»), который в начале пути князя Игоря, пророчески кликал на вершине дерева, велел «послушать земле неведомой».

Профетическое значение «Слова» в контексте христианской историософии отмечалось исследователями⁴⁵, но без сопряжения с народной мифологической основой, что дает особый двуединый сплав глубины и многозначности художественного мировидения автора повествования о трагедии «розни» и своеволия в русском мире, что порождает «хулу», насилие и несвободу, когда «худо времена обернулись» («бросился Див на землю»). И тогда властвует смерть, жнет и сеет: «снопы стелят из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела», «берега не добром были засеяны, засеяны костями русских сынов»⁴⁶. Что и произошло на Немиге с русской дружиной, ибо славные воины князя Игорь и Всеволод, чьи «крепкие сердца из крепкого булата скованы и в отваге закалены»⁴⁷, проиграли битву, проявив своеволие, чтобы «себе славы искать», и отсутствие мудрости стратегической, рано они начали «Половецкой земле обиду творить», до объединения сил русских княжеств воедино.

Автор и призывает в заключительной части «Слова» русских князей, славных своей храбростью и подвигами: «Вступите же, господа, в золотое стремя, за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!»⁴⁸. В обращениях даны замечательные по своей яркости портретные характеристики каждого князя-воина, вместе они служат собирательным образом лучших качеств и воинских деяний русских витязей: «воины злачеными шлемами в крови плавали», «храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными, на поле незнаемом»; «храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг»; «Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть»; «меча бремена через облака», «стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями»⁴⁹. Слова вещего Баяна приводятся в поучение будущим воинам: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда Божьего не миновать!»⁵⁰ Богу угодно – братское единение воинов, соборность лучших – сила, которую не одолеть врагу.

«Житие Александра Невского» («Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра») создано в начале 70-х годов XIII в. в стенах Владимирского Рождественского монастыря, где князь Александр был похоронен⁵¹; литературные приемы юго-западной, галицкой школы; автор предположительно владимирский монах⁵², ранее из числа домашних слуг князя: «сам был домочадцем и очевидцем жизни его» и он «рад был поведать о святой и благородной и славной его жизни»⁵³. И в первых же строках жития он утверждает главное духовное качество могущества святого князя-воина⁵⁴ – премудрость, указывая из «Книги притчей Соломоновых»: «В лукавую душу не войдет премудрость: становится она на высоких местах, стоит же посреди дорог, у ворот могущественных мужей садится»⁵⁵. В портрете-описании героической внешности князя Александра автор дает сравнения с библейскими образами: «...ростом он был выше других людей, и голос его – как труба в народе, лицо же его – как лицо Иосифа...Сила же его была частью силы Самсона. И дал ему Бог премудрость Соломона, а храбрость его – как у царя римского Веспасиана, который пленил всю землю Иудейскую»⁵⁶. Он – царь «среди царей» и князь «среди князей» даже для врага из «Западной страны»*, как подчеркивает владимирский монах⁵⁷.

По словам автора «Жития», поэтому, «возгордившись» и «влекомый безумием», шведский король (Эрик Эрикссон) посылает вызов к князю Александру: «Если можешь, то сопротивляйся мне, – я уже здесь и беру в плен землю твою»; и отправляет в поход войско под предводительством своих ярлов (Биргера и Ульфа Фаси)⁵⁸. Гордыня и безумие врага будут вскоре наказаны, ибо «Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, Ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!»⁵⁹, – сказано и осознано как заповедь в молитве «премудрого» князя Александра в соборе св. Софии перед Невской битвой. Он уповает на божественную защиту, вспоминая слова псалма: «Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мною, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне»⁶⁰. Другая священная заповедь русского воина-князя: «Не в силе Бог, а в правде»⁶¹, с которой он обращается к своей небольшой дружине, духовно наставляя и ободряя ее перед походом на иноземное великое войско,

---

* Андреас фон Фельвен, магистр Ливонского ордена рыцарей крестоносцев.

упомягая и слова «Песнотворца», библейского царя Давида: «Иные – с оружием, иные – на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо»⁶². Далее автор разовьет эту священную мысль, сопоставив: «У князя Александра было так же много храбрых мужей, как в древние времена у Давида царя...»⁶³. И ответ «храбрых мужей» в согласии с евангельской заповедью: «О княже наш славный! Ныне настало время нам положить свои головы за тебя»⁶⁴.

Невская битва произошла 15 июля 1240 г., в «Житии» это сражение описано лаконично, но ярко и образно: «И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество. [...] и раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замершее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью»⁶⁵. Лично Александр Невский «самому королю возложил печать на лицо острым своим копьём»⁶⁶. Автор «Жития» намекает на обычай древних римлян ставить знак собственности – клеймо на лицо своего раба – и дает читателю понять, что предводитель «римлян» попал в положение раба русского князя, ранее «безумно» мечтавший стать властителем русских земель. Таковыми же рабами русского войска стали пленные воины шведского войска, кто называл себя «божии рыцари», и «которых вели босыми возле коней их»⁶⁷. В «Житии» представлена зеркальная композиция развития событий: возгордившиеся, вступившие в чужие пределы и похвалявшиеся захватить Русскую землю воинственные латиняне побеждены силами малой русской дружины благодаря тому, что «мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были как у львов»⁶⁸.

Особо отмечает автор «Жития», что в полку Александровом отличились «шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним», и дает достоверное описание, со слов участников битвы, их воинских подвигов: «Один – по имени Гаврило Олексич» напал на вражеское судно, «бился крепко с самим воеводою, окруженным воинами»; «Другой – новгородец, по имени Сбыслав Якунович, не раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своем. И многие пали от руки его и подивились силе его и храбрости»; «Третий – Иаков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь»; «Четвертый – новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян»; «Пятый – из младшей дружины, по

имени Савва. Этот напал на большой, златоверхий шатер и подрубил столб шатерный. Воины же Александровы, увидев падение шатра, обрадовались»; «Шестой – из слуг его, по имени Ратмир. Этот бился пешим и окружило его много врагов. Он же от многих ран пал и скончался»⁶⁹.

Ранее мы видели изображение образов князей-воинов в «Слове о полку Игореве» иного художественного качества, там была возвышенная фольклорная поэтика. В «Житии» всё более приземлено и реалистично: нет ни ярких метафор и сравнений, лишь скупые детали и конкретные действия в описании ратных подвигов «мужей храбрых»; неизменно осталось лишь их сущностное отличие от прочих смертных – главные их воинские качества – стойкость, мужество, отвага, смекалка.

В «Житии» представлена зеркальная композиция развития не только реальных событий, но и мистических. В начале повествования малой русской дружине в поддержку спешит небесная помощь, которую дано зреть крещенному старейшине земли Ижорской Пелгую, мужу богоугодной жизни: «...услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посередине ладьи – святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутаны облаком. И сказал Борис: “Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру”» (Борис и Глеб считались военными покровителями Русской земли)⁷⁰. Упование на святую Троицу в молении князя Александра Невского мистически воплощается в действие: «...было чудо дивное, как в древние времена при Езекии царе»⁷¹. Переключка с библейским событием (740 г. до н.э.) из священной истории, протягивает связующую нить между земным и небесным. В «Житии» также рассказывается, что очевидец «видел воинство Божье в воздухе, пришедшее на помощь Александру», а на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, «...нашли многое множество врагов, перебитых ангелом Божиим»⁷². Победили с «помощью Божьей»: «Здесь же прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона*»; врагов «предал Бог ему в руки». Так в повествовании о ратных подвигах русских воинов замкнул-

---

* Ветхозаветный пророк, преемник Моисея, стены крепости Иерихон пали от звука его горна.

ся круг земного бытия и небесного промысла, как и в самом «Житии» святого великого князя-воина Александра Невского, который «ревнуя Господу крепко, оставил земное царство и стал монахом, ибо было его самым большим желанием принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и высший чин принять – схиму. И так Господу дух свой придав, с миром скончался...»⁷³

Круг рассмотренных памятников будет неполным, если мы не обратимся к «Александрии». Этот позднеэллинистический роман о жизни и подвигах Александра Македонского (356–323 до н.э.) был создан во II–III вв. н.э. на основе легенд и преданий о великом полководце. Его автором согласно средневековой традиции считался Каллисфен, что не соответствует действительности. Греческий историк Каллисфен, двоюродный племянник Аристотеля, действительно сопровождал Александра и был историографом его похода, но еще до его окончания в 327 г. до н.э. он был обвинен в заговоре против Александра и казнен, поэтому его называют Псевдокаллисфеном. «Александрия» была переведена на Руси в XII–XIII вв. и вошла в состав обширного хронографического свода – «Летописца Еллинского и Римского»⁷⁴. Эта редакция «Александрии» (текст которой мы исследуем) называется «хронографической» в отличие от другой редакции, пришедшей на Русь из Сербии, – так называемой «Сербской Александрии»⁷⁵.

Исследование текста «Александрии» в сопоставлении с рассмотренными выше памятниками позволяет нам выявить античные традиции⁷⁶ в генезисе архетипа воина и преломление их в древнерусской литературе.

В романе «Александрия» утверждается, что доблестным и храбрым был Александр Македонский, «раз во всем ему сопутствовала удача, и всегда он стремился ко славным делам»⁷⁷. Боговерный Александр Невский так же доблестен и храбр и славен делами, но не по позволению фортуны, а согласно своей исконной премудрости, данной ему по промыслу Божьему. В отличие от «Жития» русского князя, которого по его молению поддерживает святая Троица во время битв; в «Александрии» рождение «отрока счастливой судьбы» Александра Македонского сопровождается знаменами его божественного происхождения: «...и едва коснулся он земли, как загремели могучие раскаты грома и заблестали молнии, так что весь мир содрогнулся»⁷⁸. Божественность его происхождения подчеркивается дважды и в его портрете-описании: «С виду он был как человек, но волосы у него точно льви-

ная грива, а глаза были разные: правый глаз – черный, левый – серый. Зубы у него были остры, как у змеи. Видом же напоминал льва, в движениях быстр и лицом светел»⁷⁹, и в портрете-впечатлении: «Персы же, глядя на Александра, удивлялись его небольшому росту, но не ведали, что в небольшом сосуде скрыта небесная сила»⁸⁰. Внешность Александра Невского, который отличался большим ростом, тоже весьма значительна и сравнивается в «Житии» с библейскими героями «как князя среди князей» и «царя среди царей» (см. выше). Но абсолютно едино для судеб обоих героев – их мистическая сопричастность трансцендентному: «Имя Божества, когда прилагается к человеку, то великую силу и мудрость ему придает»⁸¹. Ответ Александра Македонского царю Дарию на его слова «окажешься в рабстве»: «Я же иду на тебя войной как на простого смертного, а кто победит – это в руках Божественного промысла»⁸², мог вполне прозвучать и в устах Александра Невского на вызов шведского короля. В романе также неоднократно подчеркивается, что Александр Македонский поступал «как эллинский царь, а не как варвар-мучитель», не допуская никаких жестокостей, был милостив со своими врагами почти похристиански: благородно отпустил послов Дария, велел похоронить убитых персов, а «мать Дария, жену и детей его с почестями привел с собой, также и остальных пленников утешил словом»⁸³. Христианское милосердие к побежденным, пленным и униженным врагам – естественное свойство и Александра Невского.

Но во время битвы пощады враги не получают ни у русской дружины, ни у войска Македонского. Битва с персами в «Александрии» напоминает многие описания кровопролитных сражений в русских памятниках (см. выше), та же стилистика жесткой энергетикой боя: «...и началась жестокая битва, и, сражаясь, то одни преследовали противника, то другие. И, неся большие потери, вновь расходились. Но воины Александра далеко погнались воинов Дария и жестоко крушили их, и рубили. И падали друг на друга бесчисленные воины. Ничего не было видно вокруг: только лежащие на земле кони да убитые мужи, – и невозможно было узнать ни перса, ни македонянина, ни боярина, ни пешего, ни конника. В густой пыли не видно было неба и земли, залитой кровью. И даже само солнце, скорбя о погибших и не в силах видеть эту сечу, скрылось в облаках»⁸⁴. Последнее предложение, очевидно дописанное одним из переписчиков хронографа, по красочности фольклорной поэтики, психологического параллелизма явно сближает-

ся со стилистикой текста «Слова о полку Игореве». Так же идейно и стилистически близка отечественным памятникам характеристика врагов-персов в «Александрии»: «И псы иные, велики ростом, а слабы, громко лают, чтобы по лаю приняли их за сильных... на деле не могут ничего»⁸⁵, подобное о половцах или о шведах писали и могли сказать русские авторы.

Смерть венчает жизнь любого смертного человека, но для героев-воинов приходит небесное бессмертие. В «Александрии» смерть Александра Македонского сопровождают мистические знамения: «...как вдруг потемнело вокруг, появилась огромная звезда, катившаяся с неба на море, и с нею орел. И зашатался кумир вавилонский, называемый Зевс. А звезда снова вознеслась на небо. И тогда почил Александр вечным сном»⁸⁶. Птоломей, согласно пророчеству: «И где будет лежать его тело, тому граду не страшны будут ни войны, ни рати», – повез тело Александра в Александрию, в город, им созданный, «и воздвиг гробницу в святилище, называемом Тело Александрово, и здесь положил его мощи»⁸⁷. «Житие» Александра Невского заканчивается так же свидетельством о чуде при его погребении в церкви Рождества Богородицы во Владимире: «Когда было положено святое тело его во гроб, Севастьян эконом и Кирилл митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить в нее духовную грамоту. Он же сам, как живой, протянул руку и взял грамоту из рук митрополита. [...] И так прославил Бог угодника своего»⁸⁸.

Рассмотрение исследуемой проблемы завершим вечной темой – спора человека со смертью, пользовавшейся известностью в литературе и искусстве позднего средневековья. Перевод одного из немецких фантастических диалогов жизни со смертью появился на Руси в конце XV в.: «Повесть и сказание о прении живота со смертию и о храбрости его и о смерти его»⁸⁹. Оригиналом послужил текст, напечатанный в Германии и перевезенный в Новгород любекским типографом Бартоломеем Готаном. «Прение живота со смертию» в XVI в. стало популярнейшим произведением. На русской почве произошла значительная переработка оригинала. Абстрактные образы собеседников были персонифицированы. Смерть предстала в человеческом, женском, облици, «образ имя страшен», с большим запасом разного оружия, сидящей на тощем коне. Неопределенный «живот» превратился в собирательный образ удалого воина: «Человек некий ездяше по чисту полю и по раздолию широкому, конь под собою имея великою крепостию,

зверовиден, а меч имея у себе остр обоюду, аки лед видением, а змиино имея жало, разсекая железо и великое твердое камень, оболчен во оружие твердо»⁹⁰. Образ вполне мифологический, напоминает русских былинных богатырей, особенно в фольклорной стилистике зачина и описания brutальных «атрибутов» его воинственности, используются точные и впечатляющие сравнения – коня и меча (о символическом значении меча см. выше). Так же сей воин впечатляет и своими грандиозным деяниями, в их описании используется обязательный здесь троп гиперболы: «И многия полки человек той побивая, и многия силныя цари прогоняя и побеждая, и многия силныя богатыри побивая»; и знакомыми нам уже по другим памятникам воинскими качествами: «...имея в себе велию силу и храбрость, и разума исполнен и всякая мудрости». Но дано далее важное авторское примечание: «помышляше в себе»⁹¹. Ибо сего воина одолевает смертный грех гордыни, он похваляется своей силой и ратными подвигами, «глаголя высокая и гордая словеса»: «Если убо на сем свете, на всей подьнебесней кто бы могл со мною битися или противу мене стати, – царь, или богатырь, или зверь сильный? ... Аще бы был аз на облацех небесных, а в земли бы было колце утверждено, и аз бы всюю землею подвизал»⁹². Последнее его утверждение есть посягательство на высшую волю Господа, что тотчас наказуемо в явлении смерти, с которой храбрец начинает препираться и даже угрожать («проткну ты мечем своим»), но которую, как мы помним, по словам воина-мудреца Владимира Мономаха никому не избежать (см. выше). Аллегория власти смерти явлена не только в ее гротескно ужасном описании, но главное в «скромных» (в противоположность воину!) по пафосу речах, поучительных для смертного гордеца: «Аз есть ни сильна, ни хороша, ни красна, ни храбра, да сильных, и хороших, и красных, и храбрых побораю, да скажу ти, человеце, послушай мене: от Адама и до сего времени сколько было богатырей сильных, никто же смел противу мене стати» и далее идет перечисление заслуг легендарных полководцев-царей и воинов: Александр Македонский, библейские – Давид и Соломон, богатырь Самсон, которые не смели с ней «братися»⁹³. После сего ужасного явления грозной сущности: «Аще ты, человеце, не ведаеш, кто есмь аз, аз есмь смерть», наконец сей «отважный» воин, «устрашися сердцем своим и ужасеся умом своим», начинает пред смертью лебезить и подкупать ее⁹⁴. Но его речи «всуче сия глаголы безумныя», как и просьба о помиловании при его по-

каянии, пред ликом смерти, которая как придет так и возьмет, но только ждет «от Господа Бога повеления, как господь повелит в мгновении ока возму, в чем ты застану, в том ти и сужду»⁹⁵. Смерть приводит в подтверждение евангельское изречение Иисуса Христа: «...когда приидет смерть, приходит смерть аки тат, смерть вам грамоты не пошлет, ни вести не подаст», но в отличие от Господа Бога, от нее милости никто «не ищи»⁹⁶. И вот воин повержен с коня на землю и предал дух свой Богу: «Так сконча воин жизнь свою»⁹⁷.

Притча «Прение живота со смертью» пришла в русскую литературу с латинского Запада в составе переводных произведений, варьировалась и русифицировалась, но сохранилось главное – традиционная и вечная тема христианского отношения к смерти. Эта поучительная притча – художественная выдумка, но принадлежат традиционной словесности, ибо рассказывает сущностную правду, пытаясь отразить божественный замысел, образно формулируя вечные законы человеческого бытия и истории народов, которыми управляется мир.

Подведем итоги нашего небольшого исследования. В генезисе и поэтике архетипа воина в древнерусской литературе разных жанров можно выделить следующие «корни»: фольклорные, библейские, античные, европейское средневековье и отечественная литературная традиция первых сотен лет, что системно укладывается в общие тенденции развития литературного процесса в древнерусской словесности. Эти «корни» повлияют и на развитие новой русской литературы вплоть до современности, что предстоит дальнейшему изучению.

Примечания

¹ См.: *Синенко С.Г.* Древнерусский субстрат русской литературы XX века как проблема исторической поэтики // *Поэтика русской советской прозы: Межвуз. науч. сб.* / Отв. ред. К.С. Синенко. Уфа, 1989. С. 113–120.

² См.: *Путилов Б.Н.* Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. СПб., 2001.

³ См.: *Сердца из крепкого булата* / Ред.-сост. Т.А. Соколова; предисл. Д.М. Балашова; словарь и коммент. С.В. Ильинского. М., 1990. (Библиотека «Отчизны верные сыны»).

⁴ «Изборник». Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. Т. 15. С. 220. (Библиотека всемирной литературы).

⁵ См.: *Устинов М.Е.* По правде и по совести (о воинских повестях Древней Руси) // *Осмысление: Сборник литературно-критических статей* / Сост. В. Карпец. М., 1989. Вып. 2. С. 22–28. (Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ); *Мелихов М.В.* Древнерусские

воинские повести: Проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в книжной и рукописной традиции XV–XVIII веков. Сыктывкар, 2001.

⁶ Древнерусские княжеские жития / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, пер. и коммент. В.В. Кускова. М., 2001.

⁷ *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* «О доблестях, о подвигах, о славе...» // Древнерусская литература / Сост., коммент. С.Н. Травникова, Л.А. Ольшевской, Е.Г. Июльской; вступ. ст. Л.А. Ольшевской, С.Н. Травникова. М., 2002. С. 5. (Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах); *Синенко С.Г.* Древнерусский субстрат русской литературы XX века как проблема исторической поэтики. С. 5–59.

⁸ *Лихачев Д.С.* Первые семьсот лет русской литературы // «Изборник». С. 700, 703.

⁹ См.: *Шайкин А.А.* Эпические герои и персонажи «Повести временных лет» и способы их изображения // Русская литература. 1986. № 3. С. 89–108.

¹⁰ «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 33.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ *Замалева А.Ф.* Библейские основы историософии Повести временных лет // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Киев, 1988. С. 147–151.

¹⁴ Там же. С. 53.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: *Лихачев Д.С.* Крещение Руси и государство Русь // Новый мир. 1988. № 6. С. 249–258; *Шаховской Д. М.* Значение крещения Руси в развитии русской культуры // Тысячелетие крещения Руси. М., 1988. С. 206–211.

¹⁷ *Кучкин В.А.* Поучение кн. Владимира Мономаха, 1117 г. // Древнерусские письменные источники: Информационные материалы к совещанию / Под ред. Я.Н. Щапова. М., 1988. С. 12–14.

¹⁸ *Филипповский Г.Ю.* «Украшенный добрыми нравами...» // Владимир Мономах: Завещано потомкам / Сост., вступ. ст. и примеч. Г.Ю. Филипповского. Ярославль, 1999. С. 5–18.

¹⁹ «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 149. См.: *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в ранней книжности и литературе XVII века // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 24–67.

²⁰ «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 161.

²¹ Там же. С. 163.

²² Там же. С. 161.

²³ Там же. С. 165.

²⁴ Там же. С. 163.

²⁵ Там же. С. 165.

²⁶ *Депман Г.-Д.* Древнерусское благочестие в «Поучении» Владимира Мономаха // Тысячелетие крещения Руси. М., 1988. С. 199–205; дискуссия по докладу. С. 236–237.

²⁷ «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 165.

²⁸ Там же. С. 167.

²⁹ См.: *Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.

³⁰ См.: *Лихачев Д.С.* Избранное: «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Работы последних лет. СПб., 1998.

³¹ См. *Никитин А.Л.* Слово о полку Игореве. Тексты. События. Люди. М., 1998.

³² «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 199.

³³ Там же.

- ³⁴ Там же. См.: *Алейников О.Ю.* Об аллегорических образах в «Слове о полку Игореве» // Филологические записки. Воронеж, 2000. Вып. 15. С. 29–38.
- ³⁵ «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 199.
- ³⁶ Там же. С. 201.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: *Ужанков А.Н.* «От старого Владимира до нынешнего Игоря». Принцип ретроспективной исторической аналогии в «Слове о полку Игореве» // Кусковские чтения: Культурное наследие Древней Руси. Материалы науч. конф., посв. памяти В.В. Кускова (9 нояб. 2000 г.) / Отв. ред. А.Н. Ужанков. М., 2001. Вып. 1. С. 25–35:
- ³⁹ См.: *Аллатов С.В.* «Слово о полку Игореве» в системе христианского мироведения Средневековья // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2001. № 3. С. 7–14.
- ⁴⁰ «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 203.
- ⁴¹ Там же. С. 205.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Алейников О.Ю.* Об аллегорических образах в «Слове о полку Игореве». С. 30.
- ⁴⁵ См.: *Кожневиков В.А.* Игореви князю Богъ путь кажець (к проблеме главной идеи «Слова о полку Игореве») // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. М., 2000. С. 452–463; *Ужанков А.Н.* В свете затмения: Христианская основа «Слова о полку Игореве» // Образ Спасителя в мировой культуре. М., 2000. С. 32–49.
- ⁴⁶ «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 207.
- ⁴⁷ Там же. С. 205.
- ⁴⁸ Там же. С. 207.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ См.: Князь Александр Невский: Матер. науч.-практич. конф. 1989 и 1994 гг. / Отв. ред. Ю.К. Бегунов и А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. Ч. 1: Александр Невский и его эпоха: Тез. науч.-практич. конф. Колпино – Усть-Ижора. 10–11 сент. 1994г.; Ч. 2: Александр Невский: Личность и деяния: Матер. науч.-практич. конф. Ленинград. 6 дек. 1989 г. Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995.
- ⁵² *Бегунов Ю.К.* Примечания // «Изборник» / Перевод Д.С. Лихачева. С. 739. См.: Житие Александра Невского: Первая редакция. 1280-е годы // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 190–203; *Лихачев Д.С.* Слово об Александре Невском // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 13–14.; *Демин А.С.* «Житие Александра Невского» и летописание XII в. // Мир житий. М., 2002. С. 83–90.
- ⁵³ «Изборник» / Перевод Ю.К. Бегунова. С. 329.
- ⁵⁴ *Кусков В. В.* Святой князь – воин // Сов. библиография. 1992. № 3–4. С. 53–56. См.: *Кусков В.В.* Идеальные правители Древней Руси // Древнерусские княжеские жития. С. 7–22; Святые Земли Русской: Тысячелетие русской святости. Жития и жизнеописания / Сост. С.С. Бычков. М., 2002.
- ⁵⁵ «Изборник» / Перевод Ю. К. Бегунова. С. 329.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 331, 740.
- ⁵⁸ Там же. См.: *Ревели Дж.* Образ «христианского государя» в *Житии Александра Невского* и в латинской средневековой литературе // *Contribute Italiani al XII Con-*

gresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia 26 Agosto – 3 Settembre 1998) / Associazione Italiana degli Slavisti; A cura di F. Esvan. Napoli, 1998. P. 183–220.

⁵⁹ «Изборник» / Перевод Ю.К. Бегунова. С. 331.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 335. См.: *Химич Г.А.* История библейского царя Давида как образная параллель «Жития Александра Невского» // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2001. № 5. С. 52–58.

⁶⁴ «Изборник» / Перевод Ю.К. Бегунова. С. 335.

⁶⁵ Там же. С. 333, 335. См.: Святой Александр Невский: Сб. статей к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 году / Сост. А.М. Сушко; Отв. ред. Ю.К. Бегунов. Усть-Ижора, 1999.

⁶⁶ «Изборник» / Перевод Ю.К. Бегунова. С. 333.

⁶⁷ Там же. С. 335.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 332–333.

⁷⁰ Там же. С. 333, 740.

⁷¹ Там же. С. 335.

⁷² Там же. С. 337, 335.

⁷³ Там же. С. 341.

⁷⁴ См.: *Пауткин А.А.* Южнорусские летописцы XIII века – переводная историческая литература // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 127–134.

⁷⁵ *Василевская И.* «Александрия» на славянской почве: Трансформация текста // «Юрьевские чтения». Материалы междисциплин. конф. молодых филологов / Сост. Д.В. Устинов. СПб., 1999. С. 66–73.

⁷⁶ См.: *Буланин Д.М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / АН СССР. ИРЛИ. Л., 1989.

⁷⁷ «Изборник» / Перевод О. В. Творогова. С. 237.

⁷⁸ Там же. С. 247.

⁷⁹ Там же. С. 249.

⁸⁰ Там же. С. 261.

⁸¹ Там же. С. 253.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 251, 257.

⁸⁴ Там же. С. 257.

⁸⁵ Там же. С. 251.

⁸⁶ Там же. С. 280.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «Изборник» / Перевод Ю.К. Бегунова. С. 343. О каноне Александру Невскому и др. литургических текстах см.: *Мумриков А., диакон.* Святой благоверный князь Александр Невский: К 750-летию Невской битвы // Журнал Московской патриархии. 1990. № 12. С. 70–72.

⁸⁹ См.: *Дмитриева Л.А.* Комментарий. Повесть о споре жизни и смерти / Подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева. Сказания о чудесах: Русская фантастика XI–XVI вв. Т. 1. М., 1990. С. 168–170. (Библиотека русской фантастики: в 20-и т.).

⁹⁰ «Изборник». С. 464.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 465.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 466.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

Возвращение прошлого: Долгая дорога домой Василя Быкова

Abstract:

Kurennaia N.M. *Return of the past: the long way home of Vasil Bykov*

The article is dedicated to the last book by Vasil Bykov «The Long Way Home». The author considers general problems of the memoir literature and specific features of the memoir prose in the work of the Belarusian writer. Vasil Bykov is presented as a mediator between the reader and historical reality.

Ключевые слова: Василь Быков, литература о войне, белорусская литература, белорусский язык, автор-повествователь, хронист национальной жизни.

«Я не лидер и не “совесть нации”, я простой, уставший от жизни белорус, у которого есть только одна цель – остаться честным»¹. Конечно, Василь (Василий) Владимирович Быков (1924–2003), выдающийся белорусский писатель, не был простым гражданином своей страны. Можно согласиться с ним в том, что он не являлся «лидером нации», однако несомненно и то, что он стал общепризнанным моральным авторитетом для белорусского общества, а главным принципом всей его творческой жизни действительно была честность. Быков, по определению своих коллег, своеобразный «апостол правды»².

«Долгая дорога домой» – последняя книга Василя Быкова, над которой он работал на закате жизни в Германии, вдалеке от Беларуси, которую нежно и преданно любил. Эта книга представляет собой биографические воспоминания одного из родоначальников так называемой «лейтенантской прозы», автора знаменитых повестей – «Альпийская баллада», «Знак беды», «Волчья стая», «Сотников», «Мертвым не больно» и многих других. В центре повествования – автобиография самого писателя: от первых воспоминаний о семье и голодном детстве, участии в Великой Отечественной войне, тяжелой военной службе на самых дальних восточных островах СССР, послевоенной жизни в Беларуси до неожиданных и противоречивых годов «перестройки». Сам писатель считал эту книгу произведением очень личным, субъективным, одно-

сторонним, как почти все мемуары: «В этом их сила, но одновременно и слабость, повод для претензий и несогласия с автором»³.

Мемуары – жанр весьма неопределенный, с размытыми эстетическими границами. Они воссоздают атмосферу той или иной исторической эпохи, расширяют знание о ней, привлекая для этого непосредственные авторские впечатления и ощущения, детали повседневного быта, «раскрашивают» объективное историческое знание. Субъективная литература, к которой относятся и воспоминания, вбирает в себя самые разнообразные формы – дневники, письма, автобиографии, записки и др. «Типология жанров “человеческого документа” исключительно разнообразна»⁴, – утверждают литературоведы. Все эти произведения роднит довольно зыбкое равновесие между объективным и субъективным, к которому в той или иной мере стремятся многие авторы такого рода литературы. Однако эту грань, паритетность соблюсти очень непросто. Нередко авторы мемуаров и других видов эго-документов, подводя итоги прожитой жизни, не учитывают того обстоятельства, что в подобных текстах невозможно спрятаться за вымышленным героем, за его представлениями о себе и мире. Эти тексты сродни телеэкрану, который представляет автора-рассказчика равным себе, даже если он намеренно пытается что-то утаить, приукрасить, или же забывает.

В воспоминаниях Василя Быкова отсутствуют исповедальные интонации, автор не сосредоточен на своем внутреннем мире, о своей личной жизни он пишет «мало и глухо», что свойственно немногим эго-документам. Отдельные обстоятельства жизненного пути он преднамеренно не прописывает, из множества личных и общественных событий отбирает особенно значимые и поворотные в своей судьбе, интересы воображаемого читателя он, как правило, не склонен учитывать. Давая характеристики тем или иным людям, выражая собственную точку зрения на различные факты, писатель одновременно распространяет ее на широкий социальный контекст, который в его мемуарах оказывается на первом плане. Как писал сам Быков в предисловии, он пытался излагать факты собственной жизни последовательно, «однако это не всегда удавалось. Особенно там, где разные по содержанию и характеру события не совмещались в одной логической цепочке и выпадали из нее в отдельное повествование»⁵. Последнее произведение писателя не похоже на его повести, в нем документальность

явно превосходит художественность, что продиктовано в первую очередь законами жанра.

Как нам представляется, писатель не намеревался создавать собственный литературный и человеческий портрет. Скорее его целью было возможно более объективное описание времени, передача его духа. Однако главным в этом документальном произведении стал образ самого Василя Быкова, многогранный, новый, порой неожиданный. Такой результат был достигнут благодаря индивидуальной манере и стилю письма автора. Это – выбор и монтаж фрагментов личной судьбы в соответствии с собственным замыслом и убеждениями, малоэмоциональный, сдержанный тон, стремление к нейтральности/ объективности в оценке своих товарищей детства, командиров, коллег-писателей, друзей и недругов, почти полное отсутствие деталей личной жизни, самоиронии или патетических интонаций. Шутка и ирония также не частые гости на страницах воспоминаний Быкова.

В мемуарной книге «Долгая дорога домой» перед читателем появился «малоизвестный Быков», не совпадающий с привычным образом поглощенного в раздумья «живого классика», правдиво и талантливо описавшего страшную войну изнутри, как непосредственный участник и свидетель самых разнообразных трагедий и нравственных коллизий. «Новый» Быков – глубоко страдающий и обиженный драматическими обстоятельствами своей личной судьбы и нерадостной долей родной Беларуси, «намеренно» одинокий *человек*, наделенный большим писательским талантом, «уязвленный войной», как он сам говорил. Индивидуализм, который свойственен любому творческому человеку, характерен в значительной мере и Быкову. Он и сам считал, что «все значительное в искусстве и в литературе испокон века создается на основе индивидуализма. Попытки организованного художественного творчества (*тем более литературного*) всегда терпели фиаско. Творцы – одиночники, они создают штучный товар»⁶. Внутренний настрой писателя определил и его гражданскую позицию – он всегда стоял несколько в стороне от общественных и политических движений, от проблем, горячо обсуждаемых в кругу его коллег, считая их помехой творчеству. «На собственном опыте я постиг простую истину: если ты сам себе не поможешь, тебе не поможет никто»⁷, – полагал он. Писатель не смог и не захотел, как многие другие, приспособиться ни к одной из властей – ни к коммунистической, ни к новой посткоммунистической. Только в пе-

риод перестройки он стал одним из учредителей Белорусского народного фронта, а затем депутатом Верховного совета СССР. Однако Быков очень скоро понял, что депутатское звание не для него, «что попал не туда, что надо отсюда как-то рвать когти»⁸, и отошел от активной политической деятельности.

Василь Быков в своих мемуарах предстает личностью глубоко страдающей от любого проникновения на его творческую территорию, от посягательств на личную и художественную самостоятельность и независимость, на свободу каждого гражданина страны. Последние страницы воспоминаний посвящены философскому осмыслению понятия свободы, которую писатель считает «наибольшей ценностью, данной каждому существу от рождения»⁹. Его прогноз о границах свободы особенно для художников неутешителен: «... что до меня, то мой логос определенно пессимистический, хотя моя душа жаждет оптимизма»¹⁰.

Писатель неоднократно упоминает о своем мягком характере, унаследованном от матери и много ему вредившем: «Я же перенял от матери слишком много мягкости, уступчивости, что потом мне, так или иначе, вредило – на войне и после войны. Особенно в армии, где уважают звероватый характер»¹¹. Быков считал себя в большей степени романтиком, чем это представлялось его читателям и критикам, имея в виду прежде всего свои читательские предпочтения. Ему ближе был «Дон Кихот» Сервантеса, чем Достоевский и Платонов. Но читателю мемуаров Быков видится другим – жестким реалистом, очень противоречивым, нередко неуживчивым человеком, то отстраненным от внешнего мира, погруженным в себя, то часто находящимся в конфликте, внутреннем и внешнем, с самим собой, с близкими людьми, с коллегами и товарищами по писательскому цеху, в конечном итоге – с обществом. Он сознательно стремился следовать принципу «никогда никого ни о чем не просить».

Его справедливая критика существовавших в СССР порядков, утверждаемых всеохватным партийным контролем, «расцвет» цензуры, диктат недалеких, малообразованных, безжалостных партийных и государственных функционеров, развитая система слежки сталкивается в воспоминаниях писателя с его порой безоглядным неприятием всего советского и полным отрицанием каких-либо успехов и достижений в экономике, культуре, науке. Возможно, что причина такого пессимистического взгляда на окружающий мир кроется в чувствительной и чуткой душе насто-

ящего художника, по-особому осознающего трагичность бытия. «Мысль о безысходности человеческого существования прочно сидела в моем сознании и время от времени требовала реализации... Если серьезно вникнуть в обстоятельства, то вся жизнь человеческая – трагедия. Ибо все чувствуют себя правыми. И никто не считает себя виноватым»¹².

Несомненный патриотизм Быкова, проявившийся прежде всего в любви к родному языку, родным местам, порой приводит к парадоксальной ситуации – он не может понять даже тех людей, которые ему близки по духу и взглядам. Пример тому – описанный случай с Валентином Распутиным, не меньшим патриотом своей родины: «Я попытался поговорить с Валентином Распутиным, с которым был в хороших отношениях, но быстро понял, что между нами – бездна. Эти люди не видели и не признавали ничего, кроме своей любимой матушки-России»¹³. Положение Беларуси в течение всей истории СССР Быков считал недостойным и не соответствующим ее истинному значению и заслугам, полагая, что весь советский период не принес белорусскому народу, особенно крестьянству, ничего радостного и позитивно-результативного. Причину этого он видел, с одной стороны, в ее зависимом угнетенном положении в «тюрьме народов под названием СССР»¹⁴, а с другой – в особенностях национального характера белорусов – их пассивности и терпении.

Только родная природа и общение с ней давали Быкову передышку перед очередной жизненной и писательской драмой. Родная деревня и ее окрестности, многочисленные озера, особенно одно из них – Беляковское – с детства стали для него тем самым священным местом, куда он постоянно возвращался в своих мыслях. Так нежно и сердечно как о природе, окружавшей его с детства, Быков не писал в своих мемуарах ни об одном человеке, кроме матери: «Воистину, бессмертно и неизменно милое моему сердцу озерцо, которое я буду любить до конца своих дней»¹⁵. «Это было мое последнее путешествие по Неману, неожиданное прощание с этой милой рекой, с ее скромной красотой, с самой лучшей рекой из всех известных мне рек Европы и Азии»¹⁶.

Многие произведения Быкова с трудом попадали в печать, автора заставляли переписывать фрагменты военных повестей и сценариев, написанных болью и кровью, и подчиняться требованиям всевозможных партийных и литературных цензоров, учитывать «текущий момент», призывали «не исказить» подвига наро-

да. В этой связи не кажется удивительным пронизывающее всю книгу воспоминаний раздражение автора по поводу существовавших во время войны и после нее порядков.

Условно, как уже говорилось ранее, книгу «Долгая дорога домой» можно разделить на три части, посвященные трем главным этапам жизненного пути автора: периоду детства, отрочества и юности вдумчивого и любознательного мальчика из бедной крестьянской семьи, горящего желанием получить образование; периоду страшной войны, превратившей неопытного молодого бойца в лихого офицера, попавшего в 1943 г. в ад войны и выжившего в нем; а также послевоенным годам, которые сделали начинающего автора маститым писателем, окруженным почитателями и недругами. Хроника жизни одного человека, по сути, стала исторической хроникой целой эпохи. Для этого автор использовал всевозможные элементы исторической и социально-психологической прозы.

Название книги Быкова, как и любое название, всегда является важной смысловой точкой, проецируемой на все произведение¹⁷. Однако сам Быков в книге воспоминаний довольно скептически относился к называнию своих произведений: «Вернувшись в Гродно, взялся за новую повесть, название которой нашел не сразу. О названии вообще думаешь в последнюю очередь, обычно тогда, когда вещь уже написана. Знаю еще одну особенность... у хорошей книги прозы обычно так себе название, а очень звонкое название есть признак плохой прозы»¹⁸. И все-таки смеем предположить, что название своей последней книги Быков обдумывал задолго до того, как он закончил воспоминания. «Долгая дорога домой» – совсем не случайное название. Свои мемуары писатель создавал вдали от родины с чувством трагичности собственного положения, к тому времени он уже был тяжело болен. Для названия воспоминаний писатель выбрал два наиболее важных для него понятия, два мотива – дом и дорога. Дорога как символ человеческой жизни, объединяющая и разъединяющая людей, как пространство соединяющее прошлое с настоящим, рождение и смерть. Разные дороги пришлось преодолеть самому Быкову: проселочные в детстве, когда бегал в школу в соседнее село, военные, о которых Быков писал: «...война – сплошная дорога. Туда или назад. Или в рай, или в ад»¹⁹. Где бы писатель ни находился, он всегда мечтал пройти по дороге, которая приведет его в родную Беларусь, которая по сути и была настоящим Домом в его судьбе,

началом и концом жизни. Свое детство и родную деревню, где он родился и вырос, где жили его отец и мать, Быков вспоминал не так, как это обычно происходит, безрадостно, скорее, с нотами трагизма: «Очень много тяжелого и безысходного связано у меня с моей малой родиной... Совсем мало радости обретал я там, а печали – сверх меры»²⁰. Своим настоящим домом Быков считал родную Беларусь, с ее скромными лесными и равнинными пейзажами, немногочисленными реками и озерами, только о них он по-настоящему тосковал, они «вызывали во мне шемящее умиление – столько лет эта неброская, умиротворенная красота являлась мне лишь в снах о родине!...»²¹ Все другие места, где Быкову приходилось служить, Сахалин, Курилы, он считал чужбиной, чужим пространством, «жил мечтой вырваться из этой дальней дали на родину», в Беларусь²².

В мемуарах немало места отведено описанию разнообразных механизмов творчества, но кажется довольно необычным, что Быков ни разу в своих рассуждениях о сути писательства не упомянул о читателе, которому были адресованы его книги, о неразрывной связи между ним и теми, перед кем он открывал душу. Сюжеты его произведений связаны с войной, с личным опытом и размышлениями о том, как и почему человек выживает на войне. Но писатель не дает однозначного ответа: и подвиг, и предательство могут сохранить человеку жизнь, вопрос в цене. Быков, написавший едва ли не лучшие в отечественной литературе прозаические строки о войне, в мемуарах задавался вопросом, нужны ли по прошествии лет его военные повести, наполненные страданием, болью, страхом и отчаянием. «Война давно кончилась, а мы все не можем отвязаться от нее – все пишем о ней, и пишем»²³. Но остановиться и не писать о войне он тоже не мог, пока в нем жила и болела душа («за товарищей (97 из сотни)», которые давно лежали в братских могилах). В мемуарах Быков размышлял об анатомии солдатского подвига, прежде всего о «подвигах духа», их моральной стороне, которые стали центральными в его произведениях. Вспоминая войну с многими из тех, кто в ней участвовал, проживал каждый ее день в будничном калейдоскопе смертей, Быков с горечью отмечал, как они, будучи совершенно искренними, не могут удержаться от пропагандистских клише. Его цель была другой – рассказать о войне только правду, и это ему удалось. «Книгами правды о нашей великой войне» назвал военные повести Быкова другой фронтовик и писатель Виктор Некрасов.

Немало места в мемуарах посвящено книге, которая сыграла значительную роль в жизни Василя Быкова, особенно в отрочестве и юности. Писатель прослеживает свой личный путь человека читающего. Упоминания о своих литературных предпочтениях, рассуждения о значимости той или иной книги в своей жизни и в жизни сверстников позволили воссоздать определенный историко-культурный контекст советской эпохи, хотя бы немного приблизиться к пониманию менталитета «расстрелянного поколения» (В. Быков). «Увлечение чтением, – вспоминал писатель, – стало для меня в те годы главным. Но где брать книги? Разумеется, в школьной библиотеке, которая была не очень богатой, однако классика в ней имела, и белорусская, и русская, и кое-что из мировой. Прежде всего приключенческая литература – от Жюль Верна до нашего Янки Мавра, книги которого я очень любил. Большой популярностью пользовалась в те годы книга Николая Островского “Как закалялась сталь”, ее читали по очереди всей школой»²⁴. И на войне, в перерывах между боями Быков ухитрялся читать: «Через дорогу от нашей огневой – позиции моего друга лейтенанта Бережного. Он очень любит книги и, когда выпадает время, всегда читает. Я тоже люблю читать. Как-то выпросил у него “Сестру Керри” Драйзера...»²⁵. В молдавском селе в доме псаломщика молодой лейтенант Быков прочитал книгу «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, и «познакомился с некоторыми античными авторами, разумеется, в русском переводе. Даже на войне меня тянуло к знаниям, к культуре, которых я не “добрал” в мирное время»²⁶.

Василь Быков стал достойным продолжателем национальной традиции борьбы за развитие и сохранение белорусского языка, заложенной отцами-основателями национальной литературы – Фр. Богушевичем, Янкой Купалой, Якубом Коласом. В последние десятилетия XX в. белорусский язык, как считал писатель, переживал не лучшие времена своей истории, более того, по его мнению, это был трагический период: «Язык погибал, а ведь это был сук, на котором держалась вся культура... Вопросы, связанные с языком, волновали меня всегда»²⁷. Быков разделял мнение Фр. Богушевича, литератора XIX в., о том, что народ жив до тех пор, пока жив его язык. Однако рассуждения Быкова о национальном языке белорусов, который, «как и сто лет назад, оскорбительно попирался на всех уровнях, вытеснялся русским, хотя официально это не признавалось... Обучение на белорусском языке сходило

на нет... А без овладения белорусским языком молодыми поколениями становилась не востребованной вся белорусская культура»²⁸, вызывают некоторое недоумение. Очевидно, что в пылу отрицания всего советского Василь Быков не учитывал «силу факта». Из белорусской истории нельзя изъять такие объективные события, как официальное признание белорусского языка государственным на территории БССР, как курс на белорусизацию государственной политики, одной из главных задач которой была ликвидация неграмотности, появление в 1924 г. Государственного издательства БССР, печатавшего официальные документы, общественно-политическую и художественную литературу на белорусском языке. К этому времени в Беларуси уже выходило 13 республиканских газет, семь из которых издавались на белорусском языке. В 1921 г. был открыт Белорусский государственный университет, его первым ректором стал известный историк-славист В.И. Пичета, в 1922 г. – Институт белорусской культуры, на основе которого в 1929 г. появилась Белорусская Академия наук. У истоков методики преподавания белорусского языка как родного стоял Якуб Колас – классик национальной литературы. В разных городах Беларуси открывались национальные театры, ставившие спектакли белорусских авторов. К сожалению, с течением времени и в силу ряда различных причин белорусский язык утратил свои позиции, особенно после Великой Отечественной войны, когда в разрушенную войной Беларусь для ее восстановления приехали сотни тысяч переселенцев со всего СССР, языком повседневного общения стал русский язык. Понятна боль выдающегося писателя за судьбу и будущее родного языка, но лучшим подтверждением того, что белорусский язык жив, является белорусская литература, в том числе и творчество самого Быкова. Собственные произведения он всегда писал на белорусском языке и многие из них сам переводил на русский. Родной язык Василь Быков, вслед за Генрихом Беллем, считал «последней опорой свободы», хотя писатель не отрицал традиционной связи белорусской литературы с политикой, которая не очень способствовала существованию свободы. По его мнению, они «связаны прочной пуповиной»²⁹. Весь вопрос состоял в том, каков был ее характер. Современную национал-большевистскую политику последних десятилетий он считал ошибочной, более того, вредной для общества.

Мемуарная книга «Долгая дорога домой» – хроника жизни выдающегося белорусского писателя Василя Быкова завершила

его творческий путь, оставив читателю размышлять над множеством проблем, которые пытался разрешить писатель. Он вернулся умирать в родную Беларусь, путь к которой был по-настоящему долгим. Свои воспоминания он завершил словами Леси Украинки: «Без надії таки сподіваюсь...»³⁰.

Примечания

¹ *Быков В.В.* Долгая дорога домой. М.—Минск, 2005. С. 430.

² *Тарас В.* Дни рождения Василя Быкова // *Быков В.В.* Долгая дорога домой. С. 4.

³ *Быков В.В.* Долгая дорога домой. С. 6.

⁴ *Хорев В.А.* Автопортрет Ежи Анджеевского в дневнике в дневнике «Изо дня в день. Литературный дневник. 1972–1979» // Текст славянской культуры. М., 2011. С. 180.

⁵ *Быков В.В.* Долгая дорога домой. С. 6.

⁶ Там же. С. 438.

⁷ Там же. С. 384.

⁸ Там же. С. 415.

⁹ Там же. С. 437.

¹⁰ Там же. С. 440.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 385.

¹³ Там же. С. 416.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 309.

¹⁷ *Софронова Л.А.* Сакральные названия и эпитафии светских произведений //

Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 149.

¹⁸ *Быков В.В.* Долгая дорога домой. С. 205.

¹⁹ Там же. С. 196.

²⁰ Там же. С. 339.

²¹ Там же. С. 170.

²² Там же. С. 160.

²³ Там же. С. 309.

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ Там же. С. 105.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же. С. 434.

²⁸ Там же. С. 293.

²⁹ Там же. С. 436.

³⁰ «Без надежды все-таки надеюсь» (пер. с укр.).

Д. Пазио-Влазловска
(Варшава, Польша)

Концепт дом в дневниках блокадного Ленинграда (на материале записей Ольги Берггольц)

Abstract:

Pazio-Vlazlovskia D. *The concept of home in the diaries of besieged Leningrad (based on the records of Olga Bergholz)*

The paper attempts to reconstruct the image of the concept of home based on the diary of O. Bergholz and indicate its attitude to the basic concept. The physical, social, functional and psychological aspects of the “home” is analysed. The core of the reconstructed image is the antinomy: habitable – extinct, warmth – cold, light – darkness, the abundance – lack. The attention is paid to the siege of the house, which is the construct of the lack. The author also stresses the severe disturbance – because of the atrocities of the war – of the original order in the relationship between the master and his house. From the analysis it follows that even in the extreme conditions of the blockade house as one of the basic human values retains its value.

Ключевые слова: блокада, Ленинград, дневник, концепт, дом, когнитивная дефиниция, реконструкция значения.

*...Смотри, вот новое мое жилище...
Где старые хозяева его?
Одни в земле,
других нигде не сыщешь,
нет ни следа, ни вести – ничего...*

*И властно воцарилось запустенье
в когда-то светлом, радостном дому,
дышала смерть на городские стены,
твердя: «Быть пусту дому твоему»...*

31 XII 1942

Ольга Берггольц. «Новоселье»¹

Целью данной статьи является реконструкция образа концепта *дом* на материале дневника Ольги Берггольц, охватывающего время блокады Ленинграда, а также указание отношения восстановленного образа к базовому понятию.

Интересующие нас в настоящей статье концепты – *дом* и *война* – имеют фундаментальное значение для русской концептуализации мира. Память Великой Отечественной войны является одной их важнейших народных ценностей². Дом, в свою очередь, принадлежит к словам-ключам культуры³.

Когнитивной дефиницией⁴ концепта *дом* акцентируется его восприятие как места проживания человека. Это здание или его часть, характеризующиеся определенной структурой и выполняющие определенные функции. Это место, гарантирующее физическую и эмоциональную безопасность. *Дом* – это убежище человека. В социальном аспекте это место, где живут близкие друг другу люди. Метонимически это сами эти люди, а кроме них также все другие, проживающие в доме, даже если они не родственники. В аксиологическом аспекте *дом* это одна из важнейших ценностей в русском образе мира, соопределяющая идентичность индивида, это объект мечтаний и заботы человека как его родное гнездо, группа самых близких ему людей, а также как родина⁵.

Материал для настоящего анализа – как уже упоминалось, – был отобран из дневника Ольги Берггольц⁶. Несомненно ее личность, образование, жизненный опыт и ощущение действительности отразились на способе восприятия интересующего нас концепта. Наталья Прозорова замечает, что Ольга Берггольц «с ранних лет проявляла склонность к рефлексии, независимости и смелости суждений»⁷. Бесспорно, эти черты ее характера сказались на манере повествования.

Ольга Федоровна Берггольц родилась в мае 1910 г. в Петербурге в семье фабричного врача. Первое стихотворение напечатала в 1924 г. в стенгазете фабрики «Красный ткач», где в амбулатории работал ее отец. В 1925 г. она вступила в литературную молодежную группу «Смена», там познакомилась со своим будущим мужем, поэтом Борисом Корниловым. В октябре 1928 г. у них родилась дочь Ирина. Однако семейная жизнь Берггольц быстро стала разлагиваться. Вскоре она вышла замуж за своего однокурсника, Николая Молчанова. В 1932 г. у них родилась дочь (умерла в 1933 г.). В 1930 г. Берггольц окончила филологический факультет Ленинградского университета. Работала журналистом. Писала стихи. В 1934 г. вышел ее первый поэтический сборник. Она стала членом Союза советских писателей. В 1936 г. умерла старшая дочь Берггольц, Ирина. В 1938–1939 гг. Ольга Берггольц провела полгода в заключении по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности. Освободилась из-под ареста лишь летом 1939 г. В блокаду она работала на радио, вела передачи. Ее называли «ленинградской Мадонной» и «голосом Города». Стала символом блокадного Ленинграда. Скончалась 13 ноября 1975 г.⁸

То, что материал для настоящего анализа был отобран из дневника, заслуживает особого внимания⁹. Именно благодаря этому рассматриваемый текст свободен от послевоенных вкраплений, отражающих впечатления автора и накопленный им за время войны опыт, который потенциально мог бы сказаться на восприятии автором интересующего нас концепта. Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что дневник Ольги Берггольц является текстом сугубо личным, интимным. Это сказывается на смелости повествования и тонкости наблюдений. «Семья и близкое окружение поэтессы знали содержание дневников, им было известно, что Ольга Федоровна вела их предельно откровенно, с девизом: «Абсолютная – (абсолютная!!!) честность и правда»¹⁰. Необходимо помнить также, что текст был зарыт: «... Мои дневники и некот. рукописи в железном ящике зарыты у Молчановых, Нев., 86, в их дровяном сарайчике,»¹¹ – писала Ольга Берггольц своей сестре 26 сентября 1941 г.

«Записи велись тщательно, на фоне тяжелых военных будней, голода и потерь. Действительность была настолько страшной, что у Берггольц возникало желание все бросить, но она продолжала день за днем записывать»¹².

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что настоящий анализ не представляет собой обобщенного восприятия концепта *дом* блокадниками. Он на это не претендует. Такое предположение было бы неоправданной симплификацией – мы реконструируем интересующее нас понятие на основе небольшого по объему количества текстов, написанных одним человеком. Однако, учитывая все вышесказанное, мы предполагаем, что отобранный и исследуемый нами в настоящей статье материал имеет значение для восприятия концепта *дом* ленинградцами, и поэтому он заслуживает внимания.

Интересующий нас концепт реализуется в дневниковых записях Берггольц словоформами: *дом, квартира, гнездо, угол, комната и жилье*.

Дом времен блокады ярко выделяется, как в пространственном, так и во временном планах, в жизни домочадцев. Он отождествляется с четко определенным периодом, ярко отличающимся от довоенной жизни, о которой напоминают иногда лишь ничтожные предметы, вызывающие ассоциации с утраченным прошлым. В дневнике Берггольц резко проводится граница между периодом «до войны» и блокадой.

«Но вчера был удивительный вечер: Юрка купил по дороге большой пучок березовых веток. Мы принесли их, поставили в комнате, а окно было открыто настежь, видно было тихое, могучее небо, прохладный ветер веял в окно, в городе было очень тихо – и так пахло березой, так пахло, что вся жизнь, самые счастливые дни ее ожили во мне и – в чувстве – шли через душу счастливо, страстно, ликующе»¹³.

Дом воплощает в себе память довоенной жизни. Знаменательно то, что он олицетворяется, воспринимается как живое, страдающее существо.

«Вчера у меня ночевала Люся, так как на Палевском против нашего дома упал снаряд и стекла в нашем доме вылетели. В этом доме я родилась, жила до 20 лет, здесь был Борька, здесь родилась Ирка. Теперь по нему стреляют»¹⁴.

Симптоматично, что *дом* времен блокады – часто вымерший, в нем никто не живет. Поэтому он и не является настоящим *домом*, чьим-то пристанищем. Необходимо помнить, что *дом* и *семья* являются соконцептами, они дополняют друг друга. Поэтому фундаментальным для восприятия *дома* является присутствие в нем близких друг другу людей. *Дом* без жителей неполноценен, так же как и человек без *дома* является социально искаженным. Отсутствие жильцов нарушает суть интересующего нас концепта, отнимает у него одну из основных составляющих. Вымерший дом – это лишь эрзац настоящего пристанища человека.

«Ощущение печальной нереальности, недоуменности своего бытия обострилось в связи с переездом в эту вымершую квартиру»¹⁵.

Вымерший дом воплощает в себе мнимость жизни, искаженным кажется все, что окружает человека. Блокада это граница, заставляющая Берггольца реинтерпретировать понятие *дом* и значение связанных с ним ценностей – из пристанища человека *дом* превращается в осиротелое пространство без хозяина, в склад вещей, которые молча напоминают о прежней жизни домочадцев и лишь несмело свидетельствуют о том, что они когда-то здесь жили. Блокадные дома напоминают о своих жильцах, в вымерших квартирах сохранились их вещи, в которых запечатлены их вкус и интересы.

«Третьего дня мы с Юркой переехали с нашего 7 этажа, из «блиндажа» с небом – в пятый этаж, в отдельную квартиренту из 2-х комнат. Это, как и сотни квартир в Л-де, – вымершая квартира.

Ее хозяин, какой-то киноактер, убит на фронте, брат его умер зимой. В моей комнате, – она же наша спальня, – рояль, книжный шкаф с книгами, которые человек подбирал, видимо, специально, в этом же шкафу ящики с фото – в изобилии снимки какой-то славной, мирно улыбающейся, спокойно глядящей женщины, и шкаф, который был набит разным домашним барахлом ...»¹⁶.

Вещи, которые упоминаются Берггольц и которые она считает важными, относятся к духовной сфере, физический аспект оттеснен на задний план. Внимание обращается на предметы, определяющие идентичность автора повествования.

«Цело ли бедное наше гнездо на Троицкой, наши книги, Колины рукописи? Может быть, они уже разнесены снарядом?»¹⁷

Вещи, накопленные хозяином дома, напоминают о довоенной жизни. И хотя автор не оценивает ее и не сравнивает с существованием во время блокады, им проводится четкая граница между прошлым и настоящим. *Дом* связан именно с довоенной жизнью, лишь тогда он был полноценным, в блокаду *дом* только напоминает о прошлом, воплощая в себе его память.

«Шли сегодня с Юркой от Тихонова, – все в его квартире связано с ТОЙ жизнью, – шли, и весенний город был пуст, гулок, здания почему-то казались огромными»¹⁸.

Даже если квартира не вымершая, в ней кого-то из близких не хватает, кто-то погиб или умер, кто-то эвакуировался. Отсутствие домочадцев мучительно сказывается на образе *дома*.

«Теплый, теплый, благодатный день и воздух, где-то играет радио (рояль), пахнет листьями, нежная зелень одевает деревья, из окна моего среди розовых, продырявленных крыш видны зеленые клубы деревьев, – а Коли нет»¹⁹.

«Троицкая улица, наша квартира – утром, вот таким же, когда солнце и разлитые в воздухе голубые и розовые краски. Но ведь там же НЕТ, НЕТ Коли. Я вернусь туда, – а он не придет. Там будет все так же, но его не будет»²⁰.

На восприятии *дома* времени блокады сильно сказываются всеохватывающее ощущение смерти и непрерывный артобстрел.

«Смерть близко, смерть за теми домами»²¹.

«Снаряды ложились на площади Нахимсона, это за несколько домов от нас»²².

Берггольц подчеркивает неожиданность и непредсказуемость событий. Никто и ничто не в состоянии полностью защитить жителей Ленинграда от смерти.

«... Я до сих пор не могу прийти в себя от удивления – почему именно бомба упала в дом 12, а не в дом 14, где была я? Значит, все-таки она может попасть и в меня? Значит, мне нигде, нигде нет спасения?»²³.

Резко в анализируемых текстах проводится граница между «своим» и «чужим». Происходящие события заставляют людей переезжать, менять квартиры, может, поэтому они не считают пространство, в котором им пришлось жить, освоенным, своим, не чужим. Таким образом, *дом* времен блокады лишен существенной для анализируемого нами концепта черты, он не воспринимается индивидом как место близкое ему, освоенное.

«Меня не покидало ощущение, что это – чужая квартира, что хозяева еще могут вернуться, хотя я знаю, что этого не будет. Вот и я не живу на Троицкой, и я лишена своей квартиры, своей прежней жизни ...»²⁴.

Необходимо подчеркнуть, что нарушению подвергаются не только социальный и психологический планы стереотипного образа *дома*, сильно меняется также физический аспект – здания повреждены в результате артобстрела, выбиты стекла в окнах, в крышах дыры.

«На Васильевском острове разрушено 40 домов»²⁵.

«Стекла в нашей комнате вылетели, густые зелено-желтые клубы дыма повалили в дыру»²⁶.

«Из окон нашей комнаты на 7-м этаже видны крыши – они все в дырах от снарядов, – почти рядом с нашими окнами»²⁷.

Дом, в котором живет Берггольц, становится точкой отсчета в топографии города, события характеризуются по отношению к месту его расположения.

«Восемнадцатого город обстреливал немец из дальнобойных орудий, было много жертв и разрушений в центре города, невдалеке от нашего дома»²⁸.

Дом времен блокады лишен также своей основной функции. Он не защищает домочадцев от артобстрела. Не гарантирует физической безопасности, хотя такой гарантией – согласно базовому понятию – должен быть. Жители вынуждены искать убежище где-то вне его²⁹, что явно нарушает стереотипное представление о *доме* как месте, защищающем домочадцев от всяких угроз.

«Сегодня в 8 ч. вечера, когда я сидела в газоубежище Дома радио, в соседний дом упали бомбы и рядом тоже нападало. Дом

радио № 2, а попало в дом № 4. Убежище так и заходило, как на волнах»³⁰.

«... Мне во время бомбежки надо быть «на посту», в тухлятом беззащитном доме, надеясь только на личное счастье – авось не кокнет фугасом ...»³¹.

Дом, согласно стереотипному представлению, должен быть теплым и светлым. Симптоматично, что мотив защиты от холода является характерным для военных повествований³². Но дома блокадного Ленинграда холодны и темны³³. Поэтому все, что отличается от типичного образа блокадной квартиры, вызывает удивление и недоумение.

«Когда я приехала, я пришла в отдельную комнату на 7 этаже, светлую, очень теплую, даже с мягкой мебелишкой..., со столом, где ящики набиты пищей и медовым, прекрасным табаком. У диванчика над столом – мой портрет, мой снимок, мои стихи. Он приготовил для меня отдельный угол, человеческое светлое жилье, – правда, среди пробитых крыш и разрушенных домов. Как непохожа эта комната на зимний кошмар – на комнату Молчановых, Пренделей, Мариных»³⁴.

«Еще умирают в домах, где с зимы держится холод и тьма (окна-то забыты)»...³⁵.

Дом как ценность в записях Берггольц отодвигается на задний план, в аксиосфере он уступает место другим ценностям. Самой важной из них является хлеб, объект мечтаний жителей блокадного города. *Дом* времен блокады теряет также присущую интересующему нас концепту способность соопределения идентичности человека. Для ленинградцев важны утоление голода и сохранение жизни не только своей, но также, а может прежде всего, своих близких. *Дом* воспринимается как орудие, способствующее реализации этих целей. Он важен настолько, насколько помогает их осуществить, а своей имманентной ценности лишается.

Подытоживая, необходимо заметить, что *дом* времен блокады это конструкт недостатка, кстати, кардинальным является не буквальный недостаток еды, воды, отопления, электричества, а нарушение основной для восприятия интересующего нас концепта связи между *домом* и его жителями. *Дом* – это вымершее место, место без хозяев, которое превратилось в склад вещей, хранящий воспоминания о прошлом своих жильцов. Собранная в доме утварь сухо рассказывает их историю. Это острое смещение акцентов, резкий поворот от естественного порядка, когда хозяин орга-

низует свой дом, заботится о нем, решает его судьбу к его полному искажению, когда из-за жестокостей войны нарушается этот изначальный лад – везде много опустелых домов-сирот.

Стержнем реконструированного образа являются антонимии: обжитой / вымерший, тепло / холод, свет / мрак, обилие / недостаток.

Реконструированный нами образ *дома* существует в выделенном периоде, во времени, в котором беспощадно нарушаются все довоенные нормы, в мире, вывернутом наизнанку. Поэтому он подвергается не столько имманентным изменениям, сколько невольно подчиняется внешним обстоятельствам. Он не является субъектом действий, напротив – становится объектом событий.

Из вышесказанного прямо вытекает, казалось бы, довольно банальная констатация непосредственной зависимости восприятия интересующего нас понятия от внешних обстоятельств, от времени и места, в котором возникали тексты, использованные в качестве анализируемого материала. Но вытекает, кажется, еще что-то намного более важное – даже в мире, вывернутом наизнанку, *дом* как одна из основных человеческих ценностей сохраняет свое значение. Правда, оно раскрывается путем перечисления недостатков, в которых как в зеркале отражается то, что существенно для интересующего нас концепта: защита, безопасность, уют и близкие отношения с любимыми людьми.

Примечания

¹ URL: www.olgaberggolc.ru/3-24-novoselie.htm.

² Дискуссия. Память о войне в современных российских СМИ // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/di40-pr.html>; Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5 (19). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/krovavaya-voyna-i-velikaya-pobeda>.

³ Ср. Lotman J. Lalki w systemie kultury // Teksty. 1978. № 6. С. 46.

⁴ Когнитивная дефиниция в данном тексте понимается согласно Ежи Бартоми́нскому и Анне Вежбицкой как представление способа восприятия явления носителями языка (*Bartmiński J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji // Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2007. С. 42–51*).

⁵ Концепту *дом* посвящена обширная литература. О нем писали с разных точек зрения, напр.: Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю., Лассан Э., Глозман Б.Г., Валеева Д.Р., Козырева О.А., Ланская О.В., Плотнокова А.А., Усачева В.В.

⁶ Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010.

⁷ Прозорова Н.А. Документально-мемуарная проза О.Ф. Берггольц: парадигмы становления творческой личности. Автореферат диссертации на соискание ученой

степени кандидата филологических наук. СПб., 2013. URL: www.dissercat.com/content/dokumentalno-memuarnaya-proza-berggolts-paradigmy-stanovleniya-tvorcheskoj-lichnosti.

⁸ Ольга. Запретный дневник... С. 9–26, а также: *Jelena Koczyna, Olga Bergholc, Lidia Ginzburg. Obłężone* / ред. Knyt A., Warszawa, 2013. С. 89; *Филиппов А.* Ольга Берггольц: живой символ блокады Ленинграда // Караван историй. 2015. № 1. URL: <http://7days.ru/caravan/2015/1/olga-berggolts-zhivoy-simvol-blokady-leningrada.htm>; *Завьялов С.* Что остается от свидетельства: меморизация травмы в творчестве Ольги Берггольц // Новое литературное обозрение. 2012. № 116: Семиотика августа в XX веке. С. 146–157; *Колесников Е.* Бездетная Мадонна. До блокады легендарная Ольга Берггольц тихо спивалась // Аргументы и Факты. 15.01.2014. № 54. URL: www.spb.aif.ru/society/people/1087589; URL: www.soulibre.ru/Ольга_Берггольц; URL: www.peoples.ru/art/literature/poetry/newtime/berggolts; Ольга Берггольц. Стихи и поэмы. URL: www.gatchina3000.ru/literatura/berggolc_o_f; *Дзантшев И.* Ольга Берггольц: «Горы двигаются вокруг меня!». URL: www.osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/10-storiya-i-sovremennost/olga-berggolc-gory-dvigayutsya-vokrug-menya; Ольга Берггольц. Голос блокадного Ленинграда. URL: www.olgaberggolc.ru; URL: www.chtoby-pomnili.com/page.php?id=1820. текст подготовила Халина Т.; Сумевшая подняться. Ольга Берггольц 1910, Петербург □ 1975, Ленинград. Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии» // Новые известия. 14.05.2010. URL: www.newizv.ru/culture/2010-05-14/126479-sumevshaja-podnjatsja.html; *Оконевская О.* «... И возвращусь опять». Страницы жизни и творчества О.Ф. Берггольц. СПб., 2005; Голос блокадной музыки Ольги Берггольц. URL: www.tvkultura.ru/article/show/article_id/20756; *Аннинский Л.А.* Война. Женское лицо // Дружба Народов. 2005. № 5. С. 186–207. URL: www.magazines.russ.ru/druzhiba/2005/5/an9.html; *Першин А.* Блокадная легенда // Вести Курортного района. 2010. № 8. С. 3. URL: www.old.gov.spb.ru/Document/1273127434.pdf; «Так хочется мир обнять». О.Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Прозорова Н.А. СПб., 2011; *Городецкая О.А.* Новая книга к 100-летию О. Берггольц «Так хочется мир обнять». URL: [www.prouglich.ru/wiki/Так_хочется_мир_обнять_\(книга\)](http://www.prouglich.ru/wiki/Так_хочется_мир_обнять_(книга)); *Прозорова Н.А.* Ольга Берггольц: Начало (по ранним дневникам). СПб., 2014; *Минаков С.* Ольга Берггольц: «И ты через сердце мое говоришь...». URL: www.ruskline.ru/monitoring_smi/2011/11/14/olga_berggolc_i_ty_cherez_serdce_moe_govorigish. См. также библиографию в: *Прозорова Н.А.* Документально-мемуарная проза О.Ф. Берггольц: парадигмы становления творческой личности...; Ольга Федоровна Берггольц. К 100-летию со дня рождения: библиографический список литературы / Сост. Приходько С.Е. СПб., 2010. URL: www.calameo.com/read/0009-9532789c3a83d3a5b (в издании включены книги и статьи из периодических изданий).

⁹ Стоит обратить внимание на то, что документально-мемуарная проза О. Берггольц 1920-х годов была проанализирована Н.А. Прозоровой.

¹⁰ «... Надо выжить и написать обо всем этом книгу...» Из блокадного дневника О.Ф. Берггольц 1941 г. Опубликовано в журнале «Отчетственные архивы» № 1 (2014), вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии Стрижкова Н.А. URL: http://www.rusarchives.ru/publication/publ_2014_N01_blokadalingrad-berggolts.shtml.

¹¹ Ольга. Запретный дневник. Письма М.Ф. Берггольц, 26.09.1941. С. 227.

¹² «... Надо выжить и написать обо всем этом книгу...» Из блокадного дневника О.Ф. Берггольц 1941 г....

¹³ Ольга. Запретный дневник, запись от 3.06.1942. С. 113.

¹⁴ Там же. Запись от 13.09.1941. С. 60.

¹⁵ Там же. Запись от 9.07.1942. С. 121.

¹⁶ Там же. Запись от 9.07.1942. С. 120.

¹⁷ Там же. Запись от 23.03.1942. С. 82.

¹⁸ Там же. Запись от 8.05.1942 – 9.05.1942. С. 101

¹⁹ Там же. Запись от 29.05.1942. С. 110.

²⁰ Там же. Запись от 23.03.1942. С. 82.

²¹ Там же. Запись от 5.09.1941. С. 57.

²² Там же. Запись от 13.09.1941. С. 60.

²³ Там же. Запись от 22.09.1941. С. 65.

²⁴ Там же. Запись от 9.07.1942. С. 120.

²⁵ Там же. Запись от 7.04.1942. С. 88.

²⁶ Там же. Запись от 22.09.1941. С. 65.

²⁷ Там же. Запись от 26.04.1942. С. 96.

²⁸ Там же. Запись от 22.09.1941. С. 65.

²⁹ Ср. *Гинзбург Л.Я.* Записки блокадного человека. URL: www.militera.lib.ru/memo-russian/ginzburg_la/01.html: «К домам появилось новое отношение. Каждый дом был теперь защитой и угрозой. Люди считали этажи, и это был двойственный счет – сколько этажей будет их защищать и сколько будет на них падать».

³⁰ Ольга. Запретный дневник, запись от 28.09.1941. С. 72.

³¹ Там же. Запись от 13.09.1941. С. 61.

³² Ср. *Pazio-Wlazłowska D.* Pamięć domu we wspomnieniach żołnierzy Wielkiej Wojny Ojczyźnianej // *Fenomen Rosji. Pamięć przeszłości i perspektywy rozwoju. Ч. 1* Pamięć o przeszłości w idei i kulturze Rosji. Ред. Kowalska M., Kuryłowicz M. Kraków, 2014. С. 25–32; *Pazio-Wlazłowska D.* Образ ДОМА в письмах с фронта Великой Отечественной войны – попытка когнитивного описания // *Jazyk a kultúra z kognitívneho aspektu.* Ред. Korina N., Sokolová J. Nitra, 2014. С. 133–141.

³³ Ср. замечание А. Першина: «В ту суровую блокадную зиму не фашисты, а холод и голод были главными убийцами ленинградцев» // *Першин А.* Блокадная легенда...

³⁴ Ольга. Запретный дневник, запись от 26.04.1942. С. 97.

³⁵ Там же. Запись от 27.05.1942. С. 110.

И.Г. Страховская
(Государственная академия
славянской культуры, Москва)

Товарищу Кореневу, поэту и человеку

Abstract:

Strahovskaja I.G. *To the Comrade Korenev, poet and man*

The article is about the life and work of war poet Alexander Korenev, fall within the scope of the pen mates, united in the "Moscow community of poets" by Ilya Selvinskiy. His friends in the life and in Literaturnyj institute were Kulchytsky Mikhail and Nikolai Glazkov.

Ключевые слова: поэт-фронтовик, Александр Коренев, «московское содружество поэтов», Михаил Кульчицкий, Николай Глазков, Илья Сельвинский.

Если сказать кратко, строго, как бы телеграфной строкой, как, впрочем, это и зафиксировано ныне в электронных ресурсах Интернета, Александр Кириллович Коренев – поэт. В годы войны был парашютистом-десантником, выполнял задания в тылу врага, был тяжело ранен.

Все полегли при наступлении:
Почти весь полк,
Почти вся рота, все отделение...
Все поколение, исполнив долг.

Сложили головы, не прячась в сторону.
А кто случайно уцелел в бою,
На всех убитых – делит поровну
Награду каждую свою.

О, это поле, с холмами, с травами!
Повсюду сверстники лежат...
И каждый день восходит солнце алое,
Как общий орден на всех солдат¹.

Он как раз был из тех, кто уцелел случайно. Осенью 1941-го в дни битвы под Москвой добровольцем зачислился в маршевую роту, а в мае 1942-го, после окончания третьего курса Литинститута, ушел на фронт². Воевал на Сталинградском, Южном, Первом Украинском фронтах. Сам об этом в стихотворении «Памяти лучших», уже после войны, в 1957-ом, написал так:

Умирают раньше всех
Самые светящиеся, лучшие!
Хамства, лжи вся эта карусель

Их сильнее мучает.

Те, что не жалели для других
Молодой души своей и доблести.
Жизнь в ответ и убивает их
По закону подлости³.

Его ровесник и товарищ по перу Борис Слуцкий писал, кажется, о том же два года спустя, в 1959-м:

Убили самых смелых, самых лучших,
А тихие и слабые спаслись.
По проволоке, ржавой и колочей,
Сползает плюц, карабкается ввысь.
Кукушка от зари и до зари
Кукует годы командиру взвода
И в первый раз за все четыре года
Не лжет ему, а правду говорит.

Победу я отпраздновал вчера.
И вот сегодня, в шесть часов утра
После победы и всего почета –
Пылает солнце, не жалея сил,
Над сорока миллионами могил.
Восходит солнце,
не знающее счета⁴.

Итак, в 1942-м он стрелок автоматчик, в мае 1943-го окончил курсы младших лейтенантов, потом учился во 2-й спецшколе Центрального штаба партизанского движения в Москве и по окончании учебы «был заброшен во вражеский тыл, на территорию Восточной Пруссии, для выполнения особых заданий»⁵. Одним из немногочисленных источников, крайне скупо описывающих жизнь и творчество поэта, является библиографический справочник «Писатели Москвы»: «Корнев Александр Кириллович (2.10.1920 г., Москва) – поэт. Окончил Лит. ин-т им. А.М. Горького в 1942 г. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами: Красной звезды, «Знак Почета», «Крест Храбрости» (ПНР), медалями. Член СП СССР с 1954 г. Соч.: Поэзия: В незнакомом городе: Стихи. М., 1955; Пречистый бор: Стихи. М., 1957; Берега: Стихи. М., 1961; Взорванный горизонт: Стихи. М., 1962; Ярость: Стихи. М., 1964; Вполшелеста: Стихи. М., 1966; Горсть огня: Стихи. М., 1969; Золотой Аршан: Сб. Улан-Удэ, 1972; Окно океана; Стан. М., 1973; Песня о первых: Стихи. М., 1973; Вьюга: Стихотв. М., 1974; Избранное. М., 1979; Взморье: Стихи. М., 1983. Переводы: Мауленов С. Избранная лирика. М., 1967; Кадыры Р. Дугары древ-

них дорог. Ташкент, 1972; Мугаллин Л. Молодость как молния. М., 1976; Гул уйгурского бубна. М., 1979; Мугаллин Л. Майская песня. Ташкент, 1982. В соавт. с М. Хамраевым⁶.

В Литинституте он учился вместе с харьковчанином Михаилом Кульчицким, с которым не только дружил, но и высоко ценил его как поэта, находился под сильным его влиянием как личности. В 1941-м Кульчицкий вступил (записался) в истребительский батальон⁷, в середине декабря окончил пулеметно-минометное училище, получил звание младшего лейтенанта и был отправлен на фронт. 19 января 1943 г. командир минометного взвода, младший лейтенант Михаил Кульчицкий погиб при наступлении 6-й армии Юго-западного фронта от Сталинграда в район Харькова и был захоронен в братской могиле в селе Павленково Луганской области.

Любимыми поэтами Кульчицкого были: Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Борис Пастернак, Эдуард Багрицкий, Илья Сельвинский. Последний в конце 20-х годов в полемике с Маяковским отстаивал принципы конструктивизма, а в конце 30-х годов сплотил вокруг себя на семинаре при Гослитиздате «маленькую партию» – «московское содружество поэтов», в которую входили молодые поэты Павел Коган (1918–1942), Давид Самойлов (1920–1990), Борис Слуцкий (1919–1986), Михаил Кульчицкий (1919–1943), Николай Глазков (1919–1979). Был ли с ними Александр Коренев (1920–1989)? Поэзия решительно сводит и разводит людей. Это такой своеобразный тест на то, «кто ты есть» и «что ты есть», специфический тест на «свой – чужой». Во всяком случае, Илью Львовича Сельвинского (1899–1968) Слуцкий считал своим учителем:

Заученный, зачитанный,
Залистанный до дыр,
Сельвинский мой учитель,
Но Пушкин – командир.
Сельвинский мой учитель,
но более у чисел,
у фактов, у былья
тогда учился я⁸.

Но и у старших товарищей по перу, одинаково любимых Михаилом Кульчицким и Александром Кореневым, поэт Сельвинский был на особом счету:

Справа – курган,
Да слева курган;

Справа – нога,
Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейс посередке,
Сверху – фуражка...
А в походной сумке –
Спички и табак,
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...⁹

Михаила Кульчицкого товарищи признавали первым в «московском содружестве поэтов». Его гибель Слуцкий считал самой большой потерей русской поэзии на войне. Сам Слуцкий, окончивший Литинститут в 1941 г., с начала войны – рядовой 60-й стрелковой бригады, с осени 42-го – инструктор, позже, с весны 43-го – старший инструктор политотдела 57-й дивизии. Многократно ходил в разведпоиски, был тяжело ранен, контужен, но из армии демобилизовался лишь в 1946 г. в звании майора. Умер Борис Абрамович Слуцкий в день Советской Армии 23 февраля 1986 г. в психлечебнице города Тулы. Памяти Кульчицкого («устного поэта»), которого в то время знал только узкий круг читателей и почитателей, посвятил он свое стихотворение:

Одни верны России
потому-то,
Другие же верны ей
оттого-то,
А он – не думал, как и почему.
Она – его поденная работа.
Она – его хорошая минута.
Она была отечеством ему.

Его кормили.
Но кормили – плохо.
Его хвалили.
Но хвалили – тихо.
Ему давали славу.
Но – едва.
Но с первого мальчишеского вздоха
До смертного
Обдуманного
Крика
Поэт искал
не славу,
а слова.

Слова, слова.
 Он знал одну награду:
 В том,
 чтоб словами своего народа
 Великое и новое назвать.
 Есть кони для войны
 и для парада.
 В литературе
 тоже есть породы.
 Поэтому я думаю:
 не надо
 Об этой смерти слишком горевать.

Я не жалею, что его убили.
 Жалею, что его убили рано.
 Не в третьей мировой,
 а во второй.
 Рожденный пасть
 на скалы океана,
 Он занесен континентальной пылью
 И хмуро спит в своей глуши степной¹⁰.

К близкому другу обращается в своей поэме «Кульчицкий»
 и Александр Коренев:

Ты, Кульчицкий?
 Ты откуда? Здравствуй!
 Встреча через годы, не *пустяк*¹¹.
 Есть же где-то
 череп твой
 лобастый
 И крупнокалиберный костяк?
 Дух твой был велик, не только тело.
 Глубоко разведку мы вели.
 Как ты рано, глупо
 бросил дело
 Главное для нас. И для земли.

Далее – совсем уж с интонацией и словесными атрибутами
 стихов любимого Маяковского («А вы ноктюрн сыграть могли бы
 на флейте водосточных *труб*?»; «Ругань металась от писка до писка,
 и до-о-о-о-лго хихикала чья-то *голова*, выдергиваясь из толпы,
 как старая редиска»; «Любовь на *литавры* ложит *грубый*»¹²):

Вдоль по голой шее драный шарф
 Намотал ты, как вокруг *трубы*.
 Как аэростат – в сфере морозной –
 Круглая маячит *голова*,
 И *литаврами* – стихов слова.
 Так шагаешь ты, глазастый, рослый,

Михаил Кульчицкий, наш главарь.

И ниже:

Гремишь! «А ну-ка,
Стихи читаю, дуракам наука,
А понимающим – духовный свет.
Вот Саша Коренев,
Поэт-эстет...»

Ещё ниже:

Хлеба в Москве в обрез, карточки кстати.
С Мишкой подправим талон,
Но все равно не еда...
Коля Глазков живет
Тут на Арбате:
Дом сорок четыре, квартира двадцать два.

А в конце:

И тогда-то, друг,
Собрать мой славный,
Я и ты, тучей навесной,
Встретимся опять, уже на равных,
Где-нибудь на сквере в час ночной.
Не из ямы там или из гроба,
А с глухих высот небытия.
Господи, да мы убиты оба:
Пулей – ты,
замалчиванием – я¹³.

Глазков, живущий, как отметил выше Коренев, на Арбате, в доме сорок четыре, квартира двадцать два (сам Глазков в своих стихах сообщал этот адрес неоднократно), тоже не обошел Кульчицкого, сочинив на него пародию:

Если бы кто-нибудь мне сказал:
«Водку не пей – коммунизм начнется»
Я только бы губы свои покусал,
Я б только подумал: «Мне это зачтется».

И чтобы, как в русское небо,
Французские девушки смотрели ввысь,
Я б не пил, не пил, и не пил,
А потом бы не выдержал и выпил за коммунизм!¹⁴

Николай Иванович Глазков, известный как пионер «самсебяздата» и основатель литературного процесса для непечатаемых авторов, товарищ Александра Коренева (по стихам ясно) и Михаила Кульчицкого (из пародии следует), принадлежал к поколению поэтов, которое принято называть военным, однако в армию не призывался по состоянию здоровья, а сам, ерничая, говорил об

этом так: «Откосил». Во время войны учился в Литературном институте. Война, как и многое в его стихах, представлена необычными яркими ассоциациями, с высоким зарядом иронии:

С фашистской гидрой повсюду
Идет справедливая битва.
А Гитлер похож на посуду,
Которая будет разбита¹⁵.

Некоторые исследователи творчества Глазкова, как и сам Глазков, считают, что он идет от Хлебникова. «Был не от мира Велимир, но он открыл мне двери в мир»¹⁶. Несмотря на трудную писательскую судьбу, Глазков не был на обочине поэтической жизни, воспоминания о нем являются тому неопровержимым свидетельством¹⁷.

Фольклорный вариант одного из военных стихотворений Александра Коренева напечатал в “Огоньке” Е. Евтушенко как стихи “неизвестного поэта”, назвав автора гениальным и согласившись с мнением М. Луконина (1918–1976), что это лучшее стихотворение о войне. Евгений Винокуров (1925–1993) девизом ко всему творчеству Коренева поставил два твердых понятия: постоянство и верность. С этими качествами Коренев «примкнул» не только к кружку поэтов, но и к самой истории, слившись с ней. «Активность личного сопереживания истории, его драматизм – это не просто более свежий, нестандартный подход к теме, а углубление ее»¹⁸.

В конце 70-х годов Александр Коренев познакомился со своей тезкой, прозаиком Александром Русовым. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, знакомство быстро переросло в дружбу, которая продолжалась вплоть до смерти поэта, послужившего прототипом одного из трех alter ego центрального персонажа, или героя, романа А. Русова «В парализованном свете» (1981–1983), опубликованного в 1989 г., в год смерти Александра Кирилловича. Эпиграфом к книге послужили слова Данте из “Новой жизни”: «Сын мой, пришел срок расстаться с нашими ложными подобиями»¹⁹. В российско-болгарском журнале «Дружба» в 1986 г. появилась новелла Русова с коротким предисловием: «А.К. и Л.Я. посвящаются»²⁰. Со временем выяснилось, что под инициалами А.К. имелся в виду поэт, памяти которого Михаил Красиков посвятил четыре строки²¹:

А этот человек с усмешкою мальчишки
И в старости летал, как птенчик удалой.

Его стихи не умещались в книжки
И жили, как костер, подернутый золой.

А с фотографии из архива Кульчицкого, с легким прищуром, стоя вполоборота, смотрит чуть сверху на нас 18-летний Александр Коренев в шляпе, с папиросой в углу полуоткрытого рта, в пальто с приподнятым воротником. Если бы можно было перевернуть эту фотографию, предваряющую посмертный сборник стихов А. Коренева «Черный алмаз», мы бы увидели расплывающиеся крабы серьезных мальчишеских карлочек: «Кульчицкому – в знак памяти от первого вечера. Коренев. 28/ХІІ-39». И далее – ненаписанное:

...иду красивый, / двадцатидвухлетний²²...

...И вот, надвинув кепи на лоб
И фотогеничный рот шарфом обмотав,
Идет на промысел вор...
И, ундервудов траурный марш
Покинув до утра,
Конфетные барышни спешат встречать героев кино...²³

Примечания

¹ Коренев А. Взморье: стихи. М.: Советский писатель, 1983. 120 с.

² viperson.ru/wind.php?ID=655083

³ Коренев А. Черный алмаз. Стихотворения. Харьков: КЛИО, 1994. С. 45.

⁴ Слуцкий Б. Собрание сочинений в трех томах. – М.: Художественная литература, 1991.

⁵ Красиков М.М. Слово о «неизвестном поэте». Вступительная статья. // Александр Коренев. Черный алмаз. Стихотворения. Харьков: КЛИО, 1994. С. 6.

⁶ Писатели Москвы: Библиографический справочник / Сост.: Е.П. Ионов, С.П. Колов. – М.: Московский рабочий, 1987. 543 с.

⁷ Истребительский батальон – военизированное, добровольческое формирование советских граждан, личный состав которого нес службу без отрыва от работы на производстве.

⁸ Слуцкий Б. Собрание сочинений в трех томах. – М.: Художественная литература, 1991.

⁹ Эдуард Багрицкий (1895–1934), «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым» (1927) // Багрицкий Э.Г. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1956.

¹⁰ Борис Слуцкий. М. В. Кульчицкий (1961) // Слуцкий Б. Собрание сочинений в трех томах. – М.: Художественная литература, 1991.

¹¹ Ср.: «Пусть другие дразнятся! / Наши дни легки... / Десять лет разницы – / Это пустаки!» (Э. Багрицкий, «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым»).

¹² Маяковский В. Собрание сочинений в четырех томах под редакцией Л.Ю. Брик и И.К. Луппола. Т.1. М.: Гослитиздат, 1936. С. 39, 41, 96.

¹³ Александр Корнев. Кульчицкий. Поэма (1967) // *Корнев А.* Черный алмаз. Стихотворения. Харьков: КЛИО, 1994. С. 67–72.

¹⁴ Николай Глазков. Пародия на Михаила Кульчицкого (1942) // *Глазков Н.И.* Избранное. – М.: Художественная литература, 1989. 541 с.

¹⁵ *Глазков Н.И.* Избранное. М.: Художественная литература, 1989. 541 с.

¹⁶ <http://vcis.ch.narod.ru/Glazkov.pdf> Файл подготовлен к 90-летию со дня рождения поэта.

¹⁷ Воспоминания о Николае Глазкове. Составители Р.М. Глазкова, А.В. Терновский. М.: Советский писатель. 1989. 528 с.

¹⁸ *Винокуров Е.* Постоянство. Предисловие // *Корнев А.* Избранное. М.: Художественная литература, 1979. С.5.

¹⁹ *Русов А.Е.* В парализованном свете. М.: Советский писатель, 1989. 688 с.

²⁰ *Русов А.* Двое в дюнах // Дружба. 1986. № 1. С.85–100.

²¹ *Корнев А.* Черный алмаз. Стихотворения. Харьков: КЛИО, 1994. С. 110.

²² Владимир Маяковский. Облако в штанах (1915) // *Маяковский В.* Собрание сочинений в четырех томах под редакцией Л.Ю. Брик и И.К. Луппола. Т.1. М.: Гослитиздат, 1936. С. 96.

²³ Эдуард Багрицкий. Ночь (1926) // *Багрицкий Э.* Избранное. М., 1987.

Л.Ф. Широкова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Словацкая проза о Второй мировой войне и ее место в литературном процессе

Abstract:

Shirokova L.F. Slovak prose about World War II and its place in the literary process

The events of World War II and the Slovak national uprising had a significant impact on the field of ideology and culture. In the Slovak literature, significant changes took place. The motive of war was for many years the backbone, attracting writers of various ideological and artistic orientations, creative or life experience, including direct participants of the anti-fascist Resistance. The motive of war got its most vivid embodiment in the novels of the turn of the 1950s and 1960s, when authors departed from rigid ideological and aesthetic standards of the age and showed the tragic events of the wartime through the prism of people's destinies.

Ключевые слова: Словацкая литература, военная проза, жанрово-стилевое многообразие, герой и конфликт.

Важнейшими вехами в истории Словакии XX в. стали события, связанные со Второй мировой войной и Словацким национальным восстанием 1944 г. На протяжении послевоенных лет менялись, в том числе и в научной литературе, оценки этого периода – в зависимости от политической обстановки в стране и политических убеждений того или иного исследователя. Особенно остро вставал вопрос о Словацком национальном восстании, которое и в наши дни оказывается порой объектом споров по поводу его закономерности или чужеродности в словацкой истории, общенародного или сектантско-коммунистического характера его подготовки и проведения и др.

Л. Липтак в своей книге «Словакия в XX веке» (2000) отмечал: «В той же мере, что и разнообразие суждений, которые пришлось ощутить на себе широкому и терпеливому хребту повстанческих гор за столь короткое время, примечательно и то, до какой степени интерес историков и публицистов был сосредоточен не на самом ходе восстания, а, скорее, на его подготовке, на действительных и вымышленных вариантах восстания... Вне центра внимания часто оставалось главное и существенное – само восстание, жизнь на освобожденной территории, бои, победы и поражения. Именно то, что запечатлелось не только в историогра-

фии, но и в сознании народа, ...что определяет ничем не заменимый, неповторимый и неистребимый момент аутентичного исторического переживания. Переживания настолько реального, что его не сможет вымарать никакое новое толкование или исказить пусть даже тысяча толстых томов, статей и постановлений; мало того, это переживание настолько сильное и глубокое, что исподволь вбирает в себя даже те слои, группы и местности, которые в самом восстании участвовали лишь «сбоку»; тем самым оно становится поистине *национальной традицией*¹.

События Второй мировой войны и Словацкого национального восстания во многом определили послевоенный облик Словакии, повлияли на расстановку политических сил, на сферу идеологии и культуры, значительные изменения произошли и в литературе.

После 1945 г. тема войны и Восстания на долгие годы оставалась магистральной для словацкой литературы. Она привлекала к себе писателей разных идейно-художественных направлений, творческого и жизненного опыта. Переживаемые отдельно взятым человеком и большими массами людей драматические, а часто и трагические события, связанные с этим пограничные состояния человеческой психики, испытания нравственных, духовных, религиозных основ личности и социума – все это требовало серьезного художественного осмысления и в то же время отвечало потребностям развития литературы. По мере своего развития, обусловленного в этот период не столько эстетическими, сколько идеологическими факторами, эта тема приобретала различные модификации, жанровые и идейно-художественные воплощения.

Можно отметить несколько волн подъема «военной прозы», связанных как с особенностями литературного развития, так и с запросами времени, идеологическими требованиями к культуре.

На начальном, послевоенном этапе (1945–1948 гг.) очевидным было ее идейно-стилевое разнообразие. К теме войны обращались дебютанты, сами в недавнем прошлом участники войны. В. Минач (роман «Смерть ходит по горам»), К. Лазарова (повесть «Друзья») и др. Писатели более зрелого поколения, уже обладавшие большим литературным опытом, освещали события войны в присущих им идейно-стилистических формах; в числе них близкие к неоромантической традиции Ф. Швантнер (рассказы «Крестьянин», «Священник», «Дама», «Письмо») и К. Горак (роман «Горы молчат»), приверженец социалистического реализма П. Илемницкий

(роман «Хроника»), близкий к экспрессионизму Я. Боденек (сборник рассказов «Из волчьих дней»).

В 1950–1955 гг. наметилось усиление политического и идеологического давления на культуру, в литературе это период насаждения метода социалистического реализма, отразившийся, в частности, в крупных прозаических формах, где многие явления были представлены упрощенно и схематично. При этом тема Словацкого национального восстания на определенное время, когда шли репрессии по отношению к руководителям Восстания, была почти вытеснена из литературы темами индустриализации и коллективизации. Редкими исключениями стали романы Д. Татарки «Первый и второй удар» и П. Карваша «Это поколение», «Поколение атакует». Первые попытки преодоления шаблонов соцреализма относятся к 1956 г., когда вышли в свет произведения А. Беднара (роман «Стеклопанна гора» и сборник рассказов «Часы и минуты»), вызвавшие острую критику в печати.

Следующий период (1958–1964 гг.) стал временем расцвета крупных синтезирующих жанров. Писатели, авторы трилогий, романов-эпопей по возможности отходили от жестких идейных и эстетических норм; в их произведениях трагические события военных лет, пережитые страной испытания показаны через призму живых человеческих судеб. Среди лучших романов этих лет – «Поколение» В. Минача, «Мертвые не поют» Р. Яшика, «Смерть зовется Энгельхен» Л. Мнячко, «Аменмария. Только хорошие солдаты» Л. Тяжкого и др.

Подъем военной прозы заметен и в середине 1970-х – начале 1980-х годов, когда «юбилейная» тема Словацкого национального восстания (в 1974 г. широко отмечалось его 40-летие) помогла одним писателям опубликовать свои произведения после вынужденного молчания (В. Шикунла «Мастера», М. Дзвоник «Пепелища»), другим, начинающим – ярко заявить о себе (Ю. Балцо «Восково-желтое яблоко», 1976; В. Швенкова «Кедровый лес» и др.).

* * *

Произведения первых послевоенных лет (1945–1948) отличались большим художественным многообразием, обусловленным различием жизненного и литературного опыта, возможностью выражения идеологических позиций и творческих принципов писателей. Общим же их свойством стали непосредственность впечат-

лений, большая жизненная и психологическая достоверность, особенно присущая лучшим их образцам. Нередко произведения создавались на основе реальных событий, пережитых или зафиксированных их авторами. Они отличались приближенному к документальности способу изложения событий и в то же время - остротой и экспрессивностью художественного выражения. Многие из начинающих писателей были в рядах повстанцев (В. Минач, П. Карваш, К. Лазарова и др.), и их дебюты естественным образом связывались с тематикой восстания, отражали их собственные судьбы и настроения той поры.

Владимир Минач (1922–1996) вступил в литературу в 1948 г. романом «Смерть ходит по горам», в котором он художественно переосмыслил личный трагический опыт партизана и узника фашистского концлагеря. Центральные герои романа – братья Ян и Петер Лотары – наделены автором многими автобиографическими чертами. Их военные судьбы складываются по-разному, но одинаковым оказывается постоянное ощущение экзистенциальной угрозы, балансирования на краю гибели. Петер попадает в плен и на протяжении всего романа, измученный и полуживой, проходит по кругам ада фашистских тюрем и концлагерей. Ян продолжает партизанскую борьбу в горах, перенося холод и голод, подвергаясь ежеминутно смертельной опасности. Ощущения и переживания братьев очень схожи, они – словно две модели судьбы одного и того же человека, для которого единственным желанием стало выживание. Литературная критика того времени, ориентирами для которой служили идейные постулаты социалистического реализма, ставила молодому писателю в вину пессимистический настрой романа, индивидуализм с оттенком чуждого экзистенциализма. Впоследствии, в трилогии «Поколение», Минач изобразил восстание в крупном эпическом формате, несравненно более широком по охвату социальных, политических и личностно-типологических параметров. Но его дебютный роман, благодаря эмоциональной непосредственности и достоверности в изображении психологических состояний человека в антигуманных условиях войны, остается одним из лучших произведений послевоенной словацкой прозы.

С 1945 г. в периодической печати начали появляться рассказы с военной тематикой известного уже к тому времени писателя Яна Боденка (1911–1988). Позднее они вошли в сборник, получивший название «Из волчьих дней» (1947). В пяти рассказах

книги представлены различные проблемные и художественные аспекты изображения событий войны и восстания. Так, в рассказе «Первая атака» автор в экспрессионистской манере, резкими контрастными мазками создает обобщенный образ партизанской группы, совершающей свою первую акцию. Персонажи безымяны и лишены каких бы то ни было индивидуальных черт («фигуры», «пригнувшиеся тени», «черный восклицательный знак»). Они выступают как единый организм, монолитная масса («их плечи сливались в темноте, словно черная стена»), руководимая общим чувством ненависти к врагу. Социально-критический пафос, характерный для ранних произведений Боденка, звучит и в самом большом по объему рассказе сборника «Злость». Оказавшись в фашистской тюрьме, бывшие члены повстанческого комитета, среди которых – представители местной буржуазии, в ожесточенных спорах выясняют, по чьей инициативе началась «эта безумная затея» – восстание. Лишь один партизан Вронч сохраняет человеческое достоинство, а в финале – единственный из арестованных спасается – благодаря своей неистребимой «злости» по отношению к оккупантам. Писатель применил в сборнике и гротесково-фантастические приемы («Живой человек»), и элементы психологического детектива («Ночной допрос»).

Йозеф Горак (1907–1974) выступил в этот период как продолжатель линии лиризованной прозы². В его романе «Горы молчат» (1947) черты, присущие словацкому натуразму (одушевление и поэтизация природы, мифологизация сил добра и зла, цельные народные характеры) используются автором для изображения нового для этой прозы, социального конфликта. Старик-горец Бугала-Ваган, чью жизнь с ее патриархальным укладом разрушила война, воспринимает нашествие фашистов-карателей как осквернение родного дома, «вмешательство дьявола в божье дело». Объявив им свою собственную, личную войну, он становится союзником и помощником партизан, в которых видит преемников легендарного «справедливого разбойника» Яношика.

Глубиной социально-психологического анализа отличаются написанные в первые послевоенные годы рассказы Франтишека Швантнера (1912–1950). Один из ярких представителей натурализма, чьи книги («Малка», «Невеста горных лугов») стали значительным явлением в словацкой литературе, Швантнер ощущал необходимость внутренней творческой перестройки, расширения своего художественного видения мира за счет социально-нравствен-

венных сторон человеческого бытия, которые отчетливо и обостренно выразились в пору войны. Размышляя о нравственных итогах восстания, он писал: «В эти грозные, полные напряженной динамики дни наши люди сдавали экзамен на человечность, соскребали с себя наносы цивилизации... В человеке обнажалось самое его ядро. Кто-то стоял с гордо поднятой головой, подставив лоб под пулю, кто-то дрался, словно лев, кто-то шатался, полз, но все же вставал, а кто-то так и оставался лежать, желая быть камнем, бревном, травой, чем угодно, только не человеком. Для меня же главное – именно человек»³. Человек – дитя природы, средоточие отвлеченных, мифологизированных воплощений добра и зла уступил в новых произведениях Швантнера место другому герою, чьи поступки и весь облик определялись во многом его социальным статусом (об этом говорят и сами названия рассказов – «Крестьянин», «Священник», «Дама»). События первых двух рассказов происходят во время восстания. Место действия традиционно для натурализма – это удаленные от большого мира деревеньки, затерянные среди гор. Но центральные герои существенно отличаются от прежних своим реальным жизненным содержанием, «приземленностью».

Крестьянин из одноименного рассказа – «молодой и здоровый», один из множества себе подобных, доволен своей упорядоченной, безбедной жизнью. Но вдруг ее спокойное течение нарушает непонятная и в высшей степени чуждая ему война с вылазками партизан и акциями карателей в непосредственной близости от его хутора. Страх и неприязнь вызывают у крестьянина и те, и другие; он мечтает только об одном – любой ценой избавиться от пришельцев и вернуть свою жизнь в привычную колею. Писатель прослеживает процесс стремительной нравственной деградации своего персонажа, приводящей его в финале к преступлению: крестьянин убивает больного, обессиленного человека, оставленного партизанами на его попечение.

Иная социальная психология и иная развязка драматической ситуации представлена в рассказе «Священник». Его герою также непонятна «чужая», еще недавно столь далекая война, ворвавшаяся вдруг в тихий сельский мирок; странными кажутся ему отчаянные «бунтовщики», которые посмели восстать против немецкой военной мощи, нарушив устоявшийся уже порядок. Священник предпочел бы оставаться в стороне от чужих «мирских» споров, но угроза жизни и благополучию его прихожан, долг

пастыря побуждают его к активным, даже самоотверженным при всей их практической бесполезности действиям. Посреди деревни, ставшей полем боя, он служит большую праздничную мессу, желая отвести грозящую беду. Нагрянувшие немецкие танки он воспринимает поначалу как божье провидение, орудие, разящее «всех, кто нарушает порядок и спокойный труд человека». Однако, увидев истинное лицо фашизма («не люди, а холодные машины», «за их лбами таилась самоуверенная и торжествующая смерть»), священник осознает справедливость и необходимость борьбы с ним: «Иногда нужно бросить плуг, отложить молитвенник, закрыть церковь и взяться за оружие... нужно выйти в поле и убивать, чтобы убийство не стало правилом»⁴.

С кратких рассказов, близких к очерку, начал разработку темы народного сопротивления фашизму Петер Илемницкий (1901–1949) – один из ярких представителей еще одного направления словацкой литературы – социалистического реализма⁵. Посвященный событиям восстания роман «Хроника», написанный им в 1947 г., долгое время считался эталонным; непрменные атрибуты народности и партийности сочетались в нем с высоким художественным уровнем. В изображении движущих сил восстания Илемницкий был далек от патетики, от идеализации и монументализации повстанцев. При почти полной документальности события и персонажи в романе глубоко индивидуализированы, привязаны к родной почве. Особенность повествовательной конструкции – «аутентичный» рассказ от лица местного жителя, лесничего Гондаша – обусловила способ отбора и изложения фактов.

Борьба с «буржуазным национализмом», развернувшаяся после 1948 г., затронула и Словакию. Обвинения были выдвинуты против значительной части руководства Словацкого национального восстания (Г. Гусака, Л. Новомеского, К. Шмидке и др.), последовали суровые репрессии. Это не могло не повлиять на политическую и идеологическую оценку самого этого события. «Искаженное, несправедливое, а часто и пренебрежительное толкование восстания, – отмечал исследователь Б. Тругларж, – ...скользило силы литературы, ...отнимало у наиболее зрелого писательского поколения живительный источник творчества»⁶. Тема восстания на какое-то время почти исчезла из литературы, уступив место «отработке» приветствовавшихся в эти годы тем коллективизации на селе, индустриального подъема и перековки человека в духе нового, социалистического коллективизма. Вновь о

времени войны и восстания, о его проекции на настоящее заговорил А. Беднар в своем романе «Стеклянная гора» (1954) и в сборнике новелл «Часы и минуты» (1956).

Своего апогея развитие военной темы достигло во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов, когда были созданы крупные эпические произведения о Второй мировой войне и Словацком национальном восстании В. Минача (трилогия «Поколение», 1958–1961) Р. Яшика (роман «Площадь святой Альжбеты», 1958 и незавершенная трилогия «Мертвые не поют», 1961), Л. Тяжкого (роман «Аменмария. Только хорошие солдаты», 1964), Л. Мнячко (роман «Смерть зовется Энгельхен», 1959). Разные по идейной концепции и способу ее художественной реализации, они отразили поколенческий и личный опыт современников и участников исторических событий. При большем или меньшем соответствии принятым в тот период в литературе нормам социалистического реализма, лучшие произведения этого времени сохранили свою художественную привлекательность до наших дней благодаря жизненной достоверности характеров и судеб, психологизму в передаче состояния и мотивов поступков персонажей.

Эталонным произведением этого периода стала трилогия В. Минача «Поколение» («Долгий час ожидания», 1958; «Живые и мертвые», 1959; «Колокола возвещают день», 1961). В. Минач, сторонник социалистических идеалов, в художественной практике не следовал жестким стереотипам и догмам «схематизма» начала 1950-х. В трилогии он трансформировал собственный жизненный опыт и, что не менее важно, воплотил свои представления и политические убеждения в живой беллетристической форме. При этом созданная им система персонажей подчинена центральной авторской идее – идее воспитания поколения революцией (восстанием), коммунистической партией, стоящей во главе борьбы за национальную свободу и социальную справедливость. В характере и биографии центрального персонажа трилогии, Марек Угрина, как и других персонажей первого плана, можно обнаружить лишь немного от их создателя (в отличие от героя дебютного романа Минача, Петера Лотара). Во всем сомневающийся бедный студент, каким предстает Марек вначале, становится по воле писателя активным участником восстания, а затем – журналистом с коммунистическими убеждениями. Даже любовная линия, как необходимая дань жанру, предстает в романе как испытание с социальным, а то и с идеологическим подтекстом. Идейный послыл

трилогии Минача, по справедливому замечанию словацкого литературоведа В. Марчока, это «восстановление авторитета Словацкого национального восстания в сознании общества, ...монументализация исторического подвига своего поколения, ...и вместе с тем – утверждение исторической закономерности победы коммунистов в борьбе с фашизмом и в построении социализма»⁷.

В начале трилогии молодые герои – студент Марек Угрин, девушка из богатой буржуазной семьи Ольга Феркодичева, медичка Эма Бурьянова, молодой офицер Ян Лабуда, начинающий поэт Август Шернер и другие – предстают перед читателем, как «чистые листы», незрелые, не сложившиеся еще до конца люди; «они были молоды и ни во что не верили»⁸. Изначально цельным предстает лишь характер Янко Крапа, молодого пролетария, убежденного коммуниста. Автор сразу дает ему прямую характеристику: «Янко Крап не думает о своей молодости, он зорко и настороженно смотрит на мир вокруг себя»; «он считал себя героем. Два года работал в подполье»⁹. Вводя в сюжет очередной персонаж, Минач вкратце характеризует его облик и поведение и не скупится при этом на социально-политические оценки: «Архитектор Феркодич – богатый и важный господин. Он строит себе виллу и заседает в парламенте. Истым словаком он стал как раз в ту пору, когда это было выгоднее всего, ...до этого он был аграрием»¹⁰. Отрицательные персонажи сразу же представляются читателю в резко-критическом ключе: «Старый Угрин был рослый, здоровый и кряжистый мужик, вспыльчивый и неумный в бешенстве; шумный и чванливый, ...он хотел, чтобы его боялись»¹¹. Особенно гротескно-сатирически рисует писатель портреты политических и классовых врагов – активистов словацкой националистической Людовой партии и ее военизированной гвардии и их приспешников. В таком ключе, например, описывает Минач президента марионеточного Словацкого государства Йозефа Тисо: «Старик этот был самым почитаемым и самым ненавидимым человеком в своей стране. Его бледно-серое лицо, рассеченное под лучами прожекторов черными тенями, походило на лицо трупа»¹².

Действие трилогии развивается по нескольким сюжетным линиям, группируемым вокруг того или иного центрального персонажа. При этом в каждой линии сохраняется тональность, заданная этим персонажем. Так, в сюжетной линии Марека Угрина на протяжении всех трех романов, при наличии выраженного лю-

бовного мотива, преобладает идейно-воспитательная направленность. В главах, связанных с фигурой Янко Крапа, подчеркнута звучит героический пафос (подпольная партийная работа, сцены в партизанском отряде). Развитие «женских» линий (Ольга Феркодичева, Эма Бурьянова) определяется становлением и классовой «перековкой» характеров, сопровождающимися эмоциональные потрясения и любовные переживания героинь. Сатирическими тонами окрашены сюжетные линии представителей буржуазии, приспособленцев и карьеристов – архитектора Феркодича и поэта Августина Шернера. И убийственно-обличительно звучит авторский голос в сценах, где появляются враги – фашисты, «людаки», «гардисты»¹³, такие как Филип Грахо или Винцент Ульрих.

Все сюжетные линии, развивавшиеся в первом томе почти параллельно, переплетаются во втором романе, где описываются события Словацкого национального восстания – с первых его дней августа 1944 г. и до момента прихода в Словакию Красной армии. Повествование изобилует массовыми сценами, описаниями эпизодов партизанской войны. Как коллективный герой выступает в романе и население, восторженно встречающее отряды повстанцев: «В этих глазах была и просьба, и вера, и надежда. Вы – наши, – говорили эти взгляды, – наши близкие и родные, и мы верим в вас, верим, что вы нас защитите...»¹⁴. Коллективное начало берет верх над индивидуализмом даже у таких персонажей, как сомневающийся во всем интеллигент Марек Угрин или самовлюбленный эгоист капитан Лабуда. Эпическое действие в еще большей мере, чем в первом романе, преобладает здесь над описанием переживаний, внутреннего мира героев.

Представляя восстание как сознательный акт и одновременно – естественный порыв масс, Минач в тоже время не закрывает глаза на его «острые углы» и противоречия, подчеркивая при этом идеологические моменты. Если в первые дни восстания хаос и неразбериха были вызваны стихийностью движения («Все развивалось по каким-то невысказанным законам... Это был абсолютный хаос»), то, описывая тяжелые дни поражения, автор указывает на причины иного характера: «Нити взаимной вражды вели от штабов высшего командования к фронтам, к исполнительным органам революционной власти. Здесь был вопрос политический»¹⁵. Успехи повстанцев связаны, главным образом, с личным героизмом и самоотверженностью коммунистов, прежде всего –

Янко Крапа, а также таких отчаянных вожаков, как капитан Лабуда, которые не жалели ни себя, ни других.

Идея пролетарского интернационализма воплощена в романе в фигурах русских партизан, сражающихся плечом к плечу со словаками, и – особенно ярко, с большой долей авторской симпатии – в фигуре старого коммуниста-интернационалиста комиссара Бенде. Внешне смешной и нелепый, «низенький, круглый и толстый», он «очень плохо говорил по-словацки, причем даже не с одним, а с несколькими иностранными акцентами», однако сила убежденности, внутренняя энергия заставляла суровых партизан слушать его, затаив дыхание. Именно комиссар Бенде становится своего рода духовным наставником для Марека Угриня, воспитавшим из него к концу трилогии настоящего коммуниста.

Марек Угрин – единственный персонаж, внутреннее развитие которого прослеживает Минач. Другие центральные персонажи романа переживают внешние, событийные перипетии, более или менее закономерные повороты судьбы. Распрошавшись с верой в бога и в справедливость, пережив потери и разочарования, он остается чистым душой юношей и вместе с тем – податливым материалом в руках автора. Марек, в начале романа рефлексирующий разочарованный интеллигент, закалившийся в восстании телом и духом, становится оптимистом, сознательным бойцом революции: «Новая жизнь будет необычной и интересной, ...это начало нового пути и конец тьмы, это – победа»¹⁶. Говоря о поначалу настороженном, недоверчивом отношении Марека к марксизму («он боялся внутренних тисков, ...четкости и однозначности учения»), писатель тут же находит этому объяснение («он, как большинство буржуазных интеллектуалов, попал под влияние мифов и легенд о марксизме, в том числе и фашистских мифов и легенд»). Постепенно, осваивая марксизм «на практике», общаясь с коммунистами в партизанском отряде, Марек осознает, что это «бескомпромиссное учение, с ним нельзя ни заигрывать, ни даже всерьез бороться – ему нужно отдаться полностью». В конце романа, уже став известным журналистом, Марек вступает в партию, не желая оставаться в стороне от обострившейся в послевоенные годы классовой борьбы. В третьем томе трилогии Минач особенно прямолинейно проводит грань между «своими», т.е. коммунистами, и «врагами», стремящимися к реваншу представителями реакционных сил. Резко негативно, в прямых публицистических высказываниях, он характеризует расстановку сил и об-

щественно-политическую обстановку накануне парламентских выборов 1946 г., принесших в Словакии победу правой Демократической партии: «Страх за имущество и капиталы расплзался по стране, ...этот страх сплывал ряды “правоверных словаков” и питал их силы для защиты “демократии”»¹⁷.

«Роман идей» – так характеризует произведение Минача Я. Штевчек в своем фундаментальном исследовании «История словацкого романа» (1986). В основе трилогии Минача, по убеждению словацкого литературоведа, лежит «проблематика, типичная для литературного процесса пятидесятых годов, когда главной составляющей произведения была оценка писателем действительности, его мировоззрение и твердая жизненная позиция»¹⁸.

Публицистический пафос в финале трилогии несколько снижает общее художественное впечатление, однако в целом произведение В. Минача остается значительным памятником и поколению участников Словацкого национального восстания, и своей литературной эпохе.

Примечания

¹ *Lipták L.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 2000. S. 243.

² Лиризованная проза (термин Я. Штевчека) – характерное явление в словацкой литературе межвоенного периода, подразумевающее ослабление эпического начала за счет поэтизации художественного высказывания. Самое яркое течение в рамках лиризованной прозы – так называемый натурализм (конец 1930–1940-е годы), родственник европейскому регионализму. В русле этого течения создавали свои произведения Ф. Швантнер, М. Фигули, Д. Хробак, Л. Ондрейов.

³ *Švantner F.* Malka. Bratislava, 1965. S. 255.

⁴ *Швантнер Ф.* Избранное. Л., 1984. С. 220.

⁵ Течение в литературе XX в., основанное на идейных принципах коммунистической партийности, народности, революционного оптимизма, а с точки зрения эстетики – на понятности, типичности и конкретности изображаемого. В словацкой литературе соцреализм бытовал – с разной степенью продуктивности – с середины 1930-х до конца 1980-х годов.

⁶ *Truhlár B.* Veľká inšpirácia. Bratislava, 1967. S. 12.

⁷ *Marčok V. a kolektív.* Dejiny slovenskej literatúry III. Bratislava, 2004. S. 199.

⁸ *Mináč V.* Generácia. Bratislava, 1969. S. 15.

⁹ *Ibid.* S. 40.

¹⁰ *Ibid.* S. 61.

¹¹ *Ibid.* S. 103.

¹² *Ibid.* S. 92.

¹³ «Людаки» – члены правящей в 1939–1945 гг. клеро-фашистской Глинковской народной («плодовой») партии; «гардисты» – члены военизированных подразделений Глинковской гвардии («гарды»).

¹⁴ Ibid. S. 315.

¹⁵ Ibid. S. 323.

¹⁶ Ibid. S. 611.

¹⁷ Ibid. S. 768.

¹⁸ *Števček J.* Dejiny slovenského románu. Bratislava, 1989. S. 486, 531.

V. Политика, школа, культура рубежа XIX–XX вв.

Л.А. Кирилина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Некоторые аспекты политической деятельности И. Хрибара в конце XIX – начале XX вв.

Abstract:

Kirilina L.A. *Some aspects of political activity of I. Hribar at the end of 19 – beginning of the 20 centuries*

The article deals with some aspects of political activity of I. Hribar, one of the Slovenian liberal leaders, especially in the years 1896–1910, when he was the mayor of city Ljubljana and analyses reasons of crash of his political career in the Austro-Hungarian monarchy.

Ключевые слова: Иван Хрибар, словенские земли, Австро-Венгерская империя, словенские либералы, национально-политическая и культурная деятельность.

В словенской общественной жизни конца XIX – начала XX вв. деятельность Ивана Хрибара (1851–1941) представляла явление исключительное. Среди словенских либеральных политиков той поры он, пожалуй, обладал самым широким кругозором и, вместе с тем, наибольшей преданностью своим убеждениям. И. Хрибар был личностью разносторонне одаренной и обладал неиссякаемой энергией. Сын крестьянина, так и не получивший высшего образования, успехов в карьере он достиг исключительно благодаря своим талантам. Хрибар был политиком и банкиром, а также поэтом, писателем и переводчиком.

Политическая карьера Хрибара продолжалась почти 70 лет. В 1870 г. он стал служащим чешского банка «Славия», с которым судьба связала его почти на столетия (до 1919 г.). С 1876 г. он являлся генеральным представителем этого банка в Любляне (нем. Лайбах). В 1882 г. его впервые избрали в Совет Общины г. Любляны, в составе которого он находился 28 лет. В течение 14 лет (1896–1910) Хрибар занимал должность жупана (бургомистра) г. Любляны. В 1894 г. вместе с И. Тавчаром он стал одним из основателей и лидеров партии словенских либералов (Националь-

ной, с 1905 г. Национально-прогрессивной), а в 1906–1910 гг. являлся ее председателем. Был он и членом Крайнского провинциального собрания (1889–1908), депутатом австрийского рейхсрата (1907–1911). В 1920–1930-х годах занимал разные посты в югославских правительствах.

Остановимся подробнее на характеристике ряда аспектов политической деятельности Хрибара в 1890–1910 гг. (период наивысшего подъема его деловой активности и популярности в словенских землях) и попытаемся проанализировать причины краха его политической карьеры в Австро-Венгерской империи.

Главный акцент в своей программе словенские либералы делали на решении национальных задач, которые доминировали в их политических и экономических начинаниях. Однако, в отличие от большинства своих единомышленников, Хрибар избежал недооценки значения экономического вопроса для достижения национальной и политической независимости своего народа. С начала 1870-х годов почти двадцатилетие габсбургские владения переживали тяжелейший экономический кризис, протекавший в словенских землях крайне мучительно и приведший к разорению множество крестьян. Уже в начале своей политической деятельности Хрибар подчеркивал, что не может представить себе «крепкого национального самосознания в условиях резкого ухудшения материального положения» народа¹. Стремился он и к вовлечению словенских крестьян в современные формы экономической и финансовой деятельности. Еще в начале 1880-х годов он предлагал основывать ссудные кассы для крестьян², видя в них эффективное средство для улучшения их благосостояния. Крупнейший словенский национальный деятель, которого называли «отцом словенского народа», Я. Блейвейс незадолго до смерти (1881 г.) предлагал Хрибару занять должность члена Комитета Крайнского крестьянского общества³. Хрибар отказался от этой чести, считая, что слабо разбирается в аграрном производстве. Крестьян его хозяйственные инициативы не затрагивали, банки, кредиты, ипотeki были для них делом непонятным. Более того, и многие коллеги-либералы еще не были готовы к восприятию его идей.

Прежде всего Хрибар стремился к развитию и укреплению словенской экономики и торговли, к созданию словенского капитала и росту его конкурентоспособности по отношению к немецкому и итальянскому, к национально-культурной и политической эмансипации словенских предпринимателей. Инициативы его ка-

сались, в основном, сферы финансов, городского благоустройства и национально-культурного развития словенцев.

Наиболее успешной оказалась деятельность И. Хрибара как талантливого банкира, предпринимателя и муниципального политика. И в Совете общины Любляны, и в Крайнем провинциальном собрании он выступал за политику скорейшей и широкой модернизации. С 1882 г. в Совете Общины Любляны Хрибар предлагал создать Городской сбербанк в противовес немецкому Крайнему сбербанку. Из-за противодействия немцев сбербанк был открыт только в 1889 г., а серьезную конкуренцию Крайнему начал представлять лишь накануне Первой мировой войны. В 1900 г., во многом на средства чешского Живностенского банка, открылся Люблянский кредитный банк, который И. Хрибар возглавлял с 1900 г. по 1916 г.⁴ В Крайнем провинциальном собрании Хрибар уже в 1889 г. впервые выступил с предложением основать ипотеку в Крайне и вновь выдвигал его в 1892, 1896, 1902 гг., однако понимания среди своих коллег-либералов не встретил. По иронии судьбы, эту идею Хрибара восприняли его политические противники – католики, которые создали ипотеку в 1908 г., когда пришли к власти в Крайнем провинциальном собрании⁵.

Хрибар мечтал превратить Люблян, провинциальный центр Крайны, из «большой деревни», как охарактеризовал ее либерал И. Тавчар, в современный европейский город, столицу словенцев: «белая Любляна», подобная «золотой Праге». Эта идея казалась несбыточной даже многим его единомышленникам. Любляна в 1880-е годы была маленьким провинциальным городком с населением 22 тыс. человек, с узкими улочками, без водопровода и электричества. Питьевую воду жители набирали в основном из городских фонтанов, уровень гигиены был очень низок и не соответствовал элементарным санитарным нормам.

Страшные эпидемии холеры, унесшие множество жизней в Европе во второй половине XIX в., явились мощным стимулом гигиенизации европейских городов.

С 1882 г. Хрибар выступал в Совете Общины Любляны с предложением провести в городе водопровод, но большинство членов Совета не было готово к восприятию новых идей. Характерно, что против сооружения водопровода возражали даже врачи К. Блейвейс и В. Ковач⁶. Лишь после очередной эпидемии холеры (1886 г.) Хрибару наконец удалось переломить ситуацию и добиться осуществления своих проектов. Люблянская водопровод-

ная и канализационная система были введены в эксплуатацию в 1890 г., и Хрибару тогда присвоили звание «почетного гражданина» г. Любляны.

В 1895 г. в Любляне произошло одно из мощнейших в ее истории землетрясений, в результате которого одна десятая часть города была полностью разрушена. В связи с этим Хрибар писал российскому ученому-слависту, в то время профессору Варшавского университета П.А. Кулаковскому: «Землетрясение ... было ужасное. Мне все еще непонятно, как могли мы спасти свою жизнь. Нашего города теперь узнать нельзя. Много домов обвалилось... Около 10 000 людей выехало из города, через 10 000 живет по деревянным баракам и военным палаткам... Нужда в низших классах жительство огромная»⁷. Будучи членом словенского Комитета помощи пострадавшим от землетрясения, Хрибар организовал сбор денежных средств для восстановления города, постарался объединить все силы для помощи Любляне, невзирая на политические разногласия. Ему удалось добиться принятия закона о налоговых льготах для владельцев поврежденных домов. Землетрясение неожиданно положило начало радикальным градостроительным преобразованиям. Хрибар искал инвесторов, для этого предлагал многим высшим чиновникам и предпринимателям других австрийских земель открыть в Любляне свои предприятия.

Энергичная деятельность Хрибара по ликвидации последствий землетрясения во многом предопределила последовавшее избрание его в 1896 г. на должность жупана Любляны. Годы жупанства стали пиком политической карьеры Хрибара в Австро-Венгерской монархии. Тогда он получил реальную возможность воплотить в жизнь многие свои замыслы.

Хрибар провел модернизацию системы канализации, обустроил общественные туалеты. Правда, вывоз мусора не удалось организовать из-за сопротивления Совета Общины, в связи с недостатком денежных средств. В 1897 г. он объездил много немецких городов и вернулся с проектами устройства бассейна, дома для престарелых, нового вокзала. Однако реализовать удалось лишь самые насущные и недорогие проекты. При Хрибаре был построен ряд учреждений социального назначения. В 1897 г. в Любляне заработала телефонная станция. В 1898 г. рядом с Любляной была введена в действие тепловая электростанция. В городе появилось электричество, открылось трамвайное движение.

Были осуществлены и многие национально-культурные проекты жупана. Впоследствии Хрибар отмечал в «Воспоминаниях», что за время своей общественно-политической деятельности он «ни разу не упустил ни малейшей возможности поднять свой голос в защиту словенского языка»⁸. Он боролся «за равноправие нашего (словенского – *Л.К.*) языка во всех административных учреждениях и за его доминирующее положение на нашей родине»⁹. Хрибар добился того, что все надписи на улицах Любляны стали словенскими. При Хрибаре был реорганизован городской архив и открыта городская библиотека. Немало усилий приложил энергичный жупан к тому, чтобы Любляна стала популярным местом для туристов. Город расширился, было построено много новых зданий. Появился и Змаев мост – одно из красивейших в архитектурном плане мест Любляны. Был построен концертный зал, началось строительство художественной галереи, поставлены памятники выдающемуся словенскому поэту Ф. Прешерну и создателю словенского письменного языка и автору первых книг на нем П. Трубару. За время его управления облик Любляны существенно изменился, она превратилась в красивый современный город, причем город словенский.

Хрибар добился выделения стипендий молодым словенцам для обучения в институтах за границей – они должны были впоследствии стать (а некоторые и стали) профессорами будущего Люблянского университета. С требованиями создания в Любляне словенского университета и словенской Академии наук и искусств он неоднократно выступал и в провинциальном собрании, и в рейхсрате, однако этим его мечтам не было суждено осуществиться в Австро-Венгрии.

Благодаря посту жупана Хрибар получил больше возможностей для укрепления межславянского сотрудничества, которому он был предан всю жизнь. При его поддержке в Любляне и ряде других словенских городов действовали русские кружки. На все важные мероприятия, проводившиеся в Любляне, Хрибар приглашал представителей других славянских народов. Так, на открытие памятника Прешерну в 1905 г. приехали мэры Праги и Загреба, помощник мэра Бедграда, представители Петербургского и Пражского университетов, Чешской и Югославянской академий наук и искусств. Хрибар стремился организовать в Любляне как можно больше общеславянских мероприятий. В начале XX в. в городе прошли: всеславянский слет спортивных молодежных организа-

ций «Сокол» (1904), два съезда славянских журналистов (1902, 1908). Жупан стремился к тому, чтобы и представители Любляны также принимали участие во всех крупных мероприятиях других славянских народов¹⁰.

Известный словенский либерал Йосип Вошняк, покинувший Люблянину после землетрясения, вернулся туда через девять лет и был потрясен переменами, произошедшими в городе. «Электрическое освещение, грохот трамваев, оживленное движение народа по улицам, все мне говорило о том, что я уже не в старой, плохо освещенной, с узкими улицами Любляне, а в современном, со всем комфортом благоустроенном городе». «Как Феникс из пепла, за краткий промежуток времени в девять лет, восстала Любляна из руин еще краше и сильнее, чем когда-либо, на гордость и в утешение всем нам, словенцам»¹¹. «Везде видна энергичная рука мужа, возглавляющего городское управление. Да, жупан Хрибар сейчас для Любляны значит то же, что д-р Люэгер для Вены. Изумительный прогресс, достигнутый в Любляне после землетрясения, навсегда будет связан с его именем...»¹². Сопоставление люблянского жупана с венским бургомистром не случайно. Люэгер, основатель и руководитель австрийской Христианско-социальной партии, являлся бургомистром Вены в то же время – в 1897–1910 гг. Он также много сделал для того, чтобы превратить Вену в современный город, с водопроводом, канализацией и электричеством. При нем было создано много учреждений социального характера, начал функционировать общественный транспорт.

Деятельность Хрибара как одного из лидеров либералов оказалась менее успешной. Словенское либеральное движение в конце XIX – начале XX вв. переживало сложный период своего развития. Социальная база либералов была достаточно узкой – в городах их поддерживали часть интеллигенции и мелкобуржуазные слои, в деревнях – лишь зажиточные крестьяне и учителя; самостоятельной экономической и социальной программы, способной привлечь к либералам широкие массы народа (в словенских землях крестьяне составляли около 70 % населения), они не сумели разработать. В этот период либералы стремительно теряли свой политический вес, народные массы пошли за католиками, прежде всего, за христианскими социалистами, выдвинувшими и осуществлявшими на деле обширную социальную программу. Католическая (с 1905 г. – Словенская народная) партия стала моно-

литной и широко разветвленной массовой организацией. Сплоченной и организованной партии либералы создать так и не сумели, их политика с конца XIX в. все более приобретала конъюнктурные черты – главным стала не деятельность по осуществлению своих идей, а борьба против набиравших силу католиков, в которой обе стороны не стеснялись в средствах. Такая политика обесценивала лозунги либералов и приводила к всё большему расколу в их рядах.

Уже в 1895 г. либералы потерпели поражение на выборах в Крайнее провинциальное собрание – в городских избирательных округах они победили, но в сельских ни один либеральный кандидат не был избран¹³. Ситуация складывалась критическая.

Из боязни, что введение всеобщего и равного избирательного права будет на руку Католической партии, окончательно закрепит ее перевес, либералы в начале XX века выступали против проведения избирательной реформы, поскольку за нее ратовали католики. Даже И. Хрибар, еще в 1895 г. выступавший за проведение избирательной реформы, в 1902 г. на заседании провинциального собрания высказался против введения всеобщего избирательного права, поскольку это предложение исходило от главы Католической партии Шуштершича¹⁴. Чтобы не допустить к власти в Крайне католиков, словенские либералы в январе 1896 г. заключили союз с наиболее близкой им по социальному составу и идеологии Немецкой партией, во главе которой стоял барон Й. Швигел. На выборах обе партии выступали единым фронтом. Эта словенско-немецкая либеральная коалиция действовала эффективно более 10 лет, она сохраняла большинство в Крайнем провинциальном собрании вплоть до 1908 г.

Коалиция начала давать трещину в 1904–1905 гг. Католики в Крайнем провинциальном собрании умело использовали разногласия в рядах либералов. Так, в 1905 г. на заседании провинциального собрания они выступили с предложением вести протоколы на словенском языке. Хрибар и некоторые его сторонники поддержали своих политических противников, фактически нарушив договор с Немецкой партией. Однако Хрибар не мог из конъюнктурных соображений действовать вразрез со своими убеждениями.

После этого католики предложили Хрибару тайную поддержку, если он захочет создать свою партию, но Хрибар отказался, опасаясь, что такой шаг еще больше ослабит позиции либерального движения. Немецкая партия охладела к сотрудничеству

со словенскими либералами, отступавшими от заключенного с ними договора о взаимной поддержке.

И. Тавчар, под влиянием которого находилась почти вся словенская либеральная печать, уже с 1890-х годов начал проводить на страницах либеральных изданий так называемую «травлю попов», в грубой форме понося как политику католиков, так и ее лидеров. Хрибар считал такую политику недальновидной, ведущей к окончательному расколу национальных сил. Характерно, что даже приехавший в 1897 г. в Люблянну австрийский министр-президент граф К.Ф. фон Бадени высказал лидерам словенских либералов свое недоумение: «Вы не ведете правильной политики. Разве не было бы разумнее, чтобы дома и в Вене вы выступали заодно?» И добавил, что «для нас, «правительства», это хорошо... Для словенского же дела плохо»¹⁵.

Хрибар стремился к объединению национальных сил. В 1906–1910 гг., когда он возглавлял Национально-прогрессивную партию, все его усилия были направлены на то, чтобы сохранить единство либералов, а также достичь договоренностей с католиками по вопросам, представляющим общесловенский интерес. Однако модернизировать партию, как он модернизировал Люблянну, Хрибару не удалось. Не сумев изменить ситуацию, утомленный постоянными политическими дразгмами на родине, он стал проявлять все больше интереса к идее общеславянского сотрудничества, не пользовавшейся особой популярностью в словенских землях. Осуществления своих политических чаяний он стал искать в неославистском движении.

Хрибар являлся сторонником программы Объединенной Словении, а также был крупнейшим словенским славянофилом и русофилом конца XIX – начала XX вв. В сплочении всех славянских народов он видел единственный способ противостоять немецкому давлению, сохранить и развить национальную индивидуальность и культуру своего народа. Он участвовал в подготовке и проведении всех неославистских мероприятий, пропагандировал это течение в прессе, пояснял его цели и мотивы.

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. неославистское движение, в связи с обострением немецко-словенских отношений, вызывало все большее недовольство властей. В 1910 г., когда И. Хрибар в шестой раз был избран жупаном Любляны, император не санкционировал его избрания. Хрибара обвинили в том, что якобы он, по тайной договоренности с Санкт-

Петербургом, инспирировал сентябрьские антинемецкие демонстрации 1908 г. в Любляне, при разгоне которых полицией были убиты два человека. Сам Хрибар в речи на Совете Общины Любляны 30 августа 1910 г. при перечислении причин своей отставки упоминал и поездку в Петербург в мае 1908 г. на предварительное совещание о Первом съезде неославистов, который затем состоялся в июне того же года в Праге¹⁶. Через восемь дней, несмотря на решение императора, люблянский городской совет в знак протеста вновь избрал Хрибара жупаном и постановил переименовать Господскую улицу Любляны в улицу Хрибара, и за это был распущен властями. И здесь вновь уместно сравнение судьбы Хрибара с судьбой Люэгера. Император три раза не утверждал его назначение на должность бургомистра, однако жители Вены выбирали Люэгера снова и снова, пока император не утвердил его в этой должности. Правда, за спиной Люэгера, помимо горожан, стояла католическая церковь, и император был вынужден утвердить его в должности по ходатайству Папы Льва XIII. Хрибар же как политик, поддерживавший неославистские идеи, стал неприемлем для имперских властей.

Лидеры католиков добились проведения финансового расследования деятельности Хрибара на посту жупана. Расследование показало, что он очень бережливо расходовал общинные средства и не использовал их в личных целях. В октябре 1910 г. Хрибар ушел и с поста председателя Национально-прогрессивной партии, чтобы не навлекать на нее неприятности. Главой партии и, с 1911 г., люблянским жупаном, стал И. Тавчар. В 1911 г. Хрибар не стал выставлять свою кандидатуру и на выборах в австрийский рейхсрат – по просьбе коллег-либералов. Таким образом, его политическая карьера в Австро-Венгрии закончилась. Всю свою энергию с этого времени он направил на развитие общеславянского сотрудничества, но и на этом поприще не достиг особых результатов.

И по сей день Иван Хрибар живет в памяти словенцев. Он считается лучшим люблянским жупаном, сделавшим для города столько, сколько не удалось сделать никому другому. Крах политической карьеры Хрибара в Австро-Венгерской империи был обусловлен как его личными качествами, прежде всего, преданностью своим убеждениям и неприятием политического лавирования, из-за чего он стал неугоден властям, так и общей слабостью, разобщенностью, непопулярностью в словенских землях либе-

рального движения, одним из лидеров которого он являлся. По сути, в 1910 г. Хрибар оказался в политической изоляции. Правительство было настроено против него из-за его увлечения неославлением, католикам было на руку смещение со всех постов серьезного, авторитетного политического противника, в собственной партии более сильные позиции занял его прежний единомышленник, а теперь конкурент И. Тавчар, стремившийся свести влияние Хрибара на нет.

Примечания

¹ Slovenski narod. 17.9.1883.

² *Perovšek J.* Na poti v moderno. Poglavlja iz zgodovine evropskega in slovenskega liberalizma 19. in 20. stoletja. Ljubljana, 2005. S. 65.

³ *Grdina I.* Ivan Hribar. «Jedini resnični radikalec slovenski». Ljubljana, 2010. S. 21.

⁴ *Lazarevič Ž.* Razmah slovenskih finančnih ustanov // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Knj. 1. Ljubljana, 2005. S. 85.

⁵ *Grdina I.* Op. cit. S. 46.

⁶ *Studen A.* Modernizacija načina življenja // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Knj. 1. S. 113.

⁷ Хрибар И. – Кулаковскому П.А. Письмо от 29.4.1895. // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М., 2010. С. 500.

⁸ *Hribar I.* Moji spomini. Del I. Ljubljana, 1983. S. 487.

⁹ Ibid. S. 490.

¹⁰ *Melik V.* Ivan Hribar in njegovi spomini. // *Ivan Hribar.* Moji spomini. II. Del. Ljubljana, 1984. S. 623.

¹¹ *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1982. S. 596, 597.

¹² Ibid. S. 635.

¹³ *Pančur A.* Delovanje slovenskih strank // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Knj. 1. S. 39.

¹⁴ *Grdina I.* Op. cit. S. 54.

¹⁵ Ibid. S. 44.

¹⁶ Русско-словенские отношения в документах. С. 505–506.

И.В. Чуркина
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Борьба за словенскую школу (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Abstract:

Churkina I.V. *Fight for Slovenian school (second half of the nineteenth – early twentieth centuries)*

After 1848, Slovenians start introducing the national vernacular in schools as the language of education. An important role was played by the Slovenian clergy. Cancellation of the Concordat in 1869 and the school law of 1870 contributed to the modernization of the Slovenian school and at the same time strengthened its Germanization.

Ключевые слова: школа, словенский язык, духовенство, конкордат, школьный закон 1870 г., модернизация, германизация.

Словенские просветители ясно осознавали необходимость развития школьного образования на словенском языке уже с конца XVIII в. Священник Матия Маяр (1809–1892), филолог, этнограф, активный деятель иллирского движения, в 1845 г. писал в единственной словенской газете «Кметийске ин рокоделске новице» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости»): «Без учения мы не сможем подняться на такую высоту, как другие образованные народы ... Первая и последняя мысль словенского патриота вслед за мыслью о боге – школы»¹.

Когда разразилась революция 1848–1849 гг., одним из главных требований словенских национальных деятелей стало требование введения словенской школы. 29 марта 1848 г. Маяр заявил, что словенским депутатам необходимо выступить в Вене перед правительством с требованием, «чтобы мы могли в Словении, когда захотим, постепенно ввести в школы и учреждения наш словенский язык»². В созданной словенскими политиками первой политической программе словенцев, получившей название Объединенная Словения, первый пункт предусматривал объединение всех словенских земель в единое административное целое со своим парламентом и правительством. Ее второй пункт гласил: «Чтобы словенский язык у нас имел полностью те же права, какие имеет немецкий в немецких землях, и чтобы от нашей воли зависело введение его в школы и учреждения»³. Позднее к этим требованиям присоединилось требование создать в Любляне словенский университет.

2 сентября 1848 г. венское правительство издало указ о введении обучения в начальных школах на родном языке населения.

В 50–60-е годы XIX в. словенский язык активно вводился в качестве языка обучения почти во всех начальных школах на территории проживания словенцев. Наиболее последовательно этот процесс проходил в провинциях Крайна и Горица, где большинство жителей являлись словенцами. Здесь практически во всех сельских начальных школах был введен словенский язык в качестве языка обучения. В городах же имелись немецкие и итальянские школы.

Но и в Штирии и Каринтии, где словенцы составляли около трети населения, возникало много словенских школ. Сокрушительного натиска германизации, который протекал в этих провинциях позднее, еще не наблюдалось.

Много сделал для введения словенского языка в начальные школы Каринтии священник Симон Рудмаш, который в 1850–1860 гг. занимал там должность инспектора народных школ провинции. Он объявил о премии в 400 голдинеров тем учителям, которые наиболее успешно обучают детей словенскому языку. Среди учеников, изучавших словенский язык, Рудмаш провел конкурс на лучшее сочинение на словенском языке, написанное кириллицей. Премию получили 12 человек. Усилия Рудмаша не пропали даром. В начале его деятельности в 1850 г. в Каринтии (имеется в виду вся провинция) было 207 немецких начальных школ, 17 словенских и 50 немецко-словенских. Уже через 2 года в 1852 г. там насчитывалось 203 немецких школы, 68 – словенских и 50 – немецко-словенских. После смерти Рудмаша, когда его место занял немец, положение словенского языка в каринтийских начальных школах стало ухудшаться. Положение несколько исправила епископская консистория, которая в 1860 г. постановила, что языком обучения в школах должен быть язык, который употребляется в церкви.⁴

В Штирии большую роль в создании словенской школы сыграл лавантинский епископ Антон Мартин Сломшек, горячий словенский патриот (в 1999 г. он был провозглашен католической церковью святым). «Родной язык, – писал он, – самый дорогой дар, который мы получили от своих предков: мы должны его заботливо сохранять, улучшать и оставить своим потомкам»⁵. Став епископом, Сломшек добился обмена немецких сел своей епархии на словенские села соседней Кршкской епархии, в резуль-

тате чего его епархия практически стала чисто словенской. Поскольку крестьяне с неохотой отпускали своих детей в школу, не желая лишаться рабочих рук во время полевых работ, Сломшек особое внимание уделял созданию словенских воскресных школ и даже написал для них несколько учебников на словенском языке. Особой популярностью пользовалась книга «Блаже и Нежица в воскресной школе». Сломшек издавал и первый словенский школьный журнал-ежегодник «Дробтинце» («Мелочи»), который выходил в свет с 1846 по 1869 гг.⁶

После революции 1848/1849 гг. перед словенской общественностью остро встал вопрос о введении обучения на словенском языке в средние школы – гимназии, реальные училища. В первые годы после революции удалось наладить в некоторых гимназиях обучение на словенском языке. Так, в мариборской гимназии (Штирия) в 1850 г. словенский язык был объявлен обязательным предметом. Из 217 учеников его изучали 194. Преподавателем словенского языка был словенский национальный деятель и историк Д. Герстеняк, который проводил занятия два раза в неделю. Он же вместе с Матияшичем способствовал организации в гимназии славянской библиотеки⁷.

Помимо разрешения властей, имелись и другие препятствия для введения обучения в средних школах на словенском языке: не было достаточного числа учителей, способных преподавать на словенском языке, отсутствовали словенские учебники для средних школ. В решении этих вопросов большую роль сыграла созданная в 1864 г. Словенская Матица. Она имела своей целью издавать и распространять словенские книги. Одну из своих главных задач руководство Словенской Матицы видело в публикации словенских учебников для средней школы⁸. И это ей удалось сделать. Частично были переведены на словенский язык соответствующие немецкие учебники, частично были написаны оригинальные. Большую роль в создании словенских учебников сыграли словенские патриоты, в частности учитель естествознания сначала в загребской, а затем в горицкой гимназиях Ф. Эрьяец. Он написал несколько учебников, в том числе по минералогии, зоологии, химии и пр.

В 1867 г. к власти в Вене пришли немецкие либералы, их правление продолжалось до 1879 г. Они добились принятия в декабре 1867 г. новой конституции, которая просуществовала до ликвидации Габсбургской монархии. В ней провозглашались ра-

венство всех перед законом, свобода выступлений и объединений, национальное равноправие и пр. В 1869 г. был отменен конкордат, а в 1870 г. венский рейхсрат принял новый закон о школах. Согласно ему все школьные учреждения были изъяты из-под контроля церкви, был введен 8-летний срок обучения, язык обучения в школах определялся школьным советом провинции после его консультации с общинами. За отмену конкордата и новый школьный закон голосовали немецкие либералы. Все словенские депутаты, либералы и консерваторы, голосовали против. За отмену конкордата выступил только один словенский депутат Винко Клун, который после этого порвал со словенской партией и перешел на сторону немецких либералов⁹. Голосование словенских депутатов резко осудили словенские студенты в Вене, которые послали им вотум недоверия. В нем, в частности, говорилось: «Наша святая обязанность сказать вам, нашему народу, всему миру, что мы, венские словенцы, не на вашей стороне, когда вы боретесь и стоите за дело, которое давно уже осудил весь образованный мир. Ваши поступки не в духе нашего времени, не в духе всего славянского народа, от имени отдельной ветви которого вы должны выступать»¹⁰.

Отмена конкордата была воспринята немецкими либералами как большая победа. И некоторые современные словенские историки считают новый школьный закон 1870 г. прогрессивным. Так, А. Вовко пишет, что отмена надзора церкви за школами означала огромный прогресс. Учителями на основании нового закона могли стать только светские лица, которым платили провинциальные власти, а не общины, как это было раньше, и которым запрещалось занимать церковные должности. Появились учительские общества и газеты. Несомненно, Вовко во многом прав. Усиление роли церкви в сфере образования тормозило развитие прогрессивных тенденций в процессе обучения. Так, в гимназиях было резко сокращено преподавание предметов естественнонаучного цикла, главными предметами считались Закон Божий, латынь, древнегреческий язык. Однако нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что основной корпус словенской национальной интеллигенции, особенно в деревнях, составляло духовенство. Такое положение было характерно для всех народов, у которых отсутствовал собственный господствующий класс. А у словенцев именно так и обстояло дело, подавляющее большинство словенцев принадлежало к низшим слоям населения – крестьянству, мелким торговцам и ремесленникам, наемным рабочим. Словенское духовен-

ство, вышедшее из низов, являлось национальным, оно всячески стремилось сделать словенский язык языком обучения в начальной и средней школе, противодействовать германизации. Отмена конкордата и школьный закон 1870 г., изгнав из школы словенское духовенство, открыли путь германизации школ.

Новый закон о школах способствовал усилению германизации особенно в Каринтии и Штирии, где словенцы составляли меньшинство населения. Школьные советы этих провинций состояли из немцев, и они всячески старались принудить общины ввести в школы в качестве языка обучения немецкий язык. И это им удавалось. Особенно активной германизации подверглась словенская Каринтия. Все попытки словенских патриотов добиться там улучшения положения словенского языка в школах наталкивались на решительное сопротивление властей, с одной стороны, и на непонимание многих словенских общин, с другой. В 1874 г. либеральное словенское общество Трднява (Крепость), основанное в 1869 г., обратилось к властям с петицией о введении в словенских общинах в школах словенского языка в качестве языка обучения. Власти провели опрос общин, в результате которого выявилась следующая картина: 7 общин высказались за чисто немецкие школы, 38 общин – за немецко-словенские, и только одна – за словенскую школу¹¹. В 1875 г. в словенской Каринтии имелось всего 4 словенские школы и 74 – немецко-словенские.¹² Если сравнить со временем деятельности упоминавшегося выше Симона Рудмаша, то видно, что число немецко-словенских школ увеличилось в 1,5 раза, а число словенских школ уменьшилось в 17 раз. В 1875 г. 90 учителей Закона Божьего в словенской Каринтии просили улучшить обучение словенскому языку в школах. Их просьбу поддержал епископ Валентин Виери. Однако власти эту просьбу не удовлетворили¹³.

В словенской Штирии обстановка для словенцев сложилась более благоприятно: в 1875 г. там имелось 108 словенских и 99 немецко-словенских школ¹⁴.

Главной ареной борьбы между словенскими патриотами и немецкими националистами стала средняя школа. В 60-е годы XIX в. четыре учителя (профессора) гимназии в Мариборе – Янез Майцигер, Янко Пайк, Йосип Шуман, Франц Жагар – написали петицию министру просвещения, в которой просили открыть в Мариборе низшую словенскую гимназию. Они аргументировали эту просьбу тем, что в городе гораздо больше словенских гимназис-

тов, чем немецких. За эту петицию учителей не только выгнали из гимназии, но Пайка и Шумана даже выслали из Штирии¹⁵. Однако словенцам все же удалось добиться того, что в 1888 г. в низшей гимназии Марибора ввели параллельные словенские классы. В том же году встал вопрос о вводе параллельного словенского обучения в гимназии штирийского города Целье. Правительство решило его положительно, но против этого выступили немецкие националисты не только Целья и Штирии, но и всей Австрии. В результате правительство Виндишпреца, преемника Э. Таафе, в 1895 г. вынуждено было уйти в отставку¹⁶.

В Горице словенские патриоты начали борьбу за введение в итальянскую гимназию словенского языка в начале 60-х годов. Так, в письме к словенскому депутату А. Винклеру от 22 апреля 1861 г. венский студент Й. Тонкли, в будущем один из лидеров правого крыла словенских патриотов в Горице, ставил вопрос о том, чтобы в горицкой гимназии половина предметов преподавалась на итальянском, а половина – на словенском языках¹⁷.

События 1867 г. – введение в Габсбургской монархии дуализма, усиление германизации со стороны пришедших к власти немецких либералов – вызвали отпор со стороны словенских патриотов. С августа 1868 г. по август 1871 г. ими было проведено 18 таборов (митингов под открытым небом), на которые собирались по 5-30 тыс. человек. Инициаторами проведения таборов выступили либералы из Штирии, но через некоторое время к ним примкнули не только либералы Крайны, Горицы, Каринтии, но и консерваторы во всех словенских провинциях. Главным вопросом, который поднимали на таборах, был вопрос об Объединенной Словении, т.е. об объединении словенских земель в единое административное целое и введении там словенского языка в школах и учреждениях. Наряду с введением словенского языка в школах участники таборов требовали создания словенского университета в Любляне или Триесте. Митинги были запрещены правительством, но они сыграли огромную роль в консолидации словенской нации, донесли до самых широких народных масс словенскую политическую программу, сплотив вокруг нее словенцев.

Когда в 1879 г. венское правительство возглавил консерватор Э. Таафе, власти стали относиться к славянам, в том числе и словенцам, более лояльно. В это время на передний план борьбы за германизацию словенского населения вышли немецкие националистические организации, активно поддерживавшиеся немец-

ким населением и местными властями. Главное средство онемечивания славян, в том числе и словенцев, немецкие националисты видели в школах. В 1880 г. в Вене было основано Немецкое школьное общество (Дойче шульферейн), филиалы которого действовали в Штирии и Каринтии. Немецкие националисты не скрывали своих целей. На съезде немецкой национальной партии в 1900 г. один из ее лидеров Лемиш прямо заявил: «Мы, южные немцы, имеем великое предназначение: мы должны позаботиться о том, чтобы путь великой Германии к морю и к Азии остался открытым»¹⁸.

На юге в Приморье наступление на права словенцев повели итальянские школьные организации: Про Патриа (создана в 1886 г.) и Лега национале (создана в 1891 г.). Но они не были так агрессивны, как немецкие, и вследствие этого им удалось добиться не так много.

В ответ словенские патриоты в 1885 г. создали Общество свв. Кирилла и Мефодия, которое поддерживало словенскую школу. Позднее появились еще католические школьные общества Словенская стража и Школьный дом. Борьбу против ассимиляции словенской школы вели учительские газеты – либеральная «Учителски товариш» и консервативная «Словенски учитель». Общество свв. Кирилла и Мефодия действовало особенно успешно, создавая детские сады и школы в тех словенских областях, которым ассимиляция угрожала в наибольшей степени. Одним из первых его дел было открытие первой начальной словенской школы в Триесте (1887).

Голосование словенских депутатов в рейхсрате против отмены конкордата было использовано немецкими либералами для обвинения словенских национальных деятелей в клерикализме. Такое обвинение имело основание и в том, что в борьбе за свои национальные права словенцы все чаще объединялись против немецких либералов с немецкими консерваторами, которые более лояльно относились к национальным требованиям словенцев.

Особенно быстро клерикализация словенского национального движения происходила в Каринтии, где из-за нажима местных властей и преследования немецких националистов в 1875 г. прекратило свое существование словенское либеральное политическое общество Трднява, а его активисты А. Позник, Ф. Вигеле, М. Маяр и др. вынуждены были покинуть Каринтию. В 1877 г. закрылась словенская читальня в Капле, тоже находившаяся в руках либералов. После этого словенское национальное движение в

Каринтии возглавил священник А. Эйншпиллер. Он считал, что прогресс словенцев возможен только на основе католической веры и стремился к сотрудничеству с немецкими консерваторами. Его политика привела к отходу от словенского национального движения либерально настроенных словенцев. После смерти А. Эйншпиллера каринтийских словенцев возглавил его племянник Грегор Эйншпиллер. Г. Эйншпиллер сочувствовал идеям лидера хорватской Национально-либеральной партии Й.Ю. Штросмайера (проведение богослужения на славянском языке, сближение с православной церковью)¹⁹. В 1890 г. каринтийские словенцы создали свою организацию Католическое политическое и экономическое общество словенцев Каринтии. Оно стремилось завязать контакты со словенскими католическими организациями других провинций, где проживали словенцы, особенно с католиками Крайны. Ее представители участвовали в конгрессах, которые проводили краинские католики²⁰. Однако каринтийские католики не прекращали своего сотрудничества и с немецкими консерваторами.

К концу XIX в. положение в начальных школах на территории проживания словенцев сложилось следующим образом: в Крайне все начальные школы за исключением Любляны и старой немецкой колонии Кочевье имели языком обучения словенский язык; в Приморье и словенской Штирии в селах преобладали словенские школы, в штирийских городах – немецкие, а в городах Приморья Горице и Триесте – итальянские. Хуже всего положение складывалось в Каринтии, где имелось всего 3 начальных государственных школы со словенским языком обучения в первых классах и немецким – в старших²¹.

Несмотря на упорное стремление словенцев добиться введения словенского языка в средние школы, успехи они в этом отношении имели небольшие. Накануне Первой мировой войны в словенских землях действовали 17 гимназий. Из них только две имели языком обучения словенский язык: государственная гимназия в Горице, открытая в 1913 г., и гимназия в Шент Виде недалеко от Любляны, которую учредил в 1905 г. люблянский епископ Антон Бенаветура Еглич. Кроме того работали 6 гимназий смешанных – со словенским и немецким языком обучения (2 – в Штирии, 4 – в Крайне). Остальные гимназии были чисто немецкими или итальянскими²². Реальные училища являлись немецкими за исключением Триеста, где языком обучения был итальянский язык. Педагогические училища в Горице, мужское и женское, яв-

лялись чисто словенскими, а в Любляне в мужском обучении велось на немецком и словенском языках, в женском же – на словенском. В ряде профессиональных школ (ремесленных, сельскохозяйственных, торговых и др.) обучали на словенском языке. Обычно это были частные школы, многие из которых создавались духовенством.

Уже в 1848 г. национальные деятели словенцев поставили вопрос о необходимости учреждения словенского университета. Во время проведения таборов это требование зазвучало с новой силой. Основанное в Вене студенческое общество Словения уже на своем организационном заседании 26 мая 1869 г. потребовало учредить в Любляне словенский университет²³.

Когда итальянцы в начале XX в. подняли вопрос о создании в Триесте итальянского университета, против этого выступили национальные деятели не только словенцев, но и других славян. Они считали необходимым открыть в Триесте словенский университет. Австрийские и итальянские социал-демократы пришли к решению добиваться создания в Триесте итальянского университета с чтением ряда курсов лекций на словенском языке. В рейхсрате депутаты югославянских народов заявляли, что они не допустят открытия в Триесте итальянского университета, если в Любляне не будет создан словенский университет²⁴. Все эти дебаты не привели к созданию ни итальянского, ни словенского университета. Борьбу за словенский университет активно вели либералы, духовенство же стояло от нее в стороне.

Таким образом, до образования в 1918 г. Государства словенцев, хорватов, сербов словенцам удалось добиться только введения словенского языка в начальные школы в качестве языка обучения во всех словенских землях за исключением южной Каринтии. Средние школы в большинстве оставались немецкими и итальянскими, вопрос о словенском университете только был поставлен на повестку дня.

Примечания

¹ Kmetijske in rokodelske novice. Ljubljana. 1845.5.XI.

² Kmetijske in rokodelske novice. 1848.29.III.

³ Цит. по: *Кириллина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000. С. 36.

⁴ *Beg A.* Slovensko šolstvo na Koroškem v preteklem stoletju. Ljubljana, 1912. S. 9–12, 15.

⁵ *Medved A.* Anton Martin Slomšek. Celovec, 1900. S. 171.

⁶ *Vovko A.* Cerkev in slovenska nacionalna zavest na Slovenskem // *Uloga cerkve v slovenskem kulturnem razvoju.* Ljubljana, 1989. S. 62.

- ⁷ *Fekonja A.* Davorin Trstenjak slovenski pisatelj. Ljubljana, 1887. S. 20.
- ⁸ *Bernik F.* Sto let kulturnega poslanstva // Slovenska Matica 1864–1964. Ljubljana, 1964. S. 15.
- ⁹ *Melik V.* Sprememba programa slovenskega političnega tabora v letu 1867 // Zgodovinski časopis. 1965/1966. N 19/20. S. 313–316.
- ¹⁰ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina (1848–1895). Ljubljana, 1961. Zv. 4. S. 31.
- ¹¹ *Beg A.* Slovensko šolstvo. S. 25.
- ¹² *Mal J.* Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1928. S. 1053.
- ¹³ *Malle J.* Slovenska politika na Koroškem v drugi polovici sedemdesetih let 19. stoletja // Zgodovinski časopis. 1973. N 3–4. S. 282.
- ¹⁴ *Mal J.* Zgodovina slovenskega naroda. S. 1053.
- ¹⁵ *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1906. Zv. 2. D. 3. S. 143–146.
- ¹⁶ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 111.
- ¹⁷ *Marušič B.* Razvoj političnega življenja goriških slovencev od uvedbe ustavnega življenja do hrvega političnega razkola // Zgodovinski časopis. 1969. N 1–2. S. 10–12.
- ¹⁸ *Pleterski J.* Narodna in politična zavest na Slovenskem. Ljubljana, 1965. S. 209.
- ¹⁹ *Malle A.* Koroški Slovenci v Taaféjevi dobi // Zgodovinski časopis. 1975. N 1–2. S. 143, 145.
- ²⁰ *Pleterski J.* Narodna in politična zavest. S. 253.
- ²¹ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice. S. 127, 128.
- ²² *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966. S. 262.
- ²³ *Vensajz J.* Spomenica o petindvajsetletnici akademičnega društva Slovenija na Dunaji. Ljubljana, 1894. S. 50.
- ²⁴ *Pierazzi J.* Problem slovenske univerze v Trstu v avstrijski dobi // Zgodovinski časopis. 1975. N 1–2. S. 255–261.

А.И. Рего
(*Закарпатский институт последипломного педагогического образования, Ужгород, Украина*)

«Азбука угро-руського и церковно-славянського чтенія» Августина Волошина

Abstract:

A. Reho. *Augustyn Voloshin's «ABC-book of Ugric-Russian and Church Slavonic Readings»*

The publication analyses Augustyn Voloshin's «ABC-book of Ugric-Russian and Church Slavonic Readings» and characterises his method of how primary-school children could be familiarized with and trained in reading the texts transliterated with the use of the Ugric-Russian and Church Slavonic alphabet. It shows didactic opportunities of the ABC-book and ways of how it could be used in the teaching-process.

Ключевые слова: азбука, Августин Волошин, чтение, буквы, звуки, моральное воспитание, обучение.

Вторая мировая война, предшествовавшие и сопутствовавшие ей переделы территорий в Центральной и Восточной Европе оказали влияние на судьбы стран, народов, регионов, политиков, деятелей культуры. Решения Первого Венского арбитража 1938 г., ликвидировавшего Чехословакию как самостоятельное государство, стали причиной драматических событий на востоке страны. 15 марта 1939 г. в г. Хуст было провозглашено государство Карпатская Украина, не получившее официального признания и фактически просуществовавшее один день. Ее президентом был Августин Волошин (1874–1945) – педагог, психолог, социолог, богослов. Политический выбор этого незаурядного национального деятеля – попытка защитить независимость края путем признания протектората Третьего рейха – оказался трагической ошибкой. Однако в памяти потомков он останется, прежде всего, как просветитель, автор подлинной жемчужины культурного наследия славян – «*Азбуки угро-руського и церковно-славянського чтенія*»¹. (См. Приложение. Фотография 1.)

В последние десятилетия в научной литературе отстаивается мнение о приоритетном направлении современной педагогической теории и практики, а именно создании такой системы национального образования, которая была бы адекватной нуждам и потребностям современного общества. Воспитание нового, высокообразованного поколения должно базироваться на глубоком по-

нимании истоков своего народа. Отсюда – настоящее воспитание невозможно вне традиционной культуры того или иного этноса. Обо всем этом писал, размышлял А. Волошин.

Для него процесс обучения был неотъемлемо связан с воспитанием. По его мнению, модель христианского воспитания нацеливает педагога на формирование таких черт, как благочестие и милосердие, которые проповедовал своим ученикам Иисус Христос, собственно как Богочеловек² Ребенок, считал он, должен вынести из стен школы умение отличать красивое от уродливого, гадкого; правдивое – от фальшивого; способность радоваться, принимая красоту совершенной природы.

А. Волошин рассматривал воспитание как общую и постоянную категорию, не обходя вниманием те компоненты воспитательного процесса, которые играют важную роль в формировании черт характера ребенка. Главными составляющими этого комплексного процесса являются, по его мнению, физическое, моральное, трудовое, эстетическое и интеллектуальное воспитание. Ученики должны уметь сравнивать, проводить аналитико-синтетические сопоставления, применять абстрагирование, использовать разные проявления логического мышления, руководствуясь при этом самостоятельными размышлениями, решениями.

Жизни и творчеству А. Волошина посвящен ряд диссертационных исследований и научных статей, в том числе научные публикации Т. Бернаржовой, Н. Вегеша, М. Гомоная, Н. Зимомри, М.Кляп, М. Кухты, В. Тарасюка, М. Токара, О. Физеши³. Далее в статье будет охарактеризована методика обучения в начальных школах Закарпатья в период Подкарпатской Руси на основании анализа учебника «Азбука угро-руського и церковно-славянського чтенія» А. Волошина.

«Азбука» начинается с элементов подготовки руки ребенка к письму, а именно с изображения точек, черточек, ломаных, волнистых и округленных линий. Рисунки, дающиеся после выполнения заданий, были тесно связаны с предметами пользования, элементами природы и народной символикой, дети их прекрасно знали и легко узнавали. Обучение в начальных школах, как видно из первых двух страниц «Азбуки» (См. Приложение. Фотографии 2 и 3)⁴, начиналось с ознакомления детей с работой взрослых (жернова, стол, стулья, рубанок, серп, лопата, пила, лестница, перо и т.п.), с природой родного края (солнце, месяц, снежинки, листочки); с элементарной информацией о личной гигиене (рас-

ческа, щетка, кольцо). Не последнее место в учебной программе занимали церковная тематика (колокол, свечи, крест, церковь) и ознакомление с символами государства (знамя, герб, венгерская корона).

Аналогичная тематика отслеживается и при подборе слов для ознакомления детей с буквами. Например, с буквой «о» ребенка знакомили через слова «око» (глаз) и «коваль» (кузнец), с буквой «а» – через слова «ангел», «мать», букву «п» ассоциировали со словами «пила» и «поп» и т. п.⁵ Такой подбор слов кажется целесообразным, поскольку изучалась буква, отображающая первый звук в слове. На основании картинки дети воспроизводили звук, а дальше проводилось закрепление этой буквы в словах, где она находилась в первом или втором слоге. Например, буква «и» – первое слово «игла», второе – «пила» (т.е. курительная трубка); буква «т» – первое слово «табла» (т.е. школьная доска), второе – «сито»⁶; буква «р» – первое слово «рак», второе «перо» и т.д.⁷ И в наше время тоже часто используют эту методику, как устно – в дидактической игре «Поймай звук», так и при письме.

Кажется интересным задание на подбор нужной буквы. Детям предложено продолжить чтение по примеру, подобрав букву по аналогии (буква, которую следовало угадать, заменялась звездочкой):

<i>Пи-па на-ша</i>	<i>пе-ро на-ше</i>
<i>Шо-па на-ш*</i>	<i>си-то на-ш*</i>
<i>Ро-па на-ш*</i>	<i>ре-ше-то на-ш*⁸</i>

Для усложнения задания детям предлагалось продолжить чтение, подобрав различные буквы по примеру. Вначале это были только гласные:

<i>На-ша ро-са-да</i>	<i>на-ш* ро-ди-на</i>
<i>На-ше ста-до</i>	<i>на-ш* ре-ше-то</i>
<i>Ед-на до-ра</i>	<i>ед-н* пи-па</i>
<i>Ед-но пе-ро</i>	<i>ед-н* си-то⁹</i>

С помощью таких заданий дети закрепляли род, число и падеж слова. Потом, как усложнение, подбирались нужные согласные звуки и, соответственно, буквы, передающие их на письме и слоги:

<i>и-ду</i>	<i>не-су</i>	<i>пи-шу</i>	<i>те-ше</i>
<i>и-де-ме</i>	<i>не....</i>	<i>пи.....</i>	<i>те....¹⁰</i>

Красной нитью сквозь «Азбуку» Волошина проходит идея морального воспитания подрастающего поколения. Небольшие рассказы, связанные сюжетом с пословицами и поговорками, побуждали детей задуматься над вечными ценностями: добро и зло, вера в Бога, скромность и самохвалство, правдивость и ложь, уважение к старшим т.п.

Удачно написанные рассказы учили детей умению охарактеризовать проблемную ситуацию и сделать нужный вывод о поведении героя. Имея в руках такой бесценный материал, квалифицированный учитель может использовать его не только для обучения ребенка чтению, но и, вместе с тем, воспитывать такие морально-этические качества, которые больше всего нужны человеку.

В первом рассказе «Иван и сиротка»¹¹, который дети должны прочитать самостоятельно, речь идет о мальчике, получившем от бабушки в подарок три кроны (монетки). Мальчик пошел купить себе слив, но перед магазином увидел маленькую сиротку. «Отдам я ей одну крону и несколько слив», – подумал мальчик. Так и сделал. Придя домой, он рассказал бабушке о своем поступке и получил от него еще шесть крон. Этот рассказ подводит детей к выводу, что добро всегда вознаграждается добром, нужно помогать бедным, делиться с ближним. В заключение дети читают слова: «Кто сироту милует, тотъ добру душу мае» («Кто любит сироту, у того добрая душа»)¹². Прочитав такой рассказ, дети стремятся следовать этому примеру и тоже совершить какой-нибудь хороший поступок. На следующем уроке они совместно с учителем могут обсудить свои действия и совместно прийти к выводу: «Что такое добро?»

Категория добра не ограничивается только позитивным отношением к людям. «Кто скота не сануе, того никто не милует» («Кто скота не жалеет, того никто не любит»), – говорится в заключительных строках в рассказе «Якобъ»¹³. Из этого рассказа дети узнают, что не только к людям нужно относиться бережно, с любовью, но и к животным.

Как свидетельствует анализ «Азбуки» А. Волошина, учебная программа в XX в. содержала религиозную тематику. Рассказы «Ангел», «Жид и дождь», «Священник и земледелец» и т.д. раскрывали в доступной для детского понимания форме вопрос веры в Бога. Сам Волошин был убежден, что «без религии невозможно воспитание морального чувства» в ребенке, которого следует научить отличать правду от неправды, понимать добро и зло¹⁴.

В рассказах остро критиковались такие человеческие пороки, как бахвальство («Зеленый лист и корень»), лживость («Говори правду!»), жестокость («Не смейся над другим!»), лень («Петух и работники», «Винница») и т.д.¹⁵

В рассказе «Николайчик» в качестве примера для подражания описывалось желание учиться¹⁶.

Второй раздел «Азбуки» под названием «Написание и чтение заглавных букв» содержал примеры имен собственных и общих наименований, написание слов с заглавной и прописной букв. Что интересно, в первом разделе все слова были написаны исключительно со строчной буквы.

Следует отметить чрезвычайно красивую каллиграфию прописных букв, что в свою очередь способствовало эстетическому воспитанию школьников, развитию в них чувства прекрасного.

Во втором разделе рассказы тоже подобраны с учебно-воспитательной целью, но они уже сложнее и длиннее. Тематика учебны, школы, ученика, послушания занимает в них существенное место: «Начало школярства», «Прилежный ученик», «Послушание»¹⁷.

Для того, чтобы дети умели читать молитвы, в третьем разделе «Церковно-славянское чтение» их знакомили с церковнославянским письмом и чтением. Учеба проводилась по принципу последовательного ознакомления с церковнославянскими буквами:

- которые пишутся так же, как и угро-русские,
- написание которых схоже с угро-русскими,
- которые отличаются от угро-русских,
- которые отсутствуют в угро-русской азбуке.

Четвертый раздел «Чтение» был рассчитан на тех школьников, уже умеющих хорошо читать. Здесь им предлагались рассказы, стихи, молитвы на угро-русском и церковнославянском языках. Тут же формулировались задания для закрепления знаний о природе: домашние и дикие птицы и животные, живая и неживая природа, времена года. Дети знакомились с окружающим миром: профессия родителей (продавец, военный, ткач, врач, косарь и т.д.); элементарные математические понятия (цвет, форма, величина, мера, количество, время); родина (родной край, село, город, наша Земля и т.д.).

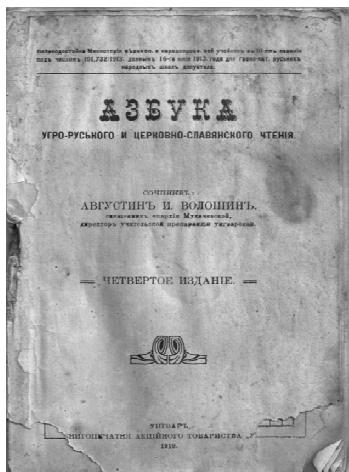
Зная о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье человека, в рассказах «От палинки умер» и «Пьянство» автор призывал к здоровому образу жизни¹⁸.

В заключение упражнений для чтения приводился рассказ «Я – человек», в котором описывалась жизнь человека от рождения до смерти, показывалось, что все периоды в жизни человека прекрасны¹⁹.

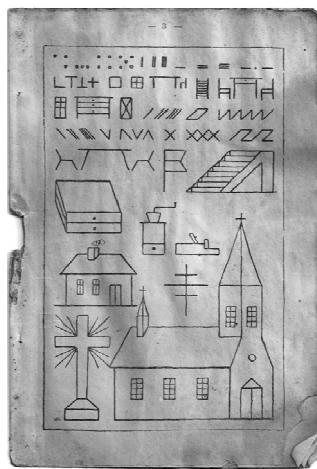
Итак, с помощью «Азбуки» Августин Волошин стремился не только научить детей грамоте, но и открыть для них понимание прекрасного в жизни и природе, воспитать в них умение находить красоту в литературном произведении.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

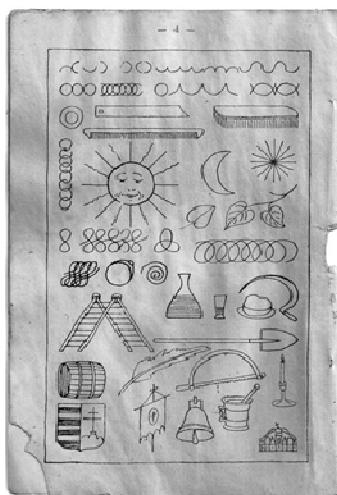
Волошин А.

Азбука угро-русского и церковно-славянского чтения

Фотография 1. Титульная страница

Фотография 2. Стр. 3.

Фотография 2. Стр. 4

Примечания

¹ *Волошин А.И.* Азбука угро-руського и церковно-славянського чтенія. Унгварь, 1919.

² *Зимоля М., Гомонай В., Вегеш М.* Августин Волошин. Ужгород, 1995.

³ *Бернаржова Т.* Августин Волошин – державний діяч. Львів, 1995; *Вегеш М.М., Кляп М.І., Тарасюк В.Ю., Токар М.Ю.* Августин Волошин: життя і помисли президента Карпатської України. Ужгород, 2009; *Кляп М.І.* Педагогічна та освітньо-культурна діяльність Августина Волошина в міжвоєнний період (1919–1939). Ужгород, 2001; *Кухта М.І.* Роль педагогічної преси Закарпаття (20–30-ті рр. XX ст.) у формуванні виховного національного ідеалу. Ужгород, 1997; *Фізеєш О.Й.* Освітні здобутки системи початкової освіти Закарпаття в чехословацький період (1919–1938 рр.) // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2011. № 20. Ч. IV. С. 69–78.

⁴ *Волошин А.И.* Азбука. С. 3–4.

⁵ Там же. С. 6–7.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ *Зимоля М., Гомонай В., Вегеш М.* Августин Волошин. С. 86.

¹⁵ *Волошин А.И.* Азбука.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 4–105.

¹⁹ Там же. С. 107.

VI. Славянские народы и Россия

И.Ф. Макарова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

К вопросу о характере русофильства болгар в XVIII в. (по материалам книжности)*

Abstract:

Makarova I.F. *Concerning the character of Bulgarians' Rusophilia in the eighteenth century (based on the learned culture)*

Basing on the learned culture of the eighteenth century, the article analyses of the depth of Russophilic sentiments in the Bulgarian society of the age. The author comes to the conclusion, that the most educated strata, the lower clergy, went through a certain crisis in their perception of Russia.

Ключевые слова: болгары, книжники, рукописи, Россия, русофильство, Паисий Хилендарский, иеросхимонах Спиридон, поп Пунчо, Софроний Врачанский.

Тезис о глубоком, исторически обусловленном русофильстве болгар априорно является общим местом в отечественной, особенно дореволюционной и советской историографии. Автору данной статьи также доводилось писать на эту тему, анализируя, в частности, специфику пророссийских мифологем в памятниках болгарского народного творчества¹. Не оспаривая аргументы многих из укоренившихся и массово растиражированных стереотипов об особом характере отношения болгар к России, хотелось бы, тем не менее, уточнить его по отношению к XVIII в. Статья не претендует на комплексное рассмотрение всего круга проблем, связанных с особенностями формирования и трансформации образа России в ментальном поле болгар. Основное внимание будет сосредоточено на анализе позиции современных эпохе книжников – наиболее образованного и информированного слоя местного социума. Как представляется, данный ракурс позволит, с одной стороны, несколько конкретизировать тезис о русофильстве болгарского народа, а с другой, уточнить характер установок, ставших основой менталитета будущей национальной интеллигенции.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00145 а.

Необходимо оговориться сразу – термины «болгарские книжники» и «авторство» используются в статье с высокой степенью условности. Само понятие авторства находилось в рассматриваемом регионе в тот период в процессе становления. Средневековый принцип свободы компиляций и вольного пересказа сочинений предшественников (обычно без указаний первоисточника) продолжал оставаться приоритетным методом написания рукописей и составления сборников. Что же касается национальной принадлежности книжников, то в подавляющем большинстве случаев она неизвестна или весьма гипотетична. Поэтому представляется целесообразным не заострять внимание на выявлении этнических корней той или иной рукописи, а привлекать к анализу лишь те из них, которые отмечены ярко выраженной болгарской патриотической позицией авторов или же большим количеством списков именно в ареале массового расселения болгар.

Восемнадцатое столетие принято считать переломным этапом в истории русско-болгарских связей. Территориальное продвижение России на юг привело ее к прямому столкновению с империей османов. Взятие Петром I крепости Азов, появление русской армии в непосредственной близости от Дуная (Прутский поход 1711 г.), поиски российским правительством политических союзников в среде молдаван, влахов, сербов, черногорцев, монархии заявления об освободительной миссии русского оружия на православном Востоке² не могли не способствовать популяризации в среде турецких христиан имени русского императора. Образ Петра нашел прямое отражение в фольклоре, воплотившись, в частности, в фигуру царя-«рибаря»³. Его имя воспевалось в песнях (знаменитая сербская песня, известная обычно под названием «Песнь похвальная Петру Московскому»).

Должна была благоприятствовать закреплению за Россией образа потенциальной освободительницы и длинная череда русско-турецких войн, следовавшая после смерти Петра I, а также недвусмысленные декларации некоторых членов русского правящего дома. Вот лишь один, но яркий пример подобного рода – цитата из воззвания императрицы Екатерины II к турецким христианам: «Соображая горестное благочестивых сих сынов церкви Божия состояние ...желаем сколь возможно избавлению их и отраде споспешествовать ...Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы руководством нашим вступающие в следы своих пред-

ков»⁴. После заключения Кючук-Кайнарджийского (1774) и Ясского (1792) мирных договоров Россия не только вплотную придвинулась к северным рубежам Османской империи, но и приняла попытки покровительства по отношению к ее христианским подданным.

На этом политическом фоне логичным выглядел бы резкий всплеск русофильских настроений в среде местного православного духовенства и книжников. Однако проведенный анализ каталогов рукописных материалов XVIII в.⁵, сохранивших многочисленные приписки современников, не подтверждает эту гипотезу. В количественном отношении в них продолжали абсолютно преобладать краткие глоссы, сухо констатирующие, что в таком-то году «москов» бился с «турком». В информационном отношении эти приписки исключительно скупы, а в эмоциональном подчеркнута нейтральны.

В самих текстах, составлявших содержание рукописных сборников, русская тематика выявляется редко. Едва ли не вплоть до последней четверти XVIII в., когда начали распространяться списки «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского (1762), лидерство в этом отношении принадлежало произведениям, уходившим своими корнями далеко за пределы болгарских земель. Прежде всего, это были русские летописи, многочисленные издания которых «буквально наводнили» в тот период (по выражению болгарского исследователя П. Атанасова⁶) болгарские земли. Среди них особым вниманием книжников пользовались различные переработки «Повести временных лет»⁷.

Популярна у составителей сборников XVII–XVIII вв. была и «Повесть о падении Царьграда». Современные исследования показывают, что наиболее часто используемый в болгарских землях вариант этого произведения имел именно русское происхождение и восходил в основном к сочинению Нестора Искандера⁸. Этот вариант пришел на Балканы вместе с другими русскими печатными изданиями. Наибольшее распространение здесь получило московское издание 1713 г., в котором использовался текст А. Лизлова⁹ (вторая половина XVII в.). Это издание переписывалось книжниками подчас буквально, а потому невольно знакомило читателей с элементами известной в России концепции «Москва – третий Рим» (и, соответственно, второй Константинополь), параллельно приобщая к восторгам автора «Повести» по поводу возрастания мощи Московского государства.

Продолжали встречаться в сборниках и традиционно популярные на Балканах греческие средневековые пророчества мессианско-эсхатологического толка, предрекавшие гибель агарянам и связывавшие это событие с вмешательством извне. Среди распространенных в болгарских землях списков сочинений такого рода можно упомянуть «Пророчества блаженного Иеронима Агафангела», вошедшие, в частности, в сборник Спиридона Рильского¹⁰. В той части «Пророчеств», где речь идет о московских царях, в тексте восхвалялись сила русского оружия и непобедимость русского монарха, «искореняющего варваров и расширяющего пределы» своей державы. Упоминалось также гибельное для агарян грядущее пришествие облаченного в железо христианского воина, под которым, судя по контексту, имелся в виду русский царь.

Впрочем, в этой своей части «Пророчества» Иеронима Агафангела были достаточно типичны для литературы подобного рода. Подобно большинству аналогичных сочинений они восходили к наиболее ранним и знаменитым предсказаниям, в частности, к сделанному в XV в. пророчеству будущего константинопольского патриарха Геннадия Схолария. В своей наиболее популярной для сборников XVII–XVIII вв. версии это пророчество гласило, что турки возьмут Константинополь и будут властвовать долго, до тех пор, пока «русский народ, соединяясь со всеми языками, желающими мстить Измаилу, его победит вторично»¹¹.

И, наконец, еще одно переводное сочинение – «Стематография» Христофора Жефаровича (1741), внесшее определенную лепту в становление национального самосознания болгар. Жефарович, выходец из Македонии, использовал в качестве непосредственного источника для издания своей «Стематографии» одноименное сочинение хорвата Паоло Риттера Витезовича (Загреб, 1700). В этом произведении обыгрывалась идея южнославянской общности с центром в древней Иллирии (отождествляемой с Хорватией) и приводилась краткая информация об ее областях с параллельной демонстрацией гербов. Среди прочих гербов автор посчитал возможным поместить и московский, присовокупив пояснение, что русская земля славится мужественными сердцами и вызывает страх у всех своих врагов¹².

Хотя все упомянутые тексты были по отношению к болгарам инородного происхождения, они, тем не менее, составляли неотъемлемую часть болгарской книжности. Уже тот факт, что

они пользовались популярностью у переписчиков, показывает, что затрагиваемые в них сюжеты отвечали духовным запросам современников.

Параллельно с этими текстами в XVIII в. начали появляться и сочинения собственно болгарского происхождения, в которых можно проследить отражение взглядов книжников на Россию. Типологически эти тексты можно разделить на три неравноценные по объему группы. К первой следует отнести произведения устного народного творчества и сочинения, непосредственно находившиеся под их влиянием. В них нашли отражение взгляды легендарного характера, популярные среди широких народных масс. Этот сегмент в историографии неплохо разработан¹³, поэтому в данной статье рассматриваться не будет. Что касается находящихся под влиянием народной ментальности сочинений книжников, то к настоящему времени известна, пожалуй, лишь одна рукопись XVIII в., в тексте которой эти влияния прослеживаются вполне определенно. Речь идет о знаменитой «Повести о московском царе Петре», сохранившейся в рукописном сборнике 1796 г., составленном священником Пунчо.

Вторая группа текстов наиболее объемна и включает в себя сочинения исторической направленности. Подробно характеризовать их не имеет смысла, поскольку они очень хорошо известны. Прежде всего, это «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского, дополнения к этому тексту переписчиков сочинения Паисия, анонимная «Зографская история» (1785) и «История вкратце о болгарском народе славенском» иеросхимонаха Спиридона (1792).

В особый, третий раздел можно выделить тексты, связанные с именем болгарского епископа и книжника Софрония Врачанского (1739–1813).

Если попытаться охарактеризовать в целом позицию авторов всех трех условно вычлененных групп, то это окажется задачей трудновыполнимой. Для каждой из них характерен собственный, в некоторой степени социально обусловленный подход к сюжетам с русской тематикой. Первая группа неразрывно связана с народным менталитетом, с древними пророчествами и легендами, со смутными мессианскими надеждами, а потому неотделима от чувства потенциальной благодарности. Вторая отражает позицию нарождающейся болгарской историографии, ориентированной на пробуждение национального самосознания собственного народа.

Своеобразие третьей группы предопределено, как представляется, не столько взглядами автора, сколько политической конъюнктурой.

В данном перечне, как уже отмечалось, «Повесть о московском царе Петре» занимает особое место. Это произведение хотя и несет на себе отпечаток народного менталитета, прошло определенную литературную обработку и может служить уникальным образцом русофильства в болгарской книжности своего времени. Содержание «Повести» обращено к истории крещения Руси и основывается на вольной переработке русских летописей¹⁴. Результатом этой переработки стал ряд исторических несуразностей, а именно: замена византийского императора на некоего болгарского царя Константина, а русского князя Владимира на воинственного Петра Буро. Особый интерес представляет заключительная и, как полагают исследователи, оригинальная, т.е. принадлежащая самому Пунчо, часть «Повести»¹⁵. Эта часть содержит откровенный панегирик русским монархам и являет собой попытку осмысления исторической миссии России на Балканах. Автор выстраивает логическую взаимосвязь между якобы имевшим место актом принятия русскими крещения от болгар и намерением России положить конец турецкому владычеству. Предполагается, что русские свято помнят о своем историческом долге перед болгарями – приобщении к христианству, а потому неустанно молятся об их освобождении от ига¹⁶. Поскольку, по мнению автора, русские – народ богоизбранный, имеющий «силу свыше»¹⁷, то данная молитва имеет, на его взгляд, особую силу. В тексте особо подчеркивается, что русский царь непобедим – «не может ни один царь или король победить ... царя московского»¹⁸. Заканчивается «Повесть» прославлением военных доблестей русского монарха.

Среди сохранившихся сочинений XVIII в. откровенно русофильская и восторженная тональность творения священника Пунчо уникальна. Гораздо более типичным для болгарской книжности этого периода является спокойный, подчас подчеркнута нейтральный тон, характерный для трех вышеназванных «Историй». Обращает на себя внимание также исключительная лаконичность авторов при обращении к русским сюжетам. И если в отношении «Зографской истории» практически полное пренебрежение ими может быть объяснено краткостью самого текста, то для пространных сочинений Паисия и Спиридона это объяснение вряд ли подходит.

Прежде всего, бросается в глаза, что сама по себе Россия не вызывает у авторов обоих сочинений особого интереса. Их внимание к русским сюжетам связано в основном с обращением к теме миграции древних болгар.

Хотя в источниковедческом плане авторы всех трех «Историй» опирались на русские издания таких известных сочинений как Цезарь Бароний (1538–1607), Мавро Орбини (ум. ок. 1614), Дмитрий Ростовский (1651–1709), а также на первую книгу по русской истории под названием «Синописис» Иннокентия Гизеля (вторая половина XVII в.)¹⁹, однако почерпнутыми сведениями пользовались довольно свободно, формируя свою собственную концепцию национальной истории.

Поскольку Паисий и анонимный автор «Зографской истории» придерживались так называемой яфетической теории происхождения славян, т.е. выводили все славянские народы, включая болгар, от Мосха, легендарного внука Ноя и сына Яфета, то они не могли обойти вниманием проблему совпадения этого имени с топонимом Москва. Вот что, например, писал по этому поводу Паисий Хилендарский²⁰. Первоначально славяне, не разделившись еще на отдельные племена и носившие в честь общего предка имя московцы, расселились на севере в районе современной Москвы. В честь своего прародителя Мосха они дали имя протекавшей в том районе реке (Москва-река) и основанному ими поселению (Москва). Когда произошло естественное разрастание рода, часть славян (включая будущих болгар) переселилась на запад. По прошествии времени некоторые из них решили вернуться на историческую родину, т.е. в Москву, но оставшиеся на прежнем месте сородичи (теперь уже называвшиеся русскими) в свою землю их не пустили. Возвратившиеся славяне были вынуждены расселиться восточнее – на берегах Волги, получив от нее свое имя – болгары.

Частично эта историческая концепция Паисия была скорректирована одним из его переписчиков Дойно Грамматиком уже в 1784 г. Книжник посчитал необходимым внести в рукопись разъяснение, указав, что хотя происхождение топонима и гидронима «Москва» действительно восходит к имени внука Ноя Мосха, однако русские получили свой этноним не от него, а от местного воеводы Мосха (как сербы от воеводы Сербина)²¹.

Темой миграции древних болгар обращение Паисия Хилендарского к русским сюжетам практически исчерпывается. Вскользь

он затрагивает их еще раз (об этом речь пойдет в дальнейшем), однако развернутых пассажей, позволяющих дать детальную оценку авторской позиции, в тексте нет.

Автор «Зографской истории», повторяя основную канву концепции Паисия, к русским сюжетам был настолько равнодушен, что не оставил практически никакого материала для анализа. В этом своем отношении он резко отличается от автора «Истории вкратце» – иеросхимонаха Спиридона²², внесшего оригинальный вклад в разработку русской тематики.

На первый взгляд, внимание Спиридона к России вполне объяснимо, поскольку он был учеником Паисия Величковского, оставившего исключительно яркий след в истории русской культуры и книжности. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это внимание не слишком доброжелательное.

Спиридон отождествлял болгар с древними иллирами²³. Вероятно, именно поэтому он, в отличие от Паисия Хилендарского, тщательно избегал употребления обычных (для болгарских книжников) по отношению к русским этнонимов «московцы» или «москови», способных вызвать у читателей ассоциации с Москвой. Спиридон предпочитал термин «мосховиты»²⁴. Выстраивая параллели с иллирами, он полностью исключил из своего повествования историю миграции болгар в район Москвы и отверг теорию происхождения их этнонима от названия реки Волги²⁵. И хотя факт проживания болгар в районе северного Причерноморья он не отрицал, однако трактовал его лишь как краткий эпизод перед переселением на Дунай в 986 г. до н.э.²⁶

Движимый чувством патриотизма и желая, по всей вероятности, лишний раз подчеркнуть высокий уровень развития древних иллиро-болгар по сравнению с другими, ныне процветающими народами, Спиридон не особо скрывал свое негативное отношение к соседям. В отношении русских он позволил себе даже несколько ничем логически не обоснованных уничижительных выпадов. В частности, он не преминул сообщить, что у русских (в отличие от болгар) не было в древности «ни городов, ни сел», что жили они как «дикие звери», переходя с места на место²⁷, что терпели военные поражения от болгарских принцев²⁸, что именно болгары открыли русским путь к цивилизации, основав первый в их землях город – Новгород²⁹. Не забыл Спиридон напомнить читателям и о том, что хан Батый смог разгромить в XIII в. Русь, но Болгария оказалась ему не по силам³⁰.

На последних страницах «Истории вкратце» имеется информация о русско-турецких войнах XVIII в. Однако повествование о них ведется в сухом, подчеркнуто нейтральном тоне, причем, не с позиций ожидания освобождения от османского ига, а скорее в контексте истории болгаро-греческих и болгаро-турецких отношений. Во всяком случае, скупо сообщая о наступлениях русских войск, Спиридон находит уместным помещать в качестве авторского комментария лишь очередные выпады в адрес греческого духовенства.

Среди сюжетов с русской тематикой можно, пожалуй, назвать лишь один, который действительно вызывает у автора теплые чувства. Связан он с личностью книжника Дмитрия Ростовского. Впрочем, в данном случае позиция автора легко объяснима. Сочинения Дмитрия Ростовского отличало исключительно доброжелательное отношение к славянским народам, что оказывалось для Спиридона весьма удобным для ссылок на авторитетный источник при трактовке исторических событий, невыгодно освещенных для болгарского самолюбия в греческих или западноевропейских источниках.

Анализируя причины подобного подхода к русской тематике, можно предположить, что в их основе лежало уязвленное самолюбие автора и досада за униженное положение своего народа. Думается, именно под этим углом следует воспринимать попытки Спиридона любыми способами возвеличить заслуги своего народа в ущерб остальным. Причем, иногда эти потуги приобретали несколько комический характер. Например, очень показательно в этом отношении страстное желание автора доказать болгарское происхождение победителей хана Батыя³¹. Его не смутила даже необходимость территориального расширения границ Болгарии на всю Венгрию и Сербию.

Впрочем, к концу XVIII в. столь вольный подход к трактовке событий отечественной истории, появление в рукописях элементов болгароцентризма и демонстрации неприязненного отношения к другим народам перестали быть редкостью. Судя по сохранившимся текстам, родоначальником националистической традиции был, скорее всего, действительно Паисий Хилендарский. Во многом именно благодаря откровенному возвеличиванию автором исторических заслуг болгарского народа и не менее откровенным выпадам в адрес единоверцев – греков и отчасти сербов, его «История» стала знаменитой в среде соотечественни-

ков. Косвенным образом на страницах его сочинения досталось даже русским. В данном случае речь идет об отстаивании Паисием права первенства болгар на крещение и принятие письменности среди прочих славянских народов, неправомерно оспариваемое, по его мнению, некоторыми русскими авторами³².

Материалы каталогов славянских рукописей свидетельствуют, что националистические установки Паисия быстро начали находить отклик у современников. Уже в 1776 г. поп Георгий из села Жеравны поместил на одном из списков сочинения Паисия свои восторженные отзывы, особо отметив, что это замечательное произведение будет «на пользу болгарам ... и на пакость грекам и сербам»³³. Аналогичную приписку оставил в 1777 г. и священник Велико из Котела³⁴. Приблизительно в 1794 г. Даниил Святогорец из афонского монастыря «Святой Георгий» перевел из «Книги житий» Дмитрия Ростовского рассказ о Кирилле и Мефодии, параллельно отредактировав текст в лучших традициях «Истории славяноболгарской». В его версии, деяния славянских первоучителей представлены исключительно как «болгарское свершение», моравский князь Ростислав заменен на болгарского царя Бориса, новая письменность создана братьями именно для болгар, священные книги они перевели не на синтетический церковнославянский, а на болгарский язык, проповедовали христианство не кому-либо, а все тем же болгарам и никуда от них с миссиями вообще не уходили³⁵.

Как свидетельствуют события XIX–XX вв., национализму в Болгарии суждено было большое будущее, в том числе и в исторической науке. Хотя XVIII в. отмечен лишь зарождением установок подобного рода, именно в их контексте становится, возможно, более понятным довольно индифферентное отношение книжников к русским сюжетам. Тем более, что эти сюжеты не только не способствовали восхвалению доблестей собственного народа, но напротив, порой откровенно мешали, вызывая чувство уязвленной национальной гордости. Кроме того, что также немаловажно, в личной жизни вышеупомянутых книжников отсутствовали, по-видимому, факторы, принуждавшие их к внешней демонстрации пророссийских настроений.

В ином положении оказался на рубеже XVIII–XIX вв. епископ Софроний Врачанский. Его деятельность, в том числе литературная, открывает собой новый этап в истории взаимодействия болгарских книжников с Россией, этап непосредственных

политических контактов. Вынудила его к поиску прямого диалога с российскими властями и, соответственно, к принятию необходимой для общения с ними риторики, политическая конъюнктура тех лет, а именно: разгул кырджалийских банд, массовое бегство христиан (в том числе и его самого) за Дунай и русско-турецкая война 1806–1812 гг.

Начало болгаро-русским контактам, связываемым в историографии с именем Софрония Врачанского, относится к 1804 г. и к отправке из Бухареста в Петербург делегации болгар в составе Ивана Замбина и Атанаса Нековича. Задачей переговорщиков было установление контактов с русскими властями с целью добиться распространения покровительства России на болгарские земли³⁶. Позиция Софрония была в тот период откровенно пророссийской. В данном случае вряд ли стоит подробно останавливаться на дискутируемой в историографии проблеме авторства так называемого «Полномочного письма», подписанного Софронием для Ивана Замбина в 1808 г., в котором от имени болгарского народа выражалось горячее желание удостоиться высокого покровительства и быть присоединенными к России «под мудрым управлением монарха всерусского»³⁷. Даже если в его основе лежал текст, подготовленный Замбиным, это вовсе не значит, что Софроний не разделял изложенных в нем пожеланий. Во всяком случае, по риторике оно вполне соответствовало письму, переданному от имени Софрония в 1808 г. российскому министру иностранных дел Н.П. Румянцеву³⁸. И хотя в данном тексте речь шла лишь о покровительстве, а не о подданстве, горячих заверений в преданности единой России в нем ничуть не меньше, чем в «Полномочном письме».

В аналогичном по отношению к России духе были выдержаны и специальные послания Софрония к соотечественникам, обнародованные в связи с наступлением русских войск в 1810 г. В них он заверял болгар, что вместе с русской армией к ним приближается «спасение и избавление», что русские их «единоверные» и «единородные» братья, а потому необходимо оказывать им всяческую поддержку и выказывать любовь³⁹.

Позиция Софрония по отношению к России нашла отражение и в двух вставках к выполненному им в 1809 г. переводу сочинения Амвросия Марлиана, известного в славянском варианте под названием «Гражданское позорище»⁴⁰. Эти вставки, хотя

совсем не обязательно являются авторскими, уже самим фактом своего появления указывают на позицию Софрония.

В первой интерполяции восхваляются правление русского императора Петра I, его государственная мудрость и благочестие, следствием которых и явилось, по мнению автора, создание великой державы, над которой «солнце никогда не заходит»⁴¹. Во второй вставке перечисляются великие монархи – поборники христианской веры, прошлого и настоящего. Среди них кроме Петра I упоминаются русские императрицы Анна Иоанновна и Елизавета Петровна. Среди богоугодных дел двух последних особо отмечается их усердие в искоренении «зломысленного христианоненавистного рода иудейского»⁴². Этот же текст почти дословно присутствует в одной из глав Второго Видинского сборника, составленного Софронием в 1802 г. Основное отличие состоит главным образом в том, что список русских императриц продлен в нем до Екатерины II, исключительной заслугой которой названа забота о просвещении⁴³.

Трудно судить, до какой степени похвалы Софрония в адрес России, демонстрируемые им в период 1804–1811 гг., были искренними. Сомневаться в них не было бы оснований, если бы не тот факт, что в своей автобиографии («Житие и страдания грешного Софрония») русских сюжетов он не касается вовсе. И это при том, что писалось данное произведение в Бухаресте, т.е. без особой оглядки на возможную месть со стороны турок.

Возвращаясь в заключение к общей оценке характера болгарского русофильства XVIII века, можно, по всей вероятности, признать, что в целом он соответствовал своей переходной эпохе, что, возможно, и предопределяло его непоследовательность. Соседство рудиментов средневекового сознания (ориентированного на ожидание чуда и приход мессии, трансформировавшихся в условиях иноземного владычества в надежду на чудесное избавление извне) с естественным ростом национального самосознания и началом общей политизации общества не могло не сказаться на отношении к стране, которой древние пророчества предначертали роль потенциальной освободительницы. Создается впечатление, что именно в рассматриваемый период и именно в среде наиболее образованных слоев болгарского общества – в первую очередь, низшего духовенства, формировавшего из своей среды основной контингент книжников, восприятие России претерпевало своеобразный кризис. Старые представления мессианского характера уже

перестали удовлетворять тех, чья ментальность начала ориентироваться на реалии Нового времени. В то же время рациональный, сугубо прагматический взгляд на Россию, как на эффективный инструмент для достижения болгарами политической независимости, еще не успел сформироваться.

Примечания

¹ *Макарова И.Ф.* Легендарные представления болгар о России в XV–XVIII вв. // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX века. М., 1992. С. 130–140; *Макарова И.Ф.* Мифы общественно-го сознания: болгарская династия Российской империи // България и Русия – между признателности и прагматизма. София, 2009. С. 38–43.

² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Т. 16. С. 74–77.

³ *Качановский В.* Памятники болгарского народного творчества. Сборник западно-болгарских песен. СПб., 1882. Вып. 1. С. 213–214.

⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Т. 18. С. 40–41.

⁵ *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902; *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при св. Синод на българската църква. София, 1900; *Цонев Б.* Опис на ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в София. София, 1910. Т. 1; *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. София, 1923. Т. 2; *Цонев Б.* Славянски ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в Пловдив. София, 1920.

⁶ *Атанасов П.* Българо-руски литературни връзки през XVII–XVIII в. София, 1986. С. 112.

⁷ Там же. С. 122.

⁸ Там же. С. 82–88.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ *Ангелов Б.* Неизвестен ръкопис на Спиридон Рилски // Език и литература. 1964. № 3. С. 79–86.

¹¹ *Мутафчиева В.* «Предсказанията» за края на Османската империя (към въпроса за руско-балканските културни връзки през XIX в.) // Studia balkanica. Т. 8. София, 1974. С. 113.

¹² *Жефарович Хр.* Стематогрфия. София, 1985. С. 40-а.

¹³ Подробно см.: *Флоринский Т.* Воззрения южных славян на Русь (по историческим свидетельствам и народным песням) // Славянское обозрение. 1892. № 3. С. 196–209; *Трифонов Ю.* Историческое объяснение на вярата на «Дядо Иван» (Русия) у българския народ // Библиотека на Славянска беседа. 1908. Т. 1. С. 124–200; *Снегаров И.* Културни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVIII в. София, 1953; *Державин Н.С.* «Дядо Иван» (Българска народна историческа легенда) // *Державин Н.С.* Племена и културни връзки между българския и руския народ. София, 1945. С. 103–109.

¹⁴ *Банков Т.* Един български разказ от XVIII в. // Литературна мисл. 1976. № 3. С. 111–117.

¹⁵ *Ангелов Б.* Български разказ за покръстване на русите // Известия на Институт за българска литература. София, 1958. Т. 6. С. 258; *Атанасов П.* Българо-руски литературни връзки. С. 121–122.

¹⁶ *Ангелов Б.* Български разказ. С. 259.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Атанасов П.* Българо-руски литературни връзки. С. 107–114.

²⁰ *Паисий Хилендарски.* Славянобългарска история. София, 1989. С. 52–53.

²¹ *Ангелов Б.* Съвременници на Паисий. София, 1963. Т. 1. С. 194–195.

²² *Златарски В.* История во кратце о българском народе славенском. Сочинися и списася в лето 1792 Спиридоном иеросхимонахом. София, 1900.

²³ Там же. С. 11–13.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Там же. С. 13.

²⁶ Там же. С. 11.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 76.

³¹ Там же. С. 76–78.

³² *Паисий Хилендарский.* Славянобългарска история. С. 173.

³³ *Ангелов Б.* Съвременници на Паисий. София, 1963. Т. 2. С. 62.

³⁴ Там же. С. 63.

³⁵ *Дубовик О.А.* Религия и церковь в болгарской исторической мысли XVII-XVIII вв. // Балканские исследования. Вып.17. Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 98.

³⁶ Подробно см.: *Конобеев В.Д.* Българското националноосвободително движение: Идеология, програма, развитие. София, 1972. С.87–96.

³⁷ *Киселков В.* Софроний Врачански: Живот и творчество. София, 1963. С. 75–76.

³⁸ *Конобеев В.Д.* Българското националноосвободително движение. С. 97–98.

³⁹ *Софроний Врачански.* Избрани творения. София, 1946. С. 155–157.

⁴⁰ *Киселков В.* Софроний Врачански. С. 198–200.

⁴¹ Там же. С. 199.

⁴² Там же. С. 200.

⁴³ Там же. С. 143.

С.И. Данченко
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Из истории открытия Сербского подворья в Москве

Abstract:

Danchenko S.I. *From the history of the opening of the Serbian Orthodox mission in Moscow*

The article, on the basis of new documents, traces the history of the opening of the Serbian mission in Moscow in 1874. The author explores the role of the Moscow Slavonic Charity Committee and some of its leaders, as well as the Serbian Metropolitan Michael in this event.

Ключевые слова: Сербское подворье в Москве, Московский славянский благотворительный комитет, Н.А. Попов, Н.Н. Дурново, митрополит сербский Михаил, русско-сербские связи.

30 ноября 1874 г., в день св. апостола Андрея Первозванного, в центре Москвы, на Солянке, в бывшей церкви св. Кира и Иоанна, было открыто первое постоянное представительство Сербской православной церкви – Сербское подворье, своеобразный островок православной Сербии в древней столице Русского государства. Безусловно, это было важное и значимое событие – как для Сербской православной церкви, так и для развития русско-сербских связей.

К сожалению, до сих пор для освещения вопроса об основании и деятельности подворья в распоряжении исследователей нет достаточного числа документов, так как его архив до сих пор не обнаружен. Очевидцы утверждали, что в 1918 г., когда подворье было закрыто новой революционной властью, вооруженные люди ночью вторглись на его территорию, загрузили на подводы ящики с какими-то бумагами, а затем увезли их в неизвестном направлении. Возможно, это и был тот самый пропавший архив. Однако сведения по интересующему нас вопросу все же имеются – в периодике, а главное – в ряде документов, хранящихся в архивах Москвы. Во-первых, в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), где находится фонд Н.Н. Дурново, известного общественного и церковного деятеля, первого попечителя Сербского подворья. Во-вторых, в 2011 г. вышел в свет 2-й том совместной российско-сербской публикации «Москва – Сербия. Белград – Россия»¹. В этом ценном, выполненном на высоком профессиональном уровне труде представлен ряд новых материалов по истории подворья – из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Научно-исследова-

тельского отдела рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Идея создания в Москве сербского духовно-организационного центра, особого подворья, зрела давно. Подобные подворья с храмами уже имели древнейшие поместные церкви православного Востока – Иерусалимская, Антиохийская, Александрийская, Константинопольская.

Переговоры о возможности открытия Сербского подворья велись со Св. Синодом Русской православной церкви уже с конца 50-х годов XIX в. Поддержку этому начинанию оказал обладавший авторитетом у московских властей митрополит Московский и Коломенский Филарет (1782–1867), известный своим покровительством православным церквам Востока. Как писал Н.А. Попов, «Сербская церковь, подобно греческим, хотя и гораздо реже, присылала в Москву за помощью, в особенности после Восточной войны, и митрополит оказывал ей глубокое свое внимание. Хиландарская лавра на Афоне (архимандрит Софроний), Дечанская лавра (иеромонах Кирилл) близ стольного Ипека в Старой Сербии, Герцеговина (архимандрит Серафим Перович), Босния (игумен Прокопий) – каждая из них собирала пожертвования, и митрополит Филарет, вписывая всегда первый свое имя в сборную книгу, в изобилии снабжал славянские земли богослужебными книгами»².

Открытию подворья препятствовали несколько обстоятельств. Во-первых, Сербская православная церковь в то время еще не была автокефальной и подчинялась Константинопольской патриархии, чье подворье в Москве уже существовало. Возникли и другие трудности, связанные с подысканием подходящего храма, а также со сбором необходимых материальных средств. Эти хлопоты и дальнейшее решение всех проблем подворья взял на себя созданный в 1858 г. Московский славянский благотворительный комитет, и в первую очередь его секретарь, профессор Московского университета Н.А. Попов, а также уже упоминавшийся деятельный член комитета Н.Н. Дурново³.

С сербской стороны наибольшую активность в деле открытия подворья с самого начала проявил митрополит Сербский и архиепископ Белградский Михаил (в миру – Милое Йованович (1826–1898)). В 1846–1853 гг. он обучался в Киевской духовной семинарии и академии, где стал кандидатом богословия, получив ученую степень (первым из сербских уроженцев) за диссертацию «Обзор истории сербской

церкви». Позднее она была издана в Белграде под заглавием: «Поглед на историју Српске цркве» (1856).

29 марта 1853 г. Милое принял постриг, в апреле, уже под именем Михаила, был рукоположен в диаконы, а вскоре – в иеродиаконы. Через год молодой образованный монах вернулся в Сербию, где стал заметной фигурой в церковной жизни (в 1854 г. – архимандрит монастыря Студеница, в 1854–1859 гг. – епископ Шабачкий). 25 июля 1859 г. он был избран на сербский митрополичий престол.

Будучи последовательным русофилом, митрополит Михаил «культурно-религиозную и политическую связь с ...Россией... полагал непременным условием самого существования и развития Сербии, как православного славянского государства, сохранения ее самобытности в условиях мусульманско-католического окружения»⁴.

Митрополит Михаил был очень авторитетной фигурой в русско-сербских контактах церковного и общественного плана. Он имел в России огромное число друзей и почитателей, прежде всего в славянофильской среде, а также среди видных церковных деятелей, дипломатов, политиков, ученых-славистов. Со многими он вел оживленную многолетнюю переписку, поэтому его послания имеются, к счастью для исследователей, во многих фондах отечественных архивохранилищ.

Осенью 1869 г. Михаил приехал в Россию в качестве приглашенного гостя на празднование 50-летия Киевской духовной академии. После Киева он посетил Москву, где находился с 8 по 16 октября, проживая в Чудовом монастыре. Во время своего пребывания в древней русской столице Михаил практически каждый день знакомился с православными святынями, осмотрел ризницы кремлевских соборов, совершил паломничество в Троице-Сергиеву Лавру, побывал с визитами у ряда церковных и государственных деятелей, а 12 октября принял участие в литургии в Успенском соборе Кремля и традиционном торжественном крестном ходе вокруг кремлевских стен в память избавления Москвы от нашествия французов в 1812 г. Как отмечала популярная газета «Современная летопись» 19 октября 1869 г., литургию митрополит Михаил служил в белом роскошном облачении, подаренном ему митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием, а во время крестного хода на нем было облачение «малиновое, бархатное, поднесенное московскими гражданами»⁵.

В рамках визита, 14 октября 1869 г., в здании Московского университета состоялось заседание Московского славянского благотворительного комитета, на котором сербский иерарх выступил с речью. Она носила панегирический характер, в ней всячески превозносились славяне с их «особыми оттенками жизни» и Россия, «к которой и взоры, и сердца славян обращаются с чаянием лучшей своей общности». Наряду с этим, сербский митрополит высоко оценил «похвальную деятельность» Славянского благотворительного комитета, которая, по его убеждению, развивает идеи славянской взаимности, укрепляя «духовные, братские отношения между всеми славянскими народами»⁶.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, во время этого визита Михаила вопрос об открытии Сербского подворья в Москве со стадии разговоров и пожеланий перешел в стадию конкретного воплощения. Во всяком случае активность в этом направлении и сербских властей, и московской общественности в лице руководства Славянского комитета значительно возросла. Безусловно, этому способствовала и та благожелательная атмосфера, сложившаяся в русском обществе в отношении славянских народов после Этнографической выставки в Москве и Славянского съезда 1867 г.

По замыслу отцов-основателей подворья, оно было призвано осуществлять многогранную деятельность по укреплению и развитию русско-сербских церковных, общественных и культурных связей. Сербия в рассматриваемый период еще не была независимым государством. И если Российская империя была представлена в Сербии открывшимся в 1838 г. в Белграде консульством, то никакого представительства Сербского княжества, вассала Османской империи, в России не было. Таким образом, подворье должно было стать первым официальным представительством Сербии в России со следующими функциями: сбор пожертвований, поступающих от различных учреждений и частных лиц Российской империи в пользу православных храмов в сербских землях, и оказание необходимой помощи молодым сербам, приезжавшим на учебу в Россию.

20 октября 1869 г., т.е. буквально через 4 дня после отъезда митрополита Михаила из Москвы, председатель Московского славянского благотворительного комитета М.П. Погодин обратился в Св. Синод с предложением учредить в Москве подворье Сербской православной церкви⁷.

Судя по опубликованным⁸ и неопубликованным документам, хранящимся в отечественных архивах, до этого в Славянском комитете была проведена большая подготовительная работа⁹ и, главное, была найдена церковь, подходящая для этой цели, – св. Кира и Иоанна на Солянке.

В 1870 г. было получено принципиальное согласие митрополита Московского и Коломенского Иннокентия на открытие подворья. 26 июня 1870 г. им было направлено в Св. Синод соответствующее послание, в котором особо подчеркивалось следующее обстоятельство: «Дарование в Москве церкви для митрополии не противоречит по той степени самостоятельности, которою церковь единоплеменного нам народа сербского пользуется, так как связь ее с константинопольским патриархом состоит в знаках общения, а не подчинения (подчеркнуто нами – С.Д.), как то: митрополит сербский возносит в священнослужении имя вселенского патриарха и патриарха поставляет в известность о каждом новопоставленном епископе; св. миро... сербский митрополит получает из Киева – а сие из указанных знаков общения есть сильнейший»¹⁰.

Получив официальное разрешение, сербский митрополит Михаил, со своей стороны, направил в Св. Синод ходатайство об открытии Сербского подворья в Москве – «как для лучшего единения и общения православных славян на юге с Русиею, так и для посильного удовлетворения нуждам церкви нашей благотворительною помощью благочестивых россиян, всегда и везде поддерживающих (так в тексте – С.Д.) православие»¹¹.

Прошло около двух лет, во время которых весьма неторопливо шло согласование вопроса в различных ведомствах. Очень затягивали открытие подворья два момента. Первый был связан с урегулированием с московскими духовными властями порядка передачи Сербскому подворью церкви св. Кира и Иоанна на Солянке и принадлежащих ей территории и построек. Вопрос о выкупе церкви был решен положительно после того, как в 1872 г. сербское правительство выделило на эти цели 10 тыс. руб. И хотя тяжбы, связанные с передачей дворовых построек, тянулись еще несколько лет, все же вопрос был в принципе решен.

Второй проблемой при открытии подворья стал выбор настоятеля. В письме к Н.А. Попову (октябрь 1872 г., т.е. за 2 года до открытия подворья) Н.Н. Дурново предлагал в качестве настоятеля архимандрита Васу Пелагича, либо архимандрита Серафима Перовича, которые, несмотря на свой сан, являлись активными участ-

никами национально-освободительной борьбы в Боснии. Н.Н. Дурново считал, что «архимандрит здесь нужен известный, хотя отчасти, русским, потому что сборы его тогда могут быть значительны, и непременно образованный, чтоб не уронить себя в глазах русского духовенства, тем более что и на греческих подворьях, Иерусалимском и Антиохийском, настоятелями находятся замечательно образованные лица»¹².

В начале 1873 г. в переписке Н.А. Попова и сербского митрополита Михаила речь шла уже о кандидатуре Нестора (в миру – Николай Попович (1833–1884)), окончившего Киевскую духовную академию. По возвращении в Сербию он сначала был преподавателем, а затем стал ректором белградской семинарии. Нестор также обучал Закону Божьему молодого сербского князя Милана Обреновича, являлся основателем и автором первых сербских духовных журналов – «Сион» и «Пастырь». В 1872 г. он принял монашеский постриг (после смерти жены).

Однако в России кандидатуру Нестора сочли нежелательной – из-за слухов о его якобы «неблаговидном поведении». «Неблаговидность поведения», подтвержденная русским посланником в Белграде Н.П. Шишкиным, заключалась в приверженности Нестора либеральным идеям.

В ноябре 1873 г. всплыла кандидатура о. Саввы из сербского монастыря Горняк. Он в результате и стал первым настоятелем Сербского подворья – с 15 июня 1874 г. и вплоть до своей смерти в 1880 г. О. Савва, пользовавшийся большим авторитетом и уважением в церковных и славянофильских кругах Москвы, был похоронен в московском Алексеевском женском монастыре, при котором существовало училище, где обучались девочки из южнославянских стран.

Но вернемся в 1873 год. 22 марта (4 апреля) Св. Синод наконец-то принял положительное решение по вопросу об открытии подворья, а 12 мая 1873 г. император Александр II утвердил его.

И сразу же начались интенсивные ремонтные работы, продолжавшиеся около полутора лет и включавшие восстановление храма, внутреннюю отделку, роспись стен, установку нового иконостаса, приобретение церковной утвари. Финансирование этих дорогостоящих работ взяли на себя московские купцы и среди них – самый крупный жертвователь, купец II-й гильдии В.В. Сысоев, позднее ставший старостой храма Сербского подворья. Из письма настоятеля о. Саввы к сербскому митрополиту Михаилу (декабрь

1874 г.) мы узнаем, что В.В. Сысоев снабдил церковь подворья богослужебными книгами, а также пожертвовал 12 предобразных паникадил, 8 подсвечников, дарохранительницу, несколько воздухов и покровов – всего на сумму 1 360 руб. сер. На устройство нового иконостаса он пожертвовал 5 640 руб. сер. и лично собрал пожертвованных деньгами по декабрь 1874 г. 960 руб. сер.¹³

Целый ряд церковных вещей, по просьбе Н.Н. Дурново, был передан Сербскому подворью из ризницы Троице-Сергиевой Лавры и лично от наместника Лавры архимандрита Антония. Среди них – архимандритский серебряный крест с распятием на финифти, украшенный стразами, мантия из шерстяной материи, несколько риз, две пелены на аналогий и пр.¹⁴

Интересные сведения о церкви св. Кира и Иоанна, на базе которой было открыто Сербское подворье, содержатся в статье Н.Н. Дурново, которую он опубликовал в «Московских епархиальных ведомостях» в декабре 1874 г. Впервые этот храм упоминался в русских летописях XVI в. Впоследствии «за ветхостью» он был разобран и построен вновь уже по указанию Екатерины II в память принятия ею православия в 1744 г. и вступления на престол 28 июня 1762 г., в день празднования памяти св. Кира и Иоанна. План нового храма был составлен архитектором Бланком, рассмотрен и одобрен самой императрицей. В 1765 г. церковь была заложена и по окончании постройки освящена в присутствии Екатерины II, 19 января 1768 г. В 1812 г. Киро-Иоанновская церковь, как и многие московские храмы, была разграблена французами, но вскоре после окончания Отечественной войны была восстановлена. К ней была приписана церковь Всех святых на Кулишках, со всем своим приходом. В 1860 г. богослужение в церкви св. Кира и Иоанна прекратилось. 18 февраля 1866 г. Всехсвятская церковь была обращена в самостоятельную, а Киро-Иоанновская стала приписной¹⁵.

Обновленный на средства московских благотворителей в начале 70-х годов XIX в. храм св. Кира и Иоанна представлял собой уголок православной Сербии. Пятирусный вызолоченный иконостас был искусно выполнен мастером М.А. Большаковым. Все иконы были расписаны по золотому фону, стены тоже. Из числа 33 святых, здесь изображенных, одиннадцать принадлежали сербской церкви, среди них пять находились в русских святцах: св. Савва, первый архиепископ сербский; его преемник св. Арсений; св. цари сербские: Стефан Неманя (в монашестве Симеон),

Стефан Первовенчанный (в монашестве Симон) и князь сербский Лазарь. Имена ряда святых символизировали духовное единство двух православных народов: св. Кирилл и Мефодий, св. Александр Невский – небесный покровитель царя Александра II, даровавшего сербской церкви подворье в Москве; великомученица Екатерина – в память императрицы, по воле которой был построен храм¹⁶.

Старый же иконостас из церкви св. Кира и Иоанна (в нем находилось 26 икон) был отправлен в Черногорию на средства уже упоминавшегося В.В. Сысоева¹⁷.

Сербское подворье в Москве было открыто 30 ноября 1874 г., в день св. Андрея Первозванного. Этот день был памятен и для Сербии, ибо именно 30 ноября в 1830 г. была провозглашена ее автономия – сделан первый шаг на пути создания независимого Сербского государства. На освящении церкви Сербского подворья (во имя Благовещения Пресвятой Богородицы) присутствовали и совершили божественную литургию: епископ Алексий; архимандриты московских монастырей: Чудова – Вениамин, Сретенского – Виктор; подворий: Александрийского – Геннадий, Сербского – Савва. Торжественное слово о единении православных церквей на церемонии произнес профессор Московского университета, протодиакон Александрийской при Военном училище церкви А.М. Иванов-Платонов. На освящении присутствовали представители московской интеллектуальной элиты, члены Московского славянского благотворительного комитета – его председатель М.П. Погодин, вице-председатель П.Н. Батюшков, ректор Московского университета С.М. Соловьев, славянофилы И.С. Аксаков, братья Ю.Ф. и Д.Ф. Самарины, Н.А. Попов, Н.Н. Дурново и др., а также легендарная московская знаменитость – Петр Васильевич Хавский, правовед, тайный советник, известный составитель и редактор законов Российской империи¹⁸. Родившись в 1771 г., он жил при пяти императорах, четырех из которых пережил, так как скончался в 1876 г., прожив 105 лет! А начал он свою служебную деятельность в должности подпопииста в земском суде при Екатерине II. Говоря словами Фамусова из грибоедовского «Горе от ума», «при государыне служил Екатерине». А в 1874 г., во время освящения церкви Сербского подворья, П.В. Хавскому было уже 103 года. И он не только выстоял всю службу, но принял затем участие в торжественной трапезе в настоятельских покоях. Присутствие Петра Васильевича на открытии Сербского подворья свидетельствовало о

высоком уровне данного мероприятия в глазах московской общечественности.

Вот так и появилось в 1874 г. Сербское подворье в Москве¹⁹, просуществовавшее до 1918 г. На протяжении всего этого периода подворье активно участвовало, с помощью московских благотворителей, в сборе денежных и других пожертвований в пользу сербов и остальных южных славян. Особенно плодотворной была эта деятельность в годы Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Здесь проводились панихиды об упокоении «всех православных иже в Старой Сербии, Герцеговине и Боснии христолюбиво и братолюбиво пострадаша», молебны о ниспослании сербскому и черногорскому воинству победы. В подворье стекались немалые пожертвования москвичей. Так, старообрядцы Москвы собрали 30 тыс. руб., купили походный лазарет и отправили его в Белград. В Сербию выехала группа сестер милосердия женской Покровской общины. Благодаря собранным через подворье средствам десятки вооруженных добровольцев ежемесячно отправлялись в армию генерала М.Г. Черняева, главнокомандующего сербской армией во время сербо-турецкой войны 1876 г.

И в последующие годы Сербское подворье являлось духовно-культурным центром сербов, проживавших в Москве, и играло большую роль в укреплении и поддержании на должном уровне русско-сербских связей различной направленности. Благодаря пожертвованиям москвичей, никогда не оскудевавшим, сербские сироты помещались в приюты, молодые сербы обучались в средних и высших учебных заведениях, а бедные монастыри и храмы Сербии и Черногории украшались ценной утварью и облачениями. На территории Сербского подворья больше пяти лет прожил сербский митрополит Михаил, смещенный князем Миланом Обреновичем с митрополичьего престола в 1881 г. и вынужденный покинуть Сербию. В 1884 г. он приехал в Россию и с разрешения властей поселился сначала в Киево-Печерской Лавре, а затем в Москве, на территории подворья. Как вспоминали современники, опальный митрополит «приобрел общую любовь и уважение среди жителей первопрестольной столицы... Москва горячо полюбила доброго, умного, кроткого старца, который нашел в ней вторую родину»²⁰. В мае 1889 г. он возвратился в Белград, по приглашению нового сербского короля Александра Обреновича, и вновь занял митрополичий престол.

В 1918 г. Сербское подворье, как уже упоминалось, было закрыто, в ряду других православных подворий, а Благовещенский храм сделали приходским. В 1933 г. храм с часовней были разрушены.

В настоящее время представительство Сербской православной церкви в Москве также существует – с 31 декабря 1999 г., в храме Петра и Павла у Яузских ворот, в Петропавловском переулке.

Примечания

- ¹ Москва-Сербия. Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Том 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. Белград-Москва, 2011.
- ² *Попов Н.А.* Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. Вып. 1. СПб, 1871. С. 102–103.
- ³ В справке об устройстве Сербского подворья в Москве Н.Н. Дурново писал: «Каждый православный русский сочувственно относится к устройству Сербского подворья, чрез что и самые сношения Русской церкви с Сербскою сделаются более близкими, а сербские церкви будут в избытке снабжены всем необходимым от православных россиян...» // Цит. по: Москва–Сербия. Том 2. С. 550.
- ⁴ См.: *Шлемякин А.Л.* Сербский митрополит Михаил: годы изгнания (1883–1889) // Балканские исследования. Вып.17. Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 259–260.
- ⁵ См.: Москва-Сербия. С. 277–278.
- ⁶ Там же. С. 553.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 56-56 об.
- ⁸ Помимо уже упомянутого труда «Москва-Сербия. Белград-Россия...» см. нашу публикацию: «Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в.» // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013.
- ⁹ См. Москва-Сербия. С. 282-285.
- ¹⁰ Там же. С. 288.
- ¹¹ Там же. С. 290.
- ¹² Там же. С. 294.
- ¹³ Там же. С. 322-323.
- ¹⁴ Там же. С. 311.
- ¹⁵ Московские епархиальные ведомости. 1874.8.XII. № 50.
- ¹⁶ Подробное описание обновленного иконостаса содержится в брошюре «Сербское подворье в Москве. Краткий исторический очерк» (М., 1902), составленной сербским выпускником Московской духовной академии Синкелом Платоном (в миру – Миливое Йованович /1874–1941/) и выпущенной по случаю 25-летия открытия подворья (С. 31–32).
- ¹⁷ Там же. С. 31.
- ¹⁸ Московские епархиальные ведомости. 1874.8.XII. № 50.
- ¹⁹ Позднее, в 1894 г., рядом с Благовещенским храмом на средства московского купца И.И. Силуанова была сооружена часовня во имя св. Саввы (архитектор М.С. Шуцман).
- ²⁰ Информация взята с Интернет-сайта Сербского подворья: http://www.serbskoe-podvorie.ru/history_1.php

М.М. Фролова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Начало Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. и население Западной Македонии (по донесениям русского консула в Битоле В.А. Максимова)

Abstract:

Frolova M.M. *The beginning of the Eastern Crisis of 1875–1878 and the population of Western Macedonia (basing on the relations of Russian Consul in Bitola V.A. Maximov)*

The article, based on published and archival documents, highlights the situation in Western Macedonia after the Great Eastern Crisis of 1875–1878 broke out; it explores the issues of perception of the Uprising in Herzegovina and Bosnia among the population of the multi-ethnic Bitola Vilajet of the Ottoman Porte and its influence on the status of the Christian population.

Ключевые слова: Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., Битольский вилайет Османской империи, Герцеговина, Босния, В.А. Максимов, К. Мишайков, Дервиш-паша, Али Саиб-паша.

Почти 140 лет тому назад, 23 июня (5 июля) 1875 г. вспыхнуло восстание близ с. Невесинье, расположенного в юго-восточной части Герцеговины, в августе оно охватило уже всю ее территорию, а затем распространилось на Боснию. Начался очередной виток Восточного вопроса, приведший вскоре к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Этим событиям, судьбоносным для народов, в первую очередь, Балканского полуострова, посвящен значительный массив исследовательской литературы, и, тем не менее, на наш взгляд, некоторые сюжеты все же до сих пор недостаточно раскрыты, например, восприятие многонациональным населением Битольского вилайета Османской империи восстания в Герцеговине и Боснии и его влияние на положение христиан.

Уже изданные публикации документов существенно дополняют донесения русского консула В.А. Максимова в Битоле (1873–1877 гг.), сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) и являющиеся, на наш взгляд, ценным и важным источником при исследовании данного вопроса.

Город Битола с июля 1874 г. стал административным центром Битольского вилайета, который состоял из пяти санджаков (округов): Битольского, Дебарского, Призренского, Ускюбского (Скопье), Шкодерского (Скутари). В Битоле была расположена

Главная квартира Третьего армейского корпуса Османской империи, в сферу действия которого входили Македония, Герцеговина, Босния, Албания, Эпир, Фессалия; здесь также размещались митрополия Пелагонийской епархии, дипломатические представительства Австро-Венгрии, Греции и России.

Размах и особенности повстанческого движения в Герцеговине обеспокоили не только турецкое правительство, но и великие державы, в первую очередь, Россию. Русский консул в Рагузе (Дубровнике) в донесении от 5 (17) июля 1875 г. сообщал в российскую миссию в Константинополе, а также управляющему МИД России А.Г. Жомини (он замещал министра иностранных дел А.М. Горчакова, находившегося в отпуске), что восстание, которое было «вызвано только невыносимым положением под властью турок и вначале было направлено лишь на улучшение материальных условий существования», под влиянием повстанцев из западных районов Герцеговины, соседствующих с Далмацией, начало приобретать характер «абсолютно политический – борьбы уже не против злоупотреблений турецкого правительства, но против самого его существования»¹. Однако к перерастанию локального конфликта в полномасштабное противоборство балканских христиан с Османской империей Россия, только что завершившая военные реформы, была не готова и поэтому стремилась к мирному урегулированию вопроса. «Наш государь далек от желания вызвать кризис на Востоке, наоборот, его величество направляет всю свою политику ко всеобщему умиротворению, в Турции так же, как в Европе и в Азии», – уведомлял А.Г. Жомини 12 (24) июля 1875 г. советника посольства А.И. Нелидова, русского поверенного в делах в Константинополе, временно замещавшего посла Н.П. Игнатьева². 18 (30) августа 1875 г. Нелидов писал Жомини: «События происходят с неслыханной быстротой [...]. Стремительность движения, возбудителя которого, тем не менее, установить невозможно, есть один из самых решающих симптомов того, что нынешний кризис – это не просто мимолетное осложнение, а охватывает собою горючий элемент во всей Турции, если не во всей Европе»³.

В столице Османской империи вначале всячески уменьшали значение герцеговинского движения. Газеты получили приказ молчать, а затем они стали писать об успехах турецкой армии и близком подавлении восстания. Сербская и далматинская пресса также не предоставляла объективной информации, сильно преуве-

личивая победы инсургентов⁴. Министерству иностранных дел России необходимо было разобраться в сведениях, собиравшихся из разных источников, чтобы оценить масштаб и глубину восстания, а также понять, насколько оно может вызвать «всеобщий взрыв» на Балканах⁵. Российская миссия в Константинополе в конце июля 1875 г. разослала предписания своим представителям в городах Европейской Турции – срочно сообщить о настроениях местных жителей в связи с восстанием в Герцеговине и о готовности славянского населения поддержать его.

Консул в Битоле В.А. Максимов поспешил ответить с первой же почтой – 31 июля. По его наблюдениям, жители Битолы остались равнодушными к известиям о восстании, которые поступали в город благодаря получаемым из Константинополя газетам. Герцеговина, которую в Битоле воспринимали как часть Боснии и называли этот край общим названием «Босния», находилась достаточно далеко от Битольского вилайета – не менее 100 часов пути*. Население Битолы и Герцеговины не имели никаких торговых или культурных связей.

Происходившее в Герцеговине не вызвало тревоги и у турецкого командования, поэтому поначалу не было предпринято никаких чрезвычайных мер или перемещений войск. В обычном порядке из Битолы были отправлены эскадрон кавалерии и рота пехоты в г. Прилеп для усиления местной полиции на время проведения ежегодной ярмарки (с 1 по 15 августа)⁶. Замещавший вали (генерал-губернатора) Мехмед Рефет-пашу председатель Военного совета Тахир-паша при личном разговоре с австро-венгерским вице-консулом Ф. фон Кнапичем поспешил уверить дипломата в том, что восстание не внушает никакой озабоченности турецкой администрации и что Дервиш-паша, генерал-губернатор Боснии и Герцеговины (1873–1875 гг.), располагает достаточным количеством войск⁷.

Следует отметить, что в русской миссии в Константинополе получили аналогичный ответ и из Рушук от консула И.И. Крылова, который писал (1 августа 1875 г.) о том, что в Дунайском вилайете, «в здешней задавленной стороне герцеговинское движение не произвело доселе почти никакого определенного впечатле-

---

* В Османской империи расстояние между населенными пунктами измерялось не в мерах длины (километрах, верстах, милях и т.п.), а во времени, которое нужно было потратить, чтобы добраться из одного населенного пункта в другой.

ния. Простой народ слишком забит и неграмотен, чорбаджи заботятся исключительно о своих личных интересах, особенно теперь, в пору сбора хлебов и сдачи правительством на откуп десятины»⁸. Даже в Сараево, резиденции вали Боснии и Герцеговины, царили вялость и апатия – как в восприятии событий христианами, так и турецкими властями. Управляющий российским консульством в Сараево М.М. Бакунин объяснял такое положение в донесении от 25 июля (6 августа) 1875 г. тем, что «христиане, находящиеся здесь под более непосредственным гнетом и надзором центральной власти, ревниво охраняющей их от всякого соприкосновения с людьми и событиями извне, не смеют высказывать своих истинных чувств, боясь притом и следящих за ними шпионов; мусульмане по природе своей слишком равнодушны и неподвижны, чтобы интересоваться даже гибелью соседних своих братьев, пока у них самих дома все идет прежним заведенным порядком»⁹.

Впрочем, если население Битольского и Дунайского вилайетов воспринимали известия о восстании в Герцеговине достаточно пассивно, то «на левой стороне Дуная болгарская эмиграция горячится не в меру»¹⁰, – докладывал Крылов. Поэт и публицист Христо Ботев (1848–1876) со страниц газеты «Знамя», призывая болгар быть «актерами в кровавой драме», агитировал за немедленное восстание в Болгарии, чтобы «не быть обделенными при разделе Европейской Турции»¹¹. Болгарские революционеры были уверены, что господство османов рухнет на Балканах, если 7-миллионный болгарский народ, в который они включали славян Мизии (Болгарии), Фракии и Македонии, «поднимет голову». В повстанческих планах и Г.С. Раковского, и Болгарского революционного центрального комитета всегда присутствовала Македония. Но в самой Македонии, которая не знала восстаний с конца XVII в. (за исключением самых южных территорий), реальной практической деятельности по подготовке восстания не велось, специальные эмиссары или апостолы сюда не засылались¹², здесь так и не появились тайные комитеты Внутренней революционной организации, над созданием сети которых трудился болгарский революционер Васил Левский (1837–1873)¹³.

Из комплекса факторов (впечатляющий пример освободительной борьбы сербов и греков, растревоженный фанатизм турок, ухудшение уровня жизни после Крымской войны 1853–1856 гг., церковное движение 60-х годов XIX в. и др.), которые способствова-

ли пробуждению патриотизма болгар, проживавших в Северо-Восточной Болгарии, и их восприимчивости к революционной пропаганде, необходимо, на наш взгляд, особо отметить роль новоболгарской школы, которая совершила подлинную революцию в менталитете угнетенного народа. Новоболгарская школа сумела воспитать не одно поколение учащихся в осознании национально-освободительных идей и необходимости их реализации даже ценой собственной жизни. «Жертвуй своей жизнью за отечество и предпочитай славную смерть, нежели бесчестную жизнь», –ставлял в «Таблицах для взаимного обучения» талантливый просветитель и педагог Неофит Рильский (ок. 1793–1881).

В Западной Македонии новоболгарская школа находилась в процессе своего становления, здесь еще не закончилась борьба за признание болгарского языка языком преподавания в школах и богослужения в церквях. Слаба и малочисленна была местная интеллигенция. Неопределенность положения смешанных епархий, которые не вошли в Болгарский экзархат (1870) и в которых должен был быть еще проведен истилям (опрос), сильная эллинизация и прочность греческой культурной традиции, властные позиции Константинопольской Патриархии – все это тормозило процесс самоидентификации и общественно-политического развития славянского населения данного региона.

Недостаток повстанческого энтузиазма у христианского населения Западной Македонии обуславливался также тем обстоятельством, что, в отличие от герцеговинцев, им невозможно было скрыться от зверств турецких карательных экспедиций. Экономическое положение славян Битольского вилайета было не менее бедственным, чем в Герцеговине и Боснии: здесь также тяжело было в связи с неурожаем 1874 г. и трудной зимой 1875 г., также свирепствовали сборщики налогов, столь же вопиющими были злоупотребления турецкой администрации и т.п.¹⁴. Но семьи герцеговинских повстанцев могли найти и нашли убежище в соседних странах – Австро-Венгрии, Черногории, Сербии. Македонцам же некуда было бежать, разве что в горы, где они не могли долго продержаться и где летом укрывались шайки албанских разбойников. Кроме того, в Битольском вилайете был размещен постоянный турецкий воинский контингент; через его территорию перебрасывались правительственные войска, направляемые в другие балканские провинции. Повстанческим настроениям христиан не способствовало и значительное число проживавших здесь мусуль-

ман (1/3 населения региона). Христианское население Битольского вилайета, по признанию советского историка К.Л. Струковой, относилось к наиболее угнетаемым категориям жителей Европейской Турции¹⁵.

События лета 1875 г. усугубили произвол местной администрации. Порта и ранее практиковала частую смену генерал-губернаторов, однако в период кризиса скорость чередования на этой ответственной должности увеличилась на порядок. В течение одного только 1875 г. в Битоле последовательно занимали этот пост маршал Мехмед Рефет-паша, Дервиш-паша, Али Саиб-паша. Причем, самым кратким было правление Дервиш-паши, который 6 сентября 1875 г. в первый раз принимал иностранных консулов, а через 2 дня объявил о своей отставке и о вызове в столицу¹⁶. Неспешность ведения турецкой администрацией дел и ее коррупция всегда были источником множества беззаконий, а при частой смене вали в условиях политического кризиса ситуация в вилайете стала просто невыносимой для нормального ведения дел региона. К тому же, при вступлении в должность (после Дервиш-паши) Али Саиб-паша пренебрег принципом выборности, устанавливаемым хатт-и хумайуном 1856 г., законом о вилайетах 1864 г. и др. законами Османской империи, которые определяли порядок выборов членов Административного совета и провинциальных судов, и изгнал из всех меджлисов (советов) неприемлемых для него членов, заместив их людьми, беспрекословно исполнявшими его требования. Членом Апелляционного (Кассационного) суда (Диван-ы Темйиз), высшего в вилайете судебного учреждения для гражданских и уголовных дел, стал доверенный Али Саиб-паши Авраам-ефенди, известный своими темными делами и лихоимством. Ни у кого уже не вызывала протеста ставшая привычной норма, что при новом высокопоставленном чиновнике незаконченная судебная тяжба возобновлялась, сопровождаясь очередными взятками и подарками. Но Авраам-ефенди, пользуясь милостью Али Саиб-паши, стал оспаривать судебные дела 10-летней давности и, например, возобновил тяжбу на 6800 пиастров, которую в свое время у него законно выиграл Д. Робев, возглавлявший битольское отделение крупной торговой фирмы «Братья Робевы и сыновья». Услугами банка этой фирмы с 1861 г. пользовались русские консулы в Битоле. Робев был не только богатым человеком, но и одним из руководителей болгарской общины города. При возбуждении тяжбы он даже не был поставлен в известность, и в нару-

шение всех законов его арестовали. Робев послал жалобу великому визирю, но, как сообщал Максимов, Али Саиб-паша заявил: «Закон для райи – воля паши»¹⁷.

Российский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев пытался решить герцеговинский вопрос путем прямых переговоров с султаном Абдул-Азисом (1861–1876 гг.), рекомендуя провести реформы в Боснии и Герцеговине, которые привели бы к их фактической автономии. Как следствие авторитетного воздействия посла султан издал два указа о реформах – ираде (султанский рескрипт) от 20 сентября (2 октября) и ферман от 30 ноября (12 декабря) 1875 г. Однако они не давали никаких гарантий объявленным преобразованиям. В сентябре христиане Битола встретили с восторгом газетные сообщения о возможности проведения в Османской империи реформ, хотя все предыдущие указы великого визиря и султанские ферманы «о соблюдении справедливости и возможной в Турции законности остались мертвой буквой». Впрочем, турецкие чиновники только усмехались, поскольку хорошо знали, что ираде вызван временными чрезвычайными обстоятельствами и ничто не изменится, пока будет существовать «тепершний порядок в принципе»¹⁸. К султанскому ферману, который был официально прочитан в Битоле 25 января 1876 г., христиане отнеслись уже с недоверием, поскольку ничего не было выполнено из того, о чем говорилось в ираде от 20 сентября 1875 г. Представителей христианских и еврейской общин заставили подписать благодарственный правительственный адрес, «турецкая администрация не поколебалась составить за болгарскую и еврейскую общины молитвы за султана, которые они будто бы провозгласили по прочтении фермана, о чем сами эти общины узнали из № 69 битольской газеты “Румули”»¹⁹. Объявленные ферманом реформы вызвали у турецкого населения города открытое недовольство, которое в этот раз очень откровенно выражалось в грубой брани по отношению к неверным и в нелицеприятных высказываниях в адрес самых высокопоставленных личностей в Константинополе²⁰.

Христиане Битола, основываясь на газетных сообщениях, «ждали действительного облегчения от реформ, выработанных графом Андраши и принятых немецким и германским правительствами, которые будут гарантировать и их исполнение»²¹, – сообщил в донесении от 25 декабря 1875 г. В.А. Максимов. Д. Андраши, министр иностранных дел Австро-Венгрии (1871–1879 гг.),

опасаясь, что инициатива разрешения кризиса в Боснии и Герцеговине полностью может оказаться в руках Горчакова, предложил 18 (30) декабря 1875 г. так называемую ноту Андраши, которая была представлена в конце января Порте от имени России, Австро-Венгрии и Германии²². Надежды христиан на значительное расширение их гражданских и политических прав сменились ироничными отзывами по прочтении этого документа. «На что потратил австро-венгерский граф так много времени?» – удивлялись те битольцы, которые имели возможность следить за газетами. «Большинство же населения в городах, как и все поселяне ничего не знают о ноте графа Андраши, которая ныне забыта и читающим меньшинством. Еще менее впечатления она произвела на магометанское общество, которое узнало о ней только из константинопольских турецких газет»²³, – писал В.А. Максимов в ответ на циркулярное предписание Н.П. Игнатьева от 16 марта 1876 г., в котором запрашивалась информация о восприятии ноты Андраши жителями Битольского вилаета.

Весной 1876 г. активизировались боевые действия повстанцев Герцеговины и Боснии. Правительствам Сербии и Черногории под напором народных масс пришлось отступить от позиции нейтралитета и начать открыто вооружаться, чтобы быть готовыми к любой критической ситуации в Турции. Апрельское восстание, начавшееся 20 апреля (2 мая) 1876 г. в болгарском городе Копривштица, распалило фанатизм мусульман, расправлявшихся с невиданной жестокостью не только с повстанцами, но и с мирными жителями, которых погибло, по самым приблизительным подсчетам, около 30 тыс. человек. 24 апреля (6 мая) в Салониках на глазах генерал-губернатора Мехмед Рефет-паши толпа мусульман изрубила на куски французского консула и германского вице-консула, которые не отказали в убежище обратившейся к ним за помощью христианской девушке, спасавшейся от насильственного обращения в ислам. Варварское избиение в Салониках, ставшее в Битоле известным из частной телеграммы, произвело самое тяжелое впечатление на дипломатов. Христиане «еще более поникли головою под мусульманской заносчивостью и исполнены страха за свою безопасность». «Магометане открыто на улицах выражали одобрение действиям своих единоверцев из Салоник»²⁴. Несмотря на заверения битольского генерал-губернатора Али Саиб-паши об отсутствии опасности для жизни иностранных дипломатов, тем не менее, угрозы и оскорбления со стороны мусульман

города не раз раздавались в адрес служащих при русском консульстве болгар²⁵.

Вполне подтвердились слова русского военного агента в Константинополе полковника А.С. Зеленого, который докладывал военному министру Д.А. Милютину в самом начале Восточного кризиса, в рапорте от 31 июля (12 августа) 1875 г.: «Большинство движений на Востоке начинается с невыносимого материального положения населений, одинаково гнетущего и христиан, и мусульман. Начинается волнение, в котором принимают безразлично участие и те, и другие, но правительство для своего спасения во время возбуждения страстей пользуется религиозной враждой и направляет мусульман против христиан, и, в конце концов, вопрос чисто материальный изменяет свой характер и превращается в борьбу ислама с крестом»²⁶.

Кровавое подавление Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии подтолкнуло генерал-губернатора Битоля Дервиш-пашу, сменившего Али Саиб-пашу, к поиску заговорщиков в Битольском вилайете. Он хотел показать Высокой Порте, что здесь также готовилось выступление, но не состоялось благодаря его «мудрым распоряжениям». Из всех репрессивных мер, предпринятых им в отношении христианского населения, самые тяжелые последствия имела административная высылка из Битоля Константина Мишайкова. Он был городским и военным врачом, одним из уважаемых и известных людей в городе, деятельным руководителем болгарского движения в Битоле, родным братом митрополита Пловдивского Панарета, который в 1868 г. принял сторону болгар в церковной борьбе с Константинопольской патриархией. Мишайков отдал болгарской общине города все свои сбережения для покупки здания для болгарских училищ (первоначальное и двуклассное мужское, а также женское) и устройства еще одной церкви (Рождества Пресвятой Богородицы). Максимов сообщал, что в конце июня 1876 г. некоторые из битольских улемов*, образовавших «мусульманскую фанатичную партию», составили против Мишайкова мазбату (протокол) с просьбой к генерал-губернатору удалить его из города как человека опасного, по их убеждению, для общественного спокойствия. Авторы этого документа указывали, что Мишайков вместе с некоторыми другими лицами уже в

---

* Улем – (от араб. улама – ученый) представитель высшего сословия мусульманских богословов и законоведов.

течение нескольких лет пытался возбудить ненависть среди христианского населения, внушая ему какую-то болгарскую идею, чтобы заставить болгар перейти в введение Болгарской экзархии²⁷. Дервиш-паша, не исследуя обстоятельств дела и уклонясь от объяснений с Мишайковым, выслал его в сопровождении жандарма 29 июня в Константинополь, где он был взят под арест и с первым пароходом отправлен в Стамбул²⁸. В столице Османской империи его однако вскоре освободили. Современный болгарский историк П. Петров выдвинул иную версию причин ареста болгарского деятеля, указывая, что К. Мишайков, Н. Робев и др. руководители болгарской общины Битола были оклеветаны пелагонийским митрополитом Парфением²⁹.

Максимов также сообщил, что Дервиш-паша по словесному заявлению прилепских мулл о неблагонадежности подверг подобной же участи городского лекаря Филиппа Марковича, крещенного еврея, выехавшего в 1840-х годах из России и в Турции выдававшего себя за выходца из Пруссии. Маркович принимал весьма активное участие в делах болгарской общины Прилепа, но его деятельность, как и деятельность Мишайкова, не имела и тени политического характера. Может быть, и здесь не обошлось без «участия» митрополита Парфения, в епархию которого входил Прилеп?

Эти и другие необоснованные расправы Дервиш-паши вполне достигли своей цели, поскольку еще более терроризировали «живущих под постоянным страхом за свою безопасность и самую жизнь райев, особенно болгар». Болгарская община, по свидетельству российского дипломата, «перестала заявлять о своем существовании»: «болгарские народные праздники проходят втихомолку, экзамены в школах делаются украдкой. Болгаре избегают лишних случаев даже показываться на улицах. Так велик нагнанный на них страх»³⁰.

15 (27) июня 1876 г. Черногория объявила Турции войну, а через три дня, 8 (30) июня, ее примеру последовала Сербия. Фанатичное мусульманское население Битолы провожало охридский батальон редифов (резервистов), дислоцировавшийся в городе, на Косово поле громко высказываемыми пожеланиями: «Вернуться на родину, неся с собою по 5 голов гяуров!»³¹. В Битольском вилайете был объявлен сбор башибузуков, которым выда-

вали в качестве жалования 80 пиастров в месяц и 1 ока* хлеба ежедневно. Согласно приказу из столицы необходимо было срочно набрать 20 000 человек только из одной Средней Албании, и с этой целью в Дебар был послан опытный Илиас-ага³². Однако мусульмане, проживавшие на равнине и занятые земледелием (район Битолы, Прилепа, Лерина и др.), в отличие от албанцев Дебара неохотно шли в башибузуки. Мусульмане Прилепа отвечали, что они уже отдали в войско своих детей и сами готовы вступить в башибузуки с условием не покидать родного города. Влиятельный охридский бей Абдуррахман-ага, не раз собиравший в своем санджаке башибузуков, на этот раз отказался от этого, объясняя свой поступок «нежеланием населения нести службу и заявляя о бесполезности этого войска по негодности вооружения»³³. Особенно популярна была война с Сербией, в богатых городах которой, по мнению турок, можно было легко грабить. Но отряды башибузуков из Охридского, Ресненского, Флоринского, Прилепского и Битольского санджаков направили не в Сербию, а в Боснию против черногорцев, поэтому башибузуки стали убегать оттуда по одному или группами³⁴.

Дезертиры (турецкие солдаты и башибузуки) усугубили и без того тяжелую ситуацию в регионе из-за вакханалии грабежей и убийств³⁵, на которые турецкая администрация практически перестала реагировать и не предпринимала никаких действенных мер, чтобы прекратить участвовавшие случаи насилия против христианского населения. Безразличие вали Битольского вилайета, на наш взгляд, объяснялось еще и тем фактом, что он нередко исполнял также обязанности председателя Военного совета (например, Дервиш-паша был назначен одновременно и вали Битольского вилайета, и главнокомандующим Третьего армейского корпуса, его место затем занял бывший военный министр Али Саиб-паша³⁶). Внимание генерал-губернатора поэтому было в основном сосредоточено на комплектации турецкой армии, проведении учений, обеспечении военнослужащих всем необходимым – обмундированием, вооружением. В его ведение входили и переброска войск и обозов с продовольствием, амуницией, боеприпасами к границам Сербии и Черногории. Финансирование было недостаточным, в войсках по несколько месяцев не выплачивалось жалование, и необходима была известная ловкость, чтобы гасить

---

* Ока – турецкая единица веса, была равна 1247,3798 г.

ропот и недовольство. Поэтому военное командование в Битоле смотрело сквозь пальцы на массовое дезертирство башибузуков и на те преступления, которые совершались ими по пути домой. Не пресекались буйства солдат даже в самом Битоле. В 1876 г. не состоялась знаменитая на Балканах ярмарка в Прилепе, куда всегда обильно стекались товары из Европы и Европейской Турции, поскольку никаких гарантий безопасности иностранным коммерсантам и торговцам – османским подданным власти Битолы не могли предоставить³⁷.

События в Боснии и Герцеговине 1875 г. и особенно война Турции с Сербией и Черногорией ухудшили и без того тяжелое материальное положение христианского населения Битольского вилайета, так как на жителей-христиан были наложены дополнительные военные налоги, при сборе которых совершались вопиющие злоупотребления³⁸. Обесценивание денег, исчезновение из обращения золотых и серебряных монет привели к застою в торговле и спаду экономической жизни вилайета. Засушливое лето и, напротив, дождливая осень довершили бедствие края, жители которого вновь не собрали хорошего урожая и понесли серьезную убыль в поголовье скота. Кроме того, крестьяне из страха перед мусульманами вынуждены были продавать свои продукты по прежней, низкой цене, получая за них бумажные деньги, что в целом привело к заметному обеднению сельских жителей-христиан³⁹.

1876 год выявил «непрочность государственных устоев», поскольку в течение всего нескольких месяцев в Константинополе было совершено два дворцовых переворота: 18 мая 1876 г. был свергнут султан Абдул-Азис, сторонник соглашений с Россией, и к власти пришел Мурад V, фанатик, исполненный ненависти к Европе и ее цивилизации, что усилило османский национализм. Однако в августе 1876 г. султаном стал Абдул-Хамид II, так как выяснилось, что Мурад V был психически нездоров. Последняя перемена на престоле «сильно опечалила» битольских турок, по словам российского дипломата, которые восприняли ее как указание на «неуспешность» правительственных действий и признак шаткости государственного порядка⁴⁰.

Сербию от военной катастрофы спас ультиматум, который предъявил Порте Н.П. Игнатьев 18 (30) октября 1876 г. Турция согласилась на перемирие, не желая воевать с Россией. В Битоле христиане были несказанно рады этому мирному исходу. Максимов указывал, что их настроение «находится в противоречии с

расположением приморского христианского населения, особенно портов, где стоят военные европейские суда». Их страх перед войной России с Турцией был понятен. «Живя внутри страны, битольцы не имеют от мусульманского неистовства защиты кроме дружественного предстательства консулов перед властью, которая была бы бессильна перед магометанским фанатичным взрывом»⁴¹, – сообщал Максимов 3 ноября 1876 г. К тому же битольский гарнизон был готов поддержать мусульман города, чему уже были примеры. Угрозы турок – «в случае войны с москочами мы разрядим на наших гяурах несколько ружей»⁴² – воспринимались здесь очень серьезно. Поэтому битольцы искренно радовались каждому возвращению Максимова в Битолу после его отъездов в Константинополь (20.10.1876 г. – 30.10.1876 г.; 17.12.1876 г. – 19.02.1877 г.). Впрочем, русского консула встречали с восторгом и в казармах, так как военная повинность разоряла мусульманские хозяйства, оставшиеся без рабочих рук и «без призора». Редифы не желали войны с Россией и боялись ее⁴³. Но ее уже невозможно было избежать. 12 (24) апреля 1877 г. Александр II подписал манифест об объявлении Турции войны. Максимов покинул Битолу еще в конце марта 1877 г.

Таким образом, Восточный кризис, начавшийся летом 1875 г., вверг христианское население Битольского вилайета в пучину бед, страданий и разорения. Славяне региона не обладали на тот момент повстанческим потенциалом. И все публикации в газетах (брюссельская газета «Le Nord», венская газета «Politische Correspondenz») о том, что в Битольском вилайете распространялись прокламации, призывавшие албанцев, болгар и греков «соединиться против общего врага», были ложью. Не отвечали действительности известия той же «Politische Correspondenz», перепечатанные в греческой газете «Имера», которая издавалась в Триесте, о приезде в Битолу «греческих агентов, устроивших будто бы примирение между здешними болгарской и греческой общинами с целью действовать вместе на освобождение общей отчизны»⁴⁴. Турецкие репрессии в отношении лидеров болгарских общин затормозили болгарское движение в регионе, что пагубно отразилось на сложном процессе самоидентификации македонских славян.

Однако в будущем Западную Македонию ждали еще большие испытания, лишения и горести: русско-турецкая война 1877–1878 гг. и поток беженцев-мусульман из Болгарии и Фракии, крушение надежд на избавление от османского господства в результате пере-

смотря Берлинским конгрессом Сан-Стефанского мирного договора, неистовства мусульман при подавлении Кресненско-Разложского восстания 1878 г., разгул террора в ходе борьбы молодых балканских государств за первенство в Македонии и т.п.

Примечания

- ¹ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 21.
- ² Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы (далее – ОБ). Т. 1. М., 1961. С. 35.
- ³ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 60.
- ⁴ ОБ. С. 46.
- ⁵ Там же. С. 44.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1429. Л. 90 и об.
- ⁷ Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 3. София, 2001. С. 202.
- ⁸ ОБ. С. 50.
- ⁹ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 32.
- ¹⁰ ОБ. С. 51.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 92.
- ¹³ *Струкова К.Л.* Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е годы XIX века. М., 2004. С. 157, 175.
- ¹⁴ ОБ. С. 25–26; АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1428. Л. 112–114 об.
- ¹⁵ *Струкова К.Л.* Общественно-политическое развитие Македонии... С. 181.
- ¹⁶ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1429. Л. 99 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 116 об.–117 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 101.
- ¹⁹ Там же. Л. 130 об.; Д. 1430. Л. 2.
- ²⁰ Македония през погледа на австрийски консули. С. 210–211.
- ²¹ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1429. Л. 130 д.
- ²² Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 257.
- ²³ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 20.
- ²⁴ Там же. Л. 26–29.
- ²⁵ Там же. Л. 34.
- ²⁶ ОБ. С. 44.
- ²⁷ Македония. Сборник от документи и материали. София, 1978. С. 319–320.
- ²⁸ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 51 и об.
- ²⁹ *Петров П.* Д-р Константин Иванов Мишайков // Македонски преглед. 2011. Кн. 2. С. 57–58.
- ³⁰ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 53.
- ³¹ Там же. Л. 39.
- ³² Македония през погледа на австрийски консули. С. 244.
- ³³ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 41.
- ³⁴ Там же. Л. 58.
- ³⁵ Там же. Л. 54, 64–65, 66–69 и об., 72–75; Д. 1431. Л. 9.
- ³⁶ Македония през погледа на австрийски консули. С. 207.

³⁷ Там же. С. 286.

³⁸ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1431. Л. 10.

³⁹ Там же. Л. 8 и об.

⁴⁰ Там же. Д. 1430. Л. 63.

⁴¹ Там же. Л. 77.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Д. 1431. Л. 10 об.-11.

⁴⁴ Там же. Д. 1430. Л. 77 об.

VII. Языки и традиционная культура славян

П. Легурска

(Институт болгарского языка БАН, София)

Реалии и перевод

Abstract:

Legurska P. *Realities and translation*

In this paper we outline some of the problems associated with the transfer of the realities of short-story writer Yordan Yovkov from Bulgarian into Russian. We discuss the transformation of the translation in the transmission of realities: transcription, descriptive and approximate translation. In this regard, the question of the need to create a database of translation matches the realities from Bulgarian into Russian is on agenda. Some examples illustrating the author's view of such a database are given.

Ключевые слова: перевод, реалии, способы передачи реалий, болгарский язык, русский язык.

Предметом внимания в данной статье являются реалии в переводах рассказов болгарского писателя Йордана Йовкова с болгарского на русский язык. Возвращение к данной теме, которая сама по себе не является новой для теории и практики перевода, вызвано ростом интереса к национально маркированной лексике в период глобализации, когда проникновение слов данного типа в текстах в переводах нарастает в связи с взаимодействием культур и всеобщей мобильностью людей и связанных с ними артефактов. По мнению В.А. Вернигоровой, переводчики «старой школы» обычно стараются в максимальной степени адаптировать чужие реалии к языку перевода, подбирают соответствующие эквиваленты. В текстах современных переводов преобладает практика прямого заимствования таких слов.

*I. Взаимодействие языка и культуры,
реалии и национальная специфика.*

В самом общем виде существуют два подхода к языку и культуре. Согласно первому подходу, который связывается с именем Г.А. Бруяна, язык является средством отражения культуры. Логика здесь следующая: язык отражает действительность, культура является неотъемлемой составляющей действительности, с

которой сталкивается человек. Следовательно, язык выступает простым отражением культуры¹.

Согласно второму подходу, чьи корни уходят в XIX в. (В. Гумбольдт, А.А. Потебня и др.), язык является духовным явлением. Как отмечает В. Гумбольдт, язык связывает мир внешних явлений и внутренний мир человека. Язык как таковой не существует вне человека, он находится внутри нас, в сознании людей, в их памяти; он меняется в зависимости от социально-культурных обстоятельств². В рамках данного подхода существует гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа: люди видят мир по-разному, обычно сквозь призму родного языка.

Можно выделить и третий подход к данной проблеме: 1. Язык является фактом культуры, которую мы наследуем от своих предков; 2. Язык выступает основным инструментом, посредством которого происходит освоение культуры; 3. Язык – самое важное явление культурного порядка. Когда происходит освоение отдельных областей культуры – науки, религии, литературы, последние рассматриваются как коды, формирующиеся параллельно, и естественный язык развивается в наибольшей степени³.

Подобное разделение принято и нами⁴ в связи с моделированием двух аспектов существования языка: Язык-1, являющийся системой структур, основанных на ситуативности и сопоставимости структур поведения⁵, и Язык-2, выступающий вместилищем культурно-исторических представлений человека в отличие от Языка-1.

Как отмечает К. Леви-Строс, язык является одновременно и продуктом культуры, ее важнейшей составной частью, и условием существования культуры. Язык участвует в формировании культурных кодов⁶.

Связи между языком и культурой являются предметом изучения лингвострановедения⁷. Объектом изучения являются единицы с ярко выраженной культурной семантикой. Данные единицы называют реалиями.

Реалии являются предметом исследования в работах М.Л. Вайсбурда, Е.М. Верещагина, И. Келлера, В.Г. Костомарова, А.Д. Райхштейна, Вл. Россельса, Л.Н. Соболева, А.Е. Супруна, Г.Д. Томахина, Г.В. Чернова и др.⁸. В болгарской школе – в работах С. Флорина и С. Влахова, М. Божиловой, И. Владовой, Й. Найденовой и др. В переводе с латинского термином *realia* (мн. ч.) обозначаются слова и выражения культурно специфических материальных сущностей. Слово *реалия*

восходит к средневековой латыни, где оно имело значение ‘настоящие вещи’, т.е. предметные в отличие от абстрактных. Болгарские переводчики С. Влахов и С. Флорин, являющиеся первыми исследователями реалий в переводах с одного языка на другой, используют термин в его современном понимании.

По мнению М.Л. Вайсбурда, к реалиям можно отнести события общественной и культурной жизни данной страны, общественные организации, традиции, предметы и учреждения, обычаи и традиции, изделия ежедневного пользования, географические объекты, произведения искусства и литературы, имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, артистов, популярных спортсменов, героев художественных произведений, явления природы, а также ряд явлений, не поддающихся классификации⁹.

Детальная классификация реалий, предложенная С. Флориным и С. Влаховым, дает возможность рассматривать данные языковые единицы с разных точек зрения в зависимости от их коннотативного, а именно национального и регионального значения, и с точки зрения временного фактора в исторической перспективе¹⁰.

Можно также рассматривать реалии в зависимости от национальной принадлежности обозначаемого реалиями объекта и от участия их в переводе¹¹.

По В.В. Беркову¹², реалии можно разделить на внешние, одинаково чуждые обоим языкам перевода, и внутренние – слова, принадлежащие одному из двух языков и чуждые другому.

Существует также деление реалий с точки зрения времени на современные и исторические¹³.

Все теоретики перевода приходят к выводу, что при переводе лексики, не имеющей эквивалентов в языке перевода (и реалий в том числе), нужно учитывать страноведческие и культурологические факторы и что большинство слов нуждаются в комментариях переводчика. С точки зрения временного критерия можно выделить исторические и современные реалии, т.е. статус реалий является их непостоянным свойством, и он с развитием языка меняется¹⁴. Исторические реалии следует рассматривать в национальном контексте, и поэтому они нуждаются в более подробном толковании в сравнении с современными реалиями.

*II. Национально-культурная специфика
как центр теоретических построений.*

Н.Л. Шамне¹⁵ выделяет два подхода к изучению национальной специфики семантики лексической единицы. Согласно первому из них, существует национально-специфическая семема в семантической структуре слова, при этом семема не имеет эквивалентов в других языках, несмотря на то, что могут существовать определенные соответствия данной лексической единице. В рамках второго подхода исследуется наличие национально-специфических компонентов в структуре значений лексических соответствий. Эти несовпадающие компоненты значения извлекаются при анализе словарных соответствий данных единиц.

И.А. Стернин¹⁶ определяет причины, обуславливающие национальную специфику семантики в случаях несовпадения различных микрокомпонентов в рамках значения слова. Причина может состоять в отсутствии или наличии определенных элементов в материальной и духовной культуре данного народа, и она определяется как национально-культурное различие (денотативного компонента слова). Существует также и национально-концептуальное различие, проявляющееся в наличии немотивированных лакун и межъязыковых разновидностей несовпадений (денотативных компонентов).

Имеет место также национально-оценочное и национально-эмоциональное отличия, определенные коннотативным компонентом лексического значения.

Существует также национально-языковая специфика, проявляющаяся в различиях единиц других языков, связанных с исторически сформировавшейся языковой системой языков и не связанных с культурой и особенностями мышления данного народа (структурный компонент значения).

А. Гудавичюс¹⁷ выделяет глубинный и поверхностный уровень в лексической семантике при передаче культурных особенностей. Поверхностный уровень реализуется в случаях, когда имеет место специфическое лексическое выражение особенностей культуры или имеется различие в характере языковых единиц (словообразовательная мотивированность, метафоризация и пр.). Сюда можно отнести и стилистическую дифференциацию лексики.

Глубинный уровень выражается в самом понимании значения как «сокращенного» понятия, являющегося сигналом объектов мира (или концептов) при вторичной референции в актах речи.

Д.О. Добровольский¹⁸ формулирует два подхода к национально-культурной специфике языковых явлений. Первый подход назван сравнительным. Важно отметить, насколько культурно значимыми оказываются те межъязыковые отличия, которые не имеют случайного характера, а культурно обусловлены и/или культурно значимы.

Второй подход опирается на интроспекцию, так как специфическое в данном языке исследуется без сопоставления с другими языками¹⁹. В данном случае речь идет о представлениях носителей языков о национальной маркированности языковых единиц в родном языке без сравнения их с единицами других языков.

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют национальную специфику семантики данной языковой единицы как отличие компонентов значения сходных единиц в двух языках²⁰.

1. Национальная специфика лексической единицы языка А по отношению к языку Б может не совпадать с национальной спецификой лексической единицы языка Б в сравнении с языком А.

2. Национальная специфика значения единицы данного языка обнаруживается только при сопоставлении с единицей другого языка и является таковой только по отношению к данному конкретному языку.

Таким образом, встает вопрос об основании сопоставления или о *tertium comparationis* в сопоставительных исследованиях лексики. На вопросах основания сравнения мы останавливались в другой работе²¹.

3. Для целей лингводидактики целесообразно описание национальной специфики семантики одного языка, второй язык при этом сравнивают с первым²².

III. Реалии в рассказах Й. Йовкова в переводах на русский язык.

Основная цель художественного перевода – адекватное воссоздание текста одного языка средствами другого языка в единстве содержания и формы. Каждый язык сохраняет историю развития народа – создателя данного языка. Этим объясняется невозможность буквального перевода: в языках перевода может отсутствовать формальный эквивалент слова.

В каждом языке, однако, имеются слова, которые требуют от переводчика особого внимания. К ним относятся реалии. Реалии называют предметы быта, истории и культуры данного народа и не встречаются у других народов. По своей сущности реалии похожи на термины, по мнению С. Флорина и С. Влахова²³. В отличие от большинства слов термины являются названиями точно определенных понятий, предметов, явлений. Это обычно однозначные слова, не имеющие синонимов, нередко они относятся к интернациональной лексике, среди них часто встречаются слова, имеющие значения, ограниченные данной исторической эпохой. Всем этим характеризуются и реалии.

Перевод реалий важен для передачи отражения национального и исторического колорита при переводе художественного произведения.

Вопросам изучения реалий как части национально маркированной лексики посвящена монография М. Божиловой «Национально маркированная лексика в болгарском языке»²⁴, в которой рассматривается подход как теоретиков²⁵, так и практиков²⁶ к лексике данного типа. Разделяя мнение Г.Д. Томахина, М. Божилова относит реалии к безэквивалентной лексике, формирующей отдельный этнокультурный слой в лексике²⁷; слова характеризуются с точки зрения их этнической детерминированности – географической, исторической, языковой и культурной.

Когда этнос не имеет какого-либо предмета и для него отсутствуют названия в конкретном языке, это не означает, что слово непереводимо. С. Флорин и С. Влахов²⁸ предлагают несколько способов передачи реалий при художественном переводе: транскрипция, калькирование, создание нового слова, усвоение слова языком перевода, приблизительный и описательный перевод. Авторы приводят примеры на конкретном лексическом материале. Главная проблема при этом заключается в том, является ли реалией конкретное слово и какое значение оно имеет в данном контексте – основное или дополнительное. В зависимости от своей важности отдельное слово – реалия – может быть передано дословно, т.е. в транскрипции или в приблизительном переводе.

Йордан Йовков, выдающийся болгарский писатель, чьи произведения передают болгарский национальный колорит, считается труднопереводимым на иностранный язык. Его рассказы представляют определенный интерес для иностранного читателя как в общечеловеческой перспективе, так и с познавательной точ-

ки зрения. Адекватные переводы на иностранный язык, могут превратить произведения данного автора в полноценные тексты мировой литературы. Один из вопросов, связанных с переводом Й. Йовкова, – это передача реалий как компонентов смысла текста и как носителей национального колорита.

Предметом внимания в данной работе служат реалии в рассказах из нескольких сборников Й. Йовкова, которые переводились в течение продолжительного периода времени – 1958–1998 гг.: *Й. Йовков. Избранные рассказы / Пер. с болг. / предисл. П. Продевой, Болгарский писатель, 1958; Й. Йовков. Белая ласточка / Пер. с болг. София: София пресс, 1969; Й. Йовков. Белые розы. Рассказы / Пер. с болг. София: София-пресс, 1972; Й. Йовков. Рассказы / Пер. с болг. Е. Зимица. София: София-прес, 1980; Й. Йовков. Если бы они могли говорить / Пер. с болг. Н. Нанкиновой. София: София-пресс, 1990; Й. Йовков. Старопланинские легенды / Пер. с болг. София: Народна култура, 1998.*

В.А. Вернигорова считает, что переводчики старой школы в максимальной степени адаптируют реалии к языку перевода, подбирают эквиваленты в отличие от современной тенденции передачи реалий преимущественно транскрипцией²⁹.

И. Васева³⁰ обобщает способы передачи реалий при переводе с одного языка на другой следующим образом:

1. Транскрипция – введение иностранного слова в текст перевода средствами графической системы языка перевода. Обычно реалии, которые широко используются, можно транскрибировать. Неизвестные слова объясняются переводчиком различными способами – сноской в тексте перевода или в кратком словаре в конце текста.

Таким образом, реалии становятся маркерами «чужого» в тексте на иностранном языке.

2. Приблизительный перевод: приводятся уточняющие слова в зависимости от контекста.

3. Описательный перевод.

4. Калькирование: перевод отдельных словообразовательных элементов слова. Создание нового слова.

5. Усвоение слова: адаптация слова к системе языка перевода.

В перечисленных сборниках рассказов Й. Йовкова реалии передаются различными способами, и это требует дополнительных комментариев. Применение определенных правил перевода

вряд ли представляется уместным, обычно переводчики поступают по-разному, и часто мы не имеем полноценного перевода. Самый частый случай – это *транскрипция* реалий. Введение реалии в текст перевода, однако, должно иметь функциональное обоснование. Транскрипция, как правило, не в любом контексте является уместным способом передачи реалии.

Так, в рассказе «Серафим» (Йовков 1958) в описании главного героя болгарское слово **цървули** передается в русском тексте как **царвули**.

(1) *Тоя човек беше навлякъл долго зимно палто като женско расо...краката му бяха обути с **цървули** – Человек был одет в длинное, словно раса, зимнее пальто... а ноги были обуты в **царвули**.*

Здесь транскрипция неожиданно прерывает текст, отсутствует также объяснение специфики предмета. В данном случае рекомендуем описательный перевод. Русская реалия **лапти** в данном случае неуместна и несовместима с болгарским национальным колоритом.

Ср.: **цървул** ‘Вид мягкой обуви из кожи с веревками’³¹, **лапти** ‘Обувь, плетенная из лыка, бересты или веревок, которую прежде носили крестьяне’³².

В рассказе «Овчарова жалба» переводчик использует следующие переводные эквиваленты: болг. **хоро** – рус. **хоровод**, болг. **кавал** –рус. **кавал** при описании игры пастуха:

(2) ***Хорото** играеше долу под **кавала** му – Под его **кавал** плясали **хоровод*** (Овчарова жалба, Йовков 1958).

Удачно в данном случае на месте названия болгарского национального танца использование нейтрального слова **хоровод**, так как слово не имеет особого значения в тексте. Использование транскрипции слова **кавал** в русском тексте с функциональной точки зрения считаем более оправданной, но оно непонятно русскому читателю, так как отсутствует пояснение о типе музыкального инструмента. Возможна замена болгарского слова функциональным эквивалентом **свирель** (народный музыкальный духовой инструмент из дерева или из стебля растения в виде трубы)³³.

Ср. также:

(3) *Стефан стана **хайдутин** след сватбата на Елена, не беше тайна за никого – Ни для кого не было тайной, что он стал **хайдуком*** (Овчарова жалба, Йовков 1958).

Главный герой рассказа «Овчарова жалба» становится разбойником. В данном случае, однако, слово не является реалией, но переводчик заменяет болгарское слово несуществующим в русском языке **хайдук** (ср. **гайдук**). Данный случай можно считать недосмотром со стороны переводчика.

В рассказе «На Игликина поляна» (Йовков 1958) переводчик транскрибирует **гайды** и **кавалы** при описании свадьбы главной героини.

(4) *У Божил кехая свиреха гайди, тук в усоте свиреха кавали – У Божила-кехаи играли гайды, а здесь в горах кавалы.*

Удачнее было бы заменить слово **гайда** словом **волынка**, **кавал** можно передать приблизительно как **свирель**, так как оба слова, несмотря на то что они реалии, с функциональной точки зрения и точки зрения смысловой нагрузки текста выступают как фон действия. Наоборот, когда мужчины разговаривают о том, что:

(5) *Войводата не е войвода, ако не знае да пази момчетата си, – с точки зрения функции слова в тексте необходимо использовать транскрипцию (Воевода не **воевода**, если молодец своих не может уберечь), так как в данном случае автор подчеркивает, что речь идет именно о руководителе **гайдуков** как народных мстителей.*

В том же рассказе, когда герой обращается к своей жене подготовить **павурче с ракия**, переводчик снова транскрибирует слово **ракия**.

(6) *Добре е да станеш и да туриш хляб в торбата и в павурчето ракия да налееш – Лучше бы хлеба положила в суму, да **ракии** во **флягу** налила (На Игликина поляна, Йовков 1958).*

Данное слово не является смысловым центром в общем контексте. Герои отправляются в дорогу, а то, что они не хотят брать спиртного, считаем второстепенным фактом. В данном случае нейтральное слово **спиртное** может заменить реалию. Добавлю еще, что слово **павурче** обозначает небольшой плоский сосуд для **ракии**³⁴, который не имеет ничего общего с **бъклица** – небольшим плоским деревянным сосудом круглой формы для вина и **ракии**. **Баклагу** обычно несут на плече, и чаще всего это сосуд для вина. Поэтому в тексте перевода можно употребить слово **фляга**.

В рассказе «Индже» (Йовков 1972) используется транскрипция в следующих случаях:

(7) *Мъжът беше стар хайдутин. Носеше дрехи от червено сукно с потъмняла сърма, отзаде му висяха джепкени, а коженият силях на пояса му беше натегнал от пицови – Мужичина был с виду старый хайдук...* (ошибка в переводе **гайдук**). *Он был в одежде из кармазинного сукна с потемневшим золотым шитьем, с закинутыми за спину разрезными рукавами, а за широким кожаным поясом были заткнут пистолет.*

При описании главного героя слово **хайдутин** снова означает **разбойника**, и транскрипция болгарского слова кажется неуместной.

(8) *По мегданите се показаха по-богатите чорбаджии. При тях отиваха и се връщаха въоръжени пандури, мина и една малка чета дервентджии и харбалии – На майданах показали богачи, чорбаджии. К ним то и дело подъезжали вооруженные пандуры. Прошел небольшой отряд сторожей-горцев* (Шибил, Йовков 1972).

Считаем, что в обоих случаях введение болгарской реалии в иностранный текст можно избежать и заменить соответствующие слова их приблизительными эквивалентами: болг. **хайдутин** – рус. **разбойник**, болг. **чорбаджии** – рус. **богачи**, болг. **пандури**, **дервентджии**, **харбалии** – рус. **сторожи**.

Рекомендацией избежать реалии в тексте перевода нельзя злоупотреблять в тех случаях, когда нужно создать впечатление чужого местного колорита, к примеру:

(9) *Когато той погледна пак към конака ордата башибозуци беше се спряла в кръг. На мегдана стърчаха забити върлините с главите – Когда он опять посмотрел в сторону конака, орда башибозуков³⁵ уже образовала круг, а среди площади торчали вбитые в землю жерди с головами* (Юнашки главы, Йовков 1958).

В данном случае сохранение реалии в тексте перевода считается обоснованным: во-первых, подчеркивается значительность турецкой боевой единицы, которую использовали для подавления бунтов на поработенных турками территориях; во-вторых: **орда** – знакомое для русского читателя слово: войско такого рода существовало у монголо-татар; в-третьих, слово связано с элементами аффективного значения болгарина³⁶: орды башибозуков совершали набеги на болгар. В данном случае сохранение реалий исходного текста способствует передаче авторского смысла рассказа.

(10) *Стоил войвода беше слязъл с момчетата си – Стоил воевода спустился со своими юнаками со Стара-планины* (Юнашкиглави, Йовков 1958).

Ср.: **воевода** – *ист.* ‘начальник войск в древней России, а также управляющий городом или округом (с XVI до конца XVIII в.)’³⁷.

Транскрипцию в данном случае считаем уместной, так как подчеркивается организованность сопротивления во время турецкого рабства и таким образом обогащаются познания иностранного читателя об историческом прошлом болгарского народа. Реалия использована автором оригинального текста несколько раз и имеет важную смысловую функцию в тексте.

(11) *Хаджи Емин, един от татарските султани, чиито конаци бяха в Еверлий... беше слязъл на лов – Хаджи Емин, один из татарских султанов, конаки которых находились в Эссерли, выехал на охоту* (Най-вярната стража, Йовков 1958).

В данном переводе сохраняются три реалии. Все они хорошо знакомы русскому читателю, встречаются в оригинальных и переводных текстах, и можно сказать, что слова стали международными, несмотря на то что все они передают яркий исторический и местный колорит.

(12) *Смешни му се виждаха и чорбаджиите, като ги гледаше, как развяват дънестите си потури – Смешными казались ему и чорбаджи, когда он смотрел, как они в развевающихся широких шароварах собираются* (Юнашки глави, Йовков 1958).

В данном примере употребление реалии в тексте перевода неслучайно: главный герой рассуждает о непригодности и беспечности болгарских богачей и противопоставляет их гайдукам, которых он оценивает положительно как защитников народа. Реалия подчеркивает отрицательное отношение автора к данной социальной группе, имеющей аффективное значение у рассказчика.

Введение в текст перевода транскрипции реалии соответствует требованию сохранить в переводе местный и исторический колорит. С другой стороны, употребление транскрипции подчеркивает то, что слово функционирует в данном тексте и узком контексте как реалия.

Другой очень распространенный способ передачи реалии в тексте перевода – это **приблизительный**. Этот способ дает воз-

возможность использовать синонимы, но при этом вероятно искажение основного смысла слова.

Болгарские реалии могут заменяться русскими в текстах перевода. Таким образом, происходит подмена места и времени в тексте перевода и искажается оригинальный текст. Ср.:

(13) *(Дядо Руси) И без да се бави, както си беше по вракузун, грабна отнякъде един ямурлук и пое пътя – Он, вероятно, очень торопился, так как даже не успел обмотаться своим красным кушаком, а вышел в кафтане внакидку* (Юнашки главы, Йовков 1958).

Болгарский дед одет в русский **кафтан** в тексте перевода.

(14) *(Дедушка Руси говорит молодой женицине) Свекър ти е червясал от пари, алтъни има с крина да ги мери – Твой свекор – мешок с деньгами, червоницы ковиом мерит* (Юнашки главы, Йовков 1958).

Заменяется название турецкой денежной единицы **алтън** словом, характерным для Российской империи – **червонец**.

(15) *(Женда) Сукманът се изопваше върху коравата ѝ снага – Сарафан облегал ее упругое тело* (Постолови воденици, Йовков 1972).

(16) *Между големите калпаци и сиви аби мяркаха се белите ръкави и синият сукман на Женда – Между высокими шапками и серыми бурками мелькали белые рукава и синий сарафан женицин* (Постолови воденици, Йовков 1972).

болг. **сукман** ‘болгарская женская одежда – длинное и широкое платье без рукавов обычно из шерсти, иногда из хлопка или льна’; рус. **сарафан** ‘русская женская одежда в виде платья без рукавов’; болг. **аба** – 1. Грубая домашняя шерстяная ткань. 2. Верхняя мужская одежда из такой ткани.

Ср. **бурка** – Широкий войлочный плащ без рукавов у кавказских горцев и других прикаспийских народов³⁸.

Замена данных названий текста оригинала в переводе меняет идею места.

(17) *(О гайдуках) Изправиха се там страшни, брадясали, наметнати с черни арнаутски гугли – Хайдуки загородили дорогу, страшные, бородатые, в черных арнаутских башлыках* (Шибил, Йовков 1972).

Гайдуки одеты не в арнаутские **гуглы**, а в **башлыки**.

В перечисленных примерах речь идет о неадекватности перевода с точки зрения места.

В других случаях приблизительный перевод приводит к несоответствию оригинала и перевода с точки зрения времени и места, ср.:

(18) *(Боянов любит наблюдать за средствами передвижения на улице) Минаваха коли, **файтони**, нерядко и автомобили. Но преди всичко двама **кираджии** – **татари** работеха най-вече по тоя път – Проезжали повозки, **экипажи**, а нередко и автомобили. Но больше всего ездили по этой дороге двое татар – **ящиков*** (Мечтатель, Йовков 1969).

В некоторых случаях в тексте перевода появляется реалия при отсутствии такого слова в оригинальном тексте.

(19) *Която доде ще ѝ дам две **жълтици** – Кто решится, той подарю пару **черволицев*** (Ночной гость, Йовков 1969).

(20) *...дрехи от синьо брашовско сукно, сърма и злато – на нем **кафтан** синего брашовского сукна, шитый золотом* (Шибил, Йовков 1972).

(21) *Това са условните знаци за **сеймените**, скрити в пусия – Это условные знаки для сидящих в засаде **заптиец*** (Албена, Йовков 1972); *Или будет подан сигнал сидящим в засаде **жандармам*** (Албена, Белая ласточка 1969).

Встречаются также способы приблизительно-описательной передачи реалий, что в очередной раз говорит о необходимости согласовывать переводные соответствия.

Существуют случаи, которые показывают, что переводчики не понимают значение реалии.

Например, в рассказе «Постоловые мельницы» болг. **дже-лепин** ‘торговец, который покупает животных, выкармливает их и потом перепродает оптом’, передается рус. **прасол** ‘торговец мяса любого вида’. В данном случае имеет место переводческая трансформация – генерализация.

Болг. **бегликчии** ‘специальные лица, которые имели право собирать налог **беглик** (налог на овец и коз) во время турецкого рабства’ заменяется в тексте на рус. **откупщики** ‘чиновники, имеющие право собирать государственный налог’.

Однако во многих случаях приблизительный перевод реалий ведет к удачным решениям в тексте перевода. Например:

(22) *Селяни, наметнати с **ямурлуци** или закачулени с някой чувал, тичаха да прибират добитъка. – Крестьяне, накинув на себя **плащи** или*

прикрывишишь мешками, торопливо загоняли скот («Летен дъжд», Йовков 1972).

Болг. **ямурлук** удачно передается словом **плащ**.

(23) *Бе я са виж ти, себе си виж, два наполеона имаш да ми даваши от толкоз време – Лучше на себя посмотри, сколько времени прошло, как два золотых у меня взял* («Другоселец», Йовков 1972).

Монета **наполеон** переводится описательно словосочетанием **золотая монета**.

(24) *Тогава ярките бои на килимите и губертите, сърмата и атлазът на скъпите премени, всичкото това богатство я замаяваше – То ярки цвета ковров и покрывал, золотые и серебряные вышивки и атлас дорожих нарядов, всё это богатство кружило ей голову* («Божура», Йовков 1972).

Генерализацию перевода слов в данном тексте считаем уместной.

В случаях приблизительно-описательного способа передачи реалии дополнительный смысл описательного элемента при переводе компенсирует неточность перевода.

Так, к примеру, в рассказе «Индже» (Йовков 1958) приветы *кырджалиев* к их предводителю вводится болгарским сочетанием **правят ниски теманета**, переводчик функционально передает **приветствуют его по восточному обычаю**.

(25) *Беше той отпуснат, че въпреки кралимарковската си сила понасяше всякакви закачки и игри – И ведь до какой степени опустился человек, что несмотря на свою богатырскую силу, терпеливо переносил всевозможные шутки и проделки* («Дрямката на Калмука», Йовков 1972).

В данном случае подчеркивается огромная сила богатыря ввезе связи с фольклорным болгарским героем – Крали Марко.

Самостоятельный способ передачи реалий – это *описательный*. При помощи данной трансформации достигается полнота и яркость перевода. Обычно способ применяется, когда реалия не является важной и существенной с функциональной точки зрения в тексте. Например:

(26) *Мъжът беше стар хайдутин. Носеше дрехи от старо сукно с потъмняла сърма, отгоре му висяха джепкени, а коженият сиях на пояса му беше натегнал от пицови. – Мужчина был по виду старый хайдук (вм. гайдук). Он был в одежде из кармазинного сукна с потемневшим золотым шитьем, с закинутыми за спину разрезными рука-*

вами, а за широким кожаным поясом были заткнуты пистолеты («Индже», Йовков 1972).

В данном длучае **сърма** заменяется сочетанием **золотое шитье, джебкени – разрезные рукава, силях – кожаный пояс**.

Мы остановились коротко на трех основных способах передачи реалий на материале переводов-рассказов из указанных сборников – транскрипции, приблизительном и описательном переводе. Эти наблюдения не дают общих рецептов адекватного перевода. Использование того или иного способа перевода переводчику подсказывает чутье и мастерство, и связано с его общей культурной осведомленностью, чувством меры, владением обоих языков и т.п.

Обсуждаемый материал считаем достаточным для некоторых общих выводов, важных для практического перевода.

Следует подчеркнуть, что невозможно сохранить при переводе все элементы оригинала, несущие исторический и национальный колорит. Но безусловно то, что у читателей перевода должно создаться впечатление об историческом и национальном контексте оригинального произведения.

Можно отметить, что переводчики обычно используют соответствия, которые даны в соответствующих двуязычных словарях, однако для нужд художественного перевода необходим справочник функциональных соответствий для данной пары языков.

Замечено, что во многих случаях последующие переводы хуже предыдущих. Так, по нашему мнению, первый перевод рассказов Й. Йовкова 1958 г. удачнее в отношении семантической и стилистической передачи особенностей оригинального произведения.

Поэтому рекомендуем создать базу данных реалий и их переводных и функциональных эквивалентов для конкретной пары языков. Подобные соответствия улучшат возможности правильного перевода.

Ниже мы предлагаем макет словарной статьи и соответствующие иллюстрации для пары болгарского и русского языков.

1. Реалия.
2. Значения реалии по болгарскому толковому словарю (в данном случае приводится их перевод на русский язык).
3. Транскрипция.

4. Предложения для приблизительного или описательного перевода реалий на русском (иностранном) языке, извлеченные из переводческой практики существующих переводов.
5. Примеры, в которых реализованы переводческие соответствия.

Иллюстрация возможных статей.

Аба – ‘1. Грубая домашняя шерстяная ткань. 2. Верхняя мужская одежда из такой ткани’.

Транскрипция: **аба**.

Переводное соответствие: **домотканое сукно**.

Иллюстрации: *И между многобройните разноцветни кръпки най-много се хвърляха в очи две-три много големи, взети сякаш от чувал или от проста аба. – И среди бесчисленных разноцветных заплат особенно бросались в глаза две-три огромные, по-видимому, выкроенные из простой дерюги или из обыкновенного домотканого сукна* («Серафим», Йовков 1958).

Бакър ‘медная посуда’.

Транскрипция: **бакър**.

Переводные соответствия: **ведро, медное ведро**.

Иллюстрации: *Женда влезе, взе бакърите и излезе.*

Женда взела медные ведра и вышла («Постолови воденици», Йовков 1958).

Гайда ‘народный музыкальный инструмент из кожи с тремя трубками, вделанными в кожаный мешок для наполнения меха воздухом и извлечения звуков’.

Транскрипция: **гайда**.

Переводные соответствия: **гайда, волынка**.

Иллюстрации: *У Божил кехая свиреха гайди.*

У Божил кехая играли гайды («На Игликина поляна», Йовков 1958).

Гега ‘длинный пастуший посох с крюком на конце для ловли овец’.

Транскрипция: **гега**.

Переводные соответствия: **посох, пастуший посох, пастушья палка**.

Иллюстрации: *След като ти още веднъж и дважд вода, той метна на рамо гегата си.*

Глотнув разок другой воды, он поднял свой пастуший посох на плечо («Постолови воденици», Йовков 1972).

Гайтан ‘специальный плетеный шнур для украшения одежды’.

Транскрипция: **гайтан**.

Переводные соответствия: **шнур, галун, позумент**.

Иллюстрации: *Някои облечени само в дроти, някои в скъпи дрехи, натежали от сърма и злато, и гайтани.*

Кто в одних лохмотьях, кто в дорогой одежде с золотым шитьем и позументами («Индже», Йовков 1958).

Губер ‘покрывало с длинным ворсом’.

Траскрипция: **губер**.

Переводные соответствия: **покрывало, ковер**.

Иллюстрации: *Тогава ярките бои на килимите и губерите, сърмата и атлазът на скъпите премени, всичкото това богатство я замайваше.*

Яркие цвета ковров и покрывал, золотые и серебрянные вышивки и атлас дорогих нарядов, все это богатство кружило ей голову («Божура», Йовков 1958).

Дисаги ‘сума, состоящая из двух с соединенных мешков, которую несут на плечах или на лошади’.

Траскрипция: **дисаги**.

Переводные соответствия: **переметная сума, перекидные мешки**.

Иллюстрации: *Най-после след като закачаше дисагите с пощата, дядо Давид отвързваше коня.*

Наконец, привязав к седлу переметную суму с почтой, дед Давид отвязывает коня («Дядо Давид», Йовков 1972).

Заптие ‘турецкий стражник во время турецкого рабства на порабощенных территориях’.

Траскрипция: **заптие**.

Переводное соответствие: **стражник**.

Иллюстрации: *Шибил, страшият хайдутин, когото заптиетата и кърсердари търсеха под дърво и камък слизаше от планината и отиваше да се предаде.*

Шибил, грозный хайдук, которого стражники/заптий и начальники полевой стражи искали в каждой щели, спускался с гор: он шел сдаваться («Шибил», Йовков 1958).

Страшный гайдук Шибил, которого жандармы и стражники днем с огнем искали, спускался с гор, шел сдаваться («Шибил», Йовков 1972).

Елече ‘короткая одежда до пояса обычно без рукавов’.

Траскрипция: **елече**.

Переводное соответствие: **безрукавка**.

Иллюстрации: *По сърмата на синия ѝ елек горяха и се разсипаха ситни искри.*

На парче синей безрукавки горели и брезжали мелкие искры («Шибил», Йовков 1958).

...Синя джанфезена рокля, елече от ален атлаз, пъстра божигробска престилка, сребърни пафти. А на шията ѝ тежки нанизы, ред едри алтъни, ред рубета и махмудии.

...Синее атласное платье, безрукавка из алого бархата, пестрый иерусалимский передник, серебрянные пряжки на поясе. А на шее – тя-

железы мониста, ряд крупных червонцев, ряд золотых рупий и дукаатов («Шибил», Йовков 1958).

Кемер ‘кожаный пояс для сохранения денег’.

Транскрипция: **кемер**.

Переводное соответствие: **кошель**.

Иллюстрации: *Но Шибил не ги накара да отворят дисагите си, нито потърси какво има в кемерите.*

Но Шибил не приказал им развязать переметные сумы, не стал шарить в их кошелях («Шибил», Йовков 1958).

Кърсердарин ‘начальник деревенской или полевой охраны во время турецкого рабства у болгар’.

Транскрипция: **кърсердарин**.

Переводное соответствие: **начальник полевой стражи**.

Иллюстрации: *Шибил, страшиният хайдутин, когото заптиета и кърсердари, търсеха под дърво и камък, слизаше от планината.*

Шибил, грозный хайдук, которого заптил и начальники полевой стражи искали в каждой щели, спускался с гор («Шибил», Йовков 1958).

Навой ‘1. Длинная полоса ткани шириной 6-7 см, которую навивают около ноги до колена, чтобы сохраняла тепло; 2. Четырехугольные полосы ткани из толстой шерстяной ткани, которыми покрывают ноги от ступни до колена под сельской кожаной обувью’.

Транскрипция: **навой**.

Переводное соответствие: **обмотка**.

Иллюстрации: *Напети и стегнати в белите си униформи, с бели навои...*

Статные и подтянутые в своей коричневой форме и белых обмотках... («Балкан», Йовков 1972).

Наполеон ‘золотая монета, которая равняется двадцати левам’.

Транскрипция: **наполеон**.

Переводное соответствие: **золотая монета**.

Иллюстрации: *Бе я се виж ти, два наполеона имаш да ми даваши от толкоз време.*

Лучше на себя посмотри: сколько времени прошло, как два золотых у меня взял («Другоселец», Йовков 1958).

Пандурин ‘болгарский стражник во время турецкого рабства’.

Транскрипция: **пандурин**.

Переводные соответствия: **сторож, стражник**.

Иллюстрации: *При тях отиваха и се връщаха въоръжени пандури.*

К ним то и дело подъезжали вооруженные сторожи («Индже», Йовков 1972).

Пафти ‘украшенные металлические пластины для крепления женского пояса’.

Транскрипция: **пафти**.

Переводные соответствия: **пряжки**.

Иллюстрации: *Синя джанфезена рокля, елече от ален атлас, пьстра божигробска престилка, сребърни **пафти**.*

*Синее атласное платье, безрукавка из алого атласа, пестрый иерусалимский передник, серебряные **пряжки** на поясе* («Шибил», Йовков 1958).

Потури ‘брюки с широким опущенным дном из домашней шерстяной ткани’.

Транскрипция: **потури**.

Переводные соответствия: **шаровары, штаны**.

Иллюстрации: *Ризата му беше само кръпки, едро и неумело шити, поясът му орфан, **потури**те – също.*

*Рубаха – сплошные заплаты, неумело пришитые большими стежками, кушак обтрепанный, **штаны** тоже* («Серафим», Йовков 1972).

Салтамарка ‘короткая верхняя женская одежда, подбитая кожей’.

Транскрипция: **салтамарка**.

Переводные соответствия: **шубка**.

Иллюстрации: *Имам една **салтамарка**, за нея ми трябват...*

*Есть у меня **шубка**, для нее нужны...* («Постолови воденици», Йовков 1958).

Сейменин ‘бывший турецкий солдат на полицейской службе’.

Транскрипция: **сейменин**.

Переводные соответствия: **стражник**.

Иллюстрации: *Мустафа, от три дни сеймените на **кърсердаря** леят куришуми.*

*Мустафа, вот уже три дня **стражники** пули льют* («Шибил», Йовков 1972).

Сърма ‘тонкие, покрытые серебром или золотом медные проволочки для вышивания’.

Транскрипция: **сърма**.

Переводные соответствия: **мишура, канитель, серебрянные и золотые нити, позументы, золотое шитье**.

Иллюстрации: *Със синьо еничарско джубе, светнало от **сърма**, с червени шалвари. Но на главата си той не носи бяла чалма с меки гънки, а висок самурен калпак.*

*В синем янычарском доломене, **расшитом золотом**, в красных шароварах. Но на голове у него не белая чалма в мягких складках, а высокая соболья шапка* («Индже», Йовков 1972).

Хайдут/ини ‘1. Народный защитник и мститель во время турецкого рабства в Болгарии; 2. Разбойник’.

Транскрипция: **хайдут/ин/**.

Переводные соответствия: 1. **Гайдук**, 2. **Разбойник**.

Иллюстрации: *Не беше тайна за никого, че той е вече хайдутин.*

Ни для кого не было тайной, что он стал гайдуком («Овчарова жалба», Йовков 1958).

Навред по пътищата увиснаха по дърветата избесени хайдутини.

Всюду вдоль дорог закачались повешенные на деревьях разбойники («Индже», Йовков 1958).

Чевре ‘платок, вышитый по краям’.

Транскрипция: **чевре**.

Переводные соответствия: **платок, головной платок, головная повязка**.

Иллюстрации: *Тя седна до прозореца да шие чевре.*

Села у окна и принялась вышивать платок («Песента на колелата», Йовков 1972).

Ямурлук ‘толстая верхняя деревенская одежда с рукавами или без рукавов’.

Транскрипция: **ямурлук**.

Переводные соответствия: **ямурлук, накидка, плащ**.

Иллюстрации: *После разгъна един овехтял, изтъркан ямурлук, който носеше връз ръката си.*

Затем развернула висевший у нее на руке старый, вытертый плащ («Женско сърце», Йовков 1969).

Обсужденные в работе общетеоретические проблемы перевода реалий с родного на иностранный язык рассмотрены с точки зрения практики: предлагается систематизация переводческих соответствий и составление словаря реалий для различных пар языков³⁹. Данный вопрос возможно решить на базе создания разнородных параллельных переводных корпусов.

Источники:

Йовков 1958 – Й. Йовков. Избранные рассказы. Перевод с болгарского. Предговор П. Продева, София, 1958.

Йовков 1969 – Й. Йовков. Белая ласточка / Перевод с болгарского. София, 1969.

Йовков 1972 – Й. Йовков. Белые розы. Рассказы / Перевод с болгарского. София, 1972

Йовков 1980 – Й. Йовков. Рассказы / Превод от български Е. Зимина. София, 1980.

Йовков 1990 – Й. Йовков. Если бы они могли говорить / Перевод с болгарского Н. Нанкиновой. София, 1990.

Йовков. 1998 – Й. Йовков. Старопланинские легенды / Перевод с болгарского. София, 1998.

Примечания

- ¹ Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы познания языка. Ереван, 1976. С. 53-69, цит. по: Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник ОГУ11*2005. Оренбургский государственный университет. Электронный адрес: vestnik.osu.ru/2005_11/24pdf, С.:155.
- ² Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник ОГУ11*2005. Оренбургский государственный университет. URL: vestnik.osu.ru/2005_11/24pdf, С. 155.
- ³ Там же.
- ⁴ Легурска П. Съпоставителни лексикални анализи и основа за съпоставка. София, 2011. С.105.
- ⁵ Коули С.Д., Кравченко А.В. Динамика когнитивных процессов и науки о языке // Вопросы языкознания. 2006. 6. С. 133–141.
- ⁶ Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема... С. 155.
- ⁷ Томахин Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения // Вопросы языкознания. 1986. 6. С. 113–118.
- ⁸ Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема... С. 156.
- ⁹ Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения // Русский язык за рубежом. 1972. 3. С. 98–100.
- ¹⁰ Флорин С., Влахов С. Непереводимое в переводе // Мастерство перевода. М., С. 432–456.
- ¹¹ Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема... С. 157.
- ¹² Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии. Ленинград, 1973.
- ¹³ Мосиенко, Л.В. Лингвокультурологическая проблема... С. 159.
- ¹⁴ Вернигорова В.А. Осмысление реалии в подлиннике и переводе // Болгарская русистика. 2010. 4. С. 12.
- ¹⁵ Шамне Л.И. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Волгоград. 1999, цит. по: Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика семантики языковых единиц. М., 2004. URL: mihaylova.vbel.ru/achievements/st3.doc.
- ¹⁶ Стернин И.А. Структурная семасиология и лингводиактика // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Воронеж, 1987. С. 104–121, цит. по: Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика.
- ¹⁷ Гудавичюс А. Глубинный уровень отражения культуры в лексической семантике // Исследования по семантике. Уфа, 1993. С. 16–23, цит. по: Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика....
- ¹⁸ Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997, 6. С. 39, цит. по: Михайлова, Ю.С. Национально-культурная специфика.
- ¹⁹ Он же. С. 48, цит. по: Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика.....
- ²⁰ Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. С. 36, цит. по: Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика....
- ²¹ Легурска П. Съпоставителни лексикални анализи и основа за съпоставка. София, 2011. С. 7–34.
- ²² Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание... С. 36; Легурска П. Съпоставителни лексикални анализи. С. 7–34.
- ²³ Флорин С., Влахов С. Непереводимото. С. 433.

- ²⁴ *Божилова М.* Националномаркирана лексика в българския език // Студии по лексикология. София, 2011. С. 11–98.
- ²⁵ *Томахин Г. Д.* Лингвистические аспекты...
- ²⁶ *Флорин С., Влахов С.* Непереваемое в переводе...
- ²⁷ *Божилова М.* Националномаркирана лексика.
- ²⁸ *Флорин С., Влахов С.* Непереваемое в переводе... С. 439–440.
- ²⁹ *Вернигорова В.А.* Осмысление реалии. С. 128.
- ³⁰ *Васева И.* Теория и практика на превода. София, 1980. С. 123-124.
- ³¹ *Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст., Костов Н., Леков Ив., Стойков Ст., Тодоров Цв.* Български тълковен речник. Изд. допълнено и преработено от Д. Попов. София, 1997. С. 1056.
- ³² *Словарь русского языка.* Т.2. М., 1981–1984. С. 164.
- ³³ *Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова.* Т. 4. М., 1940. С. 93.
- ³⁴ *Андрейчин Л.* и др. Български тълковен... С. 607.
- ³⁵ Башибузуки (тур. başıbozuk) – название нерегулярных военных отрядов в Османской империи. Из-за отсутствия дисциплины башибузуки считаются подобными индийским пиндарам. Данные формирования получали питание и одежду, но не получали зарплату. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B1%D1%83%D0%B7%D1%83%D0%BA%D0%B8>
- ³⁶ *Стаменов М.* Съдбата на турцизмите в българския език и в българската култура. София, 2011. С. 212–250.
- ³⁷ *Словарь русского языка.* Т. 1. М., 1981–1984. С. 195.
- ³⁸ *Чудинов А.Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 3-е изд. СПб., 1910.
- ³⁹ *Иванов А.О.* Безэквивалентное и непереваемое в переводе в свете современной лингвистической теории: Диссертация. Л., 1984.

С. Хаджихалилович
(Задар, Хорватия)

**Русские и хорватские пословицы
с названиями частей тела
(историко-культурный и лингвистический анализ)**

Abstract:

Khadzhikhalilovich S. *Russian and Croatian proverbs which contain the somatic components (historical, cultural and linguistic analysis)*

The article is devoted to the analysis of proverbs, which include somatic components in the Russian and Croatian languages. The analysis is performed in historical, cultural and linguistic aspects. The corpus is based on the national and international fond with the emphasis on the role of archaisms, dialect words and neologisms. As the form of proverbs is based on binary structure, they are divided in correlative, contrary and contradictory pairs.

Ключевые слова: пословицы, части тела, русский язык, хорватский язык.

Происхождение пословиц. Можно сказать, что не существует ни одной сферы человеческой жизни, о которой пословицы ничего бы не говорили. Вопрос о происхождении большинства пословиц еще не решен, а если бы кто-то захотел его исследовать, ему пришлось бы изучить историю каждой пословицы в отдельности, что было бы неосуществимо. В этой области необходимы лингвистическое, историческое, культурное и другие исследования. Намечается вопрос, можно ли в принципе без детального этимологического анализа отнести пословицы к какому-то конкретному языку, ведь известно, что большая часть пословиц – это совместная «собственность» многих языков. Каждый народ использует их как свои собственные, так как они отвечают языковому чутью носителей и их духовным потребностям. Что касается происхождения общепринятых пословиц или пословиц, которые обнаруживают большую или меньшую степень лексико-семантической эквивалентности в разных языках, можно констатировать, что они происходят главным образом из античности или Средневековья, очень многие восходят к Библии. Они так адаптировались в языке, что больше не ощущаются иностранными. Кроме пословиц, общих для многих народов, другую группу образуют пословицы, связанные с событиями и особенностями определенной местности или народа:

Bolje je biti bez glave, nego iz Božave! Язык до Киева доведет.
[Лучше быть без головы, чем родом из
Божавы].

Очевидно, что пословица, актуальная в хорватском языке, не имеет своего семантического эквивалента в другой культуре, в другом языке. То же относится и к русской пословице, приведенной в качестве примера.

Многие пословицы, вероятнее всего, появились до письменных источников, в которых были записаны. Долгое время считалось, что они – создание ученых, так как простые люди не могли бы так обобщить свой опыт. Лучше было бы сказать, что пословицы создавали отдельные талантливые люди из определенных слоев, сообразно своему опыту, а позже пословицы начинали употребляться большей частью носителей языка, их употребление расширялось от поколения к поколению, пока они не стали общими, и автор не забылся. Порой может привести в замешательство философский характер пословиц. Если бы пословицы создавали только образованные люди, то как объяснить тот факт, что многие из них рисуют картины сельской жизни, ведь они могли бы выразить свою мысль и по-другому? Итак, авторство принадлежит всем, кто участвовал в передаче пословиц.

По происхождению пословицы можно разделить на две группы². В первую группу попадают пословицы, чье происхождение мы можем проследить по письменным источникам. Вторую группу составляют пословицы, передающиеся в основном устно и пришедшие «из народа», чьи время появления и источник неизвестны. Подобное деление научно не обосновано, так как исследований по этой проблеме по сути нет. Ученые больше занимаются проблемой национального или интернационального происхождения пословиц³, о чем в дальнейшем еще пойдет речь.

Н а ц и о н а л ь н ы й фонд включает в себя особенности пространства, времени, традиций, культуры и языка, в котором употребляются пословицы, входящие в него. Тогда мы можем говорить о национальном фонде определенного языка.

Уже приведенные в качестве примера пословицы, например, характеризуют место и время своего создания, хотя значение их понятно и в современном языке. В определенном контексте пословица может обозначать и мораль, и позицию по отношению к чему-то:

Oko za oko, zub za zub.

Lice curu udaje.

[Лицо девушку замуж выдает].

Oko za oko, zub za zub.

Kosa – devičья краса.

Интернациональный фонд служит источником для многих языков. Обычно это группа пословиц, выражающих общечеловеческий опыт. Например, латинская пословица *Mens sana in corpore sano* принята многими языками, в том числе хорватским и русским:

U zdravom tijelu zdrav duh.

В здоровом теле – здоровый дух.

Пословицы, представляющие международное культурное богатство, объединяют народы со схожими мыслями и знаниями. Практически ни один народ, а также ни один язык не существуют без контактов с другим народом, а, следовательно, и языком. Основной вопрос состоит в том, при каких условиях происходит влияние одних языков на другие. Заимствование иностранных пословиц связано с историческими, культурными, политическими и другими условиями. Также часто пословицы перенимаются из языка, который считается престижным, как это было с древнегреческим и латинским, послужившими источником для многих европейских языков, имевших прямые или не прямые контакты с ними. Известно, что языковое заимствование часто отвечает потребностям языка, а развитие этих потребностей напрямую связано с интеллектуальным, общественным и экономическим развитием его носителей.

Исследование лексических компонентов пословиц важно и в тех случаях, когда речь идет о метафорических пословицах. Очень часто в некоторых названиях присутствуют только ключевые слова, которые несут наибольшее количество информации для того, чтобы узнать ту или иную пословицу, что означает, что при упоминании одного или нескольких ключевых слов в памяти восстанавливается целая пословица. Лексическая структура пословиц демонстрирует, что в них часто используются абстрактные понятия, более всего подходящие для выражения универсальных мыслей.

Чаще всего в плане языковой организации пословицы имеют поэтическую структуру, которая отвечает всем элементам языкового выражения. Уже поверхностный взгляд на пословицы показывает, что чаще всего в них встречаются существительные, глаголы и прилагательные.

Чтобы данные были полными, необходимо внести статистические данные, относящиеся к словарю, например, наличие иностранных слов, употребление диалектизмов, архаизмов, аббревиатур и т.д. Специфический отбор слов для пословиц подтверждается наличием в них большого числа архаизмов. Языковые и культурные контакты оставили глубокий след в пословицах, о чем свидетельствуют многочисленные заимствования. Так, в хорватском языке можно встретить турцизмы, германизмы, итальянизмы и др. Учитывая то, что своей устойчивостью пословицы обязаны точно подобранным словам, их анализ неизбежен и необходим. Пословицы – это устойчивый набор слов, свойственный определенному языку. Группа пословиц начинается характерными словами. Слова, которые объединяют многие пословицы, – *если, без, лучше, какой, все, что* и др. Их лексический выбор не случаен и очень функционален, что отвечает стремлению пословиц к сжатости, краткости и проч. Чтобы стать формульной, то есть чтобы носители языка приняли ее и передавали дальше, она должна быть устойчивой, а устойчивость, в свою очередь, базируется на лексическом компоненте. Особенности местного говора в значительной степени присутствуют в пословицах и особенно затрагивают выбор лексических вариантов. В частности, пословица может иметь несколько вариантов, в зависимости от региона, в котором она употребляется. Народная этимология также свидетельствует о степени, в которой в пословицах присутствует языковая вариативность. Анализ лексического выбора показывает, что в пословицах редко используются сокращения, возможно потому, что передаваемая ими информация недостаточно ясна и поэтому не подходит для пословиц.

Р о л ь а р х а и з м о в. В пословицах немаловажную роль играет традиция, отсюда и нередкое появление в них архаизмов. Именно архаизмы делают пословицу пословицей, без них теряется ее специфичность. Именно таким способом – употреблением архаизмов, опорой на традицию – обуславливается универсальная структура пословицы, не изменившаяся с течением времени. Приведем примеры пословиц с архаизмами в хорватском⁴ и русском языках:

Lasno je punim trbuhom post hvaliti.

[Досл. Легко на полный желудок пост хвалить].

Рус.: Сытый голодного не понимает.

Jezik popuzne, a istina iskrsne.

[Досл.: Язык «подскользнется», а истина проявится (= выплывет наружу)].

Dugi lasi, kratka pamet.

[Досл.: Длинные волосы, короткий ум].

Bliža je tielu rubina, nego surina.

[Досл. Телу рубаха ближе, чем плащ].

Bolest na librice dolazi, a na unče izlazi.

[Досл. Болезнь приходит в сотнях граммов, а выходит в единицах граммов⁵].

Держи язык на верёвочке.

Красна птица перьем, а человек ученьем.

Око за око, зуб за зуб.

Коса – девичья краса.

В чужом глазу сучок видит, а в своём и бревна не замечает.

З а и м с т в о в а н н ы е с л о в а. Стоит отметить, что языковой контакт может привести к заимствованию не только лексики, но и концепции или синтаксических моделей. Заимствованная лексика в подобных пословицах адаптируется к правилам воспринимающего языка. В случае с хорватским языком она действует в соответствии с правилами словообразования в хорватском языке, то есть использует хорватские префиксы и суффиксы, входящие в формообразующий состав языка. Лексические заимствования не так сильно представлены в пословицах. Интересно, что подобные заимствования более часты в пословицах, представленных в местных языках или диалектах. Учитывая тот факт, что во многих европейских языках отмечены идентичные пословицы и что они легко переходят из одного языка в другой, их появление не воспринимается как подавление языковой традиции, а как результат существования в европейском культурном пространстве. Замена заимствованных слов в пословицах практически невозможна, потому что они являются частью стабильной языковой структуры, которая принята в речи. Еще одной причиной невозможности замены является сохранение рифмы и ритма, что достигается использованием иностранных слов. Следует также отметить, что употребление заимствований в пословицах не является повседневной языковой практикой, они появляются только в определенном контексте, то есть в определенной форме:

*Держи язык на веревочке⁶. Правая ладонь чешется –
получать деньги, левая – отдавать.*

Д и а л е к т и з м ы демонстрируют ценность выражений разговорной речи. Поскольку пословица, как и диалект, является

неотъемлемой частью устной традиции, в ней находят отражение и диалектные различия. В основе композиции пословицы – языковая модель, распространенная в устной речи, используемая носителями разных диалектов. Территориальные варианты языка нашли свое отражение в следующих пословицах (примеры из разных диалектов хорватского языка – кайкавского, штокавского и чакавского):

Koliko ljudih, toliko čudih

[досл. Сколько людей, столько характеров].

Kad nime v glave, mora v petah imeti

[досл. Когда нет в голове, должно быть в ногах (букв.: в пятках)].

Strijel iz luka, riječ iz usta povratit, se vik ne more

[досл. Стрелу из лука, слово из уст никогда не вернешь].

Ср. в рус. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

Svaka usta išću jesti

[досл. Любой рот требует еды].

Gde koga boli, rad onde ruke derži

[досл. Где у кого болит, там он руки держит].

Ср. в рус. У кого чего болит, тот о том и говорит.

Kaj na serdcu, to na jeziku

[досл. Что на сердце, то и на языке].

Žene su dugeh lasih, pak kratke pameti

[досл. У женщины длинные волосы, но короткий ум].

Bliže je košulja, neg'li dolama

[досл. Рубашка ближе, чем кафтан].

Zakaj se ne zna, za tem se ne hlepi

[досл. Чего не знаешь, того и не желаешь].

Na jedno oko ćorav (uho gluhi), na drugo ne vidi (ne čuje)

[досл. На один глаз кривой (на одно ухо глухой), другим – не видит (не слышит)].

Пословицы всегда были любимым способом высказывания и в современном языке не потеряли своего значения, наоборот, оказались продуктивной языковой структурой. И хотя современный образ жизни не способствует возникновению новых пословиц, частота их употребления не уменьшается. Благодаря тому, что они покрывают собой самые разные сферы жизни и несут в себе универсальные смыслы, пословицы довольно быстро приспособились к условиям современного общества. Иногда они предстают в исконной форме, но иногда и в измененной, чем увеличивают свой эффект и приобретают определенные нюансы в значении:

U laži su kratke noge. [Досл. У лжи короткие ноги].
*U krizi su kratke noge*⁷

Если понаблюдать за действительностью, которая нас окружает, мы увидим, что пословицы употребляются куда чаще, чем нам кажется. Так, например, в бытовом разговоре мы часто отвечаем на вопросы пословицами. Также можно часто услышать, как взрослый отвечает на вопросы детей пословицами или использует их в других ситуациях:

Ispeci, pa reci! [Досл. Испеки, потом скажи].
 Ср. в рус. *Сначала подумай, потом скажи.*

Параллелизм лексического состава. Для лексического состава пословиц характерной чертой является параллелизм структуры. Форма пословицы основана на бинарной структуре и обычно включает в себя пары слов в оппозиции и аналогичный грамматический строй. Многие лингвисты считают, что вся система языка основана на оппозициях, и только в противопоставлении слова получают определенные значения. Особенность, указанная лингвистом Ф. де Соссюром, гласит: «В языке есть только различия». Она находит свое отражение и в пословицах. Структура пословицы основана на оппозициях и звуковых и смысловых различиях, из них проистекающих. Часто повторяются простые схемы, основанные на принципе бинарности. Очевидно, что параллелизм, то есть симметрия на уровне формы пословицы, влияет и на семантический уровень. Симметрия в основном связана с парами слов, которые могут включать в себя одну или две пары, находящиеся в различных отношениях друг с другом:

<i>Oko za oko, zub za zub.</i>	<i>Oko za oko, zub za zub.</i>
<i>Koliko ljudi, toliko čudi.</i>	<i>Сколько голов, столько умов.</i>
<i>Duge kose, kratka pamet.</i>	<i>У бабы волос долго, а ум короток.</i>

Пары из приведенных примеров можно разделить на коррелятивные, противоположные и контрастные. Коррелятивные пары имеют смысл только во взаимной связи и часто встречаются в пословицах:

<i>U zdravom tijelu zdrav duh.</i>	<i>В здоровом теле – здоровый дух.</i>
<i>Ptica se po perju, a čovjek po besjedi poznaje.</i>	<i>Красна птица пером, а человек умом.</i>
<i>Ptica se porerju, a čovjek po učenju poznaje.</i>	<i>Красна птица перьем, а человек ученьем</i>
<i>Što oko ne vidi, srce ne zaželi.</i>	<i>С глаз долой – из сердца вон.</i>
<i>Daleko od očiju, daleko od srca.</i>	

*Koliko ljudi, toliko ćudi.
Što oko ne vidi, uho ne čuje.*

*Сколько голов, столько умов.
Глаз не видит, и ухо не слышит.*

Противоположные пары являются взаимоисключающими и часто используются для повышения экспрессивности выражения:

Što trijezan misli, pijan govori.

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

*Pametan misli što govori, lud govori
ono što misli.*

Što izađe iz usta, to se u usta ne vraća.

*Коня на вожжах удержишь, а слова с языка не воротишь.
Слово не воробей, вылетит – не поймаешь*

U tuđem oku vidiš trn, a u svome ne vidiš ni brvna.

В чужом глазу сучок видит, а в своем и бревна не замечает.

Duge kose, kratka pamet.

У бабы волос долог, а ум короткий.

Tko nema u glavi, ima u nogama.

*Дурная голова ногам покоя не дает.
Непутевая голова ногам покоя не дает.*

Na jedno uho uđe, na drugo izađe.

В одно ухо войдет, в другое выйдет.

Контрастные пары слов дополняют друг друга и содержат определенные признаки, делающие их антонимами:

U tuđem oku trn vidiš, a u svome ne vidiš ni brvna.

В чужом глазу сучок видит, а в своем и бревна не замечает.

Bolji je vrabac u ruci, nego golub na grani.

Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Ako te svrbi desni dlan – dobit ćeš novce, lijevi – dat ćeš.

Правая ладонь чешется – к корысти, левая – к ущербу.

Правая ладонь чешется – получать деньги, левая – отдавать.

Ako te svrbi desno oko – smijat ćeš se, lijevo – plakat ćeš.

Правый глаз чешется к смеху, левый к слезам.

Результаты анализа показывают следующие закономерности:

– Для пословиц очень важна роль традиции, которая находит свое отражение в выборе лексики, так как многие слова, которые не используются в современной речи, не могут быть заменены в пословицах. С этим тесно связано и лексическое заимствование (и незаимствование) непонятных иностранных слов. Если

они входят в язык, то быстро адаптируются, чтобы их легче было употреблять носителям языка.

– Особое место занимают пословицы в диалектной речи, потому что они больше распространены в устной речи, нежели в письменной. Это явление тесно связано с сохранением традиции.

– В пословицах не используются сокращения, ведь пословица и так имеет сжатую форму. Это подтверждает теорию о том, что сокращения рассчитаны на узкий круг восприятия.

– Средняя длина русской пословицы – 5–6 слов, хорватской – 6–7. Средняя длина слова в русском языке 4–5 букв, в хорватском – 3–4 буквы, отсюда стремление пословицы к использованию кратких слов и предложений.

– Статистический анализ частотности и разновидности слов, используемых в пословицах, показывает, что в основе структуры пословицы лежит существительное, к которому присоединяются глаголы, наречия, прилагательные, местоимения, числительные и т.д.

– Характерно частое употребление абстрактных существительных, что ожидаемо, учитывая тот факт, что абстрактные понятия подходят для выражения универсальных мыслей. Очень редко используются имена собственные или сложные слова, что вписывается в общую тенденцию и обобщения, и использования ёмкой формы.

– Что касается глагола, в русском языке преобладают глаголы в пассивном залоге, в хорватском – в активном. Это объясняется тем, что нашему чувству языка в принципе привычнее глаголы в активной форме. Очевидно также, что использование формы 3 лица единственного числа в хорватском языке повышает количество форм выражения безличности. Она также может служить убедительным аргументом, если говорящий стремится исключить свою личную позицию и полагаться на общепринятые идеи. В русском языке для этой цели используются 2 и 3 лицо единственного числа и 3 лицо множественного числа. Если мы обратим внимание на время, то заметим, что самое употребляемое из них – настоящее, которое на самом деле имеет вневременной характер. Это явление можно назвать универсальным использованием времени. В русском языке мы видим и использование императива. Действие совершается при определенных условиях, то есть в настоящем, прошлом и будущем. Они выражают истину,

которая не устаревает. Глаголы часто отражают фактическую последовательность событий.

– Наиболее употребительные числительные в хорватском языке – 1, 2 и 10; в русском – 1, 2, 7. Числа иногда имеют и переносное (то есть символическое) значение.

– Особенностью пословицы является и практическое неиспользование личных местоимений – отсутствует конкретизация, ведь пословицы являются общим наследием, в котором отдельный человек не играет заметной роли.

– Наиболее часто в пословицах встречаются служебные части речи (союзы и предлоги), семантика которых носит абстрактный и общий характер. Использование служебных слов в начале предложения – одна из особенностей пословиц, она подчеркивает тенденцию к универсальности сообщения.

– Еще одной особенностью является появление в пословицах лексического параллелизма, которое проявляется в оппозициях.

Источники

1. *Даль В. В.* Словарь пословиц и поговорок русского народа. М., 1996.
2. *Берсеньева К. Г.* Русские пословицы и поговорки. М., 2005.
3. *Mikić P., Suzanić V.* Biblijske poslovice u Hrvata. Zagreb, 1994.
4. *Mikić P., Škara D.* Kontrastivni rječnik poslovice. Zagreb, 1992.
5. *Škara D.* Glas tradicije. Mostar – Zagreb, 1997.
6. URL: www.граммота.ру/навигатор.граммота.ру/народ, Русские пословицы и поговорки о языке, речи и культуре речевого поведения.
7. URL: www.рамблер.ру/афоризм.ру/даль.
8. URL: www.яндекс.ру/говорил.народ.ру.

Примечания

¹ Дословный перевод: Лучше быть без головы, чем родом из Божавы.

² *Škara D.* Glas tradicije. Mostar – Zagreb, 1997.

³ Там же.

⁴ Перевод хорватских пословиц А.А. Плотниковой.

⁵ *Libra* – единица, меньше полкило; *unča* – 28,35 грамм.

⁶ Слово «верёвочка» заимствовано из старославянского языка.

⁷ *Slobodna Dalmacija*, 29. 6. 1988.

Т.А. Агапкина
(Институт славяноведения РАН, Москва)

«Первое» дерево славянского дендрария: доминантные признаки в структуре символа

Abstract:

Agapkina T.A. *«The first» tree of the Slavic arboretum: Dominant features in the structure of the symbol*

The article discusses main features of the Slavic ethnic and cultural concept of «oak» in their folklore, ritual and mythological implementations.

Ключевые слова: традиционная культура, фольклор, мифология, дуб, растительный символ, доминантный признак.

В этнолингвистике, этнографии и фольклористике исследований и публикаций, посвященных непосредственно дубу, сравнительно немного, что отражает скорее общее состояние славянской этноботаники, нежели небрежение именно этим деревом. Напротив, интерес к дубу и его разновидностям очень велик, однако сосредоточен он в основном вокруг сакральной роли этого дерева в языческий и раннехристианский периоды.

Дуб (*Quercus L.*) – род деревьев, объединяющий большое количество видов, значительная часть которых произрастает в местах компактного расселения славян, – был и остается самым почитаемым деревом в славянском дендрарии. Ранние свидетельства об этом относятся к X–XII вв. и в основном хорошо известны¹. Чтобы не быть голословной, приведу лишь один фрагмент соответствующего эпизода из «Жизнеописания» Оттона, епископа Бамбергского, которое было составлено немецким хронистом Гербордом в 1124 г., – о возглавлявшейся Оттоном католической миссии у поморян: «Был также в Штетине (совр. Щецин, нем. Stettin) огромный густолиственный дуб, под ним протекал приятный источник; простой народ почитал дерево священным и оказывал ему большое чествование, полагая, что здесь обитает какое-то божество», причем народ просил епископа не рубить этот дуб².

Такого рода свидетельства в числе прочего объединяет между собой два момента. Первый – указание на исполнениеazole дубов неких, обычно дохристианских обрядов, а второе – попытки христианских миссионеров или святых уничтожить эти деревья. Но если в фольклорном дискурсе (легендах и преданиях) такие попытки всегда оборачиваются несчастьем для тех, кто по-

срагает на священное и заповедное дерево, то в исторических хрониках и житиях святых уничтожение культовых деревьев (как и собственно языческих идолов) обычно лишено подобного мистического ореола.

Такое отношение к огромным, старым и сильным деревьям как к объектам, которые будто принадлежат не настоящему времени, а мифическому (или дохристианскому) прошлому, в частности – эпохе великанов-богатырей, в виде отголосков сохранилось в фольклорной традиции, прежде всего в сказках. Дуб ассоциируется здесь с нечеловеческой и дикой силой: так, царевич, чудесным образом превратившийся в могучего богатыря, вырывает дуб с корнями и разметывает им себе дорогу в дремучем лесу («Незнайко»³); великан сторожит границу тридесятого царства, вооруженный вырванным из земли с корнями дубом («Молодильные яблоки»⁴), и т.д. Не менее красноречивы сюжеты, в которых дуб выступает не столько как элемент растительного мира, сколько как объект природного ландшафта. Так, вырывание столетних дубов или выравнивание их по высоте – это занятие, которому предаются мифические герои-богатыри Вертодуб или Дубыня, обладающие неимоверной силой («Ведьма и Солнцева сестра»; «Усыня, Горыня и Дубыня – богатыри»⁵). Выдергиванием вековых дубов, а также «боронованием» земли корнями дуба, от чего на ней вместо дорог образуются рвы, в белорусской сказке занят черт, расчищающий лес по приказу полешука («Чортаво балото», «Палешук и чорт»⁶).

В более позднее, по отношению к известным историческим свидетельствам, время дуб сохранил свое значение культового места, святыни, входившей обычно в состав народнохристианского культового комплекса, который был предназначен для совершения христианских и языческих обрядов, в том числе и жертвоприношений, и в этом смысле выступал как аналог храма. Разумеется, когда дубы были частью комплекса, состоявшего в том числе из христианских компонентов (крест, икона на дереве, часовенка и т.д.), такие деревья обычно сохранялись в неприкосновенности. Наиболее явственно культовые функции дуба выражены у балканских славян (такое дерево называли чаще всего «запис», так как на нем был вырезан, «записан», крест). Дуб был также центром социальной жизни, местом сбора, проведения обрядов и т.д., см. ю.-рус. *Семикальный дуб* (где проходили троицкие обряды кумления), а также рус. дон. *Слезовой дуб (курган)*: «Место,

откуда провожали новобранцев-казаков на службу или на войну. Называли эти места *слизавой дуп*. Он, этот дуп, нашими матушкинскими слязами и корнями-та питають»⁷.

Исключительные природные свойства этих деревьев (крепость древесины, размеры, долголетие, мощь) определили первое место дуба в славянском этнокультурном и фольклорном дендрарии (при всей условности такого рода иерархических построений). В мифологических верованиях, легендах, сказках, паремиях, ритуальной практике и магии дуб ассоциируется с такими понятиями, как «первый», «главный» (пол. *gospodarz lasu*), «социально высокий», «крупный», «сакральный», «старый» (рус. *старожитный, вековой*, пол. *stuletni, starożytny*), существующий *od początku świata* и т.д.

У восточных и западных славян дуб является едва ли не единственным деревом, которое последовательно и в разных жанрах наделяется именем собственным. Так, в заговорах дуб называют *Карколист, Карпиус, Данила, Дорофей, Лаврентий, Прокурон, Ракитан* и др.⁸, в былинах *дуб Невин*⁹ и др. В польских поверьях дуб, на котором повесили цыган, называли *Cygan*; дуб, у которого лечили горло и зубы, – *Doktor*; в разных областях Польши старые дубы получали имена старейших жителей села и т.д.¹⁰ У южных славян дубы часто посвящали святым. В Сербии (в окр. Малешево) был *Бурђов даб*, названный по имени св. Георгия/Юрия, имевший в охвате около 15 м и служивший центром общесельских праздников¹¹.

В фольклоре дуб связывается со сферой священного, оказывает покровительство Святому Семейству и одновременно и сам находится под охраной высших сил. В болгарской легенде говорится о том, как дубовая роща спрятала Бога, убежавшего от Чумы; в благодарность за это Бог сделал так, чтобы листья с дуба опадали лишь поздней осенью¹². Об избранности дуба косвенно свидетельствует апокриф из сборника XVIII в. В нем речь идет о том, что когда Иуда якобы хотел повеситься на дубе, то «Божим повелением преклонися дуб и сохранен бысть»¹³. В народном же пересказе этого сюжета уже сам Господь просит дуб: «Прими, дуб, на себя Иуду-христопродавца», поэтому-то на дубе якобы и нет греха, ибо принимает он Иуду по слову Божию, и оттого у него ветви крепкие и сам он крепкий (Курская губ.)¹⁴.

Дуб символизирует мир в целом, а также специально верхний мир, небо, солнце. В загадках через дуб загадывается солнце:

«Stoi dąb na wsi, ni liści, ni gałęzi, ni kwiatu, a służy całemu światu»¹⁵; «На море на Сияне стоит дуб с вихеями, никто его не обойдет...»¹⁶. В детских закличках дождя на дуб помещается горшок, из которого проливается дождь: «Иди, іди, дощику, зварю тобі борщику, на дубі поставлю. Дуб ізворухнеться, горщечок розіб'ється»¹⁷.

Разные виды дубов служили материалом для рождественского полена «бадняк» – главного обрядового атрибута в канун Рождества – важнейшего праздника балканославянского календаря. В Сочельник, сжигая в печи дубовое полено «бадняк», черногорцы говорили: «Дуб је цар дрва, а ватра је један годименат» [Дуб – это царь деревьев, а огонь – это праздник, радость]¹⁸.

Давно отмечено, что праславянское название дуба (праслав. *dǫb, ст.-л. дѣбъ) не связано с названиями дуба в других и.-е. языках. Оно является новообразованием, пришедшим на смену более древнему *perkъ < и.-е. *perkʰos, косвенно сохранившемуся в праслав. *peruŋь¹⁹. Поэтому логично, что и в традиционной культуре славян дуб связан с мифом о громовержце, и эта связь имеет общеевропейский характер²⁰. В белорусском фольклоре дуб и Перун фигурируют в сказочных и заговорных сюжетах, посвященных преследованию громовержцем змея, сокола и другого противника Перуна, прячущегося в дубе, см.: «На моры, на кіяні стаіць дуб Пракурон, на том дубі трыдзевяць какатоў, на тых какатах трыдзевяць гнёздаў, к тым гнёздам прылятала, прыбгала трыдзевяць змей... Шкурапея Хаўра... Будзець ехаць сам Гасподзь із агнём, із пярунам, і пасячэць цябе...»²¹. Эта связь дуба с Перуном, повторимся, особенно заметная в белорусском фольклоре, указывает, возможно, на ее балтский источник. Так, в литовском фольклоре вяльняс чаще всего прячется от Перкунаса в дубе²². Впрочем, ассоциацию дуба с громом/грозой можно усмотреть и в фольклоре других славянских традиций, см. рус. загадку: «На поле царинском стоит дуб саратынский, в дубу – гробница, в гробе – девица, огонь высекает, сыру землю зажигает» – Туча, гром и молния²³.

В славянских верованиях отмеченная связь дуба и Перуна имеет вполне определенный характер: в дереве прячется противник Перуна, а в его корнях, под ним и на нем самом обитают змееподобные существа, посягающие на верхний, сакральный мир, – то ли многоголовые огненные змеи, то ли языки пламени,

поднимающиеся снизу вверх, см. фрагмент тобольского охотничьего заговора: «...Стоит дуб корень-корястый, вокруг дуба корень-корястого змей-змеище о двенадцати головищах; пожирает красное солнце, и светлый месяц, и чистые звезды и всю Господню колесницу...»²⁴. Выражается эта связь по большей части в устойчивом запрете находиться под дубом во время грозы, а также держать и сажать дубы около дома, так как в них в первую очередь и бьет Перун. Иногда как обоснование этого распространяемого и на другие деревья запрета выступает известный сюжет о Боге (громовержце), преследующем Сатану, см.: «Не треба брать дуба, а то ёго гроза разбье; на стройку, у хату, палиць на дрова не треба. Говораць, на ёму тая Сатана сидиць и дражницца з Богом, а Бог ёго громом бье»²⁵. О перебранке, прениях или диалоге Перуна/Бога с его противником см. специально статью В.Я. Петрухина²⁶.

Вместе с тем в регионах, относящихся к миру *Slavia Latina*, нашли отражение и несколько иные верования, возможно, более близкие германо-скандинавским мифологическим представлениям о боге грома (Донаре/Торе), деревом которого считался дуб, защищавший человека от удара молнии. Словаки и чехи, например, освящали и сушили дубовые ветки, а затем вставляли их в окна или сжигали в очаге, «чтобы Перун в дом не ударил»; а возвращаясь домой, ломали по дороге ветки с больших дубов, освящали их и хранили на случай грозы и града²⁷. Хорваты в окр. Беловара (Центральная Хорватия) при грозе махали в сторону тучи буковой веткой, которую обходники принесли в дом в Юрьев день, или сжигали листик с этой ветки²⁸.

Дуб соотносится также с властью, общественными ценностями и высоким социальным статусом, маркирует его. По сведениям В. Маннгардта, в Люхове (район Люнебурга, ганзейского города Нижней Саксонии), где до XVIII в. проживали остатки местных славян – древян, стоял высокий и красивый дуб, по преданию, выросший изо рта павшего в битве короля²⁹. Известна легенда о том, что чешская княгиня Людмила посадила дуб в честь рождения внука, будущего чешского правителя и святого Вацлава; этот *svatováclavský dub* якобы простоял несколько веков в окрестностях города Стокова в Центральной Чехии³⁰. В Верхней Силезии дубы сажали около усадеб богатых и знатных хозяев, обозначая тем самым их более высокое по сравнению с соседями положение³¹. На Брянщине дубовым накатом на гробе и

дубовым крестом обозначали могилу богатого человека: «У нас багатаи делали накат – чюрки дубоваи над грабом стелють, гаварять: „Пахаранили с накатам“. Крест ставили. Шяс ставють железный крест, а раньша дубовой ставили...»³².

Старые, мощные и самые крупные деревья в той или иной местности получали «статусные» названия, отражавшие их исключительные свойства. Так, дуб в окр. с. Ранковичи (община Пуцарево, Босния), считавшийся тысячелетним, назывался *carski hrast*³³; в Живецком пов. (Силезия) старейший местный дуб называли *ojciec debów*³⁴ и т.д.

В повседневности и бытовой магии дуб ассоциировался с хозяином дома (так, в свадебных песнях он означал отца невесты), а потому иногда и «соперничал» с ним, см. характерные запреты держать дуб около дома, так как он якобы выживает из дома хозяина: «Дуба колись не сажали на подвири. Кавут, як на городы е дуб, то нэ будэ в хаты хазяина. Я чула балачку таку»³⁵.

«Статусность» дуба понимается обычно как отчуждаемое качество, и потому введение в тот или иной фольклорный контекст предметов из дуба повышает общую оценку и значимость описываемой ситуации: «Милый по двору гуляет, Воротечки отпирает, За праву руку берет, Во высок терем ведег, За дубовый стол сажает, А пшеничный пирог ставит...»³⁶; «На базар девка ходила, Новы ведерцы взяла... Да перевила, навила... Перевесло шелково, Коромысло дубово...»³⁷. Предметы, называемые «дубовыми», попадают в один ряд с другими, также первыми, лучшими в своем классе, – в приведенных примерах, помимо дубового стола, коромысла и дров, это еще высокий терем, пшеничный пирог, новые ведерцы, шелковое перевясло. Таким образом, *дубовый* становится в фольклоре постоянным эпитетом, придающим предмету (любому) значение ‘лучший, идеальный’.

Это особенно заметно в фольклоре семейного круга (песнях родин и крестин, свадебных, похоронных причитаниях), где дом человека, являющегося объектом соответствующих ритуалов перехода (родителей и новорожденного, жениха и невесты, оплакиваемого умершего), описывается таким образом, чтобы подчеркнуть его высокий статус, достоинства, исключительность, и в этих описаниях дубу отводится соответствующая роль. В частности, похоронные причитания интересны тем, что в них дубовыми оказываются не только предметы, прямо связываемые с умершим во время похоронного обряда, в частности, стол, на который

его кладуг в «этом» мире: «Да вы возьмите, подруженьки, Да моево родимова-то батюшка, Понесем мы ево во светлую свитлицу, Да во столовую горенку, Посадим мы батюшка Да за *столы-ти дубовые*, За обеды-ти хорошие, За чай-ти за сладкие», но также и гроб как его будущее жилище в «том» мире: «Дак росшиби, туча громная, Дак у родимова батюшка Да ты *гробницу дубовую...*»³⁸.

Эти причитания, в которых дуб выполняет роль первого, статусного дерева, записанные в Вологодской обл., примечательны еще и тем, что самих дубов, как и изделий из него, здесь, на Русском Севере, довольно мало (дуб доходит в северо-западной России до 60° и даже 61° северной широты, а по мере движения на восток ареал его распространения спускается к югу и, подходя к Уральскому хребту, понижается до 57° и несколько южнее; поэтому Вологодская область находится на северной границе ареала распространения дуба³⁹). Как замечал по сходному поводу А.Ф. Гильфердинг, «нужно побывать на нашем Севере, чтобы вполне понять, как велика твердость предания, обнаруживаемая в народе... Мы, жители северных широт, не находим ничего особенно необычного в природе, изображаемой нашим богатырским эпосом, в этих „сырых дубах“, в этой „ковыль-траве“, в этом „раздолье чистом поле“... Мы не знаем, что сохранение этой обстановки приднепровской природы в былинах Заонежья есть... чудо народной памяти...»⁴⁰.

Мы рассмотрели лишь небольшой фрагмент мифологии одного из самых заметных символов славянского дендрария, остановившись в основном на тех особенностях концепта «дуб» (его ассоциациях и коннотациях), конфигурация которых, собственно, и создает неповторимый и легко узнаваемый образ этого дерева («первое» дерево, «лучшее» дерево, «статусное» дерево и некоторые др.), а также на фольклорных (в разных жанрах), ритуальных и мифологических контекстах, где проявляют себя эти значения. Очевидно, что в структуре этого растительного символа рассмотренные ассоциации занимают центральную, «ядерную» часть, определяя его специфику.

Однако, если даже бегло сравнить дуб с другими «дендросимволами», станет понятно, что дуб отличается от остальных деревьев не только составом этих доминантных признаков. Суть в том, что для концепта «дуб» оказывается релевантным как его видовое значение ‘дуб’, так и родовое – ‘дерево’. Исследование по-

казывает, что практически все значения и функции, которые в традиционной культуре приписываются дереву вообще, могут проецироваться на дуб как «первое» дерево славянского дендрария и что потенциально все его «валентности» как ‘деревя’ могут быть заполнены.

Примечания

- ¹ Об этих свидетельствах см. хотя бы: *Ивакин Г.Ю.* Священный дуб языческих славян // Советская этнография. 1979. № 2. С. 106-115.
- ² *Котляревский А.* Соч. Т. 3. СПб., 1891. С. 357; о том же: *Šuljek B.* Zašto Slaveni poštuju lipu // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. T. 43. Zagreb, 1878. S. 158.
- ³ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 2. М., 1984. № 296.
- ⁴ Там же. Т. 1. № 173.
- ⁵ Там же. № 93, 141.
- ⁶ *Сержпнатоўскі А.* Казкі і апавяданьні беларусаў з Слуцкага павету. Л., 1926. С. 172-174, № 75,76.
- ⁷ Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 2. Д-Й / Под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград, 2007. С. 91.
- ⁸ *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М., 2010. С. 269-272.
- ⁹ Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1974. № 13.
- ¹⁰ *Marczewska M.* Drzewa w języku i w kulturze. Kielce, 2002. S. 105.
- ¹¹ *Павловић Ј.* Малешево и Малешевци (етнолошка испитивања). Београд, 1929. С. 208.
- ¹² *Шулева Л.* Зеленината в традиционната календарна обичайно-празнична система от Пазарджишко // Тракиецът и неговият свят. Хасково, 1995. С. 257.
- ¹³ *Никифоров А.И.* Русские повести, легенды и поверья о картофеле. Казань, 1922. С. 49.
- ¹⁴ Народная проза. М., 1992. С. 532.
- ¹⁵ *Marczewska M.* Drzewa w języku i w kulturze. S. 130.
- ¹⁶ *Садовников Д.Н.* Загадки русского народа. М., 1976. № 18176.
- ¹⁷ *Дитячий фольклор / Упоряд., вступ. ст. та приміт. Г.В. Довженок.* Київ, 1986. С. 138.
- ¹⁸ Вукова грађа // Српски етнографски зборник. Књ. 50. Београд, 1934. С. 59.
- ¹⁹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 5. М., 1978. С. 96; обзор лит-ры: *Marczewska M.* Drzewa w języku i w kulturze. S. 102-105.
- ²⁰ См. подробно: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974. С. 14-17.
- ²¹ *Замовы / Уклад., сістэмаг. тэкстаў, камент. Г.А. Барташэвіч.* Мінск, 1992. С. 116.
- ²² *Велюс Н.* Растения вяльняса в литовском фольклоре // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 122.
- ²³ *Садовников Д.Н.* Загадки русского народа. № 1960.
- ²⁴ Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 146.

- ²⁵ Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва), зап. в с. Кишин Олевского р-на Житомирской обл.
- ²⁶ Петрухин В.Я. «Перебранка» на мировом древе: к истокам славянского мифологического мотива // Славянские этюды. Сб. к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 344-345.
- ²⁷ Olejnik J. Liečivost' a magická moc niektorých krov a stromov v poverových predstavách ľudu v oblasti Vysokých Tatier // Sborník prác o tatranskom národnom parku. Bratislava, 1966. N 9. S. 201.
- ²⁸ Lovrenčević Z. Bilje kojim se gata i vrača u okolice Bjelovara // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1967. S. 140.
- ²⁹ Mannhardt W. Wald- und Feldkulte. Mythologische Untersuchungen. Bd. 1. Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme. 2 Auflage. Berlin, 1904. S. 39.
- ³⁰ Sobotka P. Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Praha, 1879. S. 86.
- ³¹ Karwicka T. Dąb w wierzeniach i praktykach magicznych // Rocznik Muzeum Etnograficznego w Toruniu. 1978. № 1. S. 58.
- ³² Полесский архив, зап. в с. Доброводье Севского р-на Брянской обл.
- ³³ Franković M. Kult drveta u životu i običajima stanovništva sjeveroistočne Bosne // Zbornik radova XXXIV kongresa Saveza udruženja folklorista Jugoslavije. Tuzla, 1987. S. 252.
- ³⁴ Orli lot. 1925. R. 1. S. 8.
- ³⁵ Полесский архив, зап. в с. Чудель Сарненского р-на Ровенской обл.
- ³⁶ Конаневич И.К. Народные песни, собранные и записанные во Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества. Вып. 8. Псков, 1912. С. 88.
- ³⁷ Русский эротический фольклор / Сост. А.Л. Топорков. М., 1995. С. 119.
- ³⁸ «Не пристать, не приехать ни к которому бережку»: похоронные и поминальные причитания Вологодской области / Сост. Е.Ф. Югай. Вып. 1. Вологда, 2011. С. 18, 72.
- ³⁹ О необходимости учета географии распространения дуба упоминает и К. Мошинский, см.: Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. T. 2: Kultura duchowa. Cz. 1. Warszawa, 1967. S. 528.
- ⁴⁰ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 54.

Институт побратимства в традиционной культуре болгар: нормы общения и поведения

Abstract:

Tzaneva Elya. *Institute of twinning in the traditional culture of the Bulgarians: norms of communication and behavior*

The article analyzes the Institute of fraternization, behavioral values and norms related with him in the context of the theory of social networks.

Ключевые слова: побратимство, традиционная культура, Болгария, ценности, нормы поведения, родственные связи.

Адекватное понимание побратимства как института, создающего поведенческие ценности и нормы, возможно при его интерпретации в контексте теории социальных сетей. Первым шагом в этом направлении является изучение потребностей и интересов участников данного обряда, а также взаимности существующих между ними связей. В основе данного направления лежит понимание того, что большая часть целей, к которым люди стремятся (независимо от социальных, временных и пространственных параметров), достигаются путем социального взаимодействия, т.е. в рамках социального обмена. В системной культуре (каковой и является культура традиционного болгарского общества) эти процессы можно проследить особенно наглядно в сфере некровнородственных отношений, а в ее рамках – в специфических взаимоотношениях побратимов. При побратимстве создаются новые малые группы социальной лояльности со своей собственной внутренней динамикой, и именно она является той привлекательной силой, имеющей центростремительное направление, которая мотивирует интерес принадлежности к этой группе; взаимодействие с другими есть разновидность обмена, в котором получают максимальное значение своеобразные «награды» и «польза» от имеющегося status quo. Когда в XIX в. в сфере традиционной культуры болгарин реализовал свое стремление заключить добровольный и практически ничем не ограниченный союз в рамках некровнородственной связи, в большинстве случаев он вступал в отношения социального и статусного обмена. Ранее мы осуществили опыт подобного анализа традиционного побратимства у болгар (Цанева 2012: 69–102), поэтому в данной статье внимание будет

уделено осмыслению этической стороны обычая побратимства у болгар.

Если мы считаем, что создание этической модели общения и поведения в сфере побратимства основывается на его понимании как средстве достижения преференциальной позиции и желаемого статуса, то анализ модели имеет свою исходную точку в специфическом для болгарской традиционной культуры толковании отношений «свойства» и «чуждости» (Китанова 2013). А самым ценным (одновременно и желанным, и благоприятным) статусом в болгарской традиции является статус человека, имеющего родных, кровных родственников, которые сопровождают его по жизни: «Когато някой няма роднини, за да си добие такива, хваща си побратим» [Когда кто-то не имеет родственников, то чтобы приобрести таковых, он берет себе побратима] (Георгиев 1894: 208–210). В своем стремлении достичь желаемого статуса историография изучения побратимства помещает его между дружбой как эмоциональной связью и кровным родством как непреложной системой внушенных обязанностей. Таким образом, побратимство представляется как культурно-регулируемая возможность расширения реальной родственной социальной сети, а ее привилегии могут распространиться и охватить первоначально внешних по отношению к ней лиц. Широко известно мнение К. Казера о дружбе в традиционном обществе: «В этом мире... есть только одна группа друзей, и это родственники. Чужие в принципе являются врагами. Существует только одна возможность сделать врагов друзьями, — они должны стать родными» (Казер 2003: 63–64).

Подобное мышление очевидно вписывает побратимство в инструментарий превращения чужого (враждебного) в свое (родственное, известное, дружественное)¹. Формирование поведенческой модели посредством института традиционного побратимства может быть проанализировано в двух аспектах: 1) как выражение и внушение норм и ценностей и 2) как создание и утверждение стереотипов общения.

Первую тенденцию проследить легче, поскольку она проявляется в смысле и символике привлекаемой терминологии. В большинстве культур использование терминологии родства для обозначения специфических взаимоотношений, имеющих априори неродственный характер, представляет собой опыт поддержки и усиления этих отношений, а в сущности — их институционализацию². Болгарская практика употребления терминологии родства

по отношению к неродственникам не отличается от установленной общекультурной модели – здесь также выявляются три возможные направления гипотетической идеи такого употребления: в качестве обращения к лицам, которые занимают позицию дополнительного или замещающего родственника и тем самым получают новый социальный статус; как обращение, выражающее фамильярность в рамках персональных взаимоотношений, и как публичная валидизация специфического культурно-созданного вида союза (Ibsen, Klobus 1972: 615). У болгар обычно образное употребление терминов родства по отношению к неродственникам, которое является аллегорическим и метафорическим: оно включает реферативные и вокативные термины по прямой и косвенной кровнородственной линии. Наиболее широко известными на Балканах в целом являются названия *побратим* и *посестрима*: основной массив болгарских данных собран в работах С. Бобчева, Н. Начова, С. Чиёвского и Ф. Краусса – все они использовали материалы десятков собирателей и предшествующих исследователей этого обычая (Краусс 1885; Бобчев 1892: 31–42; Бобчев 1896: 75–85; Ciszewski 1897; Начов 1895–1896). В этих материалах отмечается широкое употребление понятий *аратлик*, *аретлик*, *ахретлик*, *кардашларь* ‘брат по тому свету’ или *кан-кардашларь* ‘брат по крови’ и соответственно терминов *побратимьявань* или *нааратличаванье*, *посестримьявание*, *поаратличаванье*, *спобратимьяване*, *братимене* для обозначения самой процедуры побратимства, которые присутствуют во всех регионах Болгарии, независимо от религиозной и этнической принадлежности населения. Анализируя терминологию, исследователи подчеркивают, что *побратим* и *посестрима* широко употребляются и в значениях ‘друг, приятель и брат’ одновременно, и потому побратимство важнее всех других форм родства: например, семантическое выравнивание между ними в эпосе можно увидеть в обращении *братко* Марко Королевича к его побратиму и в постоянном назывании его посестримы самовилы – Гюрги, Рилы или другой, вокативом *сестро* (Маринов 1994: 297; Начов 1895: 465; Български юнашки епос: 109, 320 и др.). Обобщая имеющиеся материалы, С. Чишевский отмечал, что в обычном общении и в фольклоре данное понятие означает ‘приятель, товарищ и соратник’, равно как и ‘настоящий родственник’ (Ciszewski 1897: 22). Термин встречается также в обращениях: к старшему по возрасту, незнакомому человеку или к тому, к кому говорящий испытывает уважение и хочет это пока-

зять. Аналогично употребляется и лексема *посестрима*, функционирующая в речи, сказках и песнях синонимично обращениям *дружка*, *подруга* (Бобчев 1892: 39). В Боснии, Герцеговине и Черногории для детей побратим их отца – это *поочим* и соответственно его жена – *помайка*; по отношению к братьям побратима используется термин *побратим*, а к его сестрам – *посестрима*. В тех регионах Балкан, где совместно проживают христиане и мусульмане, в том числе и в болгарских землях, при заключении побратимства между людьми различного вероисповедания употребляется турецкое понятие *аратлик*, как указывает Бобчев (Бобчев 1892: 36). В Боснии и Хорватии побратим обращается к отцу своего побратима подобным же образом – *поочим*, а к сыну побратима – *посинак* (Bogišić 1874: 308, 376, 385–386; Krauss 1885: 624). К сущности народного понимания побратимства нас отсылает и название *брат Богом* или *по Богу брат* в текстах о девушке, которая стала посестримой с солнцем (*побратимила се*) и назвала его: *По Богу брате* или *Богом брате*, *Филип*, *момче младо*, а также *сестрименето*, *с Богом сестро*, *хубава девојко* (Krauss 1885: 624). Не углубляясь в способы формирования псевдородственных терминов, отметим лишь существующее среди лингвистов-семантиков мнение, что приставки *по-* и *при-* имеют значение *почти*, т.е. *побащим* – *почти отец*, *побратим* – *почти брат*, *посестрима* – *почти сестра* и проч. (Китанова 2013). Согласно идее Чишевского, в содержании, вкладываемом носителями языка в понятие побратимства, еще в последние десятилетия XIX в. намечается тенденция перехода к институту общеевропейского приятельства (Ciszewski 1897: 86-87). Но в данном случае, однако, нас интересует этическое послание, которое создается и утверждается в традиционном обществе как подходом к побратимству, так и традиционными обязательными нормами общения между побратимами.

Кроме сферы первостепенных персональных взаимоотношений, терминология кровного родства распространяется и на круг родственников «по первому колену», включающий родителей и их детей как наследников. Так в отношении вовлекается и третья сторона – сторона наследников, которая должна была бы участвовать в процессе подтверждения персональной ассоциированности. В данном случае «побратимленные» родители могут требовать от своих детей использования терминов кровного родства для обращения как к своим партнерам-побратимам, так и к их детям. Эта терминология выражает укороченную социальную дис-

танцию обращений к неродственникам, даже если они сводятся к употреблению личного имени. Таким образом, дети определяют качество родительского побратимского отношения к данному человеку и показывают, что принимают параметры их социальной связи. Несмотря на то, что не существует функциональных требований или смены статуса, использование фиктивного термина родства наследником также делает валидными отношения родителей и их союз.

Терминология выявляет употребление понятий, расположенных между обозначениями близости по крови, по усыновлению и духовной связи, что определяет место побратимства как особого вида связи между соответствующими институтами кровного, фиктивного и «божественного» родства. Если судить по болгарским примерам, образное употребление терминов родства по отношению к неродственникам может быть непреднамеренным и ничего не обозначающим компонентом повседневной речи, но одновременно с этим может служить обозначением статуса личности в обществе и помещением ее в особый контекст, требующий именно такого названия.

В отношении традиционного болгарского побратимства речь идет, очевидно, о втором случае, где термин родства, с одной стороны, обозначает новый социальный статус людей, вовлеченных в такого рода отношения, а с другой – делает его валидным для общества. Эти термины выражают социальный союз, объединение двух людей, которое не осмысливается как объективный результат реальных, действительных родственных отношений по крови или браку, причем здесь родственная идентичность символически создается путем особого ритуала.

Термин родства является символически показателем особой природы отношений в данном объединении, направленном в первую очередь на участников, но также и на определенную часть посторонних лиц из круга близких родственников побратимов; для людей окружающей общности важно знать то, что эти люди воспринимают друг друга как братья, а не то, являются они в действительности братьями или нет.

Используемые по отношению к побратиму термины – как реферативный, так и вокативный, – будучи заимствованными из сферы кровного родства, являются подтверждением псевдородственного союза, степени близости находящихся в нем и его публичной реализации. Созданный однажды и публично санкциони-

рованный путем использования терминологии родства, новый союз побратимов должен выразить ко всем вовлеченным в него участникам соответствующие функциональные требования, которые релевантны генеалогической родственной связи³. Поэтому вторая линия исследования посвящена выяснению характера прав и обязанностей, а также диапазону новых возможностей и запретов, порожденных употребляемыми терминами родства.

Чтобы увидеть вторую линию проявления связи побратимство – ценности и нормы, т.е. представление функциональной точки зрения и раскрытия культурного кода, скрытого за видимостью слов⁴, необходимо взглянуть на смысл созданной родственной связи с этической точки зрения и ее ранг в сравнении с кровнородственными обязанностями. Будучи эмоцией пристрастия и лояльности, возможность создания побратимства не является селективной по какому бы то ни было критерию; на него проектируются психологические привязанности, что делает диапазон включения различных лиц практически безграничным. Другими словами, не существует подбора лиц, которые имеют право вступать в отношения побратимства. В болгарской культурной традиции они могут быть различными в этническом, религиозном, половом и возрастном отношении: как христиане, так и мусульмане; как православные, так и католики; союз может заключаться между мужчинами и женщинами; известны случаи побратимства между взрослым человеком и ребенком, особенно многочисленны подобные связи между детьми; даже регистрировались случаи коллективного побратимства между целыми семьями. Семейный статус также не имел никакого значения, и возможность побратимства относилась ко всем вариантам. В целом, данный союз мог быть заключен в самом широком возрастном, религиозном, половом, профессиональном и пр. кругу; религиозный, возрастной и этнический синкретизм является основной характеристикой во всех его временных и пространственных проявлениях (Георгиев 1894: 209; Бобчев 1892: 38-39; Бобчев 1896: 80; Начов 1896: 457). Запрет на побратимство касался только кровных родственников!

В этом направлении исследования вскрываются примеры того, что в народных представлениях побратимство стоит выше кровных связей: «Оно считается бóльшим родством, поскольку побратимство – результат личного выбора и взаимного согласия, в отличие от обычного родства, которое не выбирают» (Начов 1895: 45), – а это уже является рефлексией на аналогичный библейский

тезис. По мнению Бобчева, с помощью побратимства чужой человек выбирается на роль единокровного брата (цитируется по: Ciszewski 1897: 87), и привязанность между ними сильнее кровной связи. Отсюда следует, что близкие кровные родственники не могут вступать в «побратимскую» связь, что является особым условием заполнения позиции «выбранный брат/сестра».

Показательными в этом отношении являются тексты молитв для ритуала побратимства, которые читались над головами участников: в областях Малко Тырново, Стара Загора, Хасково, Смоляна и др. во время церковного ритуала заключения побратимства священник во всеуслышание заявлял, что союз между побратимами равнозначен связи «двух рожденных братьев», и теперь побратимы – «братья в духовном смысле» (Шивачев 1891: 3, 274; Бобчев 1892: 36–38). В. Богишич писал о побратимах из области Тырново, которые помогали друг другу как родные братья во всех видах хозяйственной деятельности (Bogišić 1874: 389). При заключении союза побратимства между болгаринцем и турком или помаком после смерти одного из них оставшийся как настоящий кровный брат должен был заботиться о могиле покойного, независимо от религиозной ритуалистики обоих (Начов 1895: 52). Данный факт показывает бесспорное доминирование идеи духовного братства (осмысляемого как кровное) над религиозной идентификацией. Показательной в этом контексте является и существующая в средних Родопах обязанность для одного побратима в случае смерти другого соблюдать траур, как по родному брату; а сведения из Тетевена упоминают о девушке, ставшей посестримой мужчины, спасшего ее из реки, когда она тонула, после смерти которого она носила траур два года и совершала поминки по нему (Георгиев 1894: 3, 208). Как долго длился союз побратимства, становится очевидным из текста молитвы, в которой говорится: «Побратимство длится до конца жизни и на том свете» (Начов 1895: 52).

Модель поведения, характерная для побратимства у людей, связанных узами побратимства, ориентируется на тип родства, которое, согласно народным представлениям, эти отношения создают. В первую очередь обращают на себя внимание слова, с помощью которых побратимство описывали ранние исследователи и которые являлись синонимами этого союза – они неизменно находятся в смысловом поле «приятельства, дружбы, любви, близости». А соответственно церемония побратимства, равно как и последующие обязательные ритуалы, также полностью выражают

символику этих чувств: кровь (которая пьется и смешивается); *пояс* (которым связывают друг друга будущие побратимы); самшит, увитый красной нитью и украшенный золотой монетой (которым обмениваются во время ритуала впоследствии); взаимное целование руки, здравицы, взаимное украшение, взаимное дарение подарков, наступание на огонь в знак готовности к самопожертвованию ради другого и т.д. О характере самой родственной связи известно, что побратимы – «как сущие братья и в то же время как родные по крови» (обл. Смоляна); во время молитвы «Чин братотворения» священники подчеркивали, что «братство через кровь и тело Христово есть простое братство, а другое сильнее, оставшееся по обычаю, и потому может совершаться только накануне Иванова дня...» (обл. Старой Загоры); побратимы «становятся братьями больше, чем братья», и их дети также обязаны почитать это родство после смерти своих побратимленных родителей (Бобчев 1896: 76; 84). Как уже отмечалось, общим правилом является запрет на брачные связи у побратимов до уровня троюродных братьев (по аналогии с кровным родством), но материалы показывают, хотя и очень редко, некоторую непоследовательность в этом, вероятно, вследствие поздней фиксации данных.

Взаимность в отношениях является отличительной и обязательной чертой побратимства, именно она моделирует проявления всех морально-психологических категорий данного союза: верность и преданность – побратимство является свято чтимым союзом, который связывает тех лиц, между которыми он заключен, самой совершенной взаимной верностью, посвященностью и преданностью; чистота нравственных отношений – если девушка будет названа посестримой, парень побратим должен воспринимать ее как сестру и забыть о каких бы то ни было брачно-сексуальных помыслах; коллективность – и хотя обычно в союз вступают двое, их отношения создают права и требования для более широкого круга людей около них и простираются далеко вперед во времени; нерасторгаемость – этот союз неразрушим, поскольку и природное братство является таковым; близость и отношение самой теплой братской связи (Начов 1895: 398–403; Начов 1896: 443–472). Идея самопожертвования ради побратима – основное моральное кредо данного института: позорным считалось не проявить готовность и не отдать свою жизнь, защищая другого, если тот находился в беде или ему нужна была помощь (Начов 1895:

52)⁵. Подобное отношение было обязательным при любых случаях нужды со стороны одного из побратимов – показателна песня из района Софии, в которой один побратим замещает другого на военной службе (Бобчев 1892: 41). Другой обязанностью в отношениях были почитание и уважение, которые более молодой побратим постоянно должен был проявлять по отношению к старшему, – такие примеры изобилуют в описаниях взаимных посещений побратимов на Пасху и Юрьев день, в канун Рождества и на Рождество Богородицы, на именины, а также во время ритуальных трапез побратимов на день св. Ивана.

Функциональные ожидания от псевдородственной связи побратимов напоминают права и обязанности, проистекающие из родственной связи, и касаются трех важных сфер традиционного общежития, но одновременно и формируют соответствующие сферы поведенческих стереотипов или этикета: этикет семейного общения, общественные контакты и публичные нормы. Последующее исследование этих отношений, вероятно, дополнит перечень аргументов для тех случаев, когда побратимство заключается с помощью ритуала, а в названиях широко представлены устойчивые термины родства; здесь налицо и культурные ожидания поведенческой модели как в горизонтальном измерении (участники и их окружение), так и в вертикальном (в отношении потомства). Побратимство формирует новые поведенческие стереотипы, равно как и новые ментальные категории и понятия, с помощью которых участники побратимских взаимоотношений начинают общаться друг с другом.

Перевод с болгарского Е.С. Узеновой.

Литература и источники

- Бобчев 1892 – *Бобчев С.С.* О побратимстве и посестримстве. (Очерк из обычного права болгар) // Жива старина. Кн. II. В. 3. София, 1892. С. 31–42.
- Бобчев 1896 – *Бобчев С.С.* Сборник на българските юридически обичаи. Ч. 1. Пловдив, 1896.
- Богданова 2008 – *Богданова С.* Побратимяване при река // В света на човека. Сборник в чест на проф. дин Ив. Георгиева / Съст. Дж. Маджаров, К. Стоилов. Т. 1. София, 2008. С. 233–243.
- Български юнашки епос – Български юнашки епос // Сборник за народни умотворения и книжнина. Кн. 53, София, 1971.
- Георгиев 1894 – *Георгиев И.* Народни обичаи из Северна България. // СбНУ. Кн. 10. София, 1894. С. 208–210.

- Казер 2003 – *Казер К.* Приятелство и вражда на Балканите. София, 2003.
- Китанова 2013 – *Китанова М.* Семантичното поле «род»; «Семантичната опозиция «свой» – «чужд» // Свой за чуждите, чужд за своите. LiterNet. Електронно издание. 2013. <http://liternet.bg/publish29/maria-kitanova/svoi-za-chuzhdite/semantichnoto.htm>;
- Маринов 1994 – *Маринов Д.* Побратимство, побратимяване // Народна вяра и религиозни народни обичаи. / Съст. и ред. М. Василева. София, 1994. С. 754–761.
- Начов 1895-1896 – *Начов Н.* За побратимството // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. Кн. 49–3. София, 1895–1896.
- Толстая 2009 – *Толстая С.М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М, 2009. С. 7–23.
- Цанева 2012 – *Цанева Е.* Побратимството у българите – размяна на социални статуси? // Етнографски проблеми на народната култура. Т.9. София, 2012. С. 69–103.
- Шивачев 1891 – *Шивачев С.* Народни обичаи от Малко Търновско / Зап. Ст. Шивачев // СбНУ, кн. 4. София, 1891. С. 274–275.
- Bogišić 1874 – *Bogišić V.* Zbornik sadašnjih pravnih običaja u Južnih Slovena. Zagreb, 1874.
- Ciszewski 1897 – *Ciszewski S.* Künstliche Verwandtschaft bei den Südslaven. Leipzig, 1897.
- Ibsen, Klobus 1972 – *Ibsen Ch., Klobus P.* Fictive kin term use and social relationships: Alternative interpretations // Journal of Marriage and Family. 1972. Vol. 34. No 4. S. 615–620.
- Krauss 1885 – *Krauss F.* Sitte und Brauch der Südslaven. Berlin, 1885.

Примечания

¹ Это утверждение логически проистекает из разделяемого автором представления о том, что социальное противопоставление между «чужим» и «своим» получает культурное выражение, когда два элемента опозиции показывают принадлежность к различному, но находящимся в некоторых отношениях социальным группам (Китанова 2013).

² Полноценное исследование этой терминологии должно было следовать модели, предложенной для анализа целостной терминологии, касающейся института рода: лексики и фразеологии, фольклорных форм и ритуальных проявлений (Толстая 2009: 7-10). Настоящая статья ограничивается определением возможных направлений рассуждений конкретно на материале терминологии побратимства как выражающей нормативные отношения, а материалы не претендуют на исчерпательность проблемы.

³ Другая исходная модель невозможна, поскольку «кровное родство считается самым важным (эталонным) видом родства, родством в прямом, узком или в собственном смысле слова; по отношению к нему в первую очередь формулируются регламентации поведения, на него ориентируются нормы, относящиеся ко всем другим видам родства» (Толстая 2009: 12).

⁴ Согласно мнению С.М. Толстой, «сюда могут относиться вторичные значения терминов (или шире – лексики) родства, используемые системно в языковой номинации..., а также мотивы родства, метафоры семьи и родственных отношений, что дает информацию «о содержательной стороне самого концепта родства, его релевантных параметрах и характеристиках, его оценке в сознании носителей традиционной культуры» (Толстая 2009: 9). Упомянем и рассуждения Ю. Лотмана о коммуникативной и символической стороне данной лексики.

⁵ Для целого региона Балкан характерно толкование исследователями этой готовности как «святой обязанности». Соответственно священной является и обязанность мести за насильственную смерть побратима, также как при случаях насильственной смерти отца, братьев, сыновей (Ciszewski 1897: 87).

Некрологи и сообщения о смерти у болгар в XIX в. как аксиологический источник

Abstract:

Vaseva V. *Obituaries and reports of death in Bulgaria in the XIX century as an axiological source*

The article analyzes the content of obituaries and death reports that appeared in the Bulgarian periodical press in the XIX century. The author states that the death of a person not only was made public, but also could be used in certain social, political and didactic purposes.

Ключевые слова: некролог, сообщение о смерти, Болгария, периодическая печать, XIX в., система ценностей.

Процессы модернизации, протекавшие в Болгарии в XIX в., нашли прямое отражение в такой относительно консервативной области, как прощание с умершими и похороны. В XIX в. в болгарской периодической печати стали появляться некрологи и сообщения о смерти. Тексты этого жанра в то время были широко распространены в газетах европейских и некоторых балканских стран. Эта практика быстро распространилась в болгарском обществе. Став объектом опубликованного в прессе некролога, смерть человека не только оказывалась достоянием гласности, но и могла использоваться в определенных общественных, политических и нравоучительных целях.

Имена не всех ушедших из жизни попадали на страницы газет. Сам факт публикации в прессе воспринимался как знак уважения к личности покойного, и эта дань уважения отдавалась лишь отдельным фигурам с признанными заслугами перед обществом, чья жизнь и дела могли послужить примером для соотечественников. Наряду с основной функцией извещения о смерти отдельных личностей¹, в опубликованных в газетах XIX в. некрологах делался акцент на общественно полезные дела покойного. Благодаря этим публикациям, жизнь и деятельность покойного преодолевали узкие рамки семьи, родственников, родного селения и входили в общенациональное пространство. Личность заслуженного человека становилась образцом для подражания и участвовала таким образом в формировании национального чувства и сознания исторической самобытности болгар.

В 2003 г. Румяна Радкова опубликовала корпус некрологов и сообщений о смерти болгарских деятелей XIX в., обнаруженных в периодической печати². В них помимо биографических данных отражены социальные, экономические и духовные процессы, протекавшие в болгарском обществе. Все это делает их ценным источником для исследования жизни болгар XIX в., их менталитета, религиозных представлений и отношения к смерти.

По наблюдениям Р. Радковой в XIX в. выделяются две основных группы покойных, которым после смерти отдавались подобные почести. Раньше всего появляется фигура крупного собственника, чья жизнь и дела высоко оценивались и восхвалялись посмертно благодаря щедрым вложениям в образование и просвещение в родных краях, а также активному участию в органах самоуправления – школьных и церковных советах, читальнях и различных культурно-просветительских обществах.

Многочисленная группа подобных личностей разнородна – в нее входят «чорбаджи»³, как правило, люди преклонного возраста, с нажитым богатством, происходящие из наиболее знатных родов селения, члены общинного самоуправления⁴, судебные заседатели и попечители школ⁵, влиятельные люди, заслужившие доверие и сограждан, и турецких властей. В посмертных материалах они определены авторами текстов как «первый самый достойный и нужный своим согражданам», «истинный православный христианин», добродетельные люди, обладавшие «христианской добротой», щедрые дарители средств на строительство и содержание храмов и монастырей, поскольку первые люди города, как правило, при жизни были попечителями церкви. Другим существенным достоинством покойных этой группы, которое подчеркивается в посмертных материалах XIX в., было то, что они были «истинными ревнителями образования»: финансово поддерживали школы, как правило, в своих родных местах, и помогали болгарской молодежи получать образование в престижных школах и университетах за рубежом. Благодаря нажитым капиталам они содержали учителей и учеников, покупали книги и учебники, помогали изданию прессы, оказывали вспомоществование больницам, содержали бедных вдов и «горемычных дев». Среди видных представителей этой группы фигурируют чорбаджи Стоян из Пловдива, чорбаджи Минчо из Котела, чорбаджи Найдан из Эдирне (Одрина), чорбаджи Илия из Ески Загра (Старой Загоры), Вырбан чор-

баджи из Шумена, чорбаджи из Тырново, из Русе⁶ и других болгарских городов.

В посмертных материалах детально комментируются завещания («заветы») покойных и указываются точные суммы или владения (как правило постоянные дворы и лавки, доходы с которых перечислялись на благотворительность), завещанные школам, церквям, больницам и проч.⁷ В известии о кончине Ильи Хаджиниколова из Старой Загоры говорится, что он первый человек города, оставивший завещание, в котором указал щедрый дар школе. «Пусть он послужит примером для других сограждан, и они продолжают его добрые дела»⁸. Меценатство ставилось в пример современникам и потомкам и в других подобных известиях: «сотворив такое добро, он не только заслужил почет, вечную славу и благодарность от своих братьев, но такими благородными делами он угодил Богу...»⁹. «Хотелось бы, чтобы это послужило примером и другим городам и пробудило образование»¹⁰. В материалах обязательно упоминаются и семьи меценатов, их наследники указываются как достойные продолжатели добрых дел своих предшественников: «он оставил двоих сыновей и оба они достойны его доброго имени и готовы занять место своего отца»¹¹; «он оставил одного сына, готового заменить своего отца»¹².

О человеческих качествах часто говорится, что почитший был «истинным патриотом», «хорошим и почетным гражданином», «истинно патриотичным человеком», «старшим среди болгарских ревнителей» (деятелей Возрождения); это подчеркивает большое значение, которое имело меценатство в процессах организации и поддержки столь необходимого болгарскому обществу в рассматриваемый период светского образования. «Сколько богатых болгарских хаджи и чорбаджи умерли, и нет о них воспоминаний, или поминают их со слезами сироты, но имена Априлова, Палаузова, хаджи Минча, Вырбана чорбаджи, Чалики, Сивеоновича, Денкоглу, Трайкова будут вечно сверкать как бриллианты в болгарской истории»¹³. «Покойный трудился, наживая богатство, но не для себя. Он оставил это богатство болгарским школам»¹⁴.

Среди предпринимателей выделяется многочисленная группа болгарских торговцев в Константинополе, России или Румынии¹⁵, которые также завещали свои состояния на общественные цели – на болгарское образование и поддержание болгарских церквей. Это были Николай Палаузов, умерший в Одессе¹⁶; Ангел Хаджиоглу, умерший в Москве и торжественно похороненный на

Ваганьковском кладбище¹⁷; Иван Денкоглу, также умерший в Москве и похороненный на Пятницком кладбище¹⁸; Стефан Богориди, умерший в Константинополе¹⁹; Никола Сапунов, умерший в Константинополе, староста болгарской церкви, который контролировал работы по ее строительству и был приверженцем унии²⁰; Михалаки Икономов, торговец в Константинополе²¹; Христо Георгиев, умерший в Бухаресте²² и многие другие.

В посмертных материалах XIX в., посвященных памяти женщин, в первую очередь говорится, что они были добродетельными матерями, супругами, сестрами или дочерьми уважаемых в болгарском возрожденческом обществе семей (например, Анна Богориди, мать Стефана Богориди), а также супругами уважаемых мужей²³. Все они обладали характерными для своего времени женскими добродетелями: «редкая по благодеяниям и добрым качествам», «мать сирот и дающая кров вдовам», «покровительница вдов и мать сиротам». В документах подчеркивается, что имена этих знатных женщин еще долгое время будут вспоминать соотечественники благодаря не только их добрым делам, но и в силу заслуг их супругов перед обществом.

Некоторые из женщин, как правило из богатых семей, также оставляли завещания с щедрыми дарениями церквям и школам, подобно мужчинам из того же социального слоя²⁴. Особое место в этой группе занимает Мария Доброплодная, супруга известного болгарского преподавателя Саввы Доброплодного, издавшая незадолго до смерти на свои средства учебник для школ (букварь), который убитый горем супруг раздавал на похоронах присутствующим там ученикам за «спасение души»²⁵. Подобный жест в память о покойном отце совершил и сын Тодора Жюрова, который подарил Константинопольской библиотеке подшивку газеты «Македония» за пять лет для дальнейшего распространения ее по разным школам²⁶.

Вторая большая группа людей, которые, по данным источника, заслужили посмертные почести в новой социально-культурной ситуации, представлена формировавшейся в тот период педагогической, творческой и научной интеллигенцией, особое место в которой занимали болгарские учителя. В XIX в. воспитывалось новое отношение к образованию и к людям, с ним связанным, что отразилось в посмертных публикациях²⁷. Значительная часть документов посвящена смертям и похоронам болгарских учителей и учительниц, а также рано умерших учеников и студентов различ-

ных престижных школ и университетов соседних балканских стран. Их уход, особенно в случае ранней смерти, описывался как невосполнимая и трагическая утрата не только для родных и близких, но и для всего болгарского общества. Причины столь сильного общественного отклика на подобные смерти и обостренного восприятия потерь, понесенных при этом обществом, кроются в острой потребности в образованных молодых людях, готовых самоотверженно трудиться на повышение образовательного и культурного уровня болгар XIX в.

Перед болгарскими учителями, представлявшими самую многочисленную часть национальной интеллигенции, стояла задача учить и воспитывать молодых болгар в духе христианской добродетели и любви к отечеству, поэтому они все более активно включались в политическую и общественную жизнь. В иерархии социальных ценностей болгар XIX в. школьный учитель постепенно стал занимать место в одном ряду с первыми людьми города, но не в силу богатства и политического влияния, а в силу авторитета, приобретенного благодаря хорошему образованию и усилиям, прилагаемым для повышения престижа образования, своему интеллектуальному труду, вкладываемому в написания книг и учебников, предназначенных для просвещения и воспитания молодого поколения. Болгарское общество XIX в. начинало ценить заслуги интеллигенции, поэтому в некрологах студентов, учителей, печатников, врачей подчеркивалось, что их смерть – это утрата для всего болгарского народа.

Самые важные качества учителей, отмечаемые в некрологах, соответствуют идеалам Просвещения: это развитие умственных способностей, преклонение перед возможностями разума, самоотречение во имя благородной миссии просветителя. В источнике отражен сложный процесс профессионального роста, тяжелые условия, в которых жили болгары, обучающиеся за границей, вдали от родины²⁸. Поэтому очень часто в подобных материалах речь идет о преждевременной смерти²⁹.

Как о большой утрате сообщалось о смерти представителей немногочисленного в XIX в. сообщества болгарских врачей³⁰. Как правило, смерть настигала их там, куда завела их профессия, вдали от родных мест.

Особое место среди почитаемых в болгарском обществе XIX в. лиц занимают священнослужители³¹, среди которых наиболее славная память осталась о троих константинопольских владыках, бор-

цах за самостоятельность болгарской церкви – Авксентии Велеском, Паисии Пловдивском и Илларионе Макариопольском³². Их похороны в Константинополе были особенно торжественны, отпевание каждого из них проходило в болгарской церкви св. Стефана (рис. 1), а их могилы и по сей день находятся рядом с церковью (рис. 2, 3)³³.

Рис.1

Рис. 2

Рис. 3.

В новой профессиональной структуре болгарского общества почетное место занимали и женщины-учительницы. В посмерт-

ных материалах их благородный труд на пользу общественного образования получал высокое признание. Ранняя смерть Славки Динковой, первой просветительницы болгарских девушек в Солуни, определялась как «глубокая рана болгарского общества»³⁴. Смерть Марии Доброплодной уподоблялась грому, поразившему ее учениц и близких³⁵. Уважение к женщине-учительнице выражалось прежде всего на похоронах, которые проходили с большими почестями. Когда в результате несчастного случая погибла шуменская преподавательница Анастасия Константинова, «все газеты столицы, иностранные и наши, известили об этом и выразили соболезнования по поводу этой утраты», а шуменцы засвидетельствовали свое признание тем, что «в день ее похорон были закрыты все ставни домов болгарского населения»³⁶.

В XIX в. с началом процессов модернизации в болгарском обществе женщина получила высокую общественную оценку за свою профессиональную деятельность. В обществе культивировалось уважение к женщине-общественнице, и особенно учительнице. Ее труд в качестве педагога, организатора женских обществ, автора учебной литературы и переводчика после смерти получал признание не меньшее, чем работа ее коллег-мужчин³⁷.

Учащиеся и студенты, умершие во время обучения и не успевшие реализовать высокие ожидания и надежды, возлагаемые на них обществом, вызывали особенное сочувствие. Ожидалось, что они вольются в число болгарских учителей и обеспечат в дальнейшем преемственность поколений. Поэтому их ранняя смерть воспринималась как утрата для всего общества, затрагивающая общественные интересы эпохи.

В середине XIX в. в болгарской прессе участились сообщения о смерти болгарских студентов за границей, как правило, умерших от болезней и реже в результате трагических инцидентов. Наиболее часто среди причин смерти в некрологах упоминался туберкулез или чахотка, как его называли в то время. Туберкулез даже был назван «болезнью, свойственной учащимся»³⁸. Много трагических известий приходило из Стамбула, из румынских или российских городов, где обучалось наибольшее число молодых болгар. В некрологах отмечались трудности приспособления молодого организма учащихся к условиям жизни на чужбине, тяготы жизни в условиях оторванности от родного дома и близких, обсуждались трудности, с которыми сталкиваются молодые люди. Так их кончина получала рациональное объяснение, со-

ответствовавшее духу времени, а умерших называли «молодыми и зелеными», «молодыми в цветущем возрасте» и проч.

Если в предыдущие столетия болгарин как добрый христианин верил в Божий промысел по отношению к человеческой судьбе и смиренно, как данность, принимал срок своей жизни, то в XIX в. в публикациях подчеркивается горечь от несвоевременной, ранней смерти:

*Наше отечество потеряло безвременно ревнителя учения и просвещения. Мы оплакиваем уход своего собрата*³⁹.

*Жалко и печально, что мы потеряли таких молодых, способных к искусству, принесших и приносивших бы в будущем пользу бедному нашему отечеству – своих единокровных братьев и соотечественников. Но такова судьба большинства наших ученых и учащихся*⁴⁰.

*Грозная и неумолимая смерть выхватила еще одну жертву среди благонадежных и образованных сыновей нашего столь нуждающегося в просвещенных людях отечества*⁴¹.

Среди некрологов памяти учащейся молодежи из болгарской прессы XIX в., опубликованных Р. Радковой, 18 посвящено смерти мужчин и лишь 3 относятся к смерти девушек-студенток. В них похоронные церемонии описаны как особенно торжественные, с участием всех сокурсников и преподавателей покойных, а также большого числа представителей местной общественности. В конце отпевания и после опускания гроба в землю обязательно учителями и сокурсниками произносились надгробные речи. Немалая часть материалов относится к Константинополю, где в XIX в. в различных учебных заведениях обучалось большое число болгар. Отпевание и погребальное шествие в османской столице проходили подчеркнуто торжественно. Заупокойная служба, как правило, проводилась в церкви св. Стефана на Золотом Рого и в отдельных случаях ее лично проводили болгарские архиереи Илларион Макариопольский и Авксентий Велесский⁴². На отпевании и похоронах присутствовали все соученики покойных, а иногда и все болгарские студенты различных школ Константинополя, а также их учителя⁴³.

Подобный траурный этикет был принят и в больших российских городах, где в период Возрождения обучались болгары, например в Одессе и Киеве, где на похоронах также присутствовали все однокурники и преподаватели покойных. В одном из со-

общений упоминается, что болгарское представительство в Одессе финансово поддерживало не только обучение некоторых, особо одаренных болгар, но при необходимости финансировало и погребальную церемонию⁴⁴. Подобным образом проходили похороны в больших болгарских городах (сведения относятся к Пловдиву, Видину, Русе, Габрово, Старой Загоре и т.д.), а траурные речи произносились как от имени учителей, так и от имени учеников. В одном из случаев приглашение на похороны получил школьный попечительский совет, членом которого был покойный ученик⁴⁵.

Один из женских студенческих некрологов был издан в Стамбуле и посвящен памяти 15-летней дочери видного болгарского торговца Христо Тыпчилештова – Марии, в другом, из Видина, говорится о смерти в 14-летнем возрасте ученицы Иванки Попконстантиновой, а третий – о смерти в Ловече Йорданы Поповой, 16-летней ученицы, воспитывавшейся на средства общественной организации «Постоянство» в габровском женском пансионе, с тем чтобы впоследствии стать учительницей в городском квартале, в котором располагалась резиденция этого общества. Последний некролог подписан попечительским советом библиотеки⁴⁶. Похороны Марии Тыпчилештовой в Константинополе немногим отличались от похорон ее сверстников, в том числе юношей – учеников стамбульских школ и лицеев⁴⁷. На похоронах Иванки жители Видина, «ученики двух школ, учителя и учительница сопроводили мертвое тело до церкви, где учительница Мария произнесла подобающие слова, и оттуда отправились на кладбище»⁴⁸.

Эта особая группа покойных детей и молодых людей, учеников и студентов, часто упоминающаяся в XIX в., практически полностью перестает упоминаться в источнике после Освобождения Болгарии от турецкого ига – в конце XIX и в начале XX в. В болгарской прессе этого периода sporadически фигурировали известия о смерти детей, но, как правило, не ученического возраста, а маленьких детей – новорожденных или малолетних, рожденных в знатных семьях, детей политиков, интеллигентов и т.п.

Подобно группе покойных учеников и студентов, хорошо представленной в XIX в., группа умерших учителей и учительниц, которым отдавались большие посмертные почести, практически исчезает из источника после Освобождения Болгарии, когда на повестку дня выходят умершие из среды политических элит, крупного бизнеса и различных профессиональных объединений, а

также княжеской фамилии. Утвердившаяся в XIX в. традиция торжественных похорон заслуженных учителей существовала еще некоторое время в первые десятилетия после освобождения Болгарии, когда в преклонном возрасте уходили из жизни заслуженные деятели Просвещения. Таковыми были похороны Цани Гинчева в Софии в 1894 г.⁴⁹, Найдена Герова в 1900 г.⁵⁰, его ученика Христо Г. Данова в 1911 г. и Йоакима Груева в 1912 г. в Пловдиве⁵¹, Петко Славейкова в 1895 г. и его сына Ивана Славейкова в 1901 г. в Софии и др.⁵². В посвященных им посмертных материалах на первое место выдвигались их заслуги на преподавательском поприще и признательность учеников и болгарского общества за самоотверженный труд народных будителей. И несмотря на то что Петко Славейков был исключительно популярен и имел множество заслуг перед обществом, в некрологе о нем в первую очередь говорится как об учителе: «Дед Славейков умер! Поклон праху великого болгарского учителя! Поклон памяти великого болгарского писателя, публициста и поэта! Поклон памяти великого болгарского деятеля и труженика нашего духовного и политического Возрождения!» Поэтому на его похоронах «целая вереница мальчиков несла венки, преподнесенные уважаемому старому учителю народными учителями»⁵³.

Утвердившаяся в XIX в. традиция участия учителей и учеников в погребальных процессиях уважаемых покойных поддерживалась и в первые десятилетия XX в., особенно при погребениях действовавших и бывших министров просвещения (например, И. Славейкова в 1901 г., В. Кынчова в 1902 г., проф. Д. Агура в 1911 г., проф. И. Шишманова в 1928 г.), выдающихся учителей и деятелей культуры. Ученики несли венки во главе погребальной процессии, школьные оркестры придавали особенную торжественность погребальному шествию. Учителей часто приглашали произнести надгробные речи на похоронах уважаемых покойных⁵⁴.

Перевод с болгарского А.А. Леонтьевой

Примечания

¹ *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992; *Василева Д.* Патрони и поводи за издаване на възпоменателни единични листове в българските градове 1878–1944 г. // Жизненият цикъл. София, 2000. С. 317–326.

² *Радкова Р.* Посмъртни материали за български възрожденски дейци. София, 2003.

³ Там же, № 4, 5, 8, 22, 27, 68.

- ⁴ Там же, № 15, 68 – «почетный покойник и кавалер».
- ⁵ Там же, № 28.
- ⁶ Там же, № 4, 5, 8, 15, 22, 27, 28.
- ⁷ Там же, № 8, 15, 16а, 22, 50, 74, 93, 173.
- ⁸ Там же, № 15.
- ⁹ Там же, № 16а.
- ¹⁰ Там же, № 22.
- ¹¹ Там же, № 4.
- ¹² Там же, № 5.
- ¹³ Этот текст был написан Саввой Филаретовым по поводу смерти И. Денкоглу // Там же, № 50.
- ¹⁴ Там же, № 129.
- ¹⁵ Там же, № 6, 10, 16а, 24, 48, 52, 58, 59.
- ¹⁶ Там же, № 10.
- ¹⁷ Это один из редких случаев, когда в некрологе упоминается богатая трапеза, на которую родные пригласили всех участников похорон. Покойный поддерживал мужскую школу и городские церкви в Русе, а завещанные им суммы описаны в некрологе // Там же, № 16.
- ¹⁸ После похорон в его честь также была устроена богатая поминальная трапеза // Там же, № 48, 50.
- ¹⁹ Он передал в дар свой дом в Константинополе, чтобы на его месте была возведена болгарская церковь, освященная в память о нем в честь св. Стефана // Там же, № 24.
- ²⁰ Там же, № 49.
- ²¹ Там же, № 52.
- ²² Там же, № 184.
- ²³ Смерть Пенки Минчевой в Цариграде известна благодаря специальным «билетам» (письменным известиям), отправленным всем видным болгарам в городе, которых пригласили принять участие в погребении // Там же, № 7, 18, 26, 35, 36, 75, 87.
- ²⁴ Там же, № 162, 164, 202, 223.
- ²⁵ В память о своей дочери, мать передала церкви филон (богослужбное одеяние) и епитрахиль, сшитые из дорогой шелковой юбки покойной Марии // Там же, № 78, 79.
- ²⁶ Там же, № 155.
- ²⁷ Там же, № 14, 16.
- ²⁸ Там же, с. 17.
- ²⁹ Там же, № 62, 63, 66, 98, 119, 121, 126, 134, 193.
- ³⁰ Там же, № 14, 72, 92, 109, 244, 247.
- ³¹ Там же, № 139, 228, 263, 271, 276.
- ³² Там же, № 35, 45, 46, 69–71, 175, 176, 257–262.
- ³³ Подробнее см.: *Васева В.* Эпохата на Миладиновци: смърт и погребение при цариградските българи // Дни на Миладиновци 2011. София, 2012. С. 213–123.
- ³⁴ *Радкова Р.* Посмъртни материали за български възрожденски дейци. София, 2003. № 111.
- ³⁵ Там же, № 78, 79, 81.
- ³⁶ Там же, № 224, 226, 227.
- ³⁷ Там же, с. 20, 33
- ³⁸ Там же, с. 27.
- ³⁹ Там же, № 115.
- ⁴⁰ Там же, № 245.

- ⁴¹ Там же, № 355.
- ⁴² Там же, № 45, 77.
- ⁴³ Там же, № 104.
- ⁴⁴ Там же, № 125, 321.
- ⁴⁵ Там же, № 206.
- ⁴⁶ Там же, № 46, 163, 203.
- ⁴⁷ Там же, № 46, 47.
- ⁴⁸ Там же, № 163.
- ⁴⁹ Газета „Свобода”, № 1445, 1894 г.
- ⁵⁰ Газета „Мир”, № 882, 883, 1900 г.
- ⁵¹ Газета „Мир”, № 3430, 3432, 1911 г.; № 3619, 1912 г.; газета „Вечерна поща”, № 3628, 3629, 1911 г.
- ⁵² Газета „Мир”, № 118, 1895 г.; № 960, 1901 г.; газета „Новини”, № 80, 81, 1895 г.; газета „Нов век”, № 306, 307, 1901 г.
- ⁵³ Газета „Мир”, № 118, 1895 г.
- ⁵⁴ *Васева В.* Погребалната култура в българските градове на границата между XIX и XX век. (Погребения на политици) // Етнически и културни пространства на Балканите. Сборник в чест на проф. д.и.н. Цв. Георгиева. / Съст. С. Иванова. Часть 2. София, 2008. С. 104; *Васева В.* Погребения на видни политици и общественици с бесарабски произход // Българска етнология. 2009. Кн. 1–2. С. 59; *Васева В.* Отдаване на посмъртни почести на интелектуалци през XX в.: погребения на основоположници на етнографската наука в България // Светът на българина през XX в. Димитровград, 2011. С. 498.

Негош и Андрич как мыслители: немного деталей (проблема интерпретации)

Abstract:

Ми́човић М. *Njegoš and Andrić as thinkers: a few details (the problem of interpretation)*

This article analyzes types and purposes of interpretation in literature. It has been argued that the conventional type of interpretation implies penetration into the sacred depth of the oeuvre, when understanding correlates with the inner meaning and energy of its secret essence, which are being authentically transmitted into the self of the interpreter. In this aspect, the author explores the cosmogony, Holy strength and the power of the human Fall and Sin in some works of P. Njegoš («The Mountain wreath», «Ray of the microcosm») and I. Andrić («Helen, wife no», «Aska and the Wolf») and shows the complexity and depth of their views on life and the modern world.

Ключевые слова: П.П. Негош, И. Андрич, сербская литература, солнце, небо, Творец, путь, мир, крест, тьма, сатана, борьба, идея, творчество, ягненок, волк, ненависть, страх, ужас, смерть, жизнь, С. Кьеркегор.

Прежде всего, скажем несколько слов о пользе и вреде интерпретации как таковой. Сегодня интерпретация нередко претендует на то, чтобы подменить собой само произведение. Цели ее при этом могут быть различными, при том, что они неизбежно приводят к тем или иным последствиям. Интерпретатор, естественно, не стремится разъяснить произведение. С большим или меньшим успехом, руководствуясь благими или не очень благими намерениями, он переносит произведение в свой мир, имея в виду, в первую очередь, собственную цель.

Кратко упомянем о двух типах, или двух целях интерпретации. Первый, и основной, тип интерпретации предполагает входение в сокровенное пространство литературного произведения, когда толкование согласуется, прежде всего, с его глубинным значением и энергией его тайны, аутентичным образом, переносимыми в мир интерпретатора. Второй тип интерпретации является, с позиции ее автора, деконструкцией основного смысла истолковываемого произведения с последующим переносом этого деконструированного смысла в пространство своей интерпретации. Таким образом, непременно присутствует некая манипуляция, основанная на каком-либо явном или скрытом интересе.

Если мы примем во внимание все проблемы, касающиеся истолкования художественных произведений (в первую очередь, известных произведений крупных писателей), то и обозначенные выше два типа интерпретации обязательно столкнутся с разнообразными трудностями и проблемами, невзирая на сами намерения и качество подобного толкования.

Если в добавление к сказанному упомянуть ситуацию глобальной цивилизационной атмосферы, в которой подлинные произведения, т.е. сама действительность, перекрываются интерпретациями, стремящимися занять их место, то положение дел становится еще более запуганным. (Словно нет реального произведения, реального мира, но есть лишь интерпретация, т.е. налицо полная виртуализация!) Следует также подчеркнуть, что интерпретация нередко стремится тайну истолковываемого произведения решительно перенести в свой интерпретативный мир (чтобы лишить тайны, растолковать произведение?!), в итоге изначальный вопрос *о пользе и вреде интерпретации*, кажется нам еще более оправданным.

Чтобы парадоксальность данных ситуаций выявилась более наглядно, отметим, что первый, «правоверный» тип интерпретации остается как бы в тени произведения, питаясь его «исконным млеком». Подобный тип интерпретации не *перемещает* произведение, но лишь способствует усилению его воздействия на читателей, активнейшим образом участвуя в этой его миссии и оставаясь одновременно внутри него.

Интерпретация второго типа пытается перенести значение произведения в свой интерпретативный мир (перемещение!); при этом, во избежание опасности вовсе отделиться от тайны произведения, достраивается нечто в соответствии с поставленными целями, что не имеет в самом произведении никакого основания.

Когда в бытовой ситуации о ком-то говорится, что тот «прочитан», подразумевается, что в нем нет более ничего неизвестного. И что для того, кто это говорит, данный автор практически не существует или словно бы не существует.

Опираясь на духовный рефлекс существующего опыта сей разговорной формулы, мы могли бы сказать, что имеется много «прочитанных» писателей и мало «непрочитанных». Выражение «непрочитанный писатель» имеет, на наш взгляд, два основных значения: первое подразумевает, что он действительно не прочитан, т.е. его даже не открывали, а второе – что «непрочитанный»

писатель обладает творческой тайной, которая всегда *ускользает* от читателя, поскольку ее источник не поддается истолкованию. Эта *ускользающая* тайна свойственна, прежде всего, настоящей поэзии. Благодаря этой тайне, остающейся действенной и защищенной источником своего возникновения, произведение сохраняет первозданную мощь, что позволяет в каждый период его существования обновить силу раскрытия самой реальности и вдохновение читателя.

К данному типу писателей относятся сербский поэт и правитель Черногории Петр II Петрович Негош (1813–1851) и сербский писатель, лауреат Нобелевской премии (1961) по литературе Иво Андрич (1892–1975), поскольку творческая тайна их произведений действительно воздействует на многие поколения читателей.

О творчестве Негоша существует целая библиотека: им занимались теоретики литературы, философы, психологи, богословы, лингвисты. Из-под пера их вышли многие хорошие книги, возникшие, главным образом, как плод творческого воздействия Негоша на своих толкователей. Однако творчество Негоша, конечно же, сохраняется и само по себе, оказывая огромное воздействие на всю нашу культуру и неизменно предоставляя повод к новым размышлениям.

Време земно и судбина људска
 Два образа највише лудости
 Без поредка најдубља наука
 Сна људског ђеца ал' очеви
 Је ли ово причина управа
 Којој тајну постић не можемо?
 Је л' истина ё ово овако
 Ал' нас очи сопствене varaју¹.

Время земное и судьба человеческая
 Два образа наивысшего сумасшествия
 Без порядка самая глубокая наука
 Сна человеческого дети или отцы
 Есть ли это причина настоящая
 Тайну которой постичь мы не можем?
 Правда ли что это так [видим]
 Либо наши очи себя обманывают².

Обо всех этих строках, и о каждой из них в отдельности, могут быть написаны целые книги, однако все они неизбежно останутся в тени авторского текста. Никакая «технология» и самая лучшая интерпретация не высветит опыта, лежащего в основе данного стиха.

Можно было бы сказать о характерных особенностях гения вообще, однако здесь, прежде всего, следовало бы подчеркнуть то, что объединяет два этих творческих характера, помимо их многочисленных и разнообразных отличий.

Не подвергая серьезному риску идею ключевого определения, можно сказать, что Негош и Андрич относятся к эпическо-мистическому творческому типу. Что это означает? Их произведения опираются на народное предание, историю, притчу, легенду, миф, однако при этом представляют собой плод высочайших мистических озарений. Оба автора в типологическом плане могут быть названы подвижниками. Создавая свои литературные произведения, они не стремились к временной славе, не желали любой ценой присутствовать в культурном пространстве своей эпохи, но руководствовались сильными внутренними причинами, побуждавшими их к творчеству.

Иными словами, ясно сознавая свою миссию, они являлись истинными подвижниками – и в мире, и вне мира. Оба считали, что исполняют определенный долг, служа своим даром, заложенным в них невидимым Творцом.

Главный вопрос, содержащийся в произведениях этих авторов, может быть выражен следующими словами Негоша: «Што је човјек, а мора бит човјек!»³ («Что есть человек, и чем быть должен человек!») У Негоша этот вопрос соотносится с вечностью, с Богом Творцом. У Андрича подобный вопрос сводится к иной сфере: бытия человека во времени, с учетом мрачного воздействия на него родового и исторического наследия.

Источником антропологии Негоша является его космогония, или богословие, в то время как понимание человека у Андрича, главным образом, остается в границах стихии собственной природы.

Никто другой в нашей литературе не показал зло столь ясно и убедительно. Но, хотя оба писателя сами были свидетелями злых и мрачных времен, в вопросе понимания природы зла Негош и Андрич значительно отличаются друг от друга. И это различие помещает их в два принципиально разные духовные пространства, которые, однако, иногда соприкасаются и прони-

зывают друг друга. Негош считал людское зло и те мрачные силы, которые передаются человеку по наследству, последствием грехопадения и отпадением от Божьего света и послушания Творцу. Андрич же воспринимал темную сторону людского бытия и истории как последствие исконной человеческой тьмы и непроглядных сил наследия и времени. В творчестве Андрича человек показан как существо, осужденное на страсть, порок и смерть. Писатель остался в пространстве психологии XX века, а также идеологического наследия современности.

Культура XX века отстранилась от стремления понять Бога Творца (за исключением православных теологов и мистиков, пребывавших за пределами основных тенденций своего времени), становясь *человеческой, слишком человеческой* (Ницше). Отсюда и проистекает порой неудержимый пессимизм Андрича, проявление той безудержной ненависти, тьмы и внутренних раздоров, из которых в историческом пространстве нет выхода.

Обеспокоенность Негоша вопросом духовной тайны человека не знает аналогов в нашей литературе. Она потрясает саму основу человека, ставя его перед ключевым вопросом всей жизни:

Колико сам и колико пугах
Свод плаветни неба свештенога,
Бриљантним засијат сјеменом,
Заклињао душом запаљеном,
Да ми свегу открије таину:
Али га је Творац украсио,
Велику му књигу отворио,
Да твар слави Творца и блаженство,
Ал' да човјек на ње листу чита
Ништавило прекомјерно своје?⁴

Сколько раз я
Синий свод неба священного,
Бриллиантовым усеянный семенем,
Заклинал я душой палимой,
Открыть мне святую тайну:
Творец ли его украсил,
Великую ему книгу открыл,
Дабы славила тварь Творца и блаженство,
Или дабы человек на листах ее читал
Ничтожество безмерное свое?

Среди толкователей много говорилось о дуализме Негоша, однако сии противоположности, в которые Негош помещает человека и его ревностную пытливость, более всего свидетельствуют о глубине и ширине драмы существа, вопрошающего о своем истоке и смысле существования в универсуме. Дух Негоша, будучи исключительно монотеистичным, оставлял простор для внутренней (антропологической и космогонической) полемики с дуализмом, задача которой заключалась в раскрытии бесконечного внутреннего пространства и, вместе с тем, в стремлении к конечному познанию, которое человек, как подлинный микрокосмос, всячески старается обрести.

Човјек бачен под облачну сверу –
 Прима л' овдје оба зачатија?
 Је л' му овдје двострука колјевка?
 Је л' му земља Творцем одређена
 За наказу какву таинствену,
 Ал' награду бурну и времену,
 Ал' расадник духовног блаженства?
 Ах, ово је највиша таина
 И духовне најстрашније буре –
 Овога су у гробу кључеви⁵.

Человек, брошенный в подоблачную сферу,
 Принимает ли здесь оба зачатия?
 Здесь ли его двойная колыбель?
 Земля ли ему Творцом определена
 Для наказания некого таинственного,
 Или награду, бурную и временную,
 Или питомник духовного блаженства?
 Ах, то есть величайшая тайна
 И духовные страшнейшие бури,
 Того ключи в могиле суть.

Негош вопрошает о человеке, о его происхождении и смысле существования. По пережитому личному опыту, по силе слова, с коей отражен сей опыт и сделанные им открытия, он относится к редким человеческим гениям, чьи произведения обладают космическим значением. Негош создал произведение, определяющее народное самосознание. Однако как творец он прошел сквозь собственную космогонию, будучи носим и ведом «искрой бессмертной», которую обрел на дне своего существа.

У ноћ страшном буром разјечану,
Сину мени зрака пред очима
И глас зачух кано глас ангела:
«Ја сам твоје душе помрачене
Зрака сјајна огња бесмртнога
Мном се сјећаш што си изгубио...»⁶

В ноци, от страшной бури стонущей,
Блеснул луч у меня пред глазами
И голос я услышал, словно голос ангела:
«Я есть твоей души омраченной
Луч сверкающий огня бессмертного,
Через меня вспомнишь то, что ты утратил...»

Освободиться от подобных наслоений тьмы в самом себе и максимально погрузиться в собственные глубины мог лишь тот, кто имеет сильную и непосредственную небесную помощь.

Негош – как создатель – не мог жить до тех пор, пока не нашел «то, что утратил». То, что человек утратил и без чего – на земле, будучи «брошен в облачную сферу», – сам потерян. Драма, которую Негош пережил как владыка, как правитель своего народа и как поэт, коего судьба на «бурном холме» вспоила «священными лучами», есть основа творчества, в котором раскрылся и он сам, и его народ во всей полноте своей. «Луч микрокосма» показал нам, что автор его сполна испытал то «первое блаженство», что далеко превзошло «представления людские».

Сва ти овдје гину понјатија;
Вообрази сами себе гоне
И губе се у неизвјесности!⁷

Все твои здесь гибнут понятия;
Вообрази, сами себя они гонят
И теряются в неизвестности!

И пространство, пронизанное свечением стиха:

Ђе вјенчано биће с зачатијем
Ђе се души бесмртношћу крсте⁸.

Где венчано существо с зачатием,
Где души бессмертием крестятся.

Космогоническая картина, изображающая выход «миров» из мрачных недр (ада), с тем, чтобы «креститься в бессмертный свет», красноречиво свидетельствует о неизреченном творческом (поэтическом) действии:

Они шари што се к небу дижу
Те се виде у свијетлој сфери
Као лопте тмасте и безрачне,
То су сунца, вожди созвјездијах,
Избежају из мрачнога њедра
По свештеној вољи миродавца.
На небесна четир краја иду,
Да се крсте у бесмртну свјетлост...⁹

Те шары, што к небу подимаються
И виднеються в светлой сфере
Как шары темные и невзрачные,
То суть солнца, вожди созвездий,
спешат из мрачного лона
По священному повелению Творца мира
На четыре небесные стороны идут,
Чтобы креститься в бессмертный свет...

Глубочайшие озарения и осмысления проступают из глубочайшей тьмы. Античная космогоническая картина («мрачные недра») преображена светлым христианским смыслом. И он, этот смысл движения и сотворения заключается в том, чтобы новые облики (шара, солнца) «крестились в бессмертный свет». Свобода и познание у Негоша проистекают из единого источника, хотя поэт и мыслитель показал также возможность разделения свободы и познания. Проблему дуализма можно было бы рассматривать в аспекте понимания свободы. Негош ясно созерцал и гибко констатировал проблему неукорененной свободы. В своем всегда актуальном пространстве он гораздо убедительнее и современнее всех европейских мыслителей XX в., занимавшихся данной проблемой (Сартр, Хайдеггер, Камю). Наш Поэт различал свободу, раскрывающую первобытные тайны бытия, и свободу, не признающую ни разум Вседержителя, ни тайну бытия. Последняя есть свобода сатаны, свобода бунтаря, анархиста, сепаратиста, властолюбца, революционера, разрушителя, ум которого не причастен «всевидящему

разуму», но лишь «злобно вдохновлен» своей волей и своими недалекими запросами. Не случайно противник Божий говорит:

Грка су ми сва блаженства неба
Док постигнем моје намерење
И правило друго бићу дадем;
Не познајем име свемогуће,
С којијем ми толико грозите¹⁰.

Горьки для меня все блаженства неба
Пока достигнут своих целей,
И правило другое существу дам;
Не познаю имя всемогущее,
Которым мне так угрожаете.

Идеологии двадцатого столетия, отпавшие от глубинного понимания человека, явили на деле «торжество» отступнического (от истины и благодати) ума. Наш век выявляет ограничения века прошлого, открывает нам в культурном наследии те опоры, что всегда давали силу коренного обновления.

Сила разума Негоша, поистине одного из самых могучих умов человеческих, кроется в его родстве и созвучии с разумом Вседержителя. («Снова ум его с бессмертными равняется»). Ум Негоша проникал вглубь и устремлялся вширь, дабы узреть онтологическую полемику на земле («Горный венец», «Самозванец Степан Малый») и на небесах («Луч микрокосма»).

Описание темной стороны души характерно для творчества Иво Андрича в целом, в то время как свет и победа над смертью присутствуют у него как своего рода духовная экзотика. Так в «Письме из 1920 года» читаем: «В Боснии есть и любовь, однако подо всем скрывается в непроглядных глубинах неудержимая ненависть. Целые ураганы стреноженной, сжатой злобы, которая зреет и ждет своего часа. Между вашей любовью и вашей ненавистью такое же соотношение, как между вашими высокими горами и в тысячи раз большими и тяжкими невидимыми геологическими пластами, на коих они зиждутся. А посему вы обречены жить на многослойных залежах взрывчатки, которая время от времени поджигается – как раз искрами этой самой вашей любви и огненной и свирепой чувственности. Быть может, ваше величайшее несчастье именно в том, что вы даже не предполагаете, сколь-

ко ненависти заключено в вашей любви, в ваших восторгах, традициях и религиозности...»¹¹

Весь рассказ неумолим в отношении взгляда на силу ненависти как некой исконной душевной силы. Да, есть здесь и любовь, однако ее воздействие незначительно по сравнению с всеобъемлющей ненавистью. Ненависть рядится в одежды гуманистической идеологии, прикрываясь религией и «набожностью», сбрасывая их в решающий момент – с тем, чтобы вновь явно проявился мрак и нескрываемая злоба как апокалиптическое зияние ничтожества. Сама жизнь в Боснии (в мире) служит убедительным подтверждением этих слов. Подобно тому, как многие взрывы ненависти на Балканах (в мире) предвосхищены словами главного героя рассказа.

Оппозиция этой «исконной силе души» существует у Андрича, как уже было сказано, в виде некой «экзотики», вернее – как некое внутреннее основание творческого процесса. Сию светлую силу души Андрич связывал именно с созиданием, пример чему – его рассказы «Аска и волк» и «Елена, женщина, которой нет». Хотя это совсем небольшие произведения, но для понимания всего его творчества, они необычайно важны.

То, что является мостами у Андрича в пространстве времени, противоположных сторон, идеологий, есть светлая нить творчества, онтологически связующая человека, живущего во времени, с метафизическим пространством. Андрич избегал всякой категоричности в отношении основополагающих сущностных категорий, как-то: Божие присутствие, бессмертие, вечность, ад, вечное наказание. Но, посредством творческого процесса осуществлял своего рода контакты с этими пространствами, скрываясь за тем, что открывал.

По поводу образа Елены, «женщины, которой нет» можно было бы смело сказать, что, в основе своей, это антропоморфный солярный принцип, приводящий в движение таинственные пространства в человеке. «Я часами живу с осознанием ее присутствия, что само по себе нечто гораздо большее, чем то, что способны дать глаза и все жалкие органы чувств»¹².

Присутствие «женщины, которой нет» воспринимается глубинными силами естества, поскольку «глаза и уши, и все жалкие органы чувств ничего не могут ощутить». Жалкие чувства «сиротливы». Следовательно, лишены отца и матери, т.е. лишены своих корней. Таким образом, «женщину, которой нет», художник ощу-

щает не природными органами чувств, но теми силами своего существа, которые непосредственно связаны с мистическим процессом творчества. Поскольку Елена не присутствует видимым образом, но – лишь невидимым, речь идет о мистическом парадоксе. Есть то, чего нет. Или *возникает* то, чего ранее не было, поскольку явился на свет человек (творец), которого ранее не было.

«Замечая и памятуя на протяжении дней и лет ее явление в самых разных обликах, всегда чудесное и неожиданное, мне удалось найти в нем известную последовательность, словно некий порядок. Прежде всего, привидение связано с солнцем и его путем. Я говорю “привидение” ради вас, кому рассказываю об этом; лично для меня было бы смешно и оскорбительно свою наивысшую реальность называть сим именем, которое, в действительности, ничего не значит»¹³. Когда Андрич заявляет: «Я говорю “привидение” ради вас, кому рассказываю об этом; лично для меня было бы смешно и оскорбительно свою наивысшую реальность называть сим именем...», он обращается к читателю, перед которым «скрываясь, открывается». А что скрывает и как открывается? Скрывает непосредственность – самую суть: то, что есть и как оно есть! То, что есть «непосредственно», истинно, однако не может быть передано так, как оно есть, но лишь символично, посредством метафоры.

Напряженность между автором и читателем соразмерна интенсивности тайны (невывысказываемой, непосредственной), которая передается читателю через метафорический текст. То, что является «наивысшей реальностью», автор предложил читателю как приманку – загадку, которая должна привести в движение и озарить внутреннее, неизведанное пространство. Само имя Елена указывает на солнце (гелиос), что особо подчеркивается писателем («привидение связано с солнцем и его путем»). Проблема интерпретации здесь проявляется с особой ясностью. То, что передано посредством метафоры, обладает экзистенциальной, субстанциональной природой (для автора) и не может быть адекватно перенесено в вербальное пространство (для читателя)... Метафора переносит, переводит – с большим или меньшим успехом – через пропасть, возникшую между создателем и толкователем.

Герменевтические исследования посвящены сложному процессу переноса экзистенциально-творческого акта в пространство реализации самого литературного произведения. Не знаю, кто

является наиболее желанным гостем в этом пространстве: автор или его толкователь?

Среди литературных критиков и теоретиков литературы немало тех, кто говорит о необходимости «демистификации творческого акта», что является обыкновенной глупостью. Подвергнуться демистификации может только то, что не несет в себе подлинной (творческой) тайны. Между тем, у Андрича «Елена, которой нет» является в полной мере мистерией. Она воздействует, излучает энергию целому пространству, в котором срединной точкой является тот, кто непосредственно озарен ее присутствием: «Взгляд этих глаз никогда не почивал лишь на мне, я и сам мог необъяснимым образом наслаждаться всем тем, что они видят в то самое время, когда смотрят на меня, потому что очи эти простирали перед собой неизведанные области невинных миров, в которых терялся и созерцаемый мною образ»¹⁴.

Данная тема часто представлена в текстах философских и религиозных, однако литературный текст способен все же лучше передать сию апофатическую реальность, избегая при этом рассудочного анализа и обоснования того, что, по природе своей, просто невыразимо, но при этом и действительно, и животворно. Вот почему в подобном литературном изображении Елены как *совершенного существа и образа* присутствует это сущностное созерцание тайны бытия (пребывания), сообщающей истинный смысл жизни тому, кто к ней причастен. Для читателя сей экзистенциальный мираж может так и остаться «призраком», особенно если нет возможности самому участвовать в подобном наблюдении «того, чего нет в реальном (поверхностном) мире». Более глубокий опыт (созерцания) необходим для того, чтобы «преобразить» не только ум человеческий, но и само понятие действительности, открывая в качестве ее истинного основания то, чего, с точки зрения реального понимания жизни, просто нет и не может быть.

Без Нее (Елены) действительность, сама жизнь является «призраком», «привидением», поскольку становится пустой, лишается своей сущности. И остается таковой, пока ее не посетит внутреннее озарение и прозрение, возможное лишь в случае внутреннего соприкосновения с тайной существования (возникновения), благодаря которой вещи и существа получают возможность обрести «совершенный образ». Ведь если даже реальная женщина способна дать человеку тепло, любовь, пробудить в нем его творческие силы, то *Елена, женщина, которой нет*, предоставляет все

это в избытке. Это для читателя Елена – женщина, а для самого автора – прежде всего творческий принцип. «Довольно было того, что женщина, олицетворяющая для меня силу и красоту мира, исчезнет, словно привидение»¹⁵.

Тайное присутствие Елены, в качестве метафорического творческого принципа, в иных, земных обстоятельствах проявилось в повести «Аска и волк». В ней описывается главным образом состояние, представленное картиной предсмертного танца, который становится своеобразной реализацией неизведанных сил и возможностей: «...танец сам по себе давал новые силы для нового танца [курсив мой – М.М.]»¹⁶.

Здесь глубинные слои реальности проявляют себя не в каком-то отвлеченном, метафизическом столкновении со смертью, но при непосредственной встрече. С одной стороны, беспомощная, заблудившаяся овца, с другой – голодный волк, для которого она является потенциальной жертвой и естественной пищей. Обстоятельства привели молодую, неосторожную, любопытную овечку, почти *ягненка*, туда, где волк и волчий закон непререкаемы. Экзистенциальное состояние момента заключается в том, что уже не остается времени для раздумий, существует лишь возможность предсмертного крика в состоянии абсолютной беспомощности. Размышление было бы пагубным, явилось бы поражением, капитуляцией перед реальностью. Безотчетный визг является деянием, прыжок остается единственной возможностью. В этой связи уместно бы было вспомнить Кьеркегора, многое из которого Андрич читал в молодости и с кем впоследствии ощущал внутреннее родство на протяжении всей жизни. Кьеркегор говорит о «прыжке в сущность», что является своего рода переходом из одного состояния духа в другое: «Однако христианство гигантским прыжком выходит за пределы этого *quid nimis* [нечто чрезмерное – М.М.], устремляясь непосредственно в абсурд; именно отсюда оно исходит...»¹⁷. «Скачок» и «перескакивание» возможны лишь при отрешении от всяческих посторонних мыслей, т. е. при наличии несокрушимой веры. Вера и действие в данном случае совпадают. «Аска стала танцевать, *игнорируя привитые навыки и общепринятые правила, все то, что специально заучивается и становится хорошо известным* [курсив мой – М.М.]»¹⁸. «Прыжком» начинается «танец, который приходил в движение сам по себе»¹⁹. Итак, состояние выпрыгивания, выхождения из себя. Или же осуществление возможности прохождения превосхо-

дыщей сущности (высшее состояние) сквозь себя. В подобный момент важно лишь то, что основано на интуитивном прорыве, на аффекте. Что еще могло стать защитной реакцией от смертельной угрозы? Такой вот неожиданный, неадекватный, можно сказать, поворот!

У Момчило Настасиевича, современника Иво Андрича, с творчеством которого у писателя существует несколько глубоко личных точек соприкосновения, для обозначения подобного волнительного экзистенционального трепета, есть следующий образ: «устроиться в естество». Не сказано «устремитесь», «войти» или «влететь», но именно «устроиться», поскольку вхождение в естество возможно лишь под напряжением духа жизни, посредством экзистенциональных и субстанциональных сил.

Так открываются внутренние источники энергии, чьи запасы способны поразить даже того, кто ими располагает. «Ее тело более не уставало, а ее *танец сам по себе давал новые силы для нового танца* [курсив мой – М.М.]»²⁰. Танец (игра) претворяется в нечто, что является самой сущностью жизни, сущностью свободы и освобождения – от себя. «Сто жизнью ощущала в себе сейчас маленькая Аска и все силы их употребила на то, чтобы продлить одну единственную, собственную жизнь, которая уже было перегорела»²¹. Поистине невозможно найти лучшего образа для передачи внутреннего обновления творческих сил.

О том, что все происходит *само по себе*, без использования предшествующих знаний, свидетельствует основной сюжет: столкновение со смертью, когда «перегорает» собственная жизнь. Для того, чтобы проявились «сто жизнью», должна «перегореть» одна единственная. Сей парадокс лежит в основе глубинной свободы, творчества. Живя лишь обыденной жизнью, невозможно творить. Для творчества необходима великая тайна, в энергии которой ощущаешь действие «ста жизнью». Не будь этого, мы бы не имели сегодня Негоша и Андрича, гениев, возникших из совокупного наследия народного и собственного творческого гения. Если бы они не «пережгли» свою собственную единственную жизнь, то не обрели бы взамен «сто жизнью», отражающих лик и судьбу народа, к которому принадлежали и принадлежат по сей день.

Перевод Е.А. Осиповой

Примечания

- ¹ *Његош П.П.* Горски вијџнац // *Његош П.П.* Горски вијџнац. Луча микрокозма. Подгорица, 2001. С. 111. Рјад. 2290–2297.
- ² Подстрочный перевод поэтических отрывков из произведений П.П. Негоша выполнен Н.Д. Блудилиной.
- ³ *Његош П.П.* Горски вијџнац. С. 112. Рјад. 2329.
- ⁴ *Његош П.П.* Луча микрокозма. Посвета // *Његош П.П.* Горски вијџнац. С. 138–139. Рјад. 51–60.
- ⁵ *Ibid.* С. 138. Рјад. 21–30.
- ⁶ *Његош П.П.* Луча микрокозма. Пјесма I. С. 145. Рјад. 31–36.
- ⁷ *Ibid.* С. 151. Рјад. 231–233.
- ⁸ *Ibid.* С. 146. Рјад. 79–80.
- ⁹ *Ibid.* С. 152. Рјад. 271–278.
- ¹⁰ *Његош П.П.* Луча микрокозма. Пјесма IV. С. 179. Рјад. 51–55.
- ¹¹ *Андрич И.* Писмо из 1920 // *Андрич И.* Собрана сочинениа. Т. 7. Приче. Подгорица, 2007. С. 76.
- ¹² *Андрич И.* Јелена жена које нема // *Андрич И.* Собрана сочинениа. Т. 7. Приче. С. 120.
- ¹³ *Ibid.* С. 121.
- ¹⁴ *Ibid.* С. 125.
- ¹⁵ *Ibid.* С. 132.
- ¹⁶ *Андрич И.* Аска и вук // *Андрич И.* Собрана сочинениа. Т. 7. С. 175.
- ¹⁷ Къркегор С. Болезнь к смерти // *Страх и трепет.* М., 1993. Ч. II. Отчаяние и грех. С. 313.
- ¹⁸ *Андрич Иво.* Аска и вук. // *Андрич И.* Собрана сочинениа. Т. 7. С. 176.
- ¹⁹ *Ibid.* С. 177.
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *Ibid.* С. 178.

VIII. Личный опыт ученого

Л.Н. Будагова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Из воспоминаний о военном времени

Abstract:

Budagova L.N. *From the memories of the wartime*

In the publication, the author tells about her childhood during the Great Patriotic War: everyday life and spirits among the family-members of employees of the USSR Academy of Sciences evacuated to Kazan and Frunze (now Bishkek). She describes their mutual relations and contacts with the local population, who were helping the guests to overcome difficulties of the war-time, mentions popular Soviet films, books and theater performances, quotes correspondence with the relatives, who stayed in Moscow, or were on the front.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Академия наук СССР, эвакуация, Казань, Фрунзе, академик Н.М. Сисакян, Парад Победы.

Когда началась Великая Отечественная, мне было 8 лет, когда закончилась – 12. Я из тех «детей войны», которые пережили ее в тылу, далеко от полей сражений. Они еще не доросли до того, чтобы пойти на фронт, но уже вполне понимали ужас разразившейся катастрофы. Им есть что рассказать, чем поделиться.

Очень хорошо помню 22 июня 1941 г. Мы в то время, как и пару раз до этого, снимали на лето комнатку в деревне на станции Барыбино. Мама, агрохимик-почвовед, сотрудница Тимирязевской академии, могла там без отрыва от двух своих детей заниматься производственной практикой, брать с помощью втыкаемого глубоко в землю бура почву для каких-то исследований. Зачем они были нужны, я не понимала, но с удовольствием сопровождала ее в походах по окрестным полям, наслаждаясь летней погодой и зарослями полевых цветов, среди которых почему-то особенно много было люпина. Помню как ждала я в мае 1941 г., после окончания 1-го класса 175-й средней школы г. Москвы, поездки в Барыбино, куда мы добирались на поезде, а потом долго шли с вещами пешком до деревни, как предвкушала встречу со знакомой детворой, игру в «штандар» или в «двенадцать палочек», хож-

дение босиком по росистой траве-мураве, не зная еще, что скоро прервутся эти летние забавы и станет не до них.

22 июня было воскресеньем, я, помогая маме по хозяйству, чистила картошку у ведра с водой. Вдруг из висевшей на стене черной тарелки репродуктора раздались чьи-то слова о начале войны. Я совсем не испугалась, но картошка с ножом выскользнула у меня из рук. В тот же день по дороге на косогоре, видной из деревни и ведущей на станцию, потянулись черные фигурки мужчин, заторопившихся в Москву, – то ли дачников, то ли работников опытной сельхозстанции, расположенной в бывшей дворянской усадьбе. Скоро перебрались в Москву и мы.

Где-то уже в июле или начале августа началась эвакуация части сотрудников Академии наук с семьями сначала в Казань, а потом в более глубокий тыл, в Киргизию. Уезжали мы втроем – мама, я и трехлетний братишка Ивочка¹.

В Казань нас провожали папа и его коллеги – известный микробиолог, академик В.А. Энгельгард и его супруга М.Н. Любимова, работавшая с папой в одном Институте. Две их дочери – моя ровесница Ляля и ее младшая сестра Наташа, а также их нянечка, ласковая уютная старушка, будто сошедшая со страниц русской классики, уезжали вместе с нами, в одном и том же плацкартном вагоне. Маме было поручено пригласывать за всей этой пестрой компанией. По приезде в Казань нас с дочками Энгельгардов временно поселили на одной из центральных улиц города, в квартире кого-то из научных работников, вероятно, коллег Владимира Александровича, который в 1929–1931 гг. был профессором биохимии Казанского университета и Казанского медицинского института. Вскоре наше семейство переехало в крохотную мансарду на верхотуре деревянного особняка, а потом нам дали комнатку в длинном бревенчатом доме барачного типа, стоявшего то ли в парке, то ли просто в окружении деревьев. Нашими соседками были две интеллигентные старушки, полюбившие Ивочку и дарившие нам какие-то дореволюционные открытки, веночки из атласной бумаги и другие поделки. Из пребывания в Казани запомнилось, как мама каждый вечер уходила на станцию «встречать багаж», с которым были связаны надежды на сахар, крупы и другие нужные вещи. Помню долгое стояние в очередях за пряниками и черными сухарями, которыми отоваривали продуктовые карточки, озеро Кабан, Казанский кремль, детскую библиотеку, теплую и светлую, куда я бегала за книжками, увле-

какая в то время кругосветными путешествиями или просто путешествиями Магеллана, Кука и других мореплавателей. Однажды, идя вместе с нами по казанской улице, мама нырнула в какой-то магазин и вернулась оттуда с объемным томом «Н.А. Некрасов. Стихотворения». Книгу эту, выпущенную до войны Детиздатом и ЦК ВЛКСМ, я оценила позже – и не только произведения одного из самых любимых маминых поэтов, но и сделанную на ней надпись, до сих пор хранящую теплоту маминых рук: «Моей славной дочурке Люсеточке с днем рождения. Мама 194...г.». Я и думать забыла о «своем дне» 3 сентября, а мама помнила, но, по-моему, в годы войны больше ни о каких семейных праздниках мы не вспоминали.

Папа, тогда молодой доктор биологических наук, ученый секретарь Института биохимии АН СССР, в эвакуации не был, всю войну оставался в Москве. В критический для столицы период вступил в ополчение. Из его письма от 21 октября 1941 г.: «Мои родные и ненаглядные Варюша, Люся, Ивочка! С 16 октября я нахожусь в Коммунистическом батальоне в качестве бойца. Наш батальон призван защищать нашу любимую Москву [...] Адрес мой пока неизвестен. Мы находимся там, где учились вместе. Родные места. Каждый уголок вызывает серию воспоминаний. Все мы умрем, но фашистов в Москву не пустим. Крепко целую. Ваш Н. Сисакян»². Судя по словам «Мы находимся там, где учились вместе», месторасположением батальона был район Тимирязевской академии, где учились мои родители. Потом папа был отозван из ополчения для выполнения правительственных заказов. 29 октября 1941 г., находясь в Казани и еще ничего не зная о судьбе супруга, мама писала ему в Москву: «Родной мой! Невыносимо желание установить с тобой скорейшую почтовую связь. После ужасного 15-го* я не получала от тебя ни одного слова. Так же ничего не имею от папы с мамой и от братьев [...] Дети и я здоровы. Если институт поедет (в более глубокий тыл – Л.Б.), то и нас обещали взять с собой, за что я очень благодарна коллективу. Больно, невыразимо больно не видеть тебя среди тех, кого я привыкла видеть только с тобой вместе. Не рассчитывая на скорое свидание с тобой, милый мой, родной, и с моими родными, стараюсь мужать-

---

* Самым трудным днем, днем паники в Москве, было, как установлено, 16 октября 1941 г.

ся, сдерживаться и лелею надежду на радостное будущее. Дети и я целуем тебя крепко. Твоя несчастная Варя»³.

В Казани мы пробыли всего одну зиму и где-то ранней весной отправились вместе с сотрудниками АН дальше, на Восток, во Фрунзе (теперь Бишкек), столицу Киргизии. Помню такой эпизод. Поезд мчится сквозь наступившую ночь, мама дремлет, лежа на полке. Ивочка пристроился на столике и смотрит в окно, где почти ничего не видно. В вагоне тишина, только колеса стучат. Вдруг наш малыш сжимает кулачок и грозит им заоконной тьме со словами: «Фронт, отдай папу!».

До Киргизии мы ехали долго, наш поезд то и дело останавливался на разъездах, пропуская идущие на запад эшелоны. На станциях взрослые бегали за кипятком, и я очень боялась, что мама отстанет от поезда. Не ручаюсь за достоверность, но вроде в нашем поезде ехал один известный детский писатель, который прокладывал себе дорогу в толпе пассажиров со словами: «Пропустите меня, я Маршак», на что в ответ ему родился такой стих: «Отвечали ишаки – мы и сами маршаки!».

По прибытии в Пишпек (пригород тогдашнего г. Фрунзе) мы жили какое-то время вместе с другими приезжими в большой комнате, спали на полу, а прежде, чем заснуть, весело возились вместе с моим братишкой и другой ребятней на огромном и жестком ложе. Был конец зимы 1942 г. На обочинах еще лежал белый, не тронутый грязью снег, на безоблачном небе ярко светило солнце, превращая снег в лужи. Мне запомнилась молоденькая, но достаточно агрессивная местная дурочка, которая наводила на нас страх, почему-то заставляя моего братишку ложиться на землю. К счастью, мы скоро оказались во Фрунзе, поселившись вместе с двумя семейными бездетными парами сотрудников АН в половине одноэтажного деревянного дома. Сначала мы жили в комнате, перегороженной занавеской, вместе с одной супружеской четой, потом нашей троице дали целую комнату с предбанником, а обе супружеские пары поселили вместе. Двери обеих комнат выходили на большую открытую террасу с длинным столом, за которым сходились для чаепитий и дружеских разговоров обитатели нашей половины дома. Все удобства находились в конце длинного двора, питьевую воду, которую брали из уличной колонки, держали в ведрах.

Центрального отопления в доме не было, была вроде бы русская печь, которую полагалось в отсутствие дров топить кара-

гачом, саксаулом или кизяком (навозными лепешками), но она, как правило, не разжигалась, а лишь дымила. Зимой в доме стояла температура ниже нуля, вода в ведрах покрывалась тонкой ледяной пленкой, спали мы на одной большой кровати в пальто, вечерами зажигали коптилку. Во Фрунзе мы прожили две весны – 1942 и 1943 гг., одну зиму и два лета. Папа оставался в Москве, два маминых брата были на фронте, бабушка с дедушкой – в недавно освобожденном от немцев Калининe (ныне г. Тверь). Мы долго ничего не знали об их судьбе. Наконец из Калинина пришла телеграмма от жены младшего маминого брата: «Все живы дом сгорел мама у меня. Вера». Уже после войны мы узнали некоторые подробности. Бабушка, Февронья Яковлевна Алексеева, до революции ткачиха на Морозовской мануфактуре, а при советской власти – председатель ВТЭКа, известный в городе человек, была в кем-то тайно подготовленных к приходу немцев списках советских людей, подлежащих расстрелу. Однако наши освободили город раньше, чем туда пришли каратели. После войны бабушку даже наградили медалью «За победу над фашистской Германией», что снимало с нее клеймо пребывания на захваченной врагом территории, вызывавшего подозрительность наших властей. Тетя Вера рассказывала, что во время оккупации в дом, где ютилась она со стариками и двумя крошечными дочками, как-то зашел немец и спросил по-русски у самой маленькой – Регинки: «Где твой папа?» Та ответила: «Фасиста бьет». «Что ты, Региночка!» – в ужасе закричали взрослые. «Я говорю, фасиста бьет», – упрямо повторила малышка. Немец засмеялся и ушел.

Но вернемся во Фрунзе. В целом, столица Киргизии жила жизнью далекого от боевых действий тыла, однако тесно связанного с войной: лечила в госпиталях раненых, принимала и обустроивала эвакуированных, отправляла на фронт своих сограждан. В центре города работал Оперный театр, в одном из служебных помещений которого занималась детская художественная студия, куда записалась и я. Там проводились уроки ритмики и пения. Потом театр сгорел, занятия в студии прекратились.

Зимой мы с мамой и братишкой часто ходили на вечерние сеансы в кинотеатр «Алатау», где было светло и тепло. Несколько вечеров подряд мы смотрели «Трех мушкетеров» – американскую комедийную версию романа А. Дюма, в которой д'Артаньян, сидя на лошади, распевал веселую песенку про Париж, а слуги в поварских колпаках тоже пели и веселились, оципывая кур, и все кон-

чалось очень хорошо. Ни я, ни, тем более, четырехлетний Ивочка, настоящих «Трех мушкетеров» еще не читали, поэтому кино нам это очень нравилось. Там же мы посмотрели фильмы «Иван Никитин, русский матрос», «Машенька», «Два бойца», полюбив и шаланды, полные кефали, и темную ночь, познакомились через боевые киноальбомы, которые часто крутили перед основными фильмами, с похождениями бравого солдата Швейка, шагнувшего из Первой прямо во Вторую мировую войну. Он дурачил германских офицеров, выходил победителем из всех передраг и распевал веселую песенку – «Сосиски с капустой вкуснее всех блюд, сосиски с капустой я очень люблю». Тогда же мы посмотрели и «Леди Гамильтон». Как-то, может быть во Фрунзе, а может и позже, мне попало стихотворение об этой личности. Кто его написал, не знаю, но пару строк из него помню: «За нее в Трафальгарском бою умирал ее славный любовник, лихой адмирал. И не знала та леди с малиновым ртом, что было тогда, что станет потом». Последние слова были цитатами из финала кинокартины. Там, узнав о гибели адмирала Нельсона, леди Гамильтон задерживает занавеску и лишается чувств. Потом кадры переносят зрителя на много лет вперед, когда состарившаяся леди завершает рассказ о своей жизни, фактически закончившейся с гибелью возлюбленного. На вопрос собеседника – «Что было тогда, что стало потом?», она отвечает: «Не было тогда, не было потом».

После возвращений из кинотеатра мама с Ивочкой укладывались спать, я же, сидя на общей кровати, не снимая верхней одежды и пряча ноги под одеялом, пристраивалась к коптилке и с упоением читала Жюль Верна и Майн Рида, замирая от страха над некоторыми страницами «Всадника без головы».

В глубоком среднеазиатском тылу мы, как и большинство эвакуированных, жили трудно, хотя и не умирали от голода. Работала столовая Академии наук, куда каждый будний день можно было ходить со своими судками за обедом из двух блюд: на первое полагалась «затирка» (жиденькое серое варево из неопознаваемой крупы или муки), на второе – «затируха», то же варево, только погуще. Насколько важны были эти затирки-затирухи, говорит такой случай. Однажды, когда я пришла за обедом, молодая интеллигентная раздатчица встретила меня бранью. Ее причина обнаружилась быстро. Оказывается, накануне моя подруга Ляля, дочь эвакуированных научных работников, которой лень стало идти в столовую, отправилась не туда, а на прогулку. Вер-

нувшись домой с пустыми руками, она сообщила, что встретила Люсю Сисакян, т.е. меня, которая ей сказала, что то ли все обеды кончились, то ли сегодня столовая закрыта. Вероятно, ее родители провели целое расследование, обнаружившее мою невиновность. На озорную Лялю я не обиделась, но случай тот остался в памяти. Зимой, помимо этих обедов, мы в основном питались хлебом и редькой. Картошка была лакомством, ее ели прямо с кожурой. Мяса вообще не было, лишь изредка удавалось достать конину. Я часто вспоминала, как до войны смотрела в Детском театре в Москве «Приключения Буратино», которого, по-моему, играла прекрасная актриса Коренева, помнила песенку главного героя: «Впереди бежит дорога, впереди чего-то много. Это очень хорошо, даже очень хорошо!». Но еще чаще я вспоминала, как во время антракта мама дала мне бутерброд из белого хлеба с любительской колбасой, сказав, что я могу съесть одну колбасу без хлеба. Я так и сделала, сожалела в годы войны, что не съела тот ломтик белой булки. Иногда мама ходила на донорский пункт сдавать кровь и брала нас с собой. Донорам полагался приличный обед с чаем на третью. Мама выпивала чай, обед же съедали мы с братишкой. Когда я жила уже отдельно от родителей и приходила к овдовевшей в 1966 г. маме, она старалась приготовить мои любимые котлеты или столь же любимую жареную рыбу. Ставя их на стол, мама говорила: «Ешь досыта», чем меня удивляла, потому что это само собой разумелось, к тому же я, стараясь сохранить фигуру, была больше озабочена тем, как съесть поменьше. Мама же, наверное, не могла забыть голодные военные годы, когда «есть досыта» было доступно немногим, и когда матери недоедали, чтобы лучше накормить своих детей.

Иногда мне приходилось одной заботиться о младшем братишке. Это случалось, когда мама болела. Однажды ее положили в больницу. Помню, как мы отправились вдвоем ее проведать. Мама подошла к закрытому окну на первом этаже, я с трудом подсадила братишку на подоконник, и он, глядя на нее, горько и беззвучно, как взрослый, плакал, вытирая слезы, а мама плакала с другой стороны, глядя на нас. Роль хозяйки мне давалась плохо. Как-то, оставшись за старшую, я попыталась разжечь примус, водрузив его на окно. Примус не разгорался, зато незаметно для меня загорелась занавеска. Послышался какой-то гул, я не понимала, где и что гудит, пока ворвавшаяся в нашу комнату соседка не сор-

вала запылавшую ткань и не отшлепала меня. К счастью, до пожара дело не дошло.

Нашу жизнь во Фрунзе скрашивали ранняя весна, буйно цветущий в соседнем дворе и щедро плодоносящий вишневым сад, в котором его хозяева разрешали «пасть» и нам, вид на снежные горные хребты, журчащие, когда «пускали воду», уличные арыки, где можно было купаться, добрейшая собака Хаймур, жившая в нашем дворе. Хаймур, ирландский сеттер рыжей масти, настолько любил знакомых людей, что улыбался при встрече, радостно поскуливая и растягивая пасть. Помню, как тот же пес молнией пронесся с другого конца двора к нам на террасу и вцепился в приبلудного ротвейлера Ральфа, который тяпнул меня за руку, когда я попыталась поправить его миску с едой. Своей хозяйкой Ральф избрал нашу маму, всюду ее сопровождая. Как-то раз он даже проник в помещение, где шло какое-то собрание, и побежал по проходу, отыскивая свое божество. Были у нас и свои домашние животные: котенок, заласканный мной и моими подружками, и дворняга Борзик, которого мама однажды принесла с рынка. Так и вижу, как мама улыбается с порога нашей комнаты, а под мышкой у нее торчит симпатичная щенячья морда с большими висячими ушами. Мы думали, что это кобель сенбернара, пока он не родил девять щенят. Помню, как боялись Борзика почтальоны и как он заступался за Ивочку, когда его пытались обидеть мальчишки: собака неожиданно возникала сзади и хватала обидчика за трусы, не причиняя при этом ему вреда.

Большим подспорьем для приезжих были огороды недалеко от Фрунзе, где выращивали фасоль и кукурузу. Наш огород возделывала мама, отправляясь туда с тяпкой с утра пораньше, пока мы спали и дома оставался кто-нибудь из соседей. «Роднула моя, – писала она папе в Москву 20 июня 1943 г. – Сейчас во Фрунзе 6 часов утра. Я уже проснулась. И так каждый день. Федотовы (соседи – Л.Б.) уехали на несколько дней в экспедицию. Я из-за домашнего дежурства вынуждена ходить на огород рано, пока Татьяна Андреевна (другая соседка, врач, жена профессора Мейселя – Л.Б.) дома. Вчера прорыхлила фасоль, посадила немного кукурузы. Фасоль у нас уже в стручках в 7–8 см. Ухаживаю за ней больше, чем за собой...»⁴. Огород этот, куда мы добирались через луга и поля, где среди полевых цветов алели дикие маки, помню, а как ели кукурузу и фасоль, нет.

На городском рынке продавались разные ягоды и фрукты, особенно дешево – мелкие абрикосики, их много помещалось в одном стакане. Однако в более сытное, чем зимой, летнее время детей косила дизентерия. Болели и дети сотрудников АН. Слышала про одного мальчика-подростка из семьи эвакуированных, который, сам хвоя, ухаживал за маленькими детьми, лежавшими с ним в больнице в одной палате, носил на руках малышей, убаюкивал. Однажды, стоя за чем-то в очереди, я услышала такой, потрясший меня разговор взрослых. Кто-то говорил о смерти чьих-то детей. В ответ было сказано: «Лишь бы сами остались живы. А дети еще будут...». Такое было время...

Когда сейчас приходится порой слышать «понаехали тут» и всякие нелестные слова в адрес граждан из среднеазиатских стран, бывших союзных республик распавшегося СССР, которые приезжают в Москву не от хорошей жизни, а чтобы поддержать своими заработками оставшиеся на родине семьи, меня коробит. Я вспоминаю время, когда мы, москвичи, и жители других городов России, спасаясь от войны, «понаезжали» в республики Средней Азии, которые безропотно и послушно, давали приезжим кров, кормили, помогали жить и выживать. С враждебным отношением абригенов к «понаехавшим» я не встречалась ни в Казани, ни во Фрунзе, если, правда, исключить популярные в ребячьей среде дразнилки эвакуированных кличками «жид» или «москвич». Где предпочитали одно, а где – другое, не помню. Меня это не коснулось ни во время игр с местными ребятами во дворе, ни в очередях за хлебом, ни в школе. Не могу умолчать, что именно во Фрунзе мне впервые признались в любви. Старшая сестра одного моего одноклассника из местных жителей, правда, не киргиза, а грузина, попросила почитать одну из моих любимых книг «Волшебник Изумрудного города» (американскую сказку «Волшебник из страны Оз» в чудесном пересказе А.М. Волкова). Книжку она, прочитав, вернула. Через какое-то время мама протянула мне выпавшую из нее записку: «Люся, ты лучше всех девочек в классе, я тебя люблю. Алик Сабанадзе». Это не произвело на меня никакого впечатления. Подобные признания я стала ценить гораздо позднее. Да, Алик дружил со мной, а когда наш 3-й класс посылали собирать с кукурузных початков клопа-черепашку, держался рядом, помогая мне наполнять злостным вредителем выданную для этого пустую бутылку. Потом он вдруг переменялся. При встрече на улице (были летние каникулы) не давал мне проходу, бросался

камями. Я стала его бояться, обходить опасные места. Только повзрослев и вспоминая Фрунзе, сообразила, что переменялся он ко мне после возвращения книги с его запиской, на которую я не прореагировала. Может, обиделся и мстил за равнодушие, а может, и разлюбил, ведь от любви до ненависти, как известно, один шаг.

О фрунзенской школе у меня остались самые добрые воспоминания, хотя, помня лицо учительницы, забыла ее имя. В школе нас не только хорошо учили, но и подкармливали. Каждый день мы получали на большой перемене по половинке серой булочки с кусочком постного сахара. Возможно, это было единственным завтраком для части школьников, среди которых случались голодные обмороки. Как не сказать здесь «спасибо» затиркам и затирухам, которыми подкармливали во Фрунзе научных работников!

Помимо учебы и борьбы с вредителями, мы выступали перед ранеными бойцами, читали им стихи, пели песни. Кое-что помню до сих пор, например стихотворение, чье название и авторство забыла. Как будто называлось оно «Письмо брата», а написал его скорее всего Александр Жаров:

Вслух прочел я друзьям на борту миноносца
Твой правдивый, терзающий душу рассказ.
Милый брат мой, не шторм в это время пронесся,
Не гроза ледяная над морем прошлась.
Значит, батяка висел над крыльцом сельсовета,
Сняли шубу и шапку на резком ветру...
Мать-старушка осталась разута-раздета,
Ходит вьюга-метель по пустому двору.
Ты не мог обознаться, в садочке у тына,
Где мы слушали в детстве журчанье ручья,
Обнаженной лежала в сугробе Марина,
Ясноглазая зорька, невеста моя...

Дальше не помню. Помню еще одно, маленькое и тоже безымянное стихотворение:

Проходили мы частицы НЕ и НИ.
А в селе стояли фрицы в эти дни.
И сказал учитель: «Фразу дайте мне,
Чтобы в ней встречались сразу НИ и НЕ».
Мы взглянули на солдата у ворот,
И сказали:
«НИ один фашист проклятый

От расплаты НЕ уйдет!».

Из школьных праздников запомнился пионерский костер в честь годовщины Октябрьской революции. Наверное, это было в ноябре 1942 г., когда во Фрунзе еще стояло лето. После окончания праздника школьникам раздали по свернутому из газеты кулечку с фруктами – гроздь винограда, персик, несколько слив. Свои гостинцы я понесла домой, братишке. Вдруг промчавшийся мимо мальчонка вырвал, прямо на бегу, кулек из моей руки. Оставшись с одной виноградинкой в клочке газеты, я заорала от обиды и отчаяния, что не сумею порадовать брата.

Обозревая прошлое, начинаю осознать, что в эвакуации наша жизнь шла своим чередом и, к счастью для нас, детей, без особых потрясений. Однако сколько всего пришлось пережить маме! Только взрослой я поняла причины того нервного состояния, в котором находилась она во Фрунзе, порой проявляя ко мне излишнюю строгость. Война, тревога за жизнь близких, за нас с Ивочкой мешали ей сохранять хладнокровие. Я даже завидовала знакомым девочкам из «цековского дома» напротив, у которых были, как мне казалось, «ласковые» мамы. На Ивочку ее отрицательные эмоции, к счастью, не распространялись. Да и он, добрый и послушный малыш, не давал к ним повода. Но, сердясь на меня по пустякам, мама легко прощала серьезные провинности. Например, когда я без спроса запускала руку в заветный мешочек с карамелью, висящий на стене в темных сенях, и незаметно для себя его опустошила. Обнаружив вместо конфет сладкую труху, мама совсем не ругалась, понимая чувства голодного человечка. Она работилась и о нашем досуге, водила на спектакли московских театров, то ли заезжавших, то ли пребывавших во время войны во Фрунзе. Так, мы посмотрели в Летнем театре спектакль вахтанговцев «Олеко Дундич», кроме того, не помню чью, постановку пьесы К. Симонова «Жди меня». Она брала нас и на концерты для сотрудников Академии наук. Больше других актеров мне запомнился прекрасный пародист Илья Набатов, распевавший на мотив «Сказок Венского леса» Штрауса такие куплеты:

Я с дивизией СС
прибил утроем в энский лес,
ух, морозный биль погод –
приближался Новый год.
Я построил всех во фронт,

показаль на горизонт,
где Москва виднелся:
«Будем греться на печи,
Обжираться калачи».
Я сказала: «За мной в атак!».
А трубач трубиль вот так,
будто так трубиль трубач,
будто намекаль трубач:
«Адольф Гитлер – всемирный трепач!».

Не забываю и о том, как мастер художественного слова, актриса Наталия Эфрон (за точность не ручаюсь) читала поэму К. Симонова «Сын артиллериста». Речь там шла о двух друзьях, советских офицерах, и воинском подвиге сына одного из них, который, корректируя в тылу у немцев огонь наших батарей, вызвал его на себя, но, к счастью, остался жив, только поседел. Запомнила я и прекрасные строки рефрена: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!» – Такая уж поговорка у майора была» (Я сознательно не проясняю какие-то детали, пишу о том, как и что запечатлелось в памяти и хранится в ней всю жизнь).

На исходе лета 1943 г. мы вернулись в Москву, в наши две маленькие, «косолапенькие» (как выражалась мама) комнатки общежития докторантов Академии наук, где мы жили до войны. Оно помещалось на улице Горького, на последнем пятом этаже дома 22 «А», построенном из чердачного помещения. (Этот дом, увеличенный с тыльной части, сохранился до сих пор.) Там был длинный коридор, по обе стороны – комнаты со скошенными потолками на 9 семей, общая кухня, две раковины, два туалета. Воды часто не было, поэтому ее запасы хранились в больших баках на кухне, где в корытах купали маленьких детей. Но работало центральное отопление, радио, горел электрический свет, было тепло и светло. А главное, за окнами шумела Москва... Я поступила в свою 175-ю школу, ставшую женской, в 4-й класс, встретив там и тех, с кем училась в 1-м классе, и новых учениц. Среди них была Фаня Димитрова, дочь погибших китайских революционеров, которую удочерил Георгий Димитров, герой Лейпцигского процесса, видный деятель Коминтерна и Болгарской компартии; Марина Капица, племянница академика Петра Капицы. Вместе с женой, добрейшей тетей Аней, дочерью академика Крылова, они не только растили двух своих сыновей – Сергея и Андрея, но и опекали живших в их семье племянника Леонида и Марину, вывезенную

из блокадного Ленинграда. Мы сидели с ней за одной партой, пока она не уехала в Ленинград, продолжали общаться и потом, «на расстоянии». К сожалению, прожила она всего 28 лет. Марина была литературно одаренным человеком, писала прекрасную прозу и стихи. За свои рассказы, выигравшие какой-то конкурс, была награждена путевкой в Артек. Прорыв ленинградской блокады (18 января 1943 г.) и снятие блокады (27 января 1944 г.) она отметила стихотворением, из которого помню только слова: «Блокада прорвана, ура!.. Блокада снята!». С двумя своими одноклассниками, которые пришли в нашу школу во время войны, – математиком Э.С. Луховицкой и архитектором Ю.А. Лебедевой, ставшими моими лучшими подругами, я не теряю связей и сейчас.

После возвращения в Москву запомнились первый салют – он был в честь взятия Минска, и захваченные в плен немцы, чья молчаливая процессия в сопровождении конвоиров тянулась по улице Горького мимо нашего дома. На тротуарах было полно людей, тоже молчавших, не позволявших себе ни выкриков, ни угроз в адрес побежденного врага.

В январе 1944 г. пришло известие о гибели старшего маминного брата Алексея Петровича Алексеева. Друг и полный (с разницей в один день) ровесник нашего папы, он тоже окончил Тимирязевку. Специализируясь в области гидромелиорации, стал кандидатом технических наук. Перед началом войны дядя Алеша вместе с семьей был командирован в Эстонию. Там и застала их война. Во время возвращения, практически бегства в Москву, многие документы пропали. В результате, Алексея Петровича взяли в армию рядовым, однако он дослужился до звания заместителя командира полка по политчасти, был награжден двумя орденами Боевого Красного знамени. Смертельно раненный в боях за освобождение Белоруссии, он покоится в братской могиле в г. Калинковичи. Два его письма моим родителям увидели свет⁵. Одно из неопубликованных писем от 22 августа 1942 г. было адресовано мне. Привожу его с сохранением орфографии автора.

«Милая моя Люсенька, золотая моя племянница! Большое спасибо тебе за письмо оно явилось для меня большой радостью! Ты молодец, что отлично учишься, это очень важно, дорогая Люся, чем лучше ты учишься, тем больше ты будешь знать и, следовательно, тем богаче, красивее и полезней будет вся твоя жизнь, тем больше будут уважать и любить тебя все родные, близкие и посторонние люди (подчеркнуто автором письма. – Л.Б.).

Просьбу твою беспощадно истреблять фашистскую саранчу я исполняю и буду исполнять пока бьется мое сердце, полное любви к моей родине и к моим родным в том числе и к тебе моя ненаглядная племянница! Мои бойцы и лично я уже покосили некоторое количество фрицев из пулеметов и автоматов, но этого еще очень мало – будет больше! Когда приеду, я тебе расскажу о войне, здесь много страшного но много и интересного. Поцелуй крепко за меня маму с папой и нашего будущего коммуниста и бойца Ивочку! Все такой-ли он бутуз как раньше был или похудел теперь? Затем у меня к тебе просьба пиши мне в письмах не «Вы» а «ты», как раньше говорила. Потом когда увидимся может быть нужно будет и обращаться на Вы, а пока я хочу помнить тебя такою, какая ты была когда я видел тебя еще до отъезда в Эстонию

Крепко, крепко целую
твой дядя».

14 октября 1944 г. в Покров день родился мой самый младший братишка, Алеша. Когда папины сотрудники спрашивали, не в честь ли Алексея Николаевича Баха, известного академика, чье имя станет носить Институт биохимии АН СССР, и любимого учителя нашего отца назван его младший сын, папа всегда честно отвечал, что назван он в честь Алексея Петровича Алексева, погибшего на войне брата любимой жены. Алексей Нораирович (1944–2010) не посрамил памяти своего дяди, с которым они разминулись во времени, стал замечательным ученым, физиком-теоретиком, выпустил несколько сборников талантливых стихов. Как и папин учитель – Алексей Николаевич Бах, он был избран действительным членом АН, возглавлял Объединенный Институт ядерных исследований в Дубне, прожил яркую, но короткую – как и большинство мужчин по папиной линии – жизнь. Именно Алеша отыскал в Белоруссии во время одной из своих командировок и сфотографировал братскую могилу, где похоронен Алексей Петрович и где в общем списке погребенных прочитывается и его имя.

Младший мамин брат, Борис Петрович Алексеев (тот, который «фасиста бьет»), к счастью, вернулся домой, продолжил свою профессиональную деятельность – преподавал историю в средней школе и школе рабочей молодежи. Он был большим патриотом Тверской области, подчеркивал уникальность своих земляков. С гордостью говорил мне, что если вокруг них живут одни вятичи, то они сами – кривичи, или наоборот, они сами – вятичи, а кривичи – вокруг. Я в этой этнографии не разбиралась, и мне

было без разницы, к какому племени восходят истоки моей любимой русской родни.

Ночью с 8 на 9 мая 1945 г. меня разбудили рыдания мамы, которая повторяла «Алеша!.. Алеша!..», оплакивая не дожившего до победы брата. По радио передавали акт о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Наступал великий праздник, поистине «со слезами на глазах»... Помню Красную площадь 9-го мая, толпу народа, всеобщее ликование – «праздник, который всегда с тобой».

Мне посчастливилось побывать и на Параде Победы 24 июня 1945 г., куда взял меня отец. Правда, я скорее слышала, чем видела все то, что происходило тогда на Красной площади. Места для сотрудников Академии наук были у ГУМа, на противоположной от Мавзолея стороне. К тому же перед нами стояла музыкантская команда. Шел дождь (тогда еще не научились разгонять дождевые облака), и я смотрела, как темнеют, намокая, мундиры музыкантов и как в паузах они выплескивают воду из своих духовых инструментов. Самый волнующий момент – низложение к подножью Мавзолея штандартов и флагов поверженного врага – можно было угадать по барабанной дробе нашего оркестра. С тех пор всегда приникаю к телевизору, когда показывают этот парад, стремлюсь разглядеть то место, где стоит оркестр, а за ним – и мы с папой...

Примечания

¹ В будущем – Иосиф Норайрович Сисакян (1938–1995) – профессор, доктор физико-математических наук, директор ЦКБ уникального приборостроения РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

² Академик Норайр Мартirosович Сисакян. Ученый. Учитель. Патриот. М., 2003. С. 49.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же. С. 63.

С.И. Данченко
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Сараево – 1975. Воспоминания

Abstract:

Danchenko S.I. Sarajevo – 1975. Recollections

The author refers to one of the most important events in the history of the Slavic studies in the Soviet Union in the second half of the twentieth century. She recalls her participation in the delegation of soviet historians in the International scholarly conference dedicated to the centennial anniversary of the Great Eastern Crisis of 1875–1878, celebrated in Sarajevo in the autumn of 1975.

Ключевые слова: Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., Босния и Герцеговина, Сараево, Международная научная конференция 1975 г., славяноведение, международные отношения, воспоминания.

Мои воспоминания относятся к событиям 40-летней давности и посвящены выдающемуся, на мой взгляд, событию в истории мирового научного сообщества – Международной научной конференции в связи со 100-летием начала Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг., проходившей 30 сентября – 2 октября 1975 г. в местечке Илиджа под Сараево (СФРЮ).

С тех пор минуло уже почти четыре десятилетия, но, тем не менее, стоит мне только мысленно настроиться на «сараевскую волну», как тут же, стремительно пронесаясь по «коридору памяти», я вновь оказываюсь там, в далеком балканском городе, и вновь погружаюсь в удивительную атмосферу, которая сложилась во время работы конференции и которую мне хотелось бы передать в своих воспоминаниях.

Из Советского Союза в Сараево отправилась довольно многочисленная и представительная делегация во главе с академиком Алексеем Леонтьевичем Нарочницким, директором Института истории СССР АН СССР (ныне – Институт российской истории РАН). В нее входили: профессор МГУ, историк-югославист Виктор Георгиевич Карасев; ленинградский профессор Кирилл Борисович Виноградов, специалист по истории международных отношений; из Института славяноведения и балканистики АН СССР (так в то время назывался Институт славяноведения РАН) – будущий академик Юрий Алексеевич Писарев, Ирина Степановна Досьян, Тофик Муслимович Исламов и я; в делегации находился так-

же ответственный работник отдела науки ЦК КПСС – в качестве нашего сопровождающего и куратора – Владимир Иванович Куликов.

Все члены делегации, кроме Владимира Ивановича, подготовили для выступления доклады (через два года опубликованные)¹ – по различным вопросам международной политики, русско-сербских отношений и общественных связей в 70-е годы XIX в.

Недавно я перебирала старые фотографии (еще черно-белые) из своего фотоархива и, наткнувшись на «сараевские», вдруг остро осознала: из наших, советских ученых, осталась только я, других уже нет. Как это печально!..

А на этих фотографиях в окружении югославских коллег все такие счастливые, с сияющими глазами, даже официально сдержанный Алексей Леонтьевич Нарочницкий. Что уж говорить обо мне, впечатлительной и жизнерадостной от природы. Эмоции, и все положительные, так и били из меня ключом: я впервые в Югославии, стране, о которой мечтала с третьего курса Университета, слышу вокруг (и даже понимаю!) настоящий сербский язык. И мне всё, абсолютно всё нравится: скромная гостиница, куда организаторы конференции поселили всех ее участников (это был небольшой санаторий для нервнобольных – мы по этому поводу все время шутили), тенистый парк вокруг нее, духовой оркестр, который по вечерам играл в этом самом парке вальсы Иоганна Штрауса, а еще лесистые горы вдаль, изумлявшие буйством красок.

Встретили нашу делегацию в Сараево очень тепло. До этого мы целый день провели в Белграде. Общей программы у нас не было, и те, кто уже бывал здесь не раз, отправились в гости к югославским друзьям и знакомым. Академик Нарочницкий, как *vip*-персона, был окружен повышенным вниманием и заботой посольских работников. В.И. Куликов знакомился с Белградом в одиночку, а мы с Тофиком Муслимовичем Исламовым, известным отечественным историком-унгаристом, специалистом по истории Австро-Венгрии XIX–XX вв., вдвоем отправились на прогулку по центру города, поскольку никаких знакомых у нас не было.

Как сейчас помню: в тот воскресный день 29 сентября 1975 г. в Белграде стояла чудесная, очень теплая погода. Мы неспешно прогуливались по оживленным улицам, глазели на витрины и афиши кинотеатров с рекламой зарубежных фильмов с уклоном в эротику, фотографировались, пили минералку «Кнез Милош» в уличной кафане и беседовали. Тофик Муслимович не знал сербского языка, но совершенно не комплексовал по этому по-

воду. Это, а еще его остроумные реплики, умные суждения по «серьезным» вопросам, его фантастическая эрудиция и удивительная доброжелательность не могли не вызывать у меня восторга и уважения. И именно с того дня началась наша многолетняя дружба, продолжавшаяся вплоть до его кончины в декабре 2004 г.

Перелет Белград-Сараево длился недолго – около часа. Кажется, вот только что мы вошли в салон самолета, уселись в удобные кресла, взлетели, и хорошенькие стюардессы «обнесли» пассажиров вином, как уже объявили посадку. В аэропорту Сараево нас встретил и проводил в гостиницу на Илидже известный ученый, бывший министр культуры Боснии и Герцеговины в бывшей союзной Югославии Раде Петрович, являвшийся одним из руководителей нашей конференции.

А длинный, насыщенный событиями день 29 сентября, начавшийся ранним утром в Москве, в аэропорту Шереметьево, все еще продолжался и закончился в ресторане гостиницы поздним ужином в обществе любезного Раде Петровича. Уже с трудом улыбаясь и проигнорировав какие-то слова на русском и сербском языках, страшно усталые мы разошлись по своим одноместным номерам...

А уже на следующий день один за другим начали прибывать остальные участники конференции – из разных республик бывшей Югославии, а также из Болгарии, Австрии, Франции, ФРГ и ГДР, США и Турции (один делегат – Скендер Ризай). В холлах и залах гостиницы зазвучала многоязыкая речь, и, как говорится, понеслось. Вернее, понеслись дни, до предела насыщенные заседаниями в нескольких секциях, дискуссиями, полемикой, иногда на повышенных тонах, встречами.

Все было прекрасно организовано – организаторы конференции постарались на славу. Кормили нас трижды в день совершенно бесплатно в ресторане гостиницы (больше ста человек) – за счет Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. В специально оборудованных под синхронный перевод залах проходили заседания секций. Даже не возбранялось, ввиду жары и духоты, выходить с аппаратурой в парк и там, сидя в тенистых аллеях на лавочках, слушать доклады. Просто фантастика!

Вообще, эти несколько дней на Илидже, а затем в Черногории, в Герцег-Нови, были для меня тогда и остались до сих пор временем какого-то абсолютного счастья. А еще незабываемым мастер-классом, как это принято обозначать сегодня. От своих старших коллег по Институту славяноведения я уже знала, как хо-

рошо бывает за границей на международных конференциях. Но одно дело слышать и совсем другое – видеть все самой и участвовать в происходящем. В своей делегации я была на правах «младшего медведя» и, хотя приехала, как и остальные, с докладом – о политике русского правительства в период сербо-турецкой войны 1876 г., имела целый ряд секретарских обязанностей: во-первых, перевод во время бесед академика Нарочницкого, не знавшего сербского языка, с югославскими учеными, а во-вторых, работа в качестве секретаря советско-югославской Комиссии историков, созданной в 1974 г. в Москве. С советской стороны ее председателем был А.Л. Нарочницкий, а сопредседателями – Ю.А. Писарев и В.Г. Карасев. Во время сараевской конференции состоялось очередное заседание Комиссии, и, разумеется, секретарской нагрузки у меня было немало, в том числе ведение и оформление различных протоколов и в первую очередь итогового, содержание которого неоднократно обсуждалось и изменялось. Затем итоговый протокол нужно было напечатать на двух языках – русском и сербском, чтобы руководители Комиссии с обеих сторон могли его подписать. Вся техническая подготовка этого важного документа легла на меня и на Радомана Йовановича, секретаря югославской части Комиссии. О компьютерах в 1975 г. и слыхом не слыхивали – главным орудием секретаря была пишущая машинка. Но если машинка с сербским шрифтом в гостинице была, то где взять аналогичную с русским шрифтом? И тут на помощь нам пришел Виктор Георгиевич Карасев. Он узнал от своих югославских друзей, что нужная машинка имеется на историческом факультете Сараевского университета, и быстро договорился с его тогдашним деканом Марко Шуничем, что я отпечатаю на ней необходимые документы.

На конференции члены советской делегации были заявлены со своими докладами в разных секциях: я вместе с Т.М. Исламовым, А.Л. Нарочницким, Ю.А. Писаревым и К.Б. Виноградовым – в секции по международным отношениям и внешней политике великих держав на Балканах в 1875-1878 гг. (здесь же присутствовал, без доклада, В.И. Куликов), а В.Г. Карасев и И.С. Достян – в секции по связям славянских народов в тот же период.

Докладов было много, и их уровень, насколько я могла судить тогда, был очень высокий. Да иначе и быть не могло, ведь в Сараево собрались ведущие специалисты из разных стран по истории югославянских земель и международных отношений в пе-

риод Великого Восточного кризиса. Все доклады выслушивались с вниманием и большим интересом, затем задавались вопросы (и их было немало), и каждое заседание заканчивалось оживленной дискуссией. Помню весьма эмоциональное выступление (на сербском языке) коллеги из Турции Скендера Ризая, довольно молодого и симпатичного человека. Говоря о сложности взаимоотношений Османской и Российской империй в 70-е годы XIX в., он остановился на значительной роли в их развитии тогдашнего российского посла в Константинополе графа Николая Павловича Игнатьева, хитрого и ловкого, по словам докладчика, дипломата, который буквально оплел своими интригами султана и Порту, оплел и влез в доверие настолько, что ему единственному из послов было разрешено проходить на приемы через гарем (это заявление вызвало вполне понятное оживление в зале заседаний). При этом господин Ризай почему-то во время своего яркого выступления с явным осуждением смотрел на нас, советских ученых (сидевших рядом компактной группой), словно это мы вдохновили графа Игнатьева на такую дерзость, да и вообще виноваты в событиях столетней давности. Откровенно говоря, это было очень смешно, и я видела, как и другие участники заседания с трудом сдерживают улыбки. Однако Алексей Леонтьевич Нарочницкий, наш строгий руководитель, не разделял всеобщего благодушно-смешливого настроения. В ответ на «инсинуации» турецкого историка он счел необходимым разразиться целой речью, в которой дал общую панорамную картину русско-турецких отношений, фактически изложил концепцию советской исторической науки по данной проблеме. При этом вид у нашего академика был очень суровый, почти прокурорский, за что впоследствии он получил замечание от «товарища из ЦК» В.И. Куликова. «Конечно, бдительность и боевитость нужны, Алексей Леонтьевич, – сказал он, – но не надо обострять. Не забывайте, что мы не в трибунале, а всего лишь на Международной конференции и общаемся с коллегами, а не с преступниками». Кстати, Скендер Ризай так, по-моему, ничего и не понял – о том, что его критиковал советский академик. Он все время улыбался, со всеми здоровался, пытался завязать знакомства. Однако, по моим наблюдениям, все было по отношению к нему вежливо, но как-то холодно и на дружеский контакт не шли. Времени для неформального общения у нас было мало, но все-таки оно, хоть и урывками, происходило. Например, вспоминаю наши разговоры в перерывах конференции с болгарскими, в то время мо-

лодыми, но уже известными историками – Константином Косевым (нынешним академиком) и Андреем Пантевым, очень симпатичными людьми. Мы были немногочисленными представителями более молодого поколения на данном форуме и как-то тянулись друг к другу, во всяком случае, по парку гуляли и беседовали вместе. Скендер Ризай тоже неоднократно стремился к нам присоединиться, но все его попытки вклиниться в наши беседы ни к чему не привели: мужчины-болгары тут же замолкали и старались отделаться от него. И это тоже было смешно – как будто устраивали ему обструкцию за грехи угнетателей-османов.

Каждый вечер, после всех мероприятий и ужина, мы, члены советской делегации, в обязательном порядке собирались вместе – «для отчета и инструктажа». Как сейчас слышу строгий голос академика Нарочницкого, призывающего нас к большей активности на конференции, «в целях утверждения позиций передовой советской исторической науки». Вообще-то это был не его стиль общения с коллегами. Никто из нас не сомневался, что чуть раньше Алексея Леонтьевича в соответствующем духе инструктировал представитель ЦК КПСС В.И. Куликов, кстати, милейший, образованный и умный человек, прекрасно владевший немецким языком. Во всяком случае, доклады, звучавшие на конференции на языке великого Гете, бывший партизан слушал без наушников, т.е. отказываясь от синхронного перевода. Но таковы были правила игры (имеется в виду инструктаж о содержании докладов и стиле нашего поведения), и мы старательно делали вид, что принимаем их как должное.

Наша делегация была очень дружной и довольно заметной на конференции. Не только известные югославские историки (среди них – знаменитый академик Васа Чубрилович, Никола Петрович, Раде Петрович, Миомир Дашич, Милорад Экмечич и др.), уже имевшие в то время научные и дружеские связи с Ю.А. Писаревым, В.Г. Карасевым и И.С. Достян, но также представители других стран стремились в кулуарах пообщаться с советскими учеными. Ведь в то время такие масштабные научные форумы проходили довольно редко, и всем хотелось использовать такую прекрасную возможность для личного общения и установления новых контактов. Я видела, с каким уважением относились к моим старшим коллегам ученые из самых разных стран, и гордилась этим.

Однако описание событий сараевской конференции будет неполным, если упустить некоторые примечательные детали из

разряда «исторической повседневности». Именно об этом я и хочу рассказать. Дело в том, что каждый день, после ужина, в большом холле первого этажа гостиницы за огромным круглым столом в неформальной обстановке собирались многие участники конференции. Начались эти посиделки стихийно, но сразу же стали невероятно популярны и посещаемы. Здесь уже не дискутировали и не отстаивали свою позицию, а просто отдыхали в дружеской компании, пили вино и пели (!). При этом югославы были вне конкуренции – их мощный дружный хор, на мой взгляд, мог без всяких дополнительных репетиций хоть сейчас отправляться в турне и выступать на любой сцене. Даже не верилось, что это поют ученые, а не профессиональные певцы. На их фоне амбициозные немцы из тогдашней ГДР со своим «жидким» репертуаром и заметной неслаженностью исполнения, безусловно, проигрывали. Но вот дошла очередь до нас, и мы тоже выступили, можно сказать, не только от лица передовой советской исторической науки, но и за весь советский народ.

А дело было так. Как только за столом стихийно возникло «хоровое» соревнование, академик Нарочницкий, быстро сориентировавшись в обстановке, как настоящий руководитель, распорядился, чтобы и мы в нем приняли участие. У Алексея Леонтьевича в те дни вообще была какая-то навязчивая идея о всемерном распространении нашего родного языка, «великого и могучего». «На конференции должен звучать русский язык!» – то и дело повторял он. Наверняка, таково было распоряжение вышестоящих инстанций, озабоченных борьбой с «тлетворным влиянием Запада» во всех его формах, а не его личная «придумка». Во всяком случае, академик «заказал» нам русскую песню, а еще лучше две или три, чтобы «переплюнуть» хотя бы немцев. Правда, тут же выяснилось, что сам он петь не собирается по причине... (причин было много и все важные). Остальные члены делегации, присутствовавшие в тот вечер за столом (Виктор Георгиевич Карасев, Кирилл Борисович Виноградов, Юрий Алексеевич Писарев и я), были готовы петь – тоже по многим причинам, а главное – было очень весело, но текстов песен практически не знали, за исключением двух куплетов известного застольного шлягера «По диким степям Забайкалья». Алексей Леонтьевич уже готов был вспылить и всерьез на нас рассердиться, но тут Виктор Георгиевич обернулся ко мне и сказал: «Светлана, давай запевай, ты же говорила, что пела в школьном хоре, а мы тебе подпоем». Действительно, в

далеком детстве я была запевалой нашего школьного хора, который с большим успехом исполнял на разных торжественных собраниях взрослых пионерские, комсомольские, патриотические и русские народные песни. И вот сейчас это пришлось очень кстати. Во всяком случае, песни «Одинокая гармонь», «Ивушка», «Старый клен» и ряд других, прозвучавших в Сараево, вызвали шумное одобрение у не совсем трезвых слушателей. Причем, вначале Виктор Георгиевич, также стихийно ставший хударком нашего вокального ансамбля, кратко сообщил на сербском языке содержание песни, а потом мы ее исполняли. Он пел вторым голосом, остальные, в том числе югославы, подпевали нам без слов. Классное было выступление! Незабываемое! Так и хотелось тогда крикнуть на весь мир: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» И академик Нарочницкий остался нами доволен. Как говорится, молдцы, не подкачали, отсталяли честь великой Родины!

Ну, а особый восторг многочисленной зарубежной аудитории вызвала та песня, с которой мы выступили с Виктором Георгиевичем (заранее немного порепетировав) во второй вечер, – знаменитый, но незатейливый хит «Миленький ты мой, возьми меня с собой...» И вновь исполнению предшествовало краткое изложение песни на сербском языке, тут же знатоки-полиглоты переводили его соседям по столу на немецкий и английский языки, а болгары понимали без перевода. Видимо, безысходная, трагическая жизненная ситуация, изложенная в песне, – невозможность для двух любящих сердец быть вместе – взяла за душу всех участников сараевских посиделок. Во всяком случае, исполняли мы ее с Виктором Георгиевичем на «бис» неоднократно. Кстати, спустя несколько лет, уже в Белграде, меня включили в состав редколлегии совместного советско-югославского издания «Югославыне и Россия в XIX веке» (это была большая честь и повышение моего научного статуса) только потому, что кто-то из югославов вспомнил, как в 1975 г. в Сараево я прекрасно пела русские песни, в том числе «Миленький ты мой...», а значит, являюсь хорошим специалистом и смогу достойно трудиться при подготовке важного международного проекта.

А вот еще один «неформальный» штрих (правда, не такой веселый) к картине событий сараевской конференции. У Ю.А. Писарева, возвращавшегося в гостиницу из Сараево с экскурсии, в переполненном автобусе украли бумажник с деньгами и, что самое ужасное, с заграничным паспортом. Тот, кто жил в то время в

СССР, знает, что для человека это была настоящая трагедия, тем более для коммуниста. И неважно, что сам пострадавший уже был наказан, впереди его ждала еще большая кара: он мог до конца своей жизни стать «невыездным» с формулировкой: «за утрату бдительности», «небрежное отношение к советскому паспорту» и т.д. и т.п.

Все это прекрасно понимал опытный Юрий Алексеевич. Сказать, что он был расстроен, значит, ничего не сказать – он был просто раздавлен свалившейся на него бедой. Ситуация усугублялась еще и тем, что в делегации находился сотрудник отдела науки ЦК КПСС, наш негласный куратор, конечно, милейший человек, но ведь он представлял систему... И он уже готовился обрушиться на бедного Юрия Алексеевича с соответствующими обвинениями. Но тут вмешался Виктор Георгиевич Карасев.

Впоследствии я много размышляла над этой ситуацией и поняла, что тогда в Сараево Виктор Георгиевич фактически спас своего друга и коллегу. Конечно, все мы поддерживали Юрия Алексеевича, проявляли участие, нашли для него необходимые лекарства, когда «прихватило» сердце, но его истинным «спасителем» стал Виктор Георгиевич. Ведь именно он нашел нужные аргументы в его защиту перед В.И. Куликовым и академиком Нарочницким – он припугнул их, что если они будут «клеить» Юрию Алексеевичу, то у того может случиться инфаркт. А самому Юрию Алексеевичу он сказал (я присутствовала при этом разговоре), что все случившееся, в конечном счете, – ерунда, из-за которой не стоит расстраиваться всерьез, что на обратном пути в Белграде ему выдадут в посольстве справку вместо паспорта и что по возвращении в Москву Юрий Алексеевич все объяснит в соответствующих инстанциях. И, конечно, будет продолжать ездить в командировки в Югославию, как ездил, потому что таких ученых, как он, у нас в СССР можно пересчитать по пальцам. И еще. Другим членам делегации Виктор Георгиевич говорил, что Юрий Алексеевич, конечно, слишком беспечно вел себя в автобусе и сам во всем виноват, но ему самому он об этом даже не намекнул.

И постепенно Юрий Алексеевич приходил в себя, а через несколько дней, уже в Черногории, к нему вернулись и хорошее, «заграничное» настроение, и присущий ему юмор.

И вот уже перед гостиницей на Илидже стоят автобусы – конференция закончилась, и теперь ее участников, главным образом иностранных, организаторы везут на экскурсию в Мостар, столицу тогдашней Герцеговины, город, о котором я столько

читала и в исторических романах, и в книгах известных югославских писателей, и в архивных документах. А еще, разумеется, видела в красочных альбомах и на открытках. Мы, советские делегаты, тоже едем, но только не в автобусах, а на машинах черногорских историков, потому что после Мостара нам еще предстоит побывать в Герцег-Нови, городке на Адриатическом побережье. Там мы будем гостями Общества историков Черногории.

Во время нашего непродолжительного путешествия стояла чудесная погода. Не знаю, как остальные, но я мысленно все время «улетала» в Москву. Было начало октября, и наверняка дома было холодно, ветрено, сыро. А здесь, в горах Герцеговины, было замечательно, по-летнему тепло, и леса радовали глаз своей пышной растительностью.

В Мостаре мы посетили мемориал, посвященный памяти мостарцев, погибших во Второй мировой войне. Этот памятник на склоне горы произвел на всех очень сильное впечатление: сотни белых плит в виде пней с именами героев – вот так же были подрублены беспощадной войной их молодые жизни. А вместо привычного для нас вечного огня – вечный источник журчал в центре мемориала. И какая-то особая тревожная тишина вокруг, и легкий ветерок, и Мостар внизу, хорошо видный с горы...

А потом мы спустились вниз, постояли на знаменитом мосту, посмотрели, как с него прыгают в реку бесстрашные мальчишки, и, пройдя по улочкам старого города, начали прощаться с коллегами по конференции. Все, кроме нас, возвращались в Сараево, а затем домой. Наш же дальнейший путь лежал в Черногорию. Был он неблизкий, но пролетел как-то незаметно...

В Герцег-Нови мы приехали вечером, когда уже стемнело. Черногорские коллеги во главе с Миомиром Дашичем разместили нас в прекрасном многоэтажном доме-башне из светлого кирпича примерно в ста метрах от моря. Рядом, во дворе, среди раскидистых и даже цветущих (в октябре!) деревьев и кустарников находилось одноэтажное, очень уютное здание ресторана, где нас ждал дружеский ужин. Без преувеличений можно сказать, что он был роскошный. Чего только не было на огромном столе – просто глаза разбегались от такого изобилия! И после всех умопомрачительно вкусных яств нам еще был преподнесен огромный торт-мороженое, какой-то особенный, изготовленный специально для нас, который нельзя было не съесть, хотя, как говорится, было уже некуда.

После вкусной еды, после многочисленных тостов на русском и сербском языках нас, членов советской делегации, сильно клонило ко сну, ведь мы так рано встали в Сараево и проделали такой неблизкий путь в Герцег-Нови. И теперь было бы хорошо отдохнуть в отдельных номерах с окнами на Адриатическое море, поспать хотя бы несколько часов... Это же настоящее счастье – спать и во сне дышать чудесным морским воздухом!..

Но нашим мечтам не суждено было сбыться, во всяком случае, в тот момент, потому что со стороны наших черногорских друзей, таких любезных и гостеприимных, поступило совершенно иное предложение: дружно отправиться в кинозал гостиницы для просмотра уникального, по их словам, фильма. Разумеется, мы пошли – куда уж тут деваться, хотя время шло к полуночи и никакого кино, откровенно говоря, смотреть не хотелось, даже самого уникального на свете.

И вот мы в кинозале. Один из черногорцев, весь светясь от восторга, сообщает нам, что сейчас мы, одними из первых, увидим фильм, созданный черногорскими кинематографистами по произведению гениального митрополита и поэта Петра II Петровича Негоша «Горски венац». Забегая вперед, скажу, что текст поэмы (полностью, без купюр) читал за кадром громовым голосом артист, а перед глазами зрителей, одна за другой, представляли, словно видеоклипы, картины черногорской природы, а также исторические памятники Черногории в разных ракурсах. Поэма у Негоша большая, поэтому и фильм был снят в 4-х (!) сериях. Когда мы осознали сей факт, то естественно внутренне содрогнулись. Однако вопить во весь голос о том, что было на душе, конечно, не стали – ведь мы были советскими учеными и жили не в XXI веке, а в семидесятых доперестроечных годах предыдущего. В общем, народ безмолствовал. Распорядитель, явно озадаченный нашей странной реакцией, ничего общего не имеющей с его восторгом и возвышенной приподнятостью (Негош все-таки!), ушел в будку к киномеханику обсудить какие-то вопросы демонстрации шедевра. И тут мы, воспользовавшись его кратковременным отсутствием, недовольным шепотом попытались высказать свое отношение по поводу предстоящего мероприятия. И это было так естественно, так понятно. В темном зале, после такой сытной трапезы спать хотелось еще больше, и перспектива просмотра четырех серий (это же как минимум три часа!) фильма, отнюдь не детектива с завлекательным сюжетом, удручала и даже ужасала. Мы полагали, что

наш руководитель академик Нарочницкий, проникнувшись всеобщим настроением, в конце концов, пожалеет нас и заступится, но, увы! – наши надежды оказались напрасными. Тихий ропот продолжался. И тут в темноте раздался голос Виктора Георгиевича Карасева: «Ну, все, хватит! Наши друзья старались для нас, специально раздобыли этот фильм и, между прочим, тоже не спят, выполняя долг гостеприимства. И если для развития советско-югославской дружбы нужно будет ночь напролет смотреть не четыре, а восемь серий, мы это сделаем!» – добавил он тихо, но очень твердо. «К тому же, – подал голос академик Нарочницкий, – вы можете сидеть и дремать – в темноте это не будет заметно». (Спасибо за заботу.)

После данной реплики все немного повеселели, искренне радуясь, что серий всего четыре, а не восемь. Правда, спать не получилось, потому что голос за кадром был таким громким, что временами просто хотелось зажать уши. В конце концов, мы смирились и иногда даже смотрели на экран, а некоторые отпускали по ходу показа остроумные ироничные замечания.

Но, видно, судьба в лице сводного отряда наших ангелов-хранителей решила, в конце концов, сжалиться над нами: минут через сорок, когда, судя по всему, близился финал первой серии (было около часа ночи), вдруг что-то случилось с техникой, и... показ прервался!!! А может, киномеханик тоже решил, что ночью нужно спать, а не кино смотреть. Мы уже не верили своему счастью... Ответственный за нашу культурную программу очень расстроился и, извиняясь на все стороны, просил немного подождать, пока исправят аппарат, ведь утром фильм увозят на какой-то кинофестиваль. Но, видимо, перспектива смотреть фильм до утра ужаснула даже академика Нарочницкого, и он сказал следующее: «Гениальное творение Негоша, так профессионально интерпретированное на экране, требует вдумчивого к себе отношения. Нам повезло, что мы посмотрели хотя бы часть его, раньше многих людей, даже жюри конкурса. И мы уверены, что на кинофестивале его отметят и высоко оценят, присудив какой-нибудь приз».

С этим нельзя было не согласиться, и нас, хотя и с неохотой, «отпустили на покой». С грустными лицами, но ликуя в душе, мы покинули кинозал. И уже ничего не хотелось – ни смотреть с балкона на море, ни считать какие-то невероятно большие звезды, ни вдыхать незнакомые таинственные запахи. Только спать!!!

А ранним утром, проспав всего несколько часов, мы с Ириной Степановной Достян были разбужены громкими голосами. Выглянув в окошко со второго этажа, я увидела такую картину: наши мужчины в полном составе плюс трое черногорцев вкушают завтрак в тенистом дворике ресторана под раскидистым деревом, как раз под окнами нашего двухместного номера. «Добро утро!» – поприветствовала я их по-сербски. И они в ответ помахали мне руками, приглашая присоединиться к ним. Помню, как свежо и бодро все они выглядели в то утро, несмотря на кратковременный ночной сон и свой возраст. Мне, 26-летней, он казался, тогда весьма солидным: Виктору Георгиевичу было 53 года, Юрию Алексеевичу – 59, Алексею Леонтьевичу – 68, Тофику Муслимовичу – 48 (он был самый молодой из мужчин). Но чувствовали они себя в Герцег-Нови прекрасно: много шутили, острили, смеялись, беззлобно подтрунивая друг над другом, и над мной тоже. Но никто ни на кого не обижался. Это было уникальное общение, возможное, как мне кажется, только между коллегами-единомышленниками и главное – на отдыхе, в чудесном живописном уголке. В такой атмосфере словно исчезали какие-то путы, и душа с радостью вырывалась на свободу. Неудивительно, что после таких поездок крепла дружба между коллегами, и возникшие симпатии уже никогда не исчезали, а лишь усиливались. Случайно оброненная остроумная фраза, искрящиеся юмором глаза («с подтекстом» – выражение Ю.А. Писарева) подчас говорили о человеке больше, чем долгие беседы и дискуссии.

А потом были еще два дня потрясающего отдыха и путешествий. Гостеприимные черногорские коллеги подготовили для нас замечательную программу, включавшую экскурсию по Черногории, с посещением Цетинье.

В Государственном музее Черногории (в Цетинье), бывшем княжеском дворце, нас ждала очень содержательная экскурсия, а Алексея Леонтьевича Нарочницкого – редкое удовольствие и в какой-то степени даже потрясение, тем более что он этого совершенно не ожидал. После бесконечных залов с иконами, церковной утварью и старинными книгами, присланными в основном из России в XVII–XIX вв. в дар, наш академик вдруг «набрел» на огромную коллекцию бабочек. Все мы, разумеется, тоже заинтересовались ею, прежде всего потому, что многие бабочки были большими, даже огромными и ярко окрашенными – таких у нас дома, в средней полосе России, не встретишь. Ну, в общем, экзотика. За-

интересовались, удивились, обменялись впечатлениями и... пошли дальше, на встречу с другими экспонатами. А Алексей Леонтьевич, как выяснилось, был страстным собирателем бабочек и большим знатоком в этой области, чем удивил и восхитил сотрудника, ответственного за данную часть экспозиции музея. Кроме того у Алексея Леонтьевича была в Москве собственная большая коллекция этих красивых насекомых. Она «жива» и по сей день – ее мы увидели в видеофильме во время заседания научной общественности по случаю 100-летия со дня рождения Алексея Леонтьевича в феврале 2007 г.

А в тот день в Цетинье академик, в отличие от нас, никак не мог оторваться от витрин – переходил от одной к другой, прозвоня при этом мудреные названия бабочек на латыни. Мы сначала исподтишка остряли по этому поводу и подсмеивались – уж очень было непривычно видеть обычно сдержанного Алексея Леонтьевича таким восхищенным и восторженным. А заводилой насмешников выступал Юрий Алексеевич Писарев, уже вполне оправившийся от сараевской «трагедии» (кражи паспорта). Однако этим «юмористическим» настроениям уже в самом их зародыше положил конец Виктор Георгиевич Карасев. Он, выбрав момент, когда академик в упоении созерцал очередной «редчайший экспонат», так на нас цыкнул, что мы сразу же поняли, что зарвались. И чтобы в какой-то степени реабилитироваться, помогли Алексею Леонтьевичу доставить в гостиницу в Герцег-Нови двух куколок – будущих бабочек, которых ему с удовольствием, как знатоку и собирателю, подарили работники музея. Кстати, эти самые куколки благополучно перенесли перелет в Москву, и через положенное время из них вылупились неземной прелести, по словам Алексея Леонтьевича, бабочки, украсившие его коллекцию. Как он рассказывал, чтобы не пропустить момента их появления на свет, им с женой Лидией Ивановной приходилось, то ли неделю, то ли две, спать по очереди.

В Черногории нам посчастливилось также побывать в Которе. Правда, был уже вечер, быстро темнело, и мы мало что видели. Но все-таки нам удалось вынести необыкновенные ощущения от посещения старой части города. Во всяком случае, меня не покидало в Которе чувство нереальности происходящего: казалось, что я внезапно перенеслась в эпоху средневековья, очутившись в старинном приморском городе, и в темноте заблудилась, но ничуть данным происшествием не опечалена. Наоборот, мне хотелось бродить

и бродить по узеньким, мощеным каменными плитами улочкам, заглядывать в окна уютных домов под черепичными крышами, а потом выйти на широкую пустынную площадь, освещенную тусклыми фонарями...

Вернулись мы в тот день в Герцег-Нови, в гостиницу, ненадолго ставшую нашим домом, очень поздно. Но никто не жаловался на усталость. А некоторым приключений и впечатлений показалось маловато, и они жаждали продолжения. Речь идет о Юрии Алексеевиче Писареве, Тофике Муслимовиче Исламове и Кирилле Борисовиче Виноградове, которые ночью, «после отбоя», отправились купаться в Адриатическом море. Мы с Ириной Степановной Достян пытались их отговорить, но наши уважаемые коллеги только отмахнулись от нас.

«Поймите, дамы, – сказал Юрий Алексеевич, который уже всерьез “завелся”, – наверняка у нас в жизни уже не будет такой возможности – искупаться ночью в Адриатическом море под небом, усыпанным звездами. Поэтому нужно ловить момент. Кстати, – ухмыльнулся будущий академик, – и древние нас к этому же призывали!» «А акулы?» – попыталась возразить я. «А вам, Светик, нужно поменьше смотреть по телевизору “Клуб путешественников”, – назидательно посоветовал Юрий Алексеевич. – А что касается акул, то, к вашему сведению, у берегов Адриатики их не бывает! И вообще не мешайте нам активно отдыхать на природе!» Остальные поклонники ночного купания его дружно поддержали.

Словом, в ту ночь им даже Адриатическое море было по колено. Я все-таки пошла на берег, чтобы сторожить их одежду и главное – заграничные паспорта, которые, согласно инструкции, должны были быть всегда с нами. И в ночной тишине я слышала, как где-то далеко в море мои коллеги (страшно подумать, что их уж нет на свете!) оживленно обсуждали итоги прошедшей в Сараево конференции. Помню, я тогда подумала: как хорошо они плавают, даже Кирилл Борисович, передвигавшийся на костылях, и какие они смелые, раз не боятся заплывать ночью так далеко...

А на следующий день (он был последним перед нашим отъездом из Герцег-Нови в Белград) мы с утра купались в море уже всей делегацией. С нашей, московской, точки зрения, было очень тепло, а для начала октября даже жарко. Вода была примерно градусов двадцать. Наши коллеги-черногорцы, гуляющие вдоль пустынного пляжа в костюмах и плащах, смотрели на нас с недоуме-

нием. На их лицах очень ясно читалось: «С ума сойти: октябрь, а они в воду полезли!».

А на следующий день мы отправились в Москву через Дубровник и Белград. Детали этого обратного путешествия как-то стерлись в памяти. Помню лишь, что было много суеты с чемоданами, и что нас провожали на аэродроме в Белграде какие-то очень любезные и предупредительные сотрудники нашего посольства. Потом был почти трехчасовой перелет... И вот мы на родной земле, в Шереметьево. Всё, финита, наша «сараевская» эпопея закончилась – благополучно, успешно, замечательно – для науки и для всех нас!

Для науки потому, что русский язык действительно звучал и звучал очень хорошо. С первого и до последнего дня конференции – и на пленарных заседаниях, и в секциях, и в кулуарах. Нас было много, и мы везде попевали: читали свои доклады, участвовали в дискуссиях, представляя концепции советской югославистики и вообще советской исторической науки, и даже пели русские песни. Мы были на сараевской конференции заметной, сплоченной, дружной делегацией, к которой остальные участники относились с уважением и симпатией.

Без преувеличения можно сказать, что «Сараево–1975» для всех нас явилось ярким и очень важным во всех отношениях событием. И главное – оно всех нас сдружило, сплотило в некое братство единомышленников. Правда, связь с работником ЦК В.И. Куликовым вскоре была утеряна, но остальные «сараевцы» стали друзьями на долгие годы, независимо от возраста, званий и занимаемых должностей.

И мы никогда не забывали Сараево, город, подаривший нам такие замечательные воспоминания.

Примечания

¹ Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i Istočnoj krizi 1875–1878. godine. Sarajevo, 1977. Knj. I–III.

IX. Россия и Западная Европа: взаимовлияние в архитектуре и искусстве

А.К. Конёнкова

(Государственная академия славянской культуры, Москва)

Западноевропейские традиции в русской архитектуре XVII в.

Abstract:

Konenkova A.K. *Western European tradition, in Russian architecture of XVII century.*

The article describes the Western European tradition in Russian architecture of XVII century .

Ключевые слова: архитектура, XVII в., русско-английские связи.

Начало русско-английских взаимоотношений в области культуры можно символически отнести к моменту, когда 24 августа 1553 г. у южного берега Белого моря недалеко от Карельского устья Двины, против Николо-Карельского монастыря стал на якорь корабль «Edward Bona venture» под командованием Ричарда Чанслера и Стефена Боро¹.

Исследователи, занимавшиеся этим вопросом, отмечали влияние англичан на развитие в России горного и железоплавильного дела, кораблестроения, производства канатов, что стимулировало развитие промышленности и торговли. Однако, работавшие в России англичане оставили заметный след также и в сложении архитектурных ансамблей Москвы в первой половине XVII в.

Отмечая высокий уровень развития архитектуры XVI в. и появление новых архитектурных конструкций, развитие которых продолжилось в XVII в., обычно обращают внимание на деятельность в России в к. XV–XVI вв. итальянских архитекторов, принесших в русскую архитектуру как новые строительные приемы, так и новые декоративные мотивы, распространенные в это время в Западной Европе. Между тем, своим обновлением русская архитектура обязана также и английским архитекторам, приглашенным в Россию в начале XVII в. царем Михаилом Федоровичем.

Так, в 1621 г. по приглашению царя Михаила Федоровича и поручению английского короля Якова I, который в это время налаживал торговые отношения с Россией, в Москву прибыл Хрис-

тофор Галовой, механик и архитектор родом из Шотландии². По сведениям он пробыл в Москве до 1645 г. О его жизни до приезда в Россию ничего не известно. В России он сначала работал как часовых дел мастер. Согласно документам, он починил старые часы на Фроловской (Спасской) башне. Через некоторое время эти часы было решено заменить на новые, и они были проданы на вес Спасо-Яковлевскому монастырю. Взамен был собран новый часовой механизм, для устройства и размещения которого Галовой произвел реконструкцию Фроловской (Спасской) башни³.

Первоначальный облик Кремлевских башен, построенных в период с 1485 по 1495 год итальянскими архитекторами, был совершенно иным. Их примерный вид отмечен на Сигизмундовом плане 1610 г. На плане можно видеть, что башни Кремля не имеют привычных для нас высоких шатровых завершений, а вместо них – невысокие пирамидальные деревянные верхи. Такие же завершения башен мы видим и на известном плане «Кремленаград», созданном на рубеже XVI–XVII вв., а также на реконструкциях А.М. Васнецова. Исследователь архитектуры Кремля И.А. Бондаренко так описывал внешний вид кремлевской крепости: «Контраста больших и малых башен, который бросается в глаза сейчас, в XVI в. не было, так как и те и другие имели относительно невысокие шатровые венчания и не столь сильно выделялись на общем спокойном силуэте Кремля, тем более что деревянной кровлей были покрыты и сами стены»⁴. Исследуя архитектурные особенности Фроловских ворот, он писал, что судя по чертежам конца XVI–XVII вв., ворота «имели над деревянным четырехскатным покрытием небольшую, очевидно, так же деревянную шатровую надстройку, на которой помещался колокол. Увенчивал башню заимствованный Москвой императорский герб – двуглавый орел»⁵. Сообразно этому описанию была составлена реконструкция башни известным художником и архитектором Карлом Карловичем Лопяло.

По свидетельству И.Е. Забелина, Галовой приступил в перестройке Фроловской башни в 1624 г., и к 1625 г. она была закончена. Для того, чтобы организовать помещение для часового механизма, а также помещение для колоколов, и добиться хорошего акустического звучания при колокольном звоне, Галовею на прежнем мощном четверике башни был выстроен двухступчатый четверик меньшего размера. На последнем ярусе этого четверика расположился восьмерик, затем восьмерик звона и восьмигранный шатер⁶. Следы перестройки отчетливо видны и сегодня при

визуальном осмотре башни – примерно с середины большой стрельчатой арки в центре можно заметить кладку кирпича другого размера. Кладка этого нового кирпича идет до самого верха. Циферблат часов был размещен в верхней части малого четверика, который практически не виден из-за резного фигурного парапета. Вместе с Христофором Галовеем в документах по поводу строительства башни упоминается русский мастер Бажен Огурцов.

В результате перестройки приземистая и тяжеловесная Фроловская башня стала стройной и приобрела острый, устремленный вверх силуэт. Такая форма башни перекликалась с высоким центральным шатром построенного в 1555–1561 гг. на Красной площади Покровского собора (храмом Василия Блаженного) и расположенной у Троицких ворот на Троицком подворье шатровой церковью Прп. Сергия Радонежского, выстроенной в 1560-х годах (не сохранилась). Центральную высотную доминанту Кремля составлял Ивановский столп (колокольня «Иван Великий»), построенный в 1505–1508 гг. итальянским архитектором Боном Фрязиным и достроенный по указу Бориса Годунова в 1600 г. «государевым мастером» Федором Конем.

В отличие от трех названных высотных построек Кремля, Фроловская башня после перестройки приобрела заметный готический характер. Однако, Христофор Галовой, стараясь согласовать декор башни с окружающими постройками, вместо стрельчатых использовал традиционные для московской архитектуры килевидные очертания архивольтов арок. О готике напоминают только вытянутые башенки-пинакли по углам четверика, перекликающиеся своими формами с острой формой шатра. На готическую основу конструкции башни указывают также хорошо заметные аркбутаны, связывающие парапет со стенами верхнего четверика.

Парапет галереи украшен белокаменными резными деталями, представляющими различного вида изящные башенки, розетки, тонко переплетенные орнаментальные пояса, раковины, скульптурные изображения стоящих на задних лапах львят и медвежат, а также сидящих уток. По документам известно, что в нишах аркады были установлены изваяния обнаженных человеческих фигур – «болванов», как их прозвали москвичи. По настоятельным требованиям московских жителей «болваны» были облачены в суконовые кафтаны, но в пожаре 1628 г. они сильно обгорели и вскоре были убраны с башни и более не восстанавливались⁷.

В сложный декор Спасской башни превосходно вписывались часы – знаменитые куранты. Первые часы были установлены по проекту Христофора Галовея. В 1707 г. их сменили голландские куранты с музыкой. В 1763 г. часы вновь были заменены, а в 1851 г. эти последние куранты XVIII в. были капитально отремонтированы братьями Н. и П. Бутеноп⁸.

Забелин пишет, что «когда была окончена постройка и часы стали указывать время и производить игру колоколами, Государь очень щедро наградил строителя», «а пожаловал Государь его за то, что он сделал в Кремле - городе на Фроловских воротах башню и часы»⁹. Для хорошего звучания музыкального боя часов русский колокольный мастер Кирилл Самойлов отлил к часам 13 колоколов¹⁰.

В мае 1625 г. башня сгорела в пожаре и Христофор Галовей вновь работал над починкой часов и башни. Эти работы были закончены уже к 1628 г.

Прибывший в 1656 г. с посольством антиохийского патриарха Макария архидиакон Павел Алеппский записал: «Над воротами возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, но и в окрестных деревнях, более чем на 10 верст»¹¹.

В 1685 г. по образцу Спасских готическим шатром были также украшены Троицкие ворота, а к концу XVII в. все башни получили высотные надстройки, и Кремль приобрел хорошо знакомый всем стройный вид, который заметно отличает его от европейских крепостей.

Второй постройкой Христофора Галовея в Москве явилось строительство в 1644 г. вместе с Иваном Неверовым здания Государева Печатного двора. Тогда им были построены выходящие на Никольскую улицу парадные ворота, увенчанные высокой шатровой башней. В результате этих работ ансамбль Печатного двора, как и ансамбль Кремлевской крепости, приобрел вид одного из величественных общественных сооружений Москвы середины XVII в.

К сожалению, постройка не сохранилась. В 1811–1815 гг. этот корпус был перестроен архитектором И.Л. Мироновским и сдвинут в сторону двора. Основные элементы древних ворот: трехчастное членение фасада коринфскими колоннами, увенчанными шпильями, размещение льва и единорога, богатую белока-

менную резьбу архитектор сохранил, но высокий шпиль не был восстановлен¹². Его реконструкция в гравюре была выполнена археологом Румянцевым Василием Егоровичем, который в течение нескольких лет был инспектором Синодальной типографии и работал над восстановлением ее здания. В процессе подготовки им были тщательно изучены архивные материалы, на основании которых ему удалось восстановить прежний вид постройки Христофора Галовея. По результатам исследований В.Е. Румянцевым была написана книга «Древние здания Московского Печатного двора», изданная в Москве в 1870 г.

В итоге совместной архитектурно-строительной деятельности Галовея и русских мастеров в начале XVII в. было положено начало формированию своеобразного величественного силуэта архитектурного ансамбля Московского Кремля. Сложился также архитектурный ансамбль центральной части Москвы: Китай-город и Кремль были объединены общими архитектурно-художественными решениями. Русская архитектура обогатилась новыми конструктивными и декоративными приемами. Высокий шатер Спасской башни с ярусом звона, создавал хороший акустический эффект звучания колоколов установленных там часов, недаром москвичи утверждали, что звук боя разносился на 10 верст. В связи с этим, можно предположить, что возможно, Спасская башня послужила образцом при создании конструкции шатровых колоколен – самых распространенных колоколен при церквях в течение всего последующего времени.

Примечания

¹ Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII ст. В 2-х тт. СПб, 1865–1869. С.1–2.

² Материал из Википедии – свободной энциклопедии.

³ Забелин И.Е. История Москвы. Ч.1. Изд.2-е. М., 1905. С.187–191.

⁴ Бондаренко И.А. Красная площадь Москвы. М.: Стройиздат, 1991. С.22–23.

⁵ Бондаренко И.А. Ук.соч. С.25.

⁶ Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: «Искусство», 1982. С.302–303.

⁷ Памятники архитектуры Москвы. Ук. соч. С.302–303

⁸ Памятники архитектуры Москвы. Ук. соч. С.302–303.

⁹ Забелин И.Е. История Москвы. Ук. соч. С.187-191.

¹⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т.1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М.: Изд. А.Д. Ступина, 1918. С.110–113.

¹¹ Забелин И.Е. История Москвы. Ук.соч. С.188–189.

¹² Памятники архитектуры Москвы. Ук.соч. С.415–416.

Х. Рецензии

Л.П. Лаптева

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Новая книга о русско-словацких связях в XIX в.: Miroslav Daniš, Vladimír Matula. M.F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava, 2014.

Abstract:

Lapteva L.P. *A new book about the Russian-Slovak interactions in the nineteenth century*

The article presents a review, which covers the content of the above-mentioned book and contains judgements on certain statements of the author and publisher. Letters of forty Slovak national activists of the nineteenth century to the priest of the Russian embassy church in Vienna Mikhail Raevski constitute the basis of this edition.

Ключевые слова: словацкое национальное движение в XIX в., Л. Штур, Й.М. Гурбан, М.Ф. Раевский.

Названная книга содержит публикацию писем 40 словацких деятелей науки, культуры и национально-политической жизни к М.Ф. Раевскому и ряд других документов, имеющих отношение к русско-словацким связям в XIX в.

Это издание является четвертым по счету из серии публикаций документов из архива М.Ф. Раевского. Первый том, вышедший еще в 1975 г. под названием «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века»¹, явился результатом трудной и кропотливой работы сотрудников сектора новой истории балканских народов Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР (ныне – Институт славяноведения РАН) во главе с известным советским ученым С.А. Никитиным (1901–1979). Книга объемом в 600 страниц, содержащая ранее не использованные источники, отличалась высоким научным уровнем. Позже была создана международная редколлегия, в которую, кроме советских, вошли также югославские, чешские и словацкие ученые, и в 1989 г. вышел в свет второй том переписки зарубежных славян с М.Ф. Раевским, на этот раз в Белграде, под названием «Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевог. 40–80. година XIX века»². Чехи в корреспонденции М.Ф. Ра-

евского были представлены в издании «Cesty na Východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského»³ 2006 г. Все эти труды являются серьезной источниковой базой для изучения русско-славянских отношений в XIX в., хотя архив М.Ф. Раевского таит в себе еще много интересных сведений для будущих исследователей.

Архив М.Ф. Раевского долго находился в забвении. Его документы имеются в нескольких хранилищах, но основа его (примерно 3/4) находится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) в Москве. В 1957 г. на него обратил внимание молодой в то время словацкий исследователь словацко-русских связей Владимир Матула (1929–2011) и стал изучать корреспонденцию славян М.Ф. Раевскому. На ее основании В. Матула опубликовал ряд интересных статей⁴. Через некоторое время к изучению документов приступила также сотрудница Института славяноведения РАН, доктор исторических наук И.В. Чуркина, которая недавно опубликовала подробную биографию и охарактеризовала деятельность М.Ф. Раевского в специальной книге «Михаил Федорович Раевский и югославяне»⁵.

Михаил Федорович Раевский (1811–1884) родился в Арзамасе в семье священника. Окончил Нижегородскую семинарию и Петербургскую духовную академию со званием кандидата богословских наук и был назначен священником церкви при русском посольстве в Стокгольме, где проработал 8 лет. В 1842 г. получил назначение священником церкви при русском посольстве в Вене. Здесь он вступил в контакт с рядом славянских деятелей. Его квартира стала местом встреч русских славистов и общественных деятелей славянских народов, а сам он – посредником в научных связях между русскими и славянскими учеными, а также между славянским православным населением и русскими официальными и общественными кругами. М.Ф. Раевский находился в двойном подчинении – Священного Русского Синода и Министерства иностранных дел России, выполняя поручения и задания этих ведомств.

В 50–70-е годы XIX в. основная деятельность Раевского развевывалась среди австрийских славян. В 1860 г. он стал членом Славянского благотворительного комитета в Москве и выполнял поручения как этого, так и образовавшихся позднее других славянских благотворительных комитетов в России. М.Ф. Раевский также сотрудничал в славянофильских изданиях, активно помогал организации Этнографической выставки в Москве и Славянского съезда в 1867 г. Важную роль он сыграл в подборе учи-

телей древних языков для классических гимназий в России в связи с проведением школьной реформы.

Посредничество Раевского носило широкий и разнообразный характер. Он передавал книги и корреспонденцию славянским и русским ученым обществам, раздавал книги Матицам, читальням и отдельным лицам из славян, организовывал материальную помощь ученым и литературным славянским заведениям, бедным церквям и училищам, национальным школам, музеям, студентам, газетам. В течение 40 лет, вплоть до своей смерти в 1884 г., он аккуратно и честно выполнял эту функцию между русскими общественными и научными учреждениями и отдельными лицами и славянскими просветительскими обществами и учеными. М.Ф. Раевский пользовался большим уважением среди славян, его избрали своим членом многие славянские научные и просветительские общества. Доказательством этого уважения являлся, в частности, биографический очерк Абеля Лукшича (1826–1901) о М.Ф. Раевском, опубликованный в 1865 г. в венской газете «*Slawische Blätter*». В рецензируемой книге этот очерк приводится в переводе на словацкий язык, дается также и немецкий текст статьи издателя указанной газеты Абеля Лукшича, который был лично знаком с Раевским⁶.

В рецензируемой книге «Раевский и словаки в XIX веке» приводятся интересные сведения о составе архива М.Ф. Раевского. Ее автор и издатель М. Даниш сообщает, что В. Матула насчитал в российских архивах 7 500 писем к Раевскому от 1 750 авторов, из них – 300 писем от 40 словацких корреспондентов⁷. Это письма знаменитых личностей словацкой научной, культурной и национальной деятельности. Главное место среди них занимает Людовит Штур, но также имеется корреспонденция Й.М. Гурбана, К. Кузмани, Й. Калинчака, Й. Францисци и многих других. Корреспонденция освещает различные аспекты словацко-русских связей. Наряду с письмами словаков Даниш поместил в своем издании два материала, принадлежащих перу самого М.Ф. Раевского⁸. Первый из них, который Даниш отнес к «дипломатическим донесениям» М.Ф. Раевского, имеет название «Какими средствами Россия могла действовать с пользой для себя и славян». Адресат «донесения» не ясен, но едва ли это было МИД России, ибо документ хранится не в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ), а в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Петербурге (бывшей Публичной библиотеке им. М.Е. Салты-

кова-Щедрина в Ленинграде). Впрочем, вопрос этот требует дополнительного исследования.

Второй материал под названием «Письмо из Вены в редакцию „Паруса“» представляет собой статью Раевского в газету И.С. Аксакова «Парус». Но ввиду того, что «Парус» вышел в 1859 г. всего в двух номерах, а потом был запрещен, статья Раевского не была опубликована. В обеих статьях он информировал русскую общественность о положении славян и высказывал свои соображения о возможности решения славянского вопроса. Публикация этих материалов представляется весьма полезной, так как знакомит читателя еще с одним славянофильским вариантом отношения России к зарубежным славянам.

В рецензируемой книге, кроме писем словаков Раевскому и упомянутых статей последнего, помещен ряд коротких статей самого М. Даниша, оценивающих деятельность Раевского. К ним относится рассуждение о деятельности русского священника как миссионера православия⁹. В другом эссе оценивается роль Раевского в развитии словацко-русских связей¹⁰. Отдельный очерк посвящен контактам Л. Штура с Раевским¹¹.

В рассуждениях М. Даниша о взглядах Раевского на свою миссию среди славян в качестве главных принципов его деятельности объявляется стремление обновить духовное единство славянских народов путем конфессионального объединения на базе православия и кирилло-мефодиевской идеи и традиции. В этом, по мнению автора, Раевский видел не только историческую роль России по отношению к другим славянам, но и единственное решение всего славянского вопроса¹². Такая точка зрения представляется односторонней. Сотрудник Министерства иностранных дел Российской империи не мог не отражать политических интересов и стремлений тех кругов русского общества, которым служил, и тех целей, которые преследовала Россия в своих отношениях со славянами. Какое правительство в XIX в. в течение 40 лет держало бы своего представителя, не приносящего пользы конкретной политике, а лишь мечтавшего об объединении славян на базе эфемерной кирилло-мефодиевской традиции? Конечно, Раевский был своеобразным русским дипломатом, искусно выполняющим свою функцию и защищающим интересы России, которые возникали на протяжении всего его длительного служения в Вене. Требуется уточнения и вопрос о влиянии на формирование славянской концепции М.Ф. Раевского. Автор пишет: «На формирование славян-

ской концепции М.Ф. Раевского влияло много факторов. Кроме русских славянофилов и их общественно-политических теорий, были, безусловно, и панслависты типа М.П. Погодина, и первые русские слависты И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, П.И. Прейс, с которыми он познакомился, прежде всего, по их литературным трудам и заметкам о путешествиях по славянским землям Габсбургской монархии, а потом ближе при личных контактах в Вене и России и по взаимной корреспонденции»¹³.

Разумеется, М.Ф. Раевскому был известен панславизм М.П. Погодина. Однако едва ли можно говорить о влиянии известного московского публициста, издателя и общественного деятеля дореформенной России на настоятеля русской церкви в Вене. М.П. Погодин, хотя и был знаком со славянами и с некоторыми из них имел связи, все же являлся профессором русской истории, а о зарубежных славянах ничего не издавал, кроме дорожного дневника «Год в чужих краях», в котором изложил впечатления от своих поездок в Европу в середине 30-х – начале 40-х годов XIX в., то есть тогда, когда Раевский только начинал свою деятельность в Вене.

Утверждение М. Даниша о том, что М.П. Погодин написал много специальных работ о славянских народах¹⁴, не соответствует действительности. М.П. Погодин не был славистом, не знал истории славян, хотя и выступал в печати со статьями по текущим проблемам межславянских отношений. О личных контактах между М.П. Погодиным и М.Ф. Раевским пока сведений не обнаружено.

Также вызывает сомнение утверждение, что на формирование взглядов М.Ф. Раевского могли оказать влияние первые русские слависты – И.И. Срезневский, О.М. Бодянский и П.И. Прейс. Никто из них не принадлежал к славянофильскому кружку Аксаковых, Киреевских и др., хотя некоторые вопросы славянофильского направления были близки, например, О.М. Бодянскому. И.И. Срезневский полностью отрицал свою приверженность к славянофильству, а П.И. Прейс вообще был западником, воспитанником Дерптского университета, учеником А.Х. Востокова. Хорошо известна его критика диссертации В.И. Григоровича, в которой П.И. Прейс отрицал теорию единства славян и славянской взаимности. Сочинений Прейса Раевский читать не мог, ибо петербургский славист рано скончался, не оставив после себя сколь-нибудь серьезного литературного наследия.

На наш взгляд, славянофильское мировоззрение М.Ф. Раевского имело, так сказать, «генетические» корни. Его происхождение

ние из духовной среды, воспитание, определенные семейные традиции, среднее и высшее образование в семинарии и Петербургской духовной академии определили соответствующее мировоззрение. Кандидат богословия, вероятно, хорошо был знаком со славянофильской литературой, изучал сочинения А.С. Хомякова, К.С. Аксакова и других классиков славянофильства и разделял их концепцию развития истории России и человечества. В общественной мысли в России XIX в. можно подчеркнуть такой феномен: славянофильство как разновидность философской мысли было создано представителями высокообразованного, богатого дворянского сословия, а применение славянофильских идей к истории развития зарубежных славян являлось заслугой разночинцев, ибо славянофилы зарубежное славянство не изучали. Среди разночинцев значительное место занимали представители православного духовенства, дети и внуки священников, допущенные к светскому образованию в XIX в. Ученых этой социальной группы интересовала определенная тематика: кирилло-мефодиевская проблематика, вопросы языка, на который были переведены первые славянские книги, вопросы истории церкви, а также те стороны жизни славянских народов, среди которых, по мнению специалистов того времени, действовали славянские апостолы. Таким образом, среди ученых соответствующего направления существовала своеобразная духовная среда, к которой и принадлежал М.Ф. Раевский. Эти обстоятельства определяли его позицию как по отношению к соответствующим общественным кругам в России, так и в его печатной традиции, фрагменты которой, как выше упоминалось, публикуются в рецензируемой книге.

Что касается связей словаков с М.Ф. Раевским, то они начинаются в середине 40-х годов XIX в., когда при посещении Вены в 1844 г. с ним познакомился Людовит Штур. Словацкий вождь национального движения нашел в Раевском славянина-единомышленника. Контакты оживились после революции 1848–1849 гг. и в основном носили характер взаимной переписки. Всего в книге публикуется 14 писем Штура Раевскому. Заметим, что часть этих писем публиковалась и раньше¹⁵. В настоящем издании они по-новому прокомментированы. На основании писем Штура М. Даниш приходит к выводу, что известный в России «трактат» Штура «Славянство и мир будущего» являлся незаконченным вариантом исследования о всеобщей истории, прежде всего, славянской, рассуждений о будущем своего народа и решения славянского вопро-

са. Автор считает, что «трактат» представлял собой своеобразную «записку» для русского великого князя Константина, чтобы информировать его о мнениях представителей внероссийского славянства относительно внешней и внутренней политики России. Этот фрагмент произведения Штура, по мнению М. Даниша, составлен не без влияния Раевского и передан ему с указанной целью. Однако Данишу не известно, дошло ли сочинение Штура до адресата. Кажется, что оно не было отправлено по адресу, так как после смерти Штура немецкий оригинал «Послания с берегов Дуная» был передан Раевским В.И. Ламанскому, который опубликовал его русский перевод в 1867 г.

В рецензируемой книге главное внимание закономерно уделено контактам Раевского и Штура, ведь последний являлся основным деятелем словацкого национального возрождения в XIX в. Но и после смерти вождя словаки продолжали посещать настоятеля русской церкви в Вене и интенсивно с ним сотрудничать. В начале 60-х годов, когда была основана Словацкая Матица, Раевский был избран ее почетным членом. Свое уважение ко вновь созданному органу словацкого национального движения Раевский выразил организацией больших даров русских книг и журналов для библиотеки Матицы. В связи с подготовкой Этнографической выставки в Москве и Славянского съезда 1867 г. Раевский приложил немало усилий к тому, чтобы словаки были представлены наиболее значительными лицами в их национальной жизни. Раевский способствовал популяризации в России взглядов передовых словацких публицистов, организуя публикации их материалов в русских журналах. Во второй половине 60-х и в 70-х годах XIX в. М.Ф. Раевский активно участвовал в подборе учителей классических гимназий. Он расценивал это как важную акцию словацко-русского сближения и как конкретную помощь представителям словацкой национально-мыслящей интеллигенции, не нашедшей на родине соответствующего применения и подвергавшейся всевозможным преследованиям. Все эти действия М.Ф. Раевского отражены в опубликованных в представленной книге письмах. На их основании можно судить и о большой материальной помощи России словацкому национальному движению, его печатным органам, организациям и отдельным лицам. Эта помощь шла через Раевского, по его рекомендации и практически вообще обеспечивала существование словацкого национального движения.

Автор рецензируемой книги констатирует, что враждебная словацкому национальному возрождению немецкая и мадьярская публицистика расценивала получение этой помощи как «предательство родины панславистскими элементами, подкупленными русскими рублями»¹⁶. Словацкие деятели и их печатные органы решительно отвергали такие обвинения, в большинстве случаев помощь из России утаивали или уменьшали ее размеры и значение. Однако если говорить правдиво и объективно, в том числе и на основании документов из архива М.Ф. Раевского, русская помощь была весьма существенной. Так, в 1868 г. Московский славянский благотворительный комитет предоставил 400 рублей для сохранения словацкой гимназии в Мартине, 350 рублей для поддержки гимназии в Вельке Ровне и 300 рублей для низшей словацкой католической школы в Клашторе под Зневом. Эти школы и в последующие годы получали поддержку. Русская финансовая помощь оказывалась также словацкой политической газете «Пештбудинские ведомости». Материальную помощь получали и некоторые национальные деятели, литераторы и студенты. Так, например, в 1873 г. 300 рублей получил Й.М. Гурбан, а С.В. Гробонь 50 золотых. В том же 1873 г. В.И. Ламанский просил Раевского выделить сыну Й.М. Гурбана – Светозару Гурбану-Ваянскому 150–200 рублей. В 1872–1877 гг., в течение всего периода обучения, ежемесячно получали стипендию по 10 золотых студент Технического института в Праге Федор Аугустины и студент медицины в Штырском Градце Владимир Подградский.

Но наиболее важной и существенной была финансовая помощь словацким газетам и журналам. Так, за один год (с 1.10.1876 по 1.10.1877) газета «Narodnie Noviny» получила пособие в 200 золотых, юмористически-сатирический журнал «Černokňazník» – 620 золотых, протестантский церковный журнал «Sion» – 320 золотых, журнал «Orol» – 100 золотых. С 1880 г. редакция «Народных Новин» на покрытие дефицита ежегодно получала 3000–4000 золотых¹⁷. После смерти М.Ф. Раевского в мае 1884 г. старому официальному словацкому органу угрожало закрытие.

Материальная помощь русского общества зарубежным славянам – явление распространенное и широко известное. За нею в Россию в свое время приезжали и Людевит Гай, и Вук Караджич, не говоря уже о Яне Смоляре, постоянно посещавшем Петербург, когда он задумывал какое-либо национальное мероприятие для лужицких сербов¹⁸. Также известна щедрость русских интеллектуалов в поддержке чехов – В. Ганки, П.Й. Шафарика и др. Одни из славян

платили русским за это русофильством, как Вацлав Ганка или Светозар Гурбан-Ваянский, другие, как П.Й. Шафарик, хорошо скрывали ненависть к России. Всегда получавшие материальную поддержку славяне ссылались на бедственное положение своего народа, отягченного национальным гнетом. В действительности это положение в XIX в. не было катастрофическим. Исследование вопросов экономики в Европе в это время показывает, что основная масса населения, а в словацких землях это были крестьяне-земледельцы, имела более высокий уровень материального обеспечения, по сравнению, например, с русским крестьянством. Зажиточный крестьянин-словак имел средства для того, чтобы отдать своего сына учиться в гимназию, лицей и даже университет в Германии. Он заботился о том, чтобы его сын стал священником, учителем, юристом или врачом и обеспечил бы себе в будущем безбедное существование. Но тот же словак не хотел тратить денег на подписку газет, покупку книг, поддержку школ и т.д. Народной массе были чужды теории, созревшие в головах группы интеллектуалов. Крестьянин не думал ни о всеславянстве, ни о славянской взаимности, неграмотному в своей массе обывателю были непонятны какие-либо стремления кроме материального обеспечения своей семьи и будущего детей. Таким образом, идеи патриотов, борцов за демократические преобразования и национальную независимость, не имели широкой социальной опоры. Народ относился индифферентно к деятельности узкого круга интеллектуалов и не хотел их поддерживать. Этим и объясняется плачевное состояние большинства национальных мероприятий. Попросту говоря, словак не хотел раскошелиться на не понятное ему дело, а энтузиаст национального возрождения и мечтатель о лучшем будущем своего народа должен был «бежать» к Раевскому за помощью.

Из этого положения вытекает вывод, что народ поддерживает какую-либо идею на определенном уровне эмансипации. В XIX веке этот уровень словацким народом еще не был достигнут.

Однако высокого уровня общественного сознания достиг словацкий историк М. Даниш, обнародовавший то, что раньше скрывалось. Он сделал это во имя исторической правды и объективности, чем поддержал престиж профессии историка.

Как известно, история не бывает без парадоксов. Современное Раевскому поколение словацкой интеллигенции все свои силы, а иногда и жизни, посвящало народу, спасая его от мадьяризации и германизации и тем сохраняло национальную идентич-

ность словаков. Но не прошло и 60-ти лет после смерти Раевского, как потомки этих благородных борцов объединились вместе с мадьярами и немцами и в 1941 г. начали войну с Россией – убивали и вешали русских, разрушали материальные ценности, чем и «заплатили свой долг» России за ее помощь в сохранении их национальности¹⁹. Никто из них не вспоминал ни Л. Штура, ни Й. Гурбана, ни других, которые видели в России свою защитницу и спасительницу. *C'est la vie!*

Примечания

¹ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. В этом издании имеются сведения о документах, хранящихся в других архивах. С. 10–11.

² Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевог. 40–80. година XIX века. Београд, 1989. Т. II. Кн. I. С. 375.

³ Cesty na Východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského. (ed. Vratislav Doubek). Praha, 2006. С. 261.

⁴ См. о нем.: *Досталь М., Чуркина И.* Памяти словацкого историка Владимира Матулы // Славяноведение. 2011. № 5. С. 125–126.

⁵ *Чуркина И.В.* Прогоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011.

⁶ *Miroslav Daniš – Vladimír Matula.* M.F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava, 2014. S. 27–35.

⁷ Ibid. S. 9.

⁸ Ibid. S. 37–48, 48–53.

⁹ Aktivity M.F. Rajevského a ruská pravoslávna misia // Ibid. S. 20–26.

¹⁰ M.F. Rajevskij a slovensko-ruské vzťahy v 40. – 80. rokoch 19. storočia // Ibid. S. 11–17.

¹¹ Ľudovít Štúr a M.F. Rajevskij // Ibid. S. 18–21.

¹² Ibid. S. 11.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. S. 8.

¹⁵ См. напр.: Зарубежные славяне и Россия. С. 473–478.

¹⁶ Miroslav Daniš – Vladimír Matula. M.F. Rajevskij a Slováci v 19. storočí. S. 16.

¹⁷ Ibid. S. 17.

¹⁸ Об этом подробно см.: *Лантева Л.П.* Русско-серболюжицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до первой мировой войны (1914 года). М., 2000. С. 178–201.

¹⁹ По этому, не изучавшемуся в советское время вопросу в современной науке уже имеется литература: Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Хроника событий. Книга первая. 1941–1942. Краснодар, 2000; *Марына В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945. М., 2009; *Шмидт П.* Словаки на Восточном фронте 1941–1944 гг. Воронеж, 2009 и др.

XI. In memoriam

Памяти Риты Петровны Гришиной (25 марта 1930 г. – 19 мая 2015 г.)

19 мая 2015 г. не стало Риты Петровны Гришиной. Закончила свой земной путь наша коллега и товарищ, доктор исторических наук, ведущий российский историк-болгарист. Более полувека жизнь, научная и общественная деятельность Риты Петровны была тесно связана с Институтом славяноведения, деятельным неравнодушным сотрудником и патриотом которого она являлась до своих последних дней.

У каждого из нас останется в памяти своя Ритта Петровна. Для одних – взыскательный критик и требовательный коллега, для других – чуткий товарищ, готовый помочь и поддержать в трудных ситуациях, для третьих – веселая, острая на язык и подчас резкая в оценках, но всегда прямолинейная и искренняя...

Главным же, стержневым, в характере и личности Риты Петровны было ее колоссальное трудолюбие. Заложено это было в детстве. Семья Гришиных – бухгалтера Петра Васильевича и машинистки Татьяны Николаевны – жила скромно, без излишеств, трудовые деньги доставались нелегко. Для юной Риты главный урок, вынесенный из тех далеких лет, – убеждение, что всего в жизни надо добиваться своими силами, что целеустремленность и настойчивость идут по жизни рука об руку.

В 1948 г. после окончания средней школы Ритта Петровна поступила на исторический факультет МГУ. Учиться было интересно, ведь на истфаке в 1950-е годы преподавали историки, чьи имена по праву стали гордостью отечественной исторической науки: А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, Б.Д. Греков, С.Д. Сказкин, М.О. Косвен, К.В. Базилевич, В.И. Авдиев, Б.Н. Заходер, А.Г. Бокщанин... Сама атмосфера факультета, традиционно строгая и одновременно доброжелательная, благоприятно действовала на подрастающую молодежь, формировала уважительное отношение к учителям и их научным позициям, друг к другу.

«Мы жили бедно, но весело, – вспоминал много позднее один из однокурсников Риты Петровны, – учились и сдавали экзамены, зубрили учебники, убегали с лекций в кино, устраивали туристские слеты, походы и вечеринки, после которых порой до утра бродили по Москве... преобладали чувства симпатии, товарищества, дружбы, легкой юношеской влюбленности...». Курс

был дружным и способным. Вместе с Риттой Петровной учились будущий академик РАН Л.В. Милов и академик РАО Л.Н. Боголюбов, директор Института российской истории РАН член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров, известные социологи, доктора исторических наук Э.В. Клопов и Л.А. Гордон, будущие профессора В.И. Кузицин, Л.С. Леонова, В.П. Смирнов, авторитетные в научном сообществе ученые Ю.А. Борко, И.С. Яжборовская... Училась Ритта Петровна хорошо: в выписке из зачетной ведомости, прилагавшейся к диплому, только отличные и хорошие оценки. Высшего балла удостоилась работа в спецсеминарах, связанных с историей Болгарии. Избрав специализацию по кафедре истории южных и западных славян, Ритта Петровна не случайно обратилась к этой малой балканской стране: к тому времени у нее уже определился стойкий интерес к истории политических и общественных движений на рубеже XIX–XX столетий. На «отлично» была защищена и дипломная работа «Аграрная реформа правительства Стамболийского в Болгарии (1921 г.)», написанная под научным руководством И.Н. Частухина, энтузиаста крестьянской проблематики. Любовью к ней, как и увлеченностью личностью болгарского крестьянского деятеля, Иван Николаевич заражал и своих учеников. Заметим, что интерес к истории Болгарского земледельческого народного союза сохранялся у Ритты Петровны и в дальнейшем, на всех этапах научной деятельности, естественно, подпитываясь новыми разработками болгарских и отечественных исследователей, выявлением и изучением не известных ранее документов.

Студенческая пора пролетела быстро, но свой заметный след оставила. В 1993 г. на 40-летие окончания истфака собрались более 80 человек из «гришинского» выпуска. Ритта Петровна не раз говорила, что бережно сохраняемые ветеранами-истфаковцами традиции студенческого братства и взаимной поддержки многим помогли справиться с трудностями и невзгодами.

После окончания университета выпускнице Гришиной была присвоена, как указывалось в дипломе, «квалификация научного работника в области исторических наук, преподавателя ВУЗа и звание учителя средней школы». И осень 1953 г. застала Ритту Петровну в московской школе рабочей молодежи № 49, где в течение четырех лет она преподавала историю.

Мечта о занятии фундаментальной наукой начала осуществляться в ноябре 1957 г.: Ритта Петровна была зачислена в аспи-

рантуру Института славяноведения АН СССР. «“Пришла в науку”, – вспоминала она, – с молодежеским восторгом и боевым устремлением разрешить, наконец, запутанный македонский вопрос». Научный руководитель Михаил Абрамович Бирман, известный ученый-болгарист, отлично понимавший, что «неудобная» македонская тема по конъюнктурным, главным образом, политическим, причинам была «непроходной», долго не мог убедить строптивую аспирантку. Вопрос о теме будущего диссертационного исследования решался почти полгода, пока в спор не вмешался директор Института. Иван Александрович Хренов своей властью задал новый ориентир – изучать рабочее движение в Болгарии в межвоенный период, сосредоточившись на слабо разработанных вопросах. Как раз к тому времени «подоспел» 2-й том академического издания «Истории Болгарии», в котором оказалось немало исследовательских лакун. Разочарование (не удалось отстоять свою тему!) сменилось, по словам Ритты Петровны, «молодым задором», амбициозным стремлением написать «не хуже», чем маститые авторы солидного тома. Но по мере погружения в материал возникали исследовательский интерес, желание разобраться в происходивших процессах, «навести на резкость» многие недостаточно проясненные факты и события.

После нескольких лет работы, в 1963 г. успешно была защищена кандидатская диссертация «Рабочее движение в Болгарии в 1928–1931 гг.». Обретение нового научного статуса Ритта Петровна встретила, будучи уже штатным сотрудником Института, куда была зачислена в 1961 г. В секторе новейшей истории хронологические рамки исследований Ритты Петровны заметно расширились. В соответствии с секторскими планами она изучала революционный процесс в Болгарии после Второй мировой войны, анализировала соотношение классовых и политических сил в стране, события 9 сентября 1944 г., именовавшиеся тогда «революцией». Результатами явились замеченные специалистами статьи в исторической периодике и научных сборниках – «К проблеме народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1969), «Отечественный фронт Болгарии после победы восстания 9 сентября 1944 г.» (1973), «Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 – ноябрь 1945 г.)» (1975) и др. Сохранявшийся интерес к истории межвоенного периода проявился в обращении Ритты Петровны к сравнительному анализу событий в

Болгарии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы и в России в канун Октябрьской революции.

Постепенно внимание Р.П. Гришиной сосредоточилось на новом направлении исследований, ставшем на длительное время главным, – феномене болгарского фашизма. Стимулом к его изучению явились работы немецких историков, а также советских специалистов по истории Италии, Румынии, Германии. Всегда внимательно следившая за новыми тенденциями в европейской историографии, Ритта Петровна не могла не отметить появление таких работ. Получив возможность ознакомиться с болгарскими архивами, она с головой окунулась в новую тему. Итогом стали ряд статей и монография «Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925 гг.», которую, по ее собственному признанию, Ритта Петровна написала неожиданно легко и быстро. Книге, однако, была уготована непростая судьба. Попытки издать ее на родине не были успешными: «пробить» издание не удавалось в течение нескольких лет, и книга увидела свет только в 1976 г. При решающей поддержке крупнейшего болгарского историка академика Димитра Косева монография была издана на русском языке в Софии, а позднее переведена на болгарский. В предисловии к книге Косев отмечал научное значение появления «первого в исторической литературе многопланового монографического исследования... может быть самого сложного этапа развития фашизма в Болгарии», «внесенный ее автором вклад в научную разработку важной темы». В 1978 г. в Софии монография была защищена как докторская диссертация.

Если на родине основные дискуссии пришлось на период подготовки книги к изданию, то в Болгарии острую полемику вызвало ее появление на книжных прилавках и в библиотеках. В болгарских научных кругах и прежде неоднократно вставал вопрос о фашистском прошлом страны. В 1967–1968 гг. журнал «Исторически преглед» предоставил свои страницы участникам первой специально организованной дискуссии о фашизме. В ней приняли участие известные болгарские историки В. Хаджиниколов, Я. Йозов, Н. Генчев, Ж. Натан, политические деятели-современники событий 1920-х годов Д. Казасов и К. Георгиев и др. Острые споры не устранили противостояния оппонентов, хотя фашистский характер буржуазных правительств Болгарии в целом был поставлен под сомнение.

Вполне естественно, что книга Ритты Петровны не могла не привлечь внимания болгарских историков. Главным ее оппонентом стал Владимир Мигев, которого позднее в национальной историографии назовут «одним из немногих непредубежденных историков того времени».

Упомянутые научные споры, как в нашей стране, так и за рубежом, стали стимулом для дальнейшего изучения проблемы. С конца 1970-х годов Ритта Петровна неоднократно возвращалась к проблематике болгарского фашизма, углубляя и уточняя свою позицию. Предложенная ею взвешенная характеристика политического режима в Болгарии в 1920-е годы как буржуазно-демократического с сильными авторитарными «вкраплениями», вплоть до проявления фашистских тенденций, была воспринята в научном сообществе.

Новый этап исследований начался, когда Ритта Петровна, перейдя в сектор истории межвоенного периода, принялась осваивать проблематику, связанную с формированием политических систем, межпартийной борьбой и социальной дифференциацией общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Один за другим выходят сборники статей, в подготовке которых она принимала непосредственное участие: «Кризис политического системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период)» (1982), «Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период» (1984), «Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период» (1986), «Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929» (1988). Последний сборник стал по составу международным: в нем приняли участие болгарские, польские, венгерские и чехословацкие ученые.

Введение в научный оборот новых документальных источников и попытки авторов на их основе переосмыслить устоявшиеся выводы, соответствовавшие марксистско-ленинским трактовкам общего кризиса капитализма, выйти за «красные флажки» конъюнктурных и политизированных оценок выделяли эти публикации из череды привычных, стали своего рода переходными к новой исследовательской парадигме. Так, например, обратившись к вопросу о причинах быстрого спада революционной волны в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1920-е годы, авторы

пришли к выводу о недостаточной укорененности левого радикализма и коммунистических идей в странах региона. Это неизбежно влекло за собой принципиальные коррективы оценок событий более позднего времени, открывало возможность для их адекватных характеристик.

В марте 1988 г. Ритта Петровна возглавила сектор истории межвоенного периода, (позднее – сектор истории межнациональных и международных отношений), которым руководила до середины 1998 г. В то время основной для коллектива стала многоаспектная тема «Общество стран Центральной и Юго-Восточной Европы на историческом переломе», предполагавшая тщательное изучение революционных потрясений, вызванных Первой мировой войной, образования национальных государств и национально-территориальных противоречий в регионе. Выявилась необходимость по-новому осмыслить исторический потенциал и деятельность реформистских партий, исследовав предлагавшиеся ими пути выхода из войны и собственные концепции послевоенного миропорядка. Результатом явилась вышедшая в 1994 г. коллективная монография «Европейское социалистическое движение 1914–1917. Разрубить или развязать узлы?», в которой Ритта Петровна выступила и как автор, и как ответственный редактор.

Будучи известным и авторитетным исследователем проблем региона, Ритта Петровна оставалась, прежде всего, историком-болгаристом. Поэтому невозможно было представить написание без ее участия «Краткой истории Болгарии (С древнейших времен до наших дней)» в серии страноведческих трудов Института (1987) или книги «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» (2003), где ей принадлежат разделы по межвоенному периоду. Из-под пера Ритты Петровны вышел и один из первых в отечественной историографии биографических очерков о царе Болгарии Борисе III (1993).

Еще одним важным направлением научной работы Ритты Петровны стало обращение к проблеме национальных меньшинств после Первой мировой войны. Нельзя не назвать в связи с этим изучение политико-правового статуса мусульман в Болгарии и македонского вопроса, к «разрешению» которого так стремилась Ритта Петровна в аспирантские годы. Время для этого, наконец, пришло!

После создания в сентябре 1991 г. суверенной и самостоятельной Македонии и признания ее независимости Россией воз-

ника настоятельная необходимость представить читателю прошлое и настоящее молодого государства. В 1997 г. вместе с македонскими коллегами был опубликован сборник документов «Македония. Путь к самостоятельности», а в 1999 г. свет увидел первый в российской историографии комплексный труд «Македония. Проблемы истории и культуры». Ответственным редактором последнего была назначена Ритта Петровна. Глубокое знание ею документов и литературы, способность с неожиданного ракурса рассмотреть то или иное явление, скрупулезно анализировать факты и отстаивать собственную позицию во многом определили этот выбор и способствовали успешному решению исследовательской задачи. В издании Ритта Петровна выступила и как автор одной из статей, введя в научный оборот некоторые, не известные прежде документы Коминтерна.

С энтузиазмом встретила Ритта Петровна начавшуюся в 1990-е годы в России «архивную революцию». Перед учеными открылась возможность по-новому организовывать работу над публикациями: отбросить былые догмы и запретительные установки, не зависеть от указаний идеологических инстанций, руководствоваться сугубо научными критериями. Стремясь содействовать формированию качественно новой источниковой базы исследований, Ритта Петровна инициировала подготовку фундаментальной публикации документов «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции» (2000, 2003). Выявленные в фондах Коминтерна и Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) десятки документов, снабженные основательными научными комментариями, составили основу двухтомника. Впервые перед заинтересованным читателем и специалистами предстала панорамная картина деятельности балканских коммунистических партий, их связей с Коминтерном и РКП(б), стремившимися с помощью «подпольной дипломатии» и спецслужб разжечь в 1920-е годы пожар «балканской революции».

Рассказ о творческом пути Ритты Петровны будет неполным, если не отметить ее роль в создании серии трудов «Человек на Балканах». Являясь генератором замысла, она стала не только автором статей по широкому кругу вопросов, но и бессменным редактором изданий. Начиная с 2002 г., выпущено семь книг, посвященных проблемам модернизации и традиционализма, устойчивости мироощущения балканских народов и переломов в нем, балканской специфике участия государства и его институтов

в модернизационных процессах XIX – начала XX вв., роли религии в достижении социальных и политических целей, проявлении в политике особой балканской ментальности и пр. Участие в их написании не только историков, но и культурологов, этнологов, демографов, социологов, литературоведов обеспечило междисциплинарный характер трудов, вывело их на современный уровень исследований, способствовало формированию дружного и увлеченного коллектива с высоким творческим потенциалом. В ходе работы над серией родилась и индивидуальная монография Риты Петровны – «Лики модернизации в Болгарии. Конец XIX – начало XX вв.» (2008).

Многие годы Ритта Петровна активно работала в редколлегии журнала «Славяноведение». С присущим ей энтузиазмом она стремилась содействовать сохранению лучших традиций академического издания, не жалела времени и сил, чтобы внимательно знакомиться с материалами, поддерживала оригинальные и новаторские публикации, помогала молодым исследователям. При этом была далека от снисходительности, и, главное, никогда не оставалась равнодушной. Все эти качества высоко ценили и коллеги, и сотрудники журнала.

Заметен вклад Риты Петровны в работу двусторонней Комиссии историков России и Болгарии. После ее возобновления в 1995 г. Ритта Петровна почти 20 лет являлась заместителем председателя российской части Комиссии. В ее активе проведение таких научных мероприятий, как крупные форумы, посвященные 120, 130 и 135-летию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., тематические конференции и заседания «круглых столов». Масштабными конференциями в Софии и Москве Комиссия откликнулась на проведение Года России в Болгарии (2008) и Года Болгарии в России (2009). В 2012 г. российские болгаристы участвовали в научных мероприятиях в Софии, посвященных 100-летию Первой Балканской войны, а в 2013 г. – в международной конференции «135 лет спустя: Болгария – Россия – Евразия».

Немалая заслуга принадлежала Ритте Петровне в реализации совместных с болгарской стороной проектов. Результатами напряженной работы явилось издание серии «Болгаро-русские научные дискуссии», в которой вышли сборники статей: «Болгария в сфере советских интересов» (София, 1998); «Болгария и Россия в XX веке» (София, 2000); «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века» (Москва, 2002);

«1956 год» (Москва, 2008); «Болгария и Россия: между признательностью и прагматизмом» (София, 2008); «Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв.» (Москва, 2010); «Россия и Запад в Юго-Восточной Европе: политические и социокультурные аспекты. XVIII–XXI вв.» (София, 2011), «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.» (Москва, 2014). Ритта Петровна была инициатором и активным участником и последних научных сборников: «О чем поведают архивы. Российско-болгарские отношения и связи» (Москва, 2011), «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.» (Москва, 2014).

Ритта Петровна всегда занимала четкую и активную жизненную позицию. Особенно ярко она проявилась в период российской перестройки. Руководимая ею институтская стенгазета была тогда важным элементом жизни нашего коллектива. Газету ждали, в ее создании активно участвовали, ею гордились как «лицом» Института, отличавшим его от других академических учреждений. В «старо-новое, переходное время», по определению Ритты Петровны, газета превратилась в поле дискуссий по самым разнообразным волновавшим сотрудников вопросам – от Устава Академии наук и выборов директора Института до Катынского дела. «Не все принимали новое, происходящее в обществе, да и в Институте, – вспоминала Ритта Петровна. – Однажды газету сорвали. В другой раз сняли и отдали „на проверку“ представителю “органов”», но времена были уже другими, и «оргвыводов» не последовало.

Вся жизнь Ритты Петровны связана с нашим Институтом. Она всегда была в числе тех, кто формировал его особую атмосферу семьи, в которой случается всякое, но которая дарит ощущение защищенности, надежного плеча и, если случается, то и «жилетки», к которой можно припасть в трудную минуту... Совсем недавно в Инславе отметили юбилей Ритты Петровны. Поздравляя уважаемую коллегу, мы желали ей творческого долголетия, здоровья, новых научных поисков и открытий. Судьба распорядилась иначе...

Нам будет очень не хватать Вас, дорогая Ритта Петровна!
Светлая Вам память!

Коллеги и друзья

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре
славянских народов

Сборник статей

Ответственный редактор: Е.С. Узенёва

Оригинал-макет: А.А. Улыбина

Подписано в печать 28.05.2015 г. Объем 28,5 п.л.

Тираж – 300 экз. Формат 60x84/16.